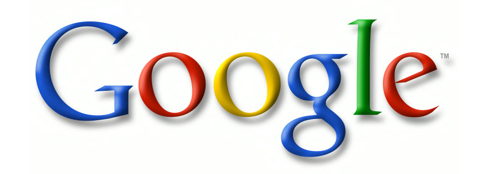
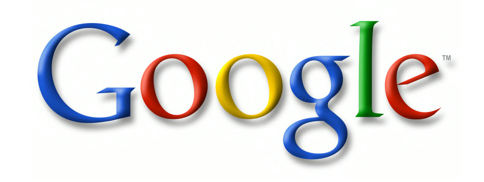
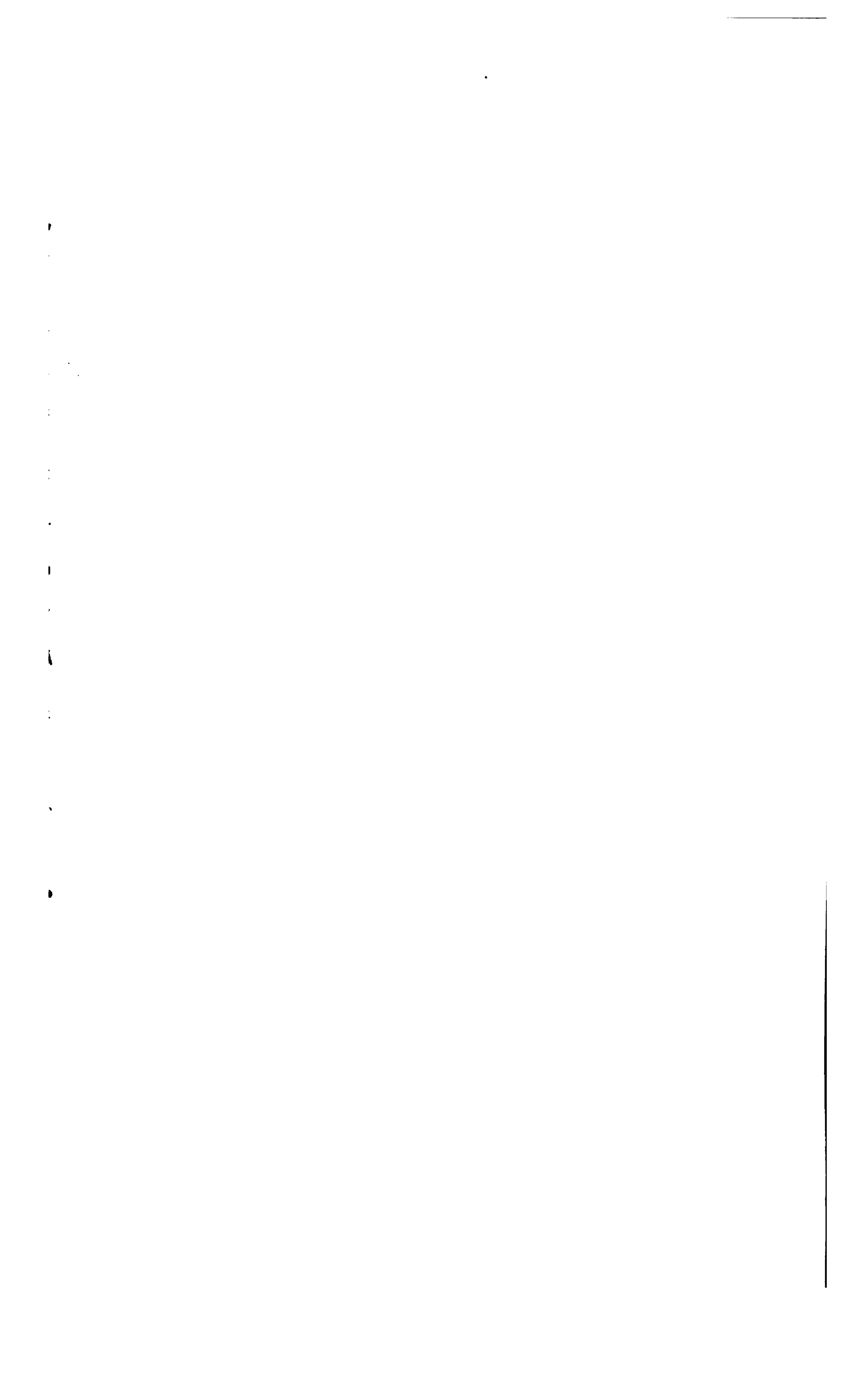

Google

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ

ЖУРНАЛЪ ИСТОРІИ-ПОЛИТИКИ-ЛИТЕРАТУРЫ.

ЧЕТВЕРТЫЙ ГОДЪ.—КНИГА 4-ая.

АПРѢЛЬ. 1869.

ПЕТЕРБУРГЪ.

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ

ЖУРНАЛЪ ИСТОРІИ·ПОЛИТИКИ·ЛИТЕРАТУРЫ.

ЧЕТВЕРТЫЙ ГОДЪ.—КНИГА 4-ая.

АПРѢЛЬ. 1869.

ПЕТЕРБУРГЪ.

ИСТОРІЯ, БІОГРАФІЯ, МЕМУАРЫ, ПЕРЕПИСКА, ПУТЕШЕСТВІЯ, ПОЛИТИКА, ФИЛОСОФІЯ, ЛИТЕРАТУРА, ИСКУССТВА.

КНИГА 4-ая. — АПРѢЛЬ, 1869.

NB. Редакція имѣетъ честь обратить вниманіе иногороднихъ подписчиковъ на прав... подписки, помѣщенныя ею на послѣдней страницѣ обертки, для предупрежденія недоум... и сокращенія переписки въ случаѣ жалобы на потерю книжки журнала.

ОБРЫВЪ

РОМАНЪ*).

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

I.

Вѣра, разставшись съ Райскимъ, еще подождала, чутко вслушиваясь, не слѣдуетъ ли онъ за ней, и вдругъ бросилась въ кусты, раздвигая вѣтви зонтикомъ и скользя, какъ тѣнь, по знакомой ей тропинкѣ. Она пробралась къ развалившейся и полусгнившей бесѣдкѣ въ лѣсу, который когда-то составлялъ часть сада. Крыльцо отдѣлилось отъ нея, ступени разсохлись, полъ въ ней осѣлъ, и нѣкоторыя доски провалились, а другія шевелились подъ ногами. Оставался только покрившійся на бокъ столъ, да двѣ скамьи, когда-то зеленыя, и уцѣлѣла еще крыша, заросшая мхомъ.

Въ бесѣдкѣ сидѣлъ Маркъ. На столѣ лежало ружье и кожаная сумка.

— Онъ подалъ Вѣрѣ руку и почти втащилъ ее въ бесѣдку по сломаннымъ ступенямъ.

— Что такъ поздно?

- Братъ задержалъ, сказала она, поглядѣвъ на часы.—Впро-
я только четверть часа опоздала. Ну, что вы: ничего не
лось новаго?

- А что должно случиться? спросилъ онъ: развѣ вы ждали?

---

*) См. выше, янв. 5; февр. 497; мар. 5—153 стр.

— Не посадили ли на гауптвахту опять, или въ полицію? Я каждый день жду.....

— Нѣтъ: я теперь сталъ осторожнѣе, послѣ того, какъ Райскій порисовался и свеликодушничалъ: взялъ на себя исторію о книгахъ...

— Вотъ этого я не люблю въ васъ, Маркъ...

— Чего «этого?»

— Какой-то сухости, даже злости ко всему, кромѣ себя. Братъ не рисовался совсѣмъ: онъ даже не сказалъ мнѣ. Вы не хотите оцѣнить доброй услуги...

— Я цѣню по своему.

— Какъ волкъ оцѣнилъ услугу журавля: ну, чтὸбы сказать ему «спасибо» отъ души, просто, какъ онъ просто сдѣлалъ? Прямой вы волкъ! заключила она замахнувшись ласково зонтикомъ на него.—Все отрицать, порицать, коситься на всѣхъ... Гордость это, или...

— Или что̀?

— То же рисовка, позированье, новый образъ воспитанія «грядущей силы...»

— Ахъ, вы насмѣшница, сказалъ онъ, садясь подлѣ нея:— вы еще молоды, не пожили, не успѣли отравиться всѣми прелестями добраго стараго времени. Когда я научу васъ человѣческой правдѣ?

— А когда я отъучу васъ отъ волчьей лжи?

— За словомъ въ карманъ не хо̀дите: умница! Съ вами не скучно. Еслибъ еще къ этому...

Онъ почесалъ задумчиво голову.

— Въ полицію посадили! договорила она. — Кажется, только этого не достаетъ для вашего счастья.

— Не будь васъ, давно бы куда-нибудь упекли. Вы мѣшаете...

— Вамъ скучно жить мирно: бури хочется! А обѣщали мнѣ, и другую жизнь, и чего-чего не обѣщали! Я была такъ счастлива, что даже дома замѣтили экстазъ. А вы опять за свое!

Онъ взялъ ее за руку.

— Хорошенькая рука: сказа̀лъ онъ, цѣлуя нѣсколько разъ и потянулся поцѣловать ее въ щеку, но она отодвинулась.

— Опять! сказалъ онъ: скоро ли это воздержаніе кончится? Вы, должно быть, боитесь Успенскаго поста? Или бережете ласки для......

— Не люблю я, когда вы такъ шутите! отдернувъ руку сказала она. — Вы это знаете.

— Тонъ нехорошъ?

— Да, непріятный. Прежде отучитесь отъ него, и вообще

отъ этихъ волчьихъ манеръ: это и будетъ первый шагъ къ человѣческой правдѣ.

— Ахъ вы барышня! дѣвочка! На какой еще азбукѣ сидите вы: на манерахъ да на тонѣ! Какъ медленно развиваетесь вы въ женщину: передъ вами свобода, жизнь, любовь, счастье — а вы разбираете тонъ, манеры! Гдѣ же человѣкъ, гдѣ женщина въ васъ?... Какая тутъ «правда!»

— Вотъ теперь какъ Райскій заговорили....

— А что онъ: — все страстенъ?

— Еще больше. Я не знаю, право, чтó съ нимъ дѣлать.

— Чтó? Дурачить, тянуть....

— Гадко, неловко, совѣстно, сказала она, качая головой.—И не умѣю я: это не мое дѣло!

— Совѣстно! Вы думаете, онъ не дурачитъ васъ?

Она покачала съ сомнѣніемъ головой.

— Нѣтъ, онъ, кажется, увлекается...

— Тѣмъ хуже: онъ ухаживаетъ, какъ за своей крѣпостной. Эти стихи, чтò вы мнѣ показывали, отрывки вашихъ разговоровъ — все это ясно, что онъ ищетъ развлеченія. Надо его проучить...

— Лучше все открыть ему — онъ уѣдетъ. Онъ говоритъ, что тайна поддерживаетъ въ немъ раздраженіе и что если онъ узнаетъ все, то успокоится и уѣдетъ...

— Вретъ: не вѣрьте, хитритъ. А лишь узнаетъ, то возненавидитъ васъ, или будетъ читать мораль, еще скажетъ, пожалуй, бабушкѣ.....

— Боже сохрани! перебила Вѣра, вздрогнувъ, — если ей скажетъ кто-нибудь другой, а не мы сами... Ахъ, скорѣе бы! Уѣхать мнѣ развѣ на время?..

— Куда вы уѣдете! Надолго—нельзя и некуда, а не надолго— только раздражите его. Вы уѣзжали: что жъ вышло? Нѣтъ, одно средство: не показывать ему истины, а водить. Пусть поретъ горячку, читаетъ стихи, смотритъ на луну..... Вѣдь онъ неизлечимый романтикъ... Послѣ отрезвится и уѣдетъ...

Она вздохнула въ отвѣтъ. — Онъ не романтикъ, а поэтъ, артистъ. Я начинаю вѣрить въ него. Въ немъ много чувства, правды... Я ничего не скрыла бы отъ него, еслибъ у него у самого не было ко мнѣ того, чтò онъ называетъ страстью. Только чтобъ его немного охладить, я рѣшаюсь на эту глупую, двойную роль... Лишь отрезвится, я сейчасъ ему скажу первая все— и мы будемъ друзья...

— Да ну его! сказалъ Маркъ, взявъ ее опять за руку. — Мы не за тѣмъ сошлись, чтобъ заниматься имъ.

Онъ молча цѣловалъ у ней руку. Она задумчиво отдала ее ему на волю.

— Ну — что́ же вы? спросила она, отряхивая задумчивость.

— А что?

— Что̀ дѣлали, съ кѣмъ видѣлись это время? не проговорились ли опять чего-нибудь о «грядущей силѣ», да о «зарѣ будущаго», о «юныхъ надеждахъ?» Я такъ и жду каждый день: иногда отъ страха и тоски не знаю куда дѣться!

— Нѣтъ, нѣтъ, смѣясь сказалъ Маркъ: не бойтесь. Я бросилъ этихъ скотовъ: не стоитъ съ ними связываться.

— Ахъ, дай Богъ: умно бы сдѣлали! Вы хуже Райскаго въ своемъ родѣ: вамъ бы нужнѣе былъ урокъ. Онъ артистъ: рисуетъ, пишетъ повѣсти. Но я за него не боюсь, а за васъ у меня душа не покойна. Вонъ у Лозгиныхъ младшій сынъ, Володя, — ему четырнадцать лѣтъ — и тотъ вдругъ объявилъ матери, что не будетъ ходить къ обѣдни.

— Что же?

— Высѣкли: стали добираться — отчего? На старшаго показалъ. А тотъ забрался въ дѣвичью, да горничнымъ цѣлый вечеръ проповѣдывалъ, что глупо ѣсть постное, что Бога нѣтъ и что замужъ выходить нелѣпо....

— Ахъ! съ ужасомъ произнесъ Маркъ. — Ужели это правда: въ дѣвичьей! А я съ нимъ цѣлый вечеръ, какъ съ путнымъ говорилъ, далъ ему книгъ и.....

— Ужъ онъ въ книжную лавку ходилъ съ ними: «вотъ бы, говоритъ купцамъ, какими книгами торговали!..» Ну, если онъ проговорится, про васъ, Маркъ? съ глубокимъ и нѣжнымъ упрекомъ сказала Вѣра: то ли вы обѣщали мнѣ всякій разъ, когда разставались и просили видѣться опять?

— Все это было давно: теперь я не связываюсь съ ними, послѣ того какъ обѣщалъ вамъ: не браните меня, Вѣра! нахмурясь сказалъ Маркъ.

Онъ тяжело задумался.

— Еслибъ не вы, сказалъ онъ, взявъ ее опять за руку: — завтра бѣжалъ бы отсюда.

— А куда? Вездѣ все тоже: вездѣ есть мальчики, которымъ хочется, чтобъ поскорѣй усы выросли, и дѣвичьи тоже всюду есть... Вѣдь взрослые не станутъ слушать. И вамъ не стыдно своей роли? сказала она, помолчавъ и перебирая рукой его волосы, когда онъ наклонился лицомъ къ ея рукѣ. — Вы вѣрите въ нее, считаете ее не шутя призваніемъ?

Онъ поднялъ голову.

— Роль, — какую роль: вспрыснуть живой водой мозги?

— А вы убѣждены, что это живая вода?

— Послушайте, Вѣра: я не Райскій, продолжалъ онъ, вставъ со скамьи.—Вы женщина, и еще не женщина, а почка: васъ еще надо развернуть, обратить въ женщину. Тогда вы и узнаете много тайнъ, которыхъ и не снится дѣвичьимъ головамъ, и которыхъ растолковать нельзя: онѣ доступны только опыту.... Я зову васъ на опытъ, указываю, гдѣ жизнь и въ чемъ жизнь: а вы остановились на порогѣ и уперлись. Обѣщали такъ много, а идете впередъ такъ туго — и еще учить хотите. А главное — не вѣрите!

— Не сердитесь, сказала она груднымъ голосомъ, отъ сердца, искренно: я соглашаюсь съ вами въ томъ, что̀ кажется мнѣ вѣрно и честно, и если нейду рѣшительно на эту вашу жизнь и на опыты, такъ это потому, что хочу сама знать и видѣть, куда иду.

— То-есть хочу разсуждать!

— Чего же вы требуете: чтобъ я не разсуждала?

— Чего, чего! повторилъ онъ: во-первыхъ, я люблю васъ и требую отвѣта полнаго..... А потомъ вѣрьте мнѣ и слушайтесь! Развѣ во мнѣ меньше пылу и страсти, нежели въ вашемъ Райскомъ, съ его поэзіей? Только я не умѣю говорить о ней поэтически, да и не надо. Страсть—не разговорчива... А вы не вѣрите, не слушаетесь!..

— Посмотрите, чего вы хотите, Маркъ, чтобъ я была глупѣе самой себя. Сами проповѣдывали свободу, а теперь хотите быть господиномъ, и топаете ногой, что я не покоряюсь рабски...

— Если у васъ нѣтъ довѣрія ко мнѣ, васъ одолѣваютъ сомнѣнія, оставимъ другъ друга, сказалъ онъ: такъ—наши свиданія продолжаться не могутъ...

— Да, лучше оставимъ, сказала и она рѣшительно, — а я слѣпо никому и ничему не хочу вѣрить, не хочу! Вы уклоняетесь отъ объясненій, тогда какъ я только вижу во снѣ и на яву, чтобъ между нами не было никакого тумана, недоразумѣній, чтобъ мы узнали другъ друга и вѣрили... А я не знаю васъ и... не могу вѣрить!

— Ахъ, Вѣра! сказалъ онъ съ досадой.—Вы все еще, какъ цыпленокъ, прячетесь подъ юбки вашей насѣдки бабушки: у васъ ея понятія о нравственности. Страсть одѣваете въ какой-то фантастическій нарядъ, какъ Райскій... Чѣмъ бы прямо отъ опыта допроситься истины... и тогда повѣрили бы... говорилъ онъ, глядя въ сторону. — Оставимъ всѣ прочіе вопросы—я не трогаю ихъ. Дѣло у насъ прямое и простое: мы любимъ другъ друга... Такъ или нѣтъ?

— Что же, Маркъ, изъ этого?

— Ну, если мнѣ не вѣрите, такъ посмотрите кругомъ: весь вѣкъ живете въ полѣ и лѣсу и не видите этихъ опытовъ... Смотрите сюда, смотрите тамъ...

Онъ показалъ ей на кучку кружившихся другъ около друга голубей, потомъ на мелькнувшихъ одна въ догонку другой ласточекъ. Учитесь у нихъ: они не умничаютъ!

— Да, сказала она: смотрите и вы: вонъ, онѣ кружатся около гнѣздъ.

Онъ отвернулся.

— Вонъ одна опять полетѣла, вѣроятно за кормомъ...

— И къ зимѣ всѣ разлетятся! небрежно, глядя въ сторону, говорилъ онъ.

— А къ веснѣ воротятся опять въ тоже гнѣздо, замѣтила она.

— Я вотъ слушаюсь васъ и вѣрю, когда вижу, что вы дѣло говорите, сказалъ онъ.—Васъ смущала рѣзкость во мнѣ,—я сдерживаюсь. Отыскалъ я старыя манеры и скоро буду, какъ Титъ Никонычъ, шаркать ножкой, кланяясь и улыбаться. Не бранюсь, не ссорюсь, меня не слыхать. Пожалуй, скоро ко всенощной пойду... Чего еще!

— Все это шутки: — не того хотѣла я! сказала она, вздохнувъ.

— Чего-же?

— Всего! Если не всего, такъ многаго! И до сихъ поръ не добилась, чтобъ вы поберегли себя... хоть для меня, перестали бы «вспрыскивать мозги» и остались здѣсь, были бы, какъ другіе... тихо добавила она.

— А если я дѣйствую по убѣжденію?

— Чего вы хотите, чего надѣетесь?

— Учу дураковъ!

— Чему? знаете ли сами? Тому-ли, о чемъ мы съ вами годъ здѣсь споримъ? вѣдь жить такъ нельзя, какъ вы говорите. Это все очень ново, смѣло, занимательно...

— Э! мы опять за тоже! опять съ горы потянуло мертвымъ воздухомъ! перебилъ Маркъ.

— Вотъ и весь вашъ отвѣтъ, Маркъ — сказала она кротко: все прочь, все ложь,—а что̀ правда—вы сами не знаете... Отъ того я и недовѣрчива...

— У васъ рефлексія беретъ верхъ надъ природой и страстью, сказалъ онъ: вы барышня, за-мужъ хотите! Это не любовь!... Это скучно: мнѣ надо любви, счастья... твердилъ онъ, качая головой.

Вѣра вспыхнула.

— Еслибъ я была барышня и хотѣла только за-мужъ, то, конечно, выбрала бы для этого кого-нибудь другого, Маркъ! сказала она, вставая съ мѣста.

— Простите—я грубъ: извинялся онъ, цѣлуя у ней руку.— Но вы сдерживаете чувство, медлите, чего-то допытываетесь, вмѣсто того, чтобъ наслаждаться...

— Допытываюсь, ктó и чтó вы, потому что не шучу чувствомъ. А вы на него смотрите легко, какъ на развлеченіе...

— Нѣтъ, какъ на насущную потребность, слѣдовательно тоже не шучу... Какія шутки! Я не сплю по ночамъ, какъ Райскій.— Это пытка! Я никогда не думалъ, чтобъ раздраженіе могло зайти такъ далеко!

Онъ говорилъ почти съ злостью.

— Вы говорите, что любите, видите, что я люблю, я зову васъ къ счастью, а вы его боитесь...

— Нѣтъ, я только не хочу его на мѣсяцъ, на полгода...

— А на цѣлую жизнь и за гробомъ тоже? насмѣшливо спросилъ онъ.

— Да, на цѣлую жизнь: я не хочу предвидѣть ему конца, а вы предвидите и предсказываете: я и не вѣрю и не хочу такого счастья; оно не искренно и не прочно...

— Когда же я предсказывалъ?

— Много разъ: не нарочно, можетъ быть, а я не пропустила. «Что это за заглядыванье въ даль? твердили вы: что за филистерство — непремѣнно отмѣривать себѣ счастье саженями да пудами? Хватай, лови его на лету, и потомъ, послѣ двухъ, трехъ глотковъ, бѣги прочь, чтобъ не опротивѣло, и ищи другого! Не давай яблоку свалиться, рви его скорѣй и завтра рви другое. Не кисни на одномъ мѣстѣ, какъ улитка, и не вѣшайся на одномъ сучкѣ. Виснуть на шеѣ другъ друга, пока виснется, потомъ разойтись»... Это все вы раскидали по своимъ проповѣдямъ. Стало быть, у васъ это сдѣлалось убѣжденіемъ...

— Ну, «стало быть»: такъ что же? Вы видите, что это не притворство! Отъ чего же не вѣрите?

— Отъ того, что вѣрю чему-то другому, лучше, вѣрнѣе, и хочу...

— Обратить меня въ эту вѣру?

— Да! сказала она: хочу—и это одно условіе моего счастья: я другого не знаю и не желаю...

— Прощайте, Вѣра, вы не любите меня: вы слѣдите за мной, какъ шпіонъ, ловите слова, дѣлаете выводы... И вотъ, всякій разъ, какъ мы наединѣ, вы — или спорите, или пытаете

меня,—а на пунктѣ счастья мы все тамъ же, гдѣ были... Любите Райскаго: вотъ вамъ задача! Изъ него, какъ изъ куклы, будете дѣлать, что̀ хотите: наряжать во всѣ бабушкины отрепья, или дѣлать изъ него каждый день новаго героя романа, и этому конца не будетъ. А мнѣ некогда, у меня есть дѣла...

— А, видите, дѣла? А любовь, счастье — забава?

— А вы хотѣли бы, по старому, изъ одной любви сдѣлать жизнь, гнѣздо — вонъ такое, какъ у ласточекъ: сидѣть въ немъ и вылетать за кормомъ? Въ этомъ и вся жизнь!

— А вы хотѣли бы на минуту влетѣть въ чужое гнѣздо и потомъ забыть его...

— Да, если оно забудется. А если не забудется — воротиться. Или прикажете принудить себя воротиться, если и не хочется? Это свобода? Вы какъ хотѣли бы?

— Я этого не понимаю—этой птичьей жизни, сказала она.— Вы, конечно, не серьезно указали вокругъ, на природу, на животныхъ...

— А вы — не животное: духъ, ангелъ — безсмертное созданіе? Прощайте Вѣра, мы ошиблись: мнѣ надо не ученицу, а товарища.

— Да, Маркъ, товарища, пылко возразила она: — такого же сильнаго, какъ вы — равнаго вамъ — да, не ученицу, согласна, — но товарища на всю жизнь! Такъ?

Онъ не отвѣчалъ на ея вопросъ, какъ будто не слыхалъ его.—Я думалъ, продолжалъ онъ, что мы скоро сойдемся и потомъ разойдемся или не разойдемся — это зависитъ отъ организмовъ, отъ темпераментовъ, отъ обстоятельствъ. Свобода съ обѣихъ сторонъ — и затѣмъ —что̀ выпадетъ кому изъ насъ на долю: радость, ли обоимъ, наслажденіе, счастье, или одному радость, покой, другому мука и тревоги—это уже не наше дѣло. Это указала бы сама жизнь, а мы исполнили бы слѣпо ея назначеніе, подчинились бы ея законамъ. А вы вдались въ анализъ послѣдствій, миновали опыты — и отъ того судите вкривь и вкось, какъ старая дѣва. Вы не отдѣлались отъ бабушки, губернскихъ франтовъ, офицеровъ и тупоумныхъ помѣщиковъ. А гдѣ правда и свѣтъ — еще не прозрѣли! Я ошибся! Спи, дитя! Прощайте! Постараемся не видаться больше...

— Да, постараемся, Маркъ! уныло произнесла она: мы счастливы быть не можемъ... Ужели не можемъ! всплеснувъ руками, сказала она. — Что̀ намъ мѣшаетъ! Послушайте... остановила она его тихо, взявъ за руку. — Объяснимся до конца... Посмотримъ, нельзя ли намъ согласиться?..

Она замолчала и утонула въ задумчивости, какъ убитая.

Онъ ничего не отвѣчалъ, встряхнулъ ружье на плечо, вышелъ изъ бесѣдки и пошелъ между кустовъ. Она оставалась неподвижная, будто въ глубокомъ снѣ, потомъ вдругъ очнулась, съ грустью и удивленіемъ глядѣла вслѣдъ ему, не вѣря, чтобы онъ ушелъ.

«Говорятъ: «кто не вѣритъ — тотъ не любитъ», думала она: я не вѣрю ему, стало быть... и я... не люблю его? Отъ чего же мнѣ такъ больно, тяжело... что онъ уходитъ? Хочется упасть и умереть здѣсь!..»

— Маркъ! сказала она тихо. Онъ не оглядывался.

— Маркъ! громче повторила она. Онъ шелъ.

— Маркъ! крикнула она и прислушивалась, не дыша. Маркъ быстро шелъ подъ гору. Она измѣнилась въ лицѣ и минутъ черезъ пять машинально повязала голову косынкой, взяла зонтикъ и медленно, задумчиво, поднялась на верхъ обрыва. «Правда и свѣтъ, сказалъ онъ, думала она, идучи: гдѣ же вы? Тамъ ли, гдѣ онъ говоритъ, куда влечетъ меня... сердце? И сердце ли это? И ужели я резонерка? Или правда здѣсь»?.. говорила она, выходя въ поле и подходя къ часовнѣ. Молча, глубоко глядѣла она въ смотрящій на нее, задумчивый взоръ образа.

«Уже ли *онъ* не пойметъ этого никогда и не воротится—ни сюда... къ этой вѣчной правдѣ... ни ко мнѣ: къ правдѣ моей любви? шептали ея губы: никогда! какое ужасное слово!»

II.

Она бродила дня четыре по рощѣ, ждала въ бесѣдкѣ, но ничего не дождалась. Маркъ туда не приходилъ. «Постараемся не видаться больше»: это были его послѣднія слова. «Нельзя ли намъ согласиться?» отвѣчала она — и онъ не обернулся на эту надежду, на этотъ зовъ сердца. Отъ Райскаго она не пряталась больше. Онъ слѣдилъ за ней напрасно, ничего не замѣчалъ и впадалъ въ уныніе. Она не получала и не писала никакихъ таинственныхъ писемъ, обходилась съ нимъ ласково, но больше была молчалива, даже грустна.

Онъ чаще прежняго заставалъ ее у часовни молящеюся. Она не таилась, и даже однажды приняла его предложеніе проводить ее до деревенской церкви на гору, куда ходила одна, и во время службы и внѣ службы, долго молясь и стоя на колѣняхъ неподвижно, задумчиво, съ поникшей головой. Онъ тихо стоялъ сзади ея, боясь пошевелиться и вызвать ее изъ молитвеннаго сна, и наблюдалъ, онѣмѣвъ въ углу за колонной. По-

томъ молча подавалъ ей зонтикъ или мантилью. Она, не глядя на него, принимала его руку и, не говоря ни слова, опираясь иногда ему на плечо, въ усталости шла домой. Она пожимала ему руку и уходила къ себѣ.

А онъ шелъ мучиться сомнѣніями и страдалъ за себя и за нее. Она не подозрѣвала его тайныхъ мукъ, не подозрѣвала и того, какою страстною любовью охваченъ былъ онъ къ ней— какъ къ женщинѣ человѣкъ и какъ къ идеалу художникъ.

Не знала она и того, что рядомъ съ этой страстью, на которую онъ самъ напросился, которую она, по его настоянію, позволила питать, частію затѣмъ, что надѣялась этой уступкой угомонить ее, частію повинуясь совѣту Марка, чтобы отводить его глаза отъ обрыва и вмѣстѣ «проучить», слегка, дружески, добродушно посмѣявшись надъ нимъ,—не знала она, что у него въ душѣ все еще гнѣздилась и надежда на взаимность, на отвѣтъ, если не страсти его, то на чувство женской дружбы, хоть чего-нибудь. И какъ легко вѣрилось ему,—не смотря на очевидность ея посторонних мукъ, на таинственныя прогулки на дно обрыва,— потому что хотѣлось вѣрить. Безсознательно онъ даже боялся разувѣряться окончательно въ надеждѣ на взаимность. Вѣрить въ эту надежду было его счастьемъ — и онъ всячески подогрѣвалъ ее въ себѣ. Онъ, иначе, въ свою пользу, старался объяснить загадочность этихъ прогулокъ. «Эти выстрѣлы, думалъ онъ, значатъ, можетъ быть, что-нибудь другое: тутъ не любовь, а иная тайна играетъ роль. Можетъ быть, Вѣра несетъ крестъ какой-нибудь роковой ошибки: кто-нибудь покорилъ ея молодость и неопытность и держитъ ее подъ другимъ злымъ игомъ, а не подъ игомъ любви, что этой послѣдней и нѣтъ у нея, что она просто хочетъ тамъ выпутаться изъ какого-нибудь узла, завязавшагося въ раннюю пору дѣвическаго невѣдѣнія, что всѣ эти прыжки съ обрыва, тайны, синія письма — больше ничего, какъ отступленія—не передъ страстью, а передъ другой темной тюрьмой, куда ее загналъ фальшивый шагъ и откуда она не знаетъ, какъ выбраться... Что въ ней проговаривается любовь... къ нему... къ Райскому. Что она готова броситься къ нему на грудь и на ней искать спасенія...» Ему казалось иногда, что она обращала къ нему нѣмой, молящій взглядъ о помощи, или вопросительно глядѣла на него, какъ будто пытая, силенъ ли и воленъ ли онъ поднять, оправить ее, поставить на ноги, уничтоживъ невидимаго врага и вывести на прямой путь?

Такъ онъ мечталъ, волновался, падалъ въ бездну безнадежности и опять выносила его волна на верхъ—и все отъ одного, небрежно брошеннаго ею слова: «люблю васъ...» Онъ вздраги-

валъ отъ счастья, нужды нѣтъ, что слово это сопровождалось русалочнымъ взглядомъ, что съ этимъ словомъ она исчезла съ обрыва. «Если не правда, зачѣмъ она сказала это: для шутки — жестокая шутка? Женщина не станетъ шутить надъ любовью къ себѣ, хотя бы и не раздѣляла ее. Стало быть — не вѣритъ мнѣ.. и тому, что̀ я чувствую къ ней, какъ я терзаюсь!»

Онъ мучился въ трескучемъ пламени этихъ сомнѣній, этой созданной себѣ пытки, и иногда рыдалъ, не спалъ ночей, глядя на слабый огонь въ ея окнѣ. «Не подозрѣваетъ, какое злое дѣло дѣлаетъ она со мной!» «Палачъ въ юбкѣ!» сквозь зубы шипѣлъ онъ. И вдругъ отрезвлялся, чуялъ ложь этого ея «васъ люблю», ложь своей пьяной увѣренности въ ея любви, ложь своего положенія.

Однажды въ сумерки опять онъ засталъ ее у часовни молящеюся. Она была покойна, смотрѣла свѣтло, съ тихой увѣренностью на лицѣ, съ какою-то покорностью судьбѣ, какъ будто примирилась съ тѣмъ, что выстрѣловъ давно не слыхать, что съ обрыва ходить болѣе не нужно. Такъ и онъ толковалъ это спокойствіе, и тутъ же тотчасъ готовъ былъ опять вѣрить своей мечтѣ о ея любви къ себѣ. Она ласково подала ему руку и сказала, что рада его видѣть, именно въ эту минуту, когда у ней покойнѣе на сердцѣ. Она, въ эти дни, послѣ свиданія съ Маркомъ, вообще старалась казаться покойной и дома, за обѣдомъ, къ которому являлась каждый день, она брала надъ собой невѣроятную силу, говорила со всѣми, даже шутила иногда, старалась ѣсть. Бабушка ничего не видала: такъ казалось, по крайней мѣрѣ, не слѣдила за ней подозрительно, не кидала косыхъ взглядовъ.

— Вѣра, ты простишь меня, если я заговорю... началъ робко Райскій у часовни.

— Все прощу, братъ; говорите, кротко отвѣчала она.

— Ты не можешь вообразить себѣ, какъ я счастливъ, что ты стала покойнѣе. Посмотри, какимъ миромъ сіяетъ у тебя лицо: гдѣ ты почерпнула этотъ миръ? Тамъ?—Онъ указалъ на часовню.

— Гдѣ же больше?

— Ты... не ходишь, кажется, больше туда? продолжалъ онъ, указывая къ обрыву.

Она покачала головой.

— И не пойду, тихо сказала она.

— Слава Богу—какое счастье! Куда ты теперь: домой? Дай руку мнѣ: я провожу тебя.

Онъ взялъ ее подъ руку и они тихо пошли по тропинкѣ луга.

— Ты борешься... Вѣра, и отчаянно борешься: этого не скроешь..., шепталъ онъ.

Она шла съ поникшей головой. Это молчаніе дало ему надежду, что она выскажется до конца.

— Когда ты одолѣешь мучительную и опасную страсть... продолжалъ онъ и остановился, ожидая, не подтвердитъ ли она эти его намеки явнымъ сознаніемъ.

— Что̀ же, братъ, тогда? спросила она уныло.

— Ты выйдешь съ громаднымъ опытомъ, закаленная противъ всякихъ другихъ бурь...

— Куда и для чего я выйду?

— Для лучшей доли...

— Какой лучшей доли?

Онъ молчалъ, вспоминая, какую яркую картину страсти чертилъ онъ ей въ первыхъ встрѣчахъ и какъ усердно толкалъ ее подъ ея тучу. А теперь самъ не зналъ, какъ вывести ее изъ-подъ нея.

— Доли трезваго, глубокаго, разумнаго и прочнаго счастья, которое бы протянулось на всю жизнь...

— Я иначе счастья и не разумѣю, задумчиво сказала она и остановясь опустила лобъ на его плечо, какъ будто усталая. Онъ поглядѣлъ ей въ глаза: въ нихъ стояли слезы. Онъ не подозрѣвалъ, что вложилъ палецъ въ рану, коснувшись главнаго пункта ея разлада съ Маркомъ, основной преграды къ «лучшей долѣ!»

— Ты плачешь... Вѣра, другъ мой! сказалъ онъ съ участіемъ.

Въ эту минуту раздался внизу обрыва выстрѣлъ и шипящимъ эхомъ прокатился по горѣ. Вѣра и Райскій оба вздрогнули. Она, какъ будто испугалась, подняла голову и на минуту оцѣпенѣла, все слушая. Глаза у ней смотрѣли широко и неподвижно. Въ нихъ еще стояли слезы. Потомъ отняла съ силой у него руку и рванулась къ обрыву. Онъ за ней. Она остановилась на полудорогѣ, приложивъ руку къ сердцу, и опять слушала.

— Пять минутъ назадъ ты была̀ тверда, Вѣра, говорилъ онъ, блѣдный, и тоже не менѣе ея взволнованный выстрѣломъ.

Она поглядѣла машинально на него, не слушая, и сдѣлала шагъ опять къ обрыву, но повернула назадъ и медленно пошла къ часовнѣ. «Да, да, шептала она: — я не пойду. Зачѣмъ онъ зоветъ: ужели въ эти дни совершился переворотъ?... Нѣтъ, нѣтъ, не можетъ быть, чтобы онъ...» Она стала на порогѣ часовни на колѣни, закрыла руками лице и замерла неподвижно. Райскій тихо подошелъ къ ней сзади.

— Не ходи, Вѣра... шепталъ онъ.

Она вздрогнула, но глядѣла напряженно на образъ: глаза его смотрѣли задумчиво, безстрастно. Ни одного луча не свѣтилось въ нихъ, ни призыва, ни надежды, ни опоры. Она съ ужасомъ выпрямилась, медленно вставая съ колѣнъ. Бориса она будто не замѣчала. Раздался другой выстрѣлъ. Она стремительно бросилась по лугу къ обрыву. «Что, ежели онъ возвращается... если моя «правда» взяла верхъ? Иначе, зачѣмъ зоветъ?... О, Боже!» думала она, стремясь на выстрѣлъ.

— Вѣра! Вѣра! въ ужасѣ говорилъ Райскій, протягивая руки, чтобъ ей помѣшать. Она, не глядя на него, своей рукой устранила его руки и, едва касаясь ногами травы, понеслась по лугу, не оглянулась назадъ и скрылась за деревьями сада, въ аллеѣ, ведущей къ обрыву.

Райскій онѣмѣлъ на мѣстѣ. «Что это: тайна роковая, или страсть? спрашивалъ онъ: — или — и то, и другое?»

III.

Вѣра вечеромъ пришла къ ужину, угрюмая, попросила молока, съ жадностью выпила стаканъ и ни съ кѣмъ не сказала ни слова.

— Что ты такая скучная, Вѣрочка, — здорова ли? спросила бабушка сухо.

— Да, я не смѣлъ васъ спросить объ этомъ, вѣжливо вмѣшался Титъ Никонычъ: — но съ нѣкоторыхъ поръ (при этомъ Вѣра сдѣлала движеніе плечами) нельзя не замѣтить, что вы, Вѣра Васильевна, измѣнились... какъ будто похудѣли... и блѣдны немножко... Это къ вамъ очень, очень идетъ, любезно прибавилъ онъ: — но при этомъ надо обращать вниманіе на то: не суть ли это признаки болѣзни?...

— Да, у меня зубы немного болятъ, нехотя отвѣчала Вѣра.— Это скоро пройдетъ...

Бабушка глядѣла въ сторону и грустно молчала. Райскій, держа двумя средними пальцами вилку, задумчиво ударялъ ею по тарелкѣ. Онъ тоже ничего не ѣлъ и угрюмо молчалъ. Только Марѳинька съ Викентьевымъ ѣли все, что подавали, и безъ умолку болтали.

— Что̀ вы этому шарику пожелаете? спрашивала Марѳинька.

— Крысу за пазуху! безъ запинки отвѣчалъ Викентьевъ.

— Что вы это? Я бабушкѣ загадала... — И оба старались за-

душить неистовый хохотъ, справившись съ которымъ, Марѳинька разсердилась на своего жениха «за дерзость» противъ бабушки.

— Позвольте посовѣтовать вамъ, Вѣра Васильевна, началъ Титъ Никонычъ, отвѣчая на возраженіе Вѣры: — не пренебрегать здоровьемъ. Теперь августъ: вечера становятся сыры. Вы дѣлаете продолжительныя прогулки — это прекрасно: ничто такъ не поддерживаетъ здоровья, какъ свѣжій воздухъ и моціонъ. Но при этомъ отнюдь не должно позволять себѣ выходить по вечерамъ съ открытой головой, а равно и безъ ботинокъ на толстой подошвѣ. Особенно дамамъ при нѣжной комплексіи... Всего лучше при этомъ брать съ собой косыночку теплую... Я видѣлъ, только что привезли модныя, изъ легкаго козьяго пуха... Я уже пріобрѣлъ три... вамъ, Татьянѣ Марковнѣ и Марѳѣ Васильевнѣ... но безъ вашего позволенія не смѣлъ представить...

Бабушка съ ласковой грустью кивнула ему головой, Вѣра старалась улыбнуться, а Марѳинька безъ церемоніи сказала: «ахъ, какой вы добрый Титъ Никонычъ — послѣ ужина я поцѣлую васъ: вы позволите?»

— Я не позволю, я ревнивъ! сказалъ Викентьевъ.

— Васъ не спросятъ, отвѣчала Марѳинька.

Титъ Никонычъ заливался застѣнчивымъ смѣхомъ.

— Къ вашимъ услугамъ, Марѳа Васильевна... сочту себя счастливымъ... приговаривалъ онъ. «Какая отмѣнная дѣвица!» въ полголоса добавилъ онъ, обращаясь къ Райскому: «это распускающаяся, такъ сказать, роза на стебелькѣ, до коей даже дыханіе вѣтерка не смѣетъ коснуться!»

И чмокнулъ умиленно губами.

«Да, правда, роза въ полномъ блескѣ, подумалъ Райскій со вздохомъ: а та — какъ лилія, «до коей» уже, кажется, касается не вѣтерокъ, а ураганъ».

Онъ глядѣлъ на Вѣру. Она встала, поцѣловала руку у бабушки, вмѣсто поклона взглядомъ простилась съ остальными и вышла.

И другіе встали изъ-за стола. Марѳинька подбѣжала къ Титу Никонычу и исполнила свое намѣреніе.

— Нельзя ли прислать косыночку завтра? шептала она ему: мы утромъ съ Николаемъ Андреичемъ на Волгу уйдемъ... она понадобится....

— Съ полнымъ моимъ удовольствіемъ... говорилъ Титъ Никонычъ, шаркая: самъ завезу...

Она еще поцѣловала его въ лобъ и бросилась къ бабушкѣ.— Ничего, ничего, бабушка, говорила она, заминая вопросъ Татьяны Марковны о томъ, «что она тамъ шепчетъ Титу Никонычу»?

Но не замяла. Титъ Никонычъ не могъ солгать Татьянѣ Марковнѣ и смягчая, извиняя всячески просьбу Мареиньки, передалъ бабушкѣ.

— Попрошайка! упрекнула ее Татьяна Марковна: иди спать—поздно! А вамъ, Николай Андреичъ, домой пора. Съ Богомъ, покойной ночи!

— Я васъ завезу — по обыкновенію: у меня дрожки, сказалъ любезно Титъ Никонычъ.

Едва Вѣра вышла, Райскій ускользнулъ вслѣдъ за ней и тихо шелъ сзади. Она подошла къ рощѣ, постояла надъ обрывомъ, глядя въ темную бездну лѣса, лежащую у ея ногъ, потомъ завернулась въ мантилью и сѣла на свою скамью. Райскій издали далъ знать о себѣ кашлемъ и подошелъ къ ней.

— Я посижу съ тобой, Вѣра, сказалъ онъ: можно?

Она молча отодвинулась, чтобъ дать ему мѣсто.

— Ты очень печальна: ты страдаешь! сказалъ онъ.

— Зубы болятъ, отвѣчала она.

— Нѣтъ, не зубы—ты вся болишь: скажи мнѣ... что у тебя! подѣлись горемъ со мной...

— Зачѣмъ? я съумѣю снести одна. Вѣдь я не жалуюсь.

Онъ вздохнулъ.

— Ты любишь несчастливо — кого? шепнулъ онъ.

— Опять «кого»? Да васъ, Боже мой! сказала она, съ нетерпѣніемъ повернувшись на скамьѣ.

— Къ чему этотъ злой смѣхъ и за что? чѣмъ я заслужилъ его? тѣмъ, что страстно люблю, глупо вѣрю и радъ умереть за тебя...

— Какой смѣхъ! мнѣ не до смѣха! почти съ отчаяніемъ сказала она, встала со скамьи и начала ходить взадъ и впередъ по аллеѣ. Райскій оставался на скамьѣ.

«А я все надѣялась... и надѣюсь еще... безумная! Боже мой! ломая руки, думала она.—Попробую бѣжать на недѣлю, на двѣ: избавиться этой горячки, хоть на время... вздохнуть! силъ нѣтъ»!

Она остановилась передъ Райскимъ.

— Братъ! сказала она: я завтра уѣду за Волгу, — пробуду тамъ, можетъ быть, долѣе обыкновеннаго...

— Этого только не доставало! горестно перебилъ ее Райскій, не давъ договорить.

— Я не простилась съ бабушкой, продолжала она, не обращая вниманія на его слова: она не знаетъ, скажите вы ей, а я уѣду на зарѣ.

Онъ молчалъ, уничтоженный.

— Теперь и я уѣду, вслухъ подумалъ онъ.

— Напрасно, погодите... сказала она, съ примѣсью будто искренности: когда я немного успокоюсь... Она на минуту остановилась. — Я, можетъ быть, объясню вамъ... И тогда мы простимся съ вами иначе, лучше, какъ братъ съ сестрой, а теперь... я не могу!... Впрочемъ, нѣтъ! поспѣшно заключила, махнувъ рукой: уѣзжайте! Да окажите дружбу, зайдите въ людскую и скажите Прохору, чтобъ въ пять часовъ готова была бричка, а Марину пошлите ко мнѣ. На случай, если вы уѣдете безъ меня, прибавила она задумчиво, почти съ грустью, — простимтесь теперь. Простите меня за мои странности.... (она вздохнула) и примите поцѣлуй сестры...

Она обѣими руками взяла его голову, поцѣловала въ лобъ и быстро пошла прочь.

— Благодарю васъ за все — сказала она, вдругъ обернувшись, издали:—теперь у меня нѣтъ силъ доказать вамъ, какъ я благодарна вамъ за дружбу... всего болѣе за этотъ уголокъ. Прощайте и простите меня!

Она уходила. Онъ былъ въ оцѣпенѣніи. Для него пустъ былъ цѣлый міръ, кромѣ этого угла, а она посылаетъ его изъ него туда, въ безконечную пустыню! Невозможно за-живо лечь въ могилу!

— Вѣра! крикнулъ онъ, торопливо догнавъ ее. Она остановилась.

— Позволь мнѣ остаться, пока ты тамъ... Мы не будемъ видѣться, я надоѣдать не стану! Но я буду знать, гдѣ ты, буду ждать, пока ты успокоишься и — по обѣщанію — объяснишь... Ты сейчасъ сама сказала... Здѣсь близко: можно перекинуться письмомъ...

Онъ поводилъ языкомъ по горячимъ губамъ и кидалъ эти фразы торопливо и отрывисто, какъ будто боялся, что она уйдетъ сію минуту и пропадетъ для него навсегда.

У него была молящая мина, онъ протянулъ руку къ ней. Она молчала нерѣшительно, тихо подходя къ нему.

— Дай этотъ грошъ нищему... Христа ради! шепталъ онъ страстно, держа ладонь передъ ней: — дай еще этого рая и ада вмѣстѣ, дай жить, не зарывай меня живого въ землю!... едва слышно договаривалъ онъ, глядя на нее съ отчаяніемъ.

Она глядѣла ему во всѣ глаза и сдѣлала движеніе плечами, какъ будто чувствовала ознобъ.

— Чего вы просите! сами не знаете... тихо отвѣчала она.

— Христа ради! повторялъ онъ, не слушая ее и все держа протянутую ладонь. А она задумалась, глядя на него изрѣдка, то съ состраданіемъ, то недовѣрчиво.

— Хорошо, оставайтесь! прибавила потомъ рѣшительно—пишите ко мнѣ: только не проклинайте меня, если ваша «страсть»,— съ небрежной ироніей сдѣлала она удареніе на этомъ словѣ — и отъ этого не пройдетъ. «А можетъ быть и пройдетъ... подумала сама, глядя на него: вѣдь это такъ, фантазія!»

— Все вынесу—всѣ казни!... Скорѣе бы не вынесъ счастья: а муки... дай ихъ мнѣ: онѣ — тоже жизнь! Только не гони, не удаляй: поздно!

— Какъ хотите! отвѣчала она разсѣянно, о чемъ-то думая. Онъ ожилъ, у него нервы заиграли. А она думала съ тоской: «зачѣмъ не *онъ* говоритъ это!»

— Хорошо, сказала она: такъ я уѣду не завтра, а послѣ завтра. — И сама будто ожила, и у самой родилась какая-то, не то надежда на что-то, не то замыселъ. Оба стали вдругъ довольны, каждый про себя и другъ другомъ.

— Позовите только Марину ко мнѣ теперь же — и покойной ночи!

Онъ съ жаромъ поцѣловалъ у ней руку, и они разошлись.

IV.

Вѣра, на другой день утромъ рано, дала Маринѣ записку и велѣла отдать кому-то, и принести отвѣтъ. Послѣ отвѣта она стала веселѣе, ходила гулять на берегъ Волги, и вечеромъ, попросившись у бабушки на ту сторону, къ Натальѣ Ивановнѣ, простилась со всѣми, и уѣзжая, улыбнулась Райскому, прибавивъ, что не забудетъ его.

Черезъ день пришелъ съ Волги утромъ рыбакъ и принесъ записку отъ Вѣры, съ нѣсколькими ласковыми словами. Выраженія: «милый братъ», «надежды на лучшее будущее», «рождающаяся искра нѣжности, которой не хотятъ дать ходу», и т. д. обдали Райскаго искрами счастья.

Онъ охмѣлѣлъ отъ письма, вытвердилъ его наизусть — и къ нему воротилась увѣренность къ себѣ, вѣра въ Вѣру, которая являлась ему теперь въ какомъ-то свѣтѣ правды, чистоты, граціи, нѣжности. Онъ забылъ свои сомнѣнія, тревоги, синія письма, обрывъ, бросился къ столу и написалъ коротенькій нѣжный отвѣтъ, отослалъ его къ Вѣрѣ, а самъ погрузился въ какія-то хаотическія ощущенія страсти. Вѣры не было передъ глазами, сосредоточенное, напряженное наблюденіе за ней раздробилось въ мечты, или обращалось къ прошлому, уже испытанному. Онъ—отъ мечтаній бросался къ пытливому исканію «ключей» къ ея тайнамъ.

Онъ смотритъ, ищетъ, освѣщаетъ темныя мѣста своего идеала, пытаетъ собственный умъ, совѣсть, сердце, требуя опыта, наставленія — чего хотѣть и просить отъ нея, чего недостаетъ для полной гармоніи красоты? Прислушивался къ своей жизни, припоминалъ все, что̀ оскорбляло его въ его прежнихъ, несостоявшихся идеалахъ. Вся женская грубость и грязь, прикрытая нарядами, золотомъ, брильянтами и румянами, — густыми, грязными волнами опять протекла мимо его. Онъ припомнилъ свои страданія, горькія оскорбленія, вынесенныя имъ въ битвахъ жизни: ка̀къ падали его модели, какъ падалъ онъ самъ вмѣстѣ съ ними, и какъ вставалъ опять, не отчаяваясь и требуя отъ женщинъ человѣчности, гармоніи красоты наружной съ красотой внутренней.

Ему предчувствіе говорило, что это послѣдній опытъ, что въ Вѣрѣ онъ или найдетъ, или потеряетъ уже навсегда свой идеалъ женщины, разобьетъ свою статую въ куски и потушитъ діогеновскій фонарь.

Онъ мучился тѣмъ, что видѣлъ въ ней, среди лучей, туманное пятно — ложь. Отчего эта загадочность, исчезаніе по цѣлымъ днямъ? таинственныя письма? прятанье, умалчиваніе, подъ которымъ ползла, можетъ быть, грубая интрига, или крылась роковая страсть, или какая-то неуловимая тайна — что̀, наконецъ? «Своя воля, горда», говоритъ бабушка. — «Свободы хочу, независимости», подтверждаетъ она сама, а между тѣмъ, прячется и хитритъ! Гордая воля и независимость никого не боятся и открыто идутъ избраннымъ путемъ, презирая ложь и мышиную бѣготню и вынося мужественно всѣ послѣдствія смѣлыхъ и своевольныхъ шаговъ! «Признайся въ нихъ, не прячься — и я поклонюсь твоей честности!» говорилъ онъ. У своевольныхъ женщинъ — свои понятія о любви, о добродѣтели, о стыдѣ, и онѣ мужественно несутъ тернія своихъ пороковъ. Вѣра проповѣдуетъ своеобразіе понятій, а сама не слѣдуетъ имъ открыто, она скрывается, обманываетъ его, бабушку, весь домъ, весь городъ, цѣлый міръ!

Нѣтъ, это не его женщина! За женщину страшно, за человѣчество страшно, — что женщина можетъ быть честной только случайно, когда любитъ, передъ тѣмъ только, кого любитъ, и только въ ту минуту, когда любитъ, или тогда наконецъ, когда природа отказала ей въ красотѣ, слѣдовательно — когда нѣтъ никакихъ страстей, никакихъ соблазновъ и борьбы, и нѣтъ никому дѣла до ея правды и лжи! «Ложь — это одно изъ проклятій сатаны, брошенное въ міръ....» говорилъ онъ. «Не можетъ быть въ ней лжи....» утѣшался потомъ, задумываясь, и умилялся, припоминая тонкую,

умную красоту ея лица, этого отраженія души. Какой правдой дышало оно! «Красота — сама сила: зачѣмъ ей другая, непрочная сила—ложь!» — «Однако!» потомъ съ уныніемъ думалъ онъ, добираясь до правды: отчего вдругъ тутъ же, подъ носомъ, выросло у него это «однако»? Выросло оно изъ опытовъ его жизни, выглянуло изъ многихъ женскихъ знакомыхъ ему портретовъ, почти изъ всѣхъ любвей его.... Любвей!

Онъ залился заревомъ стыда и закрылъ лицо руками.

«Любви! встрѣчи безъ любви!» терзался онъ внутренно, «какое заклятіе лежитъ надъ людскими нравами и понятіями! Мы, сильный полъ, отцы, мужья, братья и дѣти этихъ женщинъ, мы важно осуждаемъ ихъ за то, что сорятъ собой и валяются въ грязи, бѣгаютъ по кровлямъ.... Клянемъ — и развращаемъ въ тоже время! Мы не оглянемся на самихъ себя, снисходительно прощаемъ себѣ.... собачьи встрѣчи!... открыто, всенародно носимъ свой позоръ, свою нетрезвость, казня его въ женщинѣ! Вотъ гдѣ оба пола должны довоспитаться другъ до друга, идти параллельно, не походя, одни — на собакъ, другіе — на кошекъ, и оба вмѣстѣ — на обезьянъ. Тогда и кончится этотъ нравственный разладъ между двумя полами, эта путаница понятій, эти взаимные обманы, нареканія, измѣны! А то выдумали двѣ нравственности: одну для себя, другую для женщинъ!»

Онъ погрузился въ собственныя воспоминанія о раннихъ годахъ молодости—и легъ на диванъ. Долго лежалъ онъ, закрывъ лицо, и всталъ блѣдный, истерзанный внутренней мукой. «Какая перспектива грубости, лжи, какая отрава жизни! И цѣлые вѣка проходятъ, цѣлыя поколѣнія идутъ, утопая въ омутѣ нравственнаго и физическаго разврата — и никто, ничто не останавливаетъ этого мутнаго потока слѣпо-распутной жизни! Развратъ выработалъ себѣ свои обычаи, почти принципы, и царствуетъ въ людскомъ обществѣ, среди хаоса понятій и страстей, среди анархіи нравовъ....»

Потомъ опять бросался къ Вѣрѣ, отыскивая тамъ луча чистоты, правды, незараженныхъ понятій, незлоупотребленнаго чувства, красоты души и тѣла, нераздѣльно-истинной красоты.

Онъ перебиралъ каждый ея шагъ, какъ судебный слѣдователь, и то дрожалъ отъ радости, то впадалъ въ уныніе, и выходилъ изъ омута этого анализа ни безнадежнѣе, ни увѣреннѣе, чѣмъ былъ прежде, а все съ той же мучительной неизвѣстностью, какъ купающійся человѣкъ, который, думая, что нырнулъ далеко, выплываетъ опять на прежнемъ мѣстѣ. Онъ старался оправдать ея загадочность поведенія съ нимъ, припоминая свой быстрый натискъ: какъ онъ вдругъ предъявилъ свои права на ея красоту,

свое удивленіе послѣдней, поклоненіе, восторги, вспоминалъ, какъ она, сначала небрежно, а потомъ энергически отмахивалась отъ его настояній, какъ явно смѣялась надъ его страстью, не вѣрила и не вѣритъ ей до сихъ поръ, какъ удаляла его отъ себя, отъ этихъ мѣстъ, убѣждала уѣхать, а онъ напросился остаться! «Да, она права, а я виноватъ», думалъ онъ, теряясь въ соображеніяхъ. Потомъ онъ вспомнилъ, какъ онъ хотѣлъ усмирить страсть постепенно, поддаваясь ей, гладя ее по шерсти, какъ гладятъ злую собаку, готовую броситься, чтобъ задобрить ее — и пятясь задомъ, уйти по-добру по-здорову: зачѣмъ она тогда не открыла ему имени своего идола, когда увѣрена была, что это мигомъ отняло бы всѣ надежды у него и страсть остыла бы мгновенно? Чего это ей стоило: ничего! Она знала, что тайна ея останется тайной, а между тѣмъ молчала и какъ-будто умышленно разжигала страсть. Отчего не сказала? Отчего не дала ему уѣхать, а просила остаться, когда даже онъ велѣлъ.... Егоркѣ принести съ чердака чемоданъ? Кокетничала — стало быть, обманывала его! И бабушкѣ не велѣла сказывать, честное слово взяла съ него, — стало быть, обманываетъ и ее и всѣхъ! «Она, она виновата!»

Онъ сталъ писать дневникъ. Полились волны поэзіи, импровизаціи, полныя, то нѣжнаго умиленія и поклоненія, то живой, ревнивой страсти и всѣхъ ея бурныхъ и горячихъ воплей, пѣсенъ, мукъ, счастья.

Самую любовь онъ обставлялъ всей прелестью декорацій, какою обставила ее человѣческая фантазія, осмысливая ее нравственнымъ чувствомъ и полагая въ этомъ чувствѣ, какъ въ разумѣ, «и можетъ быть, тутъ именно болѣе, нежели въ разумѣ», (писалъ онъ) бездну, отдѣлившую человѣка отъ всѣхъ не человѣческихъ организмовъ. «Великая любовь неразлучна съ глубокимъ умомъ: широта ума равняется глубинѣ сердца—отъ того крайнихъ вершинъ гуманности достигаютъ только великія сердца — они же и великіе умы»! проповѣдывалъ онъ. Измѣнялись краски этого волшебнаго узора, который онъ подбиралъ, какъ художникъ и какъ нѣжный влюбленный, измѣнялся безпрестанно онъ самъ, то падая въ прахъ къ ногамъ идола, то вставая и громя хохотомъ свои муки и счастье. Не измѣнялась только нигдѣ его любовь къ добру, его здравый взглядъ на нравственность. «Вѣруй въ Бога, знай, что дважды два четыре, и будь честный человѣкъ, говоритъ гдѣ-то Вольтеръ», писалъ онъ: «а я скажу— люби женщина кого хочешь, люби по земному, но не по кошачьи только и не по расчету, и не обманывай любовью!

«Честная женщина! — писалъ онъ — требовать этого, зна-

читъ требовать всего, — да, это все! Но не требовать этого, значитъ тоже ничего не требовать: оскорблять женщину, ея человѣческую натуру, творчество Бога, значитъ, прямо и грубо отказывать ей въ правахъ на равенство съ мужчиной, на что́ женщины справедливо жалуются. «Женщина—вѣнецъ созданія,—да, но не Венера только. Кошка коту кажется тоже вѣнцомъ созданія, Венерой кошачьей породы: женщина—Венера, пожалуй, но осмысленная, одухотворенная Венера, сочетаніе красоты формъ съ красотой духа, любящая и честная, т. е. идеалъ женскаго величія, гармонія красоты!»

Все это глубокомысліе сбывалъ Райскій въ дневникъ, съ надеждой прочесть его при свиданіи Вѣрѣ, а съ ней продолжалъ мѣняться коротенькими, дружескими записками.

Отъ пера онъ бросался къ музыкѣ и забывался въ звукахъ, прислушиваясь самъ съ любовью, какъ они пѣли ему его же страсть и гимны красотѣ. Ему хотѣлось бы поймать эти звуки, формулировать въ стройномъ созданіи гармоніи. Изъ этихъ волнъ звуковъ очертывалась у него въ фантазіи какая-то музыкальная поэма: онъ силился уловить тайну созданія и три утра бился, изведя толстую тетрадь нотной бумаги. А когда сыгралъ на четвертое утро написанное, вышла... полька-редова, но такая мрачная и грустная, что онъ самъ разливался въ слезахъ, играя ее. Онъ удивился такому скудному результату своихъ роскошныхъ импровизацій, положенныхъ на бумагу, и со вздохомъ сознался, что одной фантазіей не одолѣешь музыкальной техники. «Что если и съ романомъ выйдетъ у меня тоже самое?..» задумывался онъ. Но теперь еще — не до романа: «это послѣ, послѣ, а теперь — Вѣра на умѣ, страсть, жизнь, не искусственная, а настоящая!»

Онъ ходилъ по дому, по саду, по деревнѣ и полямъ, точно сказочный богатырь, когда былъ въ припадкѣ счастья, и столько силы носилъ въ своей головѣ, сердцѣ, во всей нервной системѣ, что все цвѣло и радовалось въ немъ. Мысль его плодотворна, фантазія производительна, душа открыта для добра, дѣятельности и любви — не къ одной Вѣрѣ, но общей любви ко всякому живому созданію. На все льются лучи его мягкости, ласки, заботы, вниманія. Онъ чутко понимаетъ потребность, не только другого, ближняго, несчастнаго, и спѣшитъ подать руку помощи, утѣшенія, но входитъ даже въ положеніе—вонъ этой ползущей букашки, которую бережно сажаетъ съ дорожки на кустъ, чтобъ уберечь отъ ноги прохожаго. Онъ бы написалъ Рафаэлеву Мадонну въ эти минуты счастья, еслибъ она не была уже написана, изваялъ

бы Милосскую Венеру, Аполлона Бельведерскаго, создалъ бы снова храмъ Петра!

Въ моменты мукъ, напротивъ, онъ былъ худъ, блѣденъ, боленъ, не ѣлъ, и ходилъ по полямъ, ничего не видя, забывая дорогу, спрашивая у встрѣчныхъ мужиковъ, гдѣ Малиновка, на право или на лѣво? Тогда онъ былъ сухъ съ бабушкой и Марѳинькой, грубъ съ прислугой, не спалъ до разсвѣта, а если и засыпалъ, то труднымъ, болѣзненнымъ сномъ, продолжая и во снѣ переживать пытку.

Иногда онъ оглядывался вокругъ себя, какъ будто спрашивая глазами у всѣхъ: «гдѣ я и что вы за люди»? Марѳинька немного стала бояться его, онъ, большею частію, запирался у себя на верху, и тамъ — или за дневникомъ, или ходя по комнатѣ, говоря самъ съ собой, или опять за фортепіяно, выбрасывалъ, какъ онъ живописно выражался, «пѣну страсти». Егорка провертѣлъ щель въ деревянной, оклеенной бумагой перегородкѣ, отдѣлявшей кабинетъ Райскаго отъ корридора, и подглядывалъ за нимъ.

— Ну, дѣвки, покажу я вамъ диковину, въ тіатръ не надо ходить! сказалъ онъ, плюнувъ сквозь зубы въ сторону: пойдемте, Пелагея Петровна, къ барину, къ Борису Павловичу, въ щелку посмотрѣть, какъ онъ тамъ «дѣвствуетъ»...

— Некогда мнѣ: гладить надо, сказала та, грѣя утюгъ.

— Ну, вы, Матрена Семеновна?

— А кто-жъ комнату Марѳы Васильевны уберетъ? Ты, что ли?

— Что за чортъ — не дозовешься ни одной! сказалъ съ досадой Егорка, опять плюя сквозь зубы: а я тамъ вертѣлъ, вертѣлъ буравомъ!

— Покажи мнѣ, что̀ тамъ такое! напрашивалась любопытная Наталья, одна изъ плетельщицъ кружевъ у Татьяны Марковны.

— Вы — распрекрасная дѣвица, Наталья Ѳадеевна, сказалъ Егорка нѣжно: словно — барышня! Я бы — не то-что въ щелку далъ вамъ посмотрѣть, руку и сердце предложилъ бы вамъ — только.... рожу бы вамъ другую!...

Прочія дѣвки засмѣялись, а та обидѣлась.

— Ругатель! сказала она, уходя изъ комнаты: право, ругатель!

— А то вы, договаривалъ Егорка ей въ слѣдъ, больно ужъ на тятеньку своего смахиваете съ рыла-то, на Ѳаддея Ильича! — И захихикалъ.

Однако онъ убѣдилъ первыхъ двухъ пойдти и посмотрѣть. Всѣ смотрѣли по очереди въ щель.

— Глядите, глядите, какъ заливается: плачетъ никакъ? говорилъ Егорка, толкая то одну, то другую къ щели.

— Взаправду плачетъ, сердечный! сказала жалостно Матрена.

— Да не хохочетъ ли?—И такъ хохочетъ! Смотрите, смотрите!

Всѣ трое присѣли и всѣ захихикали.

— Экъ его разбираетъ! говорилъ Егорка: врѣзамшись, должно быть, въ Вѣру Васильевну....

Пелагея ткнула его кулакомъ въ бокъ.

— Что ты врешь, поганецъ! замѣтила она со страхомъ: ври, да не смѣй трогать барышень! Вотъ узнаетъ барыня.... Пойдемте прочь!...

А Райскій и плакалъ и смѣялся чуть ли не въ одно и тоже время, и все искренно «дѣвствовалъ», т. е. плакалъ и смѣялся больше художникъ, нежели человѣкъ, повинуясь нервамъ. Онъ въ чистыхъ формахъ все выливалъ образъ Вѣры, и чертя его безсознательно и непритворно, чертилъ и образъ своей страсти, отражая въ ней, иногда наивно и смѣшно, и все, что̀ было свѣтлаго, честнаго въ его собственной душѣ, и чего требовала его душа отъ другого человѣка и отъ женщины.

— Что ты все пишешь тамъ? спрашивала Татьяна Марковна: драму или все романъ, что ли?

— Не знаю, бабушка: пишу жизнь—выходитъ романъ; пишу романъ, выходитъ жизнь. А что будетъ окончательно — не знаю.

— «Чѣмъ бы дитя ни тѣшилось, только бы не плакало», замѣтила она, и почти вѣрно опредѣлила этой пословицей значеніе писанья Райскаго. У него уходило время, сила фантазіи разрѣшалась естественнымъ путемъ, и онъ не замѣчалъ жизни, не зналъ скуки, никуда и ничего не хотѣлъ.—Зачѣмъ только ты пишешь все по ночамъ? сказала она.—Смерть—боюсь... Ну, какъ заснешь надъ своей драмой! И шутка ли: до свѣта! вѣдь ты изведешь себя. Посмотри, ты иногда желтъ, какъ переспѣлый огурецъ.....

Онъ смотрѣлся въ зеркало и самъ поражался перемѣной въ себѣ. Желтыя пятна легли на вискахъ и около носа, а въ черныхъ густыхъ волосахъ появились замѣтныя сѣдины.—«Зачѣмъ я брюнетъ, а не блондинъ? роптал онъ.—Десятью годами раньше состарѣюсь!»

— Ничего, бабушка, не обращайте вниманія на меня, отвѣчалъ онъ: дайте свободу... Не спится: иногда и радъ бы, да не могу.

— И онъ «свободу», какъ Вѣра!—Она вздохнула.—Далась имъ эта свобода: точно бабушка ихъ въ кандалахъ держитъ! Писалъ

бы, да не по ночамъ, прибавила она: а то я не сплю покойно. Въ которомъ часу ни поглядишь, а все огонь у тебя...

— Ручаюсь, бабушка, что пожара не сдѣлаю, хоть самъ сгорю весь...

— О, типунъ тебѣ на языкъ! перебила она сердито, кропая что-то сама иглой надъ приданымъ Маренькі, хотя тутъ хлопотали около разложенныхъ столовъ десять швей. Но она не могла видѣть другихъ за работой, чтобъ и самой не пристать тутъ же, какъ Викентьевъ не могъ не засмѣяться и не заплакать, когда смѣялись и плакали другіе.

— Не дразни судьбу, не накликай на себя! прибавила она. Помни: «языкъ мой — врагъ мой!»

Онъ вдругъ вскочилъ съ дивана и бросился къ окну, а потомъ въ дверь и скрылся: «мужикъ идетъ съ письмомъ отъ Вѣры!» сказалъ онъ, уходя.

«Вишь какъ: точно родному отцу обрадовался! А сколько свѣчей изводитъ онъ съ этими романами да драмами: по четыре свѣчки за ночь!» разсуждала экономная бабушка шепотомъ.

V.

Райскій получилъ нѣсколько строкъ отъ Вѣры. Она жаловалась, что скучаетъ тамъ, и дѣйствительно, по нѣкоторымъ фразамъ, видно было, что ее тяготитъ уединеніе. Она писала, что желаетъ видѣть его, что онъ ей нуженъ, и впереди будетъ еще нужнѣе, что «безъ него она жить не можетъ» — и иногда записка разрѣшалась въ какой-то смѣхъ, который, какъ русалочное щекотанье, производилъ въ немъ зудъ и боль.

Но не смотря на этотъ смѣхъ, таинственная фигура Вѣры манила его все въ глубину его фантастической дали. Вѣра шла будто отъ него въ туманѣ покрывала: онъ стремился за ней, касался покрывала, хотѣлъ открыть ея тайны и узнать, что это за Изида передъ нимъ. Онъ только что коснется покрывала, какъ она ускользнетъ, уйдетъ дальше. Онъ блаженствовалъ и мучился двойными радостями и муками, и человѣка, и художника, не зная самъ, гдѣ является одинъ, когда исчезаетъ другой и когда оба смѣшиваются.

Получая изрѣдка ея краткія письма, гдѣ дружескій тонъ смѣшивался съ ядовитымъ смѣхомъ надъ его страстью, надъ стремленіями къ идеаламъ, надъ игрой его фантазіи, которою онъ нерѣдко сверкалъ въ разговорахъ съ ней, онъ самъ заливался ис-

кренниимъ смѣхомъ и потомъ почти плакалъ отъ грусти и отъ безсилія разсказать себя, дать ключъ къ своей натурѣ.

«Не понимаетъ, бѣдная, роптал онъ, что казнитъ—за фантазію: это все равно, что казнить человѣка за то, что у него тѣнь велика: зачѣмъ покрываетъ цѣлое поле, ростетъ выше зданія! И не вѣритъ страсти! Посмотрѣла бы она, какъ этотъ удавъ тянется передо мной, сверкая изумрудами и золотомъ, когда его грѣетъ и освѣщаетъ солнце, и какъ блѣднѣетъ, ползя во мракѣ, шипя и грозя острыми зубами?» Пусть бы пришли сюда знатоки и толкователи такъ называемыхъ тайнъ сердца и страстей, и выложили бы тутъ свои понятія и философію, добытую съ досокъ Михайловскаго театра. «Нельзя любить, когда оскорблено самолюбіе». — «Любовь — это эгоизмъ à deux» — «любовь проходитъ когда не раздѣлена» и т. п. сыплютъ они свои сентенціи. — «А вотъ она, эта страсть, говорилъ онъ: — не угодно ли попробовать! Меня толкаютъ, смѣются — а я все люблю, и какъ люблю! Не какъ «сорокъ тысячъ братьевъ» — (мало отпустилъ Шекспиръ) а какъ всѣ люди вмѣстѣ! Всѣ образы любви ушли въ эту мою любовь! Я люблю, какъ Леонтій любитъ свою жену, простодушной, чистой, почти пастушеской любовью, люблю сосредоточенной страстью, какъ этотъ серьезный Савелій, люблю какъ Викентьевъ, со всею веселостью и рѣзвостью жизни, люблю, какъ любитъ, можетъ быть, Тушинъ, удивляясь и поклоняясь втайнѣ, и люблю, какъ любитъ бабушка свою Вѣру—и наконецъ еще какъ никто не любитъ, люблю такою любовью, которая дана Творцомъ и которая, какъ океанъ, омываетъ вселенную...» «А если сократить все это въ одно слово, — вдругъ отрезвившись на минуту заключилъ онъ — то выйдетъ: «люблю, какъ художникъ», т. е. всею силою необузданной... или разнузданной фантазіи!» Его увлекалъ процессъ писанья, какъ процессъ неумышленнаго творчества, гдѣ передъ его глазами, пестрымъ узоромъ, неслись его собственныя мысли, ощущенія, образы. Листки эти однако мѣшали ему забывать Вѣру, чего онъ искренно хотѣлъ, и питали страсть, т. е. воображеніе. «А она не пойметъ этого: печально думалъ онъ: — и сочтетъ эти, ею внушенныя и ей посвящаемыя произведенія фантазіи — за любовную чепуху! Ужели и она не пойметъ: женщина! А у ней, кажется, уши такія маленькія, умныя!»

Когда онъ отрывался отъ дневника и трезво жилъ день, другой, Вѣра опять стояла безукоризненна въ его умѣ. Сомнѣнія, подозрѣнія, оскорбленія сами по себѣ были чужды его натурѣ, какъ и доброй, честной натурѣ Отелло. Это были случайныя иска-

женія и опустошенія, продукты страсти и неизвѣстности, бросавшей на все ложныя и мрачныя краски.

Однажды въ ея запискѣ, послѣ дружескихъ, нѣжно-насмѣшливыхъ излiяній, была слѣдующая приписка послѣ словъ: «ваша Вѣра»: «Другъ и братъ мой! Вы научили меня любить и страдать. Вы подѣлились со мной силами души своей, вложили, кажется, въ меня и самую вашу нѣжную, любящую душу... И вотъ эта нѣжность ваша внушаетъ мнѣ смѣлость подѣлиться съ вами добрымъ дѣломъ. Здѣсь естѣ одинъ несчастный, изгнанный изъ родины... На немъ тяготѣетъ подозрѣніе правительства... Ему некуда преклонить голову, всѣ отъ него отступились, одни по равнодушію, другіе по боязни. Вы любите ближняго и не можете быть равнодушны, еще менѣе можете бояться добраго, чистаго, святого дѣла. У него нѣтъ ни гроша денегъ, ни платья, а на дворѣ осень... Я не прибавляю къ этому ничего: здѣсь все правда, каждое слово: ваша Вѣра не солжетъ вамъ. Если сердце ваше, въ чемъ я не сомнѣваюсь, скажетъ вамъ, что̀ надо дѣлать, то пошлите ваше пособіе на имя дьячихи Секлетеи Бурдалаховой, дойдетъ вѣрно: я сама буду наблюдать. Но сдѣлайте такъ, чтобъ бабушка не замѣтила ничего, и никто въ домѣ. Можетъ быть — и весьма естественно — вы затруднитесь, какъ велика должна быть сумма, то рублей трехъ сотъ, даже двухъ сотъ двадцати— будетъ довольно ему на цѣлый годъ. Да еслибъ вы прислали пальто и жилетъ изъ осенняго трико, —(видите, какъ я вѣрю въ нѣжность вашей души вообще, и въ любовь ко мнѣ въ особенности, что я даже и мѣрку прилагаю, которую снялъ съ него деревенскій портной!) то этимъ вы защитите бѣдняка и отъ холода. Затѣмъ я уже не смѣю напоминать о тепломъ одѣялѣ—это бы значило употреблять во зло вашу доброту и слабость ко мнѣ: это до другого раза! Къ зимѣ бѣдный изгнанникъ уйдетъ вѣроятно отсюда, благословляя васъ, а съ вами и... меня немножко. Я бы не тревожила васъ, но вы знаете, всѣ мои деньги у бабушки, а я ей открыться не могу».

«Что такое? Что это такое!» почти закричалъ Райскій отъ изумленія, дочитавъ этотъ post-scriptum, и ворочая глазами вокругъ, мысленно искалъ ключа. «Не она, не она!» вслухъ произнесъ потомъ и вдругъ легъ на диванъ: съ нимъ сдѣлался припадокъ истерическаго смѣха. Это было въ кабинетѣ Татьяны Марковны. Тутъ были Викентьевъ и Мареинька. Послѣдніе оба сначала заразились смѣхомъ и дружно аккомпанировали ему, потомъ сдержались, начиная пугаться раскатовъ хохота. Особенно Татьяна Марковна испугалась: она даже достала какихъ-то капель и налила на ложечку. Райскій едва унялся.

— Выпей капель, Борюшка.

— Нѣтъ, бабушка — дайте мнѣ не капель, а денегъ рублей триста...

И опять закатился смѣхомъ. Бабушка отказала было: — «скажи, зачѣмъ, кому? Не Маркушкѣ ли? Взыщи прежде съ него восемдесятъ рублей» — и пошла, и пошла! Въ другое время онъ бы про себя наслаждался этой экономической чертой бабушки и не преминулъ бы добродушно подразнить ее. Но тутъ его жгли внутренніе огни нетерпѣнія, поглощалъ возрастающій интересъ комедіи. Онъ чуть не въ драку полѣзъ съ нею, и послѣ отчаянной схватки, поторговавшись съ часъ, выручилъ отъ нея двѣсти двадцать рублей, не доторговавшись до трехъ сотъ, лишь бы скорѣе кончить. Онъ запечаталъ ихъ и отослалъ на другой же день. Между тѣмъ отыскалъ портного и торопилъ сшить теплое пальто, жилетъ и купилъ одѣяло. Все это отослано было на пятый день.

«Слезами и сердцемъ, а не перомъ, благодарю васъ, милый, милый, милый братъ», получилъ онъ отвѣтъ съ той стороны: — «не мнѣ награждать за это: небо наградитъ за меня! Моя благодарность — пожатіе руки и долгій, долгій взглядъ признательности! Какъ обрадовался вашимъ подаркамъ бѣдный изгнанникъ: онъ все «смѣется» съ радости и одѣлся въ обновки. А изъ денегъ сейчасъ же заплатилъ за три мѣсяца долгу хозяйкѣ и отдалъ за мѣсяцъ впередъ. И только на три рубля осмѣлился купить сигаръ, которыми не лакомился давно, а это — его страсть...» — «Пошлю завтра ящикъ», думалъ Райскій и послалъ, — между прочимъ потому, что «вѣдь проситъ тотъ, у кого нѣтъ.... говорилъ онъ: — богатый не попросилъ бы». — Ему вдругъ пришло въ голову — послать ловкаго Егорку послѣдить, кто беретъ письма у рыбака, узнать, кто такая Секлетея Бурдалахова. Онъ ужъ позвонилъ, но когда явился Егоръ — онъ помолчалъ, взглянулъ на Егора, покраснѣлъ за свое намѣреніе и махнулъ ему рукой, чтобы онъ шелъ вонъ. «Не могу, не могу!» шепталъ онъ съ непреодолимымъ отвращеніемъ. «Спрошу у ней самой — и посмотрю, какъ и что̀ скажетъ она — и если солжетъ: прощай Вѣра, а съ ней и всякая вѣра въ женщинъ!»

Слѣдя за ходомъ своей собственной страсти, какъ медикъ за болѣзнью, и какъ будто снимая фотографію съ нея, потому что искренно переживалъ ее, онъ здраво заключалъ, что эта страсть — ложь, миражъ, что надо прогнать, разсѣять ее! Но ка̀къ: что̀ надо теперь дѣлать? спрашивалъ онъ, глядя на небо съ облаками, углубляя взглядъ въ землю — что̀ велитъ долгъ? — отвѣчай же уснувшій разумъ, освѣти мнѣ дорогу, дай перепрыгнуть черезъ этотъ

пылающій костеръ!» «Бросить все и бѣжать прочь!» отозвался покойно разумъ.—Да, да—брошу и бѣгу, не дождусь ея, рѣшилъ онъ, и тутъ только замѣтилъ приложенный къ ея письму клочокъ бумаги съ припиской Вѣры: «Не пишите больше, я въ четвергъ буду сама домой: меня привезетъ лѣсничій»! Онъ обрадовался.

— А! вотъ и пробный камень. Это сама бабушкина «судьба» вмѣшалась въ дѣло и требуетъ жертвы, подвига — и я его совершу. Черезъ три дня видѣть ее опять здѣсь... О, какая нѣга! Какое солнце взойдетъ надъ Малиновкой! Нѣтъ, убѣгу! Чего мнѣ это стоитъ: никто не знаетъ! И ужели не найду награды: потеряннаго мира? Скорѣй, скорѣй прочь!.. сказалъ онъ рѣшительно и кликнулъ Егора, приказавъ принести чемоданъ.

И надо было бы тотчасъ же бѣжать, т. е. забывать Вѣру. Онъ и исполнилъ часть своей программы. Поѣхалъ въ городъ кое-что купить въ дорогу. На улицѣ онъ встрѣтилъ губернатора. Тотъ упрекнулъ его: что давно не видать? Райскій отозвался нездоровьемъ и сказалъ, что уѣзжаетъ надняхъ. — Куда? спросилъ тотъ.—Да мнѣ все равно, мрачно отвѣтилъ Райскій: здѣсь... я усталъ, хочу развлечься, теперь поѣду въ Петербургъ, а тамъ въ свое имѣніе, въ Р—ую убернію, а можетъ быть и за границу...—Не удивительно, что вы соскучились, замѣтилъ губернаторъ,—сидя на одномъ мѣстѣ, удаляясь отъ общества... Нужно развлеченіе... Вотъ не хотите ли со мной прокатиться: я послѣ завтра отправляюсь осматривать губернію...

«Послѣ завтра будетъ среда, мелькнуло соображеніе въ головѣ у Райскаго: а она возвращается въ четвергъ... Да, да, судьба вытаскиваетъ меня... Не лучше ли бы уѣхать дальше... совсѣмъ отсюда.., для полнаго подвига?»

— Посмотрите мѣстность: продолжалъ губернаторъ, есть красивыя мѣста — вы поэтъ, наберетесь свѣжихъ впечатлѣній... Мы и по Волгѣ верстъ полтораста спустимся...

— А если я приму? отвѣчалъ Райскій, у котораго, рядомъ съ намѣреніемъ бороться со страстью, пріютилась надежда не разставаться вполнѣ хоть съ тѣми мѣстами, гдѣ присутствуетъ *она*, его безподобная, но мучительная красота! «Поѣдемте, я вашъ спутникъ», рѣшилъ онъ окончательно. Губернаторъ ласково хлопнулъ рукой по его ладони и повелъ къ себѣ, показалъ экипажъ, удобный и покойный — сказалъ, что и кухня поѣдетъ за нимъ и карты захватитъ: «въ пикетъ будемъ сражаться! прибавилъ онъ: и мнѣ веселѣе ѣхать, чѣмъ съ однимъ секретаремъ, которому много будетъ дѣла.»

Райскому стало легче уже отъ одного намѣренія перемѣнить мѣсто и обстановку. Что-то постороннее Вѣрѣ, какъ облако, стало

между нимъ и ею. Давно бы такъ, и это глупѣйшее состояніе кончилось бы! «Вотъ почти и нѣтъ никакихъ бѣсовъ!» говорилъ онъ, возвращаясь къ себѣ. Онъ подтвердилъ Егоркѣ готовить платье, бѣлье, сказавши, что ѣдетъ съ губернаторомъ.

Намѣренія его преодолѣть страсть были искренни, и онъ подумывалъ уже не возвращаться вовсе, а къ концу губернаторской прогулки вытребовать свои вещи изъ дому и уѣхать, не повидавшись съ Вѣрой. На этомъ бы и остановиться ему, отвернуться отъ Малиновки навсегда, или хоть на долго, и не оглядываться — и все потонуло бы въ пространствѣ, даже не такой дали, какую предполагалъ Райскій между Вѣрой и собой, а двухъ-трехъ сотъ верстъ, и во времени — не годовъ, а пяти-шести недѣль, и осталось бы развѣ смутное воспоминаніе отъ этой трескотни, какъ отъ кошемара. Райскій зналъ это по прежнимъ, хотя и не такимъ сильнымъ опытамъ, но послѣдній опытъ всегда кажется не похожимъ чѣмъ-нибудь на прежніе, и притомъ подъ свѣжей страстью дымится свѣжая рана, а времени ждать долго. Райскій зналъ и это и не лукавилъ даже передъ собой, а хотѣлъ только утомить чѣмъ-нибудь невыносимую боль, т. е. не вдругъ удаляться отъ этихъ мѣстъ и не класть сразу непреодолимой дали между ею и собою, чтобы не вдругъ оборвался этотъ нервъ, которымъ онъ такъ связанъ былъ, и съ живой, полной прелести стройной и нѣжной фигуры Вѣры, и съ воплотившимся въ ней его идеаломъ, живущимъ въ ея образѣ, вопреки таинственности ея поступковъ, вопреки его подозрѣніямъ въ ея страсти къ кому-то, вопреки наконецъ его грубымъ предположеніямъ въ ея женской распущенности; въ ея отношеніяхъ... къ Тушину, въ которомъ онъ болѣе всѣхъ подозрѣвалъ ея героя. «А можетъ быть, и другой, другіе»... злобно думалъ онъ.

Онъ свои художническія требованія переносилъ въ жизнь, мѣшая ихъ съ общечеловѣческими, и писалъ послѣднюю съ натуры, и тутъ же, невольно и безсознательно приводилъ въ исполненіе древнее мудрое правило, «познавалъ самого себя», съ ужасомъ вглядывался и вслушивался въ дикіе порывы животной, слѣпой натуры, самъ писалъ ей казнь и чертилъ новые законы, разрушалъ въ себѣ «ветхаго человѣка» и создавалъ новаго. И если ужасался, глядясь самъ въ подставляемое себѣ безпощадное зеркало зла и темноты, то и неимовѣрно былъ счастливъ, замѣчая, что эта внутренняя работа надъ собой, которой онъ требовалъ отъ Вѣры, отъ живой женщины, какъ человѣкъ, и отъ статуи, какъ художникъ, началась у него самого не съ Вѣры, а давно, прежде когда-то, въ минуты такого же раздвоенія натуры на реальное и фантастическое. Онъ, съ біеніемъ сердца и

трепетомъ чистыхъ слезъ, подслушивалъ, среди грязи и шума страстей, подземную тихую работу, въ своемъ человѣческомъ существѣ, какого-то таинственнаго духа, затихавшаго иногда въ трескѣ и дымѣ нечистаго огня, но не умиравшаго и просыпавшагося опять, зовущаго его, сначала тихо, потомъ громче и громче, къ трудной и нескончаемой работѣ надъ собой, надъ своей собственной статуей, надъ идеаломъ человѣка. Радостно трепеталъ онъ, вспоминая, что не жизненныя приманки, не малодушные страхи влекли его къ этой работѣ, а влеченіе искать и создавать красоту въ себѣ самомъ. Духъ манилъ его за собой, въ свѣтлую, таинственную даль, какъ человѣка и какъ художника, къ идеалу чистой человѣческой красоты. Съ тайнымъ, захватывающимъ дыханіе ужасомъ счастья видѣлъ онъ, что работа чистаго генія не рушится отъ пожара страстей, а только останавливается, и когда минуетъ пожаръ, она идетъ впередъ, медленно и туго, но все идетъ — и что въ душѣ человѣка, независимо отъ художественнаго, таится другое творчество, присутствуетъ другая живая жажда, кромѣ животной, другая сила, кромѣ силы мышцъ. Пробѣгая мысленно всю нить своей жизни, онъ припоминалъ, какія нечеловѣческія боли терзали его, когда онъ падалъ, какъ медленно вставалъ опять, какъ тихо чистый духъ будилъ его, звалъ вновь на нескончаемый трудъ, помогая встать, ободряя, утѣшая, возвращая ему вѣру въ красоту правды и добра и силу — подняться, идти дальше, выше.... Онъ благоговѣйно ужасался, чувствуя, какъ приходятъ въ равновѣсіе его силы, и какъ лучшія движенія мысли и воли уходятъ туда, въ это зданіе, какъ ему легче и свободнѣе, когда онъ слышитъ эту тайную работу и когда самъ сдѣлаетъ усиліе, движеніе, подастъ камень, огня и воды.

Отъ этого сознанія творческой работы внутри себя, и теперь пропадала у него изъ памяти страстная, язвительная Вѣра, а если приходила, то затѣмъ только, чтобъ онъ съ мольбой звалъ ее туда же, на эту работу тайнаго духа, показать ей священный огонь внутри себя и пробудить его въ ней, и умолять беречь, лелѣять, питать его въ себѣ самой. Тогда казалось ему, что онъ любилъ Вѣру такой любовью, какою никто другой не любилъ ее, и самъ смѣло требовалъ отъ нея такой же любви и къ себѣ, какой она не могла дать своему идолу, какъ бы страстно ни любила его, если этотъ идолъ не носилъ въ груди такихъ же силъ, такого же огня и, слѣдовательно, такой же любви, какая была заключена въ немъ и рвалась къ ней.

Съ другой, жгучей и разрушительной страстью, онъ искренно и честно продолжалъ бороться, чувствуя, что она не раздѣлена

Вѣрою, и слѣдовательно не можетъ разрѣшиться, какъ разрѣшается у двухъ, взаимно любящихъ честныхъ натуръ, въ тихое и покойное теченіе, словомъ, въ счастье, въ которомъ, очистившись отъ животнаго бѣшенства, она превращается въ человѣческую любовь.

Онъ теперь уже не звалъ болѣе страсть къ себѣ, какъ прежде, а проклиналъ свое внутреннее состояніе, мучительную борьбу и написалъ Вѣрѣ, что рѣшился бѣжать ея присутствія. Теперь, когда онъ сталъ уходить отъ нея, она будто пошла за нимъ, все подъ своимъ таинственнымъ покрываломъ, затрогивая, дразня его, будила его сонъ, отнимала книгу изъ рукъ, не давала ѣсть.

Дня черезъ три онъ получилъ коротенькую записку, съ вопросомъ: «Гдѣ онъ? что́ не возвращается? Отъ чего нѣтъ писемъ?» Какъ будто ей не было дѣла до его намѣренія уѣхать, или она не получила его письма. Она звала его домой, говорила что она воротилась, что «безъ него скучно», Малиновка опустѣла, всѣ повѣсили носъ, что Марѳинька собирается ѣхать гостить за Волгу, къ матери своего жениха, тотчасъ послѣ дня своего рожденія, который будетъ на слѣдующей недѣлѣ, что бабушка останется одна и пропадетъ съ тоски, если онъ не принесетъ этой жертвы... и бабушкѣ, и ей....

«Да, знаю я эту жертву», думалъ онъ злобно и подозрительно: «въ домѣ, безъ меня и безъ Марѳиньки, замѣтнѣе будутъ твои скачки съ обрыва, дикая коза! Надо сидѣть съ бабушкой долѣе, обѣдать не въ своей комнатѣ, а со всѣми—понимаю! Не будетъ же этого! Не дамъ тебѣ торжествовать—довольно! Сброшу съ плечъ эту глупую страсть, и никогда ты не узнаешь своего торжества!»

Онъ написалъ ей отвѣтъ, гдѣ повторилъ о своемъ намѣреніи уѣхать, не повидавшись съ нею, находя, что это единственный способъ исполнить ея давнишнее требованіе—оставить ее въ покоѣ и прекратить свою собственную пытку. Потомъ разорвалъ свой дневникъ и бросилъ по вѣтру клочки, вполнѣ разочарованный въ произведеніяхъ своей фантазіи. Куры бросились со всѣхъ сторонъ къ окну губернаторской квартиры въ уѣздномъ городѣ, принявъ за какую-то куриную манну эти, какъ снѣгъ, посыпавшіеся обрывки бумаги, и потомъ медленно разошлись, тоже розочарованныя, поглядывая вопросительно на окно.

На другой день къ вечеру онъ получилъ коротенькій отвѣтъ отъ Вѣры, гдѣ она успокоивала его, одобряя намѣреніе его уѣхать, не повидавшись съ ней, и изъявила полную готовность помочь ему побѣдить *страсть* (слово было подчеркнуто) и для того она сама, вслѣдъ за отправленіемъ этой записки, уѣз-

жаетъ въ тотъ же день, т. е. въ пятницу, опять за Волгу. Ему же совѣтовала пріѣхать проститься съ Татьяной Марковной и со всѣмъ домомъ, иначе внезапный отъѣздъ удивилъ бы весь городъ и огорчилъ бы бабушку.

Райскій почти обрадовался этому отвѣту. У него отлегло отъ сердца, и онъ на другой день, т. е. въ пятницу послѣ обѣда, легко и весело выпрыгнулъ изъ кареты губернатора, когда они въѣхали въ слободу близъ Малиновки, и поблагодарилъ его превосходительство за удовольствіе пріятной прогулки. Онъ, съ дорожнымъ своимъ мѣшкомъ, быстро пробѣжалъ ворота и явился въ домъ.

VI.

Мароинька первая, Викентьевъ второй, и съ ними дворовыя собаки, выскочили встрѣтить его, и всѣ, до Пашутки включительно, обрадовались ему почти до слезъ, такъ что и ему, не смотря на хмѣль страсти, едва не заплакалось отъ этой теплоты сердечнаго пріема. «Ахъ, зачѣмъ мнѣ мало этого счастья — зачѣмъ я не бабушка, не Викентьевъ, не Мароинька: зачѣмъ я — Вѣра въ своемъ родѣ?» думалъ онъ и боязливо искалъ Вѣру глазами.

— А Вѣра уѣхала вчера! сказала Мароинька съ особенной живостью, замѣтивъ конечно, что онъ тоскливо оглядывался вокругъ себя.

— Да, Вѣра Васильевна уѣхала, повторилъ и Викентьевъ.

— Барышни нѣтъ! сказали и люди, хотя онъ ихъ и не спрашивалъ. Ему бы радоваться, а у него сердце упало.

«И весело имъ, что уѣхала, улыбаются: имъ это ничего!» думалъ онъ, проходя къ Татьянѣ Марковнѣ въ кабинетъ.

— Какъ я ждала тебя, хотѣла эстафету посылать! сказала она съ тревожнымъ лицомъ, выславъ Пашутку вонъ и затворяя кабинетъ. Онъ испугался, ожидая какой-нибудь вѣсти о Вѣрѣ.

— Что̀ такое случилось?

— Твой другъ, Леонтій Ивановичъ....

— Ну?

— Боленъ.

— Бѣдный! Что̀ съ нимъ? Я сейчасъ поѣду.... Опасно?

— Погоди, я велю лошадь заложить, а пока скажу, отъ чего: въ городѣ ужъ всѣ знаютъ. Я только для Мароиньки секретничаю. А Вѣра ужъ узнала отъ кого-то...

— Что съ нимъ случилось?

— Жена уѣхала.... шепотомъ сказала Татьяна Марковна,

нахмурившись: онъ и слегъ. Кухарка его третьяго дня и вчера два раза прибѣгала за тобой....

— Куда уѣхала?

— Съ французомъ, съ Шарлемъ укатила! Того вдругъ вызвали въ Петербургъ зачѣмъ-то. Ну, вотъ и она.... «Меня, говоритъ, кстати проводитъ до Москвы M-r Charles». И какъ схитрила: «хочу, говоритъ, повидаться съ родными въ Москвѣ», и выманила у мужа видъ для свободнаго проживанія.

— Ну, такъ чтожъ за бѣда? сказалъ Райскій: ея сношенія съ Шарлемъ не секретъ ни для кого, кромѣ мужа: посмѣются еще, а онъ ничего не узнаетъ. Она воротится....

— Ты не дослушалъ. Письмо прислала мужу, гдѣ проситъ забыть ее, говоритъ, чтобъ не ждалъ, не воротится, что не можетъ жить съ нимъ, зачахнетъ здѣсь....

Райскій пожалъ плечами.

— Ахъ, Боже мой! Ахъ, дура! горевалъ онъ. — Бѣдный Леонтій! Мало ей самой было негласнаго скандала—нѣтъ, захотѣла публичнаго!... Сейчасъ поѣду; ахъ, какъ мнѣ жаль его!

— И мнѣ жаль, Борюшка. Я хотѣла сама съѣздить къ нему — у него честная душа, онъ, какъ младенецъ! Богъ далъ ему ученость, да остроты не далъ.... закопался въ свои книги! У кого онъ тамъ на рукахъ?... Да вотъ что́: если за нимъ нѣтъ присмотру, перевези его сюда — въ старомъ домѣ пусто, кромѣ Вѣриной комнаты.... Мы его тамъ пока помѣстимъ.... Я на случай велѣла приготовить двѣ комнаты.

— Что вы за женщина, бабушка! я только-что подумалъ, а вы ужъ и велѣли!...

Онъ пошелъ на минуту къ себѣ. Тамъ нашелъ онъ письма изъ Петербурга, между ними одно отъ Аянова, своего пріятеля и партнера Надежды Васильевны и Анны Васильевны Па̀хотиныхъ, въ отвѣтъ на нѣсколько своихъ писемъ къ нему, въ которыхъ просилъ извѣстій о Софьѣ Бѣловодовой, а потомъ забылъ. Онъ вскрылъ письмо и увидалъ, что Аяновъ пишетъ, между прочимъ, о ней, отвѣчая на его письмо. «Когда опомнился!» подумалъ онъ, «тогда у меня еще было свѣжо воспоминаніе о ней, а теперь я и лицо ея забылъ! Теперь даже Секлетея Бурдалахова интереснѣе для меня, потому только, что напоминаетъ Вѣру».

Онъ не читалъ писемъ, не вскрылъ журналовъ и поѣхалъ къ Козлову. Ставни сѣраго домика были закрыты, и Райскій едва достучался, чтобъ отперли ему двери. Онъ прошелъ прихожую, потомъ залу, и остановился у кабинета, не зная, постучать, или войти прямо. Дверь вдругъ тихо отворилась, передъ нимъ явился Маркъ Волоховъ, въ женскомъ капотѣ и въ туф-

ляхъ Козлова, нечесаный, съ невыспавшимся лицомъ, блѣдный, худой, съ злыми глазами, какъ будто его всего передернуло.

— Насилу васъ принесла нелегкая! сказалъ онъ съ досадой, вполголоса:—гдѣ вы пропадали? Я другую ночь почти не сплю совсѣмъ.... Днемъ тутъ ученики вертѣлись, а по ночамъ онъ одинъ....

— Что̀ съ нимъ?

— Что̀: развѣ вамъ не сказали? Ушла коза-то! Я обрадовался, когда услыхалъ, шелъ поздравить его, гляжу—а на немъ лица нѣтъ! Глаза помутились, никого не узнаётъ. Чуть горячка не сдѣлалась: теперь, кажется, проходитъ. Чѣмъ бы плакать отъ радости, уродъ убивается горемъ! Я лекаря-было привелъ, онъ прогналъ, а самъ ходитъ, какъ шальной.... Теперь онъ спитъ, не мѣшайте. Я уйду домой, а вы останьтесь, чтобъ онъ чего не натворилъ надъ собой въ припадкѣ тупоумной меланхоліи. Никого не слушаетъ — я ужъ хотѣлъ побить его....

Онъ плюнулъ съ досады.—На кухарку положиться нельзя—она идіотка. Завтра вечеромъ я смѣню васъ.... прибавилъ онъ.

Райскій съ изумленіемъ поглядѣлъ на Марка и подалъ ему руку.

— За что̀ такая милость? спросилъ Маркъ желчно, не давая руки.

— Благодарю, что не кинули моего бѣднаго товарища....

— Ахъ, очень пріятно! сказалъ Маркъ, шаркая обѣими туфлями и крѣпко тряся за руку Райскаго:—я давно искалъ случая услужить вамъ....

— Что это, Волоховъ, вы, какъ клоунъ въ циркѣ, все выворачиваете себя наизнанку!... съ неудовольствіемъ сказалъ Райскій.

— А вы все рисуетесь въ жизни и рисуете жизнь! ядовито отвѣчалъ Волоховъ.—Ну, на кой чортъ мнѣ ваша благодарность? Развѣ я для нея, или для кого-нибудь другого, пришелъ къ Козлову, а не для него самого?

— Ну, хорошо, Маркъ Ивановичъ, сказалъ Райскій:—Богъ съ вами и съ вашими манерами: сила не въ нихъ и не въ моей рисовкѣ! Вы сдѣлали доброе дѣло...

— Опять похвала!

— Опять. Это моя манера говорить—что̀ мнѣ нравится, что̀ нѣтъ. Вы думаете, что быть грубымъ — значитъ быть простымъ и натуральнымъ, а я думаю, чѣмъ мягче человѣкъ, тѣмъ онъ больше человѣкъ. Очень жалѣю, если вамъ не нравится этотъ мой «рисунокъ», но дайте мнѣ свободу рисовать жизнь по своему.

— Хорошо, сахарничайте, какъ хотите! сквозь зубы проворчалъ Маркъ.

— Леонтья я перевезу къ себѣ: тамъ онъ будетъ какъ въ своей семьѣ, сказалъ Райскій, и если горе не пройдетъ, то онъ и останется навсегда въ тихомъ углу....

— Вотъ теперь дайте руку, сказалъ Маркъ серьезно, схвативъ его за руку: это дѣло, а не слова! Козловъ разсохнется и служить уже не можетъ. Онъ останется безъ угла и безъ куска... Славная мысль вамъ въ голову пришла!

— Не мнѣ, а женщинѣ пришла эта мысль, и не въ голову, а въ сердце, — сказалъ Райскій, — и потому теперь *я* не приму вашей руки.... Бабушка выдумала это....

— Экая здоровая старуха, эта ваша бабушка! сказалъ Маркъ:—я когда-нибудь къ ней на пирогъ приду. Жаль, что старой дури набито въ ней много!... Ну, я пойду, а вы присматривайте за Козловымъ, — если не сами, такъ посадите кого-нибудь. Вонъ третьяго дня ему мочили голову и велѣли на ночь сырой капустой обложить: я заснулъ нечаянно, а онъ, въ забытьи, всю капусту съ головы потаскалъ да съѣлъ.... Прощайте! я не спалъ и не ѣлъ самъ. Авдотья меня тутъ какой-то бурдой изъ кофе потчивала....

— А вотъ что: не хотите ли подождать? Я сейчасъ кучера пошлю домой за ужиномъ, сказалъ Райскій.

— Нѣтъ, я поужинаю ужо̀ дома.

— Можетъ быть.... у васъ денегъ нѣтъ?... робко предложилъ Райскій и хотѣлъ достать бумажникъ.

Маркъ вдругъ засмѣялся своимъ холоднымъ смѣхомъ.

— Нѣтъ, нѣтъ — у меня теперь есть деньги.... сказалъ онъ, глядя загадочно на Райскаго. — Да я еще въ баню до ужина пойду. Я весь выпачкался, не одѣвался и не раздѣвался почти. Я, видите ли, живу теперь не у огородника на квартирѣ, а у одной духовной особы: сегодня суббота — тамъ баню топятъ: я схожу въ баню, потомъ поужинаю и лягу ужъ на всю ночь.

— Вы похудѣли—и какъ-будто нездоровы! замѣтилъ Райскій, глаза у васъ....

Маркъ вдругъ нахмурился, и лицо у него сдѣлалось еще злѣе прежняго.

— А вы на мой взглядъ еще нездоровѣе! сказалъ онъ.—Посмотритесь въ зеркало: желтыя пятна, глаза ввалились совсѣмъ...

— У меня разныя безпокойства....

— И у меня тоже, сухо замѣтилъ Волоховъ.—Прощайте.

Онъ ушелъ, а Райскій тихо отворилъ дверь къ Леонтью и подошелъ на цыпочкахъ къ постели.

— Кто тутъ? спросилъ слабо Козловъ.

— Здравствуй, Леонтій, — это я! сказалъ Райскій, взявъ за руку Козлова и садясь въ кресло подлѣ постели.

Козловъ долго всматривался, потомъ узналъ Райскаго, проворно спустилъ ноги съ постели и сѣлъ, глядя на него.

— А тотъ ушелъ? спросилъ онъ:—я притворился спящимъ. Тебя давно не видать, заговорилъ Леонтій слабымъ голосомъ, съ промежутками. —А я все ждалъ — не заглянетъ ли, думаю. Лицо стараго товарища, продолжалъ онъ, глядя близко въ глаза Райскому и положивъ свою руку ему на плечо,—теперь только одно не противно мнѣ....

— Меня не было въ городѣ, отвѣчалъ Райскій:—я сейчасъ только воротился и узналъ, что ты боленъ....

— Врутъ, я не боленъ. Я притворился.... тише сказалъ онъ, опуская голову на грудь и замолчалъ. Черезъ нѣсколько минутъ онъ поднялъ голову и разсѣянно глядѣлъ на Райскаго.

— Что, бишь, такое я хотѣлъ сказать тебѣ?...

Онъ всталъ и пошелъ неровными шагами по кабинету.

— Ты бы легъ, Леонтій, замѣтилъ Райскій, — ты боленъ....

— Я не боленъ, почти съ досадой отвѣчалъ Козловъ.—Что это вы всѣ, точно сговорились, наладили: боленъ, да боленъ. А Маркъ и лекаря привелъ и сидитъ тутъ, точно боится, что я кинусь въ окно, или зарѣжусь....

— Ты, однако, слабъ, насилу ходишь—право, лягъ....

— Да, слабъ, это правда, наклонясь черезъ спинку стула къ Райскому и обнявъ его за шею, шепталъ Леонтій. Онъ положилъ ему щеку на голову, и Райскій вдругъ почувствовалъ у себя на лбу и на щекахъ горячія слезы. Леонтій плакалъ. — Это слабость, да.... всхлипывая говорилъ Леонтій, но я не боленъ.... я не въ горячкѣ.... врутъ они.... не понимаютъ.... Я и самъ не понималъ ничего.... Вотъ, какъ увидѣлъ тебя.... такъ слезы льются, сами прорвались.... Не ругай меня, какъ Маркъ, и не смѣйся надо мной, какъ всѣ они смѣются.... Я вижу, у нихъ злой смѣхъ на лицахъ, у этихъ сердобольныхъ посѣтителей!...

Райскаго самого душили слезы, но онъ не далъ имъ воли, чтобъ не растравлять еще больше тоски Леонтья.

— Я понимаю и уважаю твои слезы, Леонтій! сказалъ онъ, насилу одолѣвая себя....

— Ты добрый, старый товарищъ.... ты и въ школѣ не смѣялся надо мной.... Ты знаешь, отъ чего я плàчу? Ты ничего не знаешь, чтò со мной случилось?...

Райскій молчалъ.

— Вотъ я тебѣ покажу.... Онъ пошелъ къ бюро, вынулъ изъ ящика письмо и подалъ ему.

Райскій пробѣжалъ глазами письмо отъ Ульяны Андреевны, о которомъ ужъ слышалъ отъ бабушки.

— Уничтожь его, сказалъ онъ:—пока оно цѣло, ты не успокоишься....

— Какъ можно! съ испугомъ сказалъ Леонтій, выхватывая письмо и пряча его опять въ ящикъ. — Вѣдь это единственныя ея строки ко мнѣ, — другихъ у меня нѣтъ.... Это одно только и осталось у меня на память отъ нея.... добавилъ онъ, глотая слезы.

— Да, такое чувство заслуживало лучшей доли... тихо сказалъ Райскій. — Но, другъ Леонтій, прими это, какъ болѣзнь, какъ величайшее горе.... Но все же не поддавайся ему — жизнь еще длинна, ты не старъ...

— Жизнь кончилась, перебилъ Леонтій — если.....

— Если что̀?

— Если она.... не воротится.... шепнулъ онъ.

— Какъ, ты хотѣлъ бы..... ты принялъ бы ее теперь!...

— Ахъ, Борисъ, и ты не понимаешь! почти съ отчаяніемъ произнесъ Козловъ, хватаясь за голову и ходя по комнатѣ.— Боже мой! Твердятъ, что я боленъ, сострадаютъ мнѣ, водятъ лекарей, сидятъ по ночамъ у постели—и все-таки не угадываютъ моей болѣзни и лекарства, какое нужно, а лекарство одно...

Райскій молчалъ. Козловъ подошелъ къ нему большими шагами, взялъ его за плеча и сильно тряся, шепталъ въ отчаяніи: «Ея нѣтъ — вотъ моя болѣзнь. Я не боленъ, я умеръ: и настоящее мое, и будущее — все умерло, потому что ея нѣтъ! Поди, вороти ее, приведи сюда — и я воскресну!... А онъ спрашиваетъ, принялъ ли бы я ее! Какъ же ты романъ пишешь, а не умѣешь понять такого простого дѣла!..

Райскій видѣлъ, что Козловъ взглянулъ наконецъ и на близкую ему жизнь тѣмъ же сознательнымъ и вѣрнымъ взглядомъ, какимъ глядѣлъ на жизнь древнихъ, и что утѣшить его нечѣмъ.

— Теперь я понимаю, замѣтилъ онъ: но я не зналъ, что ты такъ любилъ ее. Ты самъ шутилъ, бывало: говорилъ, что привыкъ къ ней, что измѣняешь ей для своихъ грековъ и римлянъ...

Козловъ горько улыбнулся.

— Вралъ, хвасталъ, не понималъ ничего, Борисъ! сказалъ онъ:—и не случись этого... я никогда бы и не понялъ. Я думалъ, что я люблю древнихъ людей, древнюю жизнь, а я просто любилъ.... живую женщину, и любилъ и книги, и гимназію, и древнихъ, и новыхъ людей, и своихъ учениковъ.... и тебя са-

мого.... и этотъ—городъ, вотъ съ этимъ переулкомъ, заборомъ и съ этими рябинами—потому только—что ее любилъ! А теперь это все опротивѣло: я бы готовъ хоть къ полюсу уѣхать... Да, я это недавно узналъ: вотъ какъ тутъ корчился на полу и читалъ ея письмо....

Райскій вздохнулъ.

— А ты спрашиваешь, принялъ ли бы я ее! Боже мой! Какъ принялъ бы—и какъ любилъ бы—она бы узнала это теперь... сказалъ онъ. У него опять закапали слезы.

— Знаешь чтò, Леонтій: я къ тебѣ съ просьбой отъ Татьяны Марковны, сказалъ Райскій.

Леонтій ходилъ взадъ и впередъ, пошатываясь, шлепая туфлями, съ всклокоченной головой, и не слушалъ его.

— Бабушка проситъ тебя переѣхать къ намъ, продолжалъ Райскій: ты здѣсь одинъ пропадешь съ тоски.

Козловъ услыхалъ и понялъ, но въ отвѣтъ махнулъ только рукой.

— Спасибо ей—она святая женщина! Чтò я буду такимъ уродомъ носить свое горе по чужимъ угламъ....

— Это не чужой уголъ. Леонтій: мы съ тобой братья. Наше родство сильнѣе родства крови...

— Да, да, виноватъ, горе одолѣло меня! ложась въ постель, говорилъ Козловъ, и взявъ за руку Райскаго: прости за эгоизмъ. Послѣ.... послѣ.... я самъ притащусь, попрошусь смотрѣть за твоей библіотекой... когда ужъ надежды не будетъ....

— А у тебя есть надежда?

— А чтó? вдругъ шепотомъ спросилъ Козловъ, быстро садясь на постели и подвигая лицо къ Райскому: ты думаешь, что нѣтъ надежды?...

Райскій молчалъ, не желая ни лишать его этой соломенки, ни манить его ею напрасно.

— Я, право, не знаю, Леонтій, чтó сказать: я такъ мало слѣдилъ за твоей женою, давно не видалъ..... не знаю хорошо ея характера.....

— Да, ты не хотѣлъ немного заняться ею... Я знаю, ты далъ бы ей хорошій урокъ... Можетъ быть, этого бы и не было...

Онъ вздохнулъ глубоко.

— Нѣтъ, ты знаешь ее,—прибавилъ онъ: ты мнѣ намекалъ на француза, да я не понялъ тогда... мнѣ въ голову не приходило... Онъ замолчалъ.—А если онъ броситъ ее? почти съ радостью вдругъ сказалъ онъ немного погодя, и въ глазахъ у него на минуту мелькнулъ какой-то лучъ.—Можетъ быть, она вспомнитъ... можетъ быть.....

— Можетъ быть.... нерѣшительно сказалъ Райскій.

— Постой..... чтò это... Кто-то будто ѣдетъ сюда.... заговорилъ Леонтій, привставая и глядя въ окно. Потомъ опустился и повѣсилъ голову. Мимо оконъ проѣхала телѣга, гдѣ мужикъ, въ чувашской рубашкѣ, съ красными обшивками, стоя махалъ возжей.

— Я все жду.... все думаю, не опомнится ли? мечталъ онъ: и ночью пробовалъ вставать, да этотъ разбойникъ Маркъ, точно желѣзной ручищей, повалитъ меня и велитъ лежать. «Не воротится, говоритъ, лежи смирно!» Боюсь я этого Марка.—Онъ вопросительно поглядывалъ на Райскаго.

— А ты, какъ думаешь, шепталъ онъ: ты лучше знаешь женщинъ — чтò онъ смыслитъ! Есть надежда.... или.....

— Если и есть, то во всякомъ случаѣ не теперь, сказалъ Райскій: развѣ послѣ когда-нибудь....

Козловъ глубоко вздохнулъ, медленно улегся на постели и положилъ руки съ локтями себѣ на голову.

— Завтра я перевезу тебя къ намъ,—сказалъ ему Райскій,— а теперь прощай. Ужò къ ночи, я, или приду самъ, или пришлю кого-нибудь побыть съ тобой.

Леонтій не смотрѣлъ и не слыхалъ, чтó Райскій говорилъ и какъ онъ вышелъ.

Райскій воротился домой, отдалъ отчетъ бабушкѣ о Леонтьѣ, сказавши, что опасности нѣтъ, но что никакое утѣшеніе теперь не поможетъ. Оба они рѣшили послать на ночь Якова смотрѣть за Козловымъ, при чемъ бабушка отправила цѣлый ужинъ, чаю, рому, вина — и Богъ знаетъ, чего еще.

— Зачѣмъ это? онъ ничего не ѣстъ, бабушка, сказалъ Райскій.

— А какъ тотъ.... опять придетъ?

— Кто тотъ?

— Ну, кто — Маркушка: я чаю, ѣсть захочетъ. Вѣдь ты говоришь, что засталъ его тамъ....

— Ахъ, бабушка! я сейчасъ поѣду и скажу Марку...

— Сохрани тебя Господи! удержала она его: на смѣхъ подниметъ....

— Нѣтъ — поклонится. Это не Нилъ Андреичъ, онъ понимаетъ васъ.....

— Не надо мнѣ его поклоновъ, а чтобъ былъ сытъ — и Богъ съ нимъ! Онъ пропащій! А что... о восьмидесяти рубляхъ не поминаетъ?

Райскій махнулъ рукой, ушелъ къ себѣ въ комнату и сталъ дочитывать письмо Аянова и другія, полученныя имъ письма изъ Петербурга, вмѣстѣ съ журналами и газетами.

VII.

«Чтó сдѣлалось съ тобой, любезный Борисъ Павловичъ? писалъ Аяновъ: въ какую всероссійскую щель заползъ ты отъ нашего вѣчно-мокраго, но вѣчно-юнаго Петербурга, что отъ тебя два мѣсяца нѣтъ ни строки? Ужъ не женился ли ты тамъ на какой-нибудь стерляди? Забрасывалъ сначала своими повѣстями, т. е. письмами, а тутъ вдругъ и пропалъ, такъ-что я не знаю, не переѣхалъ ли ты изъ своей трущобы — Малиновки, въ какую-нибудь трущобу — Смородиновку, и получишь ли мое письмо?

«Новостей много, слушай только... Поздравь меня: геморрой наконецъ у меня открылся!! Мы съ докторомъ такъ обрадовались, что бросились другъ другу въ объятія и чуть не зарыдали оба. Понимаешь ли ты важность этого исхода: на воды не надо ѣхать! Поясницѣ легче, а къ животу я прикладываю холодные компрессы: у меня, вѣдь ты знаешь — pletora abdominalis.....»

— Вотъ какими новостями занимаетъ! подумалъ Райскій и читалъ дальше.

«Олинька моя хорошѣетъ, преуспѣваетъ въ благочестіи, благонравіи и наукахъ, институтскому начальству покорна, къ отцу почтительна, и всякій четвергъ спрашиваетъ, скоро ли пріѣдетъ другой баловникъ, Райскій, поправлять ея рисунки и совать ей въ другую руку другую, сверхъ-штатную коробку конфектъ.....»

— Вотъ животное: только о себѣ! шепталъ опять Райскій, читая черезъ нѣсколько строкъ ниже.

...«Коко женился наконецъ на своей Eudoxie, за которой чуть не семь лѣтъ, какъ за Рахилью, ухаживалъ, — и уѣхалъ въ свою тьму-тараканскую деревню. Горбуна сбыли за границу, вмѣстѣ съ его вѣдьмой, и теперь въ домѣ стало поживѣе. Стали отворять окна и впускать свѣжій воздухъ и людей,—только кормятъ все еще скверно»...

— Что мнѣ до нихъ за дѣло! съ нетерпѣніемъ ворчалъ Райскій, пробѣгая дальше письмо: о кузинѣ ни слова, а мнѣ и о ней-то не хочется слышать!

«...на его мѣсто,—шепотомъ читалъ онъ дальше,—прочатъ въ министры князя И. В., а товарищемъ И. Б—а... Женщины подняли гвалтъ... П. П. проигралъ семдесятъ тысячъ... Х—іе уѣхали за границу... Тебѣ скучно: вижу, что ты морщишься — спрашиваешь—чтò Софья Николаевна (началъ живѣе читать Райскій): сейчасъ, сейчасъ, я берегъ вѣсти о ней pour la bonne bouche...»

— На силу добрался, — сказалъ Райскій — ну, что она?

«Я старался и безъ тебя, какъ при тебѣ, и служилъ твоему дѣлу вѣрой и правдой, т. е. два раза игралъ съ милыми «барышнями» въ карты, такъ что братецъ ихъ, Николай Васильевичъ, прозвалъ меня женихомъ Анны Васильевны, и такъ разгулялся однажды на счетъ будущей нашей свадьбы, что былъ вытолканъ обѣими сестрицами въ спину и не получилъ ни гроша субсидіи, за которой было явился. Но за то занялъ триста рублей у меня, а я поставилъ эти деньги на твой счетъ, такъ какъ надежды отыграть ихъ у моей нареченной невѣсты уже болѣе нѣтъ. Внемли, блѣднѣй и трепещи!

«Играя съ тетками, я служилъ, говорю, твоему дѣлу, т. е. пробужденію страсти въ твоей мраморной кузинѣ, съ тою только разницею, что безъ тебя это дѣло пошло было въ прокъ. Итальянецъ, графъ Милари, должно быть служитъ по этой же части, т. е. развиваетъ страсти въ женщинахъ, и едва ли не успѣшнѣе тебя. Онъ повадился ѣздить въ тѣ же дни и часы, когда мы играли въ карты, а Николай Васильевичъ не нарадовался, глядя на свое семейное счастье».

«Папашу оставляли въ покоѣ, занимались музыкой, играли, пѣли — даже не брали гулять, потому что (я говорю тебѣ это по секрету, и весь Петербургъ не иначе, какъ на ухо, повторяетъ этотъ секретъ) когда карета твоей кузины являлась на островахъ, являлся тогда и Милари верхомъ, или въ коляскѣ, и ѣхалъ подлѣ кареты. Софья Николаевна еще больше похорошѣла, потомъ стала задумываться, немного вышла изъ своего «олимпійскаго» спокойствія и похудѣла... Она (бери спиртъ и нюхай!) сдѣлала... un faux pas! Я добивался, какой именно, и получалъ такіе отвѣты, даже отъ ея кузины Катринь, изъ которыхъ ничего не сообразишь: все двойки да шестерки, ни одного короля, ни дамы, ни туза, ни даже десятки нѣтъ... все фоссви!»

«Я началъ уже самъ сочинять ихъ романъ: думалъ, не застали ли ихъ гдѣ-нибудь уединенно-гуляющихъ, или перехватили письмо, въ коемъ сказано: «люблю-молъ тебя» — или раздался преступный поцѣлуй среди дуэтовъ Россини и Беллини. Нѣтъ, играли, пѣли, мѣшая намъ играть въ карты (мимоходомъ замѣчу, что и безъ нихъ игра вязалась плохо. Вообще, я терпѣть не могу лѣта, потому что лѣтомъ карты сквозятъ), такъ что Надежда Васильевна затыкала даже уши ватой... А въ городѣ и пошло, и пошло! Мезенскіе, Хатьковы, и Мышинскіе, и всѣ, — больше всѣхъ кузина Катринь, тихо, съ сдержанной радостью, шептали: «Sophie a poussé la chose trop loin, sans se rendre compte des suites...» и т. д. Какая это «chose», спрашивалъ я, и на ухо, и въ слухъ, того, другого—и не получая опредѣлитель-

наго отвѣта, самъ сталъ шептать, когда зайдетъ рѣчь о ней. «Oui, говорилъ я — elle a poussé la chose trop loin sans se rendre compte... Elle a fait un faux pas...»

«И пожму значительно плечами, когда спросятъ, какой «pas»?

«Такимъ образомъ всплыло на горизонтъ легкое облачко и стало надъ головой твоей кузины. А я все служилъ да служилъ дѣлу, не забывая дружеской обязанности, и все ѣздилъ играть къ теткамъ. Даже сблизился съ Милари и сталъ условливаться съ нимъ, какъ, бывало, съ тобой, приходить въ одни часы, чтобъ обоимъ было удобнѣе...»

— Какой оселъ! — сказалъ съ досадой Райскій, бросивъ письмо: — онъ думалъ, что угождаетъ мнѣ!..

«А ты, за службу и дружбу мою, читалъ дальше Райскій, — пришли, или привези мнѣ къ зимѣ, съ Волги, отличной свѣжей икры боченокъ-другой, да стерлядей въ аршинъ: я подѣлюсь съ его сіятельствомъ, моимъ партнеромъ, министромъ и милостивцемъ...»

Райскій читалъ ниже:

«Такъ мы и переѣхали цѣлой семьей на дачу, на Каменный Островъ, т. е. онѣ заняли весь домъ В., а я двѣ комнаты неподалеку. Николай Васильевичъ поселился въ особомъ павильонѣ...»

«Дѣла шли своимъ чередомъ, какъ вдругъ однажды, передъ началомъ нашей вечерней партіи, когда Надежда Васильевна и Анна Васильевна наряжались къ выходу, а Софья Николаевна поѣхала гулять, взявши съ собой Николая Васильевича, чтобъ завести его тамъ гдѣ-то на дачу, — доложили о пріѣздѣ княгини Олимпіады Измайловны. Обѣ тетки поворчали на это неожиданное разстройство партіи, но однако отпустили меня погулять, наказавши черезъ часъ вернуться, а княгиню приняли. Несчастные мы всѣ трое: ни тетушки твои, ни я—не предчувствовали, что намъ не играть больше! Княгиня встрѣтилась со мной на лѣстницѣ и несла такое торжественное, важное лице вверхъ, что я даже не осмѣлился освѣдомиться о ея нервахъ. Черезъ часъ я прихожу, меня не принимаютъ. Захожу на другой день — не принимаютъ. Черезъ два, три дня — тоже самое. Обѣ тетки больны, «барыня», т. е. Софья Николаевна нездорова, не выѣзжаетъ и никого не принимаетъ: такіе отвѣты получалъ я отъ слугъ. Я толкнулся во флигель къ Николаю Васильевичу—дома нѣтъ, а между тѣмъ его нигдѣ не видно: ни на pointe, ни у Излера, куда онъ хаживалъ *инкогнито*, какъ онъ говоритъ. Я — въ городъ, въ клубъ — къ Петру Ивановичу. Тотъ ужъ издали, изъ-за газетъ, лукаво выглянулъ на меня и улыб-

нулся: «знаю, знаю, зачѣмъ, говоритъ: чтò, дверь захлопнулась, оброкъ прекратился?..» Отъ него я добился только — сначала, что кузина твоя — a poussé la chose trop loin... qu'elle a fait un faux pas... а потомъ — что послѣ визита княгини Олимпіады Измайловны, этой гонительницы женскихъ пороковъ и поборницы добродѣтелей, тетки разомъ слегли, въ окнахъ опустили сторы, Софья Николаевна сидитъ у себя запершись, и всѣ обѣдаютъ по своимъ комнатамъ, и даже не обѣдаютъ, а только блюда приносятся и уносятся нетронутыя, — что трогаетъ ихъ одинъ Николай Васильевичъ, но ему запрещено выходить изъ дома, чтобъ какъ-нибудь не проболтался, что графъ Милари и носа не показываетъ въ домъ, а ѣздитъ старый докторъ Пертовъ, бросившій давно практику и въ молодости лечившій обѣихъ барышень (и бывшій ихъ любовникомъ, по словамъ старой, забытой хроники—прибавлю въ скобкахъ). Наконецъ, Петръ Ивановичъ сказалъ, что весь домъ, кромѣ Николая Васильевича, втайнѣ готовится уѣхать на такія воды, какихъ старики не запомнятъ, и располагаютъ пробыть года три за границей.

«Я однако добился свиданія съ Николаемъ Васильевичемъ: написалъ ему записку и получилъ приглашеніе отобѣдать съ нимъ «вечеромъ» наединѣ. Онъ прежде всего попросилъ быть скромнымъ на счетъ обѣда. Въ домѣ постъ теперь: «on est en pénitence — бульонъ и цыпленка готовятъ на всѣхъ — et ma pauvre Sophie n'ose pas descendre me tenir compagnie» — жалуется онъ горько и жуетъ въ недоумѣніи губами—«et nous sommes enfermés tous les deux... Я велѣлъ для васъ сдѣлать обѣдъ, только не говорите!» прибавилъ онъ боязливо, уплетая перепелокъ, и чуть не плакалъ о своей бѣдной Софьѣ. Наконецъ, я добился, что къ прежнему облачку, къ этому искомому мною x — т. е. que Sophie a poussé la chose trop loin, прибавился наконецъ и фактъ—она, о ужасъ! a fait un faux pas, именно—отвѣчала на записку Милари! Пàхотинъ показалъ мнѣ эту записку, съ яростью ударяя кулакомъ по столу. «Mais dites donc, dites, qu'est ce qu'il y a là? à propos de quoi—всѣ эти охи, и ахи, и флаконы со спиртомъ, и этотъ отъѣздъ? et tout ce remue-ménage? Voilà ce que c'est que d'être vieilles filles!» Онъ топалъ, бѣгалъ по кабинету и прохлаждалъ себя, макая бисквиты въ шампанское и глотая какія-то дижестивныя пилюли вслѣдъ затѣмъ. «И что всего грустнѣе, говорилъ онъ, что бѣдняжка Sophie убивается сама: «Oui, la faute est à moi, твердитъ она, je me suis compromise: une femme qui se respecte ne doit pas pousser la chose trop loin... se permettre.» — «Mais qu'as tu donc fait, mon enfant?» спрашиваю я—«j'ai fais un faux pas..,

твердитъ она: — огорчила тетокъ, васъ, папа!..» «Mais pas le moins du monde, говорю я — и все напрасно. Et elle pleure, elle pleure... cette pauvre enfant: Ce billet... Посмотрите эту записку!» А въ запискѣ изображено слѣдующее: Venez, comte, je vous attends entre huit et neuf heures, personne n'y sera et surtout n'oubliez pas votre portefeuille artistique. Je suis etc: S. B. Николай Васильевичъ пораженъ прежде всего въ родительской нѣжности. «Le nuage a grossi grâce à ce billet, потому что... кажется... (на ухо шепнулъ мнѣ Пахотинъ) entre nous soit dit, Sophie... n'était pas tout-à-fait insensible aux hommages du comte, mais c'est un gentilhomme et elle est trop bien eleveé pour pousser les choses... jusqu'à un faux pas...»

«И только, Борисъ Павловичъ! Какъ мнѣ ни грустно это, т. е. что «только» и что я не могу тебѣ сообщить чего-нибудь повеселѣе, какъ напримѣръ, вь родѣ того, что кузина твоя, одѣвшись въ темную мантилью, ушла изъ дома, что на углу ждала ее и умчала куда-то наемная карета, что потомъ видѣли ее съ Милари возвращающуюся блѣдной, а его торжествующимъ, и разстающихся гдѣ-то на перекресткѣ и т. д.»

«Но здѣсь хватаются и за соломенку: всячески раздуваютъ искру — и изъ записки дѣлаютъ слона, вставляютъ туда другія фразы, даже нѣжное *ты*, но это не клеится, и все вертится на одной и той же редакціи; т. е. «que Sophie a poussé la chose trop loin, qu'elle a fait un faux pas»..... Я усердно помогаю дѣлу со своей стороны, лукаво молчу и не обличаю, не говорю, что́ тамъ написано. За мной ходятъ, видя, что я знаю. К. Р. и жена два раза звали обѣдать, а М. подпаиваетъ меня въ клубѣ, не проговорюсь ли. Мнѣ это весело и я молчу.»

«Черезъ двѣ недѣли онѣ ѣдутъ. И вотъ тебѣ развязка романа твоей кузины! Да, я забылъ главное — слона: Николай Васильевичъ былъ поставленъ сестрицами своими «dans une position très-délicate»: объясниться съ графомъ Милари и выпросить назадъ у него эту роковую записку. Онъ говоритъ, что у него и подагра, и нервы, и тикъ, и ревматизмъ, все поднялось разомъ, когда онъ объяснялся съ графомъ. Тотъ тонко и лукаво улыбался, выслушавъ просьбу отца, и сказалъ, что на другой день удовлетворитъ ее, и сдержалъ слово, прислалъ записку самой Бѣловодовой, съ учтивымъ и почтительнымъ письмомъ. «Mais comme il riait sous cape, ce comte (il est très-fin), quand je lui débitais toutes les sottes réflexions de mes chères soeurs.... vieilles chiennes!».... отвернувшись добавилъ онъ и разбилъ со злости фарфоровую куклу на каминѣ.»

«Вотъ тебѣ и драма, любезный Борисъ Павловичъ: годится ли въ твой романъ? Пишешь ли ты его? Если пишешь, то сократи эту драму въ двухъ слѣдующихъ словахъ. Вотъ тебѣ ключъ или «le mot de l'énigme», какъ говорятъ здѣсь русскіе люди, притворяющіеся неумѣющими говорить по-русски и воображающіе, что говорятъ по-французски. Кузина твоя увлеклась по своему, не покидая гостиной, а графъ Милари добивался свести это на большую дорогу—и—говорятъ (это папа разболталъ), что между ними бывали живые споры, что онъ бралъ ее за руку, а она не отнимала, у ней даже глаза туманились слезой, когда онъ, недовольный прогулками верхомъ у кареты и пріемомъ при теткахъ, настаивалъ на бо̀льшей свободѣ,—звалъ въ паркъ вдвоемъ, являлся въ другіе часы, когда тетки спали, или бывали въ церкви, и не успѣвая, не показывалъ глазъ по недѣлѣ. А кузина волновалась, «prenant les choses au sérieux» (я не перевожу тебѣ здѣшняго языка, а передаю въ оригиналѣ, такъ какъ оригиналъ всегда ярче перевода). Между тѣмъ гра́фъ серьезныхъ намѣреній не обнаруживалъ и наконецъ.... наконецъ.... вотъ гдѣ ужасъ: узнали, что онъ изъ «новыхъ» и своимъ прежнимъ правительствомъ былъ— «mal vu», и «эмигровалъ» изъ отечества въ Парижъ, гдѣ и проживалъ, а главное, что у него тамъ, подъ голубыми небесами, во Флоренціи, или въ Миланѣ, есть какая-то нареченная невѣста, тоже кузина.... что вся его фортуна («fortune» — въ оригиналѣ) перейдетъ въ его родъ изъ того рода, также какъ и виды на карьеру. Это провѣдала княгиня черезъ князя Б. П.... И твоя Софья страдаетъ теперь вдвойнѣ: и отъ того, что оскорблена внутренно—гордости ея красоты и гордости рода нанесенъ ударъ— и отъ того, что сдѣлала.... un faux pas, и можетъ быть, также немного и отъ того чувства, которое ты старался пробудить—и успѣлъ, а я, по дружбѣ къ тебѣ, поддержалъ въ ней.... Что̀ будетъ съ ней теперь—не знаю: драма ли, романъ ли—это уже докончи ты на досугѣ, а мнѣ пора на вечеръ къ В. И. Тамъ ожидаетъ меня здоровая и серьезная партія съ серьезными игроками.»

«Прощай—это первое и послѣднее мое письмо, или, пожалуй, глава изъ будущаго твоего романа. Ну, поздравляю тебя, если онъ будетъ весь такой! Бабушкѣ и сестрамъ своимъ кланяйся, нужды нѣтъ, что я не знаю ихъ, а онѣ меня, и скажи имъ, что въ такомъ-то городѣ живетъ твой пріятель, готовый служить, какъ выше показано.» — *И. Аяновъ.*

VIII.

Райскій сунулъ письмо въ ящикъ, а самъ, взявъ фуражку, пошелъ въ садъ, внутренно сознаваясь, что онъ идетъ взглянуть на мѣста, гдѣ еще вчера ходила, сидѣла, скользила, можетъ быть, какъ змѣя, съ обрыва внизъ, сверкая красотой, какъ ночь—Вѣра, все она, его мучительница и идолъ, которому онъ еще лихорадочно дочитывалъ про себя—и молитвы, какъ идеалу, и шепталъ проклятія, какъ живой красавицѣ, кидая мысленно въ нее каменья.

Онъ обошелъ весь садъ, взглянулъ на ея закрытыя окна, подошелъ къ обрыву и погрузилъ взглядъ въ лежащую у ногъ его пропасть тихо шумящихъ кустовъ и деревьевъ. Аллеи представлялись темными корридорами, но открытыя мѣста, поблекшій цвѣтникъ, огородъ, все пространство сада, лежащее передъ домомъ, освѣщалось косвенными лучами выплывшей на горизонтъ луны. Звѣзды сильно мерцали. Вечеръ былъ ясенъ и свѣжъ. Райскій посмотрѣлъ съ обрыва на Волгу; она сверкала вдали, какъ сталь. Около него, тихо шелестя, летѣли съ деревьевъ увядшіе листья. «Тамъ она теперь», думалъ онъ, глядя за Волгу:— и ни одного слова не оставила мнѣ! Задушевное, сказанное ею груднымъ шепотомъ «прощай» примирило бы меня со всей этой злостью, которую она такъ щедро излила на мою голову! И уѣхала: ни слѣда, ни воспоминанія!» горевалъ онъ, склонивъ голову, идучи по темной аллеѣ.

Вдругъ въ плечо ему слегка впились чьи-то тонкіе пальцы, какъ когти хищной птицы, и въ ухѣ раздался сдержанный смѣхъ.

— Вѣра! въ радостномъ ужасѣ сказалъ онъ, задрожавъ и хватая ее за руку. У него даже волосы поднялись на головѣ.— Ты здѣсь, не за Волгой!...

— Здѣсь, не за Волгой! повторила она, продолжая смѣяться, и пропустила свою руку ему подъ руку.—Вы думали, что я отпущу васъ, не простясь? Да, думали? Признавайтесь!....

— Ты колдунья, Вѣра. Да, сію минуту я упрекалъ тебя, что ты не оставила даже слова! говорилъ онъ растерянный, и отъ страха, и отъ неожиданной радости, которая вдругъ охватила его.

— Да какъ же это ты?... Въ домѣ всѣ говорили, что ты уѣхала вчера....

Она иронически засмѣялась, стараясь поглядѣть ему въ лицо.

— А вы и повѣрили! Я готовила вамъ сюрпризъ: велѣла сказать, что уѣхала.... Признавайтесь, вы не повѣрили, притворились?...

— Ейбогу, нѣтъ.

— Побожитесь еще! говорила она, торжествуя и наслаждаясь его волненіемъ, и опять засмѣялась раздражительнымъ смѣхомъ. — Не оставила двухъ словъ, а осталась сама: что̀ лучше? Говорите же! прибавила она, шаля и заигрывая съ нимъ.

Онъ былъ въ недоумѣніи. Эта живость рѣчи, быстрыя движенія, насмѣшливое кокетство — все казалось ему неестественно въ ней. Сквозь живой тонъ и рѣзвость онъ слышалъ будто усталость, видѣлъ напряженіе скрыть истощеніе силъ. Ему хотѣлось взглянуть ей въ лицо, и когда они подошли къ концу аллеи, онъ вывелъ - было ее на лунный свѣтъ.

— Дай мнѣ взглянуть на тебя: что̀ съ тобой Вѣра? Какая ты рѣзвая, веселая!... замѣтилъ онъ робко.

— Что̀ смотрѣть — нечего! съ нетерпѣніемъ перебила она, стараясь выдернуть свою руку и увлекая его въ темноту. Она встряхивала головой, небрежно поправляя сползавшую съ плечъ мантилью.

— Веселая — отъ того, что вы здѣсь, подлѣ меня....

Она прижалась плечомъ къ его плечу.

— Что̀ съ тобой, Вѣра? въ тебѣ какая-то перемѣна! прошепталъ Райскій подозрительно, не раздѣляя ея бурной веселости.

— Пойдемте, пойдемте, что за смотръ такой — не люблю!.... живо говорила она, едва стоя на мѣстѣ. Онъ чувствовалъ, что руки у ней дрожатъ и что вся она трепещетъ и бьется въ какой - то непонятной для него тревогѣ.

— Да говорите же что̀-нибудь, разсказывайте, гдѣ были, что̀ видѣли, помнили-ли обо мнѣ? А что страсть? все мучаетъ — да? Что это у васъ, точно языкъ отнялся? куда дѣвались эти «волны поэзіи», этотъ «рай и геенна?» давайте мнѣ рая! Я счастья хочу, «жизни»!..

Она говорила бойко, развязно, трогая его за плечо, не стояла на мѣстѣ отъ нетерпѣнія, ускоряла шагъ.

— Да что это вы идете, какъ черепаха! Пойдемте къ обрыву, спустимся къ Волгѣ, возьмемъ лодку, покатаемся!... продолжалала она, таща его съ собой, то смѣясь, то вдругъ задумываясь.

— Вѣра, мнѣ страшно съ тобой: ты... не здорова! печально сказалъ онъ.

— А что̀? спросила она вдругъ, останавливаясь.

— Откуда вдругъ у тебя эта развязность, болтливость? ты, такая сдержанная, сосредоточенная!

— Я очень обрадовалась вамъ, братъ: все смотрѣла въ окно, прислушивалась къ стуку экипажей... сказала она, и наклонивъ

голову, въ раздумьѣ, тише пошла подлѣ него, все держа свою руку на его плечѣ и по временамъ сжимая сильно, какъ птица когти, свои тонкія пальцы.

Ему отъ чего-то было тяжело. Онъ уже не слушалъ ея раздражительныхъ и кокетливыхъ вызововъ, которымъ въ другое время готовъ былъ вѣрить. Въ немъ въ эту минуту умолкла собственная страсть: онъ болѣлъ духомъ за нее, вслушиваясь въ ея лихорадочный лепетъ, стараясь вглядѣться въ нервную живость движеній и угадать: что̀ значило это волненіе.

— Что вы такъ странно смотрите на меня: я не сумасшедшая! говорила она, отворачиваясь отъ него. На него напалъ ужасъ. «Сумасшедшіе почти всегда такъ говорятъ! подумалъ онъ: спѣшатъ увѣрить всѣхъ, что они не сумасшедшіе!» Онъ самъ испытывалъ нетрезвость страсти — и мучился за себя, но онъ давно зналъ, и страсти, и себя, и то не всегда могъ предвидѣть исходъ. Теперь, видя Вѣру, упившеюся этого недуга, онъ вздрагивалъ за нее. Она какъ будто теряетъ силу, слабѣетъ. Спокойствія въ ней нѣтъ больше: она собираетъ послѣднія силенки, чтобъ замаскироваться, уйти въ себя—это явно: но и въ себѣ ей уже тѣсно—чаша переполняется, и волненіе выступаетъ наружу. «Боже мой, что̀ съ ней будетъ! въ страхѣ думалъ онъ: а у ней нѣтъ довѣрія ко мнѣ. Она не высказывается, хочетъ бороться одна! кто охранитъ ее?...» «Бабушка!» шепнулъ ему какой-то голосъ.

— Вѣра! ты нездорова: ты бы поговорила съ бабушкой... серьезно сказалъ онъ.

— Тише, молчите, помните ваше слово! сильнымъ шепотомъ сказала она.—Прощайте теперь! Завтра пойдемъ съ вами гулять, потомъ въ городъ, за покупками, потомъ туда, на Волгу... всюду! Я жить безъ васъ не могу!.. прибавила она почти грубо, и сильно сжавъ ему плечо пальцами.

— Что̀ съ ней! думалъ онъ. Но послѣднія ея слова, этотъ грубо-кокетливый вызовъ, обращенный прямо къ нему и на него, заставили его подумать и о своей защитѣ, напомнили ему о его собственной борьбѣ и о намѣреніи бѣжать.

— Я уѣду, Вѣра, сказалъ онъ вслухъ: я измученъ, у меня нѣтъ силъ больше, я умру... Прощай! зачѣмъ ты обманула меня? зачѣмъ вызвала? зачѣмъ ты здѣсь? чтобъ наслаждаться моими муками?.. Уѣду, пусти меня!

— Уѣзжайте, сказала она, отойдя отъ него на шагъ.—Егорка еще не успѣлъ унести чемоданъ на чердакъ!..

Онъ быстро пошелъ, ожесточенный этой умышленной пыткой, этимъ издѣваніемъ надъ нимъ и надъ страстью. Потомъ

оглянулся. Шагахъ въ десяти отъ него, выступивъ немного на лунный свѣтъ, она, какъ бѣлая статуя въ зелени, стоитъ неподвижно и слѣдитъ за нимъ съ любопытствомъ, уйдетъ онъ, или нѣтъ.

«Что это? что̀ съ ней? съ ужасомъ спрашивалъ онъ: зачѣмъ я ей? Воткнула ножъ, смотритъ, какъ течетъ кровь, какъ бьется жертва! что̀ она за женщина?»

Ему припомнились всѣ жестокія, историческія, женскія личности, жрицы кровавыхъ культовъ, женщины революціи, купавшіяся въ крови, и все жестокое, что̀ совершено женскими руками, съ Юдифи до леди Макбетъ включительно. Онъ пошелъ, и опять обернулся. Она смотритъ неподвижно. Онъ остановился. «Какая красота, какая гармонія во всей этой фигурѣ! Она — страшна, гибельна мнѣ!» думалъ онъ, стоя, какъ вкопаный, и не могъ оторвать глазъ отъ стройной, неподвижной фигуры Вѣры, облитой луннымъ свѣтомъ. Онъ чувствовалъ эту красоту нервами: ему было больно отъ нея. Онъ не-хотя впился въ нее глазами. Она пошевелилась и сдѣлала ему призывный знакъ головой. Проклиная свою слабость, онъ медленно, шагъ за шагомъ, пошелъ къ ней. Она уползла въ темную аллею, лишь только онъ подошелъ, и онъ послѣдовалъ за ней.

— Что̀ тебѣ нужно, Вѣра, зачѣмъ ты не даешь мнѣ покоя? Черезъ часъ я уѣду!.. рѣзко и сухо̀ говорилъ онъ, и самъ не-хотя шелъ къ ней.

— Не смѣйте, я не хочу! сильно схвативъ его за руку, говорила она: вы—«рабъ мой», должны мнѣ служить... Вы тоже не-давали мнѣ покоя!

Дрожь страсти вдругъ охватила его: онъ чувствовалъ, что колѣни его готовы склониться и голосъ пѣлъ внутри его: «да, рабъ, повелѣвай!..» И онъ хотѣлъ упасть и зарыдать отъ страсти у ея ногъ.

— Вы мнѣ нужны, шептала она: вы, просили мукъ, казни— я дамъ вамъ ихъ! «Это жизнь!» говорили вы:—вотъ она — мучайтесь, и я буду мучаться, будемъ вмѣстѣ мучаться... «Страсть прекрасна: она кладетъ на всю жизнь долгій слѣдъ, и этотъ слѣдъ люди называютъ счастьемъ!..» Кто это проповѣдывалъ? А теперь бѣжать: нѣтъ! оставайтесь, вмѣстѣ кинемся въ ту бездну! «Это жизнь, и только это!» говорили вы — вотъ и давайте жить! Вы меня учили любить, вы преподавали страсть, вы развивали ее...

— Ты гибнешь Вѣра! въ ужасѣ сказалъ онъ, отступая.

— Можетъ быть, говорила она, какъ будто отряхивая хмѣль отъ головы.—Такъ что же? что̀ вамъ? не все ли равно? вы этого

хотѣли! «Природа влагаетъ только страсть въ живые организмы», твердили вы: «страсть прекрасна!..» Ну вотъ она—любуйтесь!..

Она забирала сильными глотками свѣжій, вечерній воздухъ.

— Но я же и остерегалъ тебя: я называлъ страсть «волкомъ...» защищался онъ, съ ужасомъ слушая это явное, беззащитное признаніе.

— Нѣтъ, она злѣе, она—тигръ. Я не вѣрила, теперь вѣрю. Знаете ту картину, въ кабинетѣ стараго дома: тигръ скалитъ зубы на сидящаго на немъ амура. Я не понимала, что̀ это значитъ, безсмыслица — думала, а теперь понимаю. Да — страсть, какъ тигръ, сначала дастъ сѣсть на себя, а потомъ рычитъ и скалитъ зубы...

У Райскаго въ душѣ шевельнулась надежда добраться до таинственнаго имени: кто! Онъ живо ухватился за ея сравненіе страсти съ тигромъ.

— У насъ на сѣверѣ нѣтъ тигровъ, Вѣра, и сравненіе твое невѣрно — сказалъ онъ. — Мое вѣрнѣе: твой идолъ — волкъ!

— Браво, да, да! смѣясь нервически перебила она: настоящій волкъ! какъ ни корми, все въ лѣсу глядитъ!

Потомъ вдругъ смолкла, какъ будто въ отчаяніи.

— Всѣ вы звѣри — прибавила потомъ со вздохомъ: онъ — волкъ...

— Кто онъ? тихо спросилъ Райскій.

— Тушинъ—медвѣдь, продолжала она, не отвѣчая ему: русскій, честный, смышленый медвѣдь...

«А! такъ это не Тушинъ»! подумалъ Райскій.

— Положи руку на его мохнатую голову, говорила она—и спи: не измѣнитъ, не обманетъ... будетъ вѣкъ служить...

— А я кто? вдругъ немного развеселясь спросилъ Райскій.

Она близко и лукаво поглядѣла ему въ глаза и медлила отвѣтомъ.

— Вижу, хочется сказать «оселъ»: скажи Вѣра, не церемонься.

— Вы? оселъ? заговорила она язвительно, ходя медленно вокругъ него и оглядывая его со всѣхъ сторонъ.

— Право оселъ! наивно подтвердилъ Райскій: вижу, какъ ты мудришь надо мной, терплю и хлопаю ушами.

— Какой вы оселъ! Вы—лиса, мягкая, хитрая: заманить въ западню... тихо, умно, изящно... Вотъ я васъ!..

Онъ молчалъ, не понимая ее.

— Да говорите же, что молчите! дергая его за рукавъ сказала она.

— Есть средство противъ этихъ волковъ...

— Какое?

— Мнѣ—уѣхать, а тебѣ — не ходить вонъ туда... Онъ показалъ на обрывъ.

— Дайте мнѣ силу не ходить туда! почти крикнула она...— Вотъ вы то же самое теперь испытываете, что̀ я: да? Ну, попробуйте завтра усидѣть въ комнатѣ, когда я буду гулять въ саду одна... Да нѣтъ, вы усидите! Вы сочинили себѣ страсть, вы только умѣете краснорѣчиво говорить о ней, завлекать, играть съ женщиной! Лиса, лиса! вотъ я васъ за это, постойте: еще не то будетъ! съ принужденнымъ смѣхомъ, и будто шутя, но горячо говорила она, впуская опять ему въ плечо свои тонкіе пальцы. Онъ въ страхѣ слушалъ ее.

— Ты за этимъ дождалась меня? помолчавъ спросилъ онъ: чтобъ сказать мнѣ это?..

— Да, за этимъ! Чтобъ вы не шутили впередъ съ страстью, а научили бы, что́ мнѣ дѣлать теперь — вы, учитель!... А вы подожгли домъ, да и бѣжать! «Страсть прекрасна, люби, Вѣра, не стыдись!» Чья это проповѣдь: отца Василья?

— Я разумѣлъ раздѣленную страсть, тихо оправдывался онъ.— Страсть прекрасна, когда обѣ стороны прекрасны, честны — тогда страсть не зло, а дѣйствительно величайшее счастье на всю жизнь: тамъ нѣтъ и не нужно лжи и обмановъ. Если одна сторона не отвѣчаетъ на страсть, она не будетъ напрасно увлекать другую, или когда наступитъ охлажденіе, она не поползетъ въ темнотѣ, отравляя измѣной жизнь другому, а смѣло откроется и нанесетъ честно, какъ сама судьба, одинъ явный и неизбѣжный ударъ — разлуку.... Тогда бурь нѣтъ, а только живительный огонь...

— Страсти безъ бурь нѣтъ, или это не страсть! сказала она.— А кромѣ честности и нечестности, другого разлада, другихъ пропастей развѣ не бываетъ? спросила она послѣ нѣкотораго молчанія.—Ну вотъ, я люблю, меня любятъ: никто не обманываетъ. А страсть рветъ меня... Научите же теперь, что̀ мнѣ дѣлать?

— Бабушкѣ сказать... говорилъ онъ, блѣдный отъ страха: позволь мнѣ, Вѣра... отдай мое слово назадъ...

— Боже сохрани! молчите и слушайте меня! А! теперь «бабушкѣ сказать!» Стращать, стыдить меня!.. А кто велѣлъ не слушаться ее, не стыдиться? Кто смѣялся надъ ея моралью?

— Ты скажи мнѣ, что́ съ тобой, Вѣра: ты, то проговариваешься, то опять уходишь въ тайну: я въ потемкахъ, я не знаю ничего... Тогда, можетъ быть, я найду и средство... Я готовъ умереть за тебя, если нужно...

— Вы не знаете, что̀ со мной, вы въ потемкахъ: подите сюда! говорила она, уводя его изъ аллеи, и выйдя изъ нея, оста-

новилась. Луна свѣтила ей прямо въ лицо. — Смотрите, что со мной!

У него упало сердце. Онъ не узналъ прежней Вѣры. Лицо блѣдное, исхудалое, глаза блуждали, сверкая злымъ блескомъ, губы сжаты. Съ головы, изъ-подъ косынки, выпадали въ безпорядкѣ на лобъ и виски двѣ-три пряди волосъ, какъ у цыганки, закрывая ей, при быстрыхъ движеніяхъ, глаза и ротъ. На плечи небрежно накинута была атласная, обложенная бѣлымъ пухомъ мантилья, едва державшаяся слабымъ узломъ шелковаго снурка.

— Что? отряхивая волосы отъ лица, говорила она: узнаете вашу Вѣру? гдѣ эта «красота», которой вы пѣли гимны? — Она съ жалостью улыбнулась, закрыла на минуту лицо рукой и вздрогнула плечами.

— Что я могу сдѣлать, Вѣра? говорилъ онъ тихо, вглядываясь въ ея исхудавшее лицо и больной блескъ глазъ. — Скажи мнѣ: умереть....

— Умереть, умереть: за чѣмъ мнѣ это? Помогите мнѣ жить, дайте той прекрасной страсти, отъ которой «тянутся какіе-то лучи на всю жизнь...» Дайте этой жизни... гдѣ она? Я, кромѣ огрызающагося тигра, не вижу ничего... Говорите, научите, или воротите меня назадъ, когда у меня еще была сила! А вы — «бабушкѣ сказать!» уложить ее въ гробъ и меня съ ней!... Это, что-ли, средство?—Или учите не ходить туда, къ обрыву... Поздно!

— Скажи мнѣ, кого ты любишь, всѣ обстоятельства, имя!...

— Кого? — васъ! сказала она съ злобой, отряхивая опять пряди отъ лица и небрежно натягивая мантилью на плеча.

Онъ боялся сказать слово, боялся пошевелиться, стоялъ, сложивъ руки назадъ, прислонясь къ дереву. Она ходила взадъ и впередъ торопливыми, неровными шагами. Потомъ остановилась и перевела духъ.

— Да, она сумасшедшая! шепталъ онъ въ ужасѣ.

Она сѣла на скамью, утихла и задумалась.

— Что это со мной? будто немного опомнившись, про себя сказала она.

— Ты, Вѣра, сама бредила о свободѣ, ты таилась, и отъ меня, и отъ бабушки, хотѣла независимости. Я только подтверждалъ твои мысли: онѣ и мои. За что же обрушиваешь такой тяжелый камень на мою голову? тихо оправдывался онъ.— Не только я, даже бабушка не смѣла приступиться къ тебѣ....

Она молча глубоко вздохнула, потомъ подошла къ нему и прижавшись головой къ его плечу, слабо заговорила.

— Да.... да, не слушайте меня! У меня, просто, нервы раз-

строены. Какая страсть: никакой страсти нѣтъ! Я шутила, какъ вы.... со мной...

— Ты все еще думаешь, что я шутилъ! тихо сказалъ онъ.

Она старалась улыбнуться, взяла его за руку.

— Прижмите руку къ моей головѣ: говорила она кротко: видите, какой жаръ..... Не сердитесь на меня, будьте снисходительны къ бѣдной сестрѣ! Это все пройдетъ.... Докторъ говоритъ, что у женщинъ часто бываютъ припадки.... Мнѣ самой гадко и стыдно, что я такъ слаба....

— Что же съ тобой, бѣдная Вѣра? скажи мнѣ.....

— Ничего.... Вы только проводите меня домой, помогите взойдти на лѣстницу — я боюсь чего-то... Я лягу.... простите меня: я встревожила васъ напрасно..... вызвала сюда: вы бы уѣхали и забыли меня. У меня, просто, лихорадка...... Вы не сердитесь?... ласково сказала она.

Онъ поспѣшно подалъ ей руку, тихо вывелъ изъ сада, провелъ черезъ дворъ и довелъ до ея комнаты. Тамъ зажегъ ей свѣчу.

— Позовите Марину, или Машу, чтобъ легли спать тутъ въ моей комнатѣ.... Только бабушкѣ ни слова объ этомъ!... Это просто раздраженіе.... Она перепугается.... придетъ....

Онъ боязливо, задумчиво слушалъ ее.

— Что вы все молчите, такъ странно смотрите на меня! говорила она, безпокойно слѣдя за нимъ глазами.—Я, Богъ знаетъ, что наболтала въ бреду.... это чтобъ подразнить васъ.... отмстить за всѣ ваши насмѣшки.... прибавила она, стараясь улыбнуться.— Смотрите же, бабушкѣ ни слова! Скажите, что я легла, чтобъ завтра пораньше встать и попросите ее.... благословить меня заочно.... Слышите?

— Да, да, слышу, разсѣянно отвѣчалъ онъ, пожалъ ей руку и позвалъ къ ней Машу.

IX.

Райскій на другой день съ любопытствомъ ждалъ пробужденія Вѣры. Онъ забылъ о своей собственной страсти, воображеніе робко молчало и ушло все въ наблюденіе за этой ползущей въ его глазахъ, какъ «удавъ», по его выраженію, чужой страстью, выглянувшей изъ Вѣры, съ своими острыми зубами. Онъ былъ задумчивъ, угрюмъ, избѣгалъ вопросительныхъ взглядовъ бабушки, проклиная слово, данное Вѣрѣ не говорить никому, всего меньше Татьянѣ Марковнѣ, чѣмъ и поставленъ былъ въ фальшивое положеніе.

А Татьяна Марковна не разъ ужъ заговаривала съ нимъ о ней.

— Что-то съ Вѣрой не ладно! говорила она, качая головой.

— Что такое? спрашивалъ небрежно Райскій, стараясь казаться равнодушнымъ.

— Не хорошо! хуже, нежели намедни; ходитъ хмурая, молчитъ, иногда, кажется, будто слезы у нея на глазахъ. Я съ докторомъ говорила, тотъ опять о нервахъ поетъ. Дѣвичьи припадки, что ли?.... Бабушка не кончала рѣчи и грустно задумывалась.

Онъ съ нетерпѣніемъ ожидалъ Вѣры. Наконецъ она пришла. Дѣвушка принесла за ней теплое пальто, шляпку и ботинки на толстой подошвѣ. Она, поздоровавшись съ бабушкой, попросила кофе, съ аппетитомъ съѣла нѣсколько сухарей и напомнила Райскому просьбу свою побывать съ ней въ городѣ, въ лавкахъ, и потомъ погулять вмѣстѣ въ полѣ и въ рощѣ.

Она какъ будто ничего: изъ вчерашняго только замѣтна была несвойственная ей развязность въ движеніяхъ и излишняя торопливость рѣчи, казавшаяся натянутой. Очевидно было, что она крѣпится и маскируетъ разстроенность духа или нервъ. Она даже вдалась въ подробности о нарядахъ съ Полиной Карповной, которая неожиданно явилась въ кабинетъ бабушки, съ какими-то обѣщанными выкройками новаго фасона платья для приданаго Мареиньки, а въ самомъ дѣлѣ, чтобъ узнать о возвращеніи Бориса Павловича. Она все хотѣла, во чтобы то ни стало, видѣться съ нимъ наединѣ и все выбирала удобную минуту сѣсть подлѣ него, увѣряя всѣхъ, и его самого, что онъ хочетъ что-то сказать ей безъ свидѣтелей. Она дѣлала томные глаза, ловила его взглядъ и раза два начинала тихо: «Je comprends: dites tout! — du courage!

— Ну тебя къ чорту! думалъ онъ, хмурясь и отодвигаясь отъ нея.

Наконецъ Вѣра надѣла пальто, взяла его подъ руку и сказала: «пойдемте!» Крицкая порывалась-было идти съ ними, но Вѣра уклонилась, сказавъ: «Мы идемъ пѣшкомъ и на долго съ братомъ, а у васъ, милая Полина Карповна, длинный шлейфъ, и вообще нарядный туалетъ — на дворѣ сыро»....

И ушли. Райскій молчалъ, наблюдая Вѣру, а она старалась казаться въ обыкновенномъ расположеніи духа, дѣлала бѣглыя замѣчанія о погодѣ, о встрѣчавшихся знакомыхъ, о томъ, что вонъ этотъ домъ, еще мѣсяцъ тому назадъ, былъ сѣрый, запущенный, съ обвалившимися карнизами, а теперь вонъ какъ свѣжо смотритъ, когда его оштукатурили и выкрасили въ желтый цвѣтъ. Упомянула, что къ зимѣ зà-ново отдѣлаютъ залу собранія, что

гостиный дворъ покроютъ желѣзомъ, остановилась посмотрѣть, какъ ровняютъ улицу для бульвара. Она вообще казалась довольной, что идетъ по городу, замѣтивъ, что эта прогулка была необходима и для того, что ее давно не видитъ никто, и Богъ знаетъ, что думаютъ, точно будто она умерла. Райскій—ни слова не отвѣчалъ на весь этотъ развязный лепетъ, подъ которымъ слышались ему совсѣмъ другія рѣчи.

— Можетъ быть, я дурно дѣлаю, что лишаю васъ общества Полины Карповны? замѣтила она, напрасно стараясь вывести его изъ молчанія.

Онъ сдѣлалъ нетерпѣливое движеніе плечомъ.

— Я шучу, сказала она, мѣняя тонъ на другой, болѣе искренній.—Я хочу, чтобъ вы провели со мной день, и нѣсколько дней до вашего отъѣзда, продолжала она почти съ грустью.—Не оставляйте меня, дайте побыть съ вами.... у меня такая тоска, еслибъ вы знали.... Вы скоро уѣдете — и никого около меня!...

— Я боюсь, Вѣра, что я совершенно безполезенъ тебѣ, именно потому, что ничего не знаю. Вижу только, что у тебя какая-то драма, что наступаетъ или наступила катастрофа....

Она вздрогнула.

— Что ты? заботливо спросилъ онъ.

— Свѣжо на дворѣ, плечи зябнутъ! сказала она, пожимая плечами. — Какая драма! нездорова, не весела, осень на дворѣ, а осенью человѣкъ, какъ всѣ звѣри, будто уходитъ въ себя. Вонъ и птицы уже улетаютъ — посмотрите, какъ журавли летятъ! говорила она, указывая высоко надъ Волгой на кривую линію черныхъ точекъ въ воздухѣ.—Когда кругомъ все дѣлается мрачно, блѣдно, уныло, — и на душѣ становится уныло.... Не правда ли?

Она сама знала, что его не легко было обойдти такимъ объясненіемъ, и говорила такъ, чтобъ не говорить правды. Онъ молчалъ, стараясь отыскать другой, настоящій ключъ.

— Вѣра, я хотѣлъ тебя спросить... началъ онъ.

— Что такое? съ безпокойствомъ перебила она и не дождавшись отвѣта, прибавила: хорошо, спросите, только не сегодня, а погодя нѣсколько дней.... Однако—что такое?

— О письмахъ, которыя ты писала ко мнѣ...

— Да: что же такое?

— Помнишь, ты писала, что раздѣляешь мой взглядъ на честность...

Она подумала и, казалось, старалась вспомнить.

— Да..... да..... какъ же, какъ же.... писала.... такъ что же?

Онъ глядѣлъ на нее пристально.

— Ты ли писала это письмо?

— Кто же? вдругъ сказала она съ живостью: конечно я... Послушайте, прибавила она потомъ: оставимъ это объясненіе, какъ я просила, до другого раза. Я больна, слаба... вы видѣли, какой припадокъ былъ у меня вчера. Я теперь даже не могу всего припомнить, что̀ я писала, и какъ-нибудь перепутаю...

— Хорошо, пусть до другого раза! со вздохомъ сказалъ онъ.... Скажи, по крайней мѣрѣ, зачѣмъ я тебѣ? Зачѣмъ ты удерживаешь меня? Зачѣмъ хочешь, чтобъ я остался, чтобъ пробылъ съ тобой эти дни?

Она сильно оперлась рукой на его руку и прижалась къ его плечу, умоляя глазами не спрашивать.

— Вѣдь не любишь же ты меня въ самомъ дѣлѣ. Ты знаешь, что я не вѣрю твоей кокетливой игрѣ, — и настолько уважаешь меня, что не станешь увѣрять серьозно.... Я, когда не въ горячкѣ, вижу, что ты издѣваешься надо мной: зачѣмъ и за что̀?

Она сильно сжала его руку и молила опять глазами не продолжать.

— По крайней мѣрѣ, о себѣ я вправѣ спросить, зачѣмъ я тебѣ? Ты не можешь не видѣть, какъ я весь истерзанъ, и страстью, и этимъ градомъ ударовъ сердцу, самолюбію.....

— Да, самолюбію... повторила она разсѣянно.

— Положимъ, самолюбію: оставимъ споръ о томъ, что̀ такое самолюбіе и что̀ — такъ-называемое — сердце: но ты должна сказать, зачѣмъ я тебѣ? Это мое право — спросить, и твой долгъ — отвѣчать прямо и откровенно, если не хочешь, чтобъ я счелъ тебя фальшивой, злой...

Она шла съ поникшей головой, а онъ ждалъ отвѣта.

— Оставимъ теперь это.....

— И это оставимъ? Нѣтъ, не оставлю? съ вспыхнувшей злостью сказалъ онъ, вырвавъ у ней руку: ты, какъ кошка съ мышью, играешь со мной — я больше не позволю, довольно! Ты можешь откладывать свои секреты до удобнаго времени, даже вовсе о нихъ не говорить: — ты вправѣ, а о себѣ я требую немедленнаго отвѣта. Зачѣмъ я тебѣ? Какую ты роль дала мнѣ и зачѣмъ, за что?

— Вы сами выбрали эту роль, братъ, кротко возразила она, склоняя лицо внизъ. — Вы просили не удалять васъ....

Онъ, въ безсильной досадѣ на ея справедливый упрекъ, отшатнулся отъ нея въ сторону и мѣсилъ широкими шагами грязь по улицѣ, а она шла по деревянному тротуару.

— Не сердитесь, братъ, подите сюда! Я не затѣмъ удержала

васъ, чтобъ оскорблять — нѣтъ! шептала она, призывая его къ себѣ... Подите сюда, ко мнѣ.

Онъ опять подалъ ей руку.

— Я прошу васъ только не говорить мнѣ объ этомъ теперь, не тревожить меня — чтобъ со мной не случилось опять вчерашняго припадка... Вы видите: я едва держусь на ногахъ... Посмотрите на меня, возьмите мою руку....

Онъ взялъ руку — она была блѣдна, холодна, синія жилки на ней видны явственно. И шея, и талія стали у ней тоньше, лицо потеряло живые цвѣта и сквозилось грустью и слабостью. Онъ опять забылъ о себѣ: ему стало жаль только ее.

— Я не хочу, чтобъ дома замѣтили это... Я очень слаба... поберегите меня.... молила она, и даже слезы показались въ глазахъ.—Защитите меня... отъ себя самой... Ужо̀, въ сумерки, часовъ въ шесть послѣ обѣда, зайдите ко мнѣ — я..... скажу вамъ, зачѣмъ я васъ удержала....

— Виноватъ, Вѣра: я тоже самъ не свой, говорилъ онъ, глубоко тронутый ея горемъ, пожимая ей руку: — я вижу, что ты мучаешься — не знаю, чѣмъ.... Но — я ничего не спрошу, я долженъ бы щадить твое горе—и не умѣю, потому что самъ мучаюсь. Я приду ужо̀: располагай мною....

Она отвѣчала на его пожатіе сильнымъ пожатіемъ руки.

— Скажу, если въ силахъ буду сказать.... прошептала она. У него замерло сердце отъ тоски и предчувствія.

Они прошли по лавкамъ. Вѣра дѣлала покупки для себя и для Марѳиньки, также развязно и словоохотливо разговаривая съ купцами и съ встрѣчными знакомыми. Съ нѣкоторыми даже останавливалась на улицѣ и входила въ мелочныя, будничныя подробности, зашла къ какой-то своей крестницѣ, дочери бѣдной мѣщанки, которой отдала купленнаго на платье ей и малюткѣ ситцу и одѣяло. Потомъ охотно приняла предложеніе Райскаго навѣстить Козлова.

Когда они входили въ ворота, изъ калитки вдругъ вышелъ Маркъ. Увидя ихъ, онъ едва кивнулъ Райскому, не отвѣчая на его вопросъ: «что Леонтій?» и почти не взглянувъ на Вѣру, бросился по переулку скорыми шагами. Вѣра вдругъ будто приросла на минуту къ землѣ, но тотчасъ же оправилась и также скорыми шагами вбѣжала на крыльцо, опередивъ Райскаго.

— Что̀ съ нимъ? спросилъ Райскій, глядя вслѣдъ Марку:— не отвѣчалъ ни слова, и какъ бросился! Да и ты испугалась: не онъ ли ужъ это тамъ стрѣляетъ?... Я видалъ его тамъ съ ружьемъ.... добавилъ онъ шутя.

— Онъ самый! сказала Вѣра развязно, не оборачиваясь и входя въ комнату Козлова.

«Нѣтъ, нѣтъ, думалъ Райскій: оборванный, бродящій цыганъ—ея идолъ, нѣтъ, нѣтъ! Впрочемъ почему «нѣтъ»? Страсть жестока и самовластна: она не покоряется человѣческимъ соображеніямъ и уставамъ, а покоряетъ людей своимъ неизвѣданнымъ капризамъ! Но Вѣрѣ негдѣ было сблизиться съ Маркомъ. Она боится его, какъ всѣ здѣсь!»

Козловъ по вчерашнему ходилъ, пошатываясь, какъ пьяный, изъ угла въ уголъ, угрюмо молчалъ съ неблизкими и обнаруживалъ тоску только при Райскомъ, слабѣлъ и падалъ духомъ, жалуясь тихимъ ропотомъ, и все вслушивался въ каждый проѣзжавшій экипажъ по улицѣ, подходилъ къ дверямъ въ волненіи и возвращался въ отчаяніи.

На приглашеніе Райскаго и Вѣры переѣхать къ нимъ, онъ молчалъ, едва вслушиваясь, или скажетъ: «да, да, только послѣ, погодя недѣли двѣ... три...»

— Послѣ свадьбы Маѳиньки, сказала Вѣра.

— Послѣ свадьбы, послѣ свадьбы! подтвердилъ Леонтій.—Да, благодарю, а теперь я поживу здѣсь.... Покорно благодарю....— Онъ вдругъ взглянулъ на Вѣру, и какъ будто удивился, видя ее. —Вѣра Васильевна! сказалъ онъ, глядя на нее въ смущеніи. —Борисъ Павловичъ, началъ онъ, продолжая глядѣть на нее: ты знаешь, кто еще читалъ твои книги и помогалъ мнѣ разбирать ихъ?....

— Кто? спросилъ Райскій.

Но Козловъ уже былъ въ другомъ углу комнаты и прислушивался. Потомъ вдругъ отворилъ форточку и высунулъ голову.— Чей это голосъ?... женщины! говорилъ онъ съ испугомъ, навостривъ уши и открывъ глаза.

«Ни-токъ, нитокъ! холста!» доносился пронзительный женскій крикъ издали. Козловъ съ досадой захлопнулъ форточку.

— Кто же читалъ книги? повторилъ Райскій.

Но Козловъ не слыхалъ вопроса, сѣлъ на постель и повѣсилъ голову. Вѣра шепнула Райскому, что ей тяжело видѣть Леонтья Ивановича, и они простились съ нимъ.

— Я что-то хотѣлъ сказать тебѣ, Борисъ Павловичъ, задумчиво говорилъ Козловъ, да вотъ забылъ.....

— Ты говорилъ, что книги мои читалъ еще кто-то...

— Да вотъ кто! вдругъ сказалъ Леонтій, указывая на Вѣру. Райскій взглянулъ на Вѣру, но она задумчиво смотрѣла въ окно и тянула его за рукавъ.

— Пойдемте, пойдемте! говорила она, порываясь на улицу.

Они воротились домой. Вѣра передала нѣкоторыя покупки бабушкѣ, другія велѣла отнести къ себѣ въ комнату и позвала опять Райскаго гулять по рощѣ, по полю, и спуститься къ Волгѣ, на песокъ. «Пойдемте туда!» говорила она, указывая какой нибудь бугоръ, и едва доходили они туда, она тащила его въ другое мѣсто — или взглянуть съ какой-нибудь высоты на круто заворотившуюся излучину Волги, или шла по песку, гдѣ вязли ноги, чтобъ подойти поближе къ водѣ. Она всматривалась въ даль, указывала Райскому какое-нибудь плывущее судно, иногда шла неровными, слабыми шагами, останавливалась, переводя духъ, и отряхивая пряди волосъ отъ лица.

— Зачѣмъ ты утомляешь себя, ты слаба, Вѣра? сказалъ онъ.

— Мнѣ все будто пить хочется: я воздуха хочу! говорила она, оборачиваясь лицомъ въ ту сторону, откуда былъ вѣтеръ.

«Да, она перемогаетъ себя, собираетъ послѣднія силы!» говорилъ онъ, проводивъ ее наконецъ домой, гдѣ ихъ ждали къ обѣду. «Ужо̀, ужо̀»! твердилъ онъ и ждалъ шести часовъ вечера, когда стемнѣетъ. Послѣ обѣда онъ уснулъ въ залѣ отъ усталости и проснулся, когда только-что пробило шесть часовъ и стало смеркаться. Онъ пошелъ къ Вѣрѣ, но ея не было дома. Марина сказала, что барышня ко всенощной пошла, но только не знала, въ какую церковь, въ слободѣ, или въ деревенскій приходъ, на гору. Въ слободской церкви Райскій пересмотрѣлъ всѣхъ и выучилъ наизусть физіономію каждой старухи, отыскивая Вѣру. Но ея не было, и онъ отправился на гору.

Тамъ въ церкви толпилось по угламъ и у дверей нѣсколько стариковъ и старухъ. За колонной, въ сумрачномъ углу, увидѣлъ онъ Вѣру, стоящую на колѣняхъ, съ наклоненной головой, съ накинутой на лицо вуалью. Онъ сталъ сзади, за другой колонной.

Пока она молилась, онъ стоялъ, погруженный въ мысль о ея положеніи, въ чувство нѣжнаго состраданія къ ней, особенно со времени его возвращенія, когда въ ней такъ замѣтно выказалось обезсиленіе въ тяжелой борьбѣ.

Видя это страданіе только-что разцвѣтающей жизни, глядя, какъ мнетъ и жметъ судьба молодое, виноватое только тѣмъ созданіе, что оно пожелало счастья, онъ про себя роптал на суровые, никого не щадящіе законы бытія, налагающіе тяжесть креста и на плечи злодѣя, и на эту слабую, едва распустившуюся лилію. «Хоть бы красоты ея пожалѣлъ... пожалѣла... пожалѣло... кто? зачѣмъ? за что?» думалъ онъ и невольно поддавался мистическому влеченію вѣрить какимъ-то таинственнымъ, подготовляемымъ въ человѣческой судьбѣ минутамъ, сближеніямъ, встрѣ-

чамъ, наводящимъ человѣка на роковую идею, на мучительное чувство, на преступное желаніе, нужное зачѣмъ-то, для цѣли, невѣдомой до поры-до времени самому человѣку, отъ котораго только непреклонно требуется борьба. Въ другія, напротивъ, минуты—казалось ему—являются также, невидимо кѣмъ-то подготовляемые случаи, будто нечаянно отводящіе отъ какого-нибудь рокового событія, шага, или увлеченія, перешагнувъ черезъ которые, человѣкъ перешагнулъ глубокую про̀пасть, замѣчая ее уже тогда, когда она осталась позади.

Вглядываясь въ ткань своей собственной, и всякой другой жизни, глядя теперь въ только-что початую жизнь Вѣры — онъ яснѣе видѣлъ эту игру искусственныхъ случайностей, какіе-то блуждающіе огни злыхъ обмановъ, ослѣпленій, заранѣе разставленныхъ про̀пастей, съ промахами, ошибками, и рядомъ тоже будто случайные исходы изъ запутанныхъ узловъ...

«Что̀ дѣлать? рваться изъ всѣхъ силъ въ этой борьбѣ съ разставленными капканами, и все стремиться къ чему-то прочному, безмятежно-покойному, къ чему стремятся вонъ и тѣ простыя души?» Онъ оглянулся на молящихся стариковъ и старухъ. «Или безсмысленно купаться въ мутныхъ волнахъ этой, безцѣльно текущей жизни!

«Гдѣ же ключъ къ уразумѣнію сознательнаго пути?»

Онъ взглянулъ на Вѣру — она не шевелилась въ своей молитвѣ и не сводила глазъ съ креста..

«Бѣдная»! съ грустью думалъ онъ, вышелъ и сѣлъ на паперть, въ ожиданіи Вѣры. Она молча подала ему руку. Они пошли съ горы.

— Вы были въ церкви? спросила она.

— Да, былъ, отвѣчалъ онъ.

Они тихо сошли съ горы по деревнѣ и по большой луговинѣ къ саду, Вѣра склоня голову, онъ — думая объ обѣщанномъ объясненіи и ожидая его. Теперь желаніе выдти изъ омута неизвѣстности—для себя, и положить, однимъ прямымъ объясненіемъ, конецъ собственной пыткѣ, — отступило на второй планъ. Онъ чувствовалъ, что на немъ одномъ лежалъ долгъ стать подлѣ нея, освѣтить ея путь, помочь распутать ей самой какой-то роковой узелъ, или перешагнуть пропасть, и отдать ей, если нужно, всю свою опытность, умъ, сердце, всю силу. Она и сама звала его за этимъ, въ чемъ вполовину утромъ созналась, и если не созналась вполнѣ, то конечно отъ свойственной ей осторожности и—можетъ быть, еще остатокъ гордости мѣшалъ ей признать себя побѣжденной. Онъ радъ броситься ей на помощь, но не знаетъ ничего, и даже не имѣетъ права раздѣлить ни съ кѣмъ своихъ опасеній.

Но еслибъ даже она и возвратила ему его слово и онъ повѣрилъ бабушкѣ всѣ свои догадки и подозрѣнія на счетъ Вѣры: повело ли бы это къ желаемому исходу? Едва ли: вся практическая, но устарѣвшая мудрость бабушки разбилась бы объ упрямство Вѣры, которой умъ былъ смѣлѣе, воля живѣе, чѣмъ у Татьяны Марковны, и притомъ Вѣра развита. Ей по плечу современныя понятія, пробивающіяся въ общественное сознаніе: очевидно, она черпнула гдѣ-то другихъ идей, даже знаній, и стала неизмѣримо выше круга, гдѣ жила. Какъ ни старалась она таиться, но по временамъ проговаривалась какимъ-нибудь, нечаянно брошеннымъ словомъ, именемъ авторитета въ той или другой сферѣ знанія. И языкъ измѣняетъ ей на каждомъ шагу; самый образъ проявленія самоволія мысли и чувства, — все, что̀ такъ неожиданно поразило его при первой встрѣчѣ съ ней, весь складъ ума, наконецъ, характеръ,—все давало ей такой перевѣсъ надъ бабушкой, что изъ усилія Татьяны Марковны—выручить Вѣру изъ какой-нибудь бѣды, не вышло бы ровно ничего. Бабушка могла предостеречь Вѣру отъ какой-нибудь практической крупной ошибки, защитить ее отъ болѣзни, отъ грубой обиды, вырвать, съ опасностью собственной жизни, изъ огня: но что̀ она сдѣлаетъ въ такой неосязаемой бѣдѣ, какъ страсть, если она есть у Вѣры? Бабушка, безспорно умная женщина, безошибочный знатокъ и судья крупныхъ и общихъ явленій жизни, бойкая хозяйка, отлично управляетъ своимъ маленькимъ царствомъ, знаетъ людскіе нравы, пороки и добродѣтели, какъ они обозначены на скрижаляхъ Моисея и въ Евангеліи, но едва ли она знаетъ ту жизнь, гдѣ игра страстей усложняетъ людскія отношенія въ такую мелкую ткань и окрашиваетъ въ такія цвѣта, какіе и не снятся никому въ мирныхъ деревенскихъ затишьяхъ. Она—дѣвушка! Если въ молодости любовь, страсть, или что̀-нибудь подобное, и было извѣстно ей, такъ это, конечно—страсть безъ опыта, какая-нибудь нераздѣленная, или заглохшая отъ неудачи подъ гнетомъ, любовь: не драма—любовь, а лирическое чувство, разыгравшееся въ ней одной и въ ней угасшее и погребенное, не оставившее слѣда и не положившее ни одного рубца на ея ясной жизни. Гдѣ же ей знать или вспомнить эту борьбу, подать другому руку, помочь обойти эту пропасть? Она не вполнѣ и повѣрила бы страсти: ей надо факты. Выстрѣлы на днѣ обрыва и прогулки туда Вѣры—конечно факты, но бабушка только противъ этихъ фактовъ и могла бы принять мѣры, т. е. разставила бы домашнюю полицію съ дубинами, подкараулила бы любовника и нанесла бы этимъ еще новый ударъ Вѣрѣ. Не пускать Вѣру изъ дому,—значитъ обречь на заключеніе, т. е. унизить, оскорбить ее, по-

сягнувъ на ея свободу. Татьяна Марковна поняла бы, что это морально, да и физически невозможно. Вѣра не вынесла бы грубой неволи и бѣжала бы и отъ бабушки, какъ убѣгала за Волгу отъ него, Райскаго, словомъ — нѣтъ средствъ: Вѣра выросла изъ круга бабушкиной опытности и морали, думалъ онъ, и та только раздражитъ ее своими наставленіями, или, пожалуй, опять заговоритъ о какой-нибудь Кунигундѣ — и насмѣшитъ. А Вѣра потеряетъ и послѣднюю искру довѣрія къ ней. Нѣтъ, отжилъ этотъ авторитетъ: онъ годился для Марѳиньки, а не для независимой, умной и развитой Вѣры. Средство или ключъ къ ея горю, если и есть—въ рукахъ самой Вѣры, но она никому не ввѣряетъ его, и едва теперь только, когда силы измѣняютъ, она обронитъ намекъ, слово, и опять въ испугѣ отниметъ и спрячется. Очевидно — она не въ силахъ одна разсѣчь своего гордіева узла, а гордость, или привычка жить своими силами — хоть погибать, да жить ими — мѣшаетъ ей высказаться!

Онъ думалъ все это, идучи молча подлѣ нея и не зная, какъ вызвать ее на полную откровенность — не для себя уже теперь, а для ея спасенія. Наконецъ, онъ рѣшилъ подойдти стороной: нельзя-ли ему самому угадать что̀-нибудь изъ ея отвѣтовъ на нѣкоторые прежніе свои вопросы, поймать имя, остановить ее на немъ и облегчить ей признаніе, которое самой ей сдѣлать, повидимому, было трудно, хотя и хотѣлось, и даже обѣщала она сдѣлать, да не можетъ, надо помочь ей хитростью. Она теперь разстроена и — можетъ быть — оплошаетъ и обмолвится.

Онъ вспомнилъ, какъ напрасно добивался онъ отъ нея источника ея развитія, распрашивая о ея воспитаніи, о томъ, кто могъ имѣть на нее вліяніе, откуда она почерпнула этотъ смѣлый и свободный образъ мысли, нѣкоторыя знанія, увѣренность въ себѣ, самообладаніе. Не у француженки же въ пансіонѣ! Кто былъ ея руководителемъ, собесѣдникомъ, когда кругомъ никого нѣтъ? — Такъ думалъ онъ подвести ее къ признанію.

— Послушай, Вѣра, я хотѣлъ у тебя кое-что спросить, началъ онъ равнодушнымъ голосомъ: сегодня Леонтій упомянулъ, что ты читала книги въ моей библіотекѣ, а ты никогда ни слова мнѣ о нихъ не говорила. Правда это?

— Да, нѣкоторыя читала: что-же?

— Съ кѣмъ же читала: съ Козловымъ?

— Иныя — да. Онъ объяснялъ мнѣ содержаніе нѣкоторыхъ писателей. Другихъ я читала одна, или со священникомъ, мужемъ Наташи...

— Какія же книги ты читала съ священникомъ?

— Теперь я не помню... Св. отцовъ, напримѣръ. Онъ намъ съ Наташей объяснялъ, и я многимъ ему обязана... прибавила она задумчиво. — Спинозу читали съ нимъ... Вольтера...

Райскій засмѣялся.

— Чему вы смѣетесь? спросила она.

— Какой переходъ отъ св. отцовъ къ Спинозѣ и Вольтеру! Тамъ въ библіотекѣ всѣ энциклопедисты есть. Ужели ты ихъ читала?

— Нѣтъ: куда же всѣхъ! Николай Ивановичъ читалъ кое-что и передавалъ намъ съ Наташей...

— Какъ это вы до Фейербаха съ братіей не дошли... до соціалистовъ и матеріалистовъ?...

— Дошли, съ слабой улыбкой сказала она: опять-таки не мы съ Наташей, а мужъ ея. Онъ просилъ насъ выписывать мѣста, отмѣчалъ карандашомъ.

— Зачѣмъ?

— Хотѣлъ, кажется, возражать и напечатать въ журналѣ, не знаю....

— Въ библіотекѣ моего отца нѣтъ этихъ новыхъ книгъ: гдѣ же вы взяли ихъ? съ живостью спросилъ Райскій и навострилъ ухо.

Она молчала.

— Ужъ не у того ли изгнанника, находящагося подъ присмотромъ полиціи, которому ты помогала? Помнишь, ты писала о немъ?...

Она, не слушая его, шла и молчала задумчиво.

— Вѣра, ты не слушаешь?

— А? нѣтъ, я слышу... очнувшись, сказала она: гдѣ я брала книги? Тутъ... въ городѣ, то у того, то у другого...

— Волоховъ раздавалъ эти же книги, замѣтилъ онъ.

— Можетъ быть, и онъ... Я у учителей брала....

«Не учитель ли какой-нибудь, въ родѣ Mr-Шарля»? сверкнуло у него въ умѣ.

— Что же Николай Ивановичъ говоритъ о Спинозѣ и объ этихъ всѣхъ авторахъ?

— Много — всего не припомнишь...

— Напримѣръ? добивался Райскій.

— Онъ говоритъ, что это «попытки гордыхъ умовъ уйти въ сторону отъ истины,» вотъ какъ эти дорожки бѣгутъ въ сторону отъ большой дороги и опять сливаются съ ней же...

— Еще что́?

— Еще? — что̀ еще? Теперь забыла. Говоритъ, что всѣ эти «попытки служатъ истинѣ, очищаютъ ее какъ огнемъ, что это не-

избѣжная борьба, безъ которой побѣда и царство истины не было бы прочно...» И мало ли что̀ онъ еще говорилъ!..

— А гдѣ «истина»: онъ не отвѣчалъ на этотъ Пилатовъ вопросъ?

— Вонъ тамъ, сказала она, указывая назадъ на церковь:— гдѣ мы сейчасъ были... Я это до него знала...

— Ты думаешь, что онъ правъ?.. спросилъ онъ, стараясь хоть мелькомъ заглянуть ей въ душу.

— Я не думаю, а вѣрю, что онъ правъ. А вы? повернувшись къ нему, спросила она съ живостью.

Онъ утвердительно наклонилъ голову.

— Зачѣмъ же меня спрашиваете?

— Есть невѣрующіе: я хотѣлъ знать твое мнѣніе....

— Я въ этомъ, кажется, не скрывалась отъ васъ: вы часто видите мою молитву....

— Да, но я желалъ бы слышать ее: скажи, о чемъ ты молишься, Вѣра?

— О невѣрующихъ... тихо сказала она.

— А я думалъ — о своей тревогѣ, объ этой бурѣ.... говорилъ онъ, пристально глядя ей въ лицо.

— Да... въ этомъ — и моя тревога, и моя буря!.. шептала она. Онъ не слыхалъ.

Проходя мимо часовни, она на минуту остановилась передъ ней. Тамъ было темно. Она, съ медленнымъ, затаеннымъ вздохомъ, пошла дальше, къ саду, и шла все тише и тише. Дойдя до стараго дома, она остановилась и зна̀комъ головы подозвала къ себѣ Райскаго.

— Послушайте, что̀ я вамъ скажу.... тихо и нерѣшительно начала она, какъ будто преодолѣвая себя.

— Говори, Вѣра...

— Вы сказали.... еще тише начала она.... что самое вѣрное средство противъ... «бури...» это не ходить туда... Она показала къ обрыву.

— Да: вѣрнѣе этого нѣтъ...

— Я хотѣла просить васъ... Она остановилась, держа его за бортъ пальто.

— Я жду, Вѣра, шепталъ и онъ, съ легкой дрожью нетерпѣнія и, можетъ быть, тяжелаго предчувствія.—Вчера я ждалъ только для себя, чтобъ унять боль: теперь я жду для тебя, чтобъ помочь тебѣ—или снести твою ношу, или распутать какой-то трудный узелъ, можетъ быть спасти тебя....

— Да, помогите.... сказала она, отирая платкомъ выступившія слезы: я такъ слаба... нездорова... силъ у меня нѣтъ...

— Не поможетъ ли лучше меня бабушка? Откройся ей, Вѣра: она женщина, и твое горе, можетъ быть знакомо ей...

Вѣра, зажавъ глаза платкомъ, отрицательно качала головой.

— Нѣтъ, она не такая... она ничего этого не знала....

— Что́ же я могу сдѣлать?.. скажи все...

— Не спрашивайте меня, братъ: я не могу сказать всего. Сказала бы все, и бабушкѣ, и вамъ.... и скажу когда-нибудь.... когда пройдетъ.... а теперь пока не могу...

— Какъ же я могу помочь, когда не знаю, ни твоего горя, ни опасности? Откройся мнѣ, и тогда простой анализъ чужого ума разъяснитъ тебѣ твои сомнѣнія, удалитъ, можетъ быть, затрудненія, выведетъ на дорогу.... Иногда довольно взглянутъ ясно и трезво на свое положеніе, и уже отъ одного сознанія становится легче. Ты сама не можешь: дай мнѣ взглянуть со стороны. Ты знаешь, два ума лучше одного.

— Никакіе умы, никакой анализъ — не выведутъ на дорогу, слѣдовательно и говорить безполезно! почти съ отчаяніемъ сказала она.

— Какъ же я могу помочь тебѣ?

Она близко глядѣла ему въ глаза глазами, полными слезъ.

— Не покидайте меня, не теряйте изъ вида, шептала она.— Если услышите...., выстрѣлъ оттуда.... (она показала на обрывъ), — будьте подлѣ меня... не пускайте меня — заприте, если нужно, удержите силой... Вотъ до чего я дошла! съ ужасомъ сама прошептала она, закинувъ голову назадъ въ отчаяніи, какъ будто удерживала стонъ, и вдругъ выпрямилась.—Потомъ... тихо начала опять:—никогда объ этомъ никому не поминайте, даже мнѣ самой! Вотъ все, что̀ вы можете сдѣлать для меня: за этимъ я удержала васъ! Я жалкая эгоистка: не дала вамъ уѣхать! Я чувствовала, что слабѣю... У меня никого нѣтъ, бабушка не поняла бы... Вы одинъ... Простите меня!

— Ты хорошо сдѣлала.... съ жаромъ сказалъ онъ. — Ради Бога, располагай мною — я теперь все понялъ и готовъ навсегда здѣсь остаться, лишь бы ты успокоилась....

— Нѣтъ: черезъ недѣлю выстрѣлы прекратятся навсегда... прибавила она, отирая платкомъ слезы.

Она сжала обѣ его руки и, не оглядываясь, ушла къ себѣ, взбираясь на крыльцо тихими, неровными шагами, держась за перилы.

X.

Прошло дня два. По утрамъ Райскій не видалъ почти Вѣру наединѣ. Она приходила обѣдать, пила вечеромъ вмѣстѣ со всѣми чай, говорила объ обыкновенныхъ предметахъ, иногда только казалась утомленною.

Райскій по утрамъ опять началъ вносить замѣтки въ программу своего романа, потомъ шелъ навѣщать Козлова, заходилъ на минуту къ губернатору, и еще къ двумъ, тремъ лицамъ въ городѣ, съ которыми успѣлъ покороче познакомиться. А вечеръ проводилъ въ саду, стараясь не терять изъ вида Вѣру, по ея просьбѣ, и прислушиваясь къ каждому звуку въ рощѣ. Онъ сидѣлъ на скамьѣ у обрыва, ходилъ по аллеямъ, и только къ полуночи у него прекращалось напряженное, томительное ожиданіе выстрѣла. Онъ почти желалъ его, надѣясь, что своею помощью сразу навсегда отведетъ Вѣру отъ какой-то бѣды.

Но вотъ два дня прошли тихо: до конца назначеннаго срока, до недѣли, было еще пять дней. Райскій разсчитывалъ, что въ день рожденія Мареиньки, послѣ завтра, Вѣрѣ неловко будетъ оставить семейный кругъ, а потомъ, когда Мареинька на другой день уѣдетъ съ женихомъ и съ его матерью за Волгу, въ Колчино, ей опять неловко будетъ оставлять бабушку одну—и такимъ образомъ недѣля пройдетъ, а съ ней минуетъ и туча. Вѣра за обѣдомъ просила его зайти къ ней вечеромъ, сказавши, что дастъ ему порученіе.

Она выходила гулять, когда онъ пришелъ. Глаза у ней были, казалось, заплаканы, нервы видимо упали, движенія были вялы, походка медленна. Онъ взялъ ее подъ руку, и такъ какъ она направлялась изъ сада къ полю, онъ думалъ, что она идетъ къ часовнѣ, повелъ ее по лугу и по дорожкѣ туда. Она молча шла за нимъ, въ глубокой задумчивости, отъ которой очнулась у порога часовни. Она вошла туда и глядѣла на задумчивый ликъ Спасителя.

— Мнѣ кажется, Вѣра, у тебя есть помощь сильнѣе моей: и ты напрасно надѣялась на меня. Ты и безъ меня не пойдешь туда..., тихо говорилъ онъ, стоя на порогѣ часовни.

Она сдѣлала утвердительный знакъ головой, и сама, кажется, во взглядѣ Христа искала силы, участія, опоры, опять призыва— но взглядъ этотъ, какъ всегда, задумчиво-покойно, какъ будто безучастно смотрѣлъ на ея борьбу, не помогая ей, не удерживая ее... Она вздохнула.

— Не пойду, сказала она тихо, отводя глаза отъ образа.

Райскій не прочелъ на ея лицѣ, ни молитвы, ни желанія. Оно было подернуто задумчивымъ выраженіемъ усталости, равнодушія, а можетъ быть, и тихой покорности.

— Пойдемъ домой: ты легко одѣта, сказалъ онъ. Она повиновалась.—А что же порученіе: какое? спросилъ онъ.

— Да, припомнила она и достала изъ кармана портъ-монне.— Возьмите у золотыхъ дѣлъ мастера Шмита porte-bouquet: я еще на той недѣлѣ выбрала подарить Мароинькѣ въ день рожденія,— сказала она,—только велѣла вставить нѣсколько жемчужинъ, изъ своихъ собственныхъ, и вырѣзать ея имя. Вотъ деньги.

Онъ спряталъ деньги.

— Это не все. Въ самый день ея рожденія, послѣ завтра, пораньше утромъ — вы можете встать часовъ въ восемь?...

— Еще бы: я, пожалуй, и спать не лягу совсѣмъ....

— Зайдите вотъ сюда — знаете большой садъ — въ оранжерею, къ садовнику. Я ужъ говорила ему: выберите понаряднѣе букетъ цвѣтовъ и пришлите мнѣ, пока Мароинька не проснулась.... Я полагаюсь на вашъ вкусъ....

— Вотъ какъ: я дѣлаю успѣхи въ твоемъ довѣріи, Вѣра! сказалъ, смѣясь, Райскій: вкусу моему вѣришь и честности — даже деньги не боялась отдать....

— Я сдѣлала бы это все сама, да не могу.... силъ нѣтъ.... устаю, прибавила она, стараясь улыбнуться на его шутку.

Онъ на другой день утромъ взялъ у Шмита porte-bouquet и обдумывалъ, изъ какихъ цвѣтовъ долженъ быть составленъ букетъ для Мароиньки. Однихъ цвѣтовъ нельзя было найти въ позднюю пору, другіе не годились. Потомъ онъ выбралъ дамскіе часы съ эмалевой доской, съ цѣпочкой, подарить отъ себя Мароинькѣ, и для этого зашелъ къ Титу Никонычу и занялъ у него двѣсти рублей до завтра, чтобы не воевать съ бабушкой, которая безъ боя не дала бы ему промотать столько на подарокъ, и кромѣ того, пожалуй, выдала бы заранѣе его секретъ. У Тита Никоныча онъ увидѣлъ роскошный дамскій туалетъ, обшитый розовой кисеей и кружевами, съ зеркаломъ, увитымъ фарфоровой гирляндой изъ амуровъ и цвѣтовъ, артистической, тонкой работы, съ Севрской фабрики.

— Что это? Гдѣ вы взяли такую драгоцѣнность? говорилъ онъ, разсматривая группы амуровъ, цвѣты, краски,—и не могъ отвести глазъ.—Какая прелесть!

— Мароѣ Васильевнѣ! любезно улыбаясь, говорилъ Титъ Никонычъ:—я очень счастливъ, что вамъ нравится — вы знатокъ. Вашъ вкусъ мнѣ порукой, что этотъ подарокъ будетъ благосклонно принятъ дорогой новорожденной къ ея свадьбѣ. Какая

отмѣнная дѣвица! Поглядите: эти розы, можно сказать, суть ея живое подобіе! Она будетъ видѣть въ зеркалѣ свое плѣнительное личико, а купидоны ей будутъ улыбаться....

— Гдѣ вы достали такую рѣдкость?

— До завтра прошу у васъ секрета отъ Татьяны Марковны и отъ Марѳы Васильевны тоже, сказалъ Титъ Никонычъ.

— Вѣдь это больше тысячи рублей надо заплатить! И гдѣ здѣсь достать?...

— Пять тысячъ рублей ассигнаціями мой дѣдъ заплатилъ въ приданое моей родительницѣ. Это хранилось до сихъ поръ въ моей вотчинѣ, въ спальнѣ покойницы. Я въ прошедшемъ мѣсяцѣ подъ секретомъ велѣлъ доставить сюда; на рукахъ несли полтораста верстъ, шесть человѣкъ попеременно, чтобъ не разбилось. Я только новую кисею велѣлъ сдѣлать, а кружева, тоже старинныя: изволите видѣть — пожелтѣли. Это очень цѣнится дамами, тогда какъ.... добавилъ онъ съ усмѣшкой, — въ нашихъ глазахъ не имѣетъ никакой цѣны.

— Что̀ бабушка скажетъ? замѣтилъ Райскій.

— Безъ грозы не обойдется, я сильно тревожусь, сказалъ Титъ Никонычъ:—но можетъ быть, по своей добротѣ, проститъ меня. Позволяю себѣ вамъ открыть, что я люблю обѣихъ дѣвицъ, какъ родныхъ дочерей, прибавилъ онъ нѣжно: обѣихъ на колѣняхъ качалъ, грамотѣ вмѣстѣ съ Татьяной Марковной обучалъ; это — какъ моя семья. Не измѣните мнѣ, шепнулъ онъ: скажу конфиденціяльно, что и Вѣрѣ Васильевнѣ въ одинаковой мѣрѣ взялъ смѣлость изготовить въ свое время, при ея замужествѣ, равный этому подарокъ, который, смѣю думать, она благосклонно приметъ....

Онъ показалъ Райскому массивный серебряный столовый сервизъ на двѣнадцать человѣкъ, старой, и тоже артистической отдѣлки.

— Вамъ, какъ брату и другу ея, открою, шепталъ онъ, что я, вмѣстѣ съ Татьяной Марковной, пламенно желаю ей отличной и богатой партіи, коей она вполнѣ достойна: мы замѣчаемъ,—еще тише зашепталъ онъ,—что достойнѣйшій во всѣхъ отношеніяхъ кавалеръ, Иванъ Ивановичъ Тушинъ — безъ ума отъ нея — какъ и слѣдуетъ быть....

Райскій вздохнулъ и вернулся домой. Онъ нашелъ тамъ Викентьева съ матерью, которая пріѣхала изъ-за Волги ко дню рожденія Марѳиньки, Полину Карповну, двухъ, трехъ гостей изъ города и — Опенкина. Послѣдній разливалъ волны семинарскаго краснорѣчія, переходя нерѣдко въ плаксивый тонъ и обращая къ Марѳинькѣ пожеланія, по случаю предстоящаго брака. Ба-

бушка не рѣшилась оставить его къ обѣду при «хорошихъ гостяхъ» и поручила Викентьеву напоить за завтракомъ, что тотъ и исполнилъ отчетливо, такъ-что къ тремъ часамъ Опенкинъ былъ готовъ совсѣмъ и спалъ крѣпкимъ сномъ въ пустой залѣ стараго дома. Гости часовъ въ семь разъѣхались. Бабушка съ матерью жениха зарылись совсѣмъ въ приданое и вели нескончаемый разговоръ въ кабинетѣ Татьяны Марковны.

А женихъ съ невѣстой, обѣжавъ разъ пять садъ и рощу, ушли въ деревню. Викентьевъ несъ за Марѳинькой цѣлый узелъ, который, пока они шли по полю, онъ кидалъ вверхъ и ловилъ на-лету. Марѳинька обошла каждую избу, прощалась съ бабами, ласкала ребятишекъ, двумъ изъ нихъ вымыла рожицы, нѣкоторымъ матерямъ дала ситцу на рубашенки дѣтямъ, да двумъ дѣвочкамъ постарше, на платья, и двѣ пары башмаковъ, сказавъ, чтобъ не смѣли ходить босоногія по лужамъ. Полоумной Агашкѣ дала какую-то изношенную душегрѣйку, которую выпросила въ дворнѣ у Улиты, обѣщаясь, по возвращеніи, сдѣлать ей новую, на̀-строго приказавъ Агашкѣ не ходить въ одномъ платьѣ по осеннему холоду и сказала, что пришлетъ «коты» носить въ слякоть. Безногому старику Силычу оставила рубль мѣдными деньгами, которыя тотъ жадно подобралъ, когда Викентьевъ, съ грохотомъ и хохотомъ, выворачивая карманы, выбросилъ ихъ на лавку. Силычъ, дрожащими отъ жадности руками, началъ завертывать ихъ въ какіе-то хлопки и тряпки. Но Марѳинька погрозила, что отниметъ деньги и никогда не придетъ больше, если онъ станетъ прятать ихъ, а выпрашивать луковицу на обѣдъ и просить на паперти милостыню. «Красавица ты наша, Божій ангелъ, награди тебя Господь!» провожали ее бабы съ каждаго двора, когда она прощалась съ ними недѣли на двѣ. А мужики ласково и лукаво улыбались молча: «балуетъ барышня», какъ-будто думали они: «съ ребятишками, да съ бабами возится: ишь какой пустякъ носитъ имъ! Почто̀ это нашимъ бабамъ и ребятишкамъ?» И небрежно разсматривали ситцевую рубашонку, какой-нибудь поясокъ, или маленькіе башмаки.

XI.

Вечеромъ новый домъ сіялъ огнями. Бабушка не знала, какъ угостить свою гостью и будущую родню. Она воздвигла ей парадную постель въ гостиной, чуть не до потолка, походившую на катафалкъ. Марѳинька, въ своихъ двухъ комнатахъ, цѣлый вечеръ играла, пѣла съ Викентьевымъ — наконецъ они затихли

за чтеніемъ какой-то новой повѣсти, безпрестанно прерываемомъ замѣчаніями Викентьева, его шалостями и рѣзвостью.

Только окна Райскаго не были освѣщены: онъ ушелъ тотчасъ послѣ обѣда и не возвращался къ чаю. Луна освѣщала новый домъ, а старый прятался въ тѣни. Въ окнахъ Вѣры, часу въ седьмомъ, едва замѣтно свѣтилъ огонь, но и тотъ погасъ. На дворѣ, въ кухнѣ, въ людскихъ, долѣе обыкновеннаго не ложились спать люди, у которыхъ въ гостяхъ были пріѣхавшіе съ барыней Викентьевой изъ-за Волги, кучеръ и лакей. На кухнѣ долго не гасили огня, готовили ужинъ, и отчасти завтрашній обѣдъ.

Вѣра съ семи часовъ вечера сидѣла въ бездѣйствіи, сначала въ сумеркахъ, потомъ при слабомъ огнѣ одной свѣчи, облокотясь на столъ и положивъ на руку голову, другой рукой она задумчиво перебирала листы лежавшей передъ ней книги, въ которую не смотрѣла. Глаза ея устремлены были куда-то далеко отъ книги. На плеча сверху накинутъ былъ большой шерстяной платокъ, защищавшій ее отъ свѣжаго, осенняго воздуха, который въ открытое окно наполнялъ комнату. Она еще не позволяла вставить у себя рамъ и подолгу оставляла окно открытымъ.

Спустя полчаса, она медленно встала, положила книгу въ столъ, подошла къ окну и оперлась на оба локтя, глядя на небо, на новый, свѣтившійся огнями черезъ всѣ окна, домъ, прислушиваясь къ шагамъ ходившихъ по двору людей, потомъ выпрямилась и вздрогнула плечами отъ холода.

Она стала закрывать окно, и только затворила одну половину, какъ среди тишины раздался подъ горой выстрѣлъ.

Она вздрогнула и быстро опустилась на стулъ и опустила голову. Потомъ встала, глядя вокругъ себя, мѣняясь въ лицѣ, шагнула къ столу, гдѣ стояла свѣча, и опять остановилась. Въ глазахъ былъ испугъ и тревога. Она нѣсколько разъ трогала лобъ рукой и сѣла было къ столу, но въ ту же минуту встала опять, быстро сдернула съ плечъ платокъ и бросила въ уголъ за занавѣсъ, на постель, еще быстрѣе отворила шкафъ, затворила опять, ища чего-то глазами по стульямъ, на диванѣ — и не найдя что̀ ей нужно, сѣла на стулъ, повидимому, въ изнеможеніи. Наконецъ глаза ея остановились на висѣвшей на спинкѣ стула пуховой косынкѣ, подаренной Титомъ Никонычемъ. Она бросилась къ ней, стала торопливо надѣвать одной рукой на голову, другой въ ту же минуту отворяла шкафъ и доставала оттуда съ вѣшалокъ, съ лихорадочной дрожью, то то, то другое пальто. Мелькомъ взглянувъ на пальто, попавшееся ей въ руку, она съ досадой бросала его на полъ и хватала другое, бросала

опять попавшееся платье, другое, третье, и искала чего-то, перебирая одно за другимъ все, что висѣло въ шкафѣ, и въ тоже время стараясь рукой завязать косынку на головѣ.

Наконецъ бросилась къ свѣчкѣ, схватила ее и освѣтила шкафъ. Тамъ, съ ожесточеннымъ нетерпѣніемъ, взяла она мантилью на бѣломъ пуху, еще другую, черную, шелковую, накинула первую на себя, а на нее шелковую, отбросивъ пуховую косынку прочь. Не затворивъ шкафа, она перешагнула черезъ кучу брошеннаго на полъ платья, задула свѣчку, и скользнувъ изъ двери, не заперевъ ее, какъ мышь, неслышными шагами спустилась съ лѣстницы. Она прокралась по окраинѣ двора, закрытой тѣнью, и вошла въ темную аллею. Она не шагала, а неслась: едва мелькалъ темный ея силуэтъ, гдѣ нужно было перебѣжать свѣтлое пространство, такъ что луна будто не успѣвала освѣтить ее. Она, миновавъ аллею, умѣрила шагъ, и остановилась на минуту перевести духъ у канавы, отдѣлявшей садъ отъ рощи. Потомъ перешла канаву, вошла въ кусты, мимо своей любимой скамьи, и подошла къ обрыву. Она подобрала обѣими руками платье, чтобъ спуститься... Передъ ней, какъ изъ земли, выросъ Райскій и сталъ между ею и обрывомъ. Она окаменѣла на мѣстѣ.

— Куда, Вѣра? спросилъ онъ.

Она молчала.

— Пойдемъ назадъ! сказалъ онъ, взявъ ее за руку. Она не дала руки и хотѣла миновать его.

— Вѣра: куда, зачѣмъ?

— Туда... въ послѣдній разъ: свиданіе необходимо — проститься... шептала она со стыдомъ и мольбой. — Пустите меня, братъ... Я сейчасъ вернусь, а вы подождите меня... одну минуту... Посидите, вотъ здѣсь, на скамьѣ...

Онъ, молча, крѣпко взялъ ее за руку и не выпускалъ.

— Пустите, мнѣ больно! говорила она, ломая его и свою руку. Онъ не пускалъ. Между ними завязалась борьба.

— Вы не сладите со мной, говорила она, сжимая зубы и съ неестественной силой вырывая руку, наконецъ вырвала и метнулась было въ сторону, мимо его. Онъ удержалъ ее за талію, подвелъ къ скамьѣ, посадилъ и сѣлъ подлѣ нея. — Какъ это грубо, дико! съ тоской и злостью сказала она, отворачиваясь отъ него почти съ отвращеніемъ.

— Не этой силой хотѣлъ бы я удержать тебя, Вѣра, сказалъ онъ.

— Отъ чего удержать? спросила она почти грубо.

— Можетъ быть — отъ гибели...

— Развѣ можно погубить меня, если я не хочу?

— Ты не хочешь, а гибнешь...

— А если я хочу гибнуть?

Онъ молчалъ.

— И никакой гибели нѣтъ: мнѣ нужно видѣться, чтобъ... разстаться...

— Чтобъ разстаться — не надо видѣться...

— Надо — и я увижусь, рѣшительно сказала она: — часомъ или днемъ позже — все равно. Всю дворню, весь городъ зовите, хоть роту солдатъ: ничѣмъ не удержите!..

Она откинула черную мантилью съ головы на плечи и судорожно передергивала ее. Выстрѣлъ повторился. Она рванулась, но двѣ сильныя руки за плеча посадили ее на лавку. Она посмотрѣла на Райскаго съ ногъ до головы и тряхнула головой отъ ярости.

— Какой же награды потребуете вы отъ меня за этотъ добродѣтельный подвигъ? шипѣла она. Онъ молчалъ и изъ подлобья стерегъ ея движенія. Она съ злостью засмѣялась.

— Пустите! сказала она мягко, немного погодя. Онъ покачалъ отрицательно головой.

— Братъ! заговорила она черезъ минуту нѣжно, кладя ему руку на плечо: — если когда нибудь вы горѣли, какъ на угольяхъ, умирали сто разъ въ одну минуту отъ страха, отъ нетерпѣнія... когда счастье просится въ руки и ускользаетъ... и ваша душа просится вслѣдъ за нимъ... Припомните, братъ, такую минуту... когда у васъ оставалась одна послѣдняя надежда... искра... вотъ это — моя минута!.. Она пройдетъ — и все пройдетъ съ ней...

— И слава Богу, Вѣра! Опомнись, приди въ себя немного: ты сама не пойдешь! Когда больные горячкой мучатся жаждой и просятъ льду — имъ не даютъ. Вчера, въ трезвый часъ, ты сама предвидѣла это и указала мнѣ простое и самое дѣйствительное средство — не пускать тебя — и я не пущу...

Она стала на колѣни подлѣ него.

— Не заставьте меня проклинать васъ всю жизнь потомъ! умоляла она. — Можетъ быть тамъ меня ждетъ сама судьба...

— Твоя судьба — вонъ тамъ: я видѣлъ, гдѣ ты вчера искала ее, Вѣра. Ты вѣришь въ провидѣніе: другой судьбы нѣтъ...

Она вдругъ смолкла и поникла головой.

— Да, сказала она покорно — да, вы правы: я вѣрю... Но я тамъ допрашивалась искры, чтобъ освѣтить мой путь — и не допросилась. Что мнѣ дѣлать? — я не знаю... Она вздохнула и медленно встала съ колѣнъ.

— Не ходи! говорилъ онъ.

— Именемъ той судьбы, въ которую вѣрю, я искала счастья! Можетъ быть, она и посылаетъ меня теперь туда... можетъ быть... я необходима тамъ, продолжала она, выпрямившись и сдѣлавъ шагъ къ обрыву. — Чтобы ни было, не держите меня долѣе, я рѣшилась. Я чувствую, моя слабость миновала. Я владѣю собой, — я опять сильна! Тамъ рѣшится не моя одна судьба, но и другого человѣка: на васъ ляжетъ отвѣтственность за эту пропасть, которую вы роете между нимъ и мною. Я не утѣшусь никогда, буду васъ считать виновникомъ несчастья всей моей жизни... и его жизни! Если вы теперь удержите меня, я буду думать, что мелкая страстишка, самолюбіе безъ правъ, зависть — помѣшали моему счастью и что вы лгали, когда проповѣдывали свободу...

Онъ поколебался и отступилъ отъ нея на шагъ.

— Это голосъ страсти, со всѣми ея софизмами и изворотами! сказалъ онъ вдругъ опомнившись. —Вѣра, ты теперь въ положеніи іезуита. Вспомни, какъ ты просила вчера, послѣ своей молитвы, не пускать тебя... А если ты будешь проклинать меня за то, что я уступилъ тебѣ: на кого тогда падетъ отвѣтственность?

Она опять упала духомъ и уныло склонила голову.

— Кто онъ, скажи? шепнулъ онъ.

— Если скажу — вы не удержите меня? вдругъ спросила она съ живостью, хватаясь за эту, внезапно явившуюся надежду вырваться—и спрашивала его глазами, глядя близко и прямо ему въ глаза.

— Не знаю, можетъ быть...

— Нѣтъ, дайте слово, что не удержите меня — и я назову...

Онъ колебался. Въ эту минуту раздался третій выстрѣлъ. Она рванулась, но онъ успѣлъ удержать ее за руку.

— Пойдемъ, Вѣра, домой, къ бабушкѣ сейчасъ! говорилъ онъ настойчиво, почти повелительно.—Открой ей все...

Но она, вмѣсто отвѣта, начала биться у него въ рукахъ, вырываясь, падая, вставая опять.

— Если... вамъ было когда-нибудь хорошо въ жизни, то пустите!.. Вы говорили: «люби, страсть прекрасна!» задыхаясь отъ волненія, говорила она и порывалась у него изъ рукъ: — вспомните... и дайте мнѣ еще одну такую минуту, одинъ вечеръ... «Христа ради»... шептала она, протягивая руку:—вы тоже просили меня, Христа ради, не удалять васъ... я не отказала... помните? Подайте и мнѣ эту милостыню!.. Я никогда не упрекну васъ... никогда... вы сдѣлали все — мать не могла бы сдѣлать

больше — но теперь оставьте меня — я должна быть свободна... И вотъ пусть Тотъ, кому мы молились вчера, будетъ свидѣтелемъ, что это послѣдній вечеръ... послѣдній! Я никогда не пойду съ обрыва больше: вѣрьте мнѣ—я этой клятвы не нарушу! Подождите меня здѣсь, я сейчасъ вернусь, только скажу слово...

Онъ выпустилъ ея руку.

— Что ты говоришь, Вѣра! шепталъ онъ въ ужасѣ:—ты не помнишь себя, куда ты?

— Туда... взглянуть одинъ разъ... на «волка».. проститься.... услышать его... можетъ быть... онъ уступитъ...

Она бросилась къ обрыву, но упала, торопясь уйти, чтобъ онъ не удержалъ ее, хотѣла встать и не могла: привстала и опять упала на колѣни, повторяя: «туда, въ послѣдній разъ...»

Она протягивала руку къ обрыву, дѣлая шагъ, падая и глядя умоляющими глазами на Райскаго.

Онъ собралъ нечеловѣческія силы, задушилъ вопль собственной муки, поднялъ ее на руки: «ты упадешь съ обрыва, тамъ круто... шепнулъ онъ — я тебѣ помогу...»

Онъ почти снесъ ее съ крутизны и поставилъ на отлогомъ мѣстѣ, на дорожкѣ. У него дрожали руки, онъ былъ блѣденъ.

Она быстро обернулась къ нему, обдала его всего широкимъ взглядомъ изступленнаго удивленія, благодарности—вдругъ опустилась на колѣни, схватила его руку и крѣпко прижала къ губамъ... «Братъ! вы великодушны: Вѣра не забудетъ этого!» сказала она, и взвизгнувъ отъ радости, какъ освобожденная изъ клѣтки птица, бросилась въ кусты.

Онъ сѣлъ на томъ мѣстѣ, гдѣ стоялъ, и съ ужасомъ слушалъ шумъ раздвигаемыхъ ею вѣтвей и трескъ сухихъ прутьевъ подъ ногами.

XII.

Въ полуразвалившейся бесѣдкѣ ждалъ Маркъ. На столѣ лежало ружье и фуражка. Самъ онъ ходилъ взадъ и впередъ по нѣсколькимъ уцѣлѣвшимъ доскамъ. Когда онъ ступалъ на одинъ конецъ доски, другой привскакивалъ и падалъ со стукомъ. «О, чортова музыка»! съ досадой на этотъ стукъ сказалъ онъ и сѣлъ на одну изъ скамей близь стола, положилъ локти на столъ и впустилъ обѣ руки въ густые волосы. Онъ курилъ папиросу за папиросой; зажигая спичку, онъ освѣщалъ себя. Онъ былъ блѣденъ и казался взволнованнымъ, или озлобленнымъ. Послѣ каждаго выстрѣла онъ прислушивался нѣсколько минутъ, потомъ

шелъ по тропинкѣ, приглядываясь къ кустамъ, повидимому, ожидая Вѣру. И когда ожиданія его не сбывались, онъ возвращался въ бесѣдку и начиналъ ходить подъ «чортову музыку», опять бросался на скамью, впуская пальцы въ волосы, или ложился, на одну изъ скамей, кладя, по-американски, ноги на столъ.

Послѣ третьяго выстрѣла онъ прислушался минутъ семь, но не слыша ничего до того нахмурился, что на минуту какъ будто постарѣлъ, медленно взялъ ружье и нéхотя пошелъ по дорожкѣ, повидимому съ намѣреніемъ уйти, но замедлялъ однако шагъ, точно затрудняясь идти въ темнотѣ. Наконецъ пошелъ рѣшительнымъ шагомъ — и вдругъ столкнулся съ Вѣрой. Она остановилась и приложила руку къ сердцу, съ трудомъ переводя духъ.

Онъ взялъ ее за руку — и въ ней тревога мгновенно стихла: она старалась только отдышаться отъ скорой ходьбы и отъ борьбы съ Райскимъ, а онъ, казалось, не могъ одолѣть въ себѣ сильно охватившаго его чувства — радости исполнившагося ожиданія.

— Еще недавно, Вѣра, вы были такъ аккуратны: мнѣ не приходилось тратить пороху на три выстрѣла... сказалъ онъ.

— Упрекъ — вмѣсто радости! отвѣчала она, вырывая у него руку.

— Это я — такъ только, чтобъ начать разговоръ: а самъ одурѣлъ совсѣмъ отъ радости, какъ Райскій...

— Не похоже! Еслибъ было такъ, мы не видѣлись бы украдкой, въ обрывѣ... Боже мой! — Она перевела духъ.

— А сидѣли бы рядкомъ тамъ, у бабушки, за чайнымъ столомъ, и ждали бы, когда насъ обвѣнчаютъ!

— Такъ что же?

— Что напрасно мечтать о томъ, что̀ невозможно: вѣдь бабушка не отдала бы за меня...

— Отдала бы: она сдѣлаетъ, что̀ я хочу. У васъ только это препятствіе?

— Мы опять заводимъ эту нескончаемую полемику, Вѣра? Мы сошлись въ послѣдній разъ сегодня — вы сами говорите. Надо же кончить какъ-нибудь эту томительную пытку и сойти съ горячихъ угольевъ.

— Да, въ послѣдній разъ... Я клятву дала, что больше здѣсь никогда не буду! шептала она чуть слышно.

— Стало быть время дорого. Мы разойдемся навсегда, если... глупость, т. е. бабушкины убѣжденія разведутъ насъ. Я уѣду черезъ недѣлю: разрѣшеніе получено, вы знаете. Или ужъ сойдемся и не разойдемся больше...

— Никогда? тихо спросила она. —

Онъ сдѣлалъ движеніе нетерпѣнія.

— Никогда! повторилъ онъ съ досадой: — какая ложь въ этихъ словахъ: «никогда», «всегда»... Конечно «никогда»: годъ, можетъ быть, два... три... Развѣ это не — «никогда?» Вы хотите безсрочнаго чувства? Да развѣ оно есть? Вы пересчитайте всѣхъ вашихъ голубей и голубокъ: вѣдь никто безсрочно не любитъ. Загляните въ ихъ гнѣзда — что̀ тамъ? Сдѣлаютъ свое дѣло, выведутъ дѣтей, а потомъ воротятъ носы въ разныя стороны. А только отъ тупоумія сидятъ вмѣстѣ...

— Довольно, Маркъ: я тоже утомлена этой теоріей о любви на срокъ! съ нетерпѣніемъ перебила она. — Я очень несчастлива: у меня не одна эта туча на душѣ — разлука съ вами! Вотъ ужъ годъ я скрытничаю съ бабушкой — и это убиваетъ меня, и ее еще больше: я вижу это. Я думала, что на дняхъ эта пытка кончится: сегодня, завтра, мы наконецъ выскажемся вполнѣ: искренно объявимъ другъ другу свои мысли, надежды, цѣли... и...

— Что̀ потомъ? спросилъ онъ, слушая внимательно.

— Потомъ я пойду къ бабушкѣ и скажу ей, вотъ кого я выбрала... на всю жизнь. Но... кажется... этого не будетъ... мы напрасно видимся сегодня: мы должны разойтись! — съ глубокимъ уныніемъ, шепотомъ, досказала она и поникла головой.

— Да, если воображать себя ангелами, то, конечно, вы правы, Вѣра: тогда — на всю жизнь. Вонъ и этотъ сѣдой мечтатель, Райскій, думаетъ, что женщины созданы для какой-то высшей цѣли...

— Для семьи созданы онѣ прежде всего. Не ангелы: пусть такъ — но и не звѣри! Я не волчица, а женщина!

— Ну, пусть для семьи: что̀ же? Въ чемъ тутъ помѣха намъ? Надо кормить и воспитать дѣтей? Это уже не любовь, а особая забота, дѣло нянекъ, старыхъ бабъ! Вы хотите драпировки: всѣ эти чувства, симпатіи, и прочее—только драпировка, тѣ листья, которыми, говорятъ, прикрывались люди еще въ раю...

— Да, люди! сказала она.

Онъ усмѣхнулся и пожалъ плечами.

— Пусть драпировка, продолжала Вѣра:—но вѣдь и она, по вашему же ученію, дана природой, а вы хотите ее снять. Если такъ, зачѣмъ вы упорно привязались ко мнѣ, говорите, что любите — вонъ измѣнились, похудѣли?.. Не все ли вамъ равно, съ вашими понятіями о любви, найти себѣ подругу тамъ въ Слободѣ, или за Волгой въ деревнѣ? Что̀ заставляетъ васъ ходить цѣлый годъ сюда, подъ гору?

Онъ нахмурился.

— Видите свою ошибку, Вѣра: «съ понятіями о любви», говорите вы: а дѣло въ томъ, что любовь не понятіе, а влеченіе, потребность, оттого она, большею частію, и слѣпа; но я привязанъ къ вамъ не слѣпо: ваша красота, и довольно рѣдкая — въ этомъ Райскій правъ — да умъ, да свобода понятій — и держатъ меня въ плѣну долѣе, нежели со всякой другой!

— Очень лестно! сказала она тихо.

— Эти «понятія» васъ губятъ, Вѣра. Не будь ихъ, мы сошлись бы давно и были бы оба счастливы, продолжалъ онъ.

— На время, а потомъ — явится новое увлеченіе, уступить ему — и такъ далѣе?..

Онъ пожалъ плечами.

— Не мы виноваты въ этомъ, а природа: и хорошо сдѣлала. Иначе, если останавливаться надъ всѣми явленіями жизни подолгу — значитъ надѣвать пуды на ноги... значитъ, жить «понятіями»... замѣтилъ онъ. — Природу не передѣлаешь!

— Понятія эти — правила, спорила она. — У природы есть свои законы: вы же учили: а у людей правила!

— Вотъ гдѣ мертвечина и есть, что изъ природнаго влеченія дѣлаютъ правила и сковываютъ себя по рукамъ и ногамъ. Любовь — счастье, данное человѣку природой... Это мое мнѣніе...

— Счастье это ведетъ за собой долгъ, сказала она, вставъ со скамьи: это мое мнѣніе...

— Это выдумка, сочиненіе, Вѣра: поймите хаосъ вашихъ «правилъ и понятій»! Забудьте эти «долги» и согласитесь, что любовь прежде всего — влеченіе... иногда неодолимое...

Онъ тоже всталъ и обнялъ ее за талію.

— Такъ-ли? Съ этимъ трудно не согласиться — упрямая... красавица, умница... нѣжно шепталъ онъ.

Она тихо освободила талію отъ его рукъ.

— А то выдумали — «долгъ!»

— Долгъ, повторила она настойчиво: — за отданные другъ другу лучшіе годы счастья платить взаимно остальную жизнь...

— Чѣмъ это — позвольте спросить? Варить супъ, ходить другъ за другомъ, сидѣть съ глазу на глазъ, притворяться, вянуть на правилахъ, да на долгѣ около какой-нибудь щедушной, слабонервной подруги, или разбитаго параличомъ старика, когда силы у одного еще крѣпки, жизнь зоветъ, тянетъ дальше!... Такъ, что-ли?

— Да, — удержаться, не смотрѣть туда, куда «тянетъ»! Тогда не надо будетъ и притворяться, а просто воздерживаться, «какъ

отъ рюмки», говоритъ бабушка, и это правда... Такъ я понимаю счастье и такъ желаю его!

— Ну, дѣло плохо, когда дошло до цитатъ бабушкиной мудрости. Вы хвастайтесь ей: скажите, какъ крѣпки ея правила въ васъ...

— Нечѣмъ хвастаться! уныло говорила она: — да, сегодня, отсюда, я пойду къ ней и... похвастаюсь!

— Что́-же вы ей скажете?

— Все, что̀ было здѣсь... чего она не знаетъ...

Она сѣла на скамью и, облокотившись на столъ, склонила лицо на руки и задумалась.

— Зачѣмъ? спросилъ онъ.

— Вы не поймете зачѣмъ, потому что не допускаете долга... А я давно въ долгу передъ ней...

— Все это мораль, подергивающая жизнь плесенью, скукой!... Вѣра, Вѣра — не любите вы, не умѣете любить...

Она вдругъ подошла къ нему и съ упрекомъ взглянула ему въ лицо.

— Не говорите этого, Маркъ, если не хотите привести меня въ отчаяніе! Я сочту это притворствомъ, желаніемъ увлечь меня безъ любви, обмануть...

И онъ всталъ со скамьи.

— Не говорите и вы этого, Вѣра! Не сталъ бы я тутъ слушать и читать лекціи о любви. И еслибъ хотѣлъ обмануть, то обманулъ бы давно — стало быть не могу...

— Боже мой! Изъ чего вы бьетесь, Маркъ: какъ уродуете свою жизнь! сказала она всплеснувъ руками.

— Послушайте, Вѣра, оставимъ споръ. Вашими устами говоритъ таже бабушка, только, конечно, иначе, другимъ языкомъ. Все это годилось прежде, а теперь потекла другая жизнь, гдѣ не авторитеты, не заученныя понятія, а правда пробивается наружу.....

— Правда — гдѣ она? скажите наконецъ!... Не позади ли насъ? Чего вы ищете!

— Счастья! я васъ люблю! Зачѣмъ вы томите меня, зачѣмъ боретесь со мной и съ собой, и дѣлаете двѣ жертвы?

Она пожала плечами.

— Странные упреки! Поглядите на меня хорошенько — мы нѣсколько дней не видѣлись: какова я? сказала она.

— Я вижу, что вы страдаете, и тѣмъ это нелѣпѣе! Теперь и я спрошу: зачѣмъ вы ходили и ходите сюда?

Она почти враждебно посмотрѣла на него.

— За чѣмъ я не раньше почувствовала... ужасъ своего по-

ложенія—хотите вы спросить? Да, этотъ вопросъ и упрекъ давно мы должны бы были сдѣлать себѣ оба, и тогда, отвѣтивъ на него искренно другъ другу и самимъ себѣ, не ходили бы больше. Поздно... шептала она задумчиво: впрочемъ, лучше поздно чѣмъ никогда. Мы сегодня должны одинъ другому отвѣтить на вопросъ, чего мы хотѣли и ждали другъ отъ друга...

— Позвольте же мнѣ высказаться рѣшительно, продолжалъ онъ. — Я хочу вашей любви и отдаю вамъ свою, вотъ одно «правило» въ любви: правило свободнаго размѣна, указанное природой. Не насиловать привязанности, а свободно отдаваться впечатлѣнію и наслаждаться взаимнымъ счастьемъ — вотъ «долгъ и законъ», который я признаю — и вотъ мой отвѣтъ на вопросъ, «зачѣмъ я хожу?» Жертвъ надо? И жертвы есть, — по мнѣ это не жертвы, но я назову вашимъ именемъ: я останусь еще въ этомъ болотѣ, не знаю сколько времени, буду тратить силы вотъ тутъ — но не для васъ, а прежде всего для себя, потому что въ настоящее время это стало моей жизнью — и я буду жить, пока буду счастливъ, пока буду любить. А когда охладѣю—я скажу и уйду—куда поведетъ меня жизнь, не унося съ собой никакихъ долговъ, правилъ и обязанностей. Я всѣ ихъ оставлю тутъ, на днѣ обрыва! Видите, я не обманываю васъ: я высказываюсь весь. Скажу и уйду! И вы имѣете право сдѣлать тоже. А вонъ тѣ мертвецы лгутъ себѣ и другимъ — и эту ложь называютъ «правилами». А сами потихоньку дѣлаютъ тоже самое — и еще ухитрились себѣ присвоивать это право, а женщинамъ не давать его! Между нами должно быть равенство. Рѣшите, честно это, или нѣтъ?

Она покачала отрицательно головой.

— Софизмы! Честно взять жизнь у другого и заплатить ему своею: это правило! Вы знаете, Маркъ—и другія мои правила...

— Ну, дошли! теперь пойдетъ! Правило, камнемъ повиснуть на шеѣ другъ друга...

— Нѣтъ, не камнемъ! горячо возразила она. — Любовь налагаетъ долгъ, буду твердить я, какъ жизнь налагаетъ и другіе долги: безъ нихъ жизни нѣтъ. Вы стали бы сидѣть съ дряхлой, слѣпой матерью, водить ее, кормить — за что? Вѣдь это невесело — но честный человѣкъ считаетъ это долгомъ, и даже любитъ его!

— Вы разсуждаете, а не любите, Вѣра!

— А вы увертываетесь отъ моей правды! Разсуждаю, потому что люблю, я женщина, а не животное и не машина!

— У васъ какая-то сочиненная и придуманная любовь...

какъ въ романахъ... съ надеждой на безконечность... словомъ— безсрочная! Но честно ли то, что̀ вы требуете отъ меня, Вѣра? Положимъ, я бы не назначалъ любви срока: скача и играя, какъ Викентьевъ, подалъ бы вамъ руку навсегда—чего же хотите вы еще? Чтобъ «Богъ благословилъ союзъ»: говорите вы, т. е. чтобъ пойти въ церковь — да противъ убѣжденія — дать публично исполнить надъ собой обрядъ... А я не вѣрю ему и терпѣть не могу поповъ: логично ли, честно ли я поступлю?..

Она встала и накинула черную мантилью на голову.

— Мы сошлись, чтобъ удалить всѣ препятствія къ счастью,— а вмѣсто того только увеличиваемъ ихъ! Вы грубо касаетесь того, что̀ для меня свято. За чѣмъ вы вызвали меня сюда: я думала, вы уступили старой, испытанной правдѣ и что мы подадимъ другъ другу руки навсегда... Всякій разъ съ этой надеждой сходила я съ обрыва... и всякій разъ ошибалась! Я повторю, что̀ говорила давно: у насъ, Маркъ... (слабымъ голосомъ оканчивала она) и убѣжденія, и чувства разныя! Я думала, что самый умъ вашъ скажетъ вамъ... гдѣ настоящая жизнь — и гдѣ ваша лучшая роль...

— Гдѣ?

— Въ сердцѣ честной женщины, которая любитъ, и что роль друга такой женщины...

Она махнула безотрадно рукой. Ей хлынули слезы въ глаза.

— Живите вашей жизнью Маркъ — я немогу... у ней нѣтъ корня...

— Ваши корни подгнили давно, Вѣра!

— Пусть такъ! болѣе и болѣе слабѣя говорила она, и слезы появились уже въ глазахъ. — Не мнѣ спорить съ вами, опровергать ваши убѣжденія умомъ и своими убѣжденіями нельзя. У меня ни ума, ни силъ не станетъ. У меня оружіе слабо— и только имѣетъ ту цѣну, что оно мое собственное, что я взяла его въ моей тихой жизни, а не изъ книгъ, не по наслышкѣ...

Онъ сдѣлалъ движеніе, но она заговорила опять.—Я думала побѣдить васъ другой силой... Помните, какъ все случилось: — присѣвши на минуту на скамью, говорила она задумчиво:—мнѣ сначала было жалко васъ. Вы здѣсь одни, васъ не понималъ никто, всѣ убѣгали. Участіе привлекло меня на вашу сторону. Я видѣла что-то странное, распущенное. Вы не дорожили ничѣмъ — даже приличіями, были небрежны въ мысляхъ, неосторожны въ разговорахъ, играли жизнью, сорили умомъ, никого и ничего не уважали, ни во что̀ не вѣрили, и учили тому же другихъ, напрашивались на непріятности, хвастались удалью. Я изъ любопытства слѣдила за вами, позволила вамъ приходить

къ себѣ, брала у васъ книги, — видѣла умъ, какую-то силу, знанія... Но все это шло стороной отъ жизни... Потомъ... я забрала себѣ въ голову (какъ я каюсь въ этомъ!), что... Я говорила себѣ часто: сдѣлаю, что онъ будетъ дорожить жизнью... сначала для меня, а потомъ и для жизни, будетъ уважать, сначала опять меня, а потомъ и другое въ жизни, будетъ вѣрить... мнѣ, а потомъ... Я хотѣла, чтобъ вы жили, чтобъ стали лучше, выше всѣхъ... ссорилась съ вами за безпорядочную жизнь... — Она вздохнула, какъ будто перебирая въ памяти весь этотъ годъ.— Вы поддавались моему... вліянію... И я тоже поддавалась вашему: ума, смѣлости, захватила было нѣсколько... софизмовъ...

— И на попятный дворъ: бабушки страшно стало! Чтожъ не бросили тогда меня, какъ увидали софизмы? Софизмы!

— Поздно было. Я горячо приняла къ сердцу вашу судьбу... Я страдала не за одинъ этотъ темный образъ жизни, но и за васъ самихъ, упрямо шла за вами, думала, что, ради меня... вы поймете жизнь, не будете блуждать въ одиночку, со вредомъ для себя и безъ всякой пользы для другихъ... думала, что выйдетъ...

— Вице-губернаторъ, или совѣтникъ хорошій...

— Что за дѣло до названія — выйдетъ человѣкъ нужный, сильный...

— Благонамѣренный, всему покорный: еще что̀?

— Еще — другъ мнѣ на всю жизнь: вотъ что! Я увлекалась своей надеждой... и вотъ куда увлеклась!.. тихо добавила и оглядѣвшись вздрогнула.—И что̀ пріобрѣла этой страшной борьбой? то, что вы теперь бѣжите отъ любви, отъ счастья, отъ жизни... отъ своей Вѣры! сказала она, придвигаясь къ нему и кладя руку на плечо. — Не бѣгите: поглядите мнѣ въ глаза, слышите мой голосъ: въ немъ правда! Не бѣгите, останьтесь, пойдемъ вмѣстѣ туда, на гору, въ садъ... Завтра здѣсь никого не будетъ счастливѣе насъ... Вы меня любите... Маркъ! Маркъ... слышите? посмотрите прямо на меня...

Она наклонилась къ его лицу и близко поглядѣла ему въ глаза.

Онъ быстро всталъ со скамьи.

— Дальше, Вѣра, отъ меня!.. сказалъ онъ, вырывая руку и тряся головой, какъ косматый звѣрь. Онъ сталъ шагахъ въ трехъ отъ нея. — Мы не договорились до главнаго — и когда договоримся, тогда я не отскочу отъ вашей ласки и не убѣгу изъ этихъ мѣстъ... Я бы не бѣжалъ отъ этой Вѣры, отъ васъ. Но вы навязываете мнѣ другую... Если у меня ее нѣтъ?—что̀ мнѣ дѣлать — рѣшайте, говорите, Вѣра!

— А если эта вѣра у меня есть — что̀ мнѣ дѣлать? спросила она.

— Легче разстаться съ какими-то заученными убѣжденіями, чѣмъ пріобрѣсть ихъ, у кого ихъ нѣтъ...

— Эти убѣжденія, — сама жизнь: я уже вамъ говорила, что живу ими и не могу иначе жить... слѣдовательно...

— Слѣдовательно... повторилъ онъ, и оба встали, обоимъ тяжело было договаривать, да и не нужно было.

Она хотѣла опять накинуть шелковую мантилью на голову и не могла: руки съ мантильей упали. Ей оставалось уйти, не оборачиваясь. Она сдѣлала движеніе, шагъ, и опустилась опять на скамью.

«Гдѣ взять силы — нѣтъ ея — ни уйти, ни удержать его: все кончено! думала она. — Еслибъ удержала — что̀ будетъ? не жизнь, а двѣ жизни, какъ двѣ тюрьмы, раздѣленныя вѣчной рѣшеткой...

— Мы оба сильны, Вѣра, и отъ того оба мучаемся, — сказалъ онъ, — отъ того и расходимся...

Она отрицательно покачала головой.

— Еслибъ я была сильна, вы не уходили бы такъ отсюда, — сказала она тихо, — а пошли бы со мной туда, на гору, не украдкой, а смѣло — опираясь на мою руку. — Пойдемте: хотите моего счастья и моей жизни? заговорила она, вдругъ ослѣпившись опять надеждой и подходя къ нему. — Не можетъ быть, чтобъ вы не вѣрили мнѣ: не можетъ быть тоже, чтобъ вы и притворялись — это было бы преступленіе! съ отчаяніемъ договорила она. — Что̀ дѣлать, что̀ дѣлать, Боже мой! Онъ не вѣритъ, нейдетъ! какъ вразумить васъ!

— Для этого нужно, чтобъ вы были сильнѣе меня, а мы равны, — отвѣчалъ онъ упрямо, — отъ того мы и не сходимся, а боремся. Намъ надо разойдтись, не рѣшая боя, или покориться одинъ другому навсегда... Я могъ бы овладѣть вами — и овладѣлъ бы всякой другой, мелкой женщиной, не пощадилъ бы ее. То̀, что̀ въ другой было бы жеманствомъ, мелкимъ страхомъ, или тупоуміемъ, то въ васъ — сила, женская крѣпость. Теперь тумана нѣтъ между нами: мы объяснились — и я воздамъ вамъ должное. Вы хорошо вооружены природой, Вѣра. Старыя понятія, мораль, долгъ, правила, вѣра — все что̀ для меня не существуетъ, живетъ въ васъ крѣпко. Вы не легки въ вашихъ увлеченіяхъ, вы боретесь отчаянно и соглашаетесь признать себя побѣжденной на условіяхъ, равныхъ для той и для другой стороны. Обмануть васъ — значитъ украсть. Вы отдаете все, и за

побѣду надъ вами требуете всего же. А я всего отдать не могу— но я уважаю васъ...

Голова ея приподнялась и по лицу на минуту сверкнулъ лучъ гордости, почти счастья, но въ ту же минуту она опять поникла головой. Сердце билось тоской передъ неизбѣжной разлукой и нервы упали опять. Его слова были прелюдіей прощанія.

— Мы высказались... отдаю рѣшеніе въ ваши руки! проговорилъ глухо Маркъ, отойдя на другую сторону бесѣдки и слѣдя оттуда пристально за нею. — Я васъ не обману даже теперь, въ эту рѣшительную минуту, когда у меня голова идетъ кругомъ... Нѣтъ, не могу—слышите, Вѣра: безсрочной любви не обѣщаю, потому что не вѣрю ей, и не требую ее и отъ васъ, вѣнчаться съ вами не пойду. Но люблю васъ теперь больше всего на свѣтѣ!.. И если вы послѣ всего этого, что̀ говорю вамъ — кинетесь ко мнѣ... значитъ вы любите меня и хотите быть моей...

Она глядѣла на него большими глазами и чувствовала, что дрожитъ. «Что̀ онъ такое: іезуитъ... или въ самомъ дѣлѣ непреклонная честность говоритъ въ немъ теперь и ставитъ ее въ опасное положеніе?» мелькнулъ въ ней лучъ сомнѣнія.

— Навсегда вашей? спросила она тихо — и сама испугалась повисшей надъ ней тучи. Скажи онъ — «да», она забыла бы о непроходимой «разности убѣжденій», дѣлавшихъ изъ этого «навсегда» —только мостикъ на минуту, чтобъ перебѣжать пропасть, и за тѣмъ онъ рухнулъ бы самъ въ туже пропасть. Ей стало страшно съ нимъ. Онъ молчалъ. Потомъ всталъ съ мѣста.—Не знаю! сказалъ онъ съ тоской и досадой:—я знаю только, что̀ буду дѣлать теперь, а не заглядываю за̀ полгода впередъ. Да и вы сами не знаете, что̀ будетъ съ вами. Если вы раздѣлите мою любовь, я останусь здѣсь, буду жить тише воды, ниже травы... дѣлать, что̀ вы хотите... Чего же еще? Или... уѣдемъ вмѣстѣ!.. вдругъ сказалъ онъ, подходя къ ней.

Передъ ней будто сверкнула молнія. И она бросилась къ нему и положила ему руку на плечо.

Ей неожиданно отворились двери въ какой-то рай. Цѣлый міръ улыбнулся ей и звалъ съ собой.... «Съ нимъ, далеко гдѣ нибудь....» думала она. Нѣга страсти стукнулась тихо къ ней въ душу. «Онъ колеблется, не можетъ оторваться: и это теперь... Когда она будетъ одна съ нимъ... тогда, можетъ быть, онъ и самъ убѣдится, что его жизнь только тамъ, гдѣ она....» Все это пѣлъ ей какой-то тихій голосъ.

— Вы рѣшились бы на это? спросилъ онъ ее серьезно.

Она молчала, опустивъ голову.

— Или боялись бы бабушки?

Она очнулась.

— Да, это правда: еслибъ не рѣшилась, то потому только, что боялась бы ее... шептала она.

— Такъ не подходите же ко мнѣ близко, сказалъ онъ, отодвигаясь:—старуха бы не пустила....

— Ахъ, нѣтъ: пустила и благословила бы, а сама бы умерла съ горя! вотъ чего боялась бы я!... Уѣхать съ вами! повторяла она мечтательно, глядя долго и пристально на него: а потомъ?

— А потомъ... не знаю Зачѣмъ это «потомъ»?

— И вдругъ васъ «потянетъ» въ другую сторону, и вы уйдете, оставивъ меня, какъ вещь....

Отчего, какъ «вещь»? Можно разстаться друзьями....

— Разстаться! Разлука стоитъ у васъ рядомъ съ любовью! Она безотрадно вздохнула.—А я думаю, что это крайности, которыя никогда не должны встрѣчаться..... одна смерть должна разлучить.... Прощайте, Маркъ! вдругъ сказала она, блѣдная, почти съ гордостью. — Я рѣшила.... Вы никогда не дадите мнѣ того счастья, какого я хочу. Для счастья не нужно уѣзжать: оно здѣсь.... Дѣло кончено!...

— Да—скорѣе же вонъ отсюда! Прощайте, Вѣра... говорилъ и онъ не своимъ голосомъ.

И оба встали съ мѣста, оба блѣдные, стараясь не глядѣть другъ на друга. Она искала, при слабомъ проницавшемъ сквозь вѣтви лунномъ свѣтѣ, свою мантилью. Руки у ней дрожали и брали не то, что̀ нужно. Она хваталась даже за ружье. Онъ стоялъ, прислонясь спиной къ одному изъ столбовъ бесѣдки, не бралъ ничего и мрачно слѣдилъ за нею. Она наконецъ отыскала бѣлую мантилью и никакъ не могла накинуть ее на другое плечо. Онъ машинально помогъ ей. Она въ темнотѣ искала ступенекъ ногой—онъ шагнулъ изъ бесѣдки прямо на землю, подалъ ей руку и помогъ сойти. Оба пошли молча по дорожкѣ, все замедляя шагъ, какъ-будто чего-то другъ отъ друга ожидая. Обоихъ мучила одна и та же мысленная работа: изобрѣсти предлогъ замедленія.

Оба понимали, что каждый съ своей точки зрѣнія правъ — но оба все-таки безумно втайнѣ надѣялись, онъ — что она перейдетъ на его сторону, а она — что онъ уступитъ, и оба понимали, что надежда была нелѣпа, что никто изъ нихъ не могъ, хотя бы и хотѣлъ, внезапно переродиться, залучить къ себѣ, какъ шапку надѣть, другія убѣжденія, другое міросозерцаніе, раздѣлить вѣру, или отрѣшиться отъ нея. Но ихъ убивало сознаніе, что это послѣднее свиданіе, послѣдній разъ, что черезъ пять минутъ они будутъ чужіе другъ другу навсегда. Имъ хотѣлось

задержать эти пять минутъ, уложить въ нихъ все свое прошлое—и—еслибъ можно было—заручиться какой-нибудь надеждой на будущее! Но потомъ оба сознавали, что будущаго нѣтъ, что впереди ждала, неизбѣжная, какъ смерть, одна разлука!

Они долго шли до того мѣста, гдѣ ему надо было перескочить черезъ низенькій плетень на дорогу, а ей взбираться, между кустовъ, по тропинкѣ на гору, въ садъ. Она, наклонивъ голову, стояла у подъема на обрывъ, какъ убитая. Она припоминала всю жизнь и не нашла ни одной такой горькой минуты въ ней. У ней глаза были полны слезъ. Теперь ея единственнымъ счастьемъ на мигъ было бы — обернуться, взглянуть на него хоть разъ и поскорѣе уйти навсегда, но уходя, измѣрить хоть глазами—что̀ она теряла. Ей было жаль этого уносящагося вихря счастья, но она не смѣла обернуться: это было бы все-равно, что сказать *да* на его роковой вопросъ, и она въ тоскѣ сдѣлала шага два на крутизну.

Онъ шелъ къ плетню, тоже не оборачиваясь, злобно, непокорнымъ звѣремъ, уходящимъ отъ добычи. Онъ не лгалъ: онъ уважалъ Вѣру, но уважалъ противъ воли, какъ въ сраженіи уважаютъ непріятеля, который отлично дерется. Онъ проклиналъ «городъ мертвецовъ», «старыя понятія», оковавшія эту живую, свободную душу. Его горе было не трогательное, возбуждающее участіе, а злое, неуступчивое, вызывающее новые удары противника за непокорность. Даже это было не горе, а свирѣпое отчаяніе. Онъ готовъ былъ изломать Вѣру, какъ ломаютъ чужую драгоцѣнность, съ проклятіемъ: «не доставайся никому!» Такъ, по собственному признанію, сдѣланному ей, онъ и поступилъ бы съ другой, но не съ ней. Да она и не далась бы въ ловушку — стало быть, надо бы было прибѣгнуть къ насилію и сдѣлаться въ одну минуту и на одну минуту разбойникомъ. Притомъ, одна матеріяльная побѣда, обладаніе Вѣрой, не доставило бы ему полнаго удовлетворенія, какъ доставило бы надъ всякой другой. Онъ, уходя, злился не за то, что красавица-Вѣра ускользаетъ отъ него, что онъ теряетъ добычу, что онъ тратилъ на нее время, силы, забывалъ «дѣло». Онъ злился отъ гордости и страдалъ сознаніемъ своего безсилія. Онъ одолѣлъ воображеніе, пожалуй—такъ-называемое сердце Вѣры, но не одолѣлъ ея ума и воли. Въ этой области она обнаружила непреклонность, равную его настойчивости. У ней былъ характеръ и она упрямо вырабатывала себѣ изъ старой «мертвой» жизни, крѣпкую, живую жизнь — и была и для него также, какъ для Райскаго, какой-то прекрасной статуей, дышащей самобытною жизнью, живущей своимъ, не заемнымъ умомъ, своей гордой волей. Она была выше другихъ жен-

щинъ. Онъ это видѣлъ, гордился своимъ успѣхомъ въ ея любви, и тутъ же падалъ, сознаваясь, что, какъ онъ ни бился развивать Вѣру, давать ей свой свѣтъ, но кто-то другой, ея вѣра, по ея словамъ, да какой-то попъ изъ молодыхъ, да Райскій съ своей поэзіей, да бабушка съ моралью, а еще болѣе—свои глаза, свой слухъ, тонкое чутье и женскіе инстинкты, потомъ воля—поддерживали ея силу и давали ей оружіе противъ него, противъ его правды, и окрашивали старую, обыкновенную жизнь и правду въ такіе здоровые цвѣта, передъ которыми казалась и блѣдна, и пуста, и фальшива, и холодна — та правда и жизнь, какую онъ добывалъ себѣ изъ новыхъ, казалось бы—свѣжихъ источниковъ. Его новыя—правда и жизнь не тянули къ себѣ ея здоровую и сильную натуру; а послужили только къ тому, что она разобрала ихъ по клочкамъ и осталась вѣрнѣе своей истинѣ.

И вотъ она уходитъ, не оставивъ ему никакого залога побѣды, кромѣ минувшихъ свиданій, которыя исчезнутъ, какъ слѣды на пескѣ. Онъ проигрывалъ сраженіе, терялъ ее, и уходя понималъ, что никогда не встрѣтитъ другой, подобной Вѣры. Онъ сравнивалъ ее съ другими, особенно «новыми» женщинами, изъ которыхъ многія такъ любострастно поддавались жизни по новому ученію, какъ Марина своимъ любвямъ—и находилъ, что это—жалкія, пошлыя, и болѣе падшія созданія, нежели всѣ другія падшія женщины, уступавшія воображенію, темпераменту, и даже золоту, а тѣ будто бы принципу, котораго часто не понимали, въ которомъ не убѣдились, повѣривъ на-слово, слѣдовательно уступали чему - нибудь другому, чему простодушно уступала, напримѣръ, жена Козлова, только лицемѣрно или тупо прикрывали это принципомъ. Онъ шелъ медленно, сознавая, что за спиной у себя оставлялъ навсегда то, чего уже никогда не встрѣтитъ впереди. Обмануть ее, увлечь, обѣщать «безсрочную любовь», сидѣть съ ней годы, пожалуй — жениться.... Онъ содрогнулся опять при мысли употребить грубый, площадной обманъ—да и не поддастся она ему теперь. Онъ топнулъ ногой и вскочилъ на плетень, перекинувъ ноги на другую сторону. «Посмотрѣть, что̀ она? Ушла, гордое созданіе! Что̀ жалѣть: она не любила меня, иначе бы не ушла.... Она резонерка....» думалъ онъ, сидя на плетнѣ. «Взглянуть одинъ разъ.... что̀ онъ—и отвернуться навсегда....» колебалась и она, стоя у подъема на крутизну.

Еще прыжокъ: плетень и канава скрыли бы ихъ другъ отъ друга навсегда. За оградой—разсудокъ и воля заговорятъ сильнѣе и одержатъ окончательную побѣду. Онъ обернулся.... Вѣра стоитъ у подъема на крутизну, какъ-будто не можетъ взойти на нее... Наконецъ она сдѣлала, съ очевиднымъ утомленіемъ, два,

три шага и остановилась. Потомъ.... тихо обернулась назадъ и вздрогнула. Маркъ сидѣлъ еще на плетнѣ и глядѣлъ на нее....

— Маркъ, прощай! вскрикнула она—и сама испугалась собственнаго голоса: такъ было въ немъ много тоски и отчаянія.

Маркъ быстро перекинулъ ноги назадъ, спрыгнулъ и въ нѣсколько прыжковъ очутился подлѣ нея. «Побѣда! побѣда!» вопило въ немъ. «Она возвращается, уступаетъ!»

— Вѣра! произнесъ и онъ такимъ голосомъ, какъ-будто простоналъ.

— Ты воротился.... навсегда?... Ты понялъ наконецъ.... о, какое счастье!... Боже, прости....

Она не договорила.

Она была у него въ объятіяхъ. Поцѣлуй его зажалъ ея вопль. Онъ поднялъ ее на грудь себѣ, и опять, какъ звѣрь, помчался въ бесѣдку, унося добычу....

Боже, прости ее, что она обернулась!...

XIII.

Райскій сидѣлъ цѣлый часъ, какъ убитый, надъ обрывомъ, на травѣ, положивъ подбородокъ на колѣни и закрывъ голову руками. Все стонало въ немъ: онъ страшной мукой платилъ за свой великодушный порывъ, страдая, сначала за Вѣру, потомъ за себя, кляня себя за великодушіе. Неизвѣстность, ревность, пропавшія надежды на счастье, и впереди все тѣ же боли страсти, среди которой онъ не зналъ ни тихихъ дней, ни ночей, ни одной минуты отдыха! Засыпалъ онъ мучительно, трудно. Сонъ не сходилъ, какъ другъ, къ нему, а являлся, какъ часовой, смѣнить другой мукой муку бдѣнія. Когда онъ открывалъ глаза утромъ, передъ нимъ стоялъ уже призракъ страсти, въ видѣ непреклонной, злой и холодной къ нему Вѣры, отвѣчающей смѣхомъ на его требованіе открыть ему имя, имя—одно, что̀ могло нанести рѣшительный ударъ его горячкѣ, сдѣлать спасительный переломъ въ болѣзни и дать ей легкій исходъ.

«Но что она нейдетъ!» вдругъ, оглянувшись, сказалъ онъ. Онъ посмотрѣлъ на часы. «Она ушла въ девятомъ часу, а теперь скоро одиннадцать! Она велѣла подождать, сказала, что вернется сейчасъ: долгъ этотъ часъ!... Что̀ она? гдѣ она?» въ тревогѣ повторялъ онъ.

Онъ взобрался на верхъ обрыва, сѣлъ на скамью и сталъ прислушиваться, не идетъ ли? Ни звука, ни шороха: только шумѣли падающіе мертвые листья. «Велѣла ждать и забыла, — а

я жду!» говорилъ онъ, вставая со скамьи и спускаясь опять шага три съ обрыва и все прислушиваясь. «Боже мой! Ужели она до поздней ночи остается на этихъ свиданіяхъ? Да кто, что̀ она такое, эта моя статуя, прекрасная, гордая Вѣра? Она тамъ, можетъ быть, хохочетъ надо мной, вмѣстѣ съ нимъ.... Кто онъ? Я хочу знать—кто онъ?» въ ярости сказалъ онъ вслухъ. «Имя, имя! Я ей—орудіе, ширма, покрышка страсти.... Какой страсти?»

Имъ овладѣло отчаяніе, тождественное съ отчаяніемъ Марка. Пять мѣсяцевъ женщина таится, то позволяя любить, то отталкивая, смѣется въ лицо... «За что такая казнь за увлеченіе? Что́ она дѣлаетъ со мной? Не имѣю ли я право, послѣ всѣхъ этихъ продѣлокъ, отнять у нея ея секретъ и огласить таинственное имя?»

Онъ быстро сбѣжалъ съ крутизны и остановился у кустовъ, прислушиваясь. Ничего не слышно. «Это, однако... гадко... говорилъ онъ: украсть секретъ...» И самъ вступилъ въ чащу кустовъ: «такъ гадко... что...»

И воротился шага три назадъ. «Воровство»! шепталъ онъ, стоя въ нерѣшимости и отирая потъ платкомъ съ лица. «А завтра опять игра въ загадки, опять русалочные глаза, опять злобно, съ грубымъ смѣхомъ, брошенное мнѣ въ глаза: «васъ люблю». Конецъ пыткѣ — узнаю!» рѣшилъ онъ и бросился въ кусты. Онъ крался, какъ воръ, ощупью, проклиная каждый хрустнувшій сухой прутъ подъ ногой, не чувствуя ударовъ вѣтвей по лицу. Онъ ползъ на удачу, не зная мѣста свиданій. Отъ волненія онъ садился на землю и переводилъ духъ.

Угрызеніе совѣсти на минуту останавливало его: потомъ онъ опять ползъ, разрывая сухіе листья и землю ногтями... Онъ миновалъ бугоръ, насыпанный надъ могилой самоубійцы и направлялся къ бесѣдкѣ, глядя, слушая по сторонамъ, не увидитъ ли ее, не услышитъ-ли голоса.

Между тѣмъ въ домѣ у Татьяны Марковны все шло своимъ порядкомъ. Отужинали и сидѣли въ залѣ, позѣвывая. Ватутинъ разсыпался въ вѣжливостяхъ со всѣми, даже съ Полиной Карповной, и съ матерью Викентьева, шаркая ножкой, любезничая и глядя такъ на каждую женщину, какъ будто готовъ былъ всѣмъ ей пожертвовать. Онъ говорилъ, что дамамъ надо стараться дѣлать «пріятности.» «Гдѣ Mr Борисъ?» спрашивала ужъ въ пятый разъ Полина Карповна, и до ужина, и послѣ ужина, у всѣхъ. Наконецъ обратилась съ этимъ вопросомъ и къ бабушкѣ. «Богъ его знаетъ — бродитъ гдѣ-нибудь: въ гости, въ городъ ушелъ, должно быть; и никогда не скажетъ куда — такая вольница! не знаешь, куда лошадь послать за нимъ!»

Яковъ сказалъ, что Борисъ Павловичъ «гуляли въ саду до поздняго вечера».

Про Вѣру сказали тоже, когда послали ее звать къ чаю, что она не придетъ. А ужинать просила оставить ей, говоря, что пришлетъ, если захочетъ ѣсть. Никто не видалъ, какъ она вышла, кромѣ Райскаго.

— Скажи Маринѣ, Яковъ, чтобы барышнѣ, какъ спроситъ, не забыли разогрѣть жаркое, а пирожное отнести на ледникъ, а то распустится,—приказывала бабушка.—А ты, Егорка, какъ Борисъ Павловичъ вернется, не забудь доложить, что ужинъ готовъ, чтобъ онъ не подумалъ, что ему не оставили, да не легъ спать голодный.

— Слушаю-съ, сказали оба.

— Полунощники, право, полунощники! съ досадой и съ тоской про себя замѣтила бабушка: шатаются объ эту пору: холодъ эдакой...

— Я пойду въ садъ, сказала Полина Карповна: можетъ быть Mr Boris недалеко. Онъ будетъ очень радъ видѣться со мной... Я замѣтила, что онъ хотѣлъ мнѣ кое-что сказать... таинственно прибавила она. — Онъ вѣрно не зналъ, что я здѣсь.

— Зналъ, отъ того и ушелъ, шепнула Мароинька Викентьеву.

— Я—вотъ что̀ сдѣлаю, Мароа Васильевна: побѣгу впередъ, сяду за кустъ и объяснюсь съ ней въ любви голосомъ Бориса Павловича... предложилъ было ей, тоже шепотомъ, Викентьевъ.

— Она, пожалуй, испугается и упадетъ въ обморокъ, тогда бабушка дастъ вамъ знать! Что̀ выдумали! отвѣчала она, удерживая его за рукавъ.

— Я пойду на минуту, позвольте, я приведу бѣглеца... настаивала Полина Карповна.

— Идите, Богъ съ вами, сказала Татьяна Марковна — да глазъ не выколите: вонъ темнота какая! хоть Егорку возьмите, онъ проводитъ съ фонаремъ...

— Нѣтъ, я одна: не нужно, чтобъ намъ мѣшали...

— Напрасно! вѣжливо замѣтилъ Титъ Никонычъ, — въ эти сырые вечера отнюдь не должно позволять себѣ выходить послѣ восьми часовъ вечера...

— Я не боюсь... сказала Крицкая, надѣвая мантилью.

— Я бы не смѣлъ останавливать васъ, замѣтилъ онъ: но одинъ врачъ—онъ живетъ въ Дюссельдорфѣ, что̀ близь Рейна... я забылъ его фамилію—теперь я читаю его книгу и, если угодно, могу доставить вамъ... Онъ предлагаетъ отмѣнныя гигіеническія правила... И онъ совѣтуетъ...

Онъ не кончилъ, потому что Полина Карповна ушла, сказавъ ему только, чтобъ онъ подождалъ и отвезъ ее домой.

— Съ полнымъ удовольствіемъ, съ полнымъ удовольствіемъ! говорилъ онъ, кланяясь ей вслѣдъ и затворяя за ней двери ко двору и саду.

XIV.

Немного спустя послѣ этого разговора, надъ обрывомъ, въ глубокой темнотѣ, послышался шумъ шаговъ между кустами. Трещали сучья, хлестали сильно задѣваемыя вѣтви, осыпались листы и слышались торопливые, широкіе скачки—взбиравшагося на крутизну, будто раненаго, или испуганнаго звѣря. Шумъ все ближе, ближе, наконецъ изъ кустовъ выскочилъ на площадку передъ обрывомъ Райскій, но болѣе изступленный и дикій, чѣмъ раненый звѣрь. Онъ бросился на скамью, выпрямился и сидѣлъ минуты двѣ неподвижно, потомъ всплеснулъ руками и закрылъ ими глаза.

«Во снѣ это, или на яву! шепталъ онъ точно потерянный. Нѣтъ, я ошибся, не можетъ быть! Мнѣ почудилось!»... Онъ всталъ, опять сѣлъ, какъ будто во что̀-то вслушиваясь, потомъ положилъ руки на колѣни и разразился нервическимъ хохотомъ.

«Какія тутъ еще сомнѣнія, вопросы, тайны! сказалъ онъ и опять захохоталъ, качаясь отъ смѣха, взадъ и впередъ. «Статуя! чистота! красота души! Вѣра—статуя! А онъ!... И пальто, которое я послалъ «изгнаннику» валяется у бесѣдки! и пари свое онъ взыскалъ съ меня, двѣсти двадцать рублей, да прежнихъ восемьдесятъ... да, да! это триста рублей!.. Секлетея Бурдалахова!»

Онъ захохоталъ снова, какъ будто застоналъ. Потомъ вдругъ замолчалъ и схватился за бокъ. «О, какъ больно здѣсь!» стоналъ онъ. «Вѣра-кошка! Вѣра-тряпка, слабонервная, слабосильная, изъ тѣхъ падшихъ, жалкихъ натуръ, которыхъ поражаетъ пошлая, чувственная страсть — обыкновенно къ какому-нибудь здоровому хаму!..

«Пусть такъ — она свободна, но какъ она смѣла ругаться надъ человѣкомъ, который имѣлъ неосторожность пристраститься къ ней, надъ братомъ, другомъ!.. съ яростью шипѣлъ онъ: о, мщеніе, мщеніе»!

Онъ вскочилъ и въ мучительномъ раздумьѣ стоялъ. Какое мщеніе? Бѣжать къ бабушкѣ, схватить ее и привести сюда, съ

толпой людей, съ фонарями, освѣтить позоръ и сказать: «вотъ змѣя, которую вы двадцать три года грѣли на груди!..»

Онъ махнулъ рукой и приложилъ ее къ горячему лбу: «Подло, Борисъ! шепталъ онъ себѣ: и не сдѣлаешь ты этого! это было бы мщеніе не ей, а бабушкѣ, все равно что твоей матери!..»

Онъ уныло опустилъ голову, потомъ вдругъ поднялъ ее и съ бѣшенствомъ прыгнулъ къ обрыву.

«А тамъ совершается торжество этой тряпичной страсти — да, да: эта темная ночь скрыла поэму любви! онъ презрительно засмѣялся.—«Любви»! повторилъ онъ. Маркъ! блудящій, огонь, буянъ, трактирный либералъ! Ахъ! сестрица, сестрица! ужъ лучше бы вы придержались одного своего поклонника, ядовито шепталъ онъ: рослаго и красиваго Тушина! у того—и лѣса, и земли, и воды, и лошадьми правитъ, какъ на олимпійскихъ играхъ, а этотъ!»

Онъ съ трудомъ перевелъ духъ. «Это наша «партія дѣйствія», шепталъ онъ, — да, изъ кармана показываетъ кулакъ полиціймейстеру, проповѣдуетъ горничнымъ да дьячихамъ о нелѣпости брака, съ Фейербахомъ и съ мнимой страстью къ изученію природы, вкрадывается въ довѣренность женщинъ и увлекаетъ вотъ этакихъ слабонервныхъ умницъ... Погибай же ты, бѣдная самка, тутъ на днѣ обрыва, какъ тотъ бѣдный, самоубійца! Вотъ тебѣ мое прощаніе»!...

Онъ хотѣлъ плюнуть съ обрыва — и вдругъ окаменѣлъ на мѣстѣ. Противъ его воли, вопреки ярости, презрѣнія, въ воображеніи — тихо поднимался со дна обрыва и вставалъ передъ нимъ образъ Вѣры, въ такой обольстительной красотѣ, въ какой онъ не видалъ ее никогда! У ней глаза горѣли, какъ звѣзды, страстью. Ничего злого и холоднаго въ нихъ, никакой тревоги, тоски: одно счастье глядѣло лучами яркаго свѣта. Въ груди, въ рукахъ, въ плечахъ, во всей фигурѣ струилась и играла полная, здоровая жизнь и сила. Она примирительно смотрѣла на весь міръ. Она стояла на своемъ пьедесталѣ, но не бѣлой, мраморной статуей, а живою, неотразимо-плѣнительной женщиной, какъ то поэтическое видѣніе, которое снилось ему однажды, когда онъ, подъ обаяніемъ красоты Софьи, шелъ къ себѣ домой и видѣлъ женщину-статую, сначала холодную, непробужденную, потомъ видѣлъ ея пробужденіе, преображеніе изъ статуи въ живое существо, около котораго заиграла и заструилась жизнь, зазелѣнѣли деревья, заблистали цвѣты, разлилась теплота... И вотъ она, эта живая женщина, передъ нимъ! Въ глазахъ его совершился актъ пробужденія Вѣры, его статуи, отъ дѣвическаго сна. Ледъ и огонь холодили и жгли его грудь, онъ надрывался отъ мукъ и—

все не могъ оторвать глазъ отъ этого неотступнаго образа красоты, сіяющаго теперь гордостью и смотрящаго съ любовью на весь міръ. и съ дружеской улыбкой протягивающей руку и ему... «Я счастлива!» слышитъ онъ ея шепотъ.

У ногъ ея, какъ отдыхающій левъ, лежалъ безмолвно торжествуя, Маркъ, на головѣ котораго покоилась ея нога... Райскій вздрогнулъ, стараясь отрезвиться.

Его гналъ отъ обрыва ужасъ «паденія» его сестры, его красавицы, подкошеннаго цвѣтка, а ревность, бѣшенство, и болѣе всего—новая, неотразимая красота пробужденной Вѣры, влекли опять къ обрыву, на торжество любви, на этотъ праздникъ, который, кажется, торжествовалъ весь міръ, вся природа. Ему слышались голоса, порханье и пѣнье птицъ, лепетъ любви и громадный, страстный вздохъ, огласившій будто весь садъ и все прибрежье Волги... Онъ въ ужасѣ стоялъ, окаменѣлый, надъ обрывомъ, то вглядываясь мысленно въ новый, пробужденный образъ Вѣры, то терзаясь нечеловѣческими муками, и шепталъ блѣдный: «мщеніе, мщеніе!»

А кругомъ и внизу все было тихо и темно. Вдругъ, въ десяти шагахъ отъ себя, онъ замѣтилъ силуэтъ приближающейся къ нему отъ дома человѣческой фигуры. Онъ сталъ смотрѣть.

— Кто тутъ? съ злостью спросилъ онъ.

— Это я... я...

— Кто? повторилъ онъ еще злѣе.

— Mr. Boris, это я... Pauline.

— Вы! Что̀ вамъ надо здѣсь?

— Я пришла... я знаю... вижу... вы хотите давно сказать... шептала Полина Карповна таинственно: но не рѣшаетесь... Du courage! здѣсь никто не видитъ и не слышитъ... Espérez tout...

— Что̀ сказать — говорите!..

— Que vous m'aimez... о, я давно угадала... n'est-ce pas? Vous m'avez fui... mais la passion vous a ramenée ici...

Онъ схватилъ ее за руку и потащилъ къ обрыву.

— Ah! de grâce! Mais pas si brusquement... qu'est-ce que vous faites... mais laissez donc!... завопила она въ страхѣ и не на шутку испугалась.

Но онъ подтащилъ ее къ крутизнѣ и крѣпко держалъ за руку.

— Любви хочется! говорилъ онъ въ изступленіи: вы слышите, сегодня ночь любви... Слышите вздохи... поцѣлуи? это страсть играетъ, да, страсть, страсть!... Я люблю васъ, люблю, люблю! шепталъ онъ съ яростью, обнявъ и вертя ее, какъ въ вихрѣ, и самъ вертясь съ нею, не помня себя...

— Пустите, пустите! пищала она не своимъ голосомъ: я упаду, мнѣ дурно...

Онъ пустилъ ее, руки у него упали, онъ перевелъ духъ. Потомъ взглянулъ на нее пристально, какъ будто только сейчасъ замѣтилъ ее.

— Прочь, гадина! крикнулъ онъ, толкнувъ ее въ плечи. Она упала на траву, а онъ, какъ дикій, бросился бѣжать отъ нея, отъ обрыва, черезъ весь садъ, цвѣтникъ, и выбѣжалъ на дворъ.

На дворѣ онъ остановился и перевелъ духъ, оглядываясь по сторонамъ. Онъ услыхалъ, что кто-то плещется у колодезя: Егорка, должно быть, дѣлалъ ночной туалетъ, полоскалъ себѣ руки и лицо. «Принеси чемоданъ», сказалъ онъ: «завтра уѣзжаю въ Петербургъ». И самъ налилъ себѣ изъ жолоба воды на руки, смочилъ глаза, голову—и скорыми шагами пошелъ домой.

Онъ выбѣгалъ на крыльцо, ходилъ по двору въ одномъ сюртукѣ, глядѣлъ на окна Вѣры и опять уходилъ въ комнату, ожидая ея возвращенія. Но въ темнотѣ видѣть дальше десяти шаговъ ничего было нельзя и онъ избралъ для наблюденія бесѣдку изъ акацій, бѣсясь, что нельзя укрыться и въ ней, потому что листья облетѣли. До свѣта онъ сидѣлъ тамъ, какъ на угольяхъ— не отъ страсти: страсть какъ будто въ воду канула. И какая страсть устояла бы передъ такимъ «препятствіемъ!» Нѣтъ, онъ сгаралъ неодолимымъ желаніемъ взглянуть Вѣрѣ въ лице, новой Вѣрѣ, и хоть взглядомъ презрѣнія заплатить этой «самкѣ» за ея позоръ, за зло, за оскорбленіе, нанесенное ему, бабушкѣ, всему дому, «цѣлому обществу, наконецъ человѣку, женщинѣ!»

«Люби открыто, не крадь довѣрія, наслаждайся счастьемъ и плати жертвами, не играй уваженіемъ людей, любовью семьи, не лги позорно и не унижай собой женщины!» думалъ онъ. «Да, взглянуть на нее, чтобъ она въ этомъ взглядѣ прочла себѣ приговоръ и казнь — и уѣхать навсегда!» Онъ трясся отъ лихорадки нетерпѣнія, ожидая, когда она воротится. Онъ, какъ барсъ, выскочилъ бы изъ засады, загородилъ ей дорогу и бросилъ бы ей этотъ взглядъ, сказалъ бы одно слово... Какое?

Онъ чесалъ себѣ голову, трогалъ лицо, сжималъ и разжималъ ладони, и корчился въ судорогахъ, въ углу бесѣдки. Вдругъ онъ вскочилъ, отбросилъ отъ себя прочь пледъ, въ который прятался, и лицо его озарилось какою-то злобно-торжественной радостью, мыслью, или намѣреніемъ. «Это сама судьба подсказала», шепталъ онъ и побѣжалъ къ воротамъ. Онѣ были еще заперты: онъ поглядѣлъ кругомъ и замѣтилъ огонекъ лампады въ комнатѣ Савелья. Онъ постучалъ въ окно его, и когда тотъ отворилъ, ве-

лѣлъ принести ключъ отъ калитки, выпустить его и не запирать. Но прежде забѣжалъ къ себѣ, взялъ купленный имъ porte-bouquet и бросился въ оранжерею, къ садовнику. Долго стучался онъ, пока тотъ проснулся, и оба вошли въ оранжерею. Начинало разсвѣтать. Онъ окинулъ взглядомъ деревья, и злая улыбка освѣтила его лицо. Онъ указывалъ, какіе цвѣты выбрать для букета Мареиньки: въ него вошли всѣ, какіе оставались. Садовникъ сдѣлалъ букетъ на славу.

— Мнѣ нуженъ другой букетъ.... сказалъ Райскій нетвердымъ голосомъ.

— Этакій же? спросилъ садовникъ.

— Нѣтъ.... изъ однихъ померанцевыхъ цвѣтовъ.... шепталъ онъ и самъ поблѣднѣлъ.

— Такъ-съ: вѣдь одна барышня-то у Татьяны Марковны невѣста! догадался садовникъ.

— Есть у тебя стаканъ воды... спросилъ Райскій.—Дай пить!

Онъ съ жадностью выпилъ стаканъ, торопя садовника сдѣлать букетъ. Наконецъ тотъ кончилъ. Райскій щедро заплатилъ ему, и завернувъ въ бумагу оба букета, осторожно и торопливо понесъ домой. Нужно было узнать, не вернулась ли Вѣра во время его отлучки. Онъ велѣлъ разбудить и позвать къ себѣ Марину и послалъ ее посмотрѣть, дома ли барышня, или «ужъ вышла гулять». На отвѣтъ, что «вышла», онъ велѣлъ Мареинькинъ букетъ поставить къ Вѣрѣ на столъ и отворить въ ея комнатѣ окно, сказавши, что она поручила ему еще съ вечера это сдѣлать. Потомъ отослалъ ее, а самъ занялъ свою позицію въ бесѣдкѣ и ждалъ, замирая—отъ удалявшейся, какъ буря страсти, отъ ревности, и будто еще отъ чего-то.... жалости, кажется.... Но пока еще обида, и долго переносимая пытка, заглушали все человѣческое въ немъ. Онъ злобно душилъ голосъ жалости. И «добрый духъ», печально молчалъ въ немъ. Не слышно его голоса: тихая работа его остановилась. Бѣсы вторглись и рвали его внутренность. Райскій положилъ щеку на руку, смотрѣлъ около и ничего не видѣлъ, кромѣ дорожки къ крыльцу Вѣры, чувствовалъ только ядъ лжи, обмана.

«Мнѣ надо застрѣлить эту собаку, Марка, или застрѣлиться самому: да, что́-нибудь одно изъ двухъ, но прежде сдѣлаю вотъ это третье».... шепталъ онъ. Онъ, какъ святыню, обѣими руками, держалъ букетъ померанцовыхъ цвѣтовъ, глядя на него съ наслажденіемъ, а самъ все оглядывался черезъ цвѣтникъ — къ темной аллеѣ, а ее все нѣтъ!

Совсѣмъ разсвѣло. Пошелъ мелкій дождь, стало грязно. «Не послать ли имъ два зонтика?» думалъ онъ съ безотрадной улыбкой,

ласкал букетъ и нюхая его.... Вдругъ издали увидѣлъ Вѣру—и до того потерялся, испугался, ослабѣлъ, что не могъ, не только выскочить, «какъ барсъ», изъ засады и заградить ей путь, но долженъ былъ самъ крѣпко держаться за скамью, чтобъ не упасть. Сердце билось у него, колѣнки дрожали, онъ приковалъ взглядъ къ идущей Вѣрѣ и не могъ оторвать его, хотѣлъ встать—и тоже не могъ: ему было больно даже дышать.

Она шла, наклонивъ голову, совсѣмъ закрытую черной мантильей. Видны были толко двѣ блѣдныя руки, державшія мантилью на груди. Она шагала не торопливо, не поворачивая головы по сторонамъ, осторожно обходя образовавшіяся небольшія лужи, медленными шагами вошла на крыльцо и скрылась въ сѣняхъ. Съ Райскаго какъ будто сняли кандалы: онъ, блѣдный, выскочилъ изъ засады и спрятался подъ ея окномъ.

Она вошла въ комнату, погруженная точно въ сонъ, не замѣтила, что платье, которое, уходя, разбросала на полу, уже прибрано, не видала ни букета на столѣ, ни отвореннаго окна. Она машинально сбросила съ себя обѣ мантильи на диванъ, сняла грязныя ботинки, ногой достала изъ-подъ постели атласныя туфли и надѣла ихъ. Потомъ, глядя не около себя, а куда-то вдаль, опустилась на диванъ, и въ изнеможеніи, закрывъ глаза, оперлась спиной и головой къ подушкѣ дивана и погрузилась будто въ сонъ.

Черезъ минуту ее пробудилъ глухой звукъ чего-то упавшаго на полъ. Она открыла глаза и быстро выпрямилась, глядя вокругъ. На полу лежалъ большой букетъ померанцовыхъ цвѣтовъ, брошенный снаружи въ окно. Она, кинувъ бѣглый взглядъ на него, поблѣднѣла, какъ смерть, и не поднявъ цвѣтовъ, быстро подошла къ окну. Она видѣла уходившаго Райскаго и оцѣпенѣла на минуту отъ изумленія. Онъ обернулся, взгляды ихъ встрѣтились. «Великодушный другъ... «рыцарь»... прошептала она и вздохнула съ трудомъ, какъ отъ боли, и тутъ только замѣтивъ другой букетъ на столѣ, назначенный Мареинькѣ, взяла его, машинально поднесла къ лицу, но букетъ выпалъ у ней изъ рукъ и она сама упала безъ чувствъ на коверъ.

И. Гончаровъ.

ПОСЛѢДНІЕ ГОДЫ

РѢЧИ ПОСПОЛИТОЙ

1787 — 1795.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

I*).

Путешествіе Екатерины на югъ. — Свиданіе Станислава Августа съ Екатериною и Іосифомъ. — Проектъ союза Польши съ Россіею.

Въ сосѣдствѣ съ Польшею возникали важные замыслы, происходили приготовленія къ великому перевороту. Екатерина съ большимъ рвеніемъ принялась за свою давнюю мысль освобожденія восточныхъ христіанъ отъ мусульманской власти. Ослабѣло вліяніе Панина, державшагося союза съ Пруссіей; предпріимчивый и смѣлый Потемкинъ поддерживалъ въ императрицѣ намѣреніе рѣшить судьбу Востока. Еще въ 1782 году заключенъ былъ тайный договоръ съ Іосифомъ II о взаимномъ дѣйствіи противъ турокъ. Замышляли уничтожить турецкую имперію. Россія пріобрѣтала себѣ только берега Чернаго моря. Іосифъ II отмежевывалъ себѣ полосу, начиная отъ Хотина, съ маленькою земелькою для прикрытія Галиціи и Буковины, часть Валахіи по правому берегу Алюты, а отъ устья этой рѣки, противъ Никополиса, по теченію Дуная до Бѣлграда, лѣвый берегъ его, съ пространствомъ въ три мили на правомъ берегу, и слѣдовательно,

---

*) См. выше, февр. 685; мар. 154—224 стр.

города: Виддинъ, Орсову и Бѣлградъ; отъ Бѣлграда, по самой прямой и кратчайшей линіи, до залива Дрины въ Адріатическомъ морѣ; слѣдовательно, часть Сербіи, Босніи и Герцеговину, да еще къ тому и венеціянскія владѣнія въ Далмаціи, съ прилежащими островами. Венецію хотѣли вознаградить Критомъ, Кипромъ и еще кое-чѣмъ изъ Архипелага; вдобавокъ императоръ хотѣлъ пріобрѣсти въ Италіи, по крайней мѣрѣ, хотя одинъ морской портъ; затѣмъ, изъ остальной Валахіи и Молдавіи предполагали составить государство, подъ именемъ Дакіи, для раздѣленія границъ трехъ имперій. Изъ всѣхъ прочихъ турецкихъ владѣній предполагали возстановить греческую имперію и на престолъ ея посадить великаго князя Константина, внука Екатерины. Россія обязывалась оставить новосозданную имперію въ совершенной отъ себя независимости; Константинъ ни въ какомъ случаѣ не могъ получить русской короны, и никогда двѣ имперіи, россійская и греческая, не должны быть соединены подъ единою властью.

Собирали силы. Ожидали удобнаго времени, предоставляя туркамъ самимъ начать непріязненныя дѣйствія. Разрывъ былъ на волоскѣ въ 1787 году, когда императрица предприняла путешествіе въ южную Россію, куда приглашала на свиданіе и союзника своего, Іосифа II.

Это путешествіе совершалось со всѣмъ блескомъ, обычнымъ XVIII вѣку. Императрица ѣхала до Кіева цѣлый мѣсяцъ январь. Каждая перемѣна лошадей требовала ихъ до 500 штукъ подъ экипажи, сопровождавшіе государыню; для этого, изъ отдаленныхъ провинцій Россіи, сгоняли ямщиковъ и лошадей. На тѣхъ станціяхъ, гдѣ разсчитано было останавливаться государынѣ для ночлега, обѣда, или завтрака—построены были дворцы, со всѣми внутренними удобствами, богатою мебелью и коврами по лѣстницамъ. Свита и прислуга императрицы такъ обильно угощалась, что всѣ были постоянно на-веселѣ. Ночью, отъ станціи до станціи, на извѣстныхъ разстояніяхъ, зажигались смоляныя бочки; если же государынѣ приходилось въѣзжать ночью въ какой-нибудь городъ, то народъ становился на протяженіи версты или двухъ по обѣимъ сторонамъ дороги, съ зажженными свѣчами. Городскіе обыватели обязаны были красить крыши и стѣны домовъ, и заборы, и часто терпѣли черезъ то убытки и нужду; иная семья должна была нѣсколько дней голодать, истративъ деньги на покраску и поправку своего дома и заборовъ къ пріѣзду государыни. Въ разныхъ мѣстахъ устраивались тріумфальныя ворота. Дворянство спѣшило представляться государынѣ въ своихъ блестящихъ мундирахъ. Нужно было, чтобы все носило

признаки удовольствія, обилія, роскоши; народъ заставляли пѣть пѣсни; только дурно одѣтыхъ, нищихъ и голодныхъ гоняли прочь, чтобы они своимъ видомъ не нарушали общей милой картины; а нищихъ и голодныхъ на Руси въ то время было множество, по причинѣ неурожая. Такъ, шествуя въ торжественномъ величіи, императрица прибыла 29 января въ Кіевъ. Тамъ встрѣтило ее, при звукѣ колоколовъ, духовенство, за отсутствіемъ больного, въ то время, митрополита Самуила, предшествуемое переяславскимъ епископомъ Викторомъ, кіевскій генералъ - губернаторъ, фельдмаршалъ Румянцевъ, множество дворянъ и вся кіевская магдебургія со своими средневѣковыми отличіями. Въ Кіевѣ императрица рѣшилась остаться до весны въ нарочно-устроенномъ для нея деревянномъ дворцѣ. Съ нею были могучій Потемкинъ, тогдашній ея фаворитъ Мамоновъ, вице - президентъ адмиралтействъ-коллегіи Чернышевъ, канцлеръ Безбородко, оберъ-камергеръ Шуваловъ, извѣстный весельчакъ и острякъ своего времени оберъ-шталмейстеръ Нарышкинъ, гофмаршалъ князь Барятинскій, генералъ-адъютантъ князь Ангальтъ, генералъ Левашевъ и иностранные посланники, австрійскій — графъ Кобенцель, англійскій—Фицъ-Гербертъ и французскій—графъ Сегюръ. Туда съѣхалось нѣсколько знатныхъ иностранцевъ, искавшихъ расположенія Екатерины и службы у нея: принцъ де-Линь, оставившій записки объ этомъ времени, принцъ Нассау-Зигенъ, славный своими путешествіями по свѣту и приключеніями, испанецъ Миранда и пр. Тихій, уединенный Кіевъ вдругъ зашумѣлъ невиданною жизнью: придворные балы, фейерверки, всевозможныя свѣтскія увеселенія. Туда съѣхались польскіе паны и наперерывъ съ русскими щеголяли великолѣпіемъ, гостепріимствомъ и многочисленностью своей свиты и прислуги. У одного Щенснаго Потоцкаго было въ Кіевѣ болѣе двухсотъ прислуги шляхетскаго происхожденія.

И король Станиславъ-Августъ отправился на свиданіе съ императрицею. Это свиданіе условлено было въ Каневѣ, послѣ открытія плаванія по Днѣпру.

Послѣднія событія должны были внушать королю, что для него и для Польши не было иного пути, кромѣ отдаться всецѣло Россіи и устроить тѣмъ или другимъ способомъ соединеніе съ этой державою. Хотя договоръ Екатерины съ Іосифомъ и заключенъ былъ втайнѣ, но всѣ уже соображали, что между Россіею и Турціею произойдетъ разрывъ скоро. Король и люди его партіи разсчитывали, что если когда, то именно при такихъ обстоятельствахъ, союзъ съ Россіею можетъ быть для Польши полезенъ. Принять участіе въ турецкой войнѣ, помогать Россіи

въ ниспроверженіи оттоманской имперіи, вслучаѣ успѣха, значило дать Польшѣ возможность возвратить потерянное къ себѣ уваженіе и, вмѣстѣ съ тѣмъ, поставить Россію въ необходимость, ради собственныхъ выгодъ, содѣйствовать укрѣпленію Польши: для Россіи тогда выгодно будетъ, если Польша образуетъ у себя значительное войско; оно послужитъ къ увеличенію ея собственныхъ силъ; равнымъ образомъ, Россія никакъ не станетъ препятствовать внутреннему устроенію Польши, коль скоро поляки подадутъ ей увѣренность въ томъ, что они навсегда примкнутъ къ ней и будутъ съ нею въ союзѣ и соединеніи. Тогда Польша могла бы избавиться отъ притязаній и покушеній со стороны Пруссіи и Австріи: первая не была бы настолько сильна, чтобъ не уважать Россіи и Австріи; вторая, удовольствовавшись пріобрѣтеніями насчетъ Турціи, при помощи Россіи, связанная съ послѣднею взаимными выгодами, едва ли пошла бы наперекоръ своей союзницѣ. Лучше для Польши было зависѣть отъ одной державы, чѣмъ отъ трехъ разомъ. Сама по себѣ война могла быть полезна для Польши; для новообразованнаго войска она была бы школою; король, получивъ начальство надъ войскомъ, имѣлъ бы въ своихъ рукахъ силу для обузданія своевольныхъ магнатовъ и для укрѣпленія власти. Наконецъ, война, оконченная счастливо, могла даровать Польшѣ территоріальныя пріобрѣтенія и загладить потери перваго раздѣла: можно было надѣяться, что Польшѣ возвратится Галиція, если Австрія удовлетворится за нее пріобрѣтеніями отъ Турціи, и заставятъ и Пруссію отдать взятое у Польши, или какимъ-нибудь инымъ способомъ замѣнятся понесенныя Польшею отъ Пруссіи утраты. Такъ помышляли, въ то время, король и его партія. Примкнуть къ Россіи казалось наиболѣе подходящимъ дѣломъ уже и потому, что, по первому раздѣлу, Россіи достались земли, о которыхъ Польша менѣе могла сожалѣть, чѣмъ о тѣхъ, которыя достались Австріи и Пруссіи. Въ то время король и его партія не прочь были, въ крайнемъ случаѣ, не только отъ временного союза, но и отъ вѣчнаго соединенія съ Россіею. Они уже опасались, чтобъ Польша, находясь въ неопредѣленной зависимости отъ трехъ державъ, вслучаѣ возникшихъ между ними недоразумѣній, не сдѣлалась примирительною жертвою для водворенія между ними согласія. Если случился одинъ раздѣлъ, то могъ случиться и другой и и третій, пока Польшу не раздерутъ до конца. Въ такомъ случаѣ, значительная часть ея должна была достаться Россіи, и тогда ужъ нельзя будетъ помышлять о какихъ-нибудь договорахъ: надобно будетъ отдаваться на милость побѣдителей; такъ лучше же было предупредить возможность раздѣла и, отрѣзав-

шись отъ Пруссіи и Австріи, цѣликомъ отдаться Россіи, улучивъ время, когда Россія могла дорожить дружбою съ Польшею; тогда можно, соединившись съ нею, сохранить государственную цѣлость. Не даромъ Жанъ-Жакъ Руссо, идолъ тогдашнихъ модныхъ мечтателей, за нѣсколько времени предъ тѣмъ говорилъ полякамъ: «Скоро будетъ опять война между Россіею и Турціею; васъ будутъ звать; не колебайтесь: идите смѣло; не упускайте случая сдѣлать улучшенія въ своемъ отечествѣ.»

Подъ такими соображеніями король и его партія склонялись тогда къ союзу и, если неизбѣжно будетъ, къ соединенію съ Россіею; они только этимъ путемъ надѣялись избавиться и отъ ненавистной оппозиціи, которая не переставала строить козни.

Король выѣхалъ изъ Варшавы 28 февраля и останавливался въ разныхъ мѣстахъ. Обыватели являлись къ нему на поклонъ. Не ранѣе, какъ черезъ мѣсяцъ, онъ прибылъ въ Каневъ и тамъ оставался до мая, ожидая свиданія съ русскою императрицею. Въ маленькомъ Каневѣ у него образовался временно дворъ. Съ нимъ были паны, его сторонники: Мнишекъ съ женою, королевскою племянницею, Дзѣдушицкій, правитель его собственной канцеляріи, Тышкевичъ, женатый на другой его племянницѣ, генералъ Комаржевскій, Плятеръ, польскій посланникъ въ Петербургѣ Деболи и племянники короля—Іосифъ и Станиславъ. Близъ него былъ и Штакельбергъ. Впрочемъ, нѣкоторые изъ окружавшихъ короля пановъ ѣздили въ Кіевъ представляться императрицѣ и опять возвращались къ королю. Король, черезъ Штакельберга, заранѣе сообщилъ императрицѣ на письмѣ свои желанія подъ титуломъ: Souhaits de roi, и ждалъ отвѣта.

Оппозиція успѣла забѣжать впередъ, увивалась около русскаго двора въ Кіевѣ, лѣзла изъ кожи, чтобы пріобрѣсть вниманіе и милость государыни. Кромѣ Браницкаго и Щенснаго Потоцкаго тамъ были Игнатій и Станиславъ Потоцкіе, жившіе у Браницкаго въ домѣ, двое Любомирскихъ—Михаилъ и Іосифъ, Северинъ Потоцкій, Бнинскій, Казимиръ-Несторъ Сапѣга, Мошинскій и другіе. Екатерина была очень милостива къ Браницкому и женѣ его, но не подавала ему надеждъ на свою помощь въ борьбѣ съ королемъ. Самъ Потемкинъ, хотя любилъ Браницкаго до слабости, но вмѣсто того, чтобъ принимать со вниманіемъ и участіемъ его наговоры на короля, дружески совѣтовалъ ему помириться съ Станиславомъ-Августомъ и не раздражать его болѣе. Когда Браницкій вздумалъ-было упрямиться, Потемкинъ кричалъ на него и даже махалъ ему подъ носомъ кулакомъ. Въ другой разъ, при Браницкихъ, у Потемкина случился нелюбимый Браницкимъ Штакельбергъ; жена Браницкаго

стала съ нимъ обходиться не любезно. Потемкинъ схватилъ свою племянницу за носъ и подвелъ къ Штакельбергу.

Браницкаго хотѣли во что бы то ни стало помирить съ королемъ, дѣлали ему внушенія, нравоученія, а все-таки дорожили имъ и ласкали его; многое прощали ему, потому что вѣрили въ его готовность служить покорно Россіи и берегли его на случай. Но рекомендація и заступничество этого самаго Браницкаго ни къ чему не послужили другимъ членамъ оппозиціи; Игнатій Потоцкій имъ самимъ представленъ былъ императрицѣ: Екатерина отвернулась отъ него и не сказала ему ни одного слова. Такой пріемъ глубоко огорчилъ его самолюбіе. Императрица считала его человѣкомъ пустымъ, безчестнымъ, со зловредными понятіями. Его никуда не приглашали. Также дурно принятъ былъ Сапѣга, хотя Браницкій усильно добивался, чтобъ императрица почтила его вниманіемъ. Императрица возненавидѣла этихъ двухъ господъ. Угождая своей государынѣ, Потемкинъ, когда пріѣзжалъ къ Браницкому обѣдать, то заранѣе объявлялъ, что не хочетъ встрѣчаться съ Потоцкимъ и Сапѣгою. Игнатія онъ называлъ мерзавцемъ (scélérat), а Казимира-Нестора лгунишкою и другимъ нелестнымъ именемъ (ce prince menteur et pisseur). Разсерженный Игнатій обратился къ французскому посланнику Сегюру, поддѣлывался къ нему разными способами и наговаривалъ ему на своего короля: онъ увѣрялъ Сегюра, будто король прибылъ на свиданіе съ императрицею нарочно для того, чтобъ возбуждать ее на Турцію. Эти обстоятельства объясняютъ, почему эти два пана, Потоцкій и Сапѣга, впослѣдствіи дышали такою злобою противъ Россіи. Другіе члены оппозиціи также не удостоились милостей императрицы; Бнинскій думалъ-было выпросить себѣ булаву полнаго гетмана, но на него такъ сурово посмотрѣли, что онъ убѣжалъ изъ Кіева. Только Щенсный Потоцкій, хотя и находился въ оппозиціи, былъ принятъ лучше. Государыня изумительно умѣла узнавать людей, подмѣчать ихъ слабыя стороны, оцѣнивать ихъ способности и умѣнье быть ей полезными. Щенсный понравился Екатеринѣ. Она сразу сообразила, что изъ этой личности, тщеславной и высокомѣрной, но вмѣстѣ прямой и сердечной, бѣдной разсудкомъ и богатой имѣніями и деньгами, можно все сдѣлать, если ее приласкать. Она не только обласкала Щенснаго, но надавала ему двусмысленныхъ надеждъ. «На васъ, не на кого другого, я полагаю упованіе спасенія Польши»—говорила она. У Потоцкаго закружилась голова отъ такого счастья, и онъ былъ долго внѣ себя отъ восторга. Михаилъ Чацкій разсказываетъ, что, впослѣдствіи, вспоминая о свиданіи съ Екатериною, онъ восклицалъ:—«Что за

женщина! Боже мой! Что̀ это за женщина! Она осыпала дарами своихъ любимцевъ, а я бы отдалъ половину своего состоянія, чтобъ быть ея любимцемъ!»

Паны королевской партіи, представляясь въ Кіевѣ государынѣ, удостоились отъ нея ласковаго пріема. Епископа Нарушевича, историка, Екатерина особенно полюбила, какъ человѣка ученаго и назначила ему пенсію въ тысячу пять сотъ рублей, отъ которой онъ, впослѣдствіи, какъ говорятъ, отказался. Большое вниманіе было оказано коронному маршалку Мнишку и женѣ его. Императрица пожаловала этой дамѣ орденъ св. Екатерины и, когда пригласила ее вмѣстѣ съ мужемъ къ столу, то приказала Браницкой уступить высшее мѣсто Мнишковой, какъ племянницѣ польскаго короля. Также ласково были приняты племянники короля, Понятовскіе.

Съ Потемкинымъ король видался, еще не доѣхавъ до Канева, въ Хвостовѣ, куда также пріѣзжалъ и Браницкій. Оставшись наединѣ съ Потемкинымъ, Станиславъ-Августъ сталъ ему жаловаться на Браницкаго и на всю оппозицію.—«Вы, конечно, слыхали—говорилъ онъ—что̀ я перенесъ въ послѣдніе годы понапрасну. Я не мстителенъ и не хочу дѣлать вреда никому, но долженъ стараться, чтобъ не дѣлали вреда странѣ моей и не преслѣдовали близкихъ мнѣ людей и вѣрныхъ моихъ слугъ.»

— Я считаю—сказалъ Потемкинъ—надворнаго маршала Игнатія Потоцкаго самымъ негоднѣйшимъ человѣкомъ въ свѣтѣ. Русскій воевода Щенсный Потоцкій — подъ властію у жены, а она большая интригантка. Гетманъ же Браницкій, право, добрый человѣкъ, полезный вашему величеству; да вотъ бѣда, что онъ поддается дурнымъ людямъ; хоть онъ и обѣщалъ мнѣ исправиться, однако, я боюсь—онъ опять попадетъ въ сѣти.

— Да—сказалъ король—человѣкъ онъ военный, а выгналъ изъ службы иностранцевъ и старыхъ инвалидовъ, все только для того, чтобы мнѣ досадить и обидѣть тѣхъ, кто мнѣ вѣренъ.

— Правда—сказалъ Потемкинъ—это очень не хорошо; но я его буду отводить отъ дурныхъ связей.

Болѣе нечего было говорить королю. Онъ ясно видѣлъ, что Потемкинъ желаетъ поставить въ границы буйство Браницкаго, но не пожертвуетъ имъ для короля.

Король обратилъ рѣчь на соединеніе съ Россіею и сказалъ:

— Вы пріобрѣтете себѣ вѣковую славу и благодарность потомства, если будете содѣйствовать соединенію въ политическую связь русскихъ и поляковъ, двухъ народовъ и безъ того уже близкихъ между собою по вѣрѣ, языку и коренному происхожденію.

Потемкинъ, съ видимымъ сочувствіемъ, слушалъ слова короля и обѣщалъ содѣйствовать его желанію, а вмѣстѣ съ тѣмъ навелъ разговоръ на соединеніе церквей—любимый свой конекъ. Въ молодости, думая вступить въ монашество, и мечтая о достиженіи архіерейскаго сана, Потемкинъ до смерти удержалъ охоту толковать о церковныхъ вопросахъ. Заговоривъ теперь объ уніи, Потемкинъ сказалъ королю:

«О происхожденіи св. Духа никто ничего не понимаетъ; а вотъ, что̀ касается до главенства папы, такъ нужно побольше снисходительности со стороны папы. Къ сожалѣнію, нашъ уніатскій архіепископъ Лисовскій просилъ папу дозволить уніатамъ приблизиться своими обрядами къ нашимъ, но папа не соглашался, и сказалъ: надобно поддерживать то средостѣніе, которое насъ отдѣляетъ другъ отъ друга. Папа пѣтушится, выставляется, дурачится, объ существенномъ не помышляетъ.»

Король, какъ правовѣрный католикъ, защищалъ папу и началъ жаловаться на православнаго переяславскаго епископа и слуцкаго архимандрита Садковскаго, называлъ несправедливыми его безпрестанныя жалобы на притѣсненія, оказываемыя православнымъ католиками и уніатами отбираніемъ у нихъ церквей, и просилъ назначить съ обѣихъ сторонъ коммиссаровъ для разсмотрѣнія: къ какому исповѣданію принадлежитъ та или другая церковь? Король показывалъ на Садковскаго, что онъ насильно принуждалъ къ православію поселившихся въ польскихъ владѣніяхъ старообрядцевъ и требовалъ, чтобъ Садковскій произнесъ присягу на вѣрность Рѣчи-Посполитой.

Потемкинъ нашелъ послѣднее требованіе короля справедливымъ.

Браницкій съ досадою увидѣлъ, что тотъ, на кого онъ единственно полагалъ надежды, обходится съ королемъ почтительно. По выраженію короля, онъ сталъ тогда похожъ на мокраго волка. Но Браницкій не думалъ съ королемъ мириться и разсчитывалъ, что рано-ли поздно Станиславъ-Августъ, по своей измѣнчивой натурѣ, доведетъ Россію до того, что она будетъ нуждаться въ Браницкомъ, какъ въ орудіи противъ короля.

Въ Каневѣ къ Станиславу-Августу пріѣзжали русскіе сановники: сынъ фельдмаршала Румянцова, оберъ-шталмейстеръ Нарышкинъ, генералы Левашевъ, Шуваловъ и канцлеръ Безбородко. Послѣдняго представилъ королю Штакельбергъ и сказалъ: «рѣдкое событіе: подчиненный представляетъ королю своего начальника, ваше величество!» Король все еще не зналъ, будетъ ли скоро война у Россіи съ Турціею, и спросилъ объ этомъ у Без-

бородко. «Не такъ близко къ разрыву, какъ думаютъ»,—сказалъ Безбородко.

«Вамъ—сказалъ король—должны быть извѣстны мои и моего народа желанія приносить пользу Россіи; и теперь заявляю это искреннее желаніе и ожидаю приглашенія и соглашенія».

Канцлеръ отвѣчалъ: «намѣренія вашего величества вполнѣ извѣстны; нужно, однако, болѣе спокойнаго времени привести ихъ въ исполненіе».

Этотъ отвѣтъ привелъ короля въ робость, по собственному его признанію.

Въ его запискѣ, представленной императрицѣ, была просьба о дозволеніи собрать конфедерованный сеймъ для возможности, посредствомъ большинства голосовъ, провести такіе законы и постановленія, которыхъ нельзя провести посредствомъ единогласія ни за что. Король не посмѣлъ тогда распространяться объ этомъ съ Безбородкомъ, а только сказалъ:

— Пока, я буду заботиться только о томъ, чтобъ охранить себя противъ туземной злобы, которая особенно показала себя на двухъ послѣднихъ сеймахъ; при всемъ моимъ искреннѣйшемъ желаніи, я не могу сдѣлать ничего.

Безбородко отвѣчалъ: «Противъ этого уже приняты и впередъ будутъ принимаемы надлежащія мѣры, чтобъ ваше величество не терпѣли подобныхъ непріятностей»!

На другой день король разговаривалъ съ Безбородкомъ при Штакельбергѣ. Штакельбергъ сказалъ ему:

— Императрица велѣла передать вашему величеству: до будущаго сейма еще полтора года; будетъ время подумать! Что же касается до союза съ Россіею, то это такая вещь, которая мнѣ особенно нравится. Надобно это устроить, но только вполнѣ устроить.

— Я съ своей стороны—сказалъ Безбородко—буду совѣтовать государынѣ собрать сконфедерованный сеймъ.

Императрица смотрѣла на конфедерованный сеймъ какъ на обоюду-острое орудіе. Большинство могло послужить и въ пользу и во вредъ ея планамъ, смотря потому, какъ это большинство составится. Притомъ же, прежде чѣмъ допускать конфедерованный сеймъ для устроенія большинства голосовъ, нужно было сообразить и окончательно условиться, для какого рода договора Польши съ Россіею потребуется большинство голосовъ. Станиславу-Августу Екатерина мало довѣряла, полякамъ вообще еще менѣе. У ней на то были важныя основанія. Дѣйствительно, король предлагалъ союзъ съ Россіею, но неопредѣленно, не выяснялъ, какой именно союзъ долженъ заключиться: то казалось,

онъ готовъ былъ на вѣчное политическое соединеніе съ Россіею, то какъ будто хотѣлъ съ нею союза только на случай предстоящей войны. Съ русской стороны подозрѣвали, что онъ теперь льнетъ къ Россіи для того, чтобъ получить отъ государыни право расширить свою власть, увеличить войско и взять его подъ свою команду, чтобъ имѣть возможность осуществлять свои планы, которые непремѣнно пошли бы въ разрѣзъ съ видами Россіи.

Станислава-Августа не пустили въ Кіевъ подъ разными предлогами. Въ Кіевѣ, между прочимъ, думали, что онъ подлѣзаетъ къ императрицѣ съ цѣлію упрочить преемничество престола за своимъ племянникомъ. Это также не было въ то время въ видахъ Россіи, по крайней мѣрѣ безусловно.

Вниманіе русскаго двора къ панамъ королевской партіи достаточно показывало, однако, членамъ оппозиціи, что Россія не намѣрена мирволить послѣдней. Это подѣйствовало на Щенснаго Потоцкаго. Онъ явился къ королю, почтительно извинялся передъ нимъ за прошлое и приглашалъ короля къ себѣ въ гости въ Тульчинъ. Король обѣщалъ. Императрица послала Станиславу-Августу письменный отвѣтъ на его Souhaits de roi, но король никому не показывалъ его и держалъ у себя въ шкатулкѣ.

Пробывши полтора мѣсяца въ Каневѣ, Станиславъ-Августъ 8-го мая, наконецъ, дождался Екатерины. Императрица прибыла въ Каневъ, въ великолѣпной галерѣ, въ сопровожденіи другихъ шести галеръ, на которыхъ помѣщались ея сановники и придворные. Безбородко и князь Барятинскій отправились къ королю приглашать его. Съ ближайшими особами своей партіи—Мнишкомъ, Тышкевичемъ, Комаржевскимъ, Нарушевичемъ, Шидловскимъ, Моравскимъ, Бышевскимъ и Киркоромъ и съ двумя иностранными министрами Уйсвортсомъ и Мэсоннэ, король отправился къ государынѣ на десяти-весельномъ суднѣ, при громѣ музыки и пушечныхъ выстрѣловъ.

Свиданіе было не долгое. Король обѣдалъ съ императрицею, потомъ вмѣстѣ съ Потемкинымъ дѣлалъ визиты русскимъ сановникамъ и генераламъ подъ именемъ графа Понятовскаго, вечеромъ воротился къ государынѣ, вмѣстѣ съ ней крестилъ ребенка у графа Тарновскаго, вмѣстѣ съ нею смотрѣлъ, какъ другіе—Штакельбергъ, Мамоновъ и Потемкинъ, играли въ карты, участвовалъ въ веселомъ разговорѣ, слушалъ любезныя остроты принца де-Линь; наконецъ, императрица дала ему почувствовать, что время разставаться. Станиславъ-Августъ шепотомъ сказалъ Потемкину:

— Есть ли надежда, что можно оставаться долѣе?

Потемкинъ отвѣчалъ: «нѣтъ».

Вслѣдъ за тѣмъ Потемкинъ ввелъ короля въ особый кабинетъ, и тамъ императрица сказала ему.

— Уже поздно; я знаю, что вы приглашали гостей на ужинъ; плаванie продолжительно, это вынуждаетъ меня, къ моему сожалѣнiю, проститься съ вашимъ величествомъ.

Король выразилъ сожалѣнie, что такъ мало дозволили ему бесѣдовать съ его покровительницею.

— Не допускайте къ себѣ черныхъ мыслей; разсчитывайте на мою дружбу и мои намѣренiя, дружелюбныя къ вамъ и къ вашему государству—сказала Екатерина.

Этимъ окончилось свиданie. Король, во время бесѣды съ императрицею, подалъ ей собственноручно еще одну записку о польскихъ дѣлахъ, но не получилъ отъ нея отвѣта, подъ тѣмъ предлогомъ, что она не успѣла ее прочитать.

Станиславъ-Августъ естественно былъ недоволенъ этимъ свиданiемъ, прождавши семь недѣль въ Каневѣ. Бѣдный король!— замѣчаетъ въ своихъ запискахъ де-Линь — за три мѣсяца онъ истратилъ три миллiона злотыхъ, только ради того, чтобы повидать императрицу въ продолженiи трехъ часовъ. Въ утѣшенie ему, Безбородко, относительно поданной имъ записки, сказалъ: «будьте увѣрены, что все уладится; мы въ принципахъ сходимся, только не нужно разславлять этого, ни собирать экстраординарнаго сейма, чтобъ не возбудить противъ себя сосѣдей».

Поляки приводятъ одну изъ поданныхъ королемъ записокъ императрицѣ въ такомъ видѣ:

«Благодарность короля къ императрицѣ и обязанности его по отношенiю къ отечеству, побуждаютъ его представить, какъ важно, чтобы два народа — русскiй и польскiй — были между собою на вѣки соединены охранительнымъ союзомъ. Пока въ Европѣ господствуетъ миръ, и Россiя ни съ кѣмъ не ведетъ войны кромѣ Порты, до тѣхъ поръ настоящее состоянie Польши мало вредитъ Россiи. Но положенie поляковъ до крайности невыносимо, по причинѣ частыхъ утѣсненiй, испытываемыхъ отъ могущественныхъ сосѣдей; а оно тотчасъ измѣнится, какъ только Польша соединится съ Россiею формальнымъ союзомъ. Когда же начнется въ Европѣ война, или Порта получитъ помощь отъ какого-нибудь сосѣда Польши, тогда Россiя поздно пожалѣетъ, что не обратила вниманiя на представленныя королемъ предложенiя. Сосѣдъ Польши, поссорясь съ Россiею, создастъ себѣ въ Польшѣ партiю, и эта партiя станетъ препятствовать всѣмъ соглашенiямъ, какiя бы пожелала Россiя учинить съ польскимъ королемъ и народомъ.

«Чтобы предотвратить такого рода печальныя событiя, вред-

ныя для обоихъ государствъ (тѣмъ болѣе, что Польша въ такомъ случаѣ подверглась бы всѣмъ ужасамъ междоусобной войны) неизбѣжно заключить поскорѣе формальный союзъ и заблаговременно сдѣлать Польшу полезною для Россіи въ каждомъ случаѣ. Для этого необходимо:

«1) Подготовить себѣ вѣрное вліяніе пріобрѣтеніемъ несомнѣннаго большинства. Это намѣреніе требуетъ времени и средствъ, потому что, послѣ раздѣла, каждый изъ сосѣдей сталъ имѣть на нее вліяніе, по мѣрѣ богатства и ловкости особъ, сдѣлавшихся разомъ подданными двухъ государствъ, сопредѣльныхъ между собою, и по мѣрѣ связей, которыя легко могутъ найти для себя подданные этихъ двухъ государствъ. Но такъ какъ Россія можетъ быть по опыту убѣждена въ неизмѣнности правилъ короля, постоянно привязаннаго къ системѣ исканія блага для себя и для своего народа единственно въ союзѣ съ нею, то это государство не должно было бы препятствовать его вліянію на страну, напротивъ, должно допустить, чтобъ нѣкоторыя неумѣстныя учрежденія, производящія гибельную безурядицу, были устранены, а королю возвращено было данное ему, по силѣ условій принятія короны (Pacta conventa), право выбора и назначенія особъ на разныя государственныя должности. Россіи легче будетъ соглашаться съ однимъ королемъ, чѣмъ отдѣльно съ особами, которыя прибѣгаютъ къ ней съ своими заявленіями только для того, чтобъ имѣть за собою ея сильную рекомендацію для достиженія своихъ превратныхъ цѣлей.

«2) Такъ какъ формированіе войска требуетъ времени, то нужно, чтобъ Россія пожелала помочь поставить его на приличную степень. Что касается до числа войска, до управленія имъ и обученія его, то каждая изъ трехъ провинцій: Великая Польша, Малая Польша и Литва могли бы поставить, по крайней мѣрѣ, по двѣнадцати тысячъ, усиливая уже существующіе корпусы и включая сюда королевскіе полки и артиллерію: это увеличило бы количество войска, годнаго къ бою, до тридцати шести тысячъ, исключая батальонъ полиціи, скарбовыхъ, трибунальскихъ компаній и проч., которые всѣ не содержатъ въ себѣ болѣе четырехъ или никакъ не болѣе пяти тысячъ и не могутъ причисляться къ военной силѣ.

«При такомъ положеніи дѣлъ, Польша могла бы обязаться, въ силу своего союза съ Россіею, доставлять двадцать пять или тридцать тысячъ войска на время войны, съ условіями насчетъ жалованья. Фондъ на снаряженіе этого войска и на его содержаніе въ мирное время можетъ быть придуманъ и найденъ въ Польшѣ, еслибъ только Россія позволила искать его на конфе-

дерованномъ сеймѣ, потому что на сеймѣ вольномъ никакъ нельзя этого сдѣлать. Хотя трактатомъ 1775 года и дозволяется Польшѣ на вольномъ сеймѣ большинствомъ голосовъ возвысить поборы до суммы 33 милл., однако, опытъ показалъ какъ нельзя лучше, что всѣ усилія къ этому обращаются въ ничто и противъ этого отыскиваютъ тысячи предлоговъ и поводовъ, которые самая форма вольныхъ сеймовъ подаетъ зложелателямъ. Если же выраженное мною и не заслуживаетъ принятія, то пусть, по крайней мѣрѣ, эта записка останется памятникомъ добрыхъ мыслей короля и желанія быть полезнымъ для Россіи сосѣдомъ. Такія чувствованія, кажется, заслуживаютъ того, чтобъ остатокъ дней его былъ избавленъ отъ непріятностей. Это совершенно въ рукахъ императрицы.»

Изъ этой записки, однако, мы узнаемъ не все, что̀ предлагалъ Екатеринѣ Станиславъ-Августъ, заискивая покровительства и союза. Саксонскій министръ доносилъ своему правительству, будто въ Каневѣ были дѣйствительно постановлены условія между королемъ и императрицею, по которымъ Польша заключала съ Россіею наступательный и оборонительный союзъ, обязывалась доставлять, въ случаѣ каждой войны, двѣнадцать тысячъ войска, съ платою со стороны Россіи этому войску жалованья, Россія же обѣщала давать Польшѣ каждогодно сто тысячъ червонцевъ; король, при этомъ, имѣлъ право перемѣнять министровъ, утверждать и не утверждать опредѣленія сеймовъ, могъ увеличить свои доходы на два милліона; его долги должны быть заплачены, а его роднымъ даны староства и пр. Намъ, однако, кажется, что Эссенъ сообщилъ невѣрные слухи; по крайней мѣрѣ, послѣдующія событія ни мало не показываютъ, чтобъ къ Каневѣ заключено было что̀-нибудь подобное. Гельбигъ, саксонскій министръ въ Петербургѣ, увѣряетъ, будто въ Каневѣ король хлопоталъ, чтобы преемникомъ ему былъ племянникъ его Станиславъ. И на это нѣтъ никакихъ подтвержденій. По ходу послѣдующихъ обстоятельствъ кажется, что Станиславъ-Августъ, желая, во что̀ бы то ни стало, пріобрѣсть полное довѣріе императрицы и найти въ ней опору противъ всякихъ враждебныхъ движеній на будущее время, предлагалъ ей тѣснѣйшее соединеніе Польши съ Россіею и соглашался, чтобы, на случай его кончины, Екатерина назначила ему преемникомъ одного изъ своихъ внуковъ. По крайней мѣрѣ, въ 1792 году, когда король открыто просилъ Екатерину дать Польшѣ въ короли великаго князя Константина, онъ, по этому поводу, просилъ также императрицу вспомнить о томъ, что̀ онъ подалъ ей на письмѣ въ Каневѣ на галерѣ. При этомъ, онъ замѣчалъ, что въ то время, когда онъ писалъ это, то-есть

въ 1792 году, исполненіе такого плана удобнѣе, чѣмъ было прежде. Къ этому какъ нельзя болѣе подходятъ и загадочныя слова Безбородки о томъ, что не слѣдуетъ, до поры до времени, разглашать какихъ-то намѣреній, чтобъ не возбудить сосѣдей. Была ли приведенная нами записка послана прежде свиданія, или же во время свиданія подана императрицѣ, утвердительно рѣшить нельзя, но только въ это время со стороны Станислава-Августа было предлагаемо не только то, что̀ находится въ этой запискѣ, а еще и другое, что̀ онъ держалъ въ большомъ секретѣ.

Въ томъ положеніи, въ какомъ тогда находились дѣла Россіи, отъ императрицы можно было ожидать только того, что̀ она сдѣлала: она похвалила Станислава́ Августа за изъявленія дружбы и оставила исполненіе его предположеній до будущаго времени. Еще война съ Турціею не начиналась, а въ видахъ императорскихъ дворовъ не было самимъ дѣлать вызова; дожидались, чтобъ Турція сама начала, формальный же союзъ съ Польшей, съ условіями о войнѣ, былъ бы явною воинственною выходкою противъ Турціи. Еще менѣе императрица расположена была раздражать Европу: преждевременный союзъ съ Польшею встревожилъ бы не только прусскаго короля, но самаго союзника Екатерины, Іосифа II, и вообще скорѣе принесъ бы Россіи вредъ, чѣмъ пользу. Въ искренность короля, какъ выше сказано, императрица не вѣрила, да кромѣ того король, если бы даже поступалъ искренно, то въ этомъ дѣлѣ не значилъ всего. Нужно было еще удостовѣриться въ расположеніи поляковъ; Екатерина же знала, что, по первомъ оглашеніи такого союза, враждебныя Россіи силы тотчасъ возстановятъ противъ нея всю Польшу.

Оставивши Каневъ, Станиславъ-Августъ въ Корсунѣ встрѣтился съ Іосифомъ, путешествовавшимъ подъ именемъ графа Фалькенштейна. Свиданіе происходило на почтовомъ дворѣ. Іосифъ, чрезъ королевскаго племянника Станислава Понятовскаго, далъ знать королю, что желаетъ пріѣхать къ нему. Увидавши въ первый разъ польскаго короля, нѣмецкій императоръ обнялъ его, какъ давняго знакомца. Двери за ними заперли. Іосифъ сѣлъ на канапэ по лѣвую руку отъ Станислава-Августа. Разговоръ продолжался часъ съ четвертью. Польскій король старался наговорить ему какъ можно болѣе любезностей.

— Я бы могъ, говорилъ Іосифъ — воспользоваться моимъ саномъ для того, чтобъ имѣть побольше удовольствій, но я предпочелъ посвятить себя благу моего отечества и потомства. Отъ этого я сталъ нововводителемъ и много предразсудковъ пришлось мнѣ побѣждать. Главное уже сдѣлано, но еще довольно затрудненій предстоитъ мнѣ преодолѣвать.

Польскій король при этомъ, по собственному его выраженію, подкадилъ ему.

— И вы также, продолжалъ императоръ — хотѣли тоже дѣлать, положили много хорошихъ началъ, но обстоятельства для васъ были противны и ужасны; меня особенно удивляетъ распространенное опасеніе насчетъ проектовъ, которые вамъ приписываютъ.

— Позвольте мнѣ увѣрить васъ, сказалъ польскій король — что эти опасенія притворны; есть двѣ причины ихъ выдумывать. Первая, чтобъ имѣть благовидный предлогъ оправдывать несправедливую ненависть и козни противъ меня; вторая — нужны видимыя причины всякій разъ, когда обращаются къ вамъ за помощью.

— Я сомнѣвался въ этомъ, сказалъ Іосифъ. — Надобно согласиться, что ходитъ невѣроятное множество лживыхъ слуховъ, опасныхъ потому, что они внушаютъ безпокойство и недовѣріе. Вамъ сообщали объ нихъ, вѣроятно, въ послѣднее время.

— Такъ какъ вы объ этомъ говорите, сказалъ Станиславъ Августъ — то я не отрицаю, мнѣ сообщали много такого, что мнѣ было чувствительно, и только вы можете меня освободить отъ этихъ непріятностей.

Императоръ съ живостію взялъ короля за руку, потрясъ ее и сказалъ:

— Даю вамъ честное слово, и вы можете повторить его цѣлому свѣту: я ничего не хочу отъ Польши; понимаете — ничего, — ни одного деревца. Впрочемъ, императрица должна была уже васъ увѣрить.

Поговоривъ о разныхъ предметахъ, между прочимъ, о воспитаніи женскаго пола, насчетъ чего императоръ обѣщалъ прислать свой уставъ, Іосифъ опять навелъ разговоръ на дѣла Польши.

— Я не хотѣлъ, сказалъ онъ — отнимать у Польши ни одного дюйма земли, но Россія и покойный прусскій король сказали мнѣ: мы рѣшились взять себѣ по куску Польши; предлагаемъ тоже и вамъ, если угодно вамъ сойтись съ нами, а не хотите, такъ мы будемъ воевать съ вами. Нечего дѣлать; надобно было брать нашу долю; и вы бы на моемъ мѣстѣ также поступили.

Польскій король не сталъ ему возражать и промолчалъ.

— Зачинщикъ всему дѣлу прусскій король, продолжалъ императоръ.

Станиславъ-Августъ замѣтилъ, что прусскій король себя выгораживаетъ отъ этого. Разговоръ перешелъ къ другимъ пред-

метамъ. Когда императоръ сѣлъ уже въ карету, Станиславъ-Августъ подбѣжалъ къ ней и закричалъ:

— Дайте мнѣ еще разъ вашу руку.

— Отъ всего сердца! сказалъ Іосифъ и протянулъ ему изъ кареты руку.

Многіе польскіе паны представлялись въ разныхъ мѣстахъ Іосифу. Былъ въ числѣ ихъ и Игнатій Потоцкій. Іосифу онъ не понравился; нѣмецкій императоръ отвернулся отъ него также, какъ и русская императрица, и сказалъ: c'est un brouillon! Отвергнутый, осрамленный двумя монархами, пораженный въ самое сердце, Потоцкій рѣшился всецѣло отдаться третьему, но послѣ того, какъ придется и отъ третьяго испытать еще что̀-нибудь похуже, чѣмъ отъ двухъ первыхъ, ему ничего не останется, какъ сдѣлаться демократомъ.

Станиславъ-Августъ отправился въ Тульчинъ. Щенсный Потоцкій принялъ короля съ такимъ радушіемъ, что, казалось, миръ между ними водворился. Щенсный сказалъ: «На память радостнаго пріѣзда ко мнѣ короля моего, я увольняю отъ подданства здѣшній городъ и отдаю его въ юрисдикцію ассессорскаго суда». «А я — сказалъ королевскій племянникъ — по этому поводу увольняю не только отъ панщины, но и отъ всякаго оброка двадцать пять новобрачныхъ въ Корсуни».

Король подъ вліяніемъ пріема, оказаннаго ему Щенснымъ Потоцкимъ, писалъ къ своимъ пріятелямъ: «Я всегда былъ того мнѣнія, что русскій воевода добрый человѣкъ, честный и желаетъ добра отечеству; мы съумѣемъ его приголубить къ себѣ».

Въ Тульчинѣ во время пріѣзда короля произнесъ присягу на вѣрность архіерей Викторъ Садковскій.

Послѣ примиренія съ Потоцкимъ оставалось королю примириться съ Чарторыскими; люблинскій подкоморій Длускій хотѣлъ устроить это примиреніе и обратился къ королю. Станиславъ-Августъ сказалъ ему: «Послѣ прошедшаго сейма я принялъ князя Адама любезно; онъ съ своей стороны это понялъ. Но пришла княгиня съ суровымъ видомъ, и я напрасно старался смягчить ее. Я все сдѣлалъ съ моей стороны; теперь спокойно и терпѣливо буду ждать времени, когда они опомнятся и сами поймутъ, что на меня не за что̀ дуться. Но напрашиваться самому — мнѣ неудобно и нѣтъ пользы. Знаю, что князь Адамъ лично не желалъ мнѣ зла, какъ и я ему, но вижу, что ему трудно освободиться изъ сѣтей женскаго пола.» Король жаловался, что Чарторыская оговариваетъ его передъ императоромъ, въ службѣ котораго находился ея мужъ.

Король надѣялся, что уже разувѣрилъ въ свою пользу Іосифа, что Екатерина была къ нему милостива, что, наконецъ, Потем-

кинъ, которымъ его страшали, расположенъ къ нему и теперь уже не страшны ему враги. Правда, съ Браницкимъ ему не удалось сойтись: въ Каневѣ король говорилъ съ нимъ очень дружелюбно и пытался возстановить прежнее согласіе, которое когда-то между ними было. «Вы меня знаете тридцать лѣтъ — говорилъ ему Станиславъ-Августъ — я не мстителенъ и не завистливъ; я лучше люблю вспоминать о томъ добрѣ, которое мнѣ когда-то оказывали, чѣмъ о томъ злѣ, которое мнѣ причиняли впослѣдствіи, даже если и не перестаютъ его причинять. Князь Потемкинъ желаетъ, чтобъ вы со мною сблизились, мое сердце не заперто для васъ. Рѣшеніе зависитъ отъ вашего поведенія.» Браницкій отвѣчалъ королю, какъ послѣдній выражался, сеймовымъ слогомъ, запирался во многомъ, что̀ ему король ставилъ въ вину, и сказалъ: въ Польшѣ каждый можетъ имѣть свое мнѣніе и стоять за свободу и справедливость. «Я король,—сказалъ ему Станиславъ-Августъ—я вамъ протянулъ руку, я вамъ отворилъ двери, вы не хотите входить. Теперь мнѣ говорить съ вами нечего болѣе. Пусть вашъ дядя, вашъ отецъ будетъ судьею вашего поведенія.» Обратившись послѣ того къ Потемкину и разсказавши ему о разговорѣ своемъ съ Браницкимъ, король получилъ такой отвѣтъ: — «Я думаю, Потоцкій и Чарторыская его околдовали, онъ ихъ боится и не смѣетъ дѣлать и говорить такъ, какъ слѣдуетъ. Извините, простите, государь, я вамъ обѣщаю, что исправлю его.»

И на этомъ обѣщаніи основывался пока Станиславъ-Августъ.

II

Положеніе и виды Пруссіи.—Партіи въ Польшѣ.—Движеніе умовъ.—Приготовленія къ сейму.—Избраніе маршала [1]).

Лѣтомъ 1787 г., война между Россіею и Турціею вспыхнула. Подстрекаемая французскимъ и прусскимъ послами, Турція объявила ее Россіи и начала свои непріязненныя дѣйствія тѣмъ, что русскаго посланника Булгакова засадила въ Семибашенный замокъ. Іосифъ объявилъ Турціи войну въ февралѣ 1788 года.

Война эта взволновала Европу. Шведскій король Густавъ III объявилъ Россіи войну.

Пруссія заключила союзъ съ Англіею и Голландіею противъ замысловъ Россіи и Австріи. Прусскій главный министръ Герц-

---

[1]) См. выше, Источники: №№ 12, 18, 36, 81, 109, 96, 100, 58, 80, 118, 23.

бергъ, управлявшій, по смерти Фридриха II, дѣлами при слабомъ и женолюбивомъ преемникѣ его Фридрихѣ-Вильгельмѣ II, не имѣлъ намѣренія вводить Пруссію въ дѣйствительную войну съ кѣмъ бы то ни было и предпочиталъ дѣйствовать интригами, пугать Россію и Австрію, но не выступать противъ нихъ рѣшительно и всегда показывать имъ желаніе сойтись, но не иначе, какъ съ особенными выгодами для Пруссіи. Пруссія съ Портою вступала въ союзъ, но не думала ей помогать оружіемъ, а только наблюдала, чтобъ Россія и Австрія не взяли у Турціи слишкомъ много; за уступки, которыя Турція сдѣлаетъ Россіи и Австріи, и вообще за пріобрѣтенія, которыя получатъ какимъ бы то ни было образомъ двѣ послѣднія державы, Пруссія хотѣла захватить что-нибудь для себя. Это желанное пріобрѣтеніе для Пруссіи могло быть только въ Польшѣ. Ближайшіе виды Пруссіи были на Гданскъ и Торунь съ ихъ округами: овладѣвъ этими городами, которые держали въ рукахъ своихъ польскую торговлю, Пруссія соединяла свои владѣнія, раздѣляемыя полосою земли, принадлежавшею Польшѣ. Это было первичное и самое скромное желаніе; даже Пруссія предполагала сдѣлать это пріобрѣтеніе, выговоривши отъ Австріи уступку для Польши отнятой Галиціи. Но при бòльшихъ успѣхахъ прусская дипломатія имѣла въ виду пріобрѣсть насчетъ Польши и поболѣе. Нужно было только вооружить поляковъ противъ Россіи, и тѣмъ самымъ привязать Польшу къ Пруссіи и отдать ее въ распоряженіе послѣдней. Такимъ образомъ, когда Россія и Австрія искали расширенія своихъ предѣловъ, подвергаясь опасностямъ и непостоянству войны, наживая себѣ новыхъ враговъ, Пруссія составляла планъ получить пріобрѣтенія болѣе мирнымъ и спокойнымъ образомъ: другіе будутъ тратить милліоны и жизнь своихъ поданныхъ,—Пруссія будетъ работать съ малыми издержками. Но императрица русская поняла этотъ разсчетъ и рѣшилась противодѣйствовать прусской дипломатіи въ Польшѣ своею дипломатіею, однако не доходить до открытой вражды съ Пруссіею, и всегда была готова сойтись съ нею на обоюдныхъ условіяхъ, если будетъ необходимо.

Въ то время, когда польскій король, вслѣдствіи канёвскаго свиданія, началъ подготовлять своихъ пановъ къ мысли о союзѣ съ Россіею, прусскій министръ въ Польшѣ Бухгольцъ и генералъ Гольцъ стали вооружать поляковъ противъ Россіи и налегли на оппозиціонную партію: это имъ было подручно, послѣ того какъ братья Потоцкіе и Сапѣги кипѣли злобою за оскорбленія, нанесенныя въ Кіевѣ ихъ самолюбію. Екатерина знала все и поняла, что такого рода политика со стороны Пруссіи, впослѣдствіи, принесетъ Россіи, вмѣсто вреда, пользу. Когда министръ Іосифа, Кау-

ницъ, предлагалъ Россіи дѣлать въ Польшѣ то же, чтò дѣлаетъ Пруссія: вооружать поляковъ противъ Пруссіи и обѣщать имъ возвращеніе земель, отнятыхъ Пруссіею по первому раздѣлу, Екатерина не согласилась на это. Король Станиславъ-Августъ, въ виду предстоявшаго сейма, послалъ къ императрицѣ проектъ о главныхъ предметахъ совѣщаній на этомъ сеймѣ, и въ этомъ проектѣ предлагалъ отобрать отъ Пруссіи земли, захваченныя по первому раздѣлу, такъ какъ прусскій король явно намѣревается дѣлать пріобрѣтенія насчетъ Польши. На польскіе совѣты Екатерина еще меньше поддавалась, чѣмъ на австрійскіе. По этому поводу, императрица писала Штакельбергу: «Не надобно отнюдь возбуждать жадности въ другихъ такою же съ своей стороны; не отрицаю: быть можетъ, прусскій король хочетъ еще распространить свои предѣлы насчетъ Польши, но мы не желаемъ заключать съ Польшею договоровъ, предосудительныхъ для прусскаго короля». Отстраняясь отъ возможности поссориться съ Пруссіею изъ-за Польши, императрица, не дозволяла и внутри Польши чего-нибудь такого, чтò могло ослабить зависимость Польши отъ Россіи. Польскій король, въ томъ же проектѣ, указывалъ на необходимость пересмотра правленія, составленнаго послѣ 1772 года. Императрица, по этому поводу, писала Штакельбергу: «Пусть этотъ сеймъ занимается сперва только дѣлами союза съ Россіею.» Выгоды Россіи требовали допустить въ Польшѣ радикальныя измѣненія только послѣ того, когда можно было увѣриться, что Польша связана съ Россіею настолько, что перемѣны въ ней не повлекутъ за собою возможности сдѣлаться орудіемъ враговъ Россіи. Вмѣстѣ съ тѣмъ императрица понуждала скорѣе сформировать польское войско, чтобъ послать его дѣйствовать противъ турокъ вмѣстѣ съ русскимъ, и обѣщала на него триста тысячъ червонцевъ, уплачивая эту сумму по пятидесяти тысячъ въ годъ.

По мѣрѣ того, какъ приближалось время открытія сейма, Бухгольцъ усилилъ свою дѣятельность и разжигалъ въ полякахъ вражду къ Россіи: онъ объяснялъ имъ, что союзъ съ Россіею не можетъ состояться и навлечетъ на Польшу бѣду; Пруссія не допуститъ Польшу до этого союза и начнетъ, въ случаѣ упорства поляковъ, дѣйствовать противъ нихъ энергическими мѣрами. Внушенія прусскаго министра поддерживалъ и англійскій Гэльсъ. Они оба увѣряли поляковъ, что въ Европѣ уже составился тайный союзъ противъ поползновеній двухъ императорскихъ дворовъ. Англія, Швеція, Голландія, Порта, Пруссія и нѣмецкіе владѣтели образовали этотъ союзъ для поддержанія равновѣсія въ Европѣ. Къ этому союзу слѣдуетъ приступить Польшѣ; теперь-то ей пришла такая пора, какой до сихъ поръ не бывало—

выбиться изъ-подъ русской опеки и возвратить себѣ прошлое значеніе и независимость; прусскій король — ближайшій сосѣдъ Польши и искреннѣйшій ея другъ; онъ ей поможетъ; онъ станетъ ее защищать, еслибъ Россія вздумала оказать противъ нея какія-нибудь насильственныя дѣйствія. Обстоятельства давали вѣру прусскимъ внушеніямъ. Поляки соображали, что Россія не выиграетъ въ предпринятой войнѣ: у ней одна только союзница Австрія, а за турокъ, какъ ихъ увѣряли, заступится вся Европа. Уже шведскій король и началъ войну съ Россіей; уже силы Россіи раздѣлены, и она должна вести войну на двухъ противоположныхъ оконечностяхъ своего государства. Уже первыя военныя дѣйствія обоихъ императорскихъ войскъ не представляли много блеска. Іосифъ II, начавши самъ лично воевать противъ турокъ, оказался плохимъ полководцемъ; генералы у него были не превосходные, и войско, сражавшееся на берегахъ Дуная, терпѣло отъ болѣзней и дурныхъ распоряженій. Русскія силы имѣли у себя геніальнаго Суворова, но послѣ блестящей побѣды подъ Кинбурномъ, началась продолжительная и въ высшей степени изнурительная для войска осада Очакова. Все подавало надежду полякамъ, что война съ Турціею не послужитъ къ усиленію Россіи, а потому теперь-то и слѣдуетъ имъ пользоваться тѣмъ. Россія не въ состояніи обратить своего оружія для удержанія Польши въ зависимости; слѣдуетъ не терять удобнаго времени и расположенія Европы, свергнуть съ себя гарантію Россіи, уничтожить постановленія и учрежденія, навязанныя ею, создать военную силу, устроить государственный механизмъ и гражданскій порядокъ, сдѣлать, однимъ словомъ, Польшу благоустроенною державою, которая бы, впослѣдствіи, могла выдержать борьбу за свою независимость противъ покушеній Россіи. Но слабой, истощенной Польшѣ нуженъ союзникъ: этотъ союзникъ, сильный, благородный, великодушный и безкорыстный, явился полякамъ въ особѣ прусскаго короля. Игнатій Потоцкій, братъ его Станиславъ, Чарторыскіе, Сапѣга сдѣлались корифеями партіи, обращавшей взоры упованія на Пруссію. Къ нимъ присталъ старый Станиславъ Малаховскій, человѣкъ очень богатый, не бойкаго разсудка, но добродушный и честный, а послѣднее составляло большую рѣдкость между польскимъ панствомъ. Онъ искренно желалъ добра своему отечеству и былъ готовъ на всякія реформы; не смотря на его старыя лѣта, въ немъ было много юношеской живости; по своей доброй натурѣ, онъ довѣрился всему, что̀ слышалъ отъ прусскаго министра и, вслѣдъ за братьями Потоцкими, началъ видѣть въ прусскомъ королѣ спасителя Польши. Передъ тѣмъ онъ, какъ и братъ его, который сдѣлался канцлеромъ,

не былъ врагъ Россіи и даже горячо говорилъ за союзъ съ нею, находилъ полезнымъ, еслибъ два близкіе славянскіе народа соединились во-едино; но ему успѣли представить въ черномъ цвѣтѣ деспотизмъ и коварную политику Россіи, которая не допуститъ ни за что́ полезныхъ измѣненій въ Польшѣ: и такъ, онъ склонился на прусскую сторону. Братъ его остался навсегда сторонникомъ Россіи. На Станислава Малаховскаго мѣтили, какъ на будущаго маршала сейма, не только люди расположенные къ Пруссіи, но и пріязненные къ Россіи, даже самъ русскій посланникъ, который долго не зналъ о перемѣнѣ убѣжденій и склонностей Малаховскаго и долго считалъ его преданнымъ человѣкомъ.

Бывшая оппозиція раздѣлилась. Браницкій, Ржевускій, Щенсный Потоцкій не пристали къ прусской партіи. Браницкій кричалъ о возрожденіи отечества, поддѣлывался къ патріотамъ, говорилъ о необходимости произвести радикальныя измѣненія, но держался императрицы, ибо разсчиталъ, что судьба Польши и, слѣдовательно, его собственная, зависитъ отъ нея. У него была большая партія, партія эгоистовъ, подобныхъ ему, у которыхъ первою цѣлію въ жизни было пожить весело, какими бы средствами ни пріобрѣталось такое житье; свои узкіе виды для нихъ были дороже отечества, и потому они льнули туда, гдѣ чуяли силу и гдѣ ожидали для себя выгодъ. Эгоисты часто видятъ вещи прямѣе, чѣмъ тѣ, которые способны увлекаться идеями: эгоисты чуютъ, гдѣ имъ будетъ лакомо и чутьемъ идутъ туда, какъ звѣри на запахъ добычи. Отъ этого люди продажные, преданные себѣ самимъ, склонялись къ Россіи, какъ будто предчувствуя, что такъ ли или иначе поворотятся въ Европѣ обстоятельства, а для Польши сильнѣе Россіи не будетъ державы. Польскіе историки и публицисты называютъ этого рода людей русскою, или какъ они выражаются, московскою партіею. Собственно, партіею назвать ихъ нельзя. Это были люди, думавшіе только о своихъ выгодахъ и готовые служить и Россіи, и Пруссіи и кому угодно, но такихъ въ Польшѣ было безчисленное множество. Изъ нихъ были люди стоявшіе на высокой степени государственнаго сановничества, и они получали отъ Россіи деньги, но также точно готовы были получить ихъ отовсюду.

Щенсный Потоцкій не принадлежалъ къ разряду такихъ людей. Его любящая и поэтическая душа увлеклась величественнымъ образомъ Екатерины; онъ полюбилъ ее и благоговѣлъ предъ нею; онъ вѣрилъ въ нее, въ ея благодушіе, и искренно думалъ, что она только можетъ спасти его отечество. Щенсный желалъ Польшѣ добра, но допускалъ для ея возрожденія только то, что́ сходилось съ его традиціями и предразсудками. Подобно ему, думали

обыватели стараго покроя: по ихъ понятіямъ, Рѣчь-Посполитая должна была не вводить что-нибудь новое, а поправлять старое, воскресить забытое; ихъ идеалы были не впереди, а назади; они хотѣли не сотворить изъ Польши европейское государство въ современномъ вкусѣ, а воротить ее къ тому блестящему періоду старинныхъ доблестей и добродѣтелей, которыми, по ихъ лживому мнѣнію, полна была польская исторія. Впрочемъ, кромѣ Щенснаго Потоцкаго, который былъ дѣйствительно человѣкъ убѣжденія, хотя и превратнаго, трудно различить, кто принадлежалъ къ такому разряду консерваторовъ, а кто былъ просто продажнымъ и безчестнымъ эгоистомъ.

Король, его братья, родственники и кружокъ болѣе или менѣе ему преданныхъ людей, составляли въ Польшѣ партію, которую противники окрестили именемъ дворской. Это были люди, которые находили, что вся бѣда Польши происходитъ отъ дурного воспитанія, отъ ослабленія монархической власти и безпорядковъ въ управленіи. Эти люди, поэтому, заботились о воспитаніи, думали усилить королевскую власть, ограничить произволъ пановъ, установить законность, уничтожить liberum veto. Партія эта въ то время разсчитывала, что Польшѣ единый исходъ — быть въ союзѣ съ Россіею, и потому она хотѣла угождать Екатеринѣ съ тѣмъ, чтобъ заслужить съ ея стороны вниманіе и получить отъ нея дозволеніе произвести въ Польшѣ перемѣны. Они думали, что избирательное правленіе для Польши источникъ бѣдствій, хотѣли ввести наслѣдственное, и, чтобъ склонить къ этому Екатерину, готовы были утвердить его за такимъ домомъ, за какимъ угодно будетъ ей. Однимъ словомъ, цѣль ихъ была вести Польшу къ благоустройству въ дружбѣ съ Россіею. Нельзя сказать, чтобъ они въ самомъ дѣлѣ любили Россію и искренно были ей преданы, напротивъ, каждый изъ принадлежавшихъ къ этой партіи всегда готовъ былъ отшатнуться отъ Россіи, еслибъ только предстояла возможность и Россія перестала имъ быть опасною; такъ многіе изъ нихъ и поступили впослѣдствіи. Люди этой партіи, какъ и король самъ, вообще не могли похвалиться твердостію, напротивъ, отличались легкомысліемъ и поверхностною податливостію въ своихъ взглядахъ и дѣйствіяхъ, а кромѣ того всѣ, болѣе или менѣе, соразмѣряли свои политическія убѣжденія съ своими личными выгодами. Между ними по уму, дарованію, отличались Іоакимъ Хребтовичъ, Кицинскій, генералъ Комаржевскій. Два послѣдніе занимали видное мѣсто между людьми этой партіи при дворѣ. Братъ короля, примасъ Михаилъ Понятовскій, по знатности занимаемаго имъ сана, стоялъ виднѣе всѣхъ. Намѣренія этой партіи сходились съ видами прогресси-

стовъ, уклонившихся къ Пруссіи, но разница между ними была та, что одни хотѣли опираться на Пруссію, возбуждавшую поляковъ противъ Россіи, а другіе пока до времени держались Россіи.

Въ августѣ 1788 г. разосланы были универсалы на сеймики для выбора пословъ, на предстоящій сеймъ, который заранѣе объявлялся конфедерованнымъ. Императрица, въ видахъ заключенія союза съ Россіею, согласилась, чтобъ онъ былъ конфедерованъ. Король и его партія хотѣли, также какъ и прусская партія, чтобъ маршаломъ предстоящаго сейма былъ Малаховскій. Его считали столько же честнымъ, сколько податливымъ, и чрезъ него надѣялись имѣть вліяніе на сеймъ; сеймовый маршалъ былъ важное лицо: онъ давалъ движеніе работамъ на сеймѣ, направлялъ пренія, соблюдалъ порядокъ, имѣлъ право прекращать засѣданія. Соперникомъ Малаховскаго былъ Щенсный Потоцкій. Уже въ самомъ взглядѣ на конфедерованіе сейма видно было, какъ будетъ вести сеймъ тотъ и другой, сдѣлавшись маршаломъ. Щенсный Потоцкій не хотѣлъ знать никакихъ другихъ формъ, кромѣ тѣхъ, которыя оставили предки; онъ желалъ составленія конфедераціи, такъ какъ она составлялась въ былыя времена, то-есть, составить конфедераціи по воеводствамъ и повѣтамъ и потомъ соединить ихъ въ одну общую. При такомъ устройствѣ конфедераціи, сообразно древнему обычаю, прекратились бы всѣ суды, перемѣнились бы должностныя лица; всѣ должны были произнести присягу конфедераціи. Отъ нея бы зависѣло все управленіе страны, правосудіе, финансы, войско. Противники его замѣчали, что поступить такимъ образомъ—значитъ умышленно возбудить мятежъ и безпорядки. Цѣль конфедераціи была ни болѣе, ни менѣе, какъ только устранить единогласіе и допустить рѣшеніе дѣлъ посредствомъ большинства голосовъ, и поэтому нужно было выбрать обычнымъ образомъ на сеймикахъ пословъ на сеймъ; эти послы съѣдутся въ Варшаву, и тамъ тотчасъ объявятъ сеймъ сконфедерованнымъ, не дѣлая никакихъ перемѣнъ въ ходѣ управленія, оставляя власть по прежнему во всѣхъ текущихъ отправленіяхъ. Малаховскій только съ этимъ условіемъ соглашался принимать званіе сеймоваго маршала. Щенсный Потоцкій говорилъ, что онъ не иначе сдѣлается маршаломъ сейма, какъ тогда, когда избранъ будетъ единогласно. Всѣ партіи, по извѣстному обычаю, принялись дѣйствовать на сеймикахъ и подготовлять себѣ силу на будущемъ сеймѣ. Штакельбергъ узналъ тогда, что Пруссія разослала своихъ агентовъ по Великой Польшѣ для внушенія на сеймикахъ полякамъ мысли о томъ, что теперь пришла пора освободиться отъ московскаго ига, что ни-

какъ не слѣдуетъ заключать договора съ Россіею, а надлежитъ заключить союзъ съ прусскимъ королемъ—онъ истинный другъ Польши и защитникъ: нечего полякамъ бояться Москвы; пусть она нападаетъ на Польшу — прусскій король защититъ ее. Императрица писала Штакельбергу: «Берлинскій дворъ составляетъ противъ насъ партію въ Польшѣ; слѣдуетъ и намъ отложить всякое уваженіе и искать утвердить нашу силу въ Польшѣ, воспользоваться тѣмъ расположеніемъ, какое теперь многіе имѣютъ.» Императрица приказывала своему министру увѣрять поляковъ, что Россія хочетъ тѣсной связи съ Польшею, но вмѣстѣ и сохраненія за нею независимости въ дѣлахъ политическихъ и гражданскихъ; Россія не иначе вмѣшается въ польскія дѣла, какъ только тогда, когда Польша сама этого захочетъ; вмѣстѣ съ тѣмъ Штакельбергу поручалось указать полякамъ на непристойность дѣйствій прусскаго короля, увѣрять ихъ, что Пруссія ихъ обманываетъ и хочетъ поссорить Польшу съ Россіею, чтобъ изъ этой ссоры извлечь себѣ выгоды въ ущербъ Польшѣ.

Въ Польшѣ приготовлялись къ сейму съ великими ожиданіями. Небывалое волненіе умовъ сдѣлалось въ польскомъ обществѣ. Одна за другою появлялись книжечки, съ размышленіями, соображеніями и воззваніями о необходимости приступить къ кореннымъ реформамъ, исправить злоупотребленія, отмѣнить устарѣлыя учрежденія и замѣнить ихъ иными, сообразными съ требованіями вѣка; книжечки эти распространялись всѣми способами.

Видное мѣсто между этими книжечками занимало въ свое время напечатанное два года предъ тѣмъ сочиненіе Сташица: «Размышленія о жизни Яна Замойскаго». Авторъ говоритъ менѣе всего о Замойскомъ, но распространяется о воспитаніи, судопроизводствѣ, избраніи королей, сеймахъ, исполнительной власти, о торговлѣ, правахъ сословій, военной силѣ, доходахъ и расходахъ, о системѣ податей, вообще о всѣхъ предметахъ общественнаго устроенія, возбуждавшихъ тогда вопросы и пренія, излагаетъ недостатки и злоупотребленія, бывшія въ Польшѣ по всѣмъ этимъ частямъ, представляетъ планы и соображенія объ ихъ исправленіи. Онъ врагъ избирательнаго правленія. Оно можетъ быть хорошо только у дикихъ и отъ нихъ получило начало; въ наше время, при избирательномъ правленіи короны могутъ быть раздаваемы только деньгами, хитростями и кознями — говоритъ онъ. По его мнѣнію, надобно было ввести въ Польшѣ наслѣдственное правленіе и вручить корону какому-нибудь изъ сильныхъ сосѣдственныхъ царствующихъ домовъ. Если ужъ никакъ нельзя ввести наслѣдственности, то пусть, по крайней мѣрѣ, из-

бираютъ въ короли изъ своихъ, а не изъ чужихъ, и въ такомъ случаѣ предлагалъ такой оригинальный способъ: выбирать воеводъ большинствомъ голосовъ, и изъ всѣхъ воеводъ сеймъ пусть большинствомъ выберетъ третью часть въ кандидаты на королевское достоинство, а изъ нихъ, когда умретъ король, выбирается ему преемникъ жребіемъ. Увеличить войско онъ думалъ посредствомъ учрежденія военныхъ поселеній: слѣдовало освободить отъ панщины королевскихъ и панскихъ хлоповъ и надѣлить ихъ землею извѣстной пропорціи, и за эту землю водворенный на ней поселянинъ обязанъ ходить на ученье и втеченіи пятидесяти лѣтъ числиться въ военномъ званіи; вмѣсто прежнихъ подстаростъ, экономовъ и коммиссаровъ управляли бы ими офицеры. Онъ допускалъ мѣщанъ и крестьянъ къ участію въ дѣлахъ государственныхъ и давалъ имъ право посылать пословъ на сеймы и вообще уничтожалъ сословное различіе гражданскихъ правъ. Картину печальнаго состоянія крестьянъ въ то время Сташицъ изображаетъ, заставляя крестьянина разсказывать собственную біографію. Указывая на кучу книгъ, содержащихъ законы Рѣчи-Посполитой, польскій крестьянинъ говоритъ: «Въ этой кучѣ только нѣсколько тысячъ жителей находятъ для себя правосудіе, а нѣсколькимъ милліонамъ нѣтъ въ нихъ спасенія, и я изъ ихъ числа. Я сохранялъ Божіи заповѣди, жилъ по правиламъ религіи, считалъ свою судьбу волею Провидѣнія — меня гоняли на тяжелыя работы, посылали въ путь по дурнымъ дорогамъ, я терялъ свои заработки, и ни на кого не жаловался; никто мнѣ не могъ оказать правосудія, кромѣ моего пана, а я его не видалъ и никто изъ его подданныхъ не знавалъ его лично. Мой панъ запутался въ долгахъ и продалъ свое имѣніе шляхтичу. Новый владѣлецъ былъ намъ хуже тираномъ, чѣмъ прежніе экономы; онъ не зналъ надъ собой господина. Было у меня два сына: одинъ получилъ землю, другой безъ земли, безъ хлѣба остался и ушелъ учиться ремеслу. Панъ стращалъ меня суровыми наказаніями и приказывалъ доставить ему моего сына; меня посадили въ тюрьму и не выпускали, пока я не заплатилъ нѣсколько сотъ злотыхъ за моего сына. Меня, по этому, сочли богачемъ, и надѣясь взять съ меня еще болѣе, приказали забить въ колодку и держали до тѣхъ поръ, пока я не доставлю своего сына. Я жаловался на несправедливое обращеніе со мною: это сочли дерзостью, велѣли забрать у меня изъ дома все, мучили меня, ковали въ кандалы и запирали въ хлѣвъ. Я убѣжалъ изъ тюрьмы, но мнѣ нѣтъ правосудія въ здѣшнемъ краѣ: кто меня мучитъ, тотъ же мнѣ единственный судья. Въ вашихъ законахъ человѣкъ моего званія не находитъ обороны болѣе, чѣмъ скотъ.» По отношенію къ сосѣдямъ,

Сташицъ благоволитъ къ реформамъ Іосифа II, Россіи предсказываетъ внутреннія потрясенія на томъ основаніи, что тамъ народъ находился почти въ такой же неволѣ, какъ въ Польшѣ, а о бранденбургскомъ домѣ отзывается съ ненавистью: вспоминаетъ козни Фридриха II, впущеніе въ Польшу фальшивой монеты, насилія отъ прусскихъ войскъ и раздѣлъ Польши, котораго главнымъ виновникомъ признаетъ прусскаго короля. Сочиненіе Сташица вызвало противъ себя появленіе толстой книжечки подъ названіемъ «Размышленія надъ размышленіями». Авторъ проводитъ ту мысль, что корень зла надобно искать не въ учрежденіяхъ, а въ деморализаціи, и думаетъ, что многія учрежденія сами по себѣ не дурны и совсѣмъ не были бы вредны, еслибъ исправились нравы. Онъ сторонникъ избирательнаго правленія. «Многіе кричатъ противъ него — говоритъ онъ — толкуютъ о превосходствѣ наслѣдственнаго, а я питаю къ послѣднему прирожденное омерзѣніе; я не хочу считать выше себя того, кто не имѣетъ надо мною ни физическаго; ни нравственнаго превосходства, безгласнаго копронима, обвернутаго въ пурпурныя пеленки. Кому изъ сильныхъ сосѣдственныхъ царственныхъ домовъ отдавать польскую корону, когда они всѣ выродились и испортились? Высокомѣріе, упрямство, нетерпѣливость стали ихъ врожденными качествами; едва ли между ними найдется одна личность, которая бы обладала внутреннимъ сознаніемъ человѣчности. Говорятъ, элекціи нашихъ королей порождали междоусобія, безпорядки, кровопролитія. Но въ другихъ краяхъ споры за наслѣдство производили еще больше кровопролитій.» Онъ никакъ не соглашается допустить къ сеймамъ не-шляхетскія сословія. «Если, —говоритъ онъ,—эти земледѣльческія поселенія съ кучами крытыхъ соломой хижинъ, называемыя у насъ городами, допустить къ публичнымъ совѣщаніямъ, то отъ этой толпы, забитой неволею и нищетою, незнающей даже своихъ мѣстныхъ интересовъ, не имѣющей никакого понятія о политическихъ и гражданскихъ правахъ, можно ожидать не разумныхъ размышленій, а рабскаго молчанія, либо скотскаго мычанія. Мало-по-малу предводители кружковъ будутъ усиливать свои партіи ихъ голосами». Авторъ противится и освобожденію крестьянъ на томъ основаніи, что они не приготовлены къ принятію свободы. «Дать — говоритъ онъ — свободу народу, забитому и униженному до скотоподобія, значитъ большую часть полезныхъ тружениковъ пустить бродяжничать, красть и разбойничать». Онъ требуетъ подготовки даже и для того, чтобы замѣнить панщину оброкомъ. «Были примѣры — говоритъ этотъ публицистъ — что этихъ бѣдняковъ увольняли отъ панщины, а потомъ нужно было воротиться снова къ

панщинѣ, потому что хлопъ не хотѣлъ давать легкаго оброка и совсѣмъ опускался, такъ что нужно было владѣльцу спасать его отъ гибели.» Такими благовидными аргументами отстаивали обыватéли свою власть надъ рабочею силою хлопа. Достойно замѣчанія, что этотъ публицистъ дѣлается защитникомъ бранденбургскаго дома противъ Сташица. Нé за что, по его мнѣнію, нападать на него такъ ожесточѐнно за то, что онъ хочетъ распространить свои владѣнія; всѣ такъ поступали, когда могли; сама польская Рѣчь-Посполитая въ былыя времена не чужда была подобныхъ стремленій.

Очень важное значеніе въ ряду появлявшихся тогда брошюръ имѣли письма анонима къ будущему маршалу предстоявшаго сейма, вышедшія въ свѣтъ перваго августа 1788 года. Авторъ ихъ—извѣстный Гугонъ Коллонтай, коронный референдарій. Здѣсь съ обильною риторикою излагаются совѣты, какъ вести сеймъ и какого рода измѣненія и улучшенія предстоитъ сдѣлать въ Польшѣ. Письма эти важны потому, что многое, предначертанное Коллонтаемъ, дѣйствительно было постановлено на сеймѣ такъ, что письма эти въ извѣстной степени были и программою дѣйствій сейма. Только въ совѣтахъ, какъ вести себя на сеймѣ, авторъ совершенно не имѣлъ успѣха: на перекоръ нравоученіямъ Коллонтая, послы отличались впослѣдствіи тѣми именно пороками, отъ которыхъ онъ ихъ предостерегалъ: Коллонтай убѣждалъ ихъ не предаваться хвастливой и безплодной болтовнѣ, не лѣниться, не отвлекаться отъ главныхъ вопросовъ и не развлекаться мелочами, не задирать самолюбія товарищей, не заводить изъ-за этого ссоръ и не проводить ночей на пирахъ и на балахъ. Коллонтай не является сторонникомъ ни Россіи, ни Пруссіи, а хочетъ, чтобъ Рѣчь-Посполитая опиралась сама на себя. Онъ предполагаетъ увеличить войско до 60,000, именно, до того числа, до котораго сеймъ, намѣтивъ число крупнѣйшее, долженъ былъ спуститься; онъ требуетъ также увеличенія податей и при этомъ предлагаетъ простѣйшую систему налоговъ. По его плану, Рѣчь-Посполитая должна представлять федерацію изъ воеводствъ, которыя слѣдуетъ, какъ только возможно, округлить и сдѣлать похожими одно на другое по величинѣ, раздѣливъ каждое на четыре повѣта. Каждое воеводство должно на своемъ сеймикѣ выбирать себѣ судей и должностныхъ лицъ. На этихъ сеймикахъ выбираются и послы на великій сеймъ: имъ даются инструкціи, отъ которыхъ они не должны отступать; они только органы націи, передатчики воли ея, а не самобытные законодатели. Мелкая шляхта не допускается на сеймики, и этимъ отнимается у богатыхъ и знатныхъ пановъ возможность ворочать сеймиками; тамъ

могутъ участвовать и подавать голоса только тѣ, которые владѣютъ землею не менѣе $7^1/_2$ волокъ (до 150 нашихъ десятинъ), или платятъ до 500 злот. налога съ капитала. Кромѣ шляхты допускались на сеймики представители разныхъ корпорацій и уполномоченные отъ городовъ. Сеймъ долженъ быть соединительнымъ центромъ федераціи воеводствъ и состоять изъ двухъ Избъ: въ высшей были сенаторы и послы отъ шляхетства изъ воеводствъ (по два сенатора и по четыре посла отъ каждаго воеводства); во второй, низшей—послы городовъ, но выбранные не самими городами, а на воеводскихъ сеймикахъ, гдѣ были уполномоченные отъ городовъ (по три посла отъ каждаго воеводства). Для крестьянъ Коллонтай вымышлялъ трибуновъ, числомъ трехъ: одинъ изъ нихъ былъ бы маршаломъ низшей Избы. Ихъ обязанность была заступаться за интересы простого сельскаго народа; они выбирались шляхетскими послами на сеймѣ изъ особъ шляхетскаго званія. Понятно, что въ случаѣ столкновенія шляхетскихъ интересовъ съ крестьянскими, эти лица могли быть плохими заступниками послѣднихъ. Мѣщане хоть и допускались на сеймъ, но Коллонтай хотѣлъ поставить ихъ такъ, чтобъ шляхетство имѣло надъ ними преимущество; такимъ образомъ, послы городскіе выбирались не въ самыхъ городахъ, не безъ участія шляхетства, были въ числѣ меньшемъ противъ числа пословъ шляхетскаго званія, и, сверхъ того, низшая Изба была отстранена отъ нѣкоторыхъ государственныхъ дѣлъ, наприм. выбора министровъ и посланниковъ къ иностраннымъ дворамъ, заключенія договоровъ и всякихъ сношеній съ иностранными державами. Возведеніе въ шляхетское достоинство было также дѣломъ одной высшей Избы. Послы выбирались на шесть лѣтъ. Сеймъ дѣлался постояннымъ: на него возлагали не только законодательство, но и наблюденіе надъ исполненіемъ законовъ. Единогласіе уничтожалось; всѣ дѣла рѣшались большинствомъ голосовъ; королевское достоинство было наслѣдственно, но всѣ должностныя лица выборные, какъ по государственному управленію, такъ и по воеводствамъ. Прежній постоянный совѣтъ уничтожался, а вмѣсто него около короля составлялся совѣтъ изъ министровъ, подъ вѣдѣніемъ которыхъ находилось пять правительственныхъ коммиссій: скарбовая, войсковая, заграничная (иностранныхъ дѣлъ), полицейская и эдукаціонная. Коллонтай указывалъ на злоупотребленія, происходившія при раздачѣ королевщинъ въ староства, и совѣтовалъ всѣ такія имѣнія пустить въ продажу, а вмѣстѣ съ тѣмъ уничтожить старостинскіе и градскіе суды, замѣнивъ ихъ общими для всѣхъ земскими: мѣра эта, какъ извѣстно, была впослѣдствіи предпринята сеймомъ. Коллонтай

врагъ титуловъ и княжескихъ и графскихъ, но особенно ненавидитъ тѣ, которые нѣкогда получили начало въ придворной службѣ и въ послѣднее время не имѣли ровно никакого смысла, но щекотали суетность и тщеславіе. «Не понимаю — говоритъ онъ — какъ честолюбіе свободнаго обывателя можетъ плѣняться титуломъ честника (czesnik), мечника, крайчаго, подчашаго, ловчаго, пивничнаго, кухмистра. Все это или награды невольникамъ за ихъ службу, или занятія частныхъ лицъ, приспособительно къ ремесламъ и заработкамъ. Честникъ долженъ подавать кушанья [1]), мечникъ оправлять саблю, ловчій смотрѣть за псарнею, крайчій кроить и шить платье, подчашій и пивничный наблюдать надъ погребомъ и напитками, кухмистеръ готовить яства и т. д. Въ другихъ странахъ такія должности относятся только ко двору государя, а у насъ каждое воеводство, каждая земля, каждый повѣтъ, да еще къ тому отдѣльно, Корона и Литва, имѣютъ свои такого рода почетные чины. Уничтожимъ эти подобія и памятники монархической власти, не оставляя слѣда для узурпатора и приманки для тѣхъ, которыхъ низкій вкусъ влечетъ къ тому, чтобы получить значеніе въ воеводствѣ по признакамъ значенія при дворѣ!» Но Коллонтай, при своей нелюбви къ неравенству въ высшемъ сословіи, стоитъ, однако, за преимущества шляхетства: его будущая Польша все-таки шляхетская Рѣчь-Посполитая, только онъ хочетъ открыть къ шляхетству болѣе правильный доступъ: воинъ, получившій на сраженіи раны или отличившійся храбростію, гражданинъ спасшій жизнь ближнему или оказавшій какую-нибудь пользу отечеству, должны были награждаться допущеніемъ къ шляхетскому достоинству. Коллонтай заступается за хлоповъ: — «Нашъ земледѣлецъ—говоритъ онъ— въ шляхетскихъ имѣніяхъ сдѣлался вещію владѣльца и вопреки очевидному гласу природы, пересталъ быть личностію. Онъ отданъ на произволъ пана, связанъ легально неволею, сравненъ со скотомъ, запроданъ въ руки жида, погруженъ въ пьянство, въ невѣжество, въ нищету... Если почему, то по состоянію подданныхъ нашихъ можно сообразить, что такое польская свобода; и кто-жъ меня убѣдитъ, чтобы человѣкъ, который знаетъ и любитъ преимущества свободы, который содрогается предъ насиліемъ и беззаконіемъ, съ холоднымъ равнодушіемъ смотрѣлъ на порабощеніе равнаго ему человѣка?» Но Коллонтай, однако, предоставляетъ крестьянину личную свободу—и только. «Хлопъ—говоритъ онъ—не требуетъ большихъ жертвъ. Не требуетъ онъ напраснаго міроправленія (gminowładstwa), онъ желаетъ только есте-

[1]) Чествовать, частовать (малорос.).

ственнаго и гражданскаго правосудія. Отдадимъ ему то, что мы у него святотатственно похитили, въ чемъ мы нарушили божественное и человѣческое право, отдадимъ ему свободу его личности и его рукъ, и этотъ трудолюбивый народъ, который насъ кормитъ, обработываетъ наши поля, удвоитъ охоту къ труду и, привязавшись крѣпко къ землѣ, обогатитъ наше общество, увеличитъ наши доходы, полюбитъ отечество, сознаетъ, что оно истинное его отечество, тогда какъ теперь онъ едва разнится отъ скота». Коллонтай приглашаетъ сеймъ обратить особенное вниманіе на русскія земли, гдѣ такъ часто происходили явленія, которыхъ одно воспоминаніе приводило въ ужасъ поляковъ. Онъ совѣтуетъ припомнить гадячскій договоръ, который нарушила Рѣчь-Посполитая, и поправить ошибки предковъ въ этомъ отношеніи. Ему нравится въ этомъ памятникѣ XVII вѣка особенно то, что тогда постановлено было завести для Руси два университета. Коллонтай хочетъ, чтобы приняты были мѣры къ образованію русскаго духовенства, которое, съ своей стороны, будетъ стараться о просвѣщеніи народа.

Такой смыслъ имѣли эти письма одного изъ первыхъ виновниковъ переворота, наступившаго въ послѣдующее время.

Люди консервативной партіи выпускали также съ своей стороны брошюры. Изъ нихъ нельзя не обратить вниманія на одну подъ названіемъ: «Соображенія о политическихъ обстоятельствахъ по поводу обывательскаго задора;» она замѣчательна по вѣрному взгляду на вещи и благоразумному предвѣдѣнію будущаго.

«Всѣ наши сосѣди—говоритъ авторъ—занялись войною, которая теперь въ самомъ разгарѣ ведется въ отдаленныхъ странахъ; только одинъ изъ сосѣдей сохраняетъ спокойствіе, никуда не вмѣшивается, а выжидаетъ, пока другіе ослабѣютъ. Но этотъ сосѣдъ не утратилъ желанія увеличивать свои владѣнія, онъ только поступаетъ осторожно (авторъ разумѣетъ Пруссію). Можно ли допустить, чтобъ, въ то самое время, когда чужая политика созрѣетъ въ грозномъ для насъ образѣ, мы сдѣлались орудіемъ собственной нашей погибели, по причинѣ нашего безразсуднаго увлеченія? Торопливый задоръ взялъ у насъ верхъ надъ видами спасительной политики. Мы слѣдуемъ за побужденіями той непріязни и ожесточенія, которыя внѣдрило въ насъ вліяніе чуждой власти, вмѣшивавшейся въ наше внутреннее управленіе (авторъ разумѣетъ Россію); но мы не обращаемъ вниманія на то, что эта власть хочетъ только нашей политической слабости, а не погибели; напротивъ, для нея, болѣе чѣмъ для кого другого, нужно наше существованіе; мы поддаемся сердечному отвращенію къ ней и слушаемъ подущеній нашихъ прирожденныхъ непріятелей (нѣмцевъ); мы отвергаемъ все, что эта власть, ко взаимному

нашему интересу, можетъ намъ присовѣтовать, отвергаемъ всѣ способы, которые она хочетъ подавать намъ для нашего сохраненія; для насъ всѣ другія опасности не кажутся страшными, и мы обратимся всецѣло къ тому, чтобъ ей показать, какъ глубоко врѣзалась въ наше сердце память тѣхъ обидъ, которыя она намъ причинила, и насильно навязанной намъ зависимости. Что же ей, запутанной теперь въ войны съ разными сторонами, останется предпринять? Она отречется отъ мысли беречь насъ для своей пользы, и гнѣвъ противъ насъ и необходимость выпутаться изъ войны продиктуютъ ей иные виды: она или отдастъ насъ на жертву другимъ, или же съ охотою приметъ предлагаемую ей долю нашего отечества. До сихъ поръ отъ полнаго завоеванія насъ охраняетъ единственно то, что чужіе до этого не допускаютъ. Несчастные мы: будемъ знать, что торгъ идетъ не съ нами, а объ насъ!»

Кромѣ печатныхъ брошюръ, знатные паны, имѣвшіе по всей Польшѣ большія связи и кліентства, писали письма къ обывателямъ, указывали на многозначительность настоящаго времени, излагали важность предстоявшаго сейма, убѣждали содѣйствовать на сеймикахъ ихъ планамъ: составлять инструкціи въ указанномъ духѣ, выбирать подходящихъ пословъ, а къ тѣмъ, которыхъ хотѣли видѣть послами, писали приглашенія быть кандидатами. Обыватели, занятые своими пирами и ссорами, мало думавшіе о политикѣ и землестроеніи, теперь какъ будто отъ сна пробуждались, стали читать газеты, слѣдить за ходомъ европейскихъ дѣлъ; въ ихъ обществѣ поднялись толки о судьбѣ отечества; полученныя письма и брошюры открывали имъ, что Польша находится въ такомъ положеніи, что ей приходится выбирать что-нибудь либо одно, либо другое: съ одной стороны, Россія, ведя вмѣстѣ съ Австріею войну противъ Турціи, приглашала Польшу къ союзу съ собою; съ другой—нѣсколько европейскихъ державъ вооружали Польшу противъ Россіи и приглашали къ союзу съ собою. Смотря по тому, отъ кого получались письма, къ кому имѣли читатели болѣе довѣрія, такъ и настраивались. Однихъ заставляли всего лучшаго ожидать отъ Россіи, другихъ увѣряли, что Россія есть древній врагъ Польши, хочетъ лишить ее независимости и даже уничтожить; что Польшѣ слѣдуетъ пользоваться временемъ и примкнуть къ европейской коалиціи противъ Россіи. Всѣ чувствовали себя наканунѣ чего-то рѣшительнаго: предстоящему сейму заранѣе навязывали долгъ совершить великія перемѣны. Всѣ кричали объ улучшеніяхъ (poprawach), но въ чемъ состояли эти улучшенія, это не сознавалось ясно и согласно; только сходились на томъ, что нужно умножить войско, ибо возникшая по сосѣдству

война требуетъ предосторожности, и опытъ перваго раздѣла научилъ поляковъ, что значитъ не имѣть войска. Вообще же и на этотъ разъ волненія умовъ носили характеръ прежней неопредѣленности и необдуманности. Оппозиція стекалась въ Куровъ къ братьямъ Потоцкимъ, и еще болѣе въ Пулавы къ Чарторыскимъ.

Козьмянъ оставилъ намъ любопытное описаніе, какъ составился въ то время сеймикъ въ Люблинѣ, одинъ изъ самыхъ важныхъ, потому что оттуда вышли послы, отличавшіеся на сеймѣ дѣятельностью и прогрессивнымъ направленіемъ. Адамъ Чарторыскій съ своею супругою въ Пулавахъ задавали шумные и блестящіе пиры. Къ нимъ съѣзжались братья Потоцкіе—Игнатій и Станиславъ, Северинъ и Янъ Потоцкіе, Петръ Потоцкій, Длускій, Витославскій, Северинъ Ржевускій, множество обывателей и духовныхъ. Хотѣли заманить Щенснаго Потоцкаго: онъ былъ тогда въ апогеѣ своей славы; онъ подарилъ Рѣчи-Посполитой 12 пушекъ, и обѣщалъ снарядить на свой счетъ цѣлый полкъ; вся Польша кричала, что онъ великій патріотъ. Въ честь его въ Пулавахъ приготовили театръ и хотѣли играть пьесу «Мать спартанка», но Щенсный не пріѣхалъ къ большой досадѣ всѣхъ гостей. Пропировавши и протанцовавши нѣсколько дней, обыватели, размягченные гостепріимствомъ хозяевъ, обѣщали выбрать Чарторыскаго посломъ. Гости, будучи навеселѣ, нѣсколько соблазнились тѣмъ, что онъ надѣлъ мундиръ австрійской службы, но панъ Витославскій объяснилъ, что Чарторыскій имѣетъ обычай нѣсколько разъ въ день наряжаться въ разные костюмы. Въ угоду гостямъ, Чарторыскій тотчасъ надѣлъ воеводскій мундиръ и выпилъ чашу венгерскаго за здоровье люблинскихъ обывателей. Послѣ обѣда и взаимныхъ объятій съ гостями, хозяинъ сталъ у камина, турокъ подалъ ему трубку съ богато украшеннымъ длиннымъ чубукомъ и зажегъ вѣткою изъ алоэ. Тутъ ему подвернулся на глаза между обывателями нѣкто Янъ Дмоховскій, буянъ на сеймикахъ, королевскій пленипотентъ. Князь, глянувъ на него, приказалъ подать себѣ кубокъ шампанскаго, выпилъ за здоровье пріятелей, и отдавая Дмоховскому, сказалъ: «панъ Дмоховскій, можетъ быть ты задумалъ стоять противъ меня на сеймикахъ? Смотри же, помни сударь, я не Дмоховскій». Это было предвѣстіемъ ссоры, но подбѣжала княгиня и сказала мужу: «иди спать, ты буянишь когда выпьешь», и вмѣстѣ съ тѣмъ приказала убрать бутылки и кубки. Князь разсмѣялся, наговорилъ всѣмъ вѣжливостей и ушелъ. Подпившіе гости у него въ домѣ окончательно порѣшили, кого слѣдуетъ выбрать.

Настало время сеймиковъ. Козьмянъ разсказываетъ, какъ онъ пріѣзжалъ тогда на сеймикъ съ отцомъ своимъ. «Когда мы про-

ѣзжали черезъ люблинскую треблю—говоритъ онъ—насъ поразилъ огромный обозъ, словно татарское кочевье, на урочищѣ Татарахъ, на правой сторонѣ отъ плотины. Мы увидали бѣлые шатры на жердяхъ, покрытые кусками матеріи, шалаши изъ хворосту; передъ нами пылали костры, рѣзали воловъ и пекли на рожнахъ огромные куски мяса; у столовъ и у стульевъ сидѣла кучами шляхта и пожирала кушанье; другіе припали къ бочкамъ съ пивомъ, медомъ, горѣлкою, черпали оттуда напитки стклянищами, гарнцами, жбанами и кричали: виватъ! Иные сбились въ кружки, пробовали свои палаши и рубились между собою. Табунъ лошадей пасся между ними; нѣсколько сотъ подлясскихъ повозокъ въ одну лошадь, съ поднятыми въ верхъ оглоблями, окружали обозъ и образовали таборъ. «Что это такое»? спросилъ мой отецъ, встрѣтивъ нѣсколько шляхтичей на плотинѣ.—Это подлясская партія нашего князя, сказали ему. Мы поѣхали на предмѣстье къ доминиканамъ и встрѣчали по дорогѣ бродящія толпы шляхты, въ капотахъ и епанчахъ, съ саблями, и съ трудомъ могли добраться до каменнаго строенія. Едва мой отецъ успѣлъ перемѣнить платье, какъ къ нему пришло нѣсколько обывателей, городскихъ и сельскихъ, съ жалобою, что нѣтъ никакой безопасности въ городѣ; головы нельзя высунуть на улицу — отрубятъ; въ городѣ и на Жидахъ (часть Люблина) заперли лавки; шляхта ихъ отбиваетъ и товары грабитъ. Пьяные напали на почтеннаго обывателя Янишевскаго и изранили его, вообразивъ, что это Дмоховскій, потому что онъ былъ рыжій и низкорослый, хотя одинъ изъ нихъ ходилъ прямо, а другой хромалъ; его, раненаго, чуть спасъ братъ и унесъ домой. На люблинскаго хорунжаго Понятовскаго напали на улицѣ и хотѣли сорвать съ него саблю съ богатою рукояткою; дошло до свалки, да отважный старикъ сталъ противъ нихъ смѣло и крѣпко; тутъ пріятели его прибѣжали и разогнали назойливую сволочь. Меценасу и осѣдлому въ городѣ обывателю выбили окна: онъ было сталъ имъ выговаривать, что непристойно шляхтѣ дѣлать насилія и грабежи; а они ему отвѣчали каменьями и ранили его въ голову. Обыватели просили моего отца ходатайствовать у князя, чтобъ онъ приказалъ вывести изъ города эту полудикую орду, запретилъ поить ее и впускать въ городъ. Въ день сеймика всѣ пошли въ костелъ. Хотя въ то время и не ожидали буйства и все, казалось, должно было обойтись покойно, однако я увидѣлъ, что одинъ только Чарторыскій былъ въ парикѣ, въ шляпѣ и въ мундирѣ люблинскаго воеводства, а другіе паны, которыхъ выбирали въ послы: Станиславъ Потоцкій, Ржевускій, Сангушко, надѣли на голову шапки туго настеганныя ватою и, вмѣсто

шпагъ, привѣсили палаши на перевязяхъ. Вся толпа не могла помѣститься въ костелѣ, не малая часть шляхты оставалась на лугу надъ Быстрицею, у шатровъ и у бочекъ; другая наполняла корридоры и дворъ монастыря; ея хвостъ волочился по улицамъ. Сеймикъ окончился, однако, спокойно; единогласно выкрикнули всѣхъ кандидатовъ, и къ нимъ присоединился стольникъ Выбрановскій, сѣдой и почтенный обыватель люблинскаго воеводства; шляхта принесла его и другихъ передъ маршальскій столъ; князь въ короткихъ словахъ поблагодарилъ братію за выборъ. Тутъ я въ первый разъ услышалъ выразительную, произнесенную безъ подготовки, рѣчь Станислава Потоцкаго. По выходѣ изъ костела, всѣ обыватели отправились обѣдать къ князю. По приготовленіи Laudum (постановленія) и инструкціи для выбранныхъ пословъ, стали разъѣзжаться и развозить шляхту; исчезъ таборъ съ луга, но еще цѣлую недѣлю послѣ того по городу шатались повѣсы съ саблями. На этомъ сеймикѣ, какъ обыкновенно бывало на каждомъ, два-три шляхтича опились, другіе, пьяные, слетѣли со второго яруса и убились или расшиблись.»

Эти краснорѣчивые факты показываютъ, что, для начала преобразованій, о которыхъ толковали, употребляли старые пріемы. На этотъ сеймъ, послѣдній въ исторіи Рѣчи-Посполитой, составленный не по волѣ чужой власти, послы выбирались не по сознательной волѣ гражданъ, а посредствомъ подкупа и подпоя шляхетской толпы, точно также, какъ и на всѣ предшествовавшіе сеймы въ теченіи вѣковъ. Это одно затрудняло и даже дѣлало почти невозможнымъ истинное возрожденіе націи. Инструкціи, опредѣлявшія дѣйствія пословъ, писались по волѣ могучихъ пановъ, какъ и прежде дѣлалось. Тогда какъ въ люблинскомъ воеводствѣ заправляли выборами паны прусской партіи, въ южнорусскихъ краяхъ подбирали партію Щенсный Потоцкій и Браницкій, и они также обсыпали золотомъ и опаивали виномъ шляхту, настраивая ее выбирать людей противнаго направленія.

Современникъ Охоцкій говоритъ, что, подъ вліяніемъ Щенснаго Потоцкаго, на брацлавскомъ сеймикѣ въ инструкціи посламъ были заявленія объ улучшеніи участи хлоповъ: вопросъ этотъ всегда обходило шляхетство, и только Щенсному, при его силѣ, возможно было произвести такое необычное дѣло. Самъ Щенсный руководился въ этомъ случаѣ вліяніемъ извѣстнаго тогда поэта Трембицкаго, который проживалъ у него.

Браницкій, черезъ посредство Потемкина, хлопоталъ у Екатерины, чтобъ ему было дозволено составить конфедераціи и потомъ соединить ихъ во единую. Въ этомъ духѣ Потемкинъ подавалъ государынѣ проектъ. Въ немъ доказывалось, что до-

зволить въ Варшавѣ составить конфедерацію опасно. Внушалось опасеніе, что въ конфедерацію, составленную такимъ образомъ послѣ съѣзда сеймовыхъ пословъ, войдутъ люди убѣжденій, противныхъ Россіи, и такая конфедерація не будетъ оставаться въ зависимости отъ русскаго двора, а подвергнется вліянію иностранныхъ министровъ, станетъ препятствовать военнымъ операціямъ Россіи и сдѣлается вообще болѣе вредною для ней, чѣмъ полезною: король не станетъ служить видамъ Россіи, а будетъ преслѣдовать свои собственные виды. Гораздо безопаснѣе составить конфедерацію изъ отдѣльныхъ лицъ, которые не посмѣютъ нарушать обязательствъ къ Россіи, изъ опасенія навлечь на себя страшный для нихъ ея гнѣвъ. Нужно при этомъ стараться, чтобъ въ конфедерацію не входили люди нерасположенные къ Россіи; для этого нужно собрать войско подъ начальствомъ Браницкаго и Потоцкаго, присоединить къ нему, для усиленія войска, часть россійскаго и тогда составить конфедерацію изъ тѣхъ, на которыхъ можно понадѣяться, а для того, чтобъ купить такихъ людей, нужно получить отъ Россіи двѣсти тысячъ червонцевъ. Проектъ этотъ замѣчателенъ тѣмъ, что онъ дѣйствительно осуществился, но не теперь, а чрезъ нѣсколько лѣтъ, въ 1792 г.; тарговицкая конфедерація существовала въ теоріи еще въ 1788 году: это показываетъ, что въ свое время она вытекала изъ необходимости и была неизбѣжна какъ явленіе, сложившееся прежними обстоятельствами. По плану Потемкина, конфедерація, составленная подъ принужденіемъ со стороны Россіи, заключила бы союзъ Польши съ Россіею и сдѣлала бы короля и все правительство орудіемъ Россіи; но тогда Браницкій, Ржевускій, Щенсный Потоцкій, Валевскій и проч. правили бы всею Рѣчью-Посполитою, учредили бы свои суды, давали бы, кому хотѣли, должности, распоряжались бы произвольно казною и вообще поступали такъ, какъ только можно въ анархіи и какъ дѣлалось во время конфедерацій. Екатерина отвергла этотъ проектъ, потому что не видѣла необходимости въ то время возбуждать и поддерживать смуту въ Польшѣ. Въ своихъ замѣчаніяхъ на проектъ Потемкина императрица выразилась, что для Россіи нѣтъ пользы, чтобы Польша сдѣлалась активнѣе, и потому хотѣла, чтобъ дѣятельность предстоявшаго сейма ограничилась заключеніемъ союза съ Россіею, но вмѣстѣ съ тѣмъ, она требовала, чтобы конституція, уже существовавшая, оставалась непоколебимою, ибо она была гарантирована императрицею. По ея соображеніямъ, эта конституція была достаточна для того, чтобъ въ Польшѣ могли происходить внутреннія улучшенія, не вредныя для Россіи. По плану Екатерины, слѣдовало собрать чрезвычайный сеймъ; этотъ сеймъ

долженъ конфедероваться, а потомъ изъ среды своей выбрать делегацію, которая была бы уполномочена заключить союзъ съ Россіею. «Составленіе въ Польшѣ конфедерацій по провинціямъ, говорила императрица, имѣетъ видъ бунта, и такой образъ дѣйствія можетъ прежде всего прусскому королю подать поводъ составить съ своей стороны другую конфедерацію, или по крайней мѣрѣ, поддерживать ту, которую устроятъ поляки. Подобные внутренніе бунты должны будутъ отвлечь въ Польшу часть русскаго войска для ихъ усмиренія». Екатерина отдавала справедливость приватнымъ лицамъ, о расположеніи которыхъ намекалось въ проектѣ, но замѣчала, что она не думаетъ, чтобъ король забылъ долгъ благодарности и собственную безопасность, и склонился бы къ видамъ, противнымъ Россіи. Поэтому Штакельбергъ получилъ предписаніе содѣйствовать тому, чтобъ сеймъ въ Варшавѣ сконфедеровался, чтобъ онъ также, какъ сеймъ, рѣшившій первый раздѣлъ, продолжался не болѣе шести недѣль и былъ лимитованъ (временно закрытъ), а потомъ возобновленъ по надобности для учрежденій.

Послы собрались въ октябрѣ 1788 года, и Штакельбергъ, до тѣхъ поръ считавшій Станислава Малаховскаго преданнымъ Россіи, увидалъ, что онъ заурядъ съ братьями Потоцкими чаетъ спасенія отъ Пруссіи. Это парализировало русскаго посланника. Онъ хотѣлъ препятствовать избранію его въ маршалы, сталъ покровительствовать Щенсному Потоцкому, но уже было поздно. На первомъ засѣданіи, маршалъ предшествовавшаго сейма огласилъ выборъ новаго маршала. Нѣсколько голосовъ изъ Литвы и Руси закричало: Щенснаго Потоцкаго! Но шестьдесятъ голосовъ королевской партіи въ свою очередь закричали: «Нѣтъ на то согласія. Пана Станислава Малаховскаго короннаго референдарія просимъ маршалкомъ!» За ними закричали: Малаховскаго! великополяне, а потомъ послы литовскіе и русскіе увлеклись въ пользу Малаховскаго и измѣнили Щенсному. Въ это время Петръ Потоцкій староста Щержецкій, какъ бы ради поддержанія чести рода Потоцкихъ, предложилъ себя въ кандидаты на маршальство. Но то была только комедія. Этому пану хотѣлось разыграть передъ всѣми великодушнаго и благороднаго человѣка. Онъ былъ панъ съ кредитомъ, а поэтому нашелъ кружокъ пановъ, преимущественно изъ Подлясья. Они стали поддерживать его, измѣнивъ Малаховскому. Засѣданіе разстроилось. На другой день нужно было рѣшить споръ баллотировкою. Тогда Петръ Потоцкій объявилъ, что, изъ уваженія къ такой почтенной личности, какъ панъ Малаховскій, онъ отступается отъ своей кандидатуры. Въ награду ему посыпались похвалы его аристидов-

ской доблести. Малаховскій единогласно сдѣлался маршаломъ. Щенсный, проглотивъ оскорбленіе, показывалъ видъ, что не чувствуетъ его и отправился къ Малаховскому съ поздравленіемъ. Маршаломъ литовскимъ или литовской конфедераціи на сеймѣ избранъ Казимиръ-Несторъ Сапѣга.

III.

Открытіе сейма.—Прусскія внушенія.—Увеличеніе войска.—Уничтоженіе военнаго департамента.—Учрежденіе военной коммиссіи.

По избраніи маршала, обѣ Избы: сенаторская и посольская, соединились въ одну сеймовую. Засѣданія съ 7-го октября стали отправляться въ большой залѣ, въ лѣвой сторонѣ варшавскаго замка (отъ главныхъ воротъ съ Краковскаго предмѣстья). Король приходилъ въ засѣданіе, торжественно предшествуемый четырьмя маршалами (двумя великими и двумя коронными) и окруженный сенаторами, и садился на тронѣ. Сенаторы засѣдали въ креслахъ, послы на лавкахъ. Въ залѣ, по бокамъ, за лавками и на хорахъ толпились арбитры, то-есть, посторонніе посѣтители; ихъ было очень много; тогда въ Варшаву наѣхали обыватели съ тѣмъ, чтобъ слѣдить за дѣлами сейма: это не были безгласные зрители; напротивъ, они своими знаками одобренія или порицанія, рукоплесканіями или шиканьями давали направленіе и перевѣсъ сеймовымъ преніямъ, тѣмъ болѣе, что въ числѣ публики были дамы, владѣвшія сердцами пословъ. Когда шла рѣчь о дѣлахъ иностранной политики, требующихъ секрета, арбитровъ удаляли, но они не всегда слушались. Въ важныхъ случаяхъ проекты разсматривались предварительно на провинціальныхъ засѣданіяхъ, которыя отправлялись коронными послами у сеймоваго маршала Малаховскаго, а литовскими—у Сапѣги или Радзивилла.

Намѣреніе короля было предложить сейму союзъ съ Россіею, но, при самомъ открытіи засѣданій, онъ нашелъ, что раздраженіе противъ Россіи уже сильно раздуто прусскою партіею, и прусскій министръ Бухгольцъ отъ 1 (12) октября подалъ ноту, которая, съ перваго раза, преградила возможность выступить съ проектомъ союза съ Россіею. Нота эта была такого содержанія:

«Въ концѣ августа текущаго года, графъ Штакельбергъ, россійскій посланникъ, оффиціально сообщилъ нижеподписавшемуся, что императрица россійская вознамѣрилась на предстоящемъ сеймѣ предложить заключеніе союза съ королемъ и Рѣчью-Посполитою, котораго цѣлію будетъ безопасность и цѣлость Польши

и оборона противъ общаго непріятеля. Нижеподписавшійся доложилъ объ этомъ своему государю, и вслѣдствіе полученнаго приказанія отвѣчалъ графу Штакельбергу, что его величество, король его, также предлагаетъ возобновить издавна существующіе между Пруссіею и Польшею договоры, потому что выгоды этой сосѣдней націи интересуютъ его королевское величество не менѣе, какъ и другія государства. Такъ какъ предполагаемый между Польшею и Россіею союзъ имѣетъ главною цѣлію сохраненіе цѣлости Польши, то его величество прусскій король не видитъ ни пользы, ни нужды въ такомъ союзѣ, потому что цѣлость Польши достаточно обезпечена послѣдними договорами. Нельзя предполагать, чтобъ договоры эти могли быть нарушены россійскою императрицею или римскимъ императоромъ. Съ своей стороны, его величество прусскій король приглашаетъ благомыслящую часть польскаго народа засвидѣтельствовать о неизмѣнной его пріязни къ этому народу. Его величество прусскій король вынужденъ торжественно протестовать противъ намѣреній такого союза, если бы онъ былъ обращенъ противъ его королевскаго величества, и въ такомъ случаѣ не можетъ не видѣть, что онъ замышляется съ цѣлію разорвать доброе согласіе и доброе сосѣдство, утвержденное торжественными договорами между Пруссіею и Польшею. Если же этотъ союзъ можетъ быть направленъ противъ общаго врага, то-есть, противъ Оттоманской Порты, то этимъ нарушается карловицкій миръ, и каждый благоразумный полякъ легко пойметъ, какъ трудно было бы охранить отечество отъ близкаго, многочисленнаго и счастливаго въ войнѣ непріятеля. Поэтому онъ полагаетъ, что тѣ, которые бы старались о заключеніи союза противъ Порты, подобнымъ поступкомъ увольняли бы короля, по силѣ шестой статьи договора 1773 г., отъ гарантіи цѣлости областей Рѣчи-Посполитой, потому что въ этомъ договорѣ ясно исключенъ случай войны между Польшею и Портою. Его величество отнюдь не противится, чтобъ Рѣчь-Посполитая возвела свою военную силу на высшую степень значенія. Прусскій король надѣется, что наияснѣйшіе чины Рѣчи-Посполитой, для блага своихъ владѣній, пожелаютъ не разрывать узы искреннѣйшей дружбы, постояннаго и вѣчнаго мира. Если жъ бы, вопреки ожиданію, пожелали приступить къ заключенію вышеупомянутаго союза, то, въ такомъ случаѣ, его величество прусскій король предлагаетъ наияснѣйшей Рѣчи-Посполитой отъ себя такой же союзъ и возобновленіе существующихъ между Польшею и Пруссіею договоровъ. Его королевское величество считаетъ себя въ состояніи обезопасить собственность Рѣчи-Посполитой въ такой же степени, какъ и всякое другое государство.

Его величество прусскій король приглашаетъ всѣхъ истинныхъ патріотовъ и добрыхъ обывателей польскихъ соединиться съ нимъ, въ видахъ отвращенія отъ Польши взаимными средствами тѣхъ великихъ несчастій и бѣдствій, которыя ей угрожаютъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, его величество прусскій король обѣщаетъ дать имъ всякую помощь и дѣйствительнѣйшее пособіе въ видахъ поддержанія независимости, свободы и безопасности Польши.»

Вмѣстѣ съ тѣмъ, Бухгольцъ сообщилъ секретно ноту Оттоманской Порты. Въ ней, отъ имени султана, изъявлялась жалоба на Россію за то, что она не допускаетъ поляковъ устроить въ своемъ государствѣ перемѣны. Россія хочетъ держать поляковъ въ качествѣ своихъ невольниковъ. Неслыханное дѣло — было сказано въ турецкой нотѣ — чтобъ народъ народу препятствовалъ составлять планы для своего управленія. Вотъ несомнѣнное доказательство, что Россія хочетъ распространить свое могущество на всѣхъ своихъ сосѣдей; поэтому, если Польша станетъ просить для своего избавленія отъ притѣсненій Россіи помощи, то султанъ съ великимъ удовольствіемъ исполнитъ обязанности дружбы, существующей между Польшею и Портою, и покажетъ себя опорою слабыхъ и бичемъ высокомѣрныхъ, потому что Богъ далъ ему право охранять слабыхъ и взывающихъ о помощи и защитѣ. Бухгольцъ добавлялъ словами то, что изложилъ въ своей нотѣ, и увѣрялъ пановъ, что Пруссія немедленно пошлетъ сорокъ тысячъ войска для охраненія Польши, если только Россія вздумаетъ мстить ей за сверженіе съ себя зависимости. Англійскій и шведскій посланники также возстановляли поляковъ противъ Россіи. Въ такихъ обстоятельствахъ союзъ съ Россіею казался рѣшительно невозможнымъ дѣломъ. Заключить его — значило вооружить противъ себя Европу. Польша, казалось, должна была подвергнуть себя въ такомъ случаѣ немедленно вторженію непріязненныхъ войскъ. Турція, Швеція, а потомъ и Пруссія, послали бы противъ нея свои силы. Такимъ образомъ и тѣ, которые искренно желали этого союза, должны были пріостановиться и мало-по-малу склоняться къ инымъ убѣжденіямъ. Предложенія враговъ Россіи оказывались гораздо выгоднѣе и надежнѣе. Императрица хотѣла только союза, но не изъявляла желанія дозволить полякамъ производить перемѣны въ своемъ государствѣ, выходя изъ предѣловъ, данныхъ имъ въ основы правленія, тогда какъ Пруссія заохочивала ихъ къ кореннымъ преобразованіямъ, предоставляла имъ полную свободу дѣйствій, и пока не только ничего для себя не требовала, но еще безкорыстно обѣщала помощь. Число сторонниковъ Пруссіи возрасло мгновенно. Нѣкоторые паны и послы, до сихъ поръ колебавшіеся,

открыто заявляли себя на сторонѣ Пруссіи. Въ числѣ ихъ былъ Радзивиллъ, Panie Kochanku, который, по своему обычаю, вѣчно пьяный, сапѣлъ и дремалъ въ избѣ, сидя въ сенаторскомъ креслѣ, щеголяя краснымъ бархатнымъ кунтушемъ съ бриллiантовою застежкою, посреди которой сверкалъ крупный карбункулъ, богато оправленной корабелею, и большими усами. За нимъ его многочисленные кліенты, каждый день опивавшіеся у него въ палацѣ, стали превозносить Пруссію и бранить Россію.

При такомъ настроеніи, сеймъ далъ слѣдующій отвѣтъ прусскому министру чрезъ своихъ маршалковъ:

«Нижеподписавшіеся, по приказанію короля и чиновъ Рѣчи-Посполитой, въ настоящемъ конфедерованномъ сеймѣ, честь имѣютъ сообщить г. фонъ-Бухгольцу, послу е. в. короля прусскаго, отвѣтъ, сообразно чувствованіямъ его королевскаго величества прусскаго короля, изложеннымъ въ деклараціи отъ 12-го октября. По прочтеніи означенной деклараціи, все собраніе чиновъ прониклось чувствомъ живѣйшей и искреннѣйшей благодарности, подобающей великодушному образу мыслей короля, сосѣда и друга, который, охраняя цѣлость Польши, укрѣпляетъ особеннымъ увѣреніемъ прочность союза и утверждаетъ существующее въ народѣ мнѣніе о немъ, какъ о могущественнѣйшемъ и добродѣтельнѣйшемъ государѣ! Проектъ союза между Польшею и Россіею не находится въ совѣтѣ, не представленъ на сеймѣ сконфедерованнымъ чинамъ государства, не сдѣлался цѣлію настоящей конфедераціи, которая, сообразно всеобщей волѣ народа и поданнымъ отъ трона предложеніямъ, обратитъ всѣ труды свои и усилія къ увеличенію податей и умноженію войска Рѣчи-Посполитой, не съ наступательною, но съ оборонительною цѣлію, дабы Рѣчь-Посполитая могла защищать и поддерживать свое достояніе и свое свободное правительство. Если-жъ бы, въ ряду сеймовыхъ работъ для вышеозначенныхъ цѣлей, подано было предложеніе и проектъ какого-либо союза, то Рѣчь-Посполитая, по существу сеймовыхъ занятій обязанная въ дѣйствіяхъ своихъ идти явными шагами, не можетъ и не желаетъ скрывать своего поведенія, всегда сообразуясь съ независимостію, приличною своей самостоятельности, съ указаніями публики и священнаго для ней права, съ правилами осторожности и должнаго вниманія къ дружескимъ чувствованіямъ его величества прусскаго короля; а такъ какъ народная воля, всегда справедливая и явная, руководитъ занятіями настоящаго сейма, то собранные чины Рѣчи-Посполитой нераздѣльно и единогласно приложатъ всяческое усиліе, чтобы въ мнѣніи его королевскаго величества заслужить лестное одобреніе своему просвѣщенному патріотизму.»

Король Станиславъ-Августъ предостерегалъ сеймъ, убѣждалъ не раздражать Россіи и не довѣрять Пруссіи. «Сосѣди наши заняты войной — говорилъ онъ — и вы хотите, слѣдуя сердечнымъ побужденіямъ, оскорблять Россію, которая совсѣмъ не хочетъ нашего уничтоженія; вы отдаетесь съ довѣріемъ державѣ, которая уклоняется отъ войны единственно съ желаніемъ собрать силы, чтобы, въ удобное время, сдѣлать насчетъ насъ новыя пріобрѣтенія. Мы можемъ надѣлать Россіи затрудненій, но это доведетъ ее до того, что она принуждена будетъ отдать насъ на жертву судьбѣ нашей, или принять отъ другихъ предложенную ей часть нашего отечества». Братъ короля, примасъ, говорилъ противъ Пруссіи еще рѣзче и вспоминалъ разныя несправедливости, испытанныя Польшею отъ этой сосѣдней державы. Противъ него сильно кричали, восхваляли Пруссію и бранили Россію Сухоржевскій, Суходольскій и Кублицкій, люди, всѣ, впослѣдствіи, служившіе Россіи. Бухгольцъ, услышавъ, что происходитъ на сеймѣ, написалъ ноту, гдѣ выразилъ надежду, что государственные чины не увлекутся внушеніями духа пристрастія, надѣвающаго личину патріотизма съ цѣлью отвлечь Рѣчь-Посполитую отъ прусскаго короля, ея давняго и искренняго союзника. Вмѣстѣ съ тѣмъ прусскій министръ, отъ имени своего короля, побуждалъ сеймъ какъ можно дѣятельнѣе работать надъ реформой.

Первымъ дѣломъ было умноженіе войска. Лэнчицкій посолъ Ермановскій говорилъ: «Значеніе Польши упало въ ряду европейскихъ державъ съ тѣхъ поръ, какъ уменьшилось наше войско. Иноземныя войска проходили черезъ наши земли, назначали себѣ здѣсь стоянки; насъ никто не призывалъ на помощь, никто не дорожилъ союзомъ съ нами, упалъ духъ старопольскаго мужества, не стало охоты къ военному дѣлу. Поляки праздно и лѣниво проводили время. Только обладаніе военною силою можетъ насъ поднять». Но другіе представляли неудобства проистекающія для страны отъ содержанія большого войска, вспоминали какъ въ старину реестровое войско возбуждало жалобы шляхетства, какъ жолнеры наѣзжали на шляхетскіе домы, брали подводы, не щадили ни шляхетскихъ, ни духовныхъ имѣній. Увеличеніе войска однако не производило слишкомъ горячихъ споровъ. Въ засѣданіе, 20-го октября, рѣшено было увеличить войско до ста тысячъ. Но такое число легко было только написать. Надобно было содержать это войско. Нужны были средства. До сихъ поръ на войско Рѣчи-Посполитой тратилось шесть милліоновъ злотыхъ, теперь по смѣтѣ находили, что нужно было сорокъ милліоновъ; слѣдовало отыскать недостающіе тридцать че-

тыре милліона. Не меньше того нужно было установить и правильное начальство надъ войскомъ. Сверхъ того, по обычнымъ понятіямъ, нужно было еще, чтобы войско не сдѣлалось опаснымъ орудіемъ для ограниченія свободы Рѣчи-Посполитой. Прежнее уменьшеніе войска въ Польшѣ было слѣдствіемъ ревнивой осторожности и боязни за шляхетскую свободу. Поляки издавна опасались, чтобы у королей не было въ распоряженіи военной силы; теперь повторялась таже извѣстная пѣсня. Прежде опасеніе оправдывалось тѣмъ, что польскіе короли были чужестранные принцы, не связанные съ Польшею ни происхожденіемъ, ни воспитаніемъ. Теперь, хотя, на престолѣ царствовалъ природный полякъ, но его считали подручникомъ и орудіемъ Екатерины. Когда зашла рѣчь о начальствѣ, холмскій посолъ Суходольскій предложилъ уничтожить военный департаментъ, установленный конституціею 1775 года, какъ отдѣлъ постояннаго совѣта. Это было первое посягательство на конституцію, данную Россіею и гарантированную ею. Король былъ противъ. Еще смѣлость противъ Россіи не шагнула слишкомъ далеко; еще не всѣ были увѣрены, что Россія ослабѣвала. Когда начали собирать голоса, то шестьдесятъ голосовъ были съ королемъ за сохраненіе военнаго департамента. Но когда, потомъ, сдѣлана была секретная баллотировка, то число защитниковъ спало до семи. Очевидно, что многіе хотѣли того же, чего и другіе, да не были слишкомъ смѣлы. Эта двуличность такъ поразила короля, что онъ сдѣлался нездоровъ. Споръ о начальствѣ шелъ нѣсколько дней. Патріоты ни за что не хотѣли допустить ни короля, ни гетмановъ къ начальству надъ войскомъ, чтобы не было, какъ говорили они, государства въ государствѣ. Люблинскій посолъ Станиславъ Потоцкій предложилъ учредить коммиссію, которая зависѣла бы не отъ короля, а отъ сейма. Его единомышленники развивали мысль, чтобъ въ этой коммиссіи гражданское начало брало верхъ надъ военнымъ. Рѣзкимъ противникомъ ихъ былъ тогда черскій каштелянъ Островскій. Главнымъ неудобствомъ принять проектъ Потоцкаго онъ выставлялъ то обстоятельство, что эта коммиссія въ промежуткѣ отъ одного сейма до другого будетъ оставаться безъ всякаго надзора. Послѣ многихъ споровъ, 3-го ноября, большинствомъ восемнадцати голосовъ, рѣшено было подчинить военную силу верховной власти войсковой коммиссіи. Въ случаѣ, еслибъ эта коммиссія употребила во зло свою власть, она отвѣчала передъ сеймовымъ судомъ, который долженъ быть составленъ изъ шести сенаторовъ, четырехъ министровъ (маршала, гетмана, печатника и подскарбія) и двадцати четырехъ пословъ, по ровному числу выбранныхъ отъ каждой изъ трехъ

провинцій: малопольской, великопольской и литовской. Военный департаментъ уничтоженъ.

Вслѣдъ за тѣмъ, русскій посланникъ Штакельбергъ представилъ, 5-го ноября, ноту на сеймъ такого содержанія: «Нижеподписавшійся, чрезвычайный уполномоченный посолъ ея императорскаго величества императрицы всероссійской, хотѣлъ оставаться въ молчаніи и потому не дѣлалъ никакихъ съ своей стороны заявленій относительно учиненныхъ свѣтлѣйшими чинами Рѣчи-Посполитой постановленій, которыя, хотя и нарушили конституцію 1776 года, заключенную съ тремя дворами, но еще не разорвали прямо акта гарантіи 1775 года. Повелѣнія ея императорскаго величества всегда дышали чувствами дружбы къ народу польскому, такъ что нижеподписавшійся желалъ бы не быть приведеннымъ къ непріятной необходимости протестовать противъ нарушенія формы правленія, освященнаго торжественнымъ актомъ гарантіи 1775 года. Но мысль, заключающаяся въ разныхъ проектахъ, имѣющая цѣлью полное ниспроверженіе правительства, предписываетъ нижеподписавшемуся потребность объявить, что ея величество, съ сожалѣніемъ отказываясь отъ дружбы, которую питала къ королю и Рѣчи-Посполитой, не можетъ смотрѣть на малѣйшую отмѣну конституціи 1775 года иначе, какъ на нарушеніе дружелюбныхъ отношеній и договора между Польшей и Россіей.»

Эта нота произвела взрывъ негодованія на сеймѣ. Тутъ кстати были получены рапорты о дурномъ поведеніи квартировавшихъ въ Польшѣ русскихъ войскъ. Король сталъ опять говорить за Россію. «Не соблюдать—говорилъ онъ—трактатовъ, значитъ вызывать на себя и слѣдствія этого несоблюденія. Богатыри, которые нарушали трактаты, тогда только получали черезъ то славу и уваженіе, когда у нихъ было достаточно не только отваги, но и умѣнья и средствъ вести дѣло, и обстоятельства имъ благопріятствовали. У насъ же нѣтъ силъ сопротивляться и мы можемъ сдѣлаться добычею чуждыхъ интригъ. Нѣтъ государства, которому бы наши выгоды были менѣе противны, какъ Россіи, и если бы я не былъ королемъ, а только родился полякомъ, то и тогда, изъ любви къ отечеству, долженъ былъ бы желать и совѣтовать поступать осторожно и уважительно съ Россіей». Попытки соблюсти доброе согласіе съ Россіею произвели такое смятеніе на сеймѣ, что нѣкоторые брались за сабли. Прусскій министръ, между тѣмъ, въ своихъ свиданіяхъ съ членами сейма, подстрекалъ ихъ выступать какъ можно энергичнѣе противъ Россіи, заявлять свою самостоятельность и рѣшительно потребовать выступленія русскихъ войскъ изъ польскихъ предѣловъ. Въ слу-

чаѣ мщенія со стороны Россіи, онъ снова ободрялъ ихъ надеждою, что прусскій король пришлетъ имъ войска, когда нужно.

10-го ноября, поданъ королю адресъ: требовалось продолжить сеймъ до 22-го ноября съ правомъ продолжить его и на дальнѣйшее время, до тѣхъ поръ, пока не окончатся всѣ занятія, лежавшія на обязанности сейма, не закрывать сеймовыхъ засѣданій безъ согласія членовъ и просить императрицу вывести русскія войска изъ Польши, а въ случаѣ отказа выгнать ихъ силою; для этого обратиться къ сосѣднимъ иностраннымъ державамъ съ жалобами на пребываніе иностранныхъ войскъ въ земляхъ Рѣчи-Посполитой и на угрозы русскаго посланника. Какъ ни горячились, однако отвѣтъ на ноту Штакельберга былъ написанъ княземъ Чарторыскимъ въ вѣжливыхъ выраженіяхъ. Рѣчь-Посполитая давала замѣтить, что она держава независимая и имѣетъ право распоряжаться своимъ внутреннимъ строемъ; изъявлялась надежда, что россійская императрица окажетъ великодушіе и пріобрѣтетъ право на благодарность польской націи: просили о выводѣ русскихъ войскъ изъ польскихъ предѣловъ.

24-го ноября, Штакельбергъ отвѣчалъ, что русскихъ войскъ нѣтъ въ Польшѣ; есть только незначительное число солдатъ, охраняющихъ магазины, которые, находясь въ Польшѣ, приносятъ жителямъ пользу, давая имъ возможность сбывать сельскія произведенія. Въ подобномъ же духѣ отвѣчалъ австрійскій уполномоченный нотою отъ 27-го ноября на словесное сообщеніе о нѣкоторыхъ оскорбленіяхъ, которыя причиняли австрійскіе солдаты польскимъ жителямъ.

Такимъ образомъ, прусская интрига устроила начало разрыва Польши съ Россіею. 19-го ноября, Бухгольцъ написалъ ноту, гдѣ еще разъ побуждалъ поляковъ къ произведенію реформъ въ своемъ государствѣ и обѣщалъ содѣйствіе своего короля въ случаѣ нужды. «Прусскій король—говорилъ онъ—понимаетъ гарантію 1775 года не иначе, какъ въ смыслѣ огражденія независимости Рѣчи-Посполитой, а вовсе не такъ, чтобы эта гарантія давала право стѣснять свободу сужденій и вмѣшиваться во внутреннія учрежденія страны». Такое заявленіе подбодрило патріотовъ, усилило ненависть къ Россіи и преданность къ Пруссіи. Первой приписывались всякіе зловредные умыслы противъ Польши, второй всевозможнѣйшія доброжелательства. Сторонніе безпристрастные люди въ то самое время провидѣли, однако, что Пруссія играетъ Польшею. «Если Польшѣ—писалъ тогда саксонскій министръ Эссенъ—придется прибѣгнуть къ рѣшительнымъ мѣрамъ противъ Россіи, не думаю, чтобы дворъ берлинскій сталъ тогда поддерживать польскій энтузіазмъ. Не можетъ же Пруссія вдругъ из-

мѣнить прежней политики и стремленій къ расширенію». По замѣчанію того же Эссена, между самими поляками были люди, которые сомнѣвались, чтобъ ихъ новые законодатели и землестроители оказались лучшими Ликургами и Солонами, чѣмъ были ихъ отцы и дѣды. Польша опять сдѣлается театромъ раздоровъ и междоусобій и все кончится тѣмъ, что сосѣди согласятся установить въ Польшѣ спокойствіе и порядокъ, и Польша сдѣлается добычею миротворцевъ. Немногіе такъ здраво судили. Патріоты добродушно довѣрялись ласковымъ выраженіямъ и, что всего было гибельнѣе, считали написанное ими на бумагѣ также твердымъ, какъ будто уже оно было приведено въ дѣйствіе.

29-го ноября, по предложенію Залѣскаго, принято было единогласно продолжить сконфедерованный сеймъ на неопредѣленное время. Такимъ образомъ, этотъ сеймъ сдѣлался постояннымъ правительственнымъ учрежденіемъ.

Законъ объ умноженіи войска повлекъ ко многимъ проектамъ; недѣли проходили безполезно, послы пускались въ мелочи, щеголяли краснорѣчіемъ, величались доблестями и сбивались съ прямой дороги, отклоняясь къ постороннимъ вопросамъ. Такимъ образомъ, толкуя о составѣ Войсковой Коммиссіи, свернули на вопросъ о взаимныхъ правахъ Польши и Литвы. Великопольскіе послы держались централизаціи, смотрѣли на Литву, какъ на страну совершенно единую съ Польшею и не хотѣли допустить въ устройствѣ Коммиссіи особенностей въ пользу автономіи Литвы. Литовскіе послы, напротивъ, добивались какихъ-нибудь, хотя формальныхъ, отличій. Ихъ сторону держали нѣкоторые послы изъ Малой Польши. Такъ, холмскій посолъ Суходольскій выразился, что унія Литвы и Польши есть дѣло священное, и онъ, какъ посолъ изъ Короны, долженъ стоять за преимущества Великаго литовскаго княжества. «Недостаточно-ли — возражали ему—сохранится унія Литвы съ Польшею уже и потому, что оба гетмана, коронный и литовскій, будутъ засѣдать въ Коммиссіи»? Подольскій посолъ Ржевускій предложилъ, чтобы, для угожденія національному самолюбію поляковъ и литовцевъ, Коммиссія производила четыре года свои дѣла въ Коронѣ, а два въ Литвѣ. Литовскіе послы, напротивъ, требовали, чтобы въ Коммиссіи половина членовъ была непремѣнно изъ литовцевъ. «Но Литва—возражали имъ великополяне—не платитъ половины государственныхъ доходовъ въ казну, слѣдовательно нѣтъ основанія, чтобы въ Коммиссіи половина членовъ была непремѣнно изъ литовцевъ». «Мы теряемъ напрасно время», сказали наконецъ нѣкоторые; и тогда прочіе, замѣтивши, что, въ самомъ дѣлѣ время теряется, торопливо принялись за дѣло и порѣшили, чтобы Коммиссія была

постоянно при сеймѣ, а въ промежуткѣ между сеймами, два года она должна находиться въ Польшѣ, а третій въ Литвѣ. Этимъ думали удовлетворить федеративной особности Литвы; но представители послѣдней съ неохотою должны были признать первенство Польши, допустивъ для пребыванія Войсковой Коммиссіи въ Польшѣ два года, и только одинъ для пребыванія въ Литвѣ.

Споръ этотъ въ сущности не имѣлъ смысла: дворянство литовское, по языку, воспитанію и нравамъ, не отличалось отъ польскаго.

Нѣсколько засѣданій прошло въ толкахъ о томъ, какая одежда должна быть въ войскѣ. Подавали проектъ, чтобы мундиры были изъ туземнаго сукна; на это возражали, что польскія фабрики плохи и не въ силахъ доставить потребнаго количества одежды; да если бы такой законъ издать, то фабриканты будутъ дѣлать плохое сукно. «Прежде», сказалъ подольскій посолъ Красинскій, «выбьемся изъ неволи, возвратимъ Польшѣ независимость, укоренимъ воспитаніемъ въ юношествѣ чувства, которыми дышали предки, а потомъ уже будемъ разсуждать объ одеждѣ». 27 ноября рѣшено было, чтобы войска ходили въ польской одеждѣ. Казиміръ-Несторъ Сапѣга, въ примѣръ другимъ, снялъ съ себя парикъ и европейскій кафтанъ и нарядился въ брошенную одежду предковъ. Она была ему очень къ лицу, когда онъ, выставя правую ногу впередъ и опершись лѣвою рукою на саблю, разсыпалъ перлы своего краснорѣчія. Затѣмъ, нѣкоторые другіе послы и литовскій гетманъ Огинскій надѣли старинный польскій костюмъ.

Занялись вопросомъ о средствахъ къ содержанію войска. Поляки охотно согласились, чтобы у нихъ было огромное войско, но платить на его содержаніе большой охоты не оказалось. Сухоржевскій предложилъ, чтобы владѣльцы и посессоры заплатили одно подымное, и чтобы, сверхъ того, была открыта подписка для добровольныхъ пожертвованій. Положили во всѣхъ гродскихъ канцеляріяхъ, въ приходахъ, въ судейскихъ кагалахъ, въ ремесленныхъ цехахъ открыть добровольные сборы: всякій могъ вносить, сколько хотѣлъ; коматоры должны были собирать внесенное и доставлять въ скарбовыя коммиссіи—коронную и литовскую. Нѣкоторые богатые паны тотчасъ же показали свою тароватость. Канцлеръ Малаховскій пожертвовалъ двѣнадцать пушекъ. Волынскій посолъ Гулевичъ обѣщалъ снарядить на свой счетъ эскадронъ изъ двухсотъ-пятидесяти человѣкъ. Разными приношеніями набрали до 80,000 злотыхъ. Дамы жертвовали свои брилліанты. Щенсный Потоцкій по этому поводу говорилъ о своей женѣ: «Вотъ гражданка, мать девяти дѣтей, хочетъ украшаться только однѣми добродѣтелями и лишаетъ себя драгоцѣнностей

на пользу республики; эта гражданка—жена моя; цѣнность приносимыхъ ею пожертвованій равняется цѣнности десяти тысячъ ружей, которыя я самъ отъ себя сдамъ въ арсеналъ Рѣчи-Посполитой». Этотъ панъ, стараясь показать, что не имѣетъ предпочтенія ни къ Россіи, ни къ Пруссіи, взывалъ къ соотечественникамъ такъ: «Народъ нашъ ни на кого не долженъ надѣяться кромѣ самого себя, пока у него есть руки и металлъ, изъ котораго дѣлаютъ оружіе. Клянусь Богомъ, я никогда не буду служить чужимъ монархамъ; и если жестокая судьба и пороки Рѣчи-Посполитой погубятъ ее, если я буду такъ несчастливъ, что вмѣстѣ съ нею не похоронятъ и меня — я покину отечество и за морями, въ другомъ полушаріи, съ моими девятью дѣтьми пойду дышать вольнымъ воздухомъ. Разобьемъ наши оковы, забудемъ несогласія, возненавидимъ козни. Да погибнетъ память тѣхъ, которые призывали чужое войско для пролитія крови соотечественниковъ и открывали чужестранцамъ входъ въ Рѣчь-Посполитую». Эта рѣчь въ устахъ будущаго автора тарговицкой конфедераціи, главнаго разрушителя, съ чужестранною помощью, всѣхъ сеймовыхъ затѣй, многознаменательна, какъ образчикъ того, въ какой степени пышныя патріотическія фразы сходились съ поступками и насколько тогдашній полякъ могъ надѣяться самъ на себя. Нѣкоторые, не увлекаясь блескомъ фразъ, сопровождавшихъ пожертвованія, замѣчали, что стотысячное войско не можетъ содержаться на счетъ дамскаго туалета.

Увлеченіе охладѣвало, когда надобно было толковать не о добровольныхъ пожертвованіяхъ каждаго, а о наложеніи обязательныхъ податей въ пользу войска. Владѣльцы обширныхъ маетностей и посессоры королевщинъ старались, чтобы имъ пришлось платить какъ можно меньше. Англійскій министръ въ Польшѣ, Гэльсъ, писалъ въ отечество: «Нельзя не удивляться легкомыслію поляковъ: они рѣшились на увеличеніе войска, а содержать его нечѣмъ. Страна не имѣетъ ни торговли, ни промысловъ, народонаселеніе уменьшается; Польша не въ состояніи поднять издержекъ и на половину того количества войска, какое поляки признаютъ нужнымъ».

Проектъ о наложеніи подымнаго встрѣтилъ сопротивленіе. Виленскій посолъ Романовичъ кричалъ: «Мы еще не въ такой большой опасности, чтобы намъ отягощать шляхетскія имѣнія. Издержки на войско могутъ покрыться доходомъ съ поіезуитскихъ имѣній». Извѣстно, что доходы съ этихъ имѣній давно уже были обращены на народное воспитаніе. Брестскій посолъ Матушевичъ устранялъ на этотъ разъ совсѣмъ этотъ щекотливый вопросъ, доказывая, что прежде слѣдуетъ устроить прави-

тельство, а войско безъ твердаго правительства будетъ только на пагубу. Щенсный Потоцкій, такъ щедро раздававшій на войско брилліанты жены своей, былъ противъ наложенія подымнаго, на томъ основаніи, что это только временная мѣра, а для содержанія войска нужны постоянныя средства. Этотъ панъ предложилъ еще на свой счетъ поставить тысячу человѣкъ. За нимъ Panie Kochanku предложилъ отъ себя 600 человѣкъ; но оба хотѣли, чтобы власть надъ этимъ войскомъ оставалась за ними.

Но тутъ случились событія, которыя побудили Избу къ бóльшей дѣятельности и рѣшимости. Получено извѣщеніе отъ командующаго польскимъ войскомъ въ Украинѣ, что русскіе не только не выводятъ войскъ изъ Польши, но еще три новые полка проходятъ черезъ Украину и вербуютъ людей. Это подало поводъ къ рѣзкимъ выходкамъ противъ Россіи.

Прусскій министръ послалъ 2 декабря на сеймъ еще одну одобрительную ноту, восхвалялъ поляковъ за ихъ смѣлость и увѣрялъ въ расположеніи прусскаго короля. Съ новыми надеждами на покровителя и благодѣтеля, сеймъ, въ своемъ отвѣтѣ прусскому министру, вознося до небесъ великодушіе и умѣренность прусскаго короля, жаловался на Россію, что она злоупотребляетъ правами гарантіи и просилъ Пруссію защищать Польшу отъ Россіи. Затѣмъ разнеслись слухи, что русскій народъ въ Украинѣ начинаетъ волноваться: это безъ дальнихъ размышленій приписали align козням москалей. Сухоржевскій, тотъ самый, который впослѣдствіи такъ усердно искалъ милости императрицы, теперь кричалъ на сеймѣ такъ: «наияснѣйшій король, если хочешь увидѣть поляковъ, готовыхъ умирать за достоинство твоего престола, — пусть они услышатъ изъ твоихъ устъ желанный голосъ: будемъ бить москалей! Наияснѣйшій король, если хочешь видѣть единодушное согласіе всего народа, произнеси одно слово: бить москалей!» Въ томъ же духѣ говорилъ Казимиръ-Несторъ Сапѣга, а подольскій посолъ Красинскій припоминалъ о неисчислимыхъ могилахъ Украины, свидѣтельствовавшихъ о старыхъ бунтахъ хлопскихъ, которые, по его мнѣнію, начиная отъ Хмельницкаго и до позднихъ временъ, всѣ были возбуждены москалями. Возбужденіе противъ Россіи имѣло за собою желаніе показать свѣту сознаніе самостоятельности и ниспровергнуть тѣ условія, которыя казались унизительными. До сихъ поръ Польша, по волѣ Россіи, не смѣла держать при иностранныхъ дворахъ своихъ посланниковъ.

9 декабря, брацлавскій посолъ Северинъ Потоцкій подалъ проектъ объ учрежденіи Депутаціи иностранныхъ дѣлъ и о назначеніи къ иностраннымъ дворамъ посланниковъ. «Мы народъ

слабый — говорилъ онъ — народъ попираемый, презираемый, покрывшій себя стыдомъ; лучше намъ вовсе не существовать, чѣмъ питать гордость какого-нибудь чужого владыки». Проектъ его былъ принятъ, назначены были къ иностраннымъ дворамъ послы и учреждена Депутація иностранныхъ дѣлъ [1]).

Въ январѣ 1789 г. покусились на уничтоженіе постояннаго совѣта. Этотъ совѣтъ былъ особенно ненавистенъ, тогда какъ нежеланіе выводить русскія войска изъ Польши чрезвычайно волновало умы, а въ предыдущіе годы дозволеніе на проходъ русскихъ войскъ черезъ Польшу давалось не сеймомъ, а Постояннымъ Совѣтомъ. Проектъ уничтоженія представленъ люблинскимъ посломъ Станиславомъ Потоцкимъ. Король, подъ страхомъ навлечь немилость Екатерины, сталъ-было защищать Постоянный Совѣтъ. «Вотъ — говорилъ онъ — скоро четыре мѣсяца, какъ мы стараемся раздражить противъ себя императрицу; мы нарочно дѣлаемъ то, что̀ ей противно, и умышленно не дѣлаемъ того, что̀ ей угодно. Подумайте: уничтоженіе Постояннаго Совѣта будетъ конечнымъ нарушеніемъ мирнаго договора съ Россіею». Но этого именно нарушенія и хотѣли патріоты: Постоянный Совѣтъ во многомъ былъ полезнымъ учрежденіемъ и давалъ хоть какой-нибудь порядокъ Польшѣ. Поляки порывались его уничтожить именно потому, что онъ созданъ былъ Россіею. Удерживать его, казалось, значило бояться Россіи и повиноваться ей, а полякамъ хотѣлось показать всему свѣту и самимъ себѣ, что они болѣе не зависятъ отъ Россіи. «Если мы будемъ бояться Россіи, то лучше откажемся отъ званія свободныхъ людей и перестанемъ стыдиться называться рабами», говорили патріоты. Опасно было заикнуться за удержаніе Совѣта; задорные прогрессисты готовы были пустить въ дѣло сабли. Сторонники прежняго порядка прибѣгли-было къ хитрости; подъ видомъ еще крайнѣйшаго патріотизма они говорили: «Если уничтожать Постоянный Совѣтъ, такъ уничтожимъ же разомъ всѣ ненавистныя постановленія сейма 1775 года». Но у многихъ пановъ права собственности на имущество опирались на постановленія и приговоры именно этого сейма. Противники реформы, прикидываясь ея поборниками, хорошо понимали, что такого повальнаго уничтоженія всѣхъ постанов-

---

[1]) Въ ней были надворный литовскій маршалъ Игнатій Потоцкій, куявскій епископъ Рыбицкій, бецкій каштелянъ Зелинскій, черниковскій посолъ Михаилъ Чацкій, сѣрадскій посолъ Любенскій, варшавскій посолъ Соболевскій, брестскій Матушевичъ и ливонскій Забѣлло. Къ иностраннымъ дворамъ назначали: въ Вѣну Войну, въ Берлинъ Чарторыскаго (но вмѣсто его посланъ былъ Яблоновскій), въ Лондонъ Букатаго, въ Константинополь Мажецкаго (посланъ былъ Петръ Потоцкій), въ Петербургъ хотѣли послать Щенснаго-Потоцкаго, но послали Деболи.

леній означеннаго сейма состояться не можетъ, и разсчитывали, что подобными заявленіями можно добиться до того, что патріоты охладѣютъ въ своемъ задорѣ и оставятъ въ покоѣ сеймъ 1775 года, а тѣмъ самымъ и учрежденный на немъ постоянный совѣтъ будетъ существовать. Но Казимиръ-Несторъ Сапѣга противопоставилъ этой уловкѣ другую, ей равную: онъ привелъ силу закона 1775 года, по которому не дозволялось на сеймъ вносить предложеній, заключающихъ нѣсколько предметовъ разомъ, а здѣсь представлялось разомъ множество вопросовъ: по силѣ приводимаго закона, ихъ слѣдовало раздѣлять особно. Онъ доказывалъ, что Постоянный Совѣтъ и безъ того уже лишился своего значенія, по уничтоженіи двухъ его департаментовъ и по замѣненіи ихъ Войсковою коммиссіею и Депутаціею иностранныхъ дѣлъ; уничтожить остальное вовсе не такъ было важно, какъ казалось: дѣло состояло больше въ одномъ имени. Станиславъ Потоцкій сказалъ: «Выкинемъ самое имя Постояннаго Совѣта изъ нашихъ учрежденій. Если мы не вычеркнемъ перомъ, то оно вычеркнется саблею». Предложили балотировку. Примасъ, нѣсколько сенаторовъ и тридцать пословъ объявили, что не участвуютъ въ балотировкѣ; она тѣмъ не менѣе состоялась и Постоянный Совѣтъ, въ засѣданіи 19 января 1789 года, былъ уничтоженъ большинствомъ 122 голосовъ противъ 12.

Говорятъ, наканунѣ этого дня, Штакельбергъ видѣлся съ маршаломъ Малаховскимъ и замѣчалъ ему, что онъ не умѣетъ обуздывать многословія и увлеченія пословъ. «Я—сказалъ Малаховскій—свою обязанность знаю, нельзя зажать рта послу, если бы онъ позволилъ себѣ сказать даже что́-нибудь и лишнее. Вѣдь онъ имѣетъ равное со мною достоинство». Это было сообщено нѣкоторымъ посламъ и побудило ихъ съ досады поспѣшить поступкомъ, который будетъ непріятенъ Россіи. «Черезъ-чуръ занеслись поляки — сказалъ тогда Штакельбергъ—а вѣдь достаточно четырехъ православныхъ поповъ, чтобы сбить съ нихъ спѣсь». Онъ намекалъ на крестьянскіе бунты православнаго народа, такъ часто пугавшіе и потрясавшіе шляхетскую республику. Штакельбергъ въ своихъ донесеніяхъ выражалъ полнѣйшее презрѣніе къ польской націи и называлъ сеймовую избу «роемъ дураковъ». Онъ зналъ, замѣчаетъ саксонскій министръ Эссенъ, что имперіалы и рубли все передѣлаютъ въ свое время. Впрочемъ, расходы на пенсіоны отъ Россіи въ это время были не велики и простирались до 41,638 червонцевъ. Намъ извѣстно, что Понинскій и Гуровскій получали по 2,400 червонцевъ, маршалъ Рачинскій и епископъ Коссаковскій по 1,500, каштелянъ Островскій 2000, Мястковскій 4,000, пани Гумецкая 1,200, агентъ Боскампъ 500,

каштелянъ Лобачевскій 240 и. пр. Другіе, напр., полковникъ Островскій, Іозефовичъ и пр. получали по-мѣсячно червонцевъ по десяти. Нѣкоторые изъ пословъ получали отъ императрицы квартиру и содержаніе.

Поляки, чтобы показать свое геройство, тотчасъ сообщили объ уничтоженіи Постояннаго Совѣта всѣмъ дворамъ. Пруссія, Англія и Швеція восхвалили ихъ мужество и рѣшимость, но французскій министръ въ Польшѣ Оберъ сообщилъ имъ не совсѣмъ лестную отвѣтную ноту французскаго правительства. Въ ней, правда, говорилось о давней дружбѣ между Франціей и Польшей, но вмѣстѣ съ тѣмъ было сказано: его величество французскій король надѣется на благоразуміе польскаго народа и полагаетъ, что, трудясь надъ устройствомъ управленія, поляки будутъ избѣгать всего того, что̀ можетъ повести къ недоразумѣніямъ съ какимъ бы то ни было государствомъ, помня, что нельзя исправить въ нѣсколько мѣсяцевъ того, что̀ нарушено и искажено вѣками, а потому взвѣшивать обстоятельства и сохранять умѣренность, дабы не сдѣлать изъ себя печальнаго зрѣлища разрушенія, въ надеждѣ возвратить отечеству прежнюю крѣпость и блескъ.

21-го января, прошелъ единогласно проектъ о денежномъ займѣ на 10 милліоновъ для Короны и на три для Литвы черезъ Геную и Голландію. Заемъ этотъ поручено было устроить Петру Потоцкому, заводившему тогда свой банкъ, и варшавскимъ банкирамъ Тепперу, Шульцу, Арнту, за что имъ дозволяли пріобрѣтать въ Польшѣ земскія имѣнія. Но заемъ этотъ могъ бы принести пользу тогда, когда бы дали денегъ тѣ, на кого надѣялись, а дать могли бы только тогда, когда бы имѣли довѣріе къ Польшѣ.

Для покрытія займа опять принялись за вопросъ о налогахъ и, 26-го января, рѣшили устроить особый налогъ двойного подымнаго подъ названіемъ протунковой подати, т. е. временной — pro tunc, пока не установится постоянной. Сначала шляхетные послы хотѣли все свое сословіе освободить отъ этой тягости и навалить ее исключительно на жидовъ. Ливскій посолъ Кублицкій возсталъ противъ такой несправедливости надъ іудейскимъ племенемъ и доказывалъ, что несправедливо отягощать народъ, который не имѣетъ за себя представителей на сеймѣ. Порѣшили, чтобы всѣ дѣдичи (владѣльцы-собственники) поссессоры, чиншовники, духовныя имѣнія и пр. заплатили два раза за годъ подымное съ тѣмъ, чтобъ разлагать его на дворы, а не на земледѣльцевъ. Освобождалась та шляхта, которая имѣла только по одному дому, а также бѣдные монастыри и священники. На евреевъ накладывалось двойное поголовное. Споры о средствахъ установленія прочныхъ постоянныхъ налоговъ шли около двухъ мѣсяцевъ, и только

24-го марта 1789 года сеймъ порѣшилъ это дѣло. Наслѣдственныя дворянскія имѣнія должны были заплатить десять процентовъ со своего дохода, духовенство двадцать процентовъ, но тѣ изъ духовныхъ, которые получали дохода не свыше 2,000 злотыхъ, и монастыри, имѣвшіе школы съ тремя учителями подвергались платежу десяти процентовъ; тѣ же, которые получали не болѣе 500 зл. дохода вовсе не платили ничего. Король отъ своего дохода пожертвовалъ 80,000 злотыхъ. Тѣ же, которые владѣли королевщинами, должны были заплатить болѣе для образованія войска: старосты половину дохода, а владѣвшіе подъ другими наименованіями (экспектанты, эмфитеуты)—болѣе. Такимъ образомъ, казна должна была получить $48^1/_2$ милліоновъ злотыхъ. На евреевъ налагали разныя статьи акциза. Крестьяне исключались отъ этой подати. Налогъ этотъ назывался вѣчнымъ пожертвованіемъ (ofiara wieczysta). Для произведенія люстраціи доходовъ имѣній и сбора налога назначались коммиссіи по воеводствамъ изъ множества коммиссаровъ. Они должны были истребовать отъ владѣльцевъ свѣдѣнія о доходахъ подъ присягою. Въ случаѣ же недоставки свѣдѣній или ихъ неправильности коммиссіи сами дѣлали изслѣдованія и назначали размѣръ налога. Установлена была штемпельная бумага для всякаго рода контрактовъ и актовъ, съ тѣмъ, что съ этихъ поръ всякое владѣніе основанное не на документѣ, писанномъ на штемпельной бумагѣ, признавалось недѣйствительнымъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ установлена плата за привилегіи, или грамоты на чины и достоинства.

Послѣ этого сеймъ шагнулъ далѣе, съ цѣлію задирать Россію. Негодованіе противъ нея съ каждымъ днемъ увеличивалось. Не довольствовались требованіемъ вывода русскихъ войскъ изъ польскихъ предѣловъ; потребовали отъ фельдмаршала Румянцова удалить отъ границъ Рѣчи-Посполитой отряды, расположенные отъ границъ Молдавіи по кіевской дорогѣ. Румянцовъ отвѣчалъ генералу артиллеріи Щенсному Потоцкому, что «такое требованіе оскорбительно для достоинства императрицы. Члены сейма люди умные и образованные: какъ они могли подумать, что я соглашусь исполнить такую претензію, противную моимъ обязанностямъ и чести русскаго оружія?» Такой отвѣтъ распалилъ патріотовъ еще болѣе; повторили требованія Штакельбергу о выводѣ войскъ и снова давали знать, что Польша считаетъ себя независимою державою. Штакельбергъ отвѣчалъ въ самомъ умѣренномъ тонѣ. «Независимость и свобода наияснѣйшей Рѣчи-Посполитой, — писалъ онъ, — такія несомнѣнныя истины, о которыхъ нечего напоминать. Они не могутъ быть подвергнуты сомнѣнію.» Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ извѣщалъ,

что просьба сейма будетъ послана императрицѣ. Ожидая отъ Россіи суроваго отвѣта, Депутація иностранныхъ дѣлъ обратилась къ ходатайству прусскаго и англійскаго министровъ, просила ихъ правительства заступиться за Польшу въ случаѣ грозы отъ Россіи и постараться, съ своей стороны, чтобы русскія войска были выведены изъ Польши. 16-го февраля, было получена новая нота Штакельберга, умѣренная и кроткая. Онъ извѣщалъ, что императрица, по сосѣдству и дружбѣ, обращалась къ Рѣчи-Посполитой о проводѣ своихъ войскъ чрезъ польскія земли; что за все, нужное для этого войска, платились наличныя деньги; что присутствіе этихъ войскъ оберегаетъ Польшу отъ татаръ и турокъ; что эти войска выведутся, какъ только окончится война, а до того времени строжайше приказано, чтобы отъ русскихъ войскъ не было никакихъ оскорбленій польскимъ жителямъ. На счетъ уничтоженія Постояннаго Совѣта, какъ и на счетъ всѣхъ реформъ, предпринятыхъ вопреки видамъ Россіи, русскій посолъ не дѣлалъ никакихъ намековъ. Онъ и въ разговорахъ держалъ себя такъ, какъ будто ничего не замѣчаетъ, или какъ будто все совершающееся не касается до Россіи вовсе. Это ободрило поляковъ. Они начали думать, что Россія испугалась ихъ воинственной рѣшимости, что объявленіе о стотысячномъ войскѣ для Россіи не шутка, что, наконецъ, пришла пора Польшѣ раздѣлаться съ Россіею, тѣмъ болѣе, что на сторонѣ Польши будетъ Пруссія и Англія: Россіи не сдобровать. Но въ это время самоувѣренности на сеймъ повѣяло ужасомъ изъ Украины. Пролетѣли знакомые зловѣщіе слухи; южно-русскій народъ опять волнуется; схизматическіе попы поджигаютъ его; москаль посылаетъ къ народу своихъ эмиссаровъ [1]).

IV [2]).

Архіерей Викторъ Садковскій.—Усиленіе православія.—Страхъ крестьянскихъ бунтовъ.—Казни и преслѣдованія.—Арестованіе Садковскаго.—Нота Штакельберга.

Прежде было показано, что русское народонаселеніе областей Рѣчи-Посполитой, при закоренѣлой ненависти къ ляхамъ, всегда обращалось къ Россіи и отъ нея надѣялось перемѣны. Эти надежды, приглушенныя суровостію, съ какой отнеслась Екатерина

[1]) См. Источники: №№ 21 (ч. 1-4). 15. 18. 12. 23. 49. 7. 8. 115. Также протоколы четырехлѣтняго сейма, въ Лит. Метрикѣ.

[2]) См. Источн.: 4. 93. 2. 21 (ч. 4. 18. бум. Штакельберга) 80 (ч. 1. стр. 296—301) 25. (ч. 2. стр. 375). Рапорты сейму 1789 г. хран. въ Лит. Метрикѣ.

въ эпохѣ Залізняка и Гонты, опять пробудились сообразно съ обстоятельствами, предшествовавшими сейму. На поприще церковной дѣятельности выступилъ энергическій человѣкъ, Викторъ Садковскій. До 1783 г. онъ былъ священникомъ при посольствѣ въ Варшавѣ, а въ этотъ годъ, по протекціи Штакельберга, получилъ санъ архимандрита Слуцкаго монастыря. Владѣлецъ Слуцка Радзивиллъ—Panie Kochanku—согласился на это. Послѣ перваго раздѣла, когда Бѣлоруссія отошла къ Россіи, православные, въ польскихъ владѣніяхъ, завися въ духовномъ отношеніи отъ россійскаго синода, не имѣли у себя мѣстнаго архіерея. Неутомимый въ ревности къ православію Конисскій, подалъ мысль назначить въ польскія области особаго епископа, который бы жилъ въ Слуцкѣ и былъ бы, вмѣстѣ съ тѣмъ, слуцкимъ архимандритомъ. Санъ этотъ приличнѣе оказалось предоставить кіевскому викарію, съ титуломъ переяславскаго епископа, на томъ основаніи, что кіевскій митрополитъ, духовный начальникъ православной церкви въ Польшѣ, а переяславскій епископъ его намѣстникъ. Выборъ палъ на Садковскаго, и 9-го іюня 1785 г. онъ былъ посвященъ въ Кіевѣ. Русское правительство положило ему содержаніе 5,900 руб.; онъ долженъ былъ зависѣть отъ верховной власти кіевскаго митрополита и наравнѣ со всѣми епархіальными начальниками, подвѣдомственными синоду, доставлять свѣдѣнія о числѣ и состояніи церквей, метрическія и исповѣдныя книги, вѣдомости о церковныхъ и экономическихъ доходахъ и проч. Кромѣ того, онъ долженъ былъ доставить вѣдомость о всѣхъ церквахъ, которыя послѣ 1717 года обращены изъ православія въ унію и которые, по силѣ трактатовъ 1768 и 1771 г., должны быть возвращены православію: для этой цѣли узаконялась особая коммиссія, которая должна была разсмотрѣть, какія изъ церквей слѣдуютъ къ отдачѣ, но эта коммиссія не приводилась въ дѣйствіе. Новому архіерею вмѣнялось не дѣлать никакихъ самовольныхъ присвоеній и дожидаться рѣшенія коммиссіи, въ случаѣ же оскорбленій со стороны католиковъ или унитовъ, обращаться къ русскому посланнику въ Варшавѣ. «Вы должны—писано ему въ указѣ св. синода—внушать своему духовенству, чтобъ оно всѣми мѣрами удерживалось отъ непристойныхъ поступковъ противъ католиковъ и унитовъ и не подавало ни малѣйшаго повода ко враждѣ и раздору, равно удалялось бы отъ неумѣстныхъ диспутовъ и старалось бы съ соотечественниками жить мирно, дабы черезъ то каждый могъ пользоваться свободою своего вѣроисповѣданія во всеобщемъ мирѣ». Ему приказано было обратить особое вниманіе на просвѣщеніе духовенства и вообще православныхъ людей, завести семинарію въ Слуцкѣ, на что ассигновалось ему

1,200 р. въ годъ, и также основать, по возможности, разныя школы при монастыряхъ и церквахъ. По вступленіи своемъ въ должность, уже въ концѣ 1785 г., Садковскій издалъ пастырское посланіе, извѣщалъ, что онъ сдѣлался пастыремъ въ польскомъ государствѣ по высочайшей волѣ ея императорскаго величества и давалъ своей паствѣ совѣты въ самомъ кроткомъ духѣ. «Мнѣ не безъизвѣстно—писалъ онъ—что вы живете въ утѣсненіи и озлобленіи отъ разновѣрцевъ, и я подаю вамъ спасительный совѣтъ, терпѣть всякое зло, вамъ причиняемое. Всѣмъ вѣдома сила любви и кротости, какъ равно и сила противленія и мести. Вражда возбуждаетъ вражду и одно подозрѣніе влечетъ за собою другое. Не такъ скоро охлаждается желѣзо, брошенное въ воду, какъ злобный человѣкъ, при встрѣчѣ съ кроткою и долготерпѣливой душою». Но злоба противъ православія не могла остыть и отъ десятка такихъ миролюбивыхъ посланій. Новый архіерей слышалъ безпрестанно о насиліяхъ надъ православіемъ. По поводу предстоявшаго сейма, въ числѣ разныхъ соображеній, появилась брошюра подъ названіемъ «Голосъ обывателя», гдѣ авторъ требовалъ уничтоженія и истребленія не только православія, но и самаго уніатства въ областяхъ Рѣчи-Посполитой. «Важныя причины побуждаютъ замѣнить совершенно русскій обрядъ латинскимъ, чтобъ русскаго въ нашемъ краѣ отнюдь не было». Такъ говорилъ этотъ голосъ. «О согласіи толковать нечего; знаемъ, какъ часто по поводу обрядовъ, бывали недоразумѣнія. Соблюденіе постовъ и праздниковъ причиняетъ теперь безпорядокъ. Извѣстно, что въ русскихъ воеводствахъ и повѣтахъ шляхта и паны по большей части обряда латинскаго, а ихъ крестьяне—русскаго. Шляхтичу и пану служатъ его подданные. Поваръ, лакей, конюхъ, земледѣлецъ—русакъ; у нихъ праздники и посты другіе, чѣмъ у пана, которому они служатъ. Какое же изъ этого происходитъ замѣшательство! У пана—пасха, а у слуги только масляница окончилась; у пана праздникъ, у слуги нѣтъ его; у пана постъ, — у слуги или у дворни *усяндница*, и наоборотъ, у слуги великій четвергъ и пятокъ,—у пана вознесеніе, у дворни праздникъ и постъ, а у пана ни праздника, ни поста. Прибавимъ еще, что отъ множества праздниковъ русскаго обряда происходитъ бѣдность и обнищаніе народа. У русскихъ такъ много праздниковъ, что сами священники знать ихъ не могутъ: одинъ приказываетъ соблюдать, а другой не велитъ». Когда этотъ голосъ явился въ печати, Кониссвій написалъ на него отвѣтъ и поручилъ Садковскому представить его лично на сеймѣ. Излагая въ немъ историческія права православія и защищая духовенство отъ преувеличенныхъ нападокъ, Кониссвій сдѣлалъ автору «Голоса» такое

полновѣсное замѣчаніе: «Авторъ «Голоса» забываетъ два важныхъ обстоятельства, по поводу которыхъ слѣдовало бы дать совѣтъ почтеннымъ чинамъ государства: 1) по уничтоженіи унитовъ, что̀ дѣлать съ неунитами и диссидентами, которые пребываютъ подъ защитою сосѣдней сильной державы, любимой почти всею громадою народа русскаго, и какъ преградить этому народу путь къ возвращенію къ неуніи, когда онъ не захочетъ принять латинскаго обряда? 2) По уничтоженіи уніи и по обращеніи на священническіе фонды (римско-католическіе) имуществъ епископскихъ и митрополичьихъ, что̀ надлежитъ дѣлать съ самыми епископами и съ митрополитомъ, и куда ихъ дѣть, чтобъ они не искали нигдѣ такой протекціи, при помощи которой имъ могли быть возвращены ихъ каѳедры?» Этими вопросами Конисскій напоминалъ, что латинская ревность безсильна предъ властію Россіи. Его отвѣтъ оканчивался воззваніемъ къ унитскому митрополиту, приглашеніемъ обратиться къ покровительству Россіи. «Вы думали— писалъ онъ — и были убѣждены, что вы составляете истинный образъ неразрывной вѣры и любви христіанской, соединенные во единое тѣло съ римскою церковью такъ, какъ было въ оные святые вѣка: посмотрите же, что̀ замышляютъ надъ вами братья ваши римскіе католики. Мы увѣрены, что апостольская столица того не желаетъ, но если она не могла предотвратить вашего униженія, то навѣрно не спасетъ васъ отъ задуманнаго окончательнаго погубленія, которое если не теперь, то на будущее время постигнетъ васъ. Промышляйте же о себѣ заранѣе; поступите такъ, какъ сдѣлали неуниты и диссиденты: не въ силахъ будучи терпѣть невыносимаго и тяжелаго гоненія за вѣру, они искали у высокихъ сосѣднихъ державъ обороны и защиты; а для нихъ тогда раздавался такой же роковой голосъ истребленія, какъ теперь для васъ: они чрезъ то не перестали быть добрыми гражданами Рѣчи-Посполитой и не признаются клятвопреступниками и невѣрными своему монарху и отечеству. И вамъ нечего бояться прослыть вѣроломными и измѣнниками отечества, если вы обратитесь къ высокому покровительству непобѣдимой всемилостивѣйшей императрицы всероссійской, которую наияснѣйшая Рѣчь-Посполитая признала императрицею всей Руси, а слѣдовательно и всей Руси покровительницею. Предъ вами примѣръ вашего собрата архіепископа полоцкаго: онъ пользуется особымъ покровительствомъ всемилостивѣйшей государыни, и черезъ то не нарушаетъ послушанія апостольской столицѣ, сообразно данной присягѣ! И вы, подъ высокою и кроткою защитою, можете остаться счастливо и невредимо, и покинувши внушенное вамъ, отъ вашихъ губителей, нерасположеніе къ неунитамъ и не-

правильное предубѣжденіе, можете содѣлаться орудіемъ и счастливымъ средствомъ для привлеченія ихъ къ той уніи, которая утверждается на любви и мирѣ во Христѣ, о которой святая вселенская церковь римская и греческая ежедневно проситъ Бога.»

Изъ этого отвѣта могли видѣть всю близость опасности: православные признавали уже право русской императрицы быть покровительницею всей Руси вообще, православные склоняли унитовъ къ Россіи, и Садковскій, прибывши въ Варшаву, лѣтомъ 1785 года, жаловался на унитскаго митрополита, что онъ совращаетъ православныхъ въ унію, указывалъ что это противно трактату, жаловался на то, что католики называютъ православіе схизмою, обличалъ изданную въ Польшѣ географію, гдѣ восточная церковь названа схизмою. Не богословскіе догматы служили ему оружіемъ; онъ ссылался на трактатъ, по которому слѣдовало не дозволять такихъ презрительныхъ названій восточной церкви. Его приняли въ Варшавѣ очень холодно, какъ и слѣдовало ждать. Отъ него потребовали присяги на подданство Рѣчи-Посполитой. Какъ русскій подданный по рожденію, онъ не давалъ ее, безъ приказанія отъ своего правительства. Король, однако, все-таки выдалъ ему привилегію. Садковскій замѣтилъ въ своихъ донесеніяхъ, что она была писана еще прошлаго года и была измята — знакъ, что многимъ она была сообщаема, съ цѣлію узнать о ней мнѣнія, и многіе читали ее прежде, чѣмъ тотъ, кому она назначалась. Прождавши все лѣто послѣдней аудіенціи у короля и не дождавшись ее, Садковскій уѣхалъ изъ Варшавы въ октябрѣ 1786 года. Жалоба короля Потемкину на Садковскаго, будто онъ приневоливалъ раскольниковъ къ православію, едва ли не преувеличена. Достаточно было полякамъ видѣть въ этомъ человѣкѣ ревностнаго православнаго духовнаго и преданнаго Россіи, чтобы выдумать на него что-нибудь. Въ тогдашнихъ дѣлахъ мы не встрѣчаемъ ничего указывающаго на это обвиненіе. Присяга на вѣрность королю и Рѣчи-Посполитой, произнесенная имъ въ Тульчинѣ, не только не связала, но скорѣе развязала его на первыхъ порахъ. Заручившись подданствомъ королю и Рѣчи-Посполитой, Садковскій выступилъ уже не какъ чужеземецъ, а какъ соотечественникъ въ областяхъ Рѣчи-Посполитой и сталъ смѣлѣе. Вслѣдъ затѣмъ онъ обозрѣлъ южныя провинціи своей епархіи и тамъ возникло поразительное стремленіе народа къ возвращенію отъ уніи къ православію. По изысканіямъ депутаціи, назначенной впослѣдствіи, по дѣлу объ украинскихъ бунтахъ, оказалось, что въ короткое время, вмѣсто девяноста четырехъ приходовъ, явилось триста; всѣ они перешли изъ уніи. Мы на-

вѣрное не знаемъ, въ какой степени это явленіе было дѣломъ самого Садковскаго. Быть можетъ (и всего умѣстнѣе такъ предположить), если онъ и въ сильной степени этому событію способствовалъ, то все-таки не онъ произвелъ его. Для южно-русскаго народа не нужно было предвзятой пропаганды. Еще послѣ диссидентскаго сейма, мы видѣли, народъ бросился оставлять насильственно навязанную вѣру. Стремленіе его было пріостановлено. Страшныя казни, произведенныя Стемпковскимъ, на многія лѣта навели паническій страхъ на русскій народъ. Переходъ изъ уніи въ православіе въ глазахъ поляковъ былъ преступленіемъ достойнымъ казни, а народъ былъ подъ произволомъ поляковъ и на Россію надежды было мало. Теперь народъ опять почувствовалъ со стороны Россіи благодатное вѣяніе. Путешествіе Екатерины ободрило его. Онъ могъ вблизи увидѣть ея величіе; онъ могъ узнать, какъ его король и могучіе паны-ляхи спѣшили на поклоненіе къ той царицѣ, которая была одной вѣры съ нимъ и имѣла достаточно силы покровительствовать этой вѣрѣ вездѣ. До него доходила вѣсть, что эта царица заступается за своихъ единовѣрцевъ въ Турціи и ведетъ войну съ бусурманомъ; естественно рождалась надежда, что если ей Богъ поможетъ, то она заступится и за своихъ единовѣрцевъ въ Польшѣ, тѣмъ больше, что тамъ не только ея единовѣрцы, но еще и русскіе. Изъ писемъ Садковскаго, писанныхъ въ это время, видно, что въ южной Руси было тогда движеніе въ народѣ. Онъ писалъ, что во время его объѣзда украинскихъ монастырей и церквей, множество монаховъ и черницъ скрывалось въ чигиринскихъ, черкасскихъ и смилянскихъ лѣсахъ. Садковскій не думалъ потакать ничему такому, что бы клонилось къ возмущенію народа, которое такъ легко могло вспыхнуть въ этихъ странахъ. Онъ поручалъ губернаторамъ (управителямъ) ловить бродячихъ монаховъ и отправлять въ монастыри, а тѣмъ, которыхъ монастыри не захотятъ принимать, обривать бороды и обращать на общественныя работы. Но поляки не вѣрили искренности поступковъ схизматическаго архіерея. Привыкши считать русскій народъ безсмысленнымъ стадомъ скотовъ, они не допускали въ этомъ народѣ самобытныхъ побужденій, и когда замѣчали въ немъ признаки народнаго его самосознанія, то всегда искали поводовъ къ этому во внѣшнемъ подстрекательствѣ, либо отъ духовенства, либо отъ коварнаго москаля. Отпаденіе отъ уніи русскихъ было невыносимо для поляковъ. Нѣсколько вѣковъ истрачено ими на то, чтобъ истребить мерзостную схизму. Это стоило Польшѣ многихъ усилій, многихъ пожертвованій, и плоды вѣковыхъ трудовъ, казалось, готовы были исчезнуть въ нѣсколько лѣтъ. Поляки уви-

дѣли, какъ они слабы тамъ, гдѣ казались сами для себя сильными. Отъ этого они до неистовства озлобились не только на православныхъ, но и на унитовъ, за то, что послѣдніе такъ легко оставляли унію. Вмѣстѣ съ этой злобою возникла боязнь, чтобъ не возвратились времена Залізняка и Гонты; тѣмъ болѣе, что передъ коліивщиною происходило такое же обращеніе унитовъ въ православіе. Волынская, подольская и украинская шляхта, въ предупрежденіе бѣды на себя, сочла нужнымъ навести страхъ на русскій народъ.

Случилось происшествіе, какъ будто оправдывавшее такое опасеніе народнаго возстанія. Въ селѣ Невѣрковѣ на Волыни зарѣзали помѣщика Вылежинскаго, жену его и нѣсколько человѣкъ домашнихъ, всего, говорили, восемь особъ.

Вѣсть объ этомъ переполошила до того обывателей, что они начали бросать свои имѣнія и бѣжать въ города съ семьями. Впослѣдствіи, оказалось, что убійство совершено было злодѣями изъ-за денегъ, и невѣрковская громада вовсе была непричастна этому дѣлу. Но съ-горяча всѣ были увѣрены, что убійство Вылежинскихъ было починъ рѣзни надъ всею шляхтою. Случилось другое происшествіе, надѣлавшее шуму. Въ селѣ Куриловкѣ дубенскаго повѣта къ помѣщицѣ Прушинской на праздникъ Рождества Христова подъ окно пришла толпа сельской молодёжи и, по обычаю, запѣла колядки. Пани Прушинская, уже настроенная слухами о томъ, что крестьяне хотятъ бунтовать, испугалась и приказала угостить колядниковъ палками вмѣсто пироговъ, которыхъ малороссы просятъ въ своихъ колядныхъ пѣсняхъ. Одинъ парубокъ, отвѣдавши на своей спинѣ панскаго угощенія, сказалъ: «какая же недобрая наша пани! Надобно на нее Гонтина сына, чтобъ научилъ ее по людски обращаться съ людьми!» Эти слова донесли госпожѣ. Прушинская приказала забить въ колоды нѣсколько десятковъ крестьянъ, всѣхъ кто только показался ей почему-нибудь подозрительнымъ, и отправила ихъ въ Дубно.

Въ это время русскіе покупали много хлѣба для своего войска; обывателямъ это было выгодно. Чтобъ соблюсти порядокъ и сохранить свои выгоды, они учредили изъ среды себя коммиссію для установленія и поддержанія цѣнъ, для закупки и принятія отъ обывателей хлѣба и сѣна и доставки въ русскія руки, а равно и для полученія денегъ за доставленные запасы. Коммиссія эта получила значеніе полицейской; самъ сеймъ поручилъ ей смотрѣть за спокойствіемъ края; но она присвоила себѣ еще и судебную власть. Коммиссія эта разобрала и судила дѣло Прушинской. Нѣсколькимъ изъ присланныхъ ею крестьянъ отрубили го-

ловы, другихъ повѣсили, остальныхъ отпороли такъ больно, что они были чуть живы, и отправили въ Куриловку. Въ какой степени судъ коммиссіи могъ быть справедливъ, можно видѣть изъ характеристики, какую даетъ членамъ коммиссіи въ Дубно и Луцкѣ современникъ, бывшій самъ членомъ такой коммиссіи [1]). Одинъ изъ коммиссаровъ, панъ Рогозинскій—помѣшанный, другой—панъ Требуховскій — спившійся съ кругу, третій—панъ Заленскій — разбойникъ, дѣлавшій наѣзды на сосѣднія имѣнія и убивавшій въ нихъ крестьянъ.

За расправою съ крестьянами Прушинской послѣдовала другая подобная, въ Луцкѣ. Въ имѣніи князя Воронецкаго, Любечъ, былъ поссессоръ Вильчинскій, утѣснявшій крестьянъ. Крестьяне жаловались на него владѣльцу. Князь Воронецкій обѣщалъ имъ свое покровительство, но поссессора отъ нихъ не удалилъ. Начали ходить зловѣщіе слухи о намѣреніи хлоповъ поднять бунтъ. Вильчинскій увидѣлъ удобный случай отомстить тѣмъ, которые на него жаловались. Онъ придрался къ нимъ, что у нихъ есть огнестрѣльное оружіе. Ихъ отправили въ коммиссію въ Луцкъ, а коммиссія одного изъ нихъ повѣсила, другихъ отправила назадъ, распорядившись, чтобъ имъ на пути, въ каждомъ встрѣчающемся селеніи, давали по сту ударовъ. Такимъ образомъ, ихъ привезли домой чуть живыми, а одинъ изъ этихъ крестьянъ, восьмидесятилѣтній старикъ не вынесъ пытокъ и умеръ въ тюрьмѣ, въ колодѣ. Увѣрившись, что хлопы готовятся рѣзать поляковъ, обыватели стали думать о томъ, кто ихъ на это поджигаетъ, и дошли своимъ умомъ къ тому, что все это интриги Россіи и затѣмъ-то именно приходятъ въ польскія владѣнія великоруссы, которыхъ называли маркитантами. То были не что иное, какъ офени. Они издавна обыкли ѣздить по южной Руси и продавать полотно, ситецъ, мыло, платки, разную мелочь, женскія украшенія и хозяйственныя орудія, въ томъ числѣ ножи. На нихъ прежде поляки не обращали вниманія, а теперь замѣтили, что ихъ стало ѣздить что-то много, вообразили, что они—тайные агенты Екатерины, и разъѣзжаютъ затѣмъ, чтобъ возмущать хлоповъ противъ пановъ. Эти такъ-называемые маркитанты, странствуя по селамъ съ товарами, часто приставали къ священникамъ. Отсюда обыватели заключили и сообразили, что черезъ нихъ русскимъ попамъ передаются порученія поджигать хлоповъ къ бунту. Католики злились вообще на русскихъ священниковъ, не только на православныхъ, но и на унитскихъ: въ послѣднее время изъ нихъ такъ много перешло къ православію, что это побуждало считать ихъ

---

[1]) Въ запискахъ архипресвитера Бродовскаго въ книгѣ Widok przemocy.

всѣхъ способными къ отпаденію отъ уніи, а затѣмъ и ко всякаго рода поступкамъ, враждебнымъ Польшѣ и благопріятнымъ Россіи. Пошли ходить изъ устъ въ уста слухи, что у того или другого священника ночевали маркитанты, въ такомъ или другомъ селеніи у крестьянъ въ скирдахъ и стогахъ спрятаны большіе ножи, привезенные нарочно изъ Россіи. Иные говорили, что у великорусскихъ торговцевъ ножи и копья кладутся на исподъ въ возахъ, накладываются товаромъ, и такимъ образомъ, провозятся. Говорили, что они, кромѣ ножей и копей, привозятъ какія-то мучительныя орудія для вырыванія тѣла и внутренностей. Говорили, что уже хлопы, сбираясь въ корчмахъ, пьяные хвалятся, что у нихъ есть московскія деньги, что они только дожидаются, пока придетъ къ нимъ отъ царицы сынъ Гонты, и тогда они всѣ примутся за рѣзню. Такія вѣсти о маркитантахъ и извощикахъ (zwoszczykach) сильно всполошили всю шляхту на Украинѣ, Подоли и Волыни: она съѣхалась въ Житомиръ, Луцкъ и Брацлавъ и совѣщалась, какъ ей защищаться. Она постановила составить милицію, куда должны были войти одни католики, а русскихъ отнюдь не слѣдовало допускать — не только православныхъ, но и унитовъ.

Коммиссіи, руководимыя ксендзами, налегли паче всего на духовенство: забитые, невѣжественные, по необходимости, ради насущнаго хлѣба, привыкшіе ползать передъ панами, унитскіе духовные достаточно заразились общею деморализаціею, и легко было ихъ запугать и найти между ними такихъ, которые, ради собственнаго спасенія, готовы были сдѣлаться покорнымъ орудіемъ шляхетской злобы. По малѣйшему подозрѣнію хватали поповъ, дьячковъ и тащили въ коммиссію. Такимъ образомъ, поймали и привезли въ Луцкъ русскаго священника Лукаевича. На него донесли, что онъ далъ у себя переночевать какому-то такъ-называемому маркитанту. Одинъ изъ членовъ коммиссіи, Аксакъ, поѣхалъ за нимъ. Попъ этотъ оказался трусъ первой руки; онъ совершенно потерялся отъ страха и сталъ просить пана Аксака научить его, какъ обращаться и что говорить въ коммиссіи. «Не бойся, попъ, сказалъ ему Аксакъ, тебѣ ничего худого не будетъ; ты скажи, что у тебя былъ маркитантъ, подговаривалъ тебя къ бунту и показывалъ письмо отъ царицы, а ты на это не поддался».—«Да этого, пане, совсѣмъ не было—сказалъ попъ—разговоръ у меня съ нимъ былъ о московской войнѣ, что гдѣ-то кто-то съ кѣмъ-то дерется; и о томъ была рѣчь, что поляки собираютъ войска, думаютъ можетъ быть съ кѣмъ-нибудь воевать, а больше ни о чемъ не говорили».—«А этого развѣ мало—сказалъ Аксакъ—маркитантъ говорилъ тебѣ, что москва хочетъ воевать

поляковъ, ты самъ долженъ былъ догадаться, что онъ хочетъ уговорить тебя взбунтовать хлоповъ противъ насъ. Какъ привезутъ тебя въ коммиссію, ты скажи, что онъ тебя подговаривалъ и показывалъ тебѣ московское писаніе; а не то — пропадешь и жену и дѣтей своихъ погубишь: мнѣ жаль тебя! На, возьми, попъ: это тебѣ пригодится на прожитье въ Луцкѣ. Если хорошо сдѣлаешь дѣло, такъ и больше получишь»! Онъ сунулъ ему въ руку два червонца. Испуганный и вмѣстѣ обрадованный попъ обнималъ ноги своего благодѣтеля. «А будужъ я на волѣ»? спрашивалъ онъ. «Не только будешь на волѣ—отвѣчалъ Аксакъ—а еще дадутъ тебѣ большое награжденіе за вѣрность».

По пріѣздѣ въ Луцкъ, Аксакъ тотчасъ объявилъ коммиссіи, что теперь уже все открыто. Привели Лукаевича. Съ коммиссарами сидѣли ксендзы. Лукаевичъ, по наученію Аксака, объявилъ, что у него ночевалъ москаль маркитантъ, уговаривалъ попа подущать къ бунту своихъ прихожанъ и показалъ ему какое-то писаніе: прочитать онъ его не могъ, а видѣлъ только, что тамъ подписано: *Екат*... «Маркитантъ, показывалъ Лукаевичъ, говорилъ, что царица такъ желаетъ, а кто ее послушаетъ, тотъ большую награду получитъ!»

«Вотъ, наконецъ-таки по ниточкѣ мы до клубка дошли!» воскликнули обыватели и начали изо-всѣхъ силъ бранить москалей и грозить имъ. «Присягни—сказали попу—что было въ самомъ дѣлѣ такъ, какъ ты говоришь!»

Попъ сначала смутился, испугался, что ему приходится присягать ложно, онъ поглядывалъ па Аксака, а тотъ грознымъ взглядомъ показалъ, что уже теперь отступать нельзя. Трусость за жизнь взяла верхъ надъ совѣстью; священникъ присягнулъ.

«Вотъ—восклицали поляки—нашелся-таки одинъ шляхетный попъ: открылъ заговоръ, устроенный на нашу погибель. О, эти попы все знаютъ: и самъ ихній епископъ вѣрно съ ними въ заговорѣ».

Попъ, какъ говорится, вошелъ во вкусъ, понялъ, что панамъ коммиссарамъ тѣмъ будетъ пріятнѣе, чѣмъ онъ больше имъ наговоритъ, и сказалъ:

«Я было не хотѣлъ пускать на ночлегъ этого маркитанта, да мать моя сказала мнѣ: неужели жиды будутъ милосерднѣе насъ? Они дозволяютъ у себя ночевать прохожимъ; отъ чего же намъ нельзя! Маркитантъ мнѣ такъ говорилъ: поляки хотятъ воевать съ москалями, да наша матушка царица съумѣетъ ихъ усмирить; вотъ она скоро пришлетъ вамъ сына Гонты; тотъ выберетъ куколь изъ пшеницы, всѣхъ собакъ-ляховъ перерѣжетъ, чтобъ не брехали! Я ему сказалъ: чѣмъ же поляки виноваты?

А онъ мнѣ въ отвѣтъ: распустились какъ собаки; мясо въ постъ жрутъ! Говорилъ онъ, что такихъ, какъ онъ, маркитантовъ и извощиковъ тысячи три бродитъ по Руси.»

Съ этихъ поръ на Волыни безцеремоннѣе стали хватать духовныхъ и міранъ, и въ короткое время набрали въ Луцкъ сто тридцать три человѣка, какъ значится въ рапортѣ, представленномъ коммиссіею на сеймъ. Нѣкоторыхъ повѣсили, другихъ засаживали въ тюрьмы, иныхъ сѣкли нагайками, сперва по спинѣ, а потомъ, перевернувши навзничъ, по груди и животу, такъ что сѣченые распухали; иные отъ такой экзекуціи отдавали Богу душу. Какой-то полусумасшедшій нищій показывалъ, будто москали-маркитанты научали его носить къ разнымъ попамъ записки возмутительнаго содержанія. Онъ объявилъ, что нерозданныя еще имъ записки спрятаны въ селѣ Торчинѣ, въ соломенной кровлѣ хаты крестьянина, его родственника. Крестьянинъ, на котораго онъ показалъ, не призналъ его своимъ родственникомъ; разломали указанную соломенную кровлю — не нашли ничего: нищаго повѣсили, но, по его показанію, продолжали хватать и мучить духовныхъ и міранъ, думая добраться и по этой нити до клубка.

Въ числѣ такимъ образомъ схваченныхъ былъ священникъ Рубиновичъ. Его подвелъ въ бѣду нѣкто Кржижановскій; рапортъ, посланный объ немъ на сеймъ, именуетъ его австрійскимъ дезертиромъ, а письмо очевидца (приводимое въ запискахъ Бродовскаго), говоритъ, что онъ былъ польскій солдатъ и нарочно сказывался дезертиромъ, чтобъ подвести священника. Пришедши къ нему ночью, онъ просилъ спрятать его и выдалъ себя за поповича, насильно взятаго въ службу и убѣжавшаго. Онъ говорилъ, что пойдетъ къ москалямъ, что москали, вмѣстѣ съ здѣшними русскими хлопами, будутъ рѣзать поляковъ; не худо—говорилъ онъ—зарѣзать вашего пана и взять его деньги, я знаю такое средство, что всѣ будутъ спать и не услышатъ, какъ къ нимъ подойдутъ. — Попъ былъ пьянъ и не противорѣчилъ. Потомъ Кржижановскаго какъ будто поймали въ качествѣ бѣглаго солдата. Тогда онъ оговорилъ попа, у котораго ночевалъ, и объявилъ, что попъ этотъ показывалъ ему бумагу за подписью русской императрицы, гдѣ попы приглашались возмутить крестьянъ и подвигать ихъ на рѣзню пановъ и жидовъ.

Арестованный по этому наговору попъ сталъ оговаривать другихъ, которыхъ за тѣмъ брали и допрашивали. Такимъ образомъ, по наговору, взяли попа изъ Рафаловицъ — имѣнія пана Олизара, и повели черезъ мѣстечко Чарторыскъ. Увидя толпу русскихъ людей, этотъ попъ закричалъ: «Гвалтъ! ратуйте! Ото

ляхи якъ чорты беруть мене». Это поставили ему въ преступленіе, достойное смерти. «Повѣсить! повѣсить»! кричалъ панъ Требуховскій, одинъ изъ коммиссаровъ; и попа вѣрно повѣсили бы, еслибъ на ту пору не пришло отъ сейма запрещеніе коммиссіямъ казнить смертію.

Не такъ отдѣлался схваченный тогда же великорусскій офеня, котораго оговорилъ Лукаевичъ. Отысканный и доставленный въ коммиссію, онъ объяснилъ, что дѣйствительно показывалъ попу бумагу, но эта бумага была не иное что, какъ его паспортъ, и у него, при обыскѣ, не нашли никакой другой бумаги, кромѣ паспорта.

— «Мы — сказали коммиссары — не будемъ тебя казнить, если ты добровольно сознаешься въ томъ, что императрица послала тебя подговаривать хлоповъ къ рѣзнѣ».

— «Я не куплю себѣ жизни клеветою на свою государыню», сказалъ великоруссъ.

Въ великую пятницу, его привели къ висѣлицѣ, сѣдой монахъ исповѣдывалъ его. Не давъ ему окончить обряда, фанатики закричали: «Пусть этотъ бородатый еретикъ перестанетъ его исповѣдывать: онъ его подговариваетъ на рѣзню». Офеню повѣсили. «Напрасно погибаю»! было его послѣднее слово. Къ усугубленію смертной муки осужденныхъ, ихъ вѣшали такъ, что они долгое время томились и медленно удушались! Не умѣли вѣшать!

Въ разныхъ мѣстахъ, въ Кременцѣ, Житомирѣ, Махновкѣ, Владимірѣ, Хмельникѣ, Брацлавѣ и другихъ городахъ происходили казни и истязанія надъ православными и унитскими духовными, надъ русскими хлопами и россійскими подданными. Шляхта, въ паническомъ страхѣ, ожидала повторенія приснопамятной для нея эпохи 1768 года и спѣшила мстить за новую рѣзню прежде, чѣмъ она началась. Особенно страхъ повсемѣстно обуялъ ее на послѣднихъ дняхъ страстной недѣли по русскому календарю. Полякамъ представилось, что схизматики выберутъ именно праздникъ пасхи для своего дѣла. И вотъ, въ предотвращеніе ужаснаго событія, запретили въ русскихъ церквахъ отправлять обычныя ночныя богослуженія (послѣдованіе Господнихъ страстей и пасхальную заутреню). Въ великую субботу въ городахъ поднималась тревога, и составленная изъ шляхты милиція выѣзжала въ поле во всеоружіи мужественно встрѣчать ужасныхъ маркитантовъ и извощиковъ, которые съ граматами царицы будутъ предводительствовать народомъ, собравшимся рѣзать ляховъ и жидовъ.

Сеймъ былъ заваленъ рапортами изъ разныхъ городовъ русскихъ земель; нѣкоторые были оригинальны до смѣшного. Такъ

напр., изъ Хмельника доносили, что какой-то слесарь дѣлаетъ копья для хлоповъ, и пойманные хлопы сознались, что по Украинѣ ходятъ двѣсти поповъ и носятъ писаніе съ печатью, на которой вырѣзаны копья, ножи и другія принадлежности рѣзни съ надписью: теперь часъ ляхівъ різати! Это писаніе приписывалось русской государынѣ. Писали, что въ одномъ и въ другомъ мѣстѣ остановили московскихъ маркитантовъ съ ножами. Присылались даже бумажныя выкройки ножей, которыми россійская императрица жаловала русскій народъ для рѣзни ляховъ. Въ Варшавѣ подобныя донесенія принимались за справедливыя. Все общество проникнулось страхомъ. Сеймъ на нѣсколько дней оставилъ всякія другія занятія и обратился исключительно къ вопросу объ опасности со стороны русскихъ хлоповъ. Враги Россіи пользовались этимъ обстоятельствомъ, чтобъ возбуждать противъ нея умы. Послы въ столицѣ также легко повѣрили въ возможность того, чтобъ императрица посылала своихъ торговцевъ и извощиковъ для возмущенія русскаго народа, какъ и пугливые волынскіе и украинскіе обыватели. Къ пущему раздраженію противъ Россіи, сеймъ получилъ тогда отъ Штакельберга ноту, гдѣ была жалоба на польскую команду, не пропустившую гренадерскаго прапорщика Вахая, который, черезъ земли Рѣчи-Посполитой ввелъ въ Россію семьдесять три турецкихъ плѣнныхъ. Штакельбергъ просилъ, чтобъ Рѣчь-Посполитая дозволила по прежнему свободный проходъ русскихъ войскъ черезъ ея области и устройство въ этихъ областяхъ военныхъ магазиновъ. Тогда полились одна за другою враждебныя Россіи рѣчи, произносимыя преимущественно такими господами, которые, впослѣдствіи, заискивали у той же Россіи себѣ лично милостей. Кублицкій подалъ совѣтъ обратиться за покровительствомъ и вразумленіемъ къ сердечному другу Польши, прусскому королю, и также выслать къ другимъ иностраннымъ дворамъ посланниковъ съ заявленіемъ о томъ, что дѣлаетъ Россія. Сухоржевскій кричалъ, что дружба съ Москвою главная причина всѣхъ несчастій Польши. «У насъ несогласія — говорилъ онъ — дошли до того, что король не вѣритъ народу, народъ королю, отецъ сыну, сынъ отцу, братъ брату — всему этому причиной Россія. Неужели мы пропустимъ очевидно удобную пору для отмщенія оскорбленій, нанесеныхъ намъ Москвою, дозволивши московскимъ войскамъ проходить черезъ наши области, оскорбимъ расположеннаго къ намъ и всегда твердаго въ договорахъ турка, и тѣмъ заслужимъ вѣчное порицаніе историковъ? Возьмемъ примѣръ съ той печати, которую Москва вручила русинамъ на погибель нашу съ надписью: теперь часъ ляхівъ різати! Издадимъ универсалъ, объ-

являющій войну Россіи, и припечатаемъ его печатью, на которой вырѣжемъ слова: «теперь время отмстить Россіи за ея обиды»! Я совѣтую не только выгнать немедленно всѣхъ москалей, какіе теперь у насъ найдутся, съ ихъ маркитантами, извощиками, филипонами, чернецами, но и назначить немедленно сборъ пожертвованій на военную экспедицію противъ Москвы. Теперь, повторяю, пришла пора раздѣлаться съ Москвою, и потому предлагаю выслать пана Штакельберга изъ Варшавы или, по крайней мѣрѣ, приставить къ его особѣ караулъ; это полезно и для его безопасности, потому что уже вездѣ говорятъ, что убьютъ его тотчасъ, какъ только услышатъ о рѣзнѣ, учиняемой надъ нашими кровными и пріятелями».

Послѣ задирательной рѣчи Сухоржевскаго, послы бросились толковать о скорѣйшемъ укомплектованіи войскъ въ видахъ объявленія войны Россіи. Одинъ голосъ замѣтилъ, при этомъ, что надобно прежде установить гражданско-военные суды, для огражденія обывателей отъ оскорбленій по поводу рекрутовки.

«Не можетъ быть — сказалъ подольскій посолъ Красинскій — чтобъ у насъ въ странѣ нашелся командиръ, который бы въ такое несчастное время утѣснялъ обывателей!»

За нимъ поднялъ голосъ Суходольскій, произнесъ длинную напыщенную рѣчь, въ которой приглашалъ Избу женить постоянство на осторожности, а въ заключеніе, вооружился противъ тѣхъ, которые находили, что мѣстная шляхта, хватая безъ разбора подозрительныхъ людей и осуждая ихъ, можетъ, раздраживъ народъ, произвести болѣе опасности, чѣмъ самые поджигатели къ бунту. «Пусть кто хочетъ говоритъ — сказалъ онъ — что волынская коммиссія дурно поступила, что какого-нибудь бунтовщика казнила; я скажу: дурно она поступила, что мало ихъ казнила! Почему не поставила разомъ сто висѣлицъ для этихъ конкуррентовъ? Шляхта дѣлаетъ свое дѣло: хватая подозрительныхъ, она охраняетъ страну свою и себя; кто боится шляхты, тотъ уже самъ пересталъ быть шляхтичемъ и полякомъ». Но Кублицкій доказывалъ, напротивъ, что коммиссія — мѣсто полицейское, неправильно присвоила себѣ судебную власть; довольно будетъ, если поймавши подозрительнаго человѣка, она отошлетъ его въ гродскій судъ. За Кублицкимъ въ такомъ же смыслѣ говорили гнѣзненскіе послы, и большинство Избы согласилось съ ними. Волынскій посолъ Стройновскій упросилъ Избу, чтобъ, запретивши коммиссіямъ судить на будущее время, не ставить имъ въ преступленіе прежняго присвоенія судной власти.

Относительно отвѣта на ноту Штакельберга порѣшили прежде

сообщить объ этой нотѣ прусскому двору и испросить его совѣта, а потомъ уже отвѣчать русскому посланнику.

Въ это время пришли новыя угрожающія вѣсти изъ Слуцка. Нѣкто Гротусъ, писарь табачной таможни въ Слуцкѣ, писалъ къ пану Выковскому контролеру, что дизунитскій епископъ Викторъ Садковскій созывалъ схизматическихъ поповъ, приводилъ ихъ къ присягѣ на вѣрность русской императрицѣ и возбуждалъ ихъ къ мятежу. Другое донесеніе оттуда же сообщало діалогъ, происходившій между евреемъ и русскимъ хлопомъ. «Правда ли — спрашивалъ еврей — что въ вашей божницѣ присягали на вѣрность императрицѣ?» — Да, отвѣчалъ хлопъ — мы присягали передъ попами, а попы передъ епископомъ, въ Слуцкѣ. — «А есть у васъ на готовѣ оружіе?» спросилъ еврей. — Пойдемъ всѣ съ чѣмъ попало — отвѣчалъ хлопъ, — кто съ косою, кто со списомъ, кто съ ружьемъ. — «А когда же начнется вашъ бунтъ?» — Если не на пасху, то въ маѣ, — отвѣчалъ хлопъ.

Все это была выдумка. Никакой присяги не происходило; Садковскій, напротивъ, по приказанію своего правительства, внушалъ своей паствѣ повиновеніе королю и Рѣчи-Посполитой. Это видно изъ тѣхъ же самыхъ бумагъ, которыя были собраны для его обвиненія. Но на сеймѣ, безъ всякой критики, признали полученныя донесенія вполнѣ заслуживающими вѣроятія. «И мнѣ — говорилъ Казимиръ-Несторъ Сапѣга, — писалъ воевода виленскій Радзивиллъ, что русскій епископъ — главный зачинщикъ бунтовъ». Тогда Суходольскій предложилъ арестовать православнаго архіерея. Того же потребовалъ инфлянтскій посолъ Вейсенгофъ, и вся Изба согласилась на эту мѣру.

Отъ 18 апрѣля выданъ былъ универсалъ. «Король и конфедерованные чины Рѣчи-Посполитой — было въ немъ сказано — не могутъ хладнокровно смотрѣть на поведеніе схизматическихъ поповъ, которые проникаютъ въ Польшу, а равно и тѣхъ, которые подъ видомъ маркитантовъ, извощиковъ, филипоновъ, чумаковъ, пробираясь въ государство наше подущаютъ польскихъ хлоповъ схизматической религіи къ бунту противъ католическаго дворянства, что несомнѣнно доказано военными рапортами и слѣдствіями, произведенными въ судахъ». Всѣмъ такимъ иностранцамъ, уличеннымъ, по рапортамъ военныхъ и судебныхъ властей, въ намѣреніяхъ возмущать народъ, велѣно въ теченіи двухъ недѣль оставить Польшу, а тѣ, которые не послушаются этого приказанія, должны быть арестованы, отправлены въ крѣпость и примѣрно наказаны.» Далѣе въ томъ же универсалѣ говорилось: «Такъ-какъ дошло до нашего свѣдѣнія что схизматическіе попы, имѣющіе постоянное жительство въ Польшѣ, до сихъ поръ не

присягнули на вѣрность королю и Рѣчи-Посполитой и осмѣливаются молиться за иноземную власть, отвращая этимъ схизматическій народъ отъ вѣрности, покорности и повиновенія, то предписывается всѣмъ духовнымъ схизматической религіи, жительствующимъ въ Польшѣ и желающимъ пользоваться выгодами, сопряженными съ ихъ должностями, въ продолженіи двухъ недѣль, присягнуть на вѣрность королю и Рѣчи-Посполитой, и отнюдь не упоминать въ своихъ молитвахъ иноземныхъ властей, а молиться за короля и за польскую Рѣчь-Посполитую. Кто же станетъ поступать вопреки этому повелѣнію, тотъ лишится своего мѣста и долженъ будетъ оставить Польшу.» Печатные экземпляры этого универсала разосланы по всѣмъ правительственнымъ и судебнымъ мѣстамъ, а священникамъ велѣно ихъ читать въ церквахъ. Въ южнорусскій край отправлено войско для усиленія милиціи.

Посланникъ Рѣчи-Посполитой въ Санктпетербургѣ, Деболи, получилъ въ маѣ порученіе подать россійскому двору ноту; тамъ излагалось, что злонамѣренные люди восточной вѣры поджигаютъ хлоповъ къ бунту, сорятъ деньгами, и увѣряютъ грубый, необразованный и склонный къ ослѣпленію народъ, что приходъ русскаго войска будетъ для нихъ сигналомъ всеобщаго возстанія. Поэтому Рѣчь-Посполитая просила государыню, чтобы она приказала своимъ войскамъ, когда они будутъ идти на войну противъ Турціи, обходить владѣнія Рѣчи-Посполитой, а въ случаѣ крайности, чтобъ войско входило не иначе, какъ отрядами не болѣе, какъ въ пятьсотъ человѣкъ; каждый отрядъ могъ бы входить только по выходѣ другого и проходилъ бы черезъ владѣнія польскія въ сопровожденіи коммиссара, да, чтобъ согласно съ этимъ каждый разъ, когда придется такому отряду проходить, россійскій посланникъ испрашивалъ дозволенія, сообщая при этомъ: какіе именно офицеры будутъ находиться при отрядѣ и сколько дней такой отрядъ будетъ проходить; сверхъ того, чтобъ такіе отряды шли не иначе, какъ по одному указанному пути; вслѣдъ за тѣмъ, военные магазины должны быть снесены, а впередъ, для закупки припасовъ, могутъ существовать подрядные магазины. Такъ какъ сеймъ отправилъ ноту Пруссіи, гдѣ жаловался на поступки Россіи, то прусскій уполномоченный при петербургскомъ дворѣ баронъ Келлеръ съ своей стороны поддерживалъ справедливость польскихъ требованій. Самыя эти требованія въ нотѣ, представленной Деболи, составлены были поляками, такъ сказать подъ диктовку прусскаго министра [1]).

---

[1]) Нота прусскаго министра въ отвѣтъ на ноту, отъ имени сейма, поданную Чар-

Между тѣмъ новыя вѣсти изъ русскихъ земель съ каждою почтою продолжали еще нѣсколько времени пугать сеймъ. Прислали списокъ триста семидесяти особъ заговорщиковъ, съ обозначеніемъ, сколько ихъ въ какомъ селѣ, нѣкоторыхъ означали по именамъ и

торыскимъ, написана была такъ: «Его величество король прусскій, дружественно принимая къ сердцу судьбу Рѣчи-Посполитой, сосѣдней дружественной державы, съ соболѣзнованіемъ узналъ, что чины означенной Рѣчи-Посполитой встревожены нотою, которую послалъ имъ россійскій посланникъ отъ 6-го апрѣля, по поводу прохода россійскихъ войскъ чрезъ польскія земли, вмѣстѣ съ тѣмъ поражены явными признаками возмущенія крестьянъ греческой религіи, которое легко можетъ вспыхнуть, по поводу прохожденія россійскихъ войскъ.

«Съ чувствомъ принявъ это сообщеніе и довѣріе, которое оказываютъ ему чины Рѣчи-Посполитой, желая его совѣта и его мнѣнія въ такомъ критическомъ положеніи дѣлъ его величество не колеблется изложить свои мысли съ искренностью и откровенностью, какъ всегда считаетъ своею обязанностію поступать.

«Е. В. король прусскій убѣжденъ, что почтенный польскій народъ можетъ съ увѣренностію уповать на доброжелательство и великодушіе россійской императрицы, что эта великая государыня не захочетъ учинить или дозволить произойти чему-нибудь такому, что могло бы нанести разореніе и бѣдствія государству свободному, дружелюбному и находящемуся въ мирѣ съ Россіею: пребываніе и постоянный неограниченный переходъ россійскихъ войскъ черезъ польскія земли, равно какъ и договоръ, который предлагалъ въ этихъ видахъ г. россійскій посланникъ, могли бы произвести неудобства: именно, чрезъ это какъ бы нарушалась независимость и неутральность Рѣчи-Посполитой, оттоманская Порта имѣла бы поводъ желать такой же льготы для своихъ войскъ, отсюда произошли бы отягощенія тѣмъ провинціямъ польскимъ, черезъ которыя проходили бы воюющія войска, и чрезъ то, наконецъ, поддерживался бы духъ мятежа у крестьянъ греческой религіи, живущихъ въ Польшѣ.

«Его величество прусскій король полагаетъ, что можно будетъ обоюдно удалить эти неудобства и вредныя послѣдствія, если Рѣчь-Посполитая обратится къ ея величеству россійской императрицѣ съ полнымъ уваженіемъ и довѣріемъ къ ея великодушію, будетъ просить ее избавить польскій народъ отъ опасностей и отягощеній по поводу безпрестаннаго перехода войскъ, избравъ для этого нѣсколько окольный путь; если же случится неизбѣжная необходимость провести нѣкоторыя россійскія войска черезъ Польшу, то чтобъ они проходили малыми командами, и всякій разъ о томъ предваряла ихъ просьба россійскаго посланника, а равно, чтобъ императрица дозволила сопровождать россійскія войска коммиссарамъ Рѣчи-Посполитой, какъ это дѣлается въ областяхъ нѣмецкой имперіи даже и по отношенію къ имперскимъ войскамъ; наконецъ, предложить, чтобы россійскій дворъ отнюдь не устроивалъ новыхъ магазиновъ въ Польшѣ, тѣже, которые уже устроены, должны оставаться подъ надзоромъ нѣсколькихъ коммиссаровъ и небольшого числа людей вооруженныхъ особеннымъ образомъ, и Рѣчь-Посполитая могла бы охранять эту страну и магазины своими войсками. Такія мѣры предосторожности были бы достаточны для показанія и установленія неутральности и независимости Рѣчи-Посполитой, для уменьшенія неудобствъ, происходящихъ отъ устройства магазиновъ и отъ перехода россійскихъ войскъ; вмѣстѣ съ тѣмъ россійскому двору даны будутъ доказательства истиннаго вниманія и доброжелательства Рѣчи-Посполитой къ россійскимъ интересамъ, съ желаніемъ совмѣстить ихъ съ благомъ Рѣчи-Посполитой. Его величество король льститъ себя надеждою, что если чины Рѣчи-Посполитой поручатъ сдѣлать россійской императрицѣ такого рода предложенія, то пресвѣтлѣйшая государыня приметъ ихъ съ тѣмъ великодушіемъ,

указали даже сколько каждый изъ нихъ взялъ денегъ отъ Россіи. Назначали даже генеральнаго коменданта этого вымышленнаго заговора: то былъ какой-то попъ Карповецкій. Важнѣйшими заправщиками числились попъ въ Алибкахъ съ какимъ-то Милютою, взявшіе двѣ тысячи злотыхъ на пять сотъ человѣкъ, Василько Кушнировскій въ селѣ Кушнировкѣ, взявшій пять тысячъ злотыхъ на двѣ тысячи человѣкъ, попы въ Чаданцахъ и Рощѣ (w Rozsczu), взявшіе первый три тысячи злотыхъ на 300 человѣкъ, второй тысячу злотыхъ на двѣсти человѣкъ, Шлецюхъ въ селѣ Базасіи, взявшій шесть тысячъ злотыхъ на четыре тысячи человѣкъ, Яцко Швецъ съ братомъ въ селѣ Писановкѣ, взявшій двѣсти злотыхъ на шесть сотъ человѣкъ и т. д. Пинскій посолъ Бутримовичъ читалъ на сеймѣ вѣсти, которыя присылали ему земляки. Разсказывали, что передъ пасхою схизматики сходились ночью въ церквахъ для своего богослуженія (które się u nich nazywa Wsionoczna) и тамъ попы читали имъ письма отъ царицы, побуждающія рѣзать католиковъ и жидовъ; что пинскій игуменъ, прочитавши на такомъ богослуженіи подобное письмо, зазвалъ первѣйшихъ схизматиковъ къ себѣ и показалъ имъ орудія для рѣзни, привезенныя маркитантами и попами; въ городѣ Пинскѣ схватили двухъ москалей-маркитантовъ, продававшихъ десятка два-три ножей, эти ножи были обыкновенные, какіе употребляются въ хозяйствѣ, но ясно казалось, что москали привезли ихъ для рѣзни, потому что, пріѣхавши въ польскій край подъ предлогомъ торговли, не показали ихъ на таможнѣ, особенно, а они прошли заурядъ съ другимъ мелочнымъ товаромъ. Давая вѣру всему этому, Бутримовичъ говорилъ: «Послѣ такихъ извѣстій, полученныхъ изъ моего края, обильнаго лѣсами, неприступными болотами, представляющими пріютъ для злодѣевъ и наполненнаго *дизуніею*, я требую и прошу наияснѣйшихъ чиновъ, чтобы безопасность нашего повѣта была ограждена не только войскомъ, но также скорѣйшею карою преступниковъ, осмотромъ оружія въ монастыряхъ и церквахъ, и отысканіемъ читаннаго попами писанія!» Красинскій подалъ проектъ не пускать схизматиковъ въ Кіевъ для поклоненія печерскимъ чудотворцамъ, но Чарторыскій отклонилъ этотъ проектъ. «Ихъ раздраженный фанатизмъ—говорилъ онъ—можетъ стать причиною большихъ мятежей и раздоровъ». За то было принято предложеніе Суходольскаго: онъ, подъ видомъ человѣколюбія, далъ мысль прощать тѣхъ,

---

котораго она уже дала доводы, а его величество король равнымъ образомъ готовъ предложить ихъ россійскому двору и поддерживать ихъ согласно его желанію охранять спокойствіе и благосостояніе польскаго королевства».

которые, обвинивъ самихъ себя и указавъ на тѣхъ, кто ихъ подущалъ, сами отступились отъ злого предпріятія. Его поддержалъ Станиславъ Потоцкій. «Я,— говоритъ послѣдній — былъ недавно въ Дубно и видѣлъ, какъ тамъ казнили смертію нѣсколько десятковъ разомъ, а по правдѣ семерыхъ изъ нихъ слѣдовало бы успокоить только тѣлеснымъ наказаніемъ.» Средство, одобренное по проекту Суходольскаго, было ужасно: оно развязывало мѣстнымъ судамъ руки; поймавъ какого-нибудь несчастнаго попа или хлопа, объявляли ему, что онъ будетъ помилованъ, если сознается и на другихъ покажетъ; само собою разумѣется, что пойманный искушался, ради собственнаго спасенія, клеветать на другихъ. Самъ сеймъ ободрилъ къ этому не только постановленіемъ, но и примѣромъ, наградивъ попа Лукаевича деньгами, медалью и грамотою отъ имени сейма. По такимъ ободреніямъ, въ Луцкѣ Глодовскій, священникъ села Хорупани, налгалъ и на себя и на другихъ, будто онъ видалъ у другого попа консисторскій указъ объ избіеніи ляховъ. По этому дѣлу арестовали одного члена консисторіи, а за тѣмъ происходили казни и варварскія истязанія. Еще болѣе надѣлалъ зла на Подоли Кирилло Пундикъ: отъявленный мошенникъ, приговоренный къ наказанію за воровство, онъ, для избавленія себя отъ наказанія, взялся оговаривать русскій людъ. Множество священниковъ и еще болѣе крестьянъ было, по его указанію, схвачено. Расправа для нихъ была въ Кременцѣ. Ихъ сажали въ тюрьмы, на ночь замыкали нѣсколько человѣкъ въ одну общую колоду, такъ-что имъ нельзя было повернуться, и всю ночь они должны были лежать на одномъ боку. Кормили ихъ самою скверною пищею, и отъ этого иные заболѣли и померли; нестерпимый смрадъ отъ нечистотъ, при большомъ накопленіи народа, душилъ ихъ; умываться имъ не давали и чужеядныя насѣкомыя покрывали не только людей, но землю и стѣны тюрьмы. Въ такомъ положеніи, совершенно невинные страдали многіе мѣсяцы, и когда, наконецъ, прочитывался имъ приговоръ, то тѣ, которыхъ ожидала казнь, слушали это съ истинною радостію; другіе осуждались на работу въ каменецкой крѣпости на нѣсколько лѣтъ. По какимъ поводамъ брали людей и сажали въ такого рода тюрьмы, можно видѣть изъ слѣдующаго приключенія. Въ село Кончу прибылъ какой-то перехожій цыганъ-кузнецъ, и, какъ водится, разбилъ себѣ шатеръ и устроилъ въ немъ кузницу, куда приходили къ нему жители для поправки своихъ домашнихъ орудій. Священникъ того села, въ числѣ другихъ, носилъ ему свои вещи, а между ними, два ножа. Пришелъ къ цыгану, послѣ того, жолнѣръ и заказывалъ себѣ ножъ. Малолѣт-

ная дочь цыгана сказала, что ея отецъ сдѣлалъ хорошій ножъ священнику. Жолнѣръ сейчасъ донесъ; схватили священника, нѣсколькихъ крестьянъ, которые заказывали себѣ у цыгана работу; самого кузнеца и всѣхъ продержали въ смрадной тюрьмѣ нѣсколько недѣль.

Кромѣ неправеднаго суда, русскіе люди терпѣли повсюду и отъ неудержимаго произвола поляковъ и евреевъ. Въ одномъ селѣ, напримѣръ, проѣзжали украинцы, продавшіе свое сало и возвращавшіеся домой. Заѣхали они въ жидовскую корчму, спросили водки и тарелку, на которой хотѣли разрѣзать оселедця (селедку). Еврей не далъ имъ тарелки и еще обругалъ ихъ. Тогда украинецъ указалъ на столъ своему товарищу и сказалъ: отъ ту ріжъ! (вотъ здѣсь рѣжь!) Еврей заоралъ во все горло; сбѣжались его соотечественники; корчмарь кричалъ, что хлопы хотѣли рѣзать жидовъ. Хлоповъ связали, повели къ эконому, а тотъ влѣпилъ каждому по пятидесяти батоговъ. Онъ былъ, однако, изъ милосердыхъ, потому что, по крайней мѣрѣ, не отправилъ ихъ въ городъ, гдѣ бы имъ пришлось протомиться въ тюрьмѣ и можетъ быть даже пойти на висѣлицу; правилъ твердыхъ не было кого выпустить, кого повѣсить—все зависѣло отъ расположенія духа и отъ того, не замѣшивалась-ли тутъ личная вражда. Если кто съ кѣмъ поссорился и хотѣлъ почувствительнѣе насолить врагу, если кто хотѣлъ кого ограбить—оговоръ въ бунтѣ былъ лучшее средство. У священника яблонецкаго, на Волыни, по фамиліи Бубаловича, панъ Богуцкій отнялъ церковныя земли, но по приговору епископскаго суда долженъ былъ возвратить захваченное. Богуцкій оговорилъ священника. Нужны были свидѣтели, чтобъ подтвердить доносъ. Богуцкій пригласилъ къ себѣ пономаря Кабасюка, прочиталъ ему пункты обвиненія и требовалъ, чтобъ Кабасюкъ лжесвидѣтельствовалъ противъ попа. Кабасюкъ сперва отказался, а потомъ согласился, послѣ того какъ Богуцкій завалилъ ему триста розогъ, и объявилъ, что засѣчетъ его до смерти, если онъ не станетъ свидѣтелемъ на попа. Потомъ созвали изъ сосѣднихъ селъ человѣкъ двѣнадцать крестьянъ, прочитали имъ обвинительные пункты на попа; Кабасюкъ подтвердилъ ихъ, и мужики поставлены были свидѣтелями, быть можетъ, сами не зная въ чемъ дѣло; священникъ просидѣлъ двѣнадцать лѣтъ въ тюрьмѣ, а его дворъ, имущество забралъ Богуцкій, и въ добавокъ его попадью жестоко высѣкли розгами.

Привыкши поступать по настроенію духа въ данную минуту, самые добродушные паны дѣлали варварства. Такъ одинъ изъ волынскихъ пановъ, ротмистръ народовой кавалеріи, Пулавскій,

заступался за священниковъ въ судѣ, когда ясно видѣлъ, что они невинны, а въ Корцѣ, подгулявши, приказалъ къ себѣ доставить благочиннаго и его викарія, приложилъ благочинному къ груди пистолетъ и спрашивалъ: «когда у тебя въ приходѣ начнется рѣзня?» Священникъ отвѣчалъ: «на русское духовенство говорятъ напраслину». — «Бросить ихъ въ прудъ!» закричалъ Пулавскій. Панское приказаніе хотѣли исполнить, какъ вдругъ Пулавскій одумался и ограничился тѣмъ, что приказалъ отсчитать благочинному пятьдесятъ, а викарію тридцать ударовъ плашмя. На другой день, добросердечный Пулавскій, протрезвившись, пожалѣлъ о священникахъ и обѣщалъ щедро наградить ихъ, какъ только сами они пожелаютъ.

Шляхта была въ непрерывномъ страхѣ, постоянно на готовѣ къ самооборонѣ; не сегодня—завтра, казалось ей, закипитъ народное возстаніе. По ея соображеніямъ, если схизматики не начали своего страшнаго дѣла на пасху, то, вѣроятно, начнутъ въ другой какой-нибудь праздникъ послѣ пасхи. Боялись — Ѳоминой недѣли, Преполовенія, Вознесенія... Грозные дни проходили; опасеніе не сбывалось; Троицынъ день казался страшнѣе... И этотъ праздникъ наступилъ; схизматики не брались за роковые ножи, спрятанные, какъ воображала себѣ шляхта, въ скирдахъ и погребахъ. Тогда распространилось, что схизматики поминаютъ царицу въ своихъ церквахъ: въ томъ удостовѣряли свидѣтели, слышавшіе это собственными ушами. Шляхта вскипѣла негодованіемъ; казалось, мало висѣлицы для такихъ непокорныхъ, которые, несмотря на поднятую противъ себя грозу, ругались надъ властію и силою шляхетской республики. Но скоро объяснилось, что схизматики въ своихъ церквахъ поминали царицу не россійскую, а небесную, Матерь Божію [1]. Послѣ Троицына дня, шляхта соображала, что вѣрно возстаніе отложено до Петрова дня. Но и этотъ праздникъ прошелъ. Тогда тревога стала уменьшаться; шляхта успокоивалась; рѣже и рѣже стали хватать по подозрѣнію въ намѣреніи производить рѣзню. Офени и чумаки перестали появляться тамъ, гдѣ имъ грозила бѣда. Къ осени все затихло. Русскій народъ вошелъ опять въ обычную колею терпѣливаго рабства.

Увѣренность въ томъ, что россійская императрица подущаетъ, чрезъ своихъ москалей, хлоповъ къ бунту и хочетъ произвести рѣзню, была до того велика, что если бы кто и думалъ

---

[1]) Вѣроятно, этому подало поводъ пѣвіе на Троицынъ день девятой пѣсни канона пятидесятницы: Радуйся, царице, матеродѣвственная славо!

иначе, то не смѣлъ заявить объ этомъ гласно, чтобъ не навлечь на себя подозрѣнія въ измѣнѣ шляхетскому дѣлу. Только Щенсный Потоцкій не побоялся высказывать правду. Подкомандные донесли ему, какъ генералу артиллеріи, что московскихъ *звонщиковъ* въ Украинѣ стало больше чѣмъ воловъ, и просили дать приказаніе ловить и выгонять за границу этихъ схизматиковъ. Онъ отвѣчалъ: «Не мудрено: на воловъ былъ падежъ, а на людей мора не было. Нельзя выгонять людей какой бы то ни было религіи: это причинило бы стыдъ нашему правительству; я не вижу въ этомъ обстоятельствѣ никакой опасности для нашего края. Знаю: распространяютъ слухи, будто Москва подстрекаетъ къ бунту нашихъ хлоповъ. Эти выдумки достойны презрѣнія и надобно убѣждать обывателей въ томъ, что все это ложь.»

Сеймъ, въ большинствѣ увѣренный въ томъ, что слухи о предстоящемъ бунтѣ основательны, вознегодовалъ на Щенснаго Потоцкаго. Суходольскій ставилъ ему въ вину и то, что онъ вѣжливо и дружелюбно сносился съ россійскими командирами и называлъ такіе поступки заговоромъ противъ отечества, достойнымъ кары. Щенсный взялъ отставку отъ должности генерала артиллеріи. Замѣчательно, что на сеймѣ заступался за него человѣкъ совершенно противной партіи, Игнатій Потоцкій, который вообще, во время толковъ, происходившихъ въ Избѣ, о рѣзнѣ, почти не касался этого предмета. Впослѣдствіи, большинство поляковъ думало объ этомъ заговорѣ также, какъ и Щенсный Потоцкій.

Не было никакихъ существенныхъ признаковъ несомнѣнной опасности, тѣмъ не менѣе однако, нельзя сказать, чтобы страхъ поляковъ былъ лишенъ всякаго основанія. Если южнорусскій народъ учинилъ рѣзню въ 1768 г., то могъ сдѣлать тоже въ 1789 г. Преслѣдуя православную вѣру, предавая ее самому крайнему поруганію, поставивши себѣ задачею искоренить ее въ своихъ областяхъ, какъ гибельную заразу, поляки справедливо думали, что умноженіе православныхъ умножитъ число враговъ шляхетской республики. Православные должны будутъ, по единовѣрію, обращаться сердцемъ къ Россіи; кромѣ того, православіе поддерживало русскую народность: въ польскихъ областяхъ кто былъ православнымъ, тотъ уже тѣмъ самымъ былъ русскій. Было вполнѣ естественно русскому народу желать скорѣе присоединиться къ русскому, православному государству, чѣмъ оставаться подъ властію чужою, католическою, гдѣ, притомъ, онъ на каждомъ шагу слышалъ, что его вѣра — собачья вѣра, гдѣ, сверхъ того, лишенный гражданскихъ правъ, порабощенный польскимъ

и ополяченнымъ дворянствомъ, онъ не пользовался ничѣмъ такимъ, что бы его побуждало быть вѣрнымъ существующей власти. Возвращеніе къ православію пробуждало въ немъ и воспоминаніе борьбы за православіе; несмотря на свою безграмотность, онъ изъ пѣсенъ и преданій, зналъ свою прошлую исторію настолько, чтобъ стремиться повторить то, что дѣлали дѣды, да и примѣровъ свѣжихъ, недавнихъ было не мало; еще многіе были живы изъ тѣхъ, которые видали Гонту и Залізняка; даже зять Гонты, сельскій священникъ, былъ тогда живъ. Новая коліивщина была вполнѣ желаніемъ народа, и если поляки не ускорили ее своими преслѣдованіями и казнями, если она не вспыхнула, то причины этому были таковы: во-первыхъ, тогда уже не было Запорожья, которое въ 1768 году дало починъ народному дѣлу и поставило для него вооруженный контингентъ, къ которому могли примыкать громады возставшихъ хлоповъ; во-вторыхъ, народъ не смѣлъ уже такъ необдуманно понадѣяться на помощь русской царицы, какъ это дѣлалось прежде: теперь нужно было уже ясно видѣть, что она благопріятствуетъ возстанію; въ-третьихъ, за Днѣпромъ уже не было гетманщины и народъ видѣлъ, что его единоземцы подъ властію Россіи также осуждены работать панамъ, а слѣдовательно, его не могла питать надежда, чтобъ царица освободила его отъ панской власти; въ-четвертыхъ, православное духовенство, исключая, можетъ быть, какихъ-нибудь бродячихъ чернецовъ, вовсе не благословляло народа на кровавое дѣло и проповѣдывало ему терпѣніе. Архіерей Викторъ Садковскій болѣе всего давалъ ему миролюбивый тонъ, и ему много обязаны были поляки тѣмъ, что народъ, возвращаясь къ православію, не смѣлъ браться за ножи. Безъ этихъ счастливыхъ для поляковъ условій, народъ, безъ сомнѣнія, кинулся бы истреблять и выгонять изъ своей земли своихъ поработителей и передалъ бы, въ свое время, русскій край русской державѣ въ такомъ видѣ, что въ немъ, по выраженію народной пѣсни, не было бы уже *ни ляха, ни жида, ни уніи.*

И между тѣмъ однако, этого Садковскаго поляки считали величайшимъ врагомъ своимъ и главнымъ виновникомъ народнаго волненія. По приказанію сейма, его арестовали на дорогѣ. Офицеръ, который схватилъ его, въ своемъ рапортѣ донесъ, что при немъ найдена печатная книжка, гдѣ была напечатана форма присяги духовенства на вѣрность императрицѣ. «Можетъ ли быть, — говорилъ по этому поводу въ засѣданіи сейма Суходольскій — большаго доказательства его виновности? По его приказанію попы передъ пасхою исповѣдывали только такихъ, которые при-

годны оказывались для рѣзни: стариковъ, женщинъ и дѣтей отгоняли прочь. По этимъ несомнѣннымъ доводамъ, Садковскій не можетъ пользоваться закономъ: neminem captivabimus, будучи пойманъ на самомъ совершеніи преступленія». Между тѣмъ, найденная при Садковскомъ печатная книжка была не болѣе, какъ книга, изданная въ Россіи, и заключавшаяся въ ней форма присяги на вѣрность императрицѣ не считалась обязательною для паствы Садковскаго, тѣмъ болѣе, когда ему самому россійское правительство уже велѣло присягнуть на вѣрность Рѣчи-Посполитой. Но большинство Избы раздѣляло сужденіе Суходольскаго. Преосвященнаго Виктора Садковскаго сначала привезли въ Несвижъ, въ оковахъ; отсюда онъ написалъ окружное посланіе къ своей паствѣ о вѣрности королю и Рѣчи-Посполитой, приказывалъ молиться за короля и за благополучное окончаніе трудовъ сейма, завѣщалъ народу не только поступками, но даже и словами не оказывать противности правительству и своимъ панамъ, угрожалъ, въ противномъ случаѣ, церковною клятвою и вѣчною мукою въ будущей жизни. «Во время нашего посѣщенія Украины — было сказано въ этомъ посланіи — и по возвращеніи въ Слуцкъ, мы неоднократно обращали къ своей паствѣ наказанія и напоминовенія сохранять вѣрность королю и Рѣчи-Посполитой и повиноваться панамъ и владѣльцамъ своимъ, исполнять свою обязанность, не допускать къ себѣ мысли о сопротивленіи, а наипаче о мятежѣ, нарушающемъ общественное спокойствіе.»

Это не защитило православнаго архіерея. Его привезли въ Варшаву и засадили въ пороховомъ складѣ (w prochownie), съ нимъ были игуменъ Кипріанъ, слуцкій протопопъ, нѣсколько священниковъ, два дьячка и пѣвчіе. Нарядили депутацію для изслѣдованія дѣла объ обвиненіи въ бунтѣ, подъ предсѣдательствомъ маршаловъ сейма [1]).

Когда православнымъ священникамъ велѣли присягнуть, нѣкоторые воспротивились и спасали себя бѣгствомъ. Завися, по прежнему порядку, отъ россійскаго синода, они находили затруднительнымъ, сообразно приказанію сейма, не молиться за вла-

---

[1]) Членами были сенаторы: луцкій епископъ Турскій, каштеляны Пражмовскій и Фелкерзамбъ, и послы, числомъ двѣнадцать, по четыре изъ каждой провинціи: малопольской (Кохановскій, Залѣскій, Длускій и Страшковскій), великопольской (Рожновскій, Тымовскій, Маловѣйскій и Шимановскій), литовской (Грабовскій, Берновичъ, Залѣскій и Бутримовичъ). Черезъ годъ, въ 1790 г., они представили два напечатанныхъ томика своей реляціи, съ приложеніемъ актовъ, найденныхъ у Садковскаго: изъ этихъ книгъ, при всемъ стараніи натянуть дѣло во вредъ православному владыкѣ, онъ вполнѣ оказывается невиннымъ предъ судомъ исторіи.

сти, находившіяся за предѣлами Рѣчи-Посполитой, когда въ Россіи находилось ихъ духовное начальство, а въ Польшѣ его не было вовсе. Такъ поступилъ, между другими, виленскій игуменъ Варлаамъ Шишацкій, тотъ самый, который, впослѣдствіи, будучи могилевскимъ архіепископомъ, молился за Наполеона въ 1812 году и за это былъ лишенъ сана. Въ 1789 г. онъ убѣжалъ въ Россію. Также убѣжалъ изъ Украины протопопъ Левандовскій, котораго приказано было схватить и привезти въ Варшаву. Игуменъ Медвѣдовскаго монастыря не успѣлъ убѣжать и былъ доставленъ въ столицу въ кандалахъ.

Такой образъ дѣйствій поляковъ, казалось, клонился къ тому, чтобъ раздражить русскую государыню и вызвать ее на рѣзкія заявленія. Въ противность тому, 4 іюня, Штакельбергъ подалъ сейму ноту, гдѣ извѣщалъ, что, сообразно желанію Рѣчи-Посполитой, императрица приказала своему фельдмаршалу распорядиться о перевозѣ своихъ магазиновъ на лѣвый берегъ Днѣпра, а впередъ доставка провіанта и военныхъ принадлежностей къ войску, воюющему въ Турціи, будетъ происходить иными путями, минуя территоріи Рѣчи-Посполитой. Вмѣстѣ съ тѣмъ изъявлялось желаніе, чтобы подданные Рѣчи-Посполитой дружественно помогли скорѣе и удобнѣе вывезти эти магазины изъ предѣловъ польскихъ.

Н. Костомаровъ.

ВОСПОМИНАНІЯ

О

БѢЛИНСКОМЪ

I.

Личное мое знакомство съ В. Г. Бѣлинскимъ началось въ Петербургѣ, лѣтомъ 1843-го года; но имя его стало мнѣ извѣстнымъ гораздо раньше. Вскорѣ послѣ появленія его первыхъ критическихъ статей въ «Молвѣ» и «Телескопѣ» (1836—1839), въ Петербургѣ начали ходить слухи о немъ, какъ о человѣкѣ весьма бойкомъ, горячемъ, который ни передъ чѣмъ не отступалъ и нападалъ на «все»—на все въ литературномъ мірѣ, конечно. Другого рода критика была тогда немыслима—въ печати. Многіе, даже между молодежью, осуждали его и находили, что онъ слишкомъ смѣлъ и далеко заносится; старинный антагонизмъ Петербурга и Москвы придавалъ еще болѣе рѣзкости тому недовѣрію, съ которымъ читатели на берегахъ Невы относились къ новому московскому свѣтилу. Притомъ, его плебейское происхожденіе (отецъ его былъ лекарь, а дѣдъ дьяконъ) возмущало аристократическій духъ, установившійся въ нашей литературѣ съ Александровскихъ временъ, временъ «Арзамаса» и т. п. Въ тогдашнее, темное, подпольное время, сплетня играла большую роль во всѣхъ сужденіяхъ—литературныхъ и иныхъ.... Извѣстно, что сплетня и до сихъ поръ не совсѣмъ утратила свое значеніе; исчезнетъ она только въ лучахъ полной гласности и свободы. Цѣлая легенда тотчасъ сложилась и о Бѣлинскомъ. Говорили, что онъ недоучившійся ка-

зенный студентъ, выгнанный изъ университета тогдашнимъ попечителемъ Голохвастовымъ за развратное поведеніе... (Бѣлинскій—и развратное поведеніе!); увѣряли, что и наружность его самая ужасная; что это какой-то циникъ, бульдогъ, призрѣнный Надеждинымъ съ цѣлью травить имъ своихъ враговъ; упорно, и какъ бы въ укоризну, называли его «Бѣлынскимъ». Слышались, правда, голосà и въ его пользу; помнится, издатель почти единственнаго тогдашняго толстаго журнала, отзывался о немъ, какъ о птичкѣ съ ноготкомъ, какъ о живчикѣ, котораго не худо бы завербовать — что̀, какъ извѣстно, и было впослѣдствіи приведено въ исполненіе, къ великому преуспѣянію журнала и къ великой выгодѣ самого... издателя. Что касается до меня, то знакомство мое съ Бѣлинскимъ, какъ писателемъ, произошло слѣдующимъ образомъ.

II.

Стихотворенія Бенедиктова появились въ 1836 году маленькой книжечкой съ неизбѣжной виньеткой на заглавномъ листѣ—какъ теперь ее вижу, и привели въ восхищеніе все общество, всѣхъ литераторовъ, критиковъ—всю молодежь. И я, не хуже другихъ, упивался этими стихотвореніями, зналъ многія наизусть, восторгался «Утесомъ», «Горами», и даже «Матильдой» на жеребцѣ, гордившейся «усѣстомъ красивымъ и плотнымъ». Вотъ въ одно утро зашелъ ко мнѣ студентъ-товарищъ и съ негодованіемъ сообщилъ мнѣ, что въ кандитерской Беранжэ появился № «Телескопа» съ статьей Бѣлинскаго, въ которой этотъ «критиканъ» осмѣливался заносить руку на нашъ общій идолъ, на Бенедиктова. Я немедленно отправился къ Беранжэ, прочелъ всю статью отъ доски до доски—и, разумѣется, такъ же воспылалъ негодованіемъ. Но—странное дѣло! и во время чтенія, и послѣ, къ собственному моему изумленію и даже досадѣ, что̀-то во мнѣ невольно соглашалось съ «критиканомъ», находило его доводы убѣдительными... неотразимыми! Я стыдился этого уже точно неожиданнаго впечатлѣнія, я старался заглушить въ себѣ этотъ внутренній голосъ — въ кругу пріятелей я съ бо́льшей еще рѣзкостью отзывался о самомъ Бѣлинскомъ и объ его статьѣ... но въ глубинѣ души что̀-то продолжало шептать мнѣ, что *онъ былъ правъ*... Прошло нѣсколько времени—и я уже не читалъ Бенедиктова. Кому же неизвѣстно теперь, что мнѣнія высказанныя тогда Бѣлинскимъ, мнѣнія, казавшіяся дерзкой новизною—стали всѣми принятымъ, общимъ мѣстомъ—«a truism», какъ выражаются англичане? Подъ *этотъ* приговоръ подписа-

несь потомство, какъ и подъ многіе другіе, произнесенные тѣмъ же судьей. Имя Бѣлинскаго съ тѣхъ поръ уже не изгладилось изъ моей памяти, но личное наше знакомство началось позже.

III.

Когда появилась та небольшая поэма «Параша», о которой я говорилъ выше *), я въ самый день отъѣзда изъ Петербурга въ деревню сходилъ къ Бѣлинскому (я зналъ, гдѣ онъ жилъ, но не посѣщалъ его и всего два раза встрѣтился съ нимъ у знакомыхъ), и не назвавшись, оставилъ его человѣку одинъ экземпляръ. Въ деревнѣ я пробылъ около двухъ мѣсяцевъ и, получивъ майскую книжку «Отечественныхъ Записокъ», прочелъ въ ней длинную статью Бѣлинскаго о моей поэмѣ. Онъ такъ благосклонно отозвался обо мнѣ, такъ горячо хвалилъ меня, что, помнится, я почувствовалъ больше смущенія, чѣмъ радости. Я не «могъ повѣрить», и когда въ Москвѣ покойный Кирѣевскій (И. В.) подошолъ ко мнѣ съ поздравленіями, я поспѣшилъ отказаться отъ своего дѣтища, утверждая, что сочинитель «Параши» не я. Возвратившись въ Петербургъ, я, разумѣется, отправился къ Бѣлинскому, и знакомство наше началось. Онъ вскорѣ уѣхалъ въ Москву—жениться—а возвратившись оттуда, поселился на дачѣ въ Лѣсномъ. Я также нанялъ дачу въ первомъ Парголовѣ—и до самой осени почти каждый день посѣщалъ Бѣлинскаго. Я полюбилъ его искренно и глубоко; онъ благоволилъ ко мнѣ.

IV.

Опишу его наружность. Извѣстный литографическій—едва ли не единственный, портретъ его даетъ о немъ понятіе не вѣрное. Срисовывая его черты, художникъ почелъ за долгъ воспарить духомъ и украсить природу, и потому придалъ всей головѣ какое-то повелительно-вдохновенное выраженіе, какой-то военный, чуть не генеральскій поворотъ, неестественную позу, что̀ вовсе не соотвѣтствовало дѣйствительности и нисколько не согласовалось съ характеромъ и обычаемъ Бѣлинскаго. Это былъ человѣкъ сред-

*) Въ первомъ отрывкѣ «Воспоминаній». Онъ будетъ, вмѣстѣ съ четырьмя другими, напечатанъ въ первомъ томѣ новаго изданія сочиненій И. С. Тургенева, которое предпринято гг. Салаевыми. — *Ред.*

няго роста, на первый взглядъ довольно некрасивый и даже нескладный, худощавый, со впалой грудью и понурой головою. Одна лопатка замѣтно выдавалась больше другой. Всякаго, даже не медика, немедленно поражали въ немъ всѣ главные признаки чахотки, весь такъ-называемый habitus этой злой болѣзни. Притомъ же онъ почти постоянно кашлялъ. Лицо онъ имѣлъ небольшое, блѣдно-красноватое, носъ неправильный, какъ бы приплюснутый, ротъ слегка искривленный, особенно когда раскрывался, маленькіе, частые зубы, густые бѣлокурые волосы падали клокомъ на бѣлый, прекрасный, хоть и низкій лобъ. Я не видывалъ глазъ болѣе прелестныхъ, чѣмъ у Бѣлинскаго. Голубые, съ золотыми искорками въ глубинѣ зрачковъ, эти глаза, въ обычное время полузакрытые рѣсницами, расширялись и сверкали въ минуты воодушевленія; въ минуты веселости взглядъ ихъ принималъ плѣнительное выраженіе привѣтливой доброты и безпечнаго счастья. Голосъ у Бѣлинскаго былъ слабъ, съ хрипотою—но пріятенъ; говорилъ онъ съ особенными удареніями и придыханіями, «упорствуя, волнуясь и спѣша» [1]). Смѣялся онъ отъ души, какъ ребенокъ. Онъ любилъ расхаживать по комнатѣ, постукивая пальцами красивыхъ и маленькихъ рукъ по табакеркѣ съ русскимъ табакомъ. Кто видѣлъ его только на улицѣ, когда въ тепломъ картузѣ, старой енотовой шубенкѣ и стоптанныхъ калошахъ, онъ, торопливой и неровной походкой, пробирался вдоль стѣнъ и съ пугливой суровостью, свойственной нервическимъ людямъ, озирался вокругъ — тотъ не могъ составить себѣ вѣрнаго о немъ понятія, и я до нѣкоторой степени понимаю восклицаніе одного провинціала, которому его указали: «я только въ лѣсу такихъ волковъ видалъ, и то травленыхъ!» Между чужими людьми, на улицѣ, Бѣлинскій легко робѣлъ и терялся. Дома онъ обыкновенно носилъ сѣрый сюртукъ на ватѣ и держался вообще очень опрятно. Его выговоръ, манеры, тѣлодвиженія живо напоминали его происхожденіе; вся его повадка была чисто русская, московская; недаромъ въ жилахъ его текла безпримѣсная кровь — принадлежность нашего великорусскаго духовенства, столько вѣковъ недоступнаго вліянію иностранной породы.

---

[1]) Стихъ господина Некрасова.

V.

Бѣлинскій былъ, что̀ у насъ рѣдко, дѣйствительно страстный и дѣйствительно искренній человѣкъ, способный къ увлеченію безавѣтному, но исключительно преданный правдѣ, раздражительный, но не самолюбивый, умѣвшій любить и ненавидѣть безкорыстно. Люди, которые, судя о немъ на-обумъ, приходили въ негодованіе отъ его «наглости», возмущались его «грубостью», писали на него доносы, распространяли про него клеветы—эти люди вѣроятно удивились бы, еслибъ узнали, что у этого циника душа была цѣломудренная до стыдливости, мягкая до нѣжности, честная до рыцарства; что велъ онъ жизнь чуть не монашескую, что вино не касалось его губъ. Въ этомъ послѣднемъ отношеніи онъ не походилъ на тогдашнихъ москвичей. Невозможно себѣ представить, до какой степени Бѣлинскій былъ правдивъ съ другими и съ самимъ собою; онъ чувствовалъ, дѣйствовалъ, существовалъ только въ силу того, что̀ онъ признавалъ за истину, въ силу своихъ принциповъ. Приведу одинъ примѣръ. Вскорѣ послѣ моего знакомства съ нимъ, его снова начали тревожить тѣ вопросы, которые, не получивъ разрѣшенія или получивъ разрѣшеніе одностороннее, не даютъ покоя человѣку, особенно въ молодости: философическіе вопросы о значеніи жизни, объ отношеніяхъ людей другъ къ другу и къ Божеству, о происхожденіи міра, о безсмертіи души и т. п. Не будучи знакомъ ни съ однимъ изъ иностранныхъ языковъ (онъ даже по-французски читалъ съ великимъ трудомъ) и не находя въ русскихъ книгахъ ничего, что̀ могло бы удовлетворить его пытливость, Бѣлинскій поневолѣ долженъ былъ прибѣгать къ разговорамъ съ друзьями, къ продолжительнымъ толкамъ, сужденіямъ и разспросамъ; и онъ отдавался имъ со всѣмъ лихорадочнымъ жаромъ своей жаждавшей правды души. Такимъ именно путемъ онъ, еще въ Москвѣ, усвоилъ себѣ между прочимъ главные выводы и даже терминологію Гегелевской философіи, безпрекословно царившей тогда въ умахъ молодежи. Дѣло не обходилось, конечно, безъ недоразумѣній, иногда даже комическихъ: друзья-наставники Бѣлинскаго, передававшіе ему всю суть и весь сокъ западной науки, часто сами плохо и поверхностно ее понимали [1]); но уже Гёте сказалъ, что —

[1]) Много хлопотъ тогда надѣлало въ Москвѣ извѣстное изрѣченіе Гегеля: «что̀ разумно—то дѣйствительно, что́ дѣйствительно—то разумно». Съ первой половиной изрѣченія всѣ соглашались, но ка̀къ было понять вторую? Неужели же нужно было признать все, что̀ тогда существовало въ Россіи, за разумное. Толковали, толковали и порѣшили: вторую половину изрѣченія *не допустить*. Еслибъ кто-нибудь шепнулъ тогда

Ein guter Mann in seinem dunklen Drange
Ist sich des rechten Weges wohl bewusst... [1]

а Бѣлинскій былъ именно ein guter Mann, — былъ правдивый и честный человѣкъ. Къ тому же его въ этихъ случаяхъ выручалъ замѣчательный инстинктъ, которымъ онъ былъ одаренъ; но объ этомъ рѣчь впереди. — Итакъ, когда я познакомился съ Бѣлинскимъ, его мучили сомнѣнія. Эту фразу я часто слышалъ и самъ употреблялъ не однажды: но въ дѣйствительности и вполнѣ она примѣнялась къ одному Бѣлинскому. Сомнѣнія его именно мучили его, лишали его сна, пищи, неотступно грозили и жгли его; онъ не позволялъ себѣ забыться и не зналъ усталости; онъ денно и нощно бился надъ разрѣшеніемъ вопросовъ, которые самъ задавалъ себѣ. Бывало, какъ только я приду къ нему, онъ, исхудалый, больной (съ нимъ сдѣлалось тогда воспаленіе въ легкихъ и чуть не унесло его въ могилу) тотчасъ встанетъ съ дивана и едва слышнымъ голосомъ, безпрестанно кашляя, съ пульсомъ, бившимъ сто разъ въ минуту, съ неровнымъ румянцемъ на щекахъ, начнетъ прерванную наканунѣ бесѣду. Искренность его дѣйствовала на меня, его огонь сообщался и мнѣ, важность предмета меня увлекала; но, поговоривъ часа два, три, я ослабѣвалъ, легкомысліе молодости брало свое, мнѣ хотѣлось отдохнуть, я думалъ о прогулкѣ, объ обѣдѣ, сама жена Бѣлинскаго умоляла, и мужа, и меня, хотя немножко погодить, хотя на время прервать эти пренія, напоминала ему предписаніе врача... но съ Бѣлинскимъ сладить было нелегко. — «Мы не рѣшили еще вопроса о существованіи Бога, сказалъ онъ мнѣ однажды съ горькимъ упрекомъ, а вы хотите ѣсть!»... Сознаюсь, что написавъ эти слова, я чуть не вычеркнулъ ихъ при мысли, что онѣ могутъ возбудить улыбку на лицахъ иныхъ изъ моихъ читателей... Но не пришло бы въ голову смѣяться тому, кто самъ бы слышалъ, какъ Бѣлинскій произнесъ эти слова, и если, при воспоминаніи объ *этой* правдивости, объ *этой* небоязни смѣшного, улыбка можетъ придти на уста, то развѣ улыбка умиленія и удивленія...

Лишь добившись удовлетворившаго его въ то время резуль-

молодымъ философамъ, что Гегель *не все существующее признаетъ за дѣйствительное*—много бы умственной работы и томительныхъ преній было сбережено; они увидали бы, что эта знаменитая формула, какъ и многія другія, есть простая тавтологія и въ сущности значитъ только то, что opium facit dormire, quare est in eo virtus dormitiva»; т. е. опіумъ заставляетъ спать, по той причинѣ, что въ немъ есть снотворная сила (Мольеръ).

[1]) «Добрый человѣкъ и въ неясномъ своемъ стремленіи всегда имѣетъ сознаніе прямого пути».

тата, Бѣлинскій успокоился, и отложивъ размышленія о тѣхъ капитальныхъ вопросахъ, возвратился къ ежедневнымъ трудамъ и занятіямъ. Со мной онъ говорилъ особенно охотно потому, что я недавно вернулся изъ Берлина, гдѣ въ теченіи двухъ семестровъ занимался Гегелевской философіей и былъ въ состояніи передать ему самые свѣжіе, послѣдніе выводы. Мы еще вѣрили тогда въ дѣйствительность и важность философическихъ и метафизическихъ выводовъ, хотя ни онъ, ни я, мы нисколько не были философами и не обладали способностью мыслить отвлеченно, чисто, на нѣмецкій манеръ... Впрочемъ, мы тогда въ философіи искали всего на свѣтѣ, кромѣ чистаго мышленія.

VI.

Свѣдѣнія Бѣлинскаго были не обширны; онъ зналъ мало и въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго. Въ отсутствіи трудолюбія, въ лѣни даже враги не обвиняли его; но бѣдность, окружавшая его съизмала, плохое воспитаніе, несчастныя обстоятельства, раннія болѣзни, а потомъ необходимость спѣшной работы изъ-за куска хлѣба, все это вмѣстѣ взятое помѣшало Бѣлинскому пріобрѣсти правильныя познанія, хотя, напр., русскую литературу, ея исторію, онъ изучилъ основательно. Но скажу болѣе: именно это недостаточное знаніе является въ этомъ случаѣ характеристическимъ признакомъ, почти необходимостью. Бѣлинскій былъ тѣмъ, что̀ я позволю себѣ назвать *центральной натурой;* онъ всѣмъ существомъ своимъ стоялъ близко къ сердцевинѣ своего народа, воплощалъ его вполнѣ и съ хорошихъ, и съ дурныхъ его сторонъ. Ученый человѣкъ, не говорю: «образованный» —это другой вопросъ, но ученый человѣкъ, именно въ силу своей учености, не могъ бы быть въ сороковыхъ годахъ такой русской центральной натурой; онъ не вполнѣ соотвѣтствовалъ бы той средѣ, на которую пришлось бы ему дѣйствовать; у него и у ней были бы различные интересы; гармоніи бы не было, и вѣроятно не было бы обоюднаго пониманія. Вожди своихъ современниковъ въ дѣлѣ критики общественной, эстетической, въ дѣлѣ критическаго самосознанія (мнѣ кажется, что мое замѣчаніе имѣетъ примѣненіе общее, но на этотъ разъ я ограничусь одною *этой* стороной) вожди современниковъ, говорю я, должны конечно стоять выше ихъ, обладать болѣе нормально устроенной головою, болѣе яснымъ взглядомъ, бо́льшей твердостью характера; но между этими вождями и ихъ послѣдователями не должно быть бездны. Одно слово: послѣдователь уже предполагаетъ возможность шествія по одному

направленію, тѣсной связи. Вождь можетъ возбуждать негодованіе, досаду въ тѣхъ, которыхъ онъ тревожитъ, поднимаетъ съ мѣста, двигаетъ впередъ; проклинать они его могутъ, но понимать они должны его всегда. Онъ долженъ стоять выше ихъ, да, но и близко къ нимъ; онъ долженъ участвовать не въ однихъ ихъ качествахъ и свойствахъ, но и въ недостаткахъ ихъ: онъ тѣмъ самымъ глубже и больнѣе чувствуетъ эти недостатки. Сенковскій былъ не въ примѣръ ученѣе, не говорю уже Бѣлинскаго, но и бо́льшей части своихъ русскихъ современниковъ; а какой слѣдъ оставилъ онъ? Мнѣ скажутъ, что его дѣятельность была безплодна и вредна не потому, что онъ былъ ученый, а потому, что у него не было убѣжденій, что онъ былъ намъ чужой, не понималъ насъ, не сочувствовалъ намъ; противъ этого я спорить не стану, но мнѣ кажется, что самый его скептицизмъ, его вычурность и гадливость, его презрительное глумленіе, педантство, холодъ, всѣ его особенности отчасти происходили отъ того, что у него, какъ у человѣка ученаго, спеціалиста, и цѣли и симпатіи были другія, чѣмъ у массы общества. Сенковскій былъ не только ученъ, онъ былъ остроуменъ, игривъ, блестящъ; молодые чиновники и офицеры восхищались имъ, особенно въ провинціи; но не того было нужно массѣ читателей; а того, что̀ было нужно: критическаго и общественнаго чутья, вкуса, пониманія насущныхъ потребностей эпохи и, главное, жара, любви къ меньшей, невѣжественной братіи у него и слѣда не замѣчалось. Онъ забавлялъ своихъ читателей, втайнѣ презирая ихъ, какъ неучей; и они забавлялись имъ и на грошъ ему не вѣрили. Смѣю надѣяться, что мнѣ не станутъ приписывать желанія защищать и какъ бы рекомендовать невѣжество: я указываю только на физіологическій фактъ въ развитіи нашего сознанія. Понятно, что какой-нибудь Лессингъ, для того, чтобы стать вождемъ *своего* поколѣнія, полнымъ представителемъ *своей* народности, долженъ былъ быть человѣкомъ почти всеобъемлющей учености; въ немъ отражалась, въ немъ находила свой голосъ, свою мысль Германія: онъ былъ *германской центральной натурой*. Но Бѣлинскій, который до нѣкоторой степени заслуживаетъ названіе русскаго Лессинга, Бѣлинскій, значеніе котораго, по смыслу и вліянію своему, дѣйствительно напоминаетъ значеніе великаго германскаго критика, могъ сдѣлаться тѣмъ, чѣмъ онъ былъ, и безъ большого запаса научныхъ познаній. Онъ смѣшивалъ старшаго Питта (лорда Чатама) съ его сыномъ, В. Питтомъ — что̀ за бѣда! «Мы всѣ учились понемногу, чему-нибудь и какъ-нибудь»... Для того, что̀ ему предстояло исполнить, онъ зналъ довольно. Откуда онъ бы взялъ тотъ жаръ и ту страсть, съ кото-

рыми онъ постоянно и всюду ратовалъ за просвѣщеніе, еслибъ онъ на самомъ себѣ не испыталъ всю горечь невѣжества? Нѣмецъ старается исправить недостатки своего народа, убѣдившись размышленіемъ въ ихъ вредѣ; русскій еще долго будетъ самъ болѣть ими.

VII.

Бѣлинскій, безспорно, обладалъ главными качествами великаго критика; и если въ дѣлѣ науки, знанія, ему приходилось заимствоваться отъ товарищей, принимать ихъ слова на вѣру — въ дѣлѣ критики ему не у кого было спрашиваться; напротивъ, другіе слушались его; починъ оставался постоянно за нимъ. Эстетическое чутьё было въ немъ почти непогрѣшительно; взглядъ его проникалъ глубоко и никогда не становился туманнымъ. Бѣлинскій не обманывался внѣшностью, обстановкой —не подчинялся никакимъ вліяніямъ и вѣяніямъ; онъ сразу узнавалъ прекрасное и безобразное, истинное и ложное, и съ безтрепетной смѣлостью высказывалъ свой приговоръ—высказывалъ его вполнѣ, безъ урѣзокъ, горячо и сильно, со всей стремительной увѣренностью убѣжденія. Кто бывалъ свидѣтелемъ критическихъ ошибокъ, въ которыя впадали даже замѣчательные умы — (стоитъ вспомнить хоть Пушкина, который въ «Мароѣ Посадницѣ» г-на Погодина видѣлъ «что-то шекспировское!») тотъ не могъ не почувствовать уваженія передъ мѣткимъ сужденіемъ, вѣрнымъ вкусомъ и *инстинктомъ* Бѣлинскаго, передъ его умѣньемъ «читать между строками». Не говорю уже о статьяхъ, въ которыхъ онъ отводилъ подобающее имъ мѣсто прежнимъ дѣятелямъ нашей словесности; не говорю также и о тѣхъ статьяхъ, которыми опредѣлялось значеніе писателей еще живыхъ, подводился итогъ ихъ дѣятельности, итогъ принятый и скрѣпленный, какъ уже сказано выше, потомствомъ [1]); но при появленіи новаго дарованія, новаго романа, стихотворенія, повѣсти—никто, ни прежде Бѣлинскаго, ни лучше его, не произносилъ правильной оцѣнки, настоящаго, рѣшающаго слова. Лермонтовъ, Гоголь, Гончаровъ — не онъ ли первый указалъ на нихъ, разъяснилъ ихъ значеніе? И сколько другихъ! Безъ невольнаго удивленія передъ критической діагнозой Бѣлинскаго, нельзя прочесть, между прочимъ, ту небольшую выноску, сдѣланную имъ въ одномъ изъ своихъ годичныхъ обозрѣній, въ которой онъ, по одной пѣсни о купцѣ Калашниковѣ,

---

[1]) См. статьи его о Марлинскомъ, Баратынскомъ, Загоскинѣ и т. п.

появившейся безъ подписи въ «Литературной Газетѣ», предрекалъ великую будущность автора. Подобныя черты встрѣчаются безпрестанно у Бѣлинскаго. Приведу одинъ примѣръ. Въ 1846 году, въ «Отечественныхъ Запискахъ» появилась повѣсть г-на Григоровича подъ заглавіемъ: «Деревня», по времени *первая* попытка сближенія нашей литературы съ народной жизнью, первая изъ нашихъ «деревенскихъ исторій»—Dorfgeschichten. Написана она была языкомъ нѣсколько изысканнымъ — не безъ сантиментальности; но стремленіе къ реальному воспроизведенію крестьянскаго быта — было несомнѣнно. Покойный И. И. Панаевъ, человѣкъ добродушный, но крайне легкомысленный и способный схватывать одни лишь верхи верхушекъ, уцѣпился за нѣкоторыя смѣшныя выраженія «Деревни», и обрадовавшись случаю поглумиться, сталъ поднимать на смѣхъ всю повѣсть, даже читалъ въ пріятельскихъ домахъ нѣкоторыя, по его мнѣнію, самыя забавныя страницы. Но каково же было его изумленіе, каково недоумѣніе хохотавшихъ пріятелей, когда Бѣлинскій, прочтя повѣсть г-на Григоровича, не только нашелъ ее весьма замѣчательной, но немедленно опредѣлилъ ея значеніе и предсказалъ то движеніе, тотъ поворотъ, которые вскорѣ потомъ произошли въ нашей словесности? Панаеву оставалось одно: продолжать читать отрывки изъ «Деревни», но уже восхищаясь ими — что̀ онъ и сдѣлалъ.

Не могу на этомъ мѣстѣ не упомянуть кстати о мистификаціи, которой въ то время неоднократно подвергался одинъ издатель толстаго журнала, столь же одаренный практическими талантами, сколь обиженный природою на счетъ эстетическихъ способностей. Ему, напр., кто-нибудь изъ кружка Бѣлинскаго приносилъ новое стихотвореніе и принимался читать, не предваривъ своей жертвы ни однимъ словомъ, въ чемъ состояла суть стихотворенія и почему оно удостоивалось прочтенія. Тонъ сперва пускался въ ходъ ироническій; издатель, заключавшій изъ этого тона, что ему хотятъ представить образчикъ безвкусія или нелѣпости, начиналъ посмѣиваться, пожимать плечами; тогда чтецъ переводилъ понемногу тонъ изъ ироническаго въ серьезный, важный, восторженный; издатель, полагая, что онъ ошибся, не такъ понялъ, начиналъ одобрительно мычать, качать головою, иногда даже произносилъ: «недурно! хорошо!» Тогда чтецъ снова прибѣгалъ къ ироническимъ нотамъ и снова увлекалъ за собою слушателя, возвращался къ восторженному настроенію — и тотъ опять похваливалъ... Если стихотвореніе попадалось длинное, подобныя варіаціи, напоминающія игру въ головки изъ каучука, то и дѣло мѣняющія свое выраженіе подъ давленіемъ пальцевъ,

можно было совершить нѣсколько разъ. Кончалось тѣмъ, что несчастный издатель приходилъ въ совершенный тупикъ и уже не изображалъ на своемъ, впрочемъ весьма выразительномъ лицѣ ни сочувственнаго одобренія, ни сочувственнаго порицанія. У Бѣлинскаго нервы не были довольно крѣпки, самъ онъ не предавался подобнымъ упражненіямъ; да и правдивость его была слишкомъ велика — онъ не могъ измѣнить ей даже ради шутки, но смѣялся онъ до слезъ, когда ему сообщали подробности мистификаціи.

VIII.

Другое замѣчательное качество Бѣлинскаго, какъ критика, было его пониманіе того, что́ именно стоитъ на очереди, что́ требуетъ немедленнаго разрѣшенія, въ чемъ сказывается «злоба дня». Не въ пору гость хуже татарина, гласитъ пословица; не въ пору возвѣщенная истина хуже лжи, не въ пору поднятый вопросъ только путаетъ и мѣшаетъ. Бѣлинскій никогда бы не позволилъ себѣ той ошибки, въ которую впалъ даровитый Добролюбовъ; онъ не сталъ бы, напр., съ ожесточеніемъ бранить Кавура[1]), Пальмерстона, вообще парламентаризмъ, какъ неполную и потому невѣрную форму правленія. Даже, допустивъ справедливость упрековъ, заслуженныхъ Кавуромъ, онъ бы понялъ всю несвоевременность (у насъ, въ Россіи, въ 1862 году)—подобныхъ нападеній; онъ бы понялъ, какой партіи онѣ дожны были оказать услугу, кто бы порадовался имъ! Бѣлинскій очень хорошо сознавалъ, что при обстановкѣ, среди которой онъ дѣйствовалъ, ему не слѣдовало выходить изъ круга чисто-литературной критики. Во-первыхъ, при тогдашнихъ оффиціальныхъ, житейскихъ, цензурныхъ условіяхъ иначе дѣйствовать было слишкомъ затруднительно; уже и такъ онъ едва могъ устоять противъ бури угрозъ и доносовъ, которую возбудило его отрицаніе нашихъ псевдо-классическихъ авторитетовъ; а во-вторыхъ, онъ очень ясно видѣлъ и понималъ, что въ развитіи каждаго народа литературная эпоха предшествуетъ другимъ; что не переживъ и не преодолѣвъ ея, нельзя двигаться впередъ, что критика, въ смыслѣ отрицанія фальши и лжи, должна сперва подвергнуть анализу явленія литературныя — и что именно въ этомъ

---

[1]) Пишущій эти строки своими ушами слышалъ, какъ одинъ молодой почитатель Добролюбова, за карточнымъ столомъ, желая упрекнуть своего партнера въ сдѣланной имъ грубой ошибкѣ, воскликнулъ: «Ну братъ, какой же ты Кавуръ»! Признаюсь, мнѣ стало грустно: не за Кавура, разумѣется!

и состояло его собственное призваніе. Его политическія, соціальныя убѣжденія были очень сильны и опредѣлительно рѣзки; но онѣ оставались въ сферѣ инстинктивныхъ симпатій и антипатій. Повторяю: Бѣлинскій зналъ, что нечего было думать примѣнять ихъ, проводить ихъ въ дѣйствительность; да еслибъ оно и стало возможнымъ—въ немъ самомъ не было ни достаточной подготовки, ни даже потребнаго на то темперамента, онъ и это зналъ — и, съ свойственнымъ ему практическимъ пониманіемъ своей роли, самъ ограничилъ кругъ своей дѣятельности, сжалъ ее въ извѣстные предѣлы. За то, какъ *литературный* критикъ, онъ былъ именно тѣмъ, что англичане называютъ—«the right man in the right place», «настоящимъ человѣкомъ на настоящемъ мѣстѣ», чего нельзя сказать объ его преемникахъ. Правда и то, что задача ихъ была труднѣе и сложнѣе. Незадолго до смерти, Бѣлинскій начиналъ чувствовать, что наступало время сдѣлать новый шагъ, выдти изъ того тѣснаго круга; политико-экономическіе вопросы должны были смѣнить вопросы эстетическіе, литературные, но самъ онъ себя уже устранялъ и указывалъ на другое лицо, въ которомъ видѣлъ своего преемника—на В. Н. Майкова, брата поэта; къ сожалѣнію, этотъ талантливый молодой человѣкъ погибъ въ самомъ началѣ своего поприща и точно такой же смертью, какой погибъ недавно другой многообѣщавшій юноша, Д. И. Писаревъ.

Имя Писарева напоминаетъ мнѣ слѣдующее: Весной 1867 года, во время моего проѣзда черезъ Петербургъ, онъ сдѣлалъ мнѣ честь—посѣтилъ меня. Я до тѣхъ поръ съ нимъ не встрѣчался, но читалъ его статьи съ интересомъ, хотя со многими положеніями въ нихъ, вообще съ ихъ направленіемъ, согласиться не могъ. Особенно возмутили меня его статьи о Пушкинѣ. Въ теченіи разговора, я откровенно высказался передъ нимъ. Писаревъ съ перваго взгляда производилъ впечатлѣніе человѣка честнаго и умнаго, которому не только можно, но и должно говорить правду. — «Вы — началъ я—втоптали въ грязь, между прочимъ, одно изъ самыхъ трогательныхъ стихотвореній Пушкина (обращеніе его къ послѣднему лицейскому товарищу, долженствующему остаться въ живыхъ: «Несчастный другъ» и т. д.). Вы увѣряете, что поэтъ совѣтуетъ своему пріятелю просто взять да съ горя нализаться. Эстетическое чувство въ васъ слишкомъ живо: вы не могли сказать это серьезно — вы это сказали *нарочно*, съ цѣлью. Посмотримъ, оправдываетъ ли васъ эта цѣль. Я понимаю преувеличеніе, я допускаю каррикатуру, — но преувеличеніе истины, каррикатуру въ дѣльномъ смыслѣ, въ настоящемъ направленіи. Еслибъ у насъ молодые люди теперь только

и дѣлали, что стихи писали, какъ въ блаженную эпоху альманаховъ, я бы понялъ, я бы, пожалуй, даже оправдалъ вашъ злобный укоръ, вашу насмѣшку; я бы подумалъ: несправедливо, но полезно! А то, помилуйте, въ кого вы стрѣляете? ужъ точно по воробьямъ изъ пушки! Всего-то у насъ осталось три-четыре человѣка, старички пятидесяти лѣтъ и свыше, которые еще упражняются въ сочиненіи стиховъ;—стоитъ ли яриться противъ нихъ? Какъ будто нѣтъ тысячи другихъ, животрепещущихъ вопросовъ, на которые вы, какъ журналистъ, *обязанный* прежде всѣхъ ощущать, чуять насущное, нужное, безотлагательное—*должны* обратить вниманіе публики? Походъ на стихотворцевъ въ 1866 году! Да это антикварская выходка, архаизмъ! Бѣлинскій — тотъ никогда бы не впалъ въ такой просакъ!» Не знаю, что̀ подумалъ Писаревъ, но онъ ничего не отвѣчалъ мнѣ. Вѣроятно, онъ не согласился со мною.

Само собою разумѣется, что пониманіе Бѣлинскимъ своего времени, своего назначенія, не мѣшало его задушевнымъ убѣжденіямъ сквозить въ каждомъ словѣ его статей, тѣмъ болѣе, что его отрицательная дѣятельность на поприщѣ критики какъ нельзя лучше соотвѣтствовала той роли, которую онъ бы навѣрное выбралъ въ политическо-развитомъ обществѣ. Что̀ онъ чувствовалъ и что̀ онъ думалъ, про то вѣдалъ онъ одинъ, вѣдали и нѣкоторые изъ его друзей; но что̀ онъ дѣлалъ, что̀ онъ печаталъ— неуклонно и строго держалось литературной почвы и двигалось исключительно на ней. Только въ извѣстномъ одномъ письмѣ эта страсть, которую онъ—

«...во тьмѣ ночной,
Вскормилъ слезами и тоской»,

прорвалась наружу—какъ тотъ огонь, о которомъ говоритъ Лермонтовъ.

IX.

Я прошу у читателя позволенія привести на этомъ мѣстѣ отрывокъ изъ лекцій о Пушкинѣ, прочтенной мною въ 1859 г. передъ немногочисленнымъ обществомъ. Стараясь изобразить характеръ эпохи 30-хъ, 40-хъ годовъ, я долженъ былъ упомянуть о гоголевской сатирѣ, о лермонтовскомъ протестѣ, а потомъ и о значеніи критики Бѣлинскаго. Одно упоминовеніе этого имени возбудило негодованіе бо̀льшей части моихъ слушателей. Вотъ этотъ отрывокъ. (Мнѣ придется начать нѣсколько издалека; но это неизбѣжно.)

«А между тѣмъ, какъ нашъ великій художникъ (Пушкинъ), отвернувшись отъ толпы и приблизившись, насколько могъ, къ народу, обдумывалъ свои завѣтныя творенія, пока по душѣ его проходили тѣ образы, изученіе которыхъ невольно зараждаетъ въ насъ мысль, что онъ одинъ могъ бы подарить насъ и народной драмой, и народной эпопеей — въ нашемъ обществѣ, въ нашей литературѣ совершались, если не великія, то знаменательныя событія. Подъ вліяніемъ особенныхъ случайностей, особенныхъ обстоятельствъ тогдашней жизни Европы (съ 1830 по 1840 годъ), у насъ понемногу сложилось убѣжденіе, конечно справедливое, но въ ту эпоху едва ли не рановременное: убѣжденіе въ томъ, что мы не только великій народъ, но что мы—великое, вполнѣ овладѣвшее собою, незыблемо-твердое государство, и что художеству, что поэзіи предстоитъ быть достойными провозвѣстниками этого величія и этой силы. Одновременно съ распространеніемъ этого убѣжденія, и, быть можетъ, вызванная имъ, явилась цѣлая фаланга людей, безспорно даровитыхъ, но на даровитости которыхъ лежалъ общій отпечатокъ риторики, внѣшности, соотвѣтствующей той великой, но чисто-внѣшней силѣ, которой они служили отголоскомъ. Люди эти явились и въ поэзіи, и въ живописи, и въ журналистикѣ, и даже на театральной сценѣ. Нужно ли называть ихъ имена? Онѣ въ памяти у каждаго—и стóитъ только вспомнить, кому рукоплескали, кого привѣтствовали въ то время, когда вокругъ умолкнувшаго Пушкина водворялась тишина [1]). Это вторженіе въ общественную жизнь того, чтò мы рѣшились бы назвать *ложно-величавой школой* — продолжалось не долго, хотя отраженія ея въ сферахъ, менѣе подвергнутыхъ анализу критики, чѣмъ собственно-литературная, художественная сфера, не прекратилось до сихъ поръ. Оно продолжалось не долго — но чтó было шума и грома! Какъ широко разлилась тогда эта школа! Нѣкоторые изъ ея дѣятелей сами добродушно признавали себя за геніевъ. Совсѣмъ тѣмъ, что-то не истинное, что-то мертвенное чувствовалось въ ней даже въ минуты ея кажущагося торжества—и ни одного живого, самобытнаго ума она себѣ не покорила безвозвратно. Произведенія этой школы, проникнутыя самоувѣренностью, доходившей до самохвальства, посвященныя возвеличенію Россіи—въ самой сущности не имѣли ничего русскаго: это были какія-то пространныя декораціи, хлопотливо и небрежно

---

[1]) Эти имена, которыя я тогда не рѣшился назвать, вѣроятно, приходятъ теперь на уста каждаго читателя—имена Марлинскаго, Кукольника, Загоскина, Бенедиктова, Брюлова, Каратыгина и др.

воздвигнутыя патріотами, незнавшими своей родины. Все это гремѣло, кичилось, все это считало себя достойнымъ украшеніемъ великаго государства и великаго народа, — а часъ паденія приближался. Но не послѣднія, глубоко-художественныя произведенія Пушкина были причиною этого паденія. Если бы даже онѣ явились при его жизни — мы сомнѣваемся, оцѣнила ли бы ихъ тогда оглушенная, сбитая съ толку публика. Онѣ не могли служить полемическимъ цѣлямъ; онѣ могли одержать и онѣ одержали побѣду своей собственной красотой, сопоставленіемъ этой красоты и силы съ безобразіемъ и слабостью того ложно-величаваго призрака; но въ первое время, именно для того, чтобы разоблачить этотъ призракъ во всей его пустотѣ, нужны были другія орудія, другія, болѣе пронзительныя силы — силы байроническаго лиризма, который уже являлся у насъ однажды, но поверхностно и не серьезно, силы критики, юмора. И онѣ не замедлили явиться. Въ сферѣ художества заговорилъ Гоголь, за нимъ Лермонтовъ; въ сферѣ критики, мысли — Бѣлинскій.

«....Въ прошлой бесѣдѣ съ вами мы говорили о томъ значеніи, которое будущій историкъ нашей литературы придастъ появленію Пушкина; но, безъ сомнѣнія, обратитъ на себя вниманіе нашихъ Маколеевъ (если только намъ суждено имѣть Маколеевъ) и та минута, когда передъ раздувшимся и раздутымъ, какъ бы оффиціальнымъ, великаномъ предстали — съ одной стороны гусарскій офицеръ, свѣтскій левъ, изъ устъ котораго общество услыхало впервые невѣдомый ему прежде, безпощадный укоръ [1]), да темный малороссійскій учитель съ своей грозной комедіей, на челѣ которой стояло эпиграфомъ: «Неча на зеркало пенять, коли рожа крива»; — а съ другой стороны, такой же темный, недоучившійся студентъ, дерзнувшій провозгласить, что у насъ еще не было литературы, что Ломоносовъ не былъ поэтомъ, что не только Херасковъ и Петровъ, но и Державинъ и Дмитріевъ не могутъ намъ служить образцами, что и новѣйшіе великіе люди ничего не сдѣлали. Подъ совокупными усиліями этихъ трехъ, едва ли знакомыхъ другъ другу дѣятелей, рухнула не только та литературная школа, которую мы назвали ложно-величавою — но и многое другое, устарѣлое и недостойное, обратилось въ развалины. Побѣда была рѣшена скоро. Въ то же время умалилось и поблекло вліяніе самого Пушкина,

---

[1]) Прошу позволенія привести слова одной тогдашней великосвѣтской барыни, встрѣтившей меня слѣдующимъ восклицаніемъ: Avez-vous lu la «Douma?» Qui pouvait s'attendre à cela de la part de Lermontoff! Lui qui venait de dire: «Я Матерь Божія нынче съ молитвой! C'est affreux!»

того Пушкина, имя котораго такъ было дорого самимъ нововводителямъ, которое они окружали такою полною любовью. Идеалъ, которому они служили—сознательно или безсознательно (Гоголь, какъ извѣстно, до конца отъ него отчурался и отнѣкивался)—идеалъ этотъ не могъ ужиться съ пушкинскимъ идеаломъ, на зло имъ самимъ. Сила вещей сильнѣе всякой отдѣльной, личной силы — такъ же, какъ общее въ насъ сильнѣе нашихъ собственныхъ наклонностей. Время чистой поэзіи прошло такъ же, какъ и время ложно-величавой фразы; наступило время критики, полемики, сатиры. Вмѣсто слова: «наступило»—мы бы могли, вспомнивъ фонъ-Визина, Новикова, употребить слово: возвращалось. Подобные «возвратные» обороты бѣгущаго впередъ историческаго колеса извѣстны всѣмъ наблюдателямъ жизни народовъ. Общество, пораженное внезапнымъ сознаніемъ собственныхъ недостатковъ, предчувствуя другія, еще болѣе горькія разочарованія въ будущемъ—которыя и сбылись [1]) — съ жадностью обратило слухъ свой къ новымъ голосамъ и принимало только то, что̀ отвѣчало его новымъ потребностямъ. «Торквато Тассо» Кукольника, «Рука Всевышняго» — исчезли, какъ мыльные пузыри; но и «Мѣднымъ Всадникомъ» нельзя было любоваться въ одно время съ «Шинелью».

Здѣсь слѣдовала довольно подробная характеристика Гоголя и Лермонтова, оканчивавшаяся слѣдующими словами:

«Сила независимой, критикующей, протестующей личности возстала противъ фальши, противъ пошлости — а на какой ступе́ни общества тогда не царила пошлость?—противъ того ложнообщаго, неправедно-узаконеннаго, что̀ не имѣло разумныхъ правъ на подчиненіе себѣ личности»... И я продолжалъ такъ:

«Мы просимъ теперь у васъ позволенія остановиться на третьей личности, имя которой, мы это знаемъ, не совсѣмъ благозвучно въ вашихъ ушахъ. Мы говоримъ о Бѣлинскомъ. Съ этимъ именемъ сопряжено воспоминаніе о нѣкоторыхъ увлеченіяхъ, но смѣемъ думать, и о великихъ заслугахъ. Слово его живетъ до сихъ поръ, и мы не можемъ допустить, чтобы Россія, именно теперь [2]) съ жадностью его читающая, была совершенно неправа въ своей любви къ нему. Мы упомянули о немъ не потому, что были связаны съ нимъ личными, дружественными отношеніями; мы желаемъ обратить ваше вниманіе на самый принципъ его дѣятельности. Имя этому принципу — идеализмъ: Бѣ-

---

[1]) Трехъ лѣтъ еще не прошло съ парижскаго мира 1856 года, когда я читалъ эти лекціи.

[2]) Тогда только-что вышли первые томы полнаго изданія его сочиненій.

линскій былъ идеалистъ въ лучшемъ смыслѣ слова. Въ немъ жили преданія того московскаго кружка, который существовалъ въ началѣ тридцатыхъ годовъ, и слѣды котораго такъ замѣтны еще донынѣ. Этотъ кружокъ, находившійся подъ сильнымъ вліяніемъ германской философской мысли (замѣчательна постоянная связь между этой мыслью и Москвою), заслуживаетъ особаго историка. Вотъ откуда Бѣлинскій вынесъ тѣ убѣжденія, которыя не покидали его до самой смерти — тотъ идеалъ, которому онъ служилъ. Во имя этого идеала провозглашалъ Бѣлинскій художественное значеніе Пушкина и указывалъ на недостатокъ въ немъ гражданскихъ началъ; во имя этого идеала привѣтствовалъ онъ и лермонтовскій протестъ и гоголевскую сатиру; во имя этого же идеала сокрушалъ онъ старые авторитеты, наши такъ-называемыя славы, на которыя онъ нигдѣ не имѣлъ ни возможности, ни охоты взглянуть съ исторической точки зрѣнія»....

X.

Быть можетъ, нѣкоторые читатели удивятся слову: «идеалистъ», которымъ я почелъ за нужное охарактеризовать Бѣлинскаго. На это я замѣчу, что, во-первыхъ, въ 59-мъ году не было возможности называть многія вещи настоящими ихъ именами; а во-вторыхъ, мнѣ — признаюсь въ томъ — доставило не малое удовольствіе объявить Бѣлинскаго «идеалистомъ» передъ сборищемъ людей, которымъ имя его представлялось неразрывно связаннымъ съ понятіемъ о циникѣ, грубомъ матеріалистѣ, и т. п. Къ тому же и самое названіе шло къ нему. Бѣлинскій былъ настолько же идеалистъ, насколько отрицатель; онъ отрицалъ во имя идеала. Этотъ идеалъ былъ свойства весьма опредѣленнаго и однороднаго, хотя именовался и именуется доселѣ различно: наукой, прогрессомъ, гуманностью, цивилизаціей — Западомъ, наконецъ. Люди благонамѣренные, но недоброжелательные, употребляютъ даже слово: революція. Дѣло не въ имени, а въ сущности, которая до того ясна и несомнѣнна, что и распространяться о ней не стоитъ: недоразумѣнія тутъ немыслимы. Бѣлинскій посвятилъ всего себя служенію этого идеала; всѣми своими симпатіями, всей своей дѣятельностью принадлежалъ онъ къ лагерю «западниковъ», какъ ихъ прозвали ихъ противники. Онъ былъ западникомъ не потому только, что признавалъ превосходство западной науки, западнаго искусства, западнаго общественнаго строя; но и потому, что былъ глубоко убѣжденъ въ необходимости воспріятія Россіей всего выработаннаго Запа-

домъ для развитія собственныхъ ея силъ, собственнаго ея значенія. Онъ вѣрилъ, что намъ нѣтъ другого спасенія, какъ идти по пути, указанному намъ Петромъ Великимъ, на котораго славянофилы бросали тогда свои отборнѣйшіе перуны [1]). Принимать результаты западной жизни, примѣнять ихъ къ нашей, соображаясь съ особенностями породы, исторіи, климата — впрочемъ, относиться и къ нимъ свободно, критически — вотъ какимъ образомъ могли мы, по его понятію, достигнуть наконецъ самобытности, которою онъ дорожилъ гораздо болѣе, чѣмъ обыкновенно предполагаютъ. Бѣлинскій былъ вполнѣ русскій человѣкъ, даже патріотъ — разумѣется не на ладъ М. Н. Загоскина; благо родины, ея величіе, ея слава возбуждали въ его сердцѣ глубокіе и сильные отзывы. Да, Бѣлинскій любилъ Россію; но онъ также пламенно любилъ просвѣщеніе и свободу: соединить въ одно эти высшіе для него интерессы — вотъ въ чемъ состоялъ весь смыслъ его дѣятельности, вотъ къ чему онъ стремился. Увѣрять, что онъ изъ одного раболѣпнаго и неосмысленнаго смиренія недоучки преклонялся предъ Западомъ — значило не знать его вовсе; къ тому же, не смиреніемъ грѣшатъ обыкновенно недоучки. Бѣлинскій еще потому благоговѣлъ передъ памятью Петра Великаго, и не обинуясь, признавалъ его нашимъ спасителемъ, что уже при Алексѣѣ Михайловичѣ, онъ въ нашемъ старомъ общественномъ и гражданскомъ строѣ находилъ несомнѣнные признаки разложенія — и слѣдовательно, не могъ вѣрить въ правильное и нормальное развитіе нашего организма, подобное тому, какимъ оно является на Западѣ. Дѣло Петра Великаго было, точно, насиліемъ, было тѣмъ, что въ новѣйшее время получило названіе: coup d'état; но только по милости цѣлаго ряда этихъ насильственныхъ, свыше исходящихъ мѣръ были мы втолкнуты въ семью европейскихъ народовъ. Необходимость подобныхъ реформъ еще донынѣ не прекратилась. Въ подтвержденіе этого мнѣнія можно было бы привести самые недавніе примѣры. Какое мѣсто мы уже заняли въ той семьѣ — это покажетъ исторія; но несомнѣнно то, что мы шли до сихъ поръ, и *должны* были идти (съ чѣмъ господа славянофилы конечно не согласятся), должны были идти другими путями, чѣмъ болѣе или менѣе органически развивавшіеся западные народы.

---

[1]) Бѣлинскій часто читалъ между друзьями стихотворенія Льва Пушкина, брата поэта, и съ особеннымъ чувствомъ произносилъ стихи, въ которыхъ преобразователь представленъ былъ влачащимъ —

«Рядъ изумленныхъ поколѣній
«Рукой могучей за собой».

А что западническія убѣжденія Бѣлинскаго ни на волосъ не ослабили въ немъ его пониманія, его чутья всего русскаго, не измѣнили той русской струи, которая била во всемъ его существѣ—тому доказательствомъ служитъ каждая его статья[1]). Да, онъ чувствовалъ русскую суть какъ никто. Не признавая нашихъ лже-классиковъ, лже-народныхъ авторитетовъ, ниспровергая ихъ—онъ въ тоже время тоньше всѣхъ и вѣрнѣе всѣхъ умѣлъ оцѣнить и дать уразумѣть другимъ то, что̀ было дѣйствительно самобытнаго, оригинальнаго въ произведеніяхъ нашей литературы. Ни у кого ухо не было болѣе чутко; никто не ощущалъ болѣе живо гармонію и красоту нашего языка; поэтическій эпитетъ, изящный оборотъ рѣчи поражали его мгновенно и слушать его простое, нѣсколько однообразное, но горячее и правдивое чтеніе какого-нибудь Пушкинскаго стихотворенія или Лермонтовскаго «Мцыри» было истиннымъ наслажденіемъ. Прозу, особенно любимаго своего Гоголя, онъ читалъ хуже; да и голосъ его скоро ослабѣвалъ.

XI.

Еще одно замѣчательное качество Бѣлинскаго, какъ критика, состояло въ томъ, что онъ былъ всегда, какъ говорятъ англичане «in earnest»; онъ не шутилъ ни съ предметомъ своихъ разысканій, ни съ читателемъ, ни съ самимъ собою; а позднѣйшее, столь распространенное глумленіе онъ бы отвергнулъ какъ недостойное легкомысліе или трусость. Извѣстно, что глумящійся человѣкъ часто самъ хорошенько не даетъ себѣ отчета, надъ чѣмъ онъ трунитъ и иронизируетъ; во всякомъ случаѣ, онъ можетъ воспользоваться этими ширмочками, чтобы скрыть за ними шаткость и неясность собственныхъ убѣжденій. Человѣкъ свиститъ, хохочетъ.... Поди, угадывай, разумѣй его рѣчь, куда онъ ее гнетъ? Быть можетъ, онъ смѣется надъ тѣмъ, что̀ точно достойно смѣха, а быть можетъ и надъ собственнымъ смѣхомъ «зубы скалитъ». Мнѣ скажутъ, что бываютъ времена, когда можно только намекать на истину, и что смѣющимся устамъ легче высказывать ее... Да развѣ Бѣлинскій жилъ въ такое время, когда можно было все высказывать на чистоту? И однако же не прибѣгалъ онъ къ глумленію, къ «излюбленному» свистанію, къ зубоскальству. Со-

[1]) См. его статьи о Пушкинѣ, о Гоголѣ, о Кольцовѣ—и особенно его статьи о народныхъ пѣсняхъ и былинахъ. При слабости и скудости тогдашнихъ филологическихъ и археологическихъ данныхъ,—онѣ поражаютъ читателя глубокимъ и живымъ пониманіемъ народнаго духа и народнаго творчества.

чувственный смѣхъ, возбуждаемый въ извѣстной части публики тѣмъ «свистаніемъ» — не далеко ушолъ отъ того смѣха, которымъ встрѣчались безнравственныя выходки Сенковскаго... И здѣсь и тамъ выпячивалась та же склонность къ грубой потѣхѣ, къ гаерству, склонность, къ сожалѣнью, свойственная русскому человѣку, и которую не слѣдовало бы поблажать. Хохотъ невѣжества почти такъ же противенъ — такъ же и вреденъ — какъ его злоба. Впрочемъ, Бѣлинскій самъ про себя говорилъ, что онъ шутить не мастеръ, иронія его была очень вѣска и неповоротлива; она тотчасъ становилась сарказмомъ, била не въ бровь, а въ глазъ. И въ разговорѣ, такъ же какъ и съ перомъ въ рукѣ онъ не блисталъ остроуміемъ, не обладалъ тѣмъ, чтó французы называютъ esprit, не ослѣплялъ игрою искусной діалектики; но въ немъ жила та неотразимая мощь, которая дается честной и непреклонной мысли, и выражалась она своеобразно и, въ концѣ концовъ, увлекательно. При совершенномъ отсутствіи того, чтó обыкновенно величаютъ элоквенціей — при явной неспособности и неохотѣ къ «уснащиванію», къ фразѣ — Бѣлинскій былъ однимъ изъ краснорѣчивѣйшихъ русскихъ людей, если принимать слово: «краснорѣчіе» въ смыслѣ силы убѣжденія, той силы, которую, напр., аѳиняне признавали въ Периклѣ, говоря, что каждая рѣчь его оставляла жало въ душѣ каждаго слушателя.

XII.

Бѣлинскій, какъ извѣстно, не былъ поклонникомъ принципа: искусства для искусства; — да оно и не могло быть иначе по всему складу его образа мыслей. Помню я, съ какой комической яростью онъ однажды при мнѣ напалъ на — отсутствующаго разумѣется — Пушкина, за его два стиха въ: «Поэтъ и Чернь» —

«Печной горшокъ тебѣ дороже:
Ты пищу въ немъ себѣ варишь!»

— «И конечно — твердилъ Бѣлинскій, сверкая глазами и бѣгая изъ угла въ уголъ; — конечно дороже. — Я не для себя одного, я для своего семейства, я для другого бѣдняка въ немъ пищу варю — и прежде чѣмъ любоваться красотой истукана, — будь онъ распрефидіасовскій Аполлонъ — мое право, моя обязанность накормить своихъ — и себя, на зло всякимъ негодующимъ баричамъ и виршоплётамъ!» — Но Бѣлинскій былъ слишкомъ уменъ — у него было слишкомъ много здраваго смысла, чтобы отрицать искусство, чтобы не понимать не только его важность и значе-

ніе, но и самую его естественность, его физіологическую необходимость. Бѣлинскій признавалъ въ искусствѣ одно изъ коренныхъ проявленій человѣческой личности — одинъ изъ законовъ нашей природы, указанныхъ намъ ежедневнымъ опытомъ. Онъ не допускалъ искусства для одного искусства, точно также, какъ бы онъ не допустилъ жизни для одной жизни; не даромъ же онъ былъ идеалистъ. Все должно было служить одному принципу, искусство — также какъ наука, но своимъ, особеннымъ, спеціальнымъ образомъ. Во истину дѣтское и къ тому же не новое, подогрѣтое объясненіе искусства подражаніемъ природѣ, не удостоилось бы отъ него ни возраженія, ни вниманія; а аргументъ о преимуществѣ настоящаго яблока передъ написаннымъ уже потому на него бы не подѣйствовалъ, что этотъ пресловутый аргументъ лишается всякой силы, — какъ только мы возьмемъ человѣка сытаго. Искусство, повторяю, было для Бѣлинскаго такой же узаконенной сферой человѣческой дѣятельности, какъ и наука, какъ общество, какъ государство... Но и отъ искусства, какъ и отъ всего человѣческаго, онъ требовалъ правды, живой, жизненной правды. Самъ онъ, впрочемъ, въ области искусства чувствовалъ себя дома только въ поэзіи, въ литературѣ. Живопись онъ не понималъ, и музыкѣ сочувствовалъ очень слабо. Онъ самъ очень хорошо сознавалъ свой недостатокъ, и ужъ и не совался туда, куда ему заказана была дорога. Статьи Гоголя объ Ивановѣ и Брюловѣ могутъ служить поучительнымъ примѣромъ, до какой уродливой фальши, до какого вычурнаго и лживаго паѳоса можетъ завраться человѣкъ, когда заберется не въ свою сферу. Хоръ чертей въ Робертѣ-Дьяволѣ было единственной мелодіей, затверженной Бѣлинскимъ; въ минуты отличнаго расположенія духа, онъ подвывалъ басомъ этотъ дьявольскій напѣвъ. Пѣніе Рубини потрясало его: но не музыкальное совершенство цѣнилъ онъ въ немъ, а патетическую, стремительную энергію, драматизмъ выраженія. Все драматическое, театральное глубоко проникало въ душу Бѣлинскаго, такъ и зажигало ее. Его статьи о Мочаловѣ, о Щепкинѣ, вообще о театрѣ, дышатъ страстью; надо было видѣть, какое впечатлѣніе производило на него одно воспоминаніе объ игрѣ Мочалова въ Гамлетѣ, о томъ, какъ онъ въ извѣстной сценѣ представленія трагедіи передъ преступнымъ королемъ, произносилъ, задыхаясь отъ восторга и ненависти:

«Оленя ранили стрѣлой...»

XIII.

Была одна причина, которая заставляла иногда Бѣлинскаго избѣгать разговоровъ о театрѣ, о драматической литературѣ, особенно съ мало знакомыми людьми: онъ боялся, какъ бы не напомнили ему про его комедію: «Пятидесятилѣтній дядюшка», написанную имъ нѣкогда въ Москвѣ и напечатанную въ «Наблюдателѣ». Комедія эта, точно, весьма слабое произведеніе; она принадлежитъ къ худшему изъ родовъ — къ слезливо-нравственному, сентиментально-добродѣтельному; въ ней выводится великодушный дядюшка, влюбленный въ свою племянницу и приносящій свою любовь въ жертву юному сопернику. Все это изложено пространно, натянутымъ, мертвеннымъ слогомъ... Бѣлинскій не имѣлъ никакого «творческаго» таланта. Эта комедія, да еще статья о Менцелѣ были ахиллесовой пятой Бѣлинскаго, и упомянуть о нихъ при немъ, значило оскорбить, огорчить его. Особенно статью о Менцелѣ онъ себѣ простить не могъ: комедію свою онъ признавалъ эстетической, литературной ошибкой, а въ той статьѣ онъ видѣлъ ошибку — гораздо худшаго свойства. Статью о Менцелѣ онъ написалъ подъ мгновеннымъ вліяніемъ нетерпѣнія, тоскливаго желанія изъ области недосягаемыхъ идеаловъ перейти къ чему-нибудь положительному, реальному, какъ будто то, что̀ существовало тогда, могло имѣть реальное значеніе, могло удовлетворить добросовѣстнаго человѣка! Бѣдный Бѣлинскій, конечно, не имѣлъ понятія, что̀ за птица былъ господинъ Менцель — и взялся за это лицо чисто съ апріорической, отвлеченной точки зрѣнія... Въ этомъ случаѣ, недостаточное знаніе фактовъ сыграло съ нимъ злую шутку... Существовала еще статейка о Бородинской годовщинѣ. Я было какъ-то заговорилъ съ нимъ о ней... Онъ зажалъ себѣ уши обѣими руками, и низко наклонясь впередъ и качаясь изъ стороны въ сторону, зашагалъ по комнатѣ. Впрочемъ, онъ поболѣлъ квасным патріотизмомъ недолго. Вообще, лучшія статьи Бѣлинскаго были написаны имъ въ началѣ и передъ концомъ его карьеры; въ серединѣ проскочила полоса, продолжавшаяся года два, въ теченіи которой онъ, начинившись гегелевской философіей и не переваривъ ея, всюду, съ лихорадочнымъ рвеніемъ пичкалъ ея аксіомы, ея извѣстные тэзисы и термины, ея такъ-называемые Schlagwörter. Въ глазахъ рябило отъ множества любимыхъ тогдашнихъ оборотовъ и выраженій [1])! Надо-жъ было и Бѣлинскому

---

[1]) Совѣтую любопытному читателю, желающему наглядно убѣдиться, до чего могло

заплатить дань своему времени! Но эта волна скоро сбѣжала, оставивъ за собою только хорошія сѣмена, и снова явился во всей своей мужественной и безхитростной простотѣ русскій языкъ Бѣлинскаго, славный языкъ, ясный и здравый. Бѣлинскій, можно сказать, импровизировалъ свои статьи; писалъ онъ ихъ въ последніе дни мѣсяца, стоя передъ конторкой, на отдѣльныхъ полулистахъ, безъ помарокъ, крупнымъ, круглымъ почеркомъ. Онъ не имѣлъ времени вычищать слогъ, взвѣшивать и обдумывать каждое выраженіе, и потому по неволѣ впадалъ въ нѣкоторую многоглаголивость; но до безграничной болтливости, которая, должно признаться, съ легкой руки покойнаго Писарева утвердилась у насъ въ критическомъ отдѣлѣ журналовъ, онъ далеко не доходилъ; статьи его все-таки оставались литературнымъ произведеніемъ и не превращались въ дряблый разговоръ, въ пухлыя варіаціи на избитыя тэмы — варіаціи, отъ которыхъ, несмотря на весь ихъ задоръ, такъ и отдаетъ ученической тетрадью.

XIV.

Всѣмъ извѣстно, какую обузу наваливалъ на Бѣлинскаго разсчетливый издатель журнала, въ которомъ онъ участвовалъ. Какія сочиненія не приходилось ему разбирать — и сонники, и поваренныя, и математическія книги, въ которыхъ онъ ровно ничего не смыслилъ! За то, когда, послѣ аккуратнаго выхода журнала въ первое число мѣсяца, наступало нѣсколько дней отдыха, какъ онъ наслаждался имъ, какъ предавался удовольствію бездѣйствія, бесѣды съ пріятелями, а иногда и карточной игры въ копѣечный преферансъ! Игралъ онъ плохо, но съ тою же искренностью впечатлѣній, съ тою же страстностью, которыя ему были присущи, что бы онъ ни дѣлалъ! Помнится, мы однажды играли съ нимъ, не въ деньги — а *такъ;* онъ выигрывалъ и торжествовалъ... но вдругъ обремизился, остался безъ четырехъ. Потемнѣлъ мой Бѣлинскій пуще осенней ночи, опустилъ голову какъ къ смерти приговоренный. Выраженіе страданія, отчаянія,

---

дойти тогдашнее философствованіе, отыскать въ смѣси одной изъ книжекъ «Отечественныхъ Записокъ», за 40 или 41-й годъ, статейку, написанную, впрочемъ, не Бѣлинскимъ, а самимъ издателемъ — въ защиту выраженія, употребленнаго Искандеромъ, будто бы «Наполеонъ — къ верху ногами поставленный Карлъ Великій», выраженія, поднятаго на смѣхъ другимъ журналомъ. Комизмъ тутъ тѣмъ болѣе забавенъ, что весь проникнутъ угрюмой важностью и даже не подозрѣваетъ, до какой степени онъ прелестенъ!

такъ было искренне на его лицѣ, что я наконецъ не выдержалъ и воскликнулъ, что это уже ни на что не похоже; что если такъ огорчаться, такъ лучше совсѣмъ бросить карты! — «Нѣтъ — отвѣчалъ онъ глухо и взглянулъ на меня изъ подлобья — все кончено; я только до бубновой игры и жилъ!» — И въ это мгновеніе, я ручаюсь, онъ дѣйствительно былъ убѣжденъ въ томъ, что̀ говорилъ.

XV.

Я часто ходилъ къ нему послѣ обѣда отводить душу. Онъ занималъ квартиру въ нижнемъ этажѣ, на Фонтанкѣ, недалеко отъ Аничкова моста, невеселыя, довольно сырыя комнаты. Не могу не повторить: тяжелыя тогда стояли времена, нынѣшнимъ молодымъ людямъ не приходилось испытать ничего подобнаго. Пусть читатель самъ посудитъ: утромъ тебѣ, быть можетъ, возвратили твою корректуру, всю исполосованную, обезображенную красными чернилами, словно окровавленную; можетъ быть, тебѣ даже пришлось съѣздить къ цензору и представивъ напрасныя и унизительныя объясненія, оправданія, выслушать его безапелляціонный, часто насмѣшливый приговоръ [1]... На улицѣ тебѣ попалась фигура господина Булгарина или друга его, господина Греча; генералъ и даже не начальникъ, а такъ просто генералъ, оборвалъ или, что̀ еще хуже, поощрилъ тебя... Бросишь вокругъ себя мысленный взоръ: взяточничество процвѣтаетъ, крѣпостное право стоитъ какъ скала, казарма на первомъ планѣ, суда нѣтъ, носятся слухи о закрытіи университетовъ, вскорѣ потомъ сведенныхъ на трехъсотенный комплектъ, поѣздки за-границу становятся невозможны, путной книги выписать нельзя, какая-то темная туча постоянно виситъ надъ всѣмъ такъ-называемымъ ученымъ, литературнымъ вѣдомствомъ, а тутъ еще шипятъ и расползаются доносы; между молодежью ни общей связи, ни общихъ интересовъ, страхъ и приниженность во всѣхъ, хоть рукой махни! Ну, вотъ и придешь на квартиру Бѣлинскаго, придетъ другой, третій пріятель, затѣется разговоръ и легче станетъ; предметы разговоровъ были большей частью нецензурнаго (въ тогдаш-

[1]) Особеннымъ юморомъ отличался при подобныхъ свиданіяхъ цензоръ Ф., тотъ самый, который говаривалъ: «Помилуйте — я всѣ буквы оставлю; только духъ повытравлю.» — Онъ мнѣ сказалъ однажды, съ чувствомъ глядя мнѣ въ глаза: — «Вы хотите, чтобъ я не вымаралъ. Но посудите сами: я не вымараю — и могу лишиться 3,000 рубл. въ годъ: — а вымараю — кому отъ этого какая печаль? — Были словечки, нѣтъ словечекъ — ну, а дальше? — Какъ же мнѣ не марать!? Богъ съ вами!»

немъ смыслѣ) свойства, но собственно политическихъ преній не происходило: безполезность ихъ слишкомъ явно била въ глаза всякому. Общій колоритъ нашихъ бесѣдъ былъ философско-литературный, критическо-эстетическій и пожалуй соціальный, рѣдко историческій. Иногда выходило очень интересно и даже сильно; иногда нѣсколько поверхностно и легковѣсно. При всей серьезности и дѣйствительной возвышенности своей натуры, Бѣлинскій поступалъ иногда какъ ребенокъ: услышитъ что-нибудь, что́ ему очень понравится, какое-нибудь мѣсто изъ Жоржъ-Занда или П. Леру — тогда онъ входилъ въ моду и объ немъ таинственно (!) переписывались подъ именемъ *Петра Рыжаго* — услышитъ и тотчасъ попроситъ списать ему это мѣсто и няньчится съ нимъ. Но все это шло къ нему; живой русскій человѣкъ сказывался и тутъ. Иногда бездѣлица его задѣвала. Однажды онъ цѣлыхъ шесть недѣль носилъ у себя въ карманѣ книжку Гётевскаго «Западно-Восточнаго Дивана» (Westöstlicher Divan) вотъ по какому поводу. Я ему какъ-то цитировалъ оттуда стихъ: «Lebt man denn, wenn andre leben? (Можно ль жить, когда живутъ другіе?) Онъ повторилъ этотъ стихъ въ укоръ эгоизму Гёте передъ А. Н. С., нѣкогда извѣстнымъ переводчикомъ Гётевскихъ стихотвореній; тотъ усомнился въ точности цитаты и чуть ли не подтрунилъ надъ легковѣрностью Бѣлинскаго. Вотъ онъ и выпросилъ у меня экземпляръ «Дивана», и постоянно имѣлъ его съ собою, чтобъ при встрѣчѣ поразить С...; но встрѣчи этой, къ великой досадѣ Бѣлинскаго, не состоялось. Въ послѣдніе два года его жизни онъ, подъ вліяніемъ все болѣе и болѣе развивавшейся болѣзни, сталъ очень нервозенъ — и хандра на него находила.

XVI.

Я видѣлся съ Бѣлинскимъ въ теченіи четырехъ зимъ — съ 1843-го по 1846-й годъ, и особенно часто передъ январемъ 1847-го года, когда я отправился на долго за-границу и когда былъ основанъ «Современникъ», т. е. купленъ у покойнаго П. А. Плетнева. Исторія *основанія* этого журнала представляетъ много поучительнаго... Но изложить ее въ точности пока еще трудно: пришлось бы поднимать старыя дрязги. Довольно сказать, что Бѣлинскій былъ постепенно и очень искусно устраненъ отъ журнала, который былъ созданъ собственно для него, его именемъ пріобрѣлъ сотрудниковъ и пополнялся въ теченіи цѣлаго года капитальными статьями, пріобрѣтенными Бѣлинскимъ для боль-

шого затѣяннаго имъ альманаха. Бѣлинскій для «Современника» разорвалъ связь съ «Отечественными Записками», а оказалось, что въ новомъ журналѣ онъ вмѣсто хозяйскаго мѣста, на которое имѣлъ полное право, занялъ тоже мѣсто посторонняго сотрудника, наемщика, какое было за нимъ и въ старомъ. У меня въ рукахъ находятся любопытныя письма Бѣлинскаго, относящіяся къ этому времени: небольшіе отрывки изъ нихъ читатели найдутъ ниже. Что касается собственно до меня, то должно сказать, что онъ, послѣ перваго привѣтствія, сдѣланнаго моей литературной дѣятельности, весьма скоро—и совершенно справедливо—охладѣлъ къ ней; не могъ же онъ поощрять меня въ сочиненіи тѣхъ стихотвореній и поэмъ, которымъ я тогда предавался. Впрочемъ, я скоро догадался самъ, что не предстояло никакой надобности продолжать подобныя упражненія — и возымѣлъ твердое намѣреніе вовсе оставить литературу; только вслѣдствіе просьбъ И. И. Панаева, не имѣвшаго чѣмъ наполнить отдѣлъ смѣси въ 1-мъ номерѣ «Современника», я оставилъ ему очеркъ, озаглавленный «Хорь и Калинычъ». (Слова: «Изъ записокъ охотника» были придуманы и прибавлены тѣмъ же И. И. Панаевымъ, съ цѣлью расположить читателя къ снисхожденію.) Успѣхъ этого очерка побудилъ меня написать другіе; и я возвратился къ литературѣ. Но читатель увидитъ изъ тѣхъ же писемъ Бѣлинскаго, что онъ, хотя остался болѣе доволенъ моими прозаическими работами, однако особенныхъ надеждъ на меня не возлагалъ. Бѣлинскій съ добродушнымъ снисхожденіемъ, съ сочувственнымъ жаромъ поощрялъ начинавшихъ писателей, въ которыхъ признавалъ талантъ, поддерживалъ ихъ первые шаги; но онъ строго относился къ ихъ дальнѣйшимъ попыткамъ, безжалостно указывалъ на ихъ недостатки, порицалъ и хвалилъ съ одинаковымъ безпристрастіемъ.—За то, на первыхъ порахъ, онъ иногда доходилъ до нѣжности, увлекался очень мило, почти трогательно, почти забавно. — Когда попались ему въ руки «Бѣдные люди» г-на Достоевскаго,— онъ пришолъ въ совершенный восторгъ.—«Да, говорилъ онъ съ гордостью, словно самъ совершилъ величайшій подвигъ—да, батюшка, я вамъ доложу!— Не велика птичка—и тутъ онъ указывалъ рукою, чуть не на аршинъ отъ полу—не велика птичка—а ноготокъ востеръ!»— Каково же было мое удивленіе, когда встрѣтившись вскорѣ потомъ съ г-мъ Достоевскимъ—я увидалъ въ немъ человѣка, росту болѣе средняго—во всякомъ случаѣ выше самого Бѣлинскаго!— Но въ припадкѣ отеческой нѣжности къ ново-народившемуся таланту, Бѣлинскій относился къ нему какъ къ сыну, какъ къ

своему «дитяткѣ» [1]). Точно такъ же онъ, лѣтомъ 1843 года, когда я съ нимъ познакомился—лелѣялъ и всюду рекомендовалъ и выводилъ въ люди господина Некрасова, который въ то время еще нуждался въ дружеской опорѣ, ибо еще не успѣлъ сдѣлаться ни тѣмъ богатымъ человѣкомъ, ни тѣмъ оффиціальнымъ поэтомъ англійскаго клуба, какимъ онъ сталъ впослѣдствіи.

XVII.

Какъ во всѣхъ людяхъ съ пылкой душою, во всѣхъ энтузіастахъ, въ Бѣлинскомъ была большая доля нетерпимости.— Онъ не признавалъ, особенно сгоряча, ни одной частицы правды во мнѣніяхъ противника и отворачивался отъ нихъ съ тѣмъ же негодованіемъ, съ которымъ покидалъ собственныя мнѣнія, когда находилъ ихъ ошибочными. — Но его можно было «прошибить», какъ я сказалъ ему однажды — и чему онъ много смѣялся; — истина была для него слишкомъ дорога; онъ не могъ окончательно упорствовать. Къ одной лишь московской партіи, къ славянофиламъ, онъ всю жизнь относился враждебно: очень они уже шли въ разрѣзъ всему тому, что̀ онъ любилъ и во что́ онъ вѣрилъ. Вообще Бѣлинскій умѣлъ ненавидѣть — he was a good hater — и всей душой презиралъ достойное презрѣнія.— Лейбницъ гдѣ-то̀ говоритъ, что онъ почти ничего не презираетъ, (je ne méprise presque rien). — Это понятно — и похвально— въ философѣ, постоянно живущемъ на высотахъ духовнаго созерцанія;—но нашъ братъ, человѣкъ обыкновенный, по землѣ ходящій, не въ силахъ возвыситься до этого безстрастнаго холода, до этой величавой тишины; чувство презрѣнія, которое внушаютъ намъ Ѳаддеи Булгарины да Эмили де-Жирардень, подтверждаетъ и крѣпитъ наше нравственное сознаніе, нашу совѣсть. — Въ собственныхъ промахахъ Бѣлинскій признавался безо всякой задней мысли: мелкаго самолюбія въ немъ и слѣда не было. — «Ну, вралъ же я чушь!» бывало, говаривалъ онъ съ улыбкой — и какая это въ немъ была хорошая черта! — Бѣлинскій былъ не слишкомъ высокаго мнѣнія о самомъ себѣ, о сво-

[1]) Спѣшу предупредить читателя, который, пожалуй, на этомъ мѣстѣ можетъ подумать, что преувеличенный восторгъ, возбужденный въ Бѣлинскомъ «Бѣдными людьми»—не является подтвержденіемъ той непогрѣшительности критическаго чутья, о которой я говорилъ. Должно признаться, что прославленіе свыше мѣры «Бѣдныхъ людей» — было однимъ изъ первыхъ промаховъ Бѣлинскаго и служило доказательствомъ уже начинавшагося ослабленія его организма. Впрочемъ—тутъ его подкупила теплая демократическая струйка.

ихъ способностяхъ. — Скромность его была непритворна и чистосердечна; слово: «скромность», впрочемъ тутъ не годится: ему вовсе не было пріятно, что онъ, по его понятію, такой некрупный человѣкъ; но вѣдь: «изъ своей кожи не выпрыгнешь!» За тò ничего не было для него важнѣе и выше дѣла, за которое онъ стоялъ, мысль, которую онъ защищалъ и проводилъ: тутъ онъ на стѣну готовъ былъ лѣзть — и бѣда тому, кто ему попадался подъ руку! Тутъ и смѣлость являлась въ немъ — отвага отчаянная, на зло его физикѣ и нервамъ; тутъ онъ всѣмъ готовъ былъ жертвовать! При такой сильной раздражительности — такая слабая, личная обидчивость... Нѣтъ! подобнаго ему человѣка я не встрѣчалъ ни прежде, ни послѣ.

XVIII.

Лѣтомъ 1847 года, Бѣлинскій попалъ, въ первый и послѣдній разъ, за границу. Я прожилъ съ нимъ нѣсколько недѣль въ Зальцбруннѣ, небольшомъ силезскомъ городкѣ, славящемся своими водами, будто бы излечивающими чахотку... ему онѣ принесли мало пользы. Въ Зальцбруннѣ онъ, подъ вліяніемъ негодованія, возбужденнаго въ немъ извѣстной «Перепиской съ друзьями» Гоголя, написалъ ему письмо... Потомъ я встрѣтился съ нимъ въ Парижѣ. Тамъ онъ поступилъ въ лечебницу къ нѣкоему доктору, спеціалисту противъ чахотки, по имени Тирà де Мальмору. Многіе считали его за шарлатана, но онъ совсѣмъ было поставилъ Бѣлинскаго на ноги. Кашель прекратился, съ лица сошла зелень... Слишкомъ скорое возвращеніе въ Петербургъ все уничтожило [1]). Странное дѣло! Онъ изнывалъ за-границей отъ скуки; его такъ и тянуло назадъ въ Россію, и даже семейная его жизнь, въ которой мы всѣ, его пріятели, до тѣхъ поръ не видѣли ничего особенно привлекательнаго, даже та представала ему въ радужныхъ краскахъ. Ужъ очень онъ былъ русскій человѣкъ, и внѣ Россіи замиралъ какъ рыбà на воздухѣ. Помню, въ Парижѣ онъ въ первый разъ увидалъ площадь Согласія, и тотчасъ спросилъ меня: «Не правда ли? Вѣдь это одна

---

[1]) Вотъ еще примѣръ того, какъ Бѣлинскій юмористически относился къ самому себѣ (см. ниже). При отъѣздѣ изъ Парижа, ему дали провожатаго, который долженъ былъ сопутствовать ему до Берлина: но въ самую послѣднюю минуту вышло какое-то недоразумѣніе, и Бѣлинскій отправился одинъ. «Представьте мое положеніе — писалъ онъ одному пріятелю въ Парижъ — на бельгійской границѣ меня о чемъ-то спрашиваютъ, а я ничего не понимаю и только глазами хлопаю. Къ счастью, начальникъ таможни догадался должно быть, что я *глупъ до святости* — и пропустилъ меня».

изъ красивѣйшихъ площадей въ мірѣ?»—И на мой утвердительный отвѣтъ воскликнулъ: «Ну и отлично; такъ ужъ я и буду знать,—и въ сторону, и баста!» и заговорилъ о Гоголѣ. Я ему замѣтилъ, что на самой этой площади во время революціи стояла гильотина и что тутъ отрубили голову Людовику XVI, онъ посмотрѣлъ вокругъ, сказалъ: а! — и вспомнилъ сцену Остаповой казни въ «Тарасѣ Бульбѣ». Историческія свѣдѣнія Бѣлинскаго были слишкомъ слабы: онъ не могъ особенно интересоваться мѣстами, гдѣ происходили великія событія европейской жизни; онъ не зналъ иностранныхъ языковъ и потому не могъ изучать тамошнихъ людей; а праздное любопытство, глазѣніе, badauderie, было не въ его характерѣ. Музыка и живопись его, какъ уже сказано, трогали мало; а то̀, чѣмъ такъ сильно дѣйствуетъ Парижъ на многихъ нашихъ соотечественниковъ, возмущало его чистое, почти аскетическое нравственное чувство. Да и наконецъ, ему всего оставалось жить нѣсколько мѣсяцевъ... Онъ уже усталъ и охладѣлъ...

XIX.

Не знаю, говорить ли объ отношеніяхъ Бѣлинскаго къ женщинамъ? Самъ онъ почти никогда не касался этого деликатнаго вопроса. Онъ вообще неохотно распространялся о самомъ себѣ, о своемъ прошедшемъ, и т. п. Мнѣ много разъ случалось наводить его на этотъ разговоръ, но онъ всегда отклонялъ его; онъ словно стыдился, словно не понималъ, что̀ за охота толковать о личныхъ дрязгахъ, когда существуетъ столько предметовъ для бесѣды, болѣе важныхъ и полезныхъ! Если же онъ касался своего прошедшаго, то почти всегда съ юмористической точки зрѣнія: такъ, напримѣръ, онъ разсказалъ мнѣ, какъ будучи *удаленъ* изъ университета и не имѣя буквально чѣмъ жить, онъ взялся перевести романъ Поль-де-Кока за 25 руб. ассиг., и какихъ онъ понадѣлалъ промаховъ! Бѣдность онъ, очевидно, испыталъ страшную, но никогда впослѣдствіи не услаждался ея расписываніемъ и размазываніемъ въ кругу друзей, какъ то дѣлаютъ весьма часто люди, прошедшіе эту тяжкую школу. Въ Бѣлинскомъ было слишкомъ много цѣломудреннаго достоинства для подобныхъ изліяній, а можетъ быть и слишкомъ много гордости... Гордость и самолюбіе — двѣ вещи весьма различныя.

По понятію Бѣлинскаго, его наружность была такого рода, что никакъ не могла нравиться женщинамъ; онъ былъ въ этомъ убѣжденъ до мозгу костей, и конечно, это убѣжденіе еще уси-

ливало его робость и дикость въ сношеніяхъ съ ними. Я имѣю причину предполагать, что Бѣлинскій, съ своимъ горячимъ и впечатлительнымъ сердцемъ, съ своей привязчивостью и страстностью, Бѣлинскій, все-таки одинъ изъ первыхъ людей своего времени, не былъ никогда любимымъ женщиной. Бракъ свой онъ заключилъ не по страсти. Въ молодости онъ былъ влюбленъ въ одну барышню, дочь тверского помѣщика Б—на; это было существо поэтическое, но она любила другого и притомъ она скоро умерла. Произошла также въ жизни Бѣлинскаго довольно странная и грустная исторія съ дѣвушкой изъ простого званія; помню его отрывчатый, сумрачный разсказъ о ней... онъ произвелъ на меня глубокое впечатлѣніе... но и тутъ дѣло кончилось ничѣмъ. Сердце его безмолвно и тихо истлѣло; онъ могъ воскликнуть словами поэта:

«О небо! Если бы хоть разъ
Сей пламень развился по волѣ...
И не томясь, не мучась болѣ,
Я просіялъ бы — и погасъ!»

Но мечты людскія несбывчивы, а сожалѣнья — безплодны. Кому не вынулся хорошій нумеръ — щеголяй съ пустымъ, да и не сказывай никому.

Не могу однако не упомянуть здѣсь, хотя мелькомъ, о благородныхъ, честныхъ воззрѣніяхъ Бѣлинскаго на женщинъ вообще, и въ особенности на русскихъ женщинъ, на ихъ положеніе, на ихъ будущность, на ихъ неотъемлемыя права, на недостаточность ихъ воспитанія, словомъ, на то, что̀ теперь называютъ женскимъ вопросомъ. Уваженіе къ женщинамъ, признаніе ихъ свободы, ихъ не только семейнаго, но и общественнаго значенія, сказываются у него всюду, гдѣ только онъ касается того вопроса, — правда, безъ той вызывающей, крикливой бойкости, которая теперь въ такой модѣ.

XX.

Не разъ приходится слышать слова: такой-то во̀-время, кстати умеръ... Но ни къ кому онѣ такъ несомнѣнно не примѣняются, какъ къ Бѣлинскому. Да! Онъ умеръ кстати и во̀-время! Передъ смертью (Бѣлинскій скончался въ маѣ мѣсяцѣ 1848 года) онъ еще успѣлъ быть свидѣтелемъ торжества своихъ любимыхъ, задушевныхъ надеждъ, и не видѣлъ ихъ окончательнаго крушенія... А какія бѣды ожидали его, еслибъ онъ остался живъ! Извѣстно, что полиція ежедневно справлялась о состояніи его

здоровья, о ходѣ его агоніи... Отъ тяжкихъ испытаній избавила его смерть. Притомъ же и физика его уже отказывалась дѣйствовать... Къ чему же было тянуть, медлить?

«A struggle more — and I am free!» [1])

Все такъ; но живой живое думаетъ, и нельзя подавить въ себѣ чувства сожалѣнія о томъ изъ насъ, кого уноситъ смерть въ невѣдомый край, откуда «не возвратился еще ни одинъ путешественникъ». Я иногда невольно задаю себѣ вопросъ, невольно представляю себѣ, что̀ бы сказалъ, что̀ бы почувствовалъ Бѣлинскій при видѣ великихъ реформъ, совершонныхъ нынѣшнимъ царствованіемъ — освобожденія крестьянъ, водворенія гласнаго суда и т. д.? Какой бы восторгъ возбудили въ немъ эти плодоносныя начинанія! Но онъ не дожилъ до нихъ... Не дожилъ онъ также до того, что̀ также наполнило бы сладостью его сердце: не увидалъ онъ многаго хорошаго, что̀ совершилось послѣ него въ нашей литературѣ. Ка̀къ бы порадовался онъ поэтическому дару Л. Н. Толстаго, силѣ Островскаго, юмору Писемскаго, сатирѣ Салтыкова, трезвой правдѣ Рѣшетникова! Кому бы, какъ не ему, слѣдовало быть свидѣтелемъ всхода тѣхъ сѣменъ, изъ которыхъ многія были посѣяны его рукою?... Но видно—не слѣдовало...

XXI.

Окончу мои воспоминанія о Бѣлинскомъ сообщеніемъ письма одной близкой ему дамы, которую я просилъ передать мнѣ подробности его кончины (я находился тогда за-границей въ Парижѣ), а также и нѣсколькихъ отрывковъ изъ его писемъ ко мнѣ.

Вотъ письмо дамы (отъ 23-го іюня 1848 года):

«Вы хотите знать что̀-нибудь о Бѣлинскомъ... Но я не умѣю порядочно разсказывать, да и нечего почти говорить о человѣкѣ, который все послѣднее время весь былъ истощенъ физическими страданіями. Не могу выразить вамъ, какъ тяжело, какъ больно было смотрѣть на медленное разрушеніе этого бѣднаго страдальца. Воротился онъ изъ Парижа въ такомъ хорошемъ состояніи духа и здоровья, что всѣ мы, не исключая даже доктора, получили надежду на его выздоровленіе. Тутъ провелъ онъ у насъ нѣсколько утръ и вечеровъ въ непрерывномъ, живомъ, энергическомъ разговорѣ, и всѣ съ радостью узнавали въ немъ преж-

[1]) Еще одно усиліе — и я свободенъ! *(Байронъ).*

няго, довольно еще здороваго Бѣлинскаго; но странно, что съ самаго его возвращенія изъ чужихъ краевъ, нравъ его чрезвычайно измѣнился: онъ сталъ мягче, кротче, и въ немъ стало гораздо болѣе терпимости нежели прежде, даже въ семейной жизни его нельзя было узнать, такъ онъ спокойно и повидимому, безъ борьбы, мирился со всѣмъ тѣмъ, что̀ прежде такъ сильно его волновало. Здоровое состояніе его продолжалось недолго; онъ въ Петербургѣ скоро простудился, и тутъ съ каждымъ днемъ его положеніе становилось безнадежнѣе, при каждомъ свиданіи съ нимъ мы находили его страшно измѣнившимся, и казалось, что болѣе похудѣть ему уже нельзя, но увидавъ его опять, находили еще страшнѣе. Въ послѣдній разъ я была у него за недѣлю до его смерти; застали мы его полулежащимъ на креслѣ, лице у него было совершенно мертво, но глаза огромные и блестящіе; всякое дыханіе его было стонъ, и встрѣтилъ онъ насъ словами: «умираю, совсѣмъ умираю», но это слово было выговорено не съ убѣжденіемъ, не съ увѣренностью, а скорѣе съ желаніемъ, чтобъ его опровергли. Нечего вамъ говорить, какіе тяжелые два часа провели мы тогда у него; говорить онъ, разумѣется, не могъ, но его даже ужъ и не занимали и не могли расшевелить разсказы о тѣхъ *предметахъ* [1]), которыми онъ прежде жилъ. Слегъ онъ въ постель дня за три до смерти, и кажется, надѣялся до тѣхъ поръ, пока жива была въ немъ память; наканунѣ онъ сталъ заговариваться, однако узналъ Грановскаго, пріѣхавшаго въ тотъ же день изъ Москвы. Передъ самой смертью онъ говорилъ два часа неперестававая, какъ будто къ русскому народу, и часто обращался къ женѣ, просилъ ее все хорошенько запомнить и вѣрно передать эти слова, кому слѣдуетъ; но изъ этой длинной рѣчи почти ничего уже нельзя было разобрать; потомъ онъ вдругъ замолкъ и черезъ полчаса мучительной агоніи умеръ. Бѣдная жена... не отходила отъ него ни на минуту и совершенно одна прислуживала ему, поворачивала и поднимала его съ постели. Эта женщина... право заслуживаетъ всеобщее уваженіе; такъ усердно, съ такимъ терпѣніемъ, такъ безропотно ухаживала она за больнымъ мужемъ всю зиму...»

Вотъ отрывки изъ писемъ Бѣлинскаго ко мнѣ:

С.-Пб. $\frac{\text{19 февраля}}{\text{3 марта}}$ 1847.

«.... Когда вы сбирались въ путь, я зналъ напередъ, чего лишаюсь въ васъ — но когда вы уѣхали, я увидѣлъ, что поте-

---

[1]) Курсивъ въ подлинникѣ.

рялъ въ васъ больше нежели думалъ... Послѣ васъ я отдался скукѣ съ какимъ-то апатическимъ самоотверженіемъ и скучалъ, какъ никогда въ жизни не скучалъ. Ложусь въ 11, иногда даже въ 10 часовъ, засыпаю до 12, встаю въ 7, 8, или около 9— и цѣлый день — особенно цѣлый вечеръ — (съ послѣ обѣда) — дремлю — вотъ жизнь моя!

«.... ** получилъ отъ К. ругательное письмо, но не показалъ ***. Послѣдній ничего не знаетъ, но догадывается, а дѣлаетъ все-таки свое. При объясненіи со мною, онъ былъ не хорошъ; кашлялъ, заикался, говорилъ что на то̀, что̀ я желаю, онъ, кажется, для моей же пользы, согласиться никакъ не можетъ, по причинамъ, которыя сейчасъ же объяснитъ, и по причинамъ, которыхъ не можетъ мнѣ сказать. Я отвѣчалъ, что не хочу знать никакихъ причинъ — и сказалъ мои условія. Онъ повеселѣлъ, и теперь при свиданіи протягиваетъ мнѣ обѣ руки — видно, что доволенъ мною вполнѣ! По тону моего письма вы можете ясно видѣть, что я не въ бѣшенствѣ и не въ *преувеличеніи*. Я любилъ его, такъ любилъ, что мнѣ и теперь иногда то жалко его, то досадно на него—за него, а не за себя. Мнѣ трудно *переболѣть* внутреннимъ разрывомъ съ человѣкомъ — а потомъ ничего. Природа мало дала мнѣ способности ненавидѣть за лично нанесенныя мнѣ несправедливости; я скорѣе способенъ возненавидѣть человѣка за разность убѣжденій или за недостатки и пороки, вовсе для меня лично безвредные. Я и теперь высоко цѣню ***; и тѣмъ не менѣе онъ въ моихъ глазахъ—человѣкъ, у котораго будетъ капиталъ, который будетъ богатъ—а я знаю, какъ это дѣлается. Вотъ ужъ началъ съ меня. Но довольно объ этомъ.

«... Скажу какъ новость; я, можетъ быть, буду въ Силезіи. Б. достаетъ мнѣ 2500 руб. асс. Я было начисто отказался — ибо съ чѣмъ же я бы оставилъ семейство — а просить, чтобъ мнѣ выдавали жалованье за время отсутствія—мнѣ не хотѣлось. Но послѣ объясненія съ *** я подумалъ, что церемониться глупо... Онъ былъ очень радъ, онъ готовъ былъ сдѣлать все, только бы я... Я написалъ къ Б., и теперь отвѣтъ его рѣшитъ дѣло.

«Вашъ «Каратаевъ» хорошъ, хотя и далеко ниже «Хоря и Калиныча»...

«... Мнѣ кажется, у васъ чисто-творческаго таланта или нѣтъ—или очень мало—и вашъ талантъ однороденъ съ Далемъ. Это вашъ настоящій родъ. Вотъ хоть бы «Ермолай и Мельничиха»—не Богъ знаетъ что́, бездѣлка—а хорошо, потому что умно и дѣльно, съ мыслію. А въ «Бреттёрѣ» — я увѣренъ, вы

творили. Найти свою дорогу, узнать свое мѣсто — въ этомъ все для человѣка, это для него значитъ сдѣлаться самимъ собою. Если не ошибаюсь, ваше призваніе — наблюдать дѣйствительныя явленія и передавать ихъ, пропуская черезъ фантазію, но не опираться только на фантазію... Только ради Аллаха, не печатайте ничего такого, что ни то ни сё; не то, чтобъ не хорошо, да и не то, чтобъ очень хорошо. Это страшно вредитъ тоталитету извѣстности (извините за кудрявое выраженіе — лучшаго не придумалось). А «Хорь» обѣщаетъ въ васъ замѣчательнаго писателя — въ будущемъ.

«... Гоголь сильно покаранъ общественнымъ мнѣніемъ и разруганъ во всѣхъ журналахъ; даже друзья его, московскіе славянофилы — и тѣ отступились, если не отъ него, то отъ гнусной его книги...

«Жена моя и всѣ мои домашніе, не исключая вашего крестника [1]) — кланяются вамъ»...

С.-Пб. 1 (13 марта) 1847.

«... Скажу вамъ, что я почти перемѣнилъ мое мнѣніе на счетъ источника извѣстныхъ поступковъ * * *. Мнѣ теперь кажется, что онъ дѣйствовалъ добросовѣстно, основываясь на объективномъ правѣ — а до понятія о другомъ, высшемъ, онъ еще не доросъ — а пріобрѣсти его не могъ по причинѣ того, что выросъ въ грязной положительности, и никогда не былъ ни идеалистомъ, ни романтикомъ на нашъ манеръ. Вижу — изъ его примѣра — какъ этотъ идеализмъ и романтизмъ можетъ быть полезенъ для иныхъ натуръ, предоставленныхъ самимъ себѣ. Гадки они — этотъ идеализмъ и романтизмъ; но что за дѣло человѣку, что ему помогло дурное на вкусъ лекарство, даже и тогда, если, избавивъ его отъ смертельной болѣзни, привило къ его организму другія, но уже не смертельныя болѣзни; главное тутъ не то, что оно гадко, а то, что оно помогло»...

«Поѣздка моя въ Силезію рѣшена. Этимъ я обязанъ Б—ну. Онъ нашелъ средство и протолкалъ меня. Нѣтъ, никогда я не хлопоталъ и никогда не буду хлопотать такъ о себѣ, какъ онъ хлопоталъ обо мнѣ. Сколько писемъ написалъ онъ, по этому предмету, ко мнѣ, къ А — ву, къ Г — ну, къ брату своему, сколько разговоровъ, толковъ имѣлъ то съ тѣмъ, то съ другимъ! Недавно получилъ онъ отвѣтъ А—ва и прислалъ его мнѣ. А—въ даетъ мнѣ 400 франковъ. Вы знаете, что это человѣкъ поря-

---

[1]) Я былъ крестнымъ отцомъ его сына.

дочно обезпеченный, но отнюдь не богачъ — и по себѣ знаете, что за границей во всякое время 400 фр.—по крайней мѣрѣ— не лишнія деньги. Но это еще ничего—этого я всегда ожидалъ отъ А—ва, а вотъ что тронуло, ущипнуло меня за самое сердце: *для меня*, этотъ человѣкъ измѣняетъ планъ своего путешествія, не ѣдетъ въ Грецію и Константинополь — а ѣдетъ въ Силезію! Отъ этого, я вамъ скажу, можно даже сконфузиться — и еслибъ я не зналъ, не чувствовалъ глубоко, какъ сильно и много люблю я А — ва, мнѣ было бы досадно и непріятно такое происшествіе. Отправиться я думаю на первомъ пароходѣ»...

С.-Пб. 12 (24 апрѣля) 1847.

«Пишу къ вамъ нѣсколько строкъ, мой любезный Т. Вскорѣ по полученіи вашего второго ко мнѣ письма, въ которомъ вы изъявляете свое удовольствіе о здоровьѣ моего сына—онъ умеръ. Это меня уходило страшно. Я не живу — а умираю медленною смертью. Но къ дѣлу. Я взялъ билетъ на Штеттинскій пароходъ; онъ отходитъ 4 (16) мая»...

---

9 (21) мая я свидѣлся съ Бѣлинскимъ въ Штеттинѣ, куда я выѣхалъ къ нему на встрѣчу. Мнѣ писали изъ Петербурга, что смерть трехмѣсячнаго сына поразила его несказанно. Году не прошло, и онъ послѣдовалъ за нимъ въ могилу.

И вотъ уже двадцать лѣтъ слишкомъ прошло съ тѣхъ поръ — и я вызвалъ его дорогую тѣнь... Не знаю, насколько мнѣ удалось передать читателямъ главныя черты его образа; но я уже доволенъ тѣмъ, что онъ побылъ со мной, въ моемъ воспоминаніи...

«Человѣкъ онъ былъ»!

Ив. Тургеневъ.

РУССКІЯ ОТНОШЕНІЯ
БЕНТАМА.

II [1]).

Мысль Бентама обратиться къ императору Александру съ предложеніемъ своихъ трудовъ.—Его заботы объ успѣхѣ дѣла: Сперанскій, Новосильцовъ, Розенкампфъ. — Письмо къ Мордвинову (?) объ этомъ предметѣ, въ январѣ 1814. — Текстъ писемъ Бентама къ императору Александру и къ Чарторыскому, и отвѣтъ императора, 1814—1815 г. — Разочарованіе Бентама. — Послѣднія письма къ Мордвинову.

Сношенія императора Александра съ Бентамомъ, къ которымъ мы теперь переходимъ, касались очень важнаго вопроса: дѣло шло объ изданіи новаго кодекса законовъ. Сношенія эти не повели за собой какого-нибудь фактическаго участія Бентама въ этомъ дѣлѣ; напротивъ, они ограничились, такъ сказать, однимъ предварительнымъ взаимнымъ освѣдомленіемъ, изъ котораго обнаружилось, что взгляды двухъ сторонъ были слишкомъ различны, чтобы для Бентама было возможно участвовать въ кодификаціонныхъ работахъ, совершавшихся въ Россіи. Несмотря, однако, на это отсутствіе дальнѣйшихъ фактическихъ результатовъ, переписка императора Александра съ Бентамомъ любопытна, какъ эпизодъ въ исторіи либеральныхъ тенденцій императора Александра: встрѣча съ идеями Бентама была нѣкоторой повѣркой силы этихъ тенденцій. Мы видѣли, какой пріемъ нашли эти идеи въ первые годы царствованія: для многихъ мыслящихъ людей, желавшихъ общественнаго добра, идеи Бентама въ

---

[1]) См. выше, февр. 784 стр.

первый разъ давали твердую точку опоры и логическое доказательство, которымъ могъ подкрѣпить себя новый образъ мыслей. Когда императоръ далъ повелѣніе объ изданіи сочиненій Бентама на русскомъ языкѣ, это дало идеямъ Бентама новую санкцію; и самъ императоръ вѣроятно раздѣлялъ до извѣстной степени уваженіе къ этому авторитету. Начало прямыхъ сношеній его съ Бентамомъ, по вопросу о законодательствѣ, относится къ 1814 г., когда императоръ Александръ былъ въ Лондонѣ послѣ перваго пораженія Наполеона, когда онъ былъ въ періодѣ своей наибольшей славы—и наибольшихъ увлеченій. Для императора Александра недалеко было то время, когда онъ думалъ полу-дипломатическимъ, полу-пасторальнымъ образомъ ввести въ Европѣ сантиментальный, самодержавно-отеческій образъ правленія. Это настроеніе уже сильно подготовлялось въ немъ всѣми послѣдними событіями; и если потомъ изъ него выросла чистая реакція, то теперь, въ 1814, это была только сантиментальность, въ которой еще были цѣлы либеральныя возбужденія первыхъ годовъ царствованія.

Но сантиментальные идеалы рѣдко осуществляются въ жизни, и особенно сантиментальная постройка общественныхъ идеаловъ и предпріятій. Дѣло, въ которомъ считалось возможнымъ содѣйствіе Бентама, было слишкомъ серьезно, чтобы въ немъ можно было достигнуть самой цѣли одними идеальными мечтами, и Бентамъ всего меньше способенъ былъ удовлетворяться ими. Онъ понималъ вопросъ самымъ прямымъ реальнымъ образомъ, и высказалъ свой взглядъ на дѣло съ такой суровой искренностью, какой вѣроятно не ожидали. Въ его отвѣтѣ оказалось, что для осуществленія идеальныхъ плановъ требуется не только глубокое убѣжденіе въ истинѣ дѣла и большія усилія при самомъ практическомъ исполненіи, но очень часто могутъ потребоваться и личныя усилія надъ самимъ собой, борьба съ собственными привычками и предубѣжденіями. По своему личному характеру и складу убѣжденій, Бентамъ былъ совершенно неспособенъ на мнимо-либеральные компромиссы, и дѣлая всякія уступки даннымъ условіямъ и обстоятельствамъ, не могъ уступить ничего изъ сущности своихъ понятій о дѣлѣ. Въ концѣ концовъ, его понятія оказались совершенно непримѣнимыми въ приложеніи къ русскому законодательству.

Очевидно, что сношенія должны были остаться безъ результатовъ.

Это, конечно, можно было предвидѣть впередъ, и если этого не предвидѣли, вступая въ сношенія съ Бентамомъ, то въ самой

легкости отказа отъ его идей и обнаружилась та неустойчивость, которая отличаетъ сантиментальный либерализмъ.

Со стороны Бентама, этого предвидѣнія было всетаки гораздо больше. Какъ ни былъ онъ проникнутъ сильнымъ желаніемъ «кодифицировать»,—желаніемъ, столько страннымъ по понятіямъ нашего времени, и однакоже легко объяснимымъ въ то время, какъ увидимъ дальше, — его пылъ прошелъ уже скоро. Два письма его къ императору Александру раздѣлены были почти годовымъ промежуткомъ. Первое письмо было писано къ императору, въ которомъ Бентамъ видѣлъ сторонника либеральныхъ идей; когда писалось второе, Бентамъ предвидѣлъ или предчувствовалъ реакцію. Самый тонъ его послѣдняго, длиннаго письма къ императору Александру очевидно заставляетъ предполагать, что у него было уже мало надежды на то, чтобы его предложенія о наилучшемъ способѣ законодательства могли быть приняты. Этотъ тонъ, при всемъ уваженіи къ высокому лицу, къ которому онъ обращался, значительно суровый и категорическій. Въ этомъ письмѣ онъ ставитъ рѣшительную дилемму, и не дѣлаетъ въ ней никакихъ смягченій.

Эта суровость имѣла и другія, болѣе частныя причины. Бентамъ питалъ, какъ увидимъ, большое уваженіе къ Сперанскому, личность котораго, повидимому, въ особенности его интересовала. Сперанскій, конечно, привлекалъ его той стороной, которую Бентамъ долженъ былъ считать у него общей съ нимъ самимъ — стороной своей энергической дѣятельности, направленной къ усовершенствованію правительственныхъ формъ. Въ этомъ дѣлѣ Бентамъ долженъ былъ считать Сперанскаго человѣкомъ, близкимъ къ его собственнымъ идеямъ и желаніямъ. Онъ зналъ, что Сперанскому принадлежало прежде большое вліяніе и въ этой самой «кодификаціи». Но Сперанскаго уже не было теперь въ центрѣ правительственной дѣятельности. Напротивъ, лицо, руководившее теперь кодификаціей, извѣстный баронъ Розенкампфъ, вызывало всю желчь и раздраженіе Бентама. Имя барона Розенкампфа, смѣнившее собою имя Сперанскаго, казалось для Бентама самымъ дурнымъ предзнаменованіемъ о будущей судьбѣ законодательнаго предпріятія, порученнаго такимъ рукамъ, и конечно усиливало суровость его отношенія къ этому дѣлу.—Дальше мы укажемъ еще одно обстоятельство, ближайшимъ образомъ дѣйствовавшее на тогдашнее настроеніе Бентама, это—предчувствіе реакціи и тогдашнее положеніе польскихъ дѣлъ.

О томъ, при какихъ ближайшихъ обстоятельствахъ началась эта переписка Бентама съ императоромъ Александромъ, біографія Боуринга, къ сожалѣнію, представляетъ очень мало подроб-

ностей. Но этотъ пробѣлъ въ біографіи нѣсколько дополняется любопытными документами, находящимися въ рукописяхъ И. П. Библіотеки; указаніемъ на эти рукописи мы обязаны просвѣщенному вниманію барона М. А. Корфа, которому считаемъ долгомъ выразить здѣсь нашу признательность [1]).

Эти рукописи, переданныя въ Библіотеку барономъ Корфомъ при оставленіи имъ поста ея директора, представляютъ слѣдующіе матеріалы: 1) полную копію (французскаго) письма Сперанскаго къ Дюмону (1804 г.), откуда мы, въ первой нашей статьѣ, могли привести только отрывокъ, находящійся въ Боуринговой біографіи Бентама, — къ этому письму мы возвратимся еще разъ; 2) копію *перваго* (англійскаго) письма Бентама къ императору, или вѣрнѣе *проектъ* этого письма, помѣченный здѣсь еще январемъ 1814 г., и какъ увидимъ далѣе, присланный Бентамомъ къ одному изъ его русскихъ друзей, съ желаніемъ знать его мнѣніе; — впрочемъ, *этотъ* экземпляръ не представляетъ разнорѣчій съ печатнымъ англійскимъ текстомъ, который мы приводимъ далѣе. Эти два документа были приложеніемъ къ 3) это — англійское письмо Бентама къ кому-то изъ его русскихъ друзей, котораго онъ называетъ «русскимъ государственнымъ человѣкомъ», — по всей вѣроятности, къ Н. С. Мордвинову. Письмо (какъ и упомянутые выше документы) писано не рукой Бентама, но заключаетъ и его собственныя приписки; и перемѣчено его же рукой по страницамъ (всего 15 стр.). Время написанія не отмѣчено и только на полѣ рукописи дата обозначена январемъ 1814 года.

---

[1]) Кромѣ этого указанія, баронъ Корфъ сообщилъ намъ нѣкоторыя замѣчанія относительно данныхъ, собранныхъ въ первой нашей статьѣ. Именно, онъ полагаетъ, что Саблуковъ, который переписывался съ Бентамомъ, былъ не тотъ А. А. Саблуковъ, о которомъ упоминается въ «Жизни Сперанскаго», а его сынъ, Ник. Ал. Саблуковъ. Первый, по словамъ барона М. А. Корфа, былъ дѣйствительно человѣкъ весьма почтенный, но стариннаго покроя и такого же воспитанія, не только не знавшій ни слова по-англійски, но и съ французскимъ языкомъ ознакомившійся кое-какъ, лишь подъ старость (онъ ум. въ 1828 г.). Поэтому съ Самуиломъ Бентамомъ могъ быть въ перепискѣ несомнѣнно только сынъ этого Саблукова, Николай Александровичъ, человѣкъ замѣчательнаго ума и образованія. Бывъ, при вступленіи на престолъ импер. Александра, полковникомъ конной гвардіи, онъ потомъ оставилъ службу и вступилъ въ нее снова не раньше 1812 года; по изгнаніи же французовъ изъ Россіи, опять вышелъ въ отставку, уже генераломъ, и съ тѣхъ поръ больше не служилъ. И прежде и послѣ, Н. А. Саблуковъ, превосходно знавшій иностранные языки, въ томъ числѣ и англійскій, много странствовалъ по западной Европѣ, жилъ долго въ Лондонѣ, женился на англичанкѣ и умеръ въ 1848 отъ холеры. Отрывокъ изъ его мемуаровъ, писанныхъ на англійскомъ языкѣ, былъ напечатанъ.

Замѣчаніе барона Корфа о принадлежности писемъ этому послѣднему Саблукову, должно быть, конечно, совершенно справедливо.

Въ этихъ документахъ мы встрѣчаемъ данныя, не лишенныя интереса для занимающаго насъ вопроса.

Прежде всего письмо Сперанскаго. Любопытное само по себѣ, потому что въ немъ можно видѣть до нѣкоторой степени, какъ онъ думалъ о реформѣ, дѣлу которой онъ хотѣлъ служить, объ ея возможности и ея условіяхъ,—это письмо даетъ нѣкоторыя указанія и на ходъ мыслей Бентама о кодификаціонныхъ трудахъ для Россіи.

Послѣ того, нами уже приведеннаго мѣста, гдѣ Сперанскій пишетъ Дюмону объ успѣхѣ сочиненій Бентама, образчикъ которыхъ былъ напечатанъ въ «Спб. Журналѣ», онъ продолжаетъ:

«Для меня составляетъ истинное удовольствіе сообщить вамъ объ этомъ успѣхѣ, такъ какъ я убѣжденъ, что самое лестное вознагражденіе вашихъ трудовъ и единственное, достойное вашихъ дарованій, есть именно это распространеніе полезныхъ истинъ — въ странѣ, *которая*, въ нынѣшнихъ обстоятельствахъ, *быть можетъ, всего способнѣе принять хорошее законодательство* (pays, le plus susceptible d'une bonne législation), — *именно потому, что въ ней меньше приходится разсѣявать ложныхъ понятій, меньше приходится бороться противъ рутины, и больше можно встрѣтить послушной воспріимчивости* (docilité à recevoir) *къ благотворнымъ дѣйствіямъ умнаго и разсудительнаго правительства*».

Далѣе Сперанскій разсказываетъ объ учрежденіи извѣстной «Коммиссіи составленія законовъ». Ея учрежденіе или преобразованіе было одной изъ тѣхъ мѣръ, принятыхъ въ первые годы царствованія императора Александра, на которыя возлагались особенныя надежды. Эта коммиссія, ведущая начало еще со временъ Петра Великаго и съ тѣхъ поръ, въ разныхъ формахъ влачившая въ теченіи цѣлаго столѣтія странное и безплодное существованіе, съ 21 октября 1803 г. передана была въ министерство юстиціи. Присутствіе ея составили министръ юстиціи кн. Лопухинъ и товарищъ его, Н. Новосильцовъ; секретаремъ присутствія назначенъ былъ, столь извѣстный впослѣдствіи, лифляндскій баронъ Густавъ Розенкампфъ. Въ началѣ слѣдующаго года министерство юстиціи представило докладъ о преобразованіи коммиссіи и объ устройствѣ ея на новыхъ основаніяхъ: съ утвержденіемъ этого доклада, 28 февраля 1804 г., коммиссія составленія законовъ составила цѣлое отдѣльное вѣдомство, съ своей іерархіей чиновниковъ; высшую власть, «присутствіе», составляли въ ней министръ и товарищъ министра юстиціи, а главнымъ дѣйствующимъ лицомъ сталъ Розенкампфъ, что̀ продолжалось до на-

значенія въ члены присутствія Сперанскаго, въ августѣ 1808 года [1]).

Въ это время, въ 1804 г., Сперанскій, состоявшій при Кочубеѣ, въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, еще не имѣлъ никакого отношенія къ коммиссіи. Онъ пишетъ Дюмону слѣдующимъ образомъ объ этомъ предметѣ:

«Со времени вашего возвращенія въ Лондонъ, попеченія о лучшемъ устройствѣ законодательной части, которыя вы здѣсь видѣли, значительно увеличились. Различныя отрасли законодательства, разсѣянныя по разнымъ частямъ, теперь соединены и изъ нихъ составлено особое вѣдомство, подъ названіемъ коммиссіи законовъ. Принятъ планъ редакціи, и по этому плану собираютъ и классифицируютъ необходимые матеріалы. Эта коммиссія состоитъ подъ спеціальнымъ управленіемъ г. Новосильцова. Не имѣя занятій по этой части и будучи почти чуждъ тому роду свѣдѣній, какихъ она требуетъ, я не могу судить о степени дарованій, которыя она можетъ заключать въ своемъ составѣ [2]). Но *я убѣжденъ*, что *совѣты и взгляды такого человѣка, какъ г. Бентамъ, имѣли бы здѣсь существенную важность.* Его аналитическій и глубокій умъ долженъ имѣть высокое значеніе вездѣ, гдѣ идетъ дѣло объ установленіи законодательства, основаннаго на истинныхъ принципахъ пользы. *Я вполнѣ раздѣляю съ вами убѣжденіе въ тѣхъ послѣдствіяхъ, какія порождаетъ эта идея;* но, не имѣя возможности дѣйствовать для ея принятія, я могу только питать желаніе, чтобы благія намѣренія правительства, тѣми или другими средствами, были исполнены наилучшимъ образомъ. Впрочемъ, г. Новосильцовъ находится теперь въ Лондонѣ [3]), и вы, быть можетъ, сами будете имѣть случай говорить съ нимъ объ этомъ предметѣ, истинно важномъ для человѣчества. Ваше свидѣтельство способно подкрѣпить *предложеніе этого рода* и доставить ему весь возможный авторитетъ».

Къ тому мѣсту письма, гдѣ говорится о Новосильцовѣ, сдѣлана сноска, написанная по-англійски, или Дюмономъ, или Бентамомъ; въ копіи П. Библіотеки она списана, кажется, той же рукой, какой написано и все письмо. Въ этой сноскѣ говорится слѣдующее: «Во всемъ, кромѣ благихъ намѣреній, полная

[1]) См. «Докладъ министерства юстиціи о преобразованіи коммиссіи составленія законовъ» и пр. Спб. 1804, и бар. Корфа, «Жизнь Сперанскаго», I, 146 и слѣд.

[2]) Эти послѣднія слова въ письмѣ Сперанскаго приведены въ книгѣ барона Корфа, I, 154—155, прим.

[3]) Ему былъ порученъ важный дипломатическій трудъ—привлечь Англію въ коалицію, которую императоръ Александръ составлялъ тогда противъ Наполеона.

неспособность достойнаго джентльмена (т. е. Новосильцова) къ какому-нибудь дѣлу подобнаго рода оказалась, съ перваго же раза, такъ велика, что всякій разговоръ съ нимъ объ этомъ предметѣ былъ бы совершенной потерей времени: это было очевидно. Поэтому, я старательно и положительно уклонялся отъ него. Идеи г. Н. были въ Петербургѣ, въ головѣ г. Р. (т. е. Розенкампфа), а идеи Р. были въ облакахъ, — гдѣ, безъ сомнѣнія, пребываютъ и теперь» [1]).

Такимъ образомъ, для Бентама уже съ этого времени становилось видно положеніе законодательнаго вопроса въ коммиссіи законовъ. Впослѣдствіи назначеніе Сперанскаго въ члены присутствія въ коммиссіи было, безъ сомнѣнія, пріятно для него, потому что Сперанскаго онъ очень уважалъ и считалъ его способнымъ къ этому дѣлу. Что касается до Розенкампфа, Бентамъ не упускалъ его изъ виду. Мы еще встрѣтимъ его имя въ слѣдующемъ письмѣ Бентама, которое мы находимъ въ П. Библіотекѣ.

Это письмо (отъ января 1814 г.), адресованное, какъ мы полагаемъ, къ Мордвинову, занято уже именно планомъ Бентама обратиться къ императору Александру съ предложеніемъ своихъ трудовъ на пользу русской кодификаціи. Письмо, которое на самомъ дѣлѣ представлено было императору только въ маѣ 1814, было уже въ январѣ этого года прислано Бентамомъ къ своему корреспонденту, у котораго онъ проситъ совѣта и содѣйствія по этому предмету и которому онъ сообщаетъ свои предположенія о различныхъ шансахъ этого дѣла. Онъ разсчитываетъ разныя обстоятельства, отъ которыхъ можетъ зависѣть успѣхъ или неуспѣхъ дѣла, и исторія его письма къ императору, которую мы здѣсь отчасти видимъ, довольно показываетъ, до какой степени это дѣло дѣйствительно у него «лежало на душѣ», — мы увидимъ, почему его письмо къ императору Александру имѣло тотъ, а не другой характеръ. Мы приведемъ здѣсь существенные пункты его разсказа.

Начала письма, повидимому, недостаетъ; оно начинается такимъ образомъ:

....«Когда я такимъ образомъ представилъ вамъ лучшее доказательство, какое въ состояніи дать мои слабыя силы, — доказа-

---

[1]) Въ подлинникѣ: «In every thing but goodness of intention, the worthy gentleman's complete unfitness for any such business became immediately so prominent, that any conversation with him on the subject would (it was evident) be worse than labour lost. I accordingly kept carefully and effectually out of his way. Mr N.'s ideas were at Petersburgh in the head of Mr R...; and Mr R.'s were (where they doubtless continue to be) in the clouds».

тельство той привязанности — — —, которой не можетъ не требовать ваша дружба къ моему брату, позвольте мнѣ упомянуть вамъ объ одномъ дѣлѣ, на которое онъ меня побуждаетъ (хотя оно и безъ того достаточно лежитъ у меня на душѣ) и которое (я льщу себя этой мыслью) будетъ не совсѣмъ индифферентно для русскаго государственнаго человѣка, выразившаго такъ ясно свое одобреніе моихъ принциповъ и моихъ сочиненій, какъ я имѣлъ удовольствіе это видѣть.

«Я беру на себя смѣлость поручить вашей заботѣ прилагаемыя при этомъ два экземпляра письма, написаннаго мною къ вашему императору. Въ одномъ изъ нихъ *помѣщенъ* параграфъ, который въ другомъ экземплярѣ *опущенъ*: вотъ вся ихъ разница. То изъ этихъ писемъ, которое вы найдете наилучше соотвѣтствующимъ цѣли, я просилъ бы вашей благосклонности— переслать ему какимъ бы то ни было образомъ, который можетъ оказаться наиболѣе удобнымъ [1]). Разныя лица согласно увѣряютъ меня, что на *англійскомъ* языкѣ оно будетъ для него столько же понятно, какъ на *французскомъ*: и на англійскомъ языкѣ (какъ говорятъ иные) оно можетъ пріобрѣсть болѣе благосклоннаго вниманія и дѣйствовать съ бо̀льшимъ вѣсомъ, чѣмъ на менѣе дружественномъ и болѣе обыкновенномъ языкѣ.

«Я считалъ необходимымъ спросить мнѣнія разныхъ лицъ, больше или меньше имѣющихъ то знаніе людей и обстоятельствъ (въ Россіи), какого я не имѣю вовсе. Теперь это письмо имѣетъ не совсѣмъ тотъ видъ, въ какомъ оно въ первый разъ вышло изъ моихъ рукъ. Тогда я старался сколько возможно избѣгать того самовозвеличенія, котораго вы увидите теперь такое изобиліе. Но меня съ разныхъ сторонъ увѣряли, что — подъ опасеніемъ остаться непонятнымъ — я необходимо долженъ говорить такъ ясно и прямо, какъ только возможно, отдавая полное предпочтеніе понятности передъ скромностью.

«Въ томъ видѣ письма, какой оно имѣетъ теперь, я самъ не нахожу ничего въ частности, что̀ бы представляло опасность произвести неудовольствіе, или какимъ-нибудь образомъ мѣшать намѣренію. Но еслибы вы открыли въ немъ что-нибудь подобное, то съ вашей стороны было бы дѣломъ человѣколюбія отдать переписать его, опустивъ осужденное мѣсто, и дать комунибудь подписать мое имя. И время и отдаленность вмѣстѣ запрещаютъ пересылку письма взадъ и впередъ между Лондономъ

---

[1]) Мы замѣтили выше, что экземпляръ, находящійся при этомъ письмѣ въ П. Б-кѣ, совершенно сходенъ съ тѣмъ письмомъ, которое Бентамъ впослѣдствіи напечаталъ и которое мы ниже помѣщаемъ въ переводѣ.

и Петербургомъ для такой (маловажной) цѣли. Вы—мой уполномоченный: — вы имѣете carte blanche.»

Онъ разбираетъ потомъ, имѣетъ ли право отягощать своего корреспондента заботами о письмѣ, и находитъ, что участіе этого корреспондента къ его предпріятію вѣроятно позволитъ ему разсчитывать на такое содѣйствіе. Переходя затѣмъ къ разсчетамъ о томъ, гдѣ онъ можетъ встрѣтить поддержку или оппозицію своему предпріятію, Бентамъ прежде всего вспоминаетъ о томъ же Розенкампфѣ и чтобы объяснить свои предположенія относительно его вѣроятнаго взгляда на это дѣло, приводитъ отрывокъ изъ одного письма, на которое мы уже указывали выше, въ первой статьѣ. Читатель припомнитъ письмо д'Ивернуа къ Дюмону (отъ 6 февр. 1813 г.), гдѣ говорится о томъ, какъ читаются сочиненія Бентама нѣкоторыми русскими государственными людьми. Въ нашей рукописи мы находимъ этотъ отрывокъ въ болѣе полномъ видѣ, и изъ него оказывается, что у д'Ивернуа шла рѣчь именно о Розенкампфѣ [1]).

«Я не осмѣливаюсь ручаться, писалъ д'Ивернуа къ Дюмону, чтобы вашъ трудъ былъ понятъ однимъ *статскимъ совѣтникомъ*, котораго вы знаете и который возвратилъ мнѣ ваши два волюма (Peines et Récompenses) *въ 24 часа*, увѣряя меня, что онъ прочелъ ихъ и размышлялъ о нихъ цѣлую ночь. Его зовутъ Р... [2]), котораго его величество императоръ далъ мнѣ въ руководители [3]) и относительно котораго я могу похвалиться, что гораздо васъ скорѣе оцѣнилъ и его голову и его сердце».

Затѣмъ Бентамъ продолжаетъ:

«Не можетъ быть конечно рѣчи о какомъ-нибудь шансѣ принятія подобнаго предложенія (т. е. того, которое хотѣлъ сдѣлать Бентамъ императору) — какъ вы, безъ сомнѣнія, хорошо знаете,—если бы при всѣхъ усиліяхъ этого Р... онъ былъ въ силахъ остановить его. Все время, какъ Дюмонъ находился въ Петербургѣ, вскорѣ послѣ выхода въ свѣтъ Traités de Législation, Р... былъ какъ на иголкахъ: уловки и притворства, къ которымъ онъ прибѣгалъ, и волненіе, которое онъ обнаруживалъ, представляли тогда совершенную комедію: нѣкоторыя черты ея есть гдѣ-то у меня записанныя. Тоже заявленіе, что онъ провелъ цѣлую

---

[1]) Бентамъ говоритъ: „Я приведу отрывокъ изъ письма къ Дюмону, 6 февр. 1813 года, отъ одного его друга, *котораго вы угадаете*. По моему желанію, это письмо было оставлено имъ у меня, вскорѣ послѣ того, какъ оно сюда пришло. Ни тотъ, ни другой не знаютъ, что изъ письма сдѣлано будетъ *это* употребленіе; но если бы они и знали, то оба они (я надѣюсь) извинятъ меня."

[2]) На полѣ карандашомъ: Розенкампфъ.

[3]) Alas! poor Russia!—прибавлено въ скобкахъ, конечно Бентамомъ

ночь или двѣ ночи въ чтеніи и размышленіи обо всей книгѣ; тоже рѣшительное нежеланіе слышать или сказать хоть слово о какой-нибудь одной особенной *части*.

«Все это совершенно естественно. Не въ природѣ вещей, чтобы по предмету законодательства *его* идеи и *мои* могли найти одобреніе въ одномъ и томъ же умѣ. Тотчасъ послѣ появленія моихъ (кажется въ 1807 г.), его идеи—если мои свѣдѣнія справедливы—были оцѣнены по ихъ настоящему достоинству. «Голова» и «сердце», о которыхъ идетъ рѣчь, были, какъ я предполагаю, въ числѣ тѣхъ, съ которыми *вамъ* приходилось имѣть дѣло. Относительно *настоящаго* положенія законовъ въ имперіи (судебнаго устройства и формъ судебной процедуры), я не удивился бы, впрочемъ, еслибъ услышалъ, что его *голова* больше, чѣмъ всѣ другія, имѣетъ свѣдѣній (включая и *средства полученія* этихъ свѣдѣній изъ разныхъ источниковъ, откуда ихъ можно имѣть). Но, если говорить о содѣйствіи въ такомъ дѣлѣ, каково предлагаемое мной, есть ли какой-нибудь шансъ найти для него какое-нибудь побужденіе къ этому?—Если бы онъ дѣйствительно могъ быть удовлетворенъ на такихъ условіяхъ, что *онъ* на *свою* долю имѣлъ бы всю *награду* за то, что сдѣлано (предполагая всегда его способность доставлять самыя правильныя и полныя свѣдѣнія, какія можно имѣть), а я имѣлъ бы на свою долю *трудъ*, онъ и я были бы лучшими друзьями, какихъ только можно себѣ вообразить.

«Другая вещь, какую необходимо кажется помнить всякому лицу, которое имѣло бы наклонность дать свою поддержку моему предложенію (хотя для васъ это замѣчаніе можетъ быть совершенно излишне послѣ того, что вы вѣроятно слышали отъ моего брата), есть то, что еслибы *здѣшняя администрація* узнала объ этомъ дѣлѣ и если бы въ ея власти было помѣшать ему, она помѣшала бы навѣрное. Хотя я и былъ предметомъ публично заявленнаго уваженія, засвидѣтельствованнаго документально, предметомъ многократныхъ и не встрѣчавшихъ никогда противорѣчія похвалъ, высказанныхъ по разнымъ случаямъ и отъ различныхъ сторонъ парламента, въ палатѣ общинъ, но для нихъ (т. е. для администраціи) я тѣмъ не менѣе, или даже тѣмъ болѣе упорно служу предметомъ *отвращенія* и вмѣстѣ предметомъ *опасеній* (apprehension), насколько можетъ быть такимъ предметомъ одиноко стоящій человѣкъ, не принадлежащій ни къ какой партіи и не имѣющій никакихъ политическихъ плановъ»...

Этихъ своихъ непримиримыхъ враговъ Бентамъ указываетъ, не говоря о духовенствѣ, въ англійскихъ *законникахъ*, ненави-

дѣвшихъ его за то, что онъ открылъ тѣ недостатки и злоупотребленія, отъ которыхъ зависитъ и которыми соразмѣряется ихъ личное благополучіе. Онъ приводитъ примѣры и случаи, — какъ его величество Георгъ III сдѣлалъ ему честь, записавши его въ свою черную книгу, какъ парламентъ, зависящій отъ министерства, нарушилъ (съ ущербомъ для казны) свое обѣщаніе устроить тюремныя учрежденія по плану «Паноптикона», и т. д. Достаточно извѣстно, что Бентамъ дѣйствительно былъ предметомъ ненависти для всѣхъ консервативныхъ элементовъ англійскаго правительства, аристократіи, духовенства и юридическихъ казуистовъ; а эти элементы бываютъ обыкновенно въ огромномъ большинствѣ.

«При такихъ обстоятельствахъ, предположите, что (наприм. по внушенію вашего Р...) *нашему* посланнику при *вашемъ* дворѣ сдѣлаютъ вопросъ, что́ *онъ* знаетъ обо мнѣ. Отвѣтъ, и вѣроятно справедливый, будетъ вѣроятно тотъ, что онъ никогда не слыхалъ о такомъ человѣкѣ. Предположите, что такой же вопросъ будетъ обращенъ *вашимъ* посланникомъ *здѣсь* къ лорду Ливерпулю, лорду Батёрсту, или лорду Кэстльри, отвѣтъ будетъ тотъ, что они никогда меня не видывали, но что я, хотя и благомыслящій человѣкъ, но человѣкъ умозрительный, фантазеръ, утопистъ, полный невозможныхъ плановъ преобразованій, и самъ человѣкъ невозможный (unpracticable), который надѣлалъ имъ порядочно хлопотъ.

«Если бы спросили *теперь* лорда С.-Эленса (нашего посланника при вашемъ дворѣ, если можете или не можете припомнить), *его* отвѣтъ былъ бы таковъ, что я не могу, оставаясь скромнымъ, дать вамъ о немъ понятія.

«Каковъ былъ бы отвѣтъ лорда Сидмута, я нѣсколько затрудняюсь придумать — — —

«Еслибы не цѣль, которую я имѣю въ виду, то была бы невыносима и десятая доля этихъ моихъ толковъ о самомъ себѣ», замѣчаетъ Бентамъ, и высказывая свое убѣжденіе въ томъ, что могъ бы принести пользу человѣчеству этими своими трудами, пользу, которой не приносилъ еще никто до тѣхъ поръ («потому что ни въ одномъ изъ кодексовъ, изданныхъ въ послѣднее время, не излагаются *основанія* — reasons — законовъ»), онъ выражаетъ надежду, что его не осудятъ за его способъ дѣйствій и заботу объ интересѣ своего дѣла.

Онъ обращаетъ вниманіе и на тотъ возможный шансъ, что его трудъ, достигши Петербурга, будетъ оставленъ безъ вниманія и безъ употребленія. Этотъ шансъ онъ не считаетъ невѣроятнымъ, но думаетъ, что если бы трудъ его былъ изданъ въ

Англіи, то самая исторія его совершенія обезпечила бы ему вниманіе, и этого было бы довольно. Онъ разумѣетъ здѣсь, относительно Англіи, не вниманіе *немногихъ* управляющихъ, а вниманіе *многихъ* управляемыхъ: о первыхъ онъ уже сказалъ, что для нихъ онъ составляетъ предметъ отвращенія, какъ и всякая мысль о реформѣ. При его жизни, имъ нечего отъ него бояться; но послѣ его смерти имъ надо будетъ бояться многаго.

«Эта увѣренность и предвкушеніе уваженія отъ немногихъ людей признаннаго достоинства по ихъ талантамъ и общественной добродѣтели—и составляютъ мою награду.

«Если я не слишкомъ льщу себѣ—продолжаетъ Бентамъ,—я успѣлъ уже положить основаніе по крайней мѣрѣ небольшой школы, состоящей изъ людей даровитыхъ и дѣятельныхъ, которые, будучи вполнѣ проникнуты моими принципами, не будутъ имѣть недостатка ни въ охотѣ, ни въ способности идти впередъ и дополнить то, что̀ останется у меня неконченнымъ: такъ-что, по моей смерти,—если тѣмъ временемъ будетъ сдѣлано какое-нибудь употребленіе изъ моего предложенія,—можно будетъ знать, гдѣ можно было бы получить содѣйствіе для продолженія дѣла».

Обращаясь потомъ къ своему личному труду, Бентамъ замѣчаетъ, что его дѣятельность, хотя еще не прекратилась, но уже приближается къ концу.

«Впрочемъ—говоритъ онъ—трудъ, о которомъ идетъ рѣчь, былъ бы для меня игрушкой въ сравненіи съ моими настоящими занятіями [1]): онъ былъ бы для меня своего рода отдохновеніемъ. Труды подобнаго рода составляютъ единственное, абсолютно единственное удовольствіе, какое въ послѣдніе годы осталось для меня. Я не *хожу* рѣшительно никуда. Я *не принимаю* никого, кромѣ немногихъ, отъ кого въ этихъ своихъ трудахъ я могу получить, или ожидаю получить поощреніе или помощь. Я уклонился отъ свиданія съ вашимъ Н. [2]), который, хотя, какъ я слышалъ, есть человѣкъ почтенный и добронамѣренный, но обнаружилъ слишкомъ явную слабость довѣріемъ къ своему Р... Я не хотѣлъ также видѣть *Хитрово*, и адресовалъ его къ своему брату. «Г-жа Сталь (говоритъ мнѣ Дюмонъ) не хочетъ видѣть здѣсь никого, пока не увидитъ васъ»;—«въ такомъ случаѣ (говорю я) она не увидитъ здѣсь никого». Когда была здѣсь миссъ Эджевортъ, я также не хотѣлъ принять ее. Г-жа Сталь и въ печати и въ разговорахъ ругаетъ *принципъ пользы*; миссъ Эджевортъ превозноситъ

---

[1]) Бентамъ разумѣлъ вообще теоретическій трудъ, разъясненіе принциповъ и *основаній* законовъ,—вещи, надъ которыми онъ именно трудился всю свою жизнь.

[2]) Т. е. опять Новосильцовымъ.

его— —*Миранду* я принялъ: еслибы онъ имѣлъ успѣхъ, я составилъ бы кодексъ для Венезуэлы, а потомъ, можетъ быть и для другихъ частей испанской Америки. Полковника Бурра (американца) я даже принялъ на нѣсколько времени въ свой домъ: я имѣлъ доказательства его уваженія къ моимъ трудамъ въ то время, когда онъ былъ на высотѣ своей славы и не могъ имѣть помышленія, что когда-нибудь меня увидитъ.

«Въ васъ я вижу просвѣщеннаго друга вашего отечества, и испытаннаго друга моего брата. Я не безъ нетерпѣнія жду того времени, когда я могу надѣяться пожать вамъ руку въ этомъ моемъ уединеніи».

Въ пост-скриптѣ Бентамъ спрашиваетъ: можно-ли было бы получить собственноручное письмо императора въ отвѣтъ на его предложеніе, и не произвело-ли бы подобное письмо больше впечатлѣнія, чѣмъ такое, которое было бы только подписано имъ? Потомъ, заговоривъ о Дюмонѣ, онъ вспоминаетъ о его пребываніи въ Петербургѣ:

«Когда онъ былъ въ Петербургѣ и былъ такъ хорошо принятъ нѣкоторыми членами администраціи вслѣдствіе изданія моего труда, онъ говорилъ такъ, что ему казалось весьма вѣроятнымъ получить приглашеніе: но не имѣя полномочія отъ меня, онъ не сдѣлалъ никакого предложенія отъ моего имени. Кочубей кажется былъ склоненъ къ этому, но не имѣлъ возможности: его вѣдомство было удобно для этого, но онъ оставлялъ его. Сперанскій, въ то время (я полагаю) состоявшій при Кочубеѣ, кажется понималъ въ чемъ дѣло, и письмо его къ Дюмону, которое я видѣлъ въ то время, кажется выражало это. Онъ именно говорилъ съ Дюмономъ о русскомъ переводѣ, который (я полагаю) вы имѣете».

Въ концѣ письма сдѣлана самимъ Бентамомъ приписка. Онъ нашелъ у себя письмо Сперанскаго, о которомъ была рѣчь, и посылаетъ своему корреспонденту копію (конечно ту самую, которая находится въ рукописи Публичной Библіотеки): «изъ этой копіи вы можете видѣть, на какой почвѣ стояло въ то время законодательное дѣло, насколько оно касалось меня».

Наконецъ, онъ прибавляетъ еще нѣкоторыя соображенія по тому же предмету:

«Лордъ Кэстльри отправился въ свое посольство. Изъ сказаннаго выше вы увидите, какъ важно то, чтобы мое письмо *не* было представлено, пока лордъ Кэстльри не удалится отъ того лица, которому оно адресовано. Поццо ди-Борго (съ которымъ я никогда не имѣлъ никакихъ сношеній) считается Дюмономъ въ числѣ друзей этого дѣла. Такъ Дюмонъ увѣрялъ меня и со-

бирался писать ему объ этомъ предметѣ, чтобы извѣстить его, что такое предложеніе будетъ сдѣлано и, сообщая свое мнѣніе, говорилъ, чтò по его мнѣнію можетъ всего лучше доставить его содѣйствіе: о важности этого содѣйствія, вы, я полагаю, знаете все, а я конечно не знаю ничего.

«Разныя обстоятельства нѣсколько разъ подвергали это скучное письмо многимъ перемѣнамъ. Послѣдняя дата его здѣсь поставлена». — Въ концѣ извѣстіе о добромъ здоровьѣ Самуила Бентама.

Эта послѣдняя дàта есть *28-е января* 1814.

Мы не имѣемъ дальнѣйшихъ свѣдѣній о томъ, какъ потомъ шло дѣло объ этомъ первомъ письмѣ Бентама къ императору Александру. Оно было представлено въ *маѣ* 1814 и читатель увидитъ ниже объясненіе послѣдующихъ обстоятельствъ дѣла. Письмо, *представленное* Бентамомъ (какъ оно напечатано потомъ имъ самимъ) не разнится отъ той редакціи, какую мы находимъ въ рукописи Публичной Библіотеки.

Когда дѣло кончилось совсѣмъ — и кончилось неудачей, — Бентамъ издалъ самъ свою переписку съ императоромъ Александромъ въ «Papers relative to Codification and Public Instruction» (Лондонъ 1817) и въ «Supplement to Papers etc.», вышедшихъ въ томъ же году. Въ этомъ самомъ видѣ переписка вошла и въ собраніе его сочиненій, 1843 года [1]).

Въ переводѣ этихъ писемъ, мы старались быть сколько можно близкими къ подлиннику. Это не такъ легко, и быть можетъ не такъ удобно для читателя: языкъ Бентама вообще довольно тяжелъ, и о Бентамѣ даже просто говорятъ, что онъ «не умѣлъ писать», — но тѣмъ не менѣе мы желали сохранить особенности его стиля, потому что онѣ довольно характерны. Бентамъ дѣйствительно не заботился о гладкости фразы; онъ старался только о томъ, чтобы его мысль выражалась во фразѣ со всей точностью, со всѣми ея опредѣленіями; поэтому фраза обставлена обыкновенно множествомъ условныхъ, предположительныхъ, усиливающихъ или ослабляющихъ подробностей, которыхъ достаточно было бы, чтобы изъ одной этой фразы выстроить нѣсколько цѣлыхъ періодовъ. Понятно, какъ этотъ характеръ языка выражалъ самый характеръ ума Бентама, его строгую логическую послѣдовательность и юридическую точность. Этотъ языкъ самъ по себѣ есть историческая черта.

Переходимъ къ самымъ письмамъ.

---

[1]) Works, IV, 514—528. Ср. тамъ же, стр. 452, прим.

Г. Письмо Іереміи Бентама къ императору всероссійскому.

Queen-Square-Place, Westminster.

Лондонъ, мая 1814 г.

Цѣль этого письма состоитъ въ томъ, чтобы представить вниманію вашего величества предложеніе относительно области законодательства.

Мнѣ шестьдесятъ шесть лѣтъ. Изъ нихъ не много менѣе пятидесяти проведены были на этомъ поприщѣ безъ всякихъ порученій со стороны какого либо правительства. Я гордился бы посвятить остальные годы моей жизни, насколько это можетъ быть сдѣлано мною въ моемъ отечествѣ, трудамъ на улучшеніе состоянія этой отрасли управленія въ обширной имперіи вашего величества.

Въ 1802 году издано было въ Парижѣ г-мъ Дюмономъ (изъ Женевы) сочиненіе въ трехъ томахъ 8° подъ названіемъ: *Traités de Législation Civile et Pénale etc.*, извлеченное, какъ упоминается въ немъ, изъ моихъ бумагъ.

Въ 1805 году переводъ этого сочиненія на русскій языкъ былъ изданъ въ С.-Петербургѣ по повелѣнію вашего величества (если мнѣ вѣрно сообщено объ этомъ).

Со времени появленія этого сочиненія Европа увидѣла *два* обширныхъ кодекса законовъ, обнародованныхъ въ ея предѣлахъ: одинъ *французскимъ императоромъ*, другой *королемъ Баваріи*. Тотъ и другой представляютъ собою единственные кодексы подобнаго обширнаго объема, какіе только появлялись *въ послѣднее полустолѣтіе*. Изъ законовъ, изданныхъ французскимъ императоромъ, одна часть заключаетъ въ себѣ полный *уголовный кодексъ*. Въ предисловіи къ этому авторитативному [1]) труду, упоминается о моемъ не-авторитативномъ трудѣ съ почетнымъ отзывомъ; между *умершими* приводятъ имена *Монтескье, Беккаріи и Блакстона*,—между живыми (исключая только нѣкоторые *фактическіе* предметы) одно только *мое* имя. Въ баварскомъ кодексѣ, составленномъ *г. Бексономъ*, упоминается о моемъ сочиненіи гораздо *подробнѣе и обширнѣе* и расточается ему еще больше *похвалъ*.

Во *Франціи* подъ непосредственной волей Наполеона—въ *Баваріи* подъ вліяніемъ Наполеона,—это великодушіе, оказанное вниманіемъ къ

---

[1]) Бентамъ принимаетъ это слово въ слѣдующемъ смыслѣ: Книга, заключающая въ себѣ изложеніе и объясненіе законовъ, «называется *авторитативной* тогда, когда составлена человѣкомъ, который, представляя такое или другое состояніе закона, бываетъ виновникомъ этого состоянія, т. е. когда она составлена самимъ законодателемъ; она называется *не-авторитативной*, когда она есть произведеніе какого-нибудь другого лица вообще»; другими словами: когда она имѣетъ юридическую силу закона, или не имѣетъ этой силы. Ср. Избр. Сочин. Бент. I, 301 — 302.

труду живого англичанина, не могло не вызвать съ моей стороны удивленія.

Похвала труду—одна вещь; *принятіе* его—другая. Имѣя передъ собою мой трудъ, оба эти новѣйшія произведенія приняли въ свое основаніе законодательство *древняго Рима*. Для Россіи во всякомъ случаѣ это было бы только лишней помѣхой.

Въ устройствѣ человѣческой природы есть фибры, которыя бываютъ однѣ и тѣ же во всякомъ *мѣстѣ* и во всякое *время*, и есть другія, которыя мѣняются по *мѣсту* и по *времени*. Эти-то послѣднія и были предметомъ моего постояннаго и положительно заявленнаго вниманія, ихъ въ особенности я старался выяснить и о нихъ заботился. Объ особенностяхъ Россіи я имѣю нѣкоторое понятіе. Два года изъ тѣхъ лѣтъ моей жизни, которыя были наиболѣе богаты наблюденіями, были проведены въ предѣлахъ Россіи.

Кодексы по французскому образцу теперь уже у всѣхъ на виду. Скажите слово, Государь, и Россія представитъ свой собственный образецъ, и тогда пусть Европа судитъ.

Правда, для Россіи я чужой человѣкъ. Но для этой цѣли едва ли я болѣе чуждъ ей, чѣмъ *курляндецъ*, *ливонецъ* или *финляндецъ* [1]. Что касается мѣстныхъ знаній, то для того, чтобы поставить меня на одинъ уровень съ уроженцемъ Россіи, разнаго рода свѣдѣнія будутъ конечно совершенно необходимы—для *меня* также какъ и для *нихъ*. И никто съ такой готовностью не могъ бы доставлять мнѣ такія свѣдѣнія, съ какою я принялъ бы ихъ и воспользовался ими.

Въ моемъ вышеупомянутомъ трудѣ представленъ образчикъ *уголовнаго кодекса*. Прежде всего, я почтительнѣйше предложилъ бы сдѣлать то, что̀ остается еще недодѣланнымъ для полноты этого труда. На это, я надѣюсь, потребовалось бы только нѣсколько мѣсяцевъ.

Государь и отецъ — въ этихъ двухъ качествахъ, ваше величество всегда желаете и находите удовольствіе являться передъ своимъ народомъ. Въ этихъ двухъ качествахъ, даже на суровомъ и тернистомъ пути уголовнаго закона—въ этихъ самыхъ, такъ счастливо сочетавшихся качествахъ, ваше величество могли бы также явиться предъ народомъ, обращаясь къ нему черезъ посредство моего пера. Государь—по своимъ *повелѣніямъ*, отецъ—по своимъ *наставленіямъ;* государь, столько же старающійся установить необходимыя обязательства, сколько отецъ старается сдѣлать эту необходимость очевидною, — очевидною для всѣхъ людей, — такъ что каждая мѣра, имъ предпринимаемая, оправдываетъ его въ ихъ глазахъ.

---

[1]) Это конечно намекаетъ между прочимъ и на Розенкампфа, или исключительно на него.

Основанія[1]—да, только съ помощію однихъ основаній и возможно выполнить трудъ столь благотворный и столь тяжелый, — *основанія*, связанныя непрерывной цѣпью ссылокъ, съ одной стороны съ *общими началами*, изъ которыхъ они были выведены, а съ другой—съ различными *положеніями и словами* въ текстѣ закона, для *оправданія* (justification) и вмѣстѣ для *разъясненія* котораго они и были составлены. Принадлежность этого рода составила бы одну изъ особенностей моего *кодекса;* образчикъ этого сдѣланъ въ моихъ вышеупомянутыхъ *трактатахъ*.

Этотъ образчикъ былъ вызовомъ для законодателей: благонамѣренные, но крѣпко скованные французы отступили отъ него со страхомъ. Какъ тонко они чувствовали пользу этой принадлежности закона, — какъ они желали и въ то же время боялись подвергнуть свои работы такому строгому *испытанію*,—съ какимъ трудомъ они старались придумать нѣкоторую *замѣну* этому—(я разумѣю массу неопредѣленныхъ общихъ фразъ плавающихъ по воздуху и лишенныхъ всякаго примѣненія къ частностямъ), — какъ печально несоотвѣтственна была эта замѣна, — какое извиненіе представляется для этого недостатка и какъ слабо это извиненіе, —все это можно видѣть въ ихъ книгахъ.

Общедоступность, *точность*, *однообразіе*, *простота*, — качества, соединеніе которыхъ такъ желательно и вмѣстѣ такъ трудно,—таковы, при выборѣ словъ, качества, которыхъ требуетъ, кажется, самая сущность дѣла. Сообщить эти качества труду и при томъ каждое въ высшей степени, какую допускаетъ необходимое вниманіе ко всему остальному, было бы, и въ этомъ случаѣ, какъ бывало и во всѣхъ подобныхъ случаяхъ, для моего ума предметомъ неослабной заботливости. Какой можетъ это обѣщать успѣхъ, пусть скажетъ вышеупомянутый образчикъ. Кто увидитъ эту *одну часть*, тотъ составитъ себѣ въ этомъ отношеніи понятіе *о цѣломъ*.

Въ разгарѣ войны, при непрерывныхъ успѣхахъ или трудностяхъ войны, одной или двухъ собственноручныхъ строкъ вашего величества было бы достаточно для того, чтобы положить начало этому труду, — этому труду, величайшему изъ всѣхъ трудовъ мира.

Что касается *вознагражденія*, то честь быть избраннымъ для такого труда и нераздѣльныя съ этой честью удовольствія составляютъ единственную награду, которая при моемъ положеніи становится необходимой, — единственную, которую мой образъ мыслей позволилъ бы мнѣ принять.

---

[1]) *Reasons*, т. е. объясненія основаній, на которыхъ постановляется тотъ или другой законъ. Бентамъ вообще настаиваетъ на томъ, чтобы законъ, при помощи подобныхъ объясненій, былъ понятенъ, чего не бываетъ очень часто, когда законъ имѣетъ форму категорическаго повелѣнія:—послѣднее требуетъ только повиновенія; первое предполагаетъ пониманіе закона. Одно дѣйствуетъ только силой, другое вмѣстѣ и разумомъ.

Со всѣмъ уваженіемъ, о которомъ свойство этого письма свидѣтельствуетъ полнѣе, чѣмъ могла бы свидѣтельствовать какая-нибудь обычная форма словъ, мое стараніе заключалось бы въ томъ, чтобы оказать себя, государь, всегда вѣрнымъ слугою вашего императорскаго величества.

Іеремія Бентамъ.

2. Письмо Александра I, императора Всероссійскаго, къ Іереміи Бентаму въ Лондонъ,—написанное (по-французски) собственною рукою его величества въ отвѣтъ на предыдущее письмо.

М. Г.! Съ большимъ интересомъ я прочиталъ письмо, написанное вами ко мнѣ, и находящіяся въ немъ ваши предложенія содѣйствовать вашими познаніями законодательнымъ трудамъ, имѣющимъ цѣлью доставить моимъ подданнымъ новый кодексъ законовъ. Это дѣло слишкомъ близко моему сердцу, и я придаю ему такое высокое значеніе, что не могу не желать воспользоваться, при его совершеніи, вашими знаніями и опытностью. Я предпишу коммиссіи, на которую возложено исполненіе этого дѣла, прибѣгать къ вашему содѣйствію и обращаться къ вамъ съ вопросами. Между тѣмъ примите мою искреннюю благодарность и прилагаемый при семъ подарокъ (souvenir), въ знакъ особеннаго уваженія которое я къ вамъ питаю.

Александръ.

Вѣна, $^{10}/_{22}$ апрѣля 1815.

Къ этому письму Бентамъ сдѣлалъ въ своемъ изданіи 1817 года слѣдующее ниже примѣчаніе, гдѣ онъ объясняетъ нѣкоторыя обстоятельства этой переписки и дѣлаетъ обзоръ своего второго, обширнаго письма къ императору Александру, которое было напечатано имъ нѣсколько позднѣе, въ упомянутомъ «Supplement to Papers etc.», хотя въ томъ же 1817 году[1]). Хотя поэтому здѣсь и представится нѣкоторое повтореніе, мы предпочли помѣстить цѣликомъ и эту статью, какъ представляющую нѣсколько разъясненій того, почему мнѣнія Бентама о русскихъ дѣлахъ — какъ эти мнѣнія выразились въ его второмъ длинномъ письмѣ къ императору Александру и въ другой позднѣйшей его перепискѣ, — носятъ оттѣнокъ нѣкоторой скептической суровости и наконецъ ироніи. Читатель замѣтитъ здѣсь между прочимъ и взглядъ Бентама на тогдашнія польскія дѣла. Какъ тогда многіе въ Европѣ, онъ ожидалъ для Польши иного порядка вещей, чѣмъ тотъ, какой устроенъ былъ тогдашними событіями: самъ лично

[1]) При изданіи самыхъ «Papers» Бентамъ не помѣстилъ его по случайному недосмотру. Works, IV, 452.

онъ имѣлъ надежду «кодифицировать» и для Польши, — предполагалось, что для нея нуженъ будетъ конституціонный кодексъ. Онъ былъ разочарованъ въ своихъ ожиданіяхъ (замѣтимъ между прочимъ, что такое же разочарованіе онъ встрѣчалъ между прочимъ въ Чичаговѣ, который въ то время выражалъ также рѣзкое недовольство) и предвидѣлъ еще больше разочарованій впослѣдствіи. Между письмомъ Бентама и отвѣтомъ императора Александра прошелъ почти годъ времени; когда Бентамъ писалъ второе письмо (въ іюлѣ 1815), въ немъ являлись уже сомнѣнія относительно прежнихъ либеральныхъ плановъ императора; въ 1817, когда онъ писалъ слѣдующую сейчасъ замѣтку, священный союзъ успѣлъ уже заявить себя реакціей.

Замѣтка разсказываетъ слѣдующее:

«Этотъ подарокъ (souvenir, присланный при письмѣ императора Бентаму) — пишетъ Бентамъ — находился въ небольшомъ пакетѣ за императорской печатью. Въ письмѣ одного министра, находившагося въ свитѣ его величества, къ одному извѣстному русскому джентльмену, проживавшему въ то время въ Лондонѣ, говорится объ этомъ подаркѣ, что это—драгоцѣнный перстень, «une bague de prix». Пакетъ этотъ былъ возвращенъ нераспечатаннымъ: основаніе къ тому здѣсь объясняется.

«Во время пребыванія императора въ Лондонѣ, князь Адамъ Чарторыскій, узнавъ о моей обычной затворнической жизни, на которую обрекли меня мои занятія, получилъ, черезъ посредство одного общаго знакомаго, увѣреніе, что дверь моего уединеннаго жилища будетъ для него открыта, такъ какъ онъ хотѣлъ просить меня принять участіе въ трудахъ по составленію кодекса законовъ, относительно дарованія котораго въ то время существовали извѣстныя ожиданія. Онъ явился и былъ принятъ съ почетомъ, подобавшимъ его извѣстности, и съ радушіемъ, которое вызывалось воспоминаніемъ о прежнемъ знакомствѣ. Чарторыскій въ то время постоянно находился при особѣ императора; уже за нѣсколько времени передъ тѣмъ, и значительное время впослѣдствіи вообще думали, что онъ предназначенъ быть вице-королемъ предполагавшагося тогда будущаго королевства. Намѣренія его императорскаго величества относительно этого предмета или еще не вполнѣ опредѣлились въ то время, или еще не совсѣмъ обнаружились; но, тѣмъ не менѣе, если не надежды, то во всякомъ случаѣ, желанія польской націи указывали на превосходный конституціонный кодексъ, — по крайней мѣрѣ сравнительно, если не абсолютно превосходный конституціонный кодексъ, который былъ составленъ въ царствованіе

благодушнаго, но несчастнаго Станислава подъ его покровительствомъ.

«Желаемое содѣйствіе (къ составленію кодекса) обѣщано было тотчасъ же, какъ было спрошено. Но такъ какъ все зависѣло отъ воли его императорскаго величества, можетъ быть еще неопредѣлившейся, и во всякомъ случаѣ, неизвѣстной и неудобной для вопросовъ (unscrutable), то всѣ разговоры по этому предмету, со стороны князя весьма естественно, а съ моей—весьма осторожно,—заключались только въ общихъ выраженіяхъ.

«Что касается императорскаго письма, то получивъ его въ іюнѣ 1815 г., я въ первыхъ числахъ слѣдующаго мѣсяца послалъ довольно длинный отвѣтъ и въ то же время копію съ него сообщилъ Чарторыскому, который, сколько мнѣ было извѣстно, находился еще при особѣ императора.

«Относительно *перстня*, — то замѣтивъ, что собственноручное письмо его императорскаго величества отнимало цѣну у всѣхъ обыкновенныхъ знаковъ милости, какіе заключались, по словамъ письма, въ этомъ пакетѣ,—я просилъ позволенія обратить вниманіе его величества на самое письмо, вознагражденное такимъ образомъ, какъ на доказательство, что я неспособенъ принять что либо, имѣющее денежную цѣнность.

«Обращаясь затѣмъ къ *коммиссіи законовъ*, я рѣшился объяснить, что рискую предсказывать, что изъ этой коммиссіи мнѣ не будетъ адресовано ни такихъ, и никакихъ другихъ вопросовъ; что относительно лица, которому поручено управлять этимъ дѣломъ [1]), я имѣлъ свѣдѣнія — частью изъ его произведеній, которыя я видѣлъ въ печати или въ рукописи, а частью изъ спеціальныхъ и независимыхъ одно отъ другого извѣстій различныхъ, знающихъ дѣло людей, — и довольно хорошо зналъ степень его способности къ этой, самой важнѣйшей изъ всѣхъ должностей: что я былъ вполнѣ убѣжденъ въ его некомпетентности для какого либо болѣе серьезнаго труда, чѣмъ одно собираніе матеріаловъ; что онъ уже познакомился съ моими сочиненіями гораздо больше, чѣмъ было для него пріятно,—что онъ перемѣнился бы въ лицѣ при одномъ упоминаніи моего имени, еслибы его величеству угодно было сдѣлать этотъ опытъ; что мнѣ сообщены полныя и подробныя свѣдѣнія о деньгахъ, которыя подъ видомъ *жалованья* употреблены были на *образованіе* этой коммиссіи; что при такой некомпетентности главы этой коммиссіи, результатъ былъ бы тотъ, что для всякой другой цѣли, кромѣ собиранія матеріаловъ, всѣ деньги будутъ истрачены по напрасну, — что,

---

[1]) Т. е. Розенкампфа; онъ названъ здѣсь по-англійски «minister».

не говоря уже о другихъ примѣрахъ, публикѣ очень хорошо извѣстныхъ, назначеніе такого лица было само по себѣ слишкомъ убѣдительнымъ доказательствомъ плачевнаго недостатка въ этой обширной имперіи, если не лицъ дѣйствительно обладающихъ, то лицъ, которые до сихъ поръ извѣстны за обладающихъ способностями, необходимыми для подобнаго труда; что если такіе вопросы, какіе его величество могъ имѣть въ виду, будутъ обращены ко мнѣ, то единственной формой, въ которой я могъ бы дать отвѣтъ способный принести пользу, была бы форма полнаго Очерка (конспекта) кодекса законовъ, какой я уже вызывался составить;—что еслибы его величеству угодно было возложить этотъ трудъ на меня и въ то же время пригласить всѣхъ желающихъ вообще, и своихъ собственныхъ подданныхъ обѣихъ націй въ особенности, представить свои сочиненія на конкурренцію съ моимъ, то такимъ образомъ онъ могъ бы не только увидѣть весь существующій запасъ нужныхъ талантовъ, но и положить начало безконечному умноженію ихъ, и этимъ способомъ, при незначительныхъ, или даже никакихъ, издержкахъ, онъ основалъ бы *школу законодательства* и тѣмъ пріобрѣлъ бы наилучшій возможный запасъ для замѣщенія мѣстъ, принадлежащихъ къ этому вѣдомству, лицами, которыя представили самыя вѣрныя и положительныя доказательства способности къ отправленію этихъ должностей;—что первый опытъ этого способа можно было бы произвесть въ Россіи, или въ Польшѣ, или же въ обѣихъ странахъ въ одно и то же время; и что относительно моего собственнаго дѣла, я былъ бы увѣренъ, что въ Польшѣ, въ рукахъ Чарторыскаго это дѣло не встрѣтило бы всѣхъ тѣхъ противодѣйствій интриги, которыя непремѣнно встрѣтило бы въ другомъ случаѣ.

«Послѣ письма такого содержанія, какъ сейчасъ изложенное, легко можно представить себѣ, что мои ожиданія относительно Россіи не могли быть особенно пылкаго свойства, — но относительно Польши, то—въ предположеніи, что Чарторыскій будетъ тѣмъ, чѣмъ онъ по всеобщему говору долженъ былъ сдѣлаться (т. е. вице-королемъ) — извѣстная кротость и мягкій характеръ его величества были таковы, что я могъ еще разсчитывать на благопріятный шансъ. Во всякомъ случаѣ я надѣялся получить отвѣтъ, скорѣе отъ Чарторыскаго, нежели отъ его величества, — какъ вдругъ, — живя въ то время вдали отъ центра новостей, — я узналъ изъ газетъ, что вице-королемъ надъ вновь организованными, или, вѣрнѣе сказать, надъ разорганизованными остатками нѣкогда республиканскаго королевства, назначено лицо, имени котораго я никогда не слыхалъ.

«Послѣ этого, распубликованные трактаты показали слишкомъ очевидно, что вмѣстѣ съ другими ожидаемыми конституціями, конституція *Польши* заняла свое мѣсто на одномъ облакѣ съ *Утопіей* и *Арматой*; что то, что̀ оставалось отъ этой несчастной страны подъ ея собственнымъ именемъ, было окончательно поглощено бездной русскаго деспотизма, — однимъ словомъ, что обязательства считаются обязательствами только у тѣхъ, кто не можетъ нарушать ихъ безнаказанно; и что въ новѣйшемъ священномъ союзѣ, — который по своему духу такъ сходенъ съ первоначальнымъ, — основной принципъ былъ тотъ, что въ рукахъ *немногихъ властвующихъ и подвластвующихъ*, чѣмъ ближе состояніе *многихъ подданныхъ* доведено будетъ до состоянія дикихъ звѣрей, тѣмъ это будетъ лучше какъ для вѣчныхъ, такъ и для временныхъ интересовъ всѣхъ сторонъ».

Эти рѣзкія слова достаточно изображаютъ то настроеніе Бентама, о которомъ мы выше упоминали. Мы не будемъ останавливаться на мнѣніи Бентама о политическихъ событіяхъ того времени; намъ достаточно привести это мнѣніе какъ литературный фактъ. Относительно подарка прибавимъ еще, что Бентамъ долго не забывалъ объ немъ. Онъ упоминаетъ о немъ въ письмѣ къ Джемсу Мадисону, бывшему президенту Сѣверо-Американскихъ Штатовъ (1817 г.), и впослѣдствіи, когда онъ былъ въ подобной перепискѣ съ королемъ Людвигомъ Баварскимъ (1828). Бентамъ предупреждаетъ, что ему не нужно никакихъ наградъ, и что все, чего онъ желаетъ, есть личный отвѣтъ короля. «Только въ этой формѣ я могу получить награду изъ рукъ монарховъ. Въ этой формѣ я получилъ свою достаточную награду отъ покойнаго императора Александра. Изъ моей переписки съ нимъ, напечатанной въ посылаемыхъ при семъ Papers on Codification, можно видѣть, что всякая услуга, какую только я въ силахъ принести коронованнымъ главамъ, бываетъ вполнѣ ревностная, конечно совершенно искренняя, — хотя и будетъ, въ обыкновенномъ смыслѣ слова, *даровая*» [1]).

Вотъ наконецъ послѣднее его письмо къ императору Александру.

3. Письмо (второе) Іеремии Бентама къ императору Всероссійскому.

Лондонъ, іюнь 1815.

Государь, сію минуту я открылъ ваше собственноручное письмо, которымъ вашему величеству угодно было меня удостоить. Изъ другого источника я получаю толкованіе слова *souvenir* въ словахъ *bague de*

1) Works, IV, стр. 508, 581.

prix. Мои старанія быть понятымъ по этому предмету, я боюсь, не были вполнѣ успѣшны. Тотъ же пакетъ, который доставитъ вашему величеству это выраженіе моей признательности, будетъ также заключать и удостовѣреніе, что въ моихъ глазахъ, — когда я удостовѣрился въ томъ, что былъ довольно счастливъ пріобрѣсти хорошее мнѣніе вашего величества,—денежная цѣнность, какъ и самыя деньги, въ настоящемъ случаѣ, не имѣютъ значенія. Императорская печать будетъ найдена не вскрытою.

Желаніе вашего величества — воспользоваться моими скромными услугами тѣмъ или другимъ образомъ. Въ этихъ видахъ вашему величеству угодно было указать имъ особый *порядокъ* (course). Но если должно слѣдовать непремѣнно этому, а не другому *порядку*, то, по свойству настоящаго случая, нельзя ожидать, чтобы это *желаніе* возъимѣло какое-нибудь дѣйствіе. Эта невозможность есть результатъ обстоятельствъ, которыя вашему величеству неизвѣстны, и которыя, поэтому, я считаю необходимымъ здѣсь представить; сдѣлавъ это, я позволю себѣ предложить *два порядка* (способа веденія дѣла), изъ которыхъ въ одномъ только мнѣніе, которое вашему величеству угодно было составить обо мнѣ, могло бы послужить для общаго блага.

Въ письмѣ вашего величества говорится: „Я предпишу коммиссіи прибѣгать къ вашему содѣйствію и обращаться къ вамъ съ вопросами". Это порядокъ дѣла совершенно правильный, и ничего нѣтъ естественнѣе, если онъ былъ представленъ вашему величеству, или представился самъ собою. Но если все дѣло будетъ заключаться только въ этомъ, то намѣренія вашего величества, какъ это будетъ видно дальше, окажутся безплодными.

Предложеніе, которое я позволилъ себѣ сдѣлать въ первомъ письмѣ, заключалось въ томъ, чтобы я получилъ приказаніе вашего величества составить по моему собственному плану и представить вашему величеству *проектъ закона* (projet de loi), по какой либо значительной части того *полнаго* кодекса, составленіе котораго такъ долго обдумывалось:— и въ особенности по той части, которая составляетъ уголовную отрасль закона. Когда настоящій случай принудилъ меня обратить на этотъ предметъ болѣе пристальное вниманіе, я увидѣлъ, что если въ то время вышепомянутый порядокъ представлялся мнѣ просто какъ возможный для выбора, то теперь онъ представляется мнѣ *единственно* возможнымъ для выбора (only eligible).

Немного болѣе двѣнадцати мѣсяцевъ тому назадъ я узналъ изъ достовѣрныхъ источниковъ, что *уголовные законы* составляли тотъ отдѣлъ, въ которомъ въ то время, или нѣсколько ранѣе того времени, сдѣлано было всего больше успѣховъ. Предположимъ, что отъ помянутой коммиссіи мнѣ присланы нѣкоторые вопросы, касающіеся этого отдѣла. Чтобы отвѣчать на эти вопросы съ какой-нибудь надеждой быть

полезнымъ, я могъ бы поступить только однимъ способомъ:—и именно составить, какъ выше было сказано, предложенный мною *проектъ закона* и переслать его *tout ensemble* (цѣликомъ). Да, Государь, — въ такомъ случаѣ, какъ настоящій, отъ этого *tout ensemble* зависитъ все. Пункты, къ которымъ могли бы относиться вопросы, были бы только тѣ или другіе частные пункты. Я заранѣе знаю, что̀ мнѣ придется отвѣчать въ подобномъ случаѣ. „Для меня будетъ невозможно (отвѣчалъ бы я) опредѣлить самому себѣ, что́ лучше всего сдѣлать относительно этихъ частныхъ пунктовъ, пока я не буду знать о томъ, что̀ предположено сдѣлать относительно тѣхъ и тѣхъ другихъ пунктовъ, съ которыми эти имѣютъ тѣсную связь".

Въ полномъ кодексѣ законовъ, каковъ тотъ, о которомъ идетъ рѣчь, требуется, чтобы всякое положеніе было согласовано, а для этого сличено одно съ другимъ. Я не могъ бы, и дѣйствительно никогда не могъ представить себѣ никакого другого способа начертать *проектъ кодекса*. Изъ этого слѣдуетъ, что если не въ первое же время, то послѣ, всѣ записки, посылаемыя мною въ видѣ отвѣтовъ, накопившись до извѣстнаго количества, приняли бы тотъ самый видъ, въ которомъ я осмѣливался предлагать ихъ въ самомъ началѣ, и въ которомъ порядокъ веденія дѣла (мною теперь разбираемый) не допускалъ ихъ представленія, а еслибы и допустилъ, то только послѣ неопредѣленно долгаго промежутка времени.

Въ такомъ предметѣ, какъ этотъ, человѣкъ бываетъ способенъ (qualified) предлагать вопросы другимъ только въ той мѣрѣ, въ какой самъ владѣетъ этимъ предметомъ. Въ такомъ предметѣ, какъ этотъ, и при томъ положеніи, какое занимаютъ упомянутыя лица, люди, совершенно способные предлагать вопросы другимъ, должны быть довольно способны вести это дѣло и не обращаясь съ вопросами къ другимъ; во всякомъ случаѣ если эти люди, по ихъ собственному мнѣнію, способны предлагать такіе вопросы, то по тому же ихъ мнѣнію, они едвали признаютъ себя неспособными вести это дѣло, не предлагая другимъ какихъ-нибудь подобныхъ вопросовъ.

Но чѣмъ больше они сами считаютъ себя *способными* вести такое дѣло, и слѣдовательно предлагать вопросы объ этомъ дѣлѣ, тѣмъ менѣе они будутъ чувствовать себя *расположенными* предлагать ихъ; и само собою разумѣется, что этихъ вопросовъ и не будетъ вовсе предложено до тѣхъ поръ, пока будетъ представляться какая-нибудь возможность избѣгнуть этой необходимости.

Положимъ, однако, что вопросы, предложенные помянутыми лицами, все-таки будутъ *ихъ* вопросы. Относительно этихъ вопросовъ прежде ихъ отправленія будетъ уже принято извѣстное рѣшеніе, и принято тѣми самыми лицами, которыя ихъ составятъ.

Пересылка такихъ вопросовъ будетъ дѣломъ одной *формы*. Если

предположить, что будутъ отправлены и отвѣты, то принятіе этихъ отвѣтовъ также будетъ дѣломъ формы. Если можно будетъ уклониться отъ признанія, что они получены, то это уклоненіе будетъ сдѣлано.

Если же можно уклониться, то роль отвѣтовъ раздѣляется на двѣ части. Можетъ случиться, что въ той или другой части они будутъ *согласоваться* съ заранѣе сдѣланнымъ предрѣшеніемъ. И, конечно, въ этой части они окажутся *ненужными* — и слѣдовательно, безполезными, или полезными только въ томъ смыслѣ, что будутъ свидѣтельствовать о той мудрости, съ какою сдѣлано ихъ предрѣшеніе; — что же касается до остальной части отвѣтовъ, *несогласующейся* съ предрѣшеніемъ, то эта часть, исходя отъ иностранца, который хотя и имѣетъ нѣкоторое понятіе объ этомъ дѣлѣ вообще, но не знаетъ состоянія той особенной страны, гдѣ ведется дѣло, — окажется безъ всякаго сомнѣнія *непримѣнимою*.

Государь, это не догадка или предположеніе, — это увѣренность, основанная на многократномъ опытѣ.

Такъ какъ, подъ правленіемъ вашего величества, дѣло это отдано, какъ отдаются подобныя дѣла и у насъ, по *формѣ* въ руки особой *коммиссіи*, или, какъ у насъ говорится, совѣта (board), то письмо вашего величества не могло, при соблюденіи строгаго приличія, отзываться о немъ въ какихъ либо другихъ выраженіяхъ. Но относительно самаго веденія или авторства этого дѣла (penmanship), оно (это не тайна), какъ всякое подобное дѣло, при самомъ началѣ должно находиться, или, вѣрнѣе, не можетъ не находиться въ рукахъ одного и только одного лица. Это одно лицо вообще бываетъ извѣстно, прочія же лица, будучи *фигурантами*, остаются неизвѣстны никому за исключеніемъ читателей придворнаго календаря вашего величества. Объ этомъ одномъ лицѣ, и ни о комъ другомъ, я долженъ поэтому говорить, опасаясь, что иначе могу остаться не понятымъ.

Хотя я провелъ во владѣніяхъ вашего величества почти два года (это было въ 1786 и 1787 годахъ), но не посѣтивъ ни той ни другой столицы, я этого человѣка лично вовсе не знаю. Но *я* знакомъ съ *его* сочиненіями гораздо больше, — и *онъ* знакомъ съ *моими* гораздо больше, чѣмъ пріятно было бы *ему* объ этомъ думать. Съ того самаго времени, какъ онъ началъ свою карьеру, мое имя было для него предметомъ ужаса: много разъ, и въ присутствіи многихъ разныхъ лицъ, въ немъ обнаруживалось волненіе, когда упоминалось мое имя; обнаруживалось такими симптомами, которые годились въ комедію. Ваше величество не имѣете времени заниматься анекдотами, иначе я могъ бы представить письменныя доказательства.

Государь, я скорѣе согласился бы посылать отвѣты марокскому императору, чѣмъ въ коммиссію подъ такимъ начальствомъ. Если у васъ явится расположеніе посмѣяться, то вамъ стоитъ только сказать

ому, что вы получили отъ меня нѣкоторыя статьи и что вы ими довольны. Но при этомъ не мѣшаетъ имѣть подъ рукой нашатырную соль или флаконъ съ духами сильной остроты.

Государь, я не оправдалъ бы хорошаго мнѣнія, какое имѣютъ обо мнѣ, еслибы поколебался назвать этого человѣка радикально неспособнымъ; и предполагая, что это правда, я—быть можетъ, единственный человѣкъ, отъ котораго ваше величество можете услышать эту правду, съ какимъ-нибудь шансомъ на хорошее дѣйствіе. Число лицъ, способныхъ вообще произнести сужденіе о предметѣ подобнаго рода, крайне ограничено; да и изъ этого ограниченнаго числа, по всей вѣроятности, никто, какъ бы ни было глубоко его убѣжденіе, не осмѣлился бы признаться въ немъ вашему величеству; — развѣ за исключеніемъ, быть можетъ, какого-нибудь *соперника*, а его мнѣнія легко бы можно было приписать тому мотиву, который указывается его именемъ.

Между тѣмъ, отъ лица, о которомъ идетъ рѣчь, съ его сотрудниками и его сторонниками, ваше императорское величество будете получать увѣренія, что ни отъ меня, ни отъ всякаго другого иностранца не требуется никакой подобной помощи; что при такой ненадобности, она будетъ только помѣхой, потому что никакой иностранецъ не имѣетъ или не можетъ имѣть даже сноснаго знакомства съ этимъ дѣломъ, тогда какъ они стали полными знатоками его. Относительно этого обстоятельства я осмѣлюсь представить вашему императорскому величеству слѣдующія замѣчанія:—

Когда въ какой-нибудь странѣ приготовляется полный кодексъ законовъ,—какой, повидимому, предполагается въ Россіи,—или же приготовляется одинъ изъ обширнѣйшихъ его отдѣловъ, какъ-то: кодексъ уголовный, гражданскій или конституціонный, — то, относительно публичности, при веденіи этого дѣла нужно различать два способа: *негласный* или закрытый (*close*) и *гласный* или открытый (*open*).

При *закрытомъ* способѣ, дѣло обыкновенно ведется однимъ лицомъ, или небольшимъ числомъ лицъ, назначенныхъ государемъ, и не дѣлается гласнымъ до тѣхъ поръ, пока не явится въ свѣтъ *вооруженнымъ силою закона*.

При *открытомъ* способѣ, это произведеніе (кодексъ), до выхода въ свѣтъ во всеоружіи закона, дѣлается извѣстнымъ публикѣ, какъ вообще дѣлаются ей извѣстными литературныя произведенія; и это дѣлается съ цѣлью, — если не прямо заявленною, то подразумѣваемою и всѣми вообще понимаемою, — вызвать замѣчанія, которыя всякое лицо (сдерживая, разумѣется, свои выраженія въ границахъ уваженія и приличія) пожелаетъ выразить также публичнымъ образомъ. Способъ веденія дѣла, который въ настоящемъ случаѣ предложитъ коммиссія, будетъ негласный. Почему? Потому что при этомъ способѣ неспособность членовъ коммиссіи, какъ бы ни была она велика, будетъ скрыта,—скрыта

до тѣхъ поръ, когда обнаруженіе ея окажется уже слишкомъ позднимъ для того, чтобы предупредить или отвратить вредъ, котораго она породитъ такъ много; между тѣмъ, какъ при *гласномъ* веденіи дѣла этотъ вредъ будетъ обнаруженъ во-время.

Относительно требованія предварительной публичности, настоящій случай совершенно отличается отъ *обыкновеннаго* законодательства, т. е. такого законодательства, которое ставитъ себѣ цѣлью подробности, по мѣрѣ того, какъ онѣ представляются сами. Въ *этомъ послѣднемъ* случаѣ дѣло ведется, безъ всякаго сомнѣнія, должно быть ведено, и не можетъ иначе вестись, какъ *негласнымъ* способомъ. Такая негласность проистекаетъ изъ устройства правительства, какъ это устройство въ свою очередь происходитъ отъ обширности территоріи государства и отъ состоянія общества среди огромной массы народонаселенія. Уже одинъ недостатокъ времени, если не что-нибудь другое, дѣлаетъ въ этомъ случаѣ предварительную публичность вообще неудобоисполнимою. Такъ какъ потребность въ законѣ, въ этомъ случаѣ, бываетъ результатомъ внезапной необходимости,—то подобная необходимость должна удовлетворяться какъ скоро она встрѣтится и не теряя времени.

Настоящій случай, — вопросъ о *кодификаціи*, — представляется совсѣмъ въ *другомъ*, если не прямо въ *противоположномъ* видѣ: здѣсь, изъ всего поля *закона*, — а это поле, по обширности своей немного менѣе всего поля человѣческой дѣятельности, — какая-нибудь очень большая часть этого поля (третья, четвертая, пятая или что-нибудь подобное), которая такъ или иначе покрывается, и въ теченіе вѣковъ (въ томъ или другомъ видѣ, въ разные періоды времени, хотя до сихъ поръ очень часто въ весьма плохомъ видѣ) была покрыта закономъ, — должна немедленно получить совершенно новую покрышку. Такъ какъ это поле уже имѣетъ старую покрышку, то отсюда является *легкость* ожиданія (и при томъ безъ всякаго другого, кромѣ привычнаго неудобства) того свѣта, какой только можетъ быть собранъ для освѣщенія почвы, и который, въ теченіе какого угодно продолжительнаго времени, для столь важной цѣли могъ бы оказаться необходимымъ: я разумѣю *ожиданіе* до того времени, когда проектъ получитъ силу закона,—а въ теченіи всего этого времени происходило бы образованіе новой одежды для поля, если она еще не была образована, и испытаніе ея, если она уже образована. Но изъ какого бы рода матеріала ни была сдѣлана новая одежда для замѣны старой, одно дѣйствіе этой новой одежды будетъ несомнѣнно (исключая только тѣхъ случаевъ, гдѣ будутъ сдѣланы и объявлены какія-нибудь особенныя изъятія) именно, старая одежда во всемъ своемъ объемѣ перестанетъ существовать. Отсюда, вмѣстѣ съ *легкостью* ожиданія является *потребность* въ извѣстной медленности, какъ предосторожности столь необходимой и вмѣстѣ столь безопасной.

—

Въ настоящемъ случаѣ, будутъ ли мои отвѣты приняты или не будутъ, положимъ, что кодексъ, по повелѣнію вашего величества начертанный коммиссіей, выйдетъ въ свѣтъ, то будетъ ли онъ вооруженъ силою закона? или онъ выйдетъ только въ видѣ *проекта закона* и останется въ этомъ положеніи на болѣе или менѣе продолжительное время,—съ тою цѣлью, чтобы въ теченіе этого времени, съ помощью этихъ средствъ, собрать въ томъ или другомъ видѣ мнѣнія о немъ публики вообще или какой-нибудь опредѣленной ея части?

При первомъ изъ этихъ плановъ, въ случаѣ, если законъ будетъ составленъ дурно, то вредъ отъ него начнется немедленно и притомъ безъ малѣйшихъ признаковъ возможности къ его предотвращенію.

Во второмъ случаѣ, эти признаки возможности къ предотвращенію вреда будутъ, но едва только признаки. Какое побужденіе можетъ найти посторонній человѣкъ къ тому, чтобы въ какихъ-нибудь частностяхъ подвергать сомнѣнію превосходство закона, уже объявленное болѣе или менѣе ясно (правительствомъ)? — Какой пользы можетъ ожидать этотъ человѣкъ для самого себя, или для службы вашего величества? При особѣ вашего величества стоитъ оффиціальный совѣтникъ, пользующійся вашимъ вниманіемъ, — занимающій этотъ постъ двѣнадцать лѣтъ или около того,—онъ увѣритъ васъ, что замѣчанія ничего не стоятъ, и что авторъ ихъ просто наглый человѣкъ, отъ котораго нельзя ожидать никакой доброй услуги ни въ этомъ и ни въ какомъ другомъ видѣ.

Таково вознагражденіе, котораго могъ бы *ожидать* себѣ этотъ человѣкъ, и притомъ, это—единственное вознагражденіе, котораго можно было бы ожидать при *негласномъ* способѣ, — за какой-нибудь трудъ, который бы иначе онъ чувствовалъ расположеніе принести здѣсь на такомъ важномъ и обширномъ полѣ.

Ваше величество! Вредъ, которому подвергнется населеніе обширной имперіи вашего величества—отъ такого громаднаго по объему, и въ тоже время новаго кодекса законовъ (a body of law), составленнаго такими руками,—этотъ вредъ таковъ, что я трепещу даже при одной мысли объ немъ.

Въ частностяхъ, значительная доля дурного законодательства (дѣла различныхъ рукъ, которыя всѣ весьма посредственно были къ нему способны) можетъ быть терпима, и вредъ, проистекающій отъ него, можетъ продолжаться и не быть особенно замѣчаемъ. Почему? Потому что такое законодательство составляется изъ прибавокъ, дѣлаемыхъ постепенно къ первобытному стволу, подъ вліяніемъ котораго каждый родился, — и когда болѣе или менѣе значительная часть вреда, происходящаго отъ такого законодательства, будетъ рано или поздно замѣчена и наконецъ остановлена, то остальное приписывается несовершенствамъ, неразлучнымъ съ человѣческой природой.

Но когда дѣло идетъ о кодексѣ новыхъ законовъ, каковъ нынѣ предположенный, то, какъ выше было сказано, дѣйствіе его состоитъ, въ весьма значительной степени, въ томъ, что онъ уничтожаетъ все то (прежнее) сооруженіе, отъ котораго зависитъ все цѣнное и дорогое для человѣка: и когда пустота, сдѣланная такимъ образомъ въ старомъ матеріалѣ, наполняется новымъ,—тогда происходитъ то, что каждый недосмотръ, каждое незнаніе или плохое разсужденіе, которыхъ съ такой полной увѣренностью можно ожидать при этомъ *негласномъ* способѣ,—будутъ имѣть своимъ слишкомъ вѣроятнымъ послѣдствіемъ разореніе для тысячъ и десятковъ тысячъ людей.

Въ тоже самое время будетъ извѣстно (потому что извѣстно уже теперь),—что труды одного англичанина—англичанина, труды котораго въ этой области одобрены не только другими правительствами,—баварскимъ, французскимъ, въ нѣсколько различныхъ періодовъ времени, но и вашимъ величествомъ,—и даже вашимъ величествомъ лично,—что эти труды, для этой самой цѣли, были въ теченіе послѣднихъ двѣнадцати лѣтъ въ распоряженіи вашего величества, и что въ теченіе этого времени люди, которые съ этой стороны пользовались вниманіемъ вашего величества, имѣли успѣхъ въ своихъ стараніяхъ помѣшать появиться плоду этихъ трудовъ.

Въ письмахъ нѣсколькихъ различныхъ лицъ,—которыя всѣ отдѣльны одно отъ другого, и всѣ занимали, въ разное время, каждый въ своемъ вѣдомствѣ важнѣйшіе посты въ службѣ вашего величества, — я могъ бы дать вашему величеству основанія увѣриться въ томъ, что мои занятія трудомъ подобнаго рода имѣли бы результатъ, въ немалой степени выгодный для имперіи вашего величества: — эти письма были въ нѣкоторыхъ случаяхъ адресованы ко мнѣ самому, въ нѣкоторыхъ къ другимъ людямъ. Если бы не было таково дѣйствительное убѣжденіе этихъ лицъ, то какое бы они могли имѣть побужденіе объявлять это мнѣ лично, или говорить это другимъ относительно иностранца, съ которымъ у нихъ нѣтъ связей и который въ большей части случаевъ имъ лично незнакомъ? Отчего, въ такомъ случаѣ, не сказать этого вашему величеству? Государь, они уже не были больше на службѣ [1]: или, если и были, то это не было, или не было въ это время, въ точныхъ границахъ ихъ вѣдомства; или, если и было, то довѣріе, какъ показали событія, уже упало.

Тѣ разочарованія, которыя ваше величество уже испытали на этой самой почвѣ, не составляютъ тайны. Но какая же причина произвела эти разочарованія? Одно это обстоятельство — принятіе *негласнаго* способа, съ исключеніемъ *открытаго;* упущеніе воспользоваться тѣмъ свѣтомъ (lights), который былъ бы способенъ дать міръ вообще; ис-

[1]) Можетъ быть, намекъ на Сперанскаго и на Мордвинова.

ключительное довѣріе, отданное небольшому числу лицъ, или вѣрнѣе одному лицу, относительно способности котораго къ дѣлу не явилось никогда никакихъ доказательствъ, — къ тому дѣлу, въ которомъ заключается все поле правительственной дѣятельности, и для котораго не былъ бы слишкомъ великъ весь запасъ генія, знаній и таланта, какой представляетъ цивилизованный міръ.

Государь! Не существуетъ, даже въ Англіи, такого человѣка, или извѣстнаго числа людей, которые бы въ глазахъ публики, или даже въ ихъ собственныхъ глазахъ, были компетентны для такого дѣла, не получая всего того свѣта (lights), какой—послѣ публикаціи (проектированныхъ законовъ), сдѣланной съ этою заявленною цѣлью — была бы расположена доставить публика въ ея наибольшей полнотѣ. Возможно ли, чтобы ваше величество продолжали видѣть въ этой „коммиссіи" какое-нибудь безпримѣрное соединеніе генія, ума и мудрости—не говоря ничего о честности, — которое бы сдѣлало излишними, въ Россіи, тѣ предосторожности, которыя считаются такъ необходимы въ Англіи?

Что касается до *соревнованія*, — то понятно, что при негласномъ способѣ не можетъ быть ничего подобнаго: — я разумѣю соревнованіе, какое можетъ быть между двумя или больше цѣльными *начертаніями* (draughts), т. е. *проектированными кодексами*, — исходящими изъ разныхъ рукъ: соревнованіе могло бы быть развѣ только между однимъ членомъ и другимъ членомъ той же самой *коммиссіи;* чего, въ настоящемъ случаѣ, я увѣренъ, ожидать нельзя. Можно бы конечно еще сохранить *открытый* способъ, *не допуская* соревнованія. Если бы былъ допущенъ одинъ трудъ, и не больше, то въ состояніи *проекта*, предварительно передъ вооруженіемъ его силой закона, такой трудъ могъ бы быть публикованъ, и всякимъ лицамъ вообще, или извѣстнымъ разрядамъ лицъ, можно бы было предоставить свободу дѣлать на него свои замѣчанія: — указывать какія - нибудь такія частныя несовершенства, которыя могли бы показаться въ немъ несоотвѣтственными, но не предлагать вмѣсто него другого *проекта*, въ цѣломъ или въ частяхъ,—однимъ словомъ, указывать тамъ и сямъ симптомъ слабости, но не представлять ничего похожаго на общее и радикальное лекарство.

Но въ этомъ случаѣ, — если только этотъ способъ дѣйствій можетъ сколько-нибудь назваться *открытымъ*, — эта *открытость*, сравнительно говоря, принесетъ мало пользы. Положимъ, будетъ ясно показано, что единственное выставленное произведеніе—совсѣмъ плохо; другого, лучшаго, представлено не будетъ. Положимъ, будетъ показано, что болѣзнь — совершенно отчаянная; подъ рукой не будетъ никакого лекарства противъ нея. Самое большее благо, которое можетъ быть сдѣлано этимъ путемъ, это — совсѣмъ положить конецъ этому плану, показавъ неспособность рукъ, которымъ онъ былъ порученъ. Но какъ

ни отрицательно это благо и какъ оно ни единственно, — изъ него слишкомъ легко можетъ произойти великое зло. Вмѣсто неспособности работника, причину дурного исполненія будутъ пожалуй искать (и такъ какъ будутъ искать съ большой охотой, то и найдутъ) въ свойствѣ самаго *рода* работы, въ предполагаемой невозможности сдѣлать ее хорошо: и предположивъ, что негодность *индивидуальнаго* труда достаточно признана, это и будетъ естественно та гипотеза, которую неискусный работникъ примется защищать по всѣмъ побужденіямъ своего личнаго интереса.

Доселѣ была рѣчь о *негласномъ* способѣ. Перейдемъ теперь къ *открытому* способу, предполагая, что соревнованіе, какъ выше было говорено, допускается. Какія выгоды этого способа?

Во-первыхъ, вся та неисчислимая масса вреда, на которую мы сейчасъ указывали, избѣгается.

Во-вторыхъ, пріобрѣтается величайшая вѣроятность получить лучшій возможный кодексъ: эта вѣроятность будетъ тѣмъ больше, чѣмъ больше число соревнователей съ одной стороны, и число критиковъ, въ качествѣ защитниковъ и судей, съ другой.

Въ-третьихъ, это будутъ тѣ чувства удовольствія и удовлетворенія, которыя не преминетъ доставить мыслящей части народа это, столь ясное доказательство самаго искренняго вниманія къ ихъ чувствамъ, ихъ желаніямъ, ихъ доброму мнѣнію, ихъ прочному благосостоянію. Дать доказательство болѣе несомнительное, чѣмъ это, конечно невозможно государю. *Безъ* этого признака,—самый лучшій возможный кодексъ,—предположимъ даже вполнѣ совершенный, — далеко не произведетъ такого хорошаго дѣйствія, какое можетъ быть произведено трудомъ этого рода: *съ* этимъ, столь выразительнымъ знакомъ, всякое неудобство, какое, не смотря на всѣ старанія, можетъ произойти отъ этой перемѣны кодекса, получитъ не малое вознагражденіе, и вмѣстѣ облегченіе, отъ представляемаго кодексомъ доказательства благихъ намѣреній, которыя его породили.

Наконецъ, послѣдствіемъ всѣхъ этихъ различныхъ причинъ будетъ спокойствіе совѣсти для вашего величества. Подумайте, государь, о той отвѣтственности, — той страшной отвѣтственности, — которая легла бы на васъ, еслибы вы заставили судьбу сорока милліоновъ людей, такъ сказать, висѣть на ниткѣ на столь обширномъ трудѣ, составленномъ — я не могу не повторить этого — столь мало способными руками. Да, государь, это дѣйствительно была бы отвѣтственность. Слѣдуйте *открытому* способу, примите — не отъ моей только, но отъ всякой другой руки, какая можетъ сдѣлать подобное приношеніе, что́ бы ни приносила она — планъ для цѣлаго кодекса, планъ для той или другой части его — различныя отдѣльныя замѣчанія: — и тогда никакая тягость подобнаго рода не будетъ лежать на совѣсти вашего императорскаго ве-

личества. Тѣ совѣсти, на которыхъ будетъ лежать всякая тягость, какая есть,—будутъ, во-первыхъ, совѣсть самихъ добровольныхъ работниковъ; во-вторыхъ, совѣсть *мыслящей*, хотя и не *работающей*, части публики, собирать мнѣнія которой, по другому примѣненію того же всеохраняющаго принципа—*принципа гласности*, будетъ стараніемъ вашего величества. Если бы сужденія этого многолюднаго трибунала оказывались болѣе или менѣе ошибочны, то все порицаніе за ошибку останется у дверей этого трибунала. Ваше императорское величество, сдѣлавши для избѣжанія ошибки все, что въ силахъ человѣка сдѣлать, будете свободны отъ всякихъ упрековъ самому себѣ, какъ и отъ всякихъ порицаній.

Ваше императорское величество видѣли, съ одной стороны, *негласный* способъ, съ его различнымъ вредомъ; съ другой стороны, *открытый* способъ, съ его выгодами. Пусть будетъ принятъ тотъ ходъ дѣла, который я осмѣлился указать сначала, — ваше императорское величество увидите, что весь этотъ вредъ будетъ избѣгнутъ, всѣ эти благотворные результаты будутъ обезпечены.

Въ моемъ предложеніи, высказанномъ выше, — самъ собою предполагается *открытый* способъ, со всѣми выгодами, естественно съ нимъ связанными, — *открытый* способъ съ выгодой *соревнованія*.

Мой *проектъ*, я въ томъ увѣренъ, былъ бы представленъ вашему императорскому величеству уже напечатаннымъ. Какъ скоро этотъ трудъ будетъ изданъ прежде, чѣмъ попалъ бы на глаза вашему императорскому величеству, то, какъ бы ни былъ этотъ трудъ непримѣнимъ, даже нелѣпъ, ваше императорское величество не подверглись бы изъ-за этого никакому нареканію. Единственнымъ источникомъ отвѣтственности могъ бы быть сдѣланный такимъ образомъ выборъ лица, которому было бы этимъ дано поощреніе: но можно надѣяться, что въ этомъ отношеніи ваше императорское величество достаточно изъяты отъ нареканія въ непредусмотрительности — тѣми свидѣтельствами, которыя представлены были вниманію вашего императорскаго величества въ моемъ первомъ письмѣ.

Въ этомъ положеніи дѣла, предположимъ, что мой *проектъ* изданъ въ Петербургѣ. Не говоря о какомъ-нибудь особенномъ удобствѣ, какой могъ бы быть въ немъ найденъ,—теперь будутъ очевидны (я льщу себя этимъ) выгоды, происходящія изъ того обстоятельства, что проектъ исходитъ отъ чужой руки.

Цѣль всякой подобной публичности, даваемой труду, можетъ быть не иная, какъ получить отъ мыслящей части публики указаніе какихъ-нибудь несовершенствъ, какія можетъ быть въ силахъ найти какое-нибудь лицо,—съ указаніемъ или безъ указанія надлежащихъ или предполагаемыхъ исправленій: если только явной цѣлью этой публичности не будетъ принято то, чтобы въ окончательномъ результатѣ раз-

рѣшить и поощрить этихъ лицъ давать указанія подобнаго рода относительно всякаго кодекса вообще.

Въ этихъ видахъ, когда публикація объявляется, то объ этомъ, само собой разумѣется, должно быть сдѣлано *увѣдомленіе* для публики вообще,—увѣдомленіе, имѣющее цѣлью получить сообщенія упомянутаго сейчасъ рода отъ всѣхъ тѣхъ, кто, по ихъ собственному понятію, способенъ доставить ихъ.

Правда, *публикація* могла бы быть сдѣлана и безъ всякаго подобнаго увѣдомленія. Кромѣ того, когда дѣлается увѣдомленіе, то смыслъ его можетъ ограничиваться простымъ дозволеніемъ, безъ всякаго прямого и положительнаго приглашенія. Но — безъ положительнаго приглашенія и дѣйствіе увѣдомленія, въ качествѣ *поощренія*, будетъ весьма ограниченно и даже сомнительно. Точно также, съ другой стороны, чѣмъ теплѣе приглашеніе, тѣмъ сильнѣе будетъ поощреніе; а чѣмъ сильнѣе поощреніе, тѣмъ больше будетъ вѣроятность достигнуть той цѣли, которая, какъ предполагается, имѣлась здѣсь въ виду.

Когда кому-нибудь случится найти въ предложенномъ кодексѣ какое-либо дѣйствительное или предполагаемое несовершенство, и въ этомъ несовершенствѣ увидѣть вѣроятную причину вреда для самаго этого лица, или для другого, или для многихъ другихъ лицъ, въ благосостояніи которыхъ оно заинтересовано, — въ такомъ случаѣ не можетъ быть недостатка въ *мотивахъ*, которые бы побуждали это лицо сдѣлать все возможное для того, чтобы указать такой вредъ тѣмъ, кто дѣйствительно, или только по его мнѣнію, властенъ исправить этотъ вредъ: и когда, слѣдовательно, въ мотивахъ недостатка не будетъ, то все, что будетъ здѣсь необходимо, заключается въ удаленіи *стѣсненій*. Выше предположенное приглашеніе, если не совсѣмъ устранитъ, то по крайней мѣрѣ, значительно уменьшитъ эти стѣсненія; я говорю, *если не совсѣмъ устранитъ*, потому что, если лицо, вообще желающее сдѣлать какое-нибудь подобное сообщеніе, при самомъ фактѣ сообщенія найдетъ основаніе предположить злоупотребленіе въ рукахъ какихъ-нибудь подчиненныхъ, то въ такомъ случаѣ, для этого лица, приглашеніе, сдѣланное государемъ, необходимо не достигнетъ предположенной цѣли.

Но одни *мотивы*, какъ бы ни были они сами по себѣ достаточны, не могутъ быть дѣйствительны безъ достаточныхъ *средствъ;* и если бы не было недостатка въ средствахъ, чтобы дать такимъ образомъ публичность всѣмъ подобнымъ полезнымъ сообщеніямъ, какія могли бы быть доставлены,—то запасъ необходимыхъ средствъ, находящихся въ распоряженіи отдѣльныхъ лицъ, былъ бы (я положительно это предвижу) далеко недостаточенъ, еслибы само правительство не доставило для этого особенныхъ *облегченій* (facilities).

Если я не очень ошибаюсь, то слѣдующій весьма простой распоря-

домъ можетъ не только доставить облегченія, необходимыя для этой цѣли, но и доставить *поощреніе* тѣмъ единственнымъ путемъ, какимъ это можетъ быть необходимо или полезно для службы, и *притомъ* безъ всякихъ непроизводительныхъ или излишнихъ издержекъ; и кромѣ того, — опять безъ всякихъ прибавочныхъ издержекъ, — можетъ образовать *школу законодательства*, изъ которой можно было бы выбирать, для занятія должностей по этому вѣдомству, людей, представившихъ наиболѣе убѣдительныя доказательства своей способности къ этому, — объ отсутствіи такихъ людей говорятъ лежащія передо мной, упомянутыя прежде, признанія [1]: — а эти доказательства способности таковы, что по природѣ вещей они не могли бы быть представлены никакимъ инымъ образомъ.

Пусть авторъ каждаго подобнаго сообщенія получитъ пособіе, въ цѣломъ или частью, для издержекъ *печатанія;* кромѣ того пусть, въ цѣломъ или частью, будутъ облегчены ему издержки на *бумагу* для печатанія: я разумѣю, на извѣстное ограниченное число экземпляровъ, но съ позволеніемъ прибавить, на свой счетъ, бумаги на столько добавочныхъ экземпляровъ, сколько онъ самъ пожелаетъ; и точно также относительно *объявленій:* — деньги, выручаемыя за продажу, должны быть уплачены или всѣ автору, или всѣ въ казну, или, въ той или другой пропорціи, раздѣлены между этимъ частнымъ лицомъ и казной, смотря по обстоятельствамъ.

Но существенная предосторожность, безъ которой произойдетъ вредное самообольщеніе (deception) вмѣсто полезнаго пріобрѣтенія свѣдѣній, состоитъ здѣсь въ томъ, что это облегченіе должно быть безразлично даваемо всякому представляющему сообщенія. Если, во вниманіе того, что надо будетъ выбирать наиболѣе достойное, этотъ выборъ будетъ предоставленъ какому-нибудь одному человѣку или одному собранію людей, — то послѣдствіемъ этого будетъ то, что облегченіе (или пособіе) будетъ дано только тѣмъ сообщеніямъ, которыя будутъ соотвѣтствовать личнымъ цѣлямъ этихъ судей, кто бы они ни были; а во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, гдѣ, или въ содержаніи сообщенія, или въ его авторѣ, будетъ что либо не соотвѣтствующее этимъ личнымъ цѣлямъ судей, — почти навѣрное результатомъ будетъ не публикація, а задержка (suppression) сочиненія, каковы бы ни были его достоинства.

Кому же, поэтому, надо доставлять это облегченіе? Всякому предлагающему сообщенія, безъ различія, какъ скоро типографія не занята: тотъ, кто первый приноситъ, долженъ постоянно первый и получать.

Но предположимъ, что типографія такимъ образомъ занята совершенно, кто долженъ тогда рѣшать? — Я отвѣчаю, *Фортуна.* Фортуна не имѣетъ никакого вреднаго интереса; *люди*, въ подобномъ случаѣ,

---

[1]) Т. е. свидѣтельства русскихъ корреспондентовъ и друзей Бентама.

почти навѣрно будутъ имѣть такой интересъ и больше или меньше будутъ имъ управляться.

Самообольщеніе (deception) — результатъ неполноты свѣдѣній — будетъ, однако, не единственный вредъ: тотъ, кто предлагаетъ сообщеніе — полезное само по себѣ, но непріятное для упомянутаго судьи, или судей — вмѣсто *награды* получитъ, въ отплату за него, *наказаніе*. Столько времени, сколько только *возможно*, его будутъ держать въ состояніи ожиданія и опасенія, заставятъ дожидаться въ передней и заставятъ его терять, быть можетъ, свои *деньги*, и, навѣрное, свое *время*; когда, наконецъ, его терпѣніе истощится, тогда онъ увидитъ, или даже не увидитъ, что у него не было шанса съ самаго начала.

Другой, совершенно естественный, результатъ будетъ тотъ, что лица, отъ которыхъ зависитъ рѣшеніе — а можетъ быть и другія лица, о которыхъ, хотя ошибочно, будутъ думать, что отъ нихъ зависитъ рѣшеніе — будутъ въ той или другой формѣ получать *взятки* (bribes); а кандидатами, съ которыхъ будутъ браться эти взятки, будутъ — какъ тѣ, кому впередъ рѣшено отказать въ пособіи, такъ и тѣ, кому впередъ рѣшено дать его.

Если бы даже издержки на эти пособія были обезпечены для наибольшаго количества просьбъ, то будутъ ли эти издержки такъ значительны, чтобы показаться бременемъ для казны вашего величества? Въ подобномъ случаѣ, это бремя конечно будетъ славно, и знакъ будетъ благопріятенъ.

Здѣсь будетъ ваша *школа законодательства* государь: и теперь я долженъ показать вамъ, что изъ числа учениковъ, такимъ образомъ проходящихъ свой курсъ въ этой школѣ—найдутся люди, гораздо болѣе чѣмъ кто-нибудь другой, способные сдѣлать для васъ то, для чего, въ моемъ положеніи, не могла бы никому дать этой способности самая совершенная мудрость.

Мой предположенный кодексъ будетъ только *очеркомъ* (outline). Почему? Потому что самый совершенный талантъ не могъ бы представить ничего больше, и умѣренное благоразуміе не позволило бы человѣку сказать, что онъ можетъ представить больше.

Въ числѣ обстоятельствъ, производящихъ потребность въ законодательствѣ, нѣкоторыя бываютъ *всеобщаго* происхожденія, другія только *мѣстнаго* происхожденія: если бы чужая рука захотѣла доставить *in terminis* извѣстный запасъ законодательнаго матеріала, то онъ могъ бы внушать достаточное довѣріе только въ тѣхъ частяхъ, которыя имѣютъ этотъ всеобщій характеръ. Потому въ очеркѣ предлагаемый кодексъ будетъ заключаться лишь настолько, насколько можетъ быть предложенъ въ этомъ смыслѣ. Съ какимъ бы величайшимъ возможнымъ искусствомъ этотъ очеркъ ни былъ написанъ, но для наполненія этого очерка, весь тотъ матеріалъ подробностей, примѣненныхъ къ обстоятельствамъ

мѣстнаго происхожденія, какой можетъ быть при этомъ необходимъ, долженъ быть приготовленъ какой-нибудь *туземной* рукой, — во всякомъ случаѣ, такимъ лицомъ, которому эти обстоятельства сдѣлались достаточно извѣстны по *жизни на мѣстѣ*.

Что касается до этихъ подробностей, то потребность въ нихъ будетъ произведена — во-первыхъ, значительно разнымъ состояніемъ различныхъ областей; во-вторыхъ, разнымъ состояніемъ разныхъ классовъ лицъ въ одной и той же области.

Между тѣмъ, даже относительно этихъ подробностей, что̀ я могъ бы сдѣлать, что̀ я привыкъ дѣлать и что̀ въ предположенномъ кодексѣ я счелъ бы долгомъ сдѣлать, это—представить мысли, имѣющія цѣлію доставить *руководство* и *помощь* мѣстному писателю въ распредѣленіи подробностей; такимъ образомъ, что общіе принципы, выставленные и развитые въ *очеркѣ* — принципы, примѣненные къ обстоятельствамъ всеобщаго происхожденія и къ тѣмъ обстоятельствамъ мѣстнаго происхожденія, которыя общеизвѣстны, — эти общіе принципы могутъ точно также быть развиты и въ *наполненіи* кодекса (filling up, т. е. въ наполненіи всѣми частными его подробностями). Вслѣдствіе того—такъ какъ микроскопъ, въ этомъ предметѣ, знакомъ мнѣ не меньше чѣмъ телескопъ — я, этимъ способомъ, надѣялся бы также быть полезнымъ.

Для краткости, я сказалъ *наполненіе* (filling up); но я знаю въ тоже время, что для того, чтобы привести дѣло въ состояніе, годное къ употребленію, могутъ быть въ извѣстныхъ случаяхъ необходимы не только *прибавки*, но *исключенія* и *замѣны*.

Теперь, государь, является великая польза — непосредственная практическая польза—школы законодательства вашего величества, образованной какъ выше сказано. Для наполненія начертаннаго такимъ образомъ *очерка*, моими ли собственными, или чьими-нибудь *чужими руками*, будетъ необходимъ упомянутый матеріалъ подробностей. Быть можетъ, я могъ бы прибавить даже *туземными руками*; потому что, въ обширной имперіи вашего величества различіе одной области отъ другой бываетъ часто такъ велико, что туземецъ одной области будетъ почти-что иностранцемъ въ другой. Кто же, въ такомъ случаѣ, долженъ будетъ исполнить это дѣло? Я отвѣчаю: какой-нибудь ученикъ или ученики этой школы, доказавшіе свою способность къ этому занятію,— доказавшіе это своими упражненіями, сдѣланными, какъ выше показано, въ этой школѣ: тотъ или тѣ, по преимуществу, кто — по наиболѣе основательному сужденію, какое можетъ быть составлено — доставилъ такимъ образомъ доказательства наибольшей способности. Но если изъ всѣхъ ихъ не нашлось ни одного, труды котораго представили бы достаточное доказательство достаточной степени этой способности? Если такъ, я по истинѣ опечаленъ этимъ: потому что, въ такомъ случаѣ, въ цѣлой обширной имперіи вашего величества не суще-

ствуетъ ни одного лица, достаточно способнаго къ этому дѣлу. Въ лѣстницѣ способности, то лицо, которое дало доказательство какой-нибудь способности, какъ бы ни была низка ея степень, во всякомъ случаѣ стоитъ выше всѣхъ тѣхъ, кто не далъ никакого подобнаго доказательства.

Но если возразятъ, что тѣ же самыя затрудненія, какія представляются, какъ выше упомянуто, при выборѣ сочиненій для публикаціи, представятся и при каждомъ выборѣ, какой надо будетъ дѣлать между авторами для упомянутаго замѣщенія должностей, *послѣ того*, какъ сочиненія будутъ изданы? Конечно нѣтъ, на это нѣтъ никакихъ достаточныхъ основаній. Потому что, когда дѣлается выборъ для публикаціи, слѣдствіемъ этого бываетъ то, что въ каждомъ не выбранномъ сочиненіи (исключая тѣхъ случаевъ, когда авторъ рѣшится публиковать его на собственный счетъ — случаи, которые, при такомъ недостаткѣ поощренія, не обѣщаютъ быть очень многочисленными) публика несетъ потерю; и по этому плану, изъ числа людей, которые при открытомъ способѣ изложили бы свои мысли въ сочиненіяхъ, нѣкоторые, отчаяваясь въ принятіи ихъ сочиненій, были бы удержаны этимъ страхомъ отъ занятій этимъ предметомъ. Сочиненіе, уничтоженное такимъ образомъ въ самомъ своемъ зародышѣ, остается мертвымъ для какой бы ни было цѣли: между тѣмъ какъ сочиненіе, разъ вышедшее на свѣтъ черезъ посредство печати, остается на виду, и всегда можетъ быть сдѣлано предметомъ *апелляціи*, которою можетъ быть исправлена всякая несправедливость, дѣлаемая ему въ первомъ случаѣ.

Такимъ образомъ, какъ бы несчастны ни оказались впослѣдствіи сдѣланные выборы, все-таки одно будетъ видно — видно всѣмъ глазамъ, видно вашему величеству, вашимъ подданнымъ, иностраннымъ государямъ, иностраннымъ подданнымъ, — видно будетъ то, что эти выборы были не совсѣмъ неосновательны: что, напротивъ, для обезпеченія наилучшихъ возможныхъ выборовъ, употреблены были наиболѣе соотвѣтственныя и наиболѣе обѣщающія мѣры.

Каждый такой сообщитель — предполагая внѣ сомнѣнія подлинность сочиненія, то есть фактъ, что оно было написано тѣмъ самымъ лицомъ, чье имя носитъ — (потому что этого обстоятельства не слѣдуетъ упускать изъ виду) во всякомъ случаѣ доставитъ доказательство *вниманія*, оказаннаго предмету: и это доказательство будетъ сильнѣе всякихъ другихъ.

Взгляните теперь на выгоды отъ того обстоятельства, что очеркъ кодекса былъ составленъ *иностранной* рукой: —

1. Никакихъ стѣсненій для свободы критики. Никакой человѣкъ не можетъ ни бояться, ни надѣяться чего-нибудь отъ руки, представляющей этотъ очеркъ. Все, что ни приходитъ отъ такой руки, есть *fair game*, какъ говорятъ охотники. Отъ этой охоты можно будетъ ждать

не неблагосклонности, а скорѣе благосклонности. Всякій туземный глазъ съ особенной ревностью будетъ искать здѣсь несовершенствъ, а не достоинствъ.

2. Предположимъ, что онъ введенъ въ употребленіе: — предположимъ, что въ окончательно освященный кодексъ войдетъ такая значительная доля этого очерка, какую только можетъ допустить свойство дѣла. Какъ чисто будетъ въ такомъ случаѣ удовлетвореніе общества! Здѣсь не можетъ быть никакого не должнаго пристрастія, — ничего похожаго на *фаворитство*. Авторъ все время находится вдалекѣ, безъ связей, и — исключая того взаимно почетнаго вліянія, какое производится однимъ умомъ на другой, — совершенно *безъ вліянія:* государю неизвѣстна даже его личность, и все это извѣстно всѣмъ и каждому. При такихъ обстоятельствахъ, какая другая вообразимая причина можетъ произвести предпочтеніе этого труда передъ другими, кромѣ только *мнѣнія* — безпристрастнаго мнѣнія — объ его удовлетворительности для предположенной цѣли?

3. Кромѣ того, еслибы авторомъ былъ англичанинъ, то — какъ бы ни было это въ *другихъ* странахъ, чуждыхъ для Россіи — но въ Англіи въ такомъ случаѣ никогда не можетъ быть полнаго недостатка въ критикѣ. Я почти не сомнѣваюсь, что достаточно было бы простого приглашенія вашего величества, чтобы вызвать труды, предпринятые именно для этой цѣли. Но во всякомъ случаѣ существуютъ *обозрѣнія* (reviews), изъ которыхъ ни одно не могло бы, не противорѣча своимъ интересамъ, пропустить безъ критики произведеніе, исполненное при такихъ обстоятельствахъ. И ваше величество можете быть вполнѣ увѣрены, здѣсь не можетъ оказаться недостатка въ мотивахъ, чтобы открыть въ этомъ произведеніи несовершенства всякаго рода, дѣйствительныя и воображаемыя.

Сравните, государь, съ очерченной здѣсь школой законодательства или кодификаціи то, лишенное школы вѣдомство кодификаціи, какое существуетъ теперь или существовало недавно.

Передо мной лежитъ докладъ, представленный вашему величеству 28 февраля 1804. Каковъ бы ни былъ его характеръ во всѣхъ другихъ отношеніяхъ, — въ *историческомъ* отношеніи онъ имѣетъ не малую важность. Съ 1700 до 1804 — въ теченіе 104 лѣтъ — коммиссія за коммиссіей — вѣдомство за вѣдомствомъ — оклады за окладами — и все-таки ничего не сдѣлано. Затѣмъ, въ 1804 г., коммиссія въ новой формѣ: — еще одиннадцать лѣтъ, и опять ничего не сдѣлано. Почему? Потому что тотъ единственный родъ средствъ, которымъ по самой природѣ предмета что нибудь могло быть сдѣлано — или по крайней мѣрѣ сносно сдѣлано — (я разумѣю выше указанныя средства) никогда не былъ употребленъ. *Такимъ образомъ только растрачивались деньги, хотя изъ этого ничего не выходило.* Что касается окладовъ, въ Россіи (я очень это подозрѣваю), и въ Англіи (я очень это вижу), всегда держались этого

принципа: слѣдствія — были тѣ, какія по природѣ вещей связаны съ такими принципами [1]).

По словамъ этого доклада, во времена Екатерины II все поле законодательства было раздѣлено между пятнадцатью *коммиссіями*, которыя всѣ вмѣстѣ состояли не менѣе какъ изъ 128 членовъ. Каждая изъ этихъ коммиссій покрыла массу бумаги писанными буквами: ни одна изъ этихъ 15 массъ (стр. 12) не нашла удобнымъ появиться въ свѣтъ. Какъ это могло быть? Откуда каждый изъ этихъ законодателей могъ почерпнуть свое искусство? Какіе мотивы, какія средства они имѣли для его пріобрѣтенія? Семь лѣтъ тяжелаго труда, дѣйствительнаго или предполагаемаго, со стороны этого собранія членовъ коммиссій (стр. 12), и затѣмъ, если я правильно понимаю дѣло, еще семь лѣтъ такого же труда со стороны другого собранія (стр. 13), и все-таки ничего не сдѣлано. Публичность, самая неограниченная публичность — единственное возможное средство сдѣлать что-нибудь, а на практикѣ все еще только самая закрытая секретность!

Всегда одна и таже неудача — всегда отъ тѣхъ же самыхъ причинъ — и до конца дѣло ведется тѣмъ же безнадежнымъ способомъ. Ахъ, государь, съ какимъ сожалѣніемъ я видѣлъ (это было въ докладѣ 28-го февраля 1804, стр. 35) длинный списокъ должностей съ денежными окладами, которые всѣ — (потому что можетъ ли быть иначе, по обыкновенному состраданію?) — продолжаются по жизнь оффиціальныхъ лицъ. Оффиціальныхъ лицъ, 48; итогъ ежегодныхъ расходовъ — 100,000 рублей. Но въ этомъ жалованьѣ не было включено жалованье ни одной изъ двухъ особъ, — изъ которыхъ каждая даетъ свое имя, и ни одна не даетъ ничего больше, — *высокопревосходительныхъ* особъ, величину оклада которыхъ въ этомъ качествѣ, кажется, постыдились выставить въ этомъ спискѣ.

Какая часть изъ этой толпы получающихъ жалованье работниковъ сдѣлала что-нибудь? И тѣ изъ нихъ, кто сдѣлалъ что-нибудь, въ какомъ количествѣ и до какой цѣнности они сдѣлали въ этомъ дѣлѣ?

Нельзя отрицать конечно, что въ собираніи *матеріаловъ* и приве-

---

[1]) Бентамъ разумѣетъ здѣсь «Докладъ Министерства Юстиціи о преобразованіи Коммиссіи составленія законовъ, Высочайше утвержденный Его Имп. В—мъ и Выписки изъ поднесенныхъ Его Имп. В—ву присутствіемъ Коммиссіи рапортовъ объ успѣхѣ трудовъ ея, по Высочайшему повелѣнію переведенныя на разные языки. Часть I.» Спб., въ тип. Шнора, 1804. 4°, 87 стр. и три синоптическія таблицы.

Въ докладѣ сообщены, въ первомъ отдѣлѣ, историческія свѣдѣнія о началѣ и дѣяніяхъ Коммиссіи въ разныхъ ея видахъ со времени Петра В.; во второмъ отдѣленіи изложены мѣры, признанныя удобными для совершенія русскаго законодательства и устройство самой Коммиссіи. За докладомъ, получившимъ утвержденіе 28 февр. 1804, помѣщено «Главное расположеніе книги законовъ», конспектъ или оглавленіе цѣлаго кодекса; и наконецъ выписка изъ рапортовъ о занятіяхъ Коммиссіи въ первые шесть мѣсяцевъ ея существованія въ этой ея новой формѣ.

деніи ихъ въ порядокъ, и эта масса работниковъ могла быть и (насколько я не знаю противнаго) была употреблена съ пользой: на распредѣленіе по отдѣламъ матеріала, состоящаго изъ распоряженій существующаго закона. Быть можетъ, есть только немного случаевъ, гдѣ — для составленія достаточно основательнаго сужденія по вопросу: что̀, въ томъ или другомъ отдѣлѣ, *должно быть* закономъ, — не бываетъ необходимо знать, что̀ дѣйствительно *есть* законъ. Поэтому указанія о томъ, что̀ *есть* законъ, находятся между *матеріалами*, надъ которыми долженъ работать тотъ, кому принадлежитъ сказать, что̀ *должно быть*, и слѣд., что̀ *будетъ* закономъ. Но работникъ, который собираетъ матеріалы этого рода и сноситъ ихъ на мѣсто, есть только *носильщикъ*. А гдѣ же *архитекторы*, или даже *каменщики?*

Ни одинъ изъ тѣхъ *добровольныхъ* работниковъ, которыхъ я старался выше ввести въ службу вашего величества — не получитъ ни копѣйки, иначе какъ за дѣло, которое, хорошо или худо, но во всякомъ случаѣ будетъ сдѣлано; и ни въ какомъ иномъ *размѣрѣ*, какъ въ размѣрѣ дѣйствительно сдѣланнаго: и въ числѣ этихъ работниковъ будутъ — не только каменщики, но и младшіе архитекторы, — къ какой должности каждый изъ нихъ чувствуетъ или полагаетъ себя способнымъ. *Послѣ испытанія*, если тотъ или другой не окажется способнымъ, тѣмъ хуже: но только *при посредствѣ* испытанія работникъ можетъ имѣть *много* шансовъ *сдѣлаться* способнымъ, вообще получить шансъ *доказать* свою способность.

Гдѣ, за дѣло или безъ дѣла, получается жалованье, тамъ вы можете быть совершенно увѣрены — въ любви человѣка къ *жалованью*. Гдѣ, предлагаемымъ здѣсь способомъ, дѣло дѣлается безъ жалованья, или денежной выдачи въ какой-нибудь другой формѣ, — тамъ вы можете быть довольно хорошо увѣрены — въ любви человѣка къ *дѣлу*.

Правда, любовь сама по себѣ не есть еще *способность:* но, во всякомъ случаѣ, это—одна изъ причинъ способности, и въ настоящемъ случаѣ особенно не можетъ быть причины болѣе дѣйствительной, если не сказать, болѣе необходимой.

Между тѣмъ, если мои свѣдѣнія вѣрны, одинъ кодексъ по крайней мѣрѣ — и *притомъ* изъ уголовной отрасли, — составленный оффиціально, теперь, если уже не въ печати, то приготовляется болѣе или менѣе поспѣшно. Сдѣлаемъ теперь нѣсколько предположеній: — 1) Онъ уже вышелъ; — 2) онъ еще не вышелъ, но выйдетъ раньше, чѣмъ какой-нибудь мой *очеркъ* будетъ въ Петербургѣ; — 3) онъ выйдетъ, но не раньше того, какъ мой очеркъ уже былъ нѣсколько времени въ Петербургѣ; — 4) онъ совсѣмъ никогда не выходитъ. Въ этихъ различныхъ случаяхъ, какого дѣйствія можно ожидать отъ моего труда?— отъ моего труда, включая *школу законодательства*, построенную на три-

буналѣ *свободной критики*, что, какъ объяснено выше, я считаю *принадлежностью* этой школы или ея *плодомъ*.

Случай 1-й. *Кодексъ уже вышелъ*, но во всякомъ случаѣ еще не получивши силы закона: потому что, еслибы это было, я услышалъ бы объ этомъ. Я не ожидалъ бы видѣть, что это такъ, даже еслибы это было въ видѣ опыта (in the *probationary* state). Если такъ,—то, прежде чѣмъ кодексъ получитъ силу закона, вашему величеству останется опредѣлить, не долженъ ли будетъ тотъ *трибуналъ свободной критики*, который я выше предлагалъ для моего собственнаго труда оставить этотъ кодексъ въ покоѣ. Но, въ случаѣ утвердительнаго отвѣта, на который я не могу не разсчитывать, — въ такомъ случаѣ заявленіе вашего величества относительно этого пункта должно быть совершенно ясно —„*L'original est confirmé de la propre main de sa Majesté Impériale dans les termes suivans: ainsi soit fait*". Такъ по-французски. По-англійски: Woe to all gainsayers (горе всѣмъ противорѣчащимъ!). Такова была эгида, которою сочли благоразумнымъ запастись авторы Доклада 28 февраля 1804 г. *Критика, будь безгласна! Горе всѣмъ противорѣчащимъ!*

Во всякомъ случаѣ, если вашему величеству угодно было бы велѣть переслать мнѣ экземпляръ, то *замѣчанія* мои—или, съ дозволенія вашего величества (чтобы мой трудъ не останавливался), замѣчанія отъ нѣкоторыхъ моихъ друзей — были бы представлены вашему величеству со всей возможной скоростію. Затѣмъ, отъ благоизволенія вашего величества будетъ зависѣть назначить, и назначить ли вообще, срокъ для представленія моего труда, прежде, чѣмъ дано будетъ утвержденіе *этому* кодексу, или какому-нибудь другому.

Случай 2-й. *Онъ еще не вышелъ, но выйдетъ раньше, чѣмъ какой-нибудь мой очеркъ будетъ въ Петербургѣ.* — Въ этотъ промежутокъ времени, долженъ ли я буду остаться безполезенъ? Нѣтъ, государь, — хотя бы я спалъ все это время, я могъ бы принести вашему величеству полезную услугу. Все это время оффиціальной рукѣ (т. е. составляющей кодексъ) давала бы *шпоры* мысль о *трибуналѣ свободной критики*, который ожидаетъ этого произведенія; — и въ соединеніи съ этой мыслью, давала бы шпоры также мысль о соперничествующемъ трудѣ, принадлежащемъ той рукѣ, тѣнь которой, какъ выше упомянуто, такъ часто изъ своего отдаленія приводила въ трепетъ оффиціальную руку.

Случай 3-й. *Мой очеркъ дошелъ въ Петербургъ, а оффиціальная рука еще не представила никакого проекта, и проектъ выходитъ только послѣ.* — Оффиціальныя способности будутъ теперь доведены до своего крайняго напряженія. Непріятеля — чужеземнаго непріятеля — уже видѣли въ полѣ. Для этого труда его будетъ, по крайней мѣрѣ, одинъ критикъ, который едва ли можетъ отвергнуть

представляющійся вызовъ. Что бы только возможно было сказать противъ труда незванаго гостя,—здѣсь есть, по крайней мѣрѣ, *одинъ* человѣкъ, а сзади его цѣлые десятки другихъ, которые всѣ будутъ имѣть сильнѣйшій интересъ сказать все это.

И теперь, когда является новый предметъ, законодательная школа находитъ новый запасъ учениковъ—стольких учениковъ, сколько ихъ можетъ увидѣть для себя хоть малѣйшій шансъ повышенія, вслѣдствіе своихъ занятій въ этой школѣ.

Позвольте мнѣ не умолчать здѣсь признанія, которое, кажется, слѣдуетъ даже сдѣлать. То, чего я ожидаю встрѣтить отъ этой руки, есть — трудъ, не неподлежащій критикѣ, испытанію. Я предвижу въ этомъ трудѣ, гдѣ будутъ соблюдаться формы методы: въ немъ можно будетъ отличать отдѣльныя (distinguishable) части. Это я заключаю изъ того, что вижу въ упомянутомъ *Докладѣ*. Точка (говорятъ намъ математики) не имѣетъ частей; *хаосъ*, какъ онъ ни громаденъ, тоже не имѣетъ частей. Пятнадцать массъ предположеннаго законодательнаго матеріала, о которыхъ говорится въ *Докладѣ*, не имѣли ни одна ничего похожаго на методу; — не имѣли никакихъ *отдѣльныхъ частей;*—я заключаю это изъ *Доклада*. Очеркъ, сдѣланный въ этомъ самомъ *Докладѣ*, — и (какъ я предполагаю) другія вещи, представленныя послѣ того вашему величеству, — своей методичностью, я увѣренъ, отличаются отъ всего того, или стоятъ выше того, что было сдѣлано прежде. Это былъ одинъ шагъ къ той единственной вещи, какая нужна. Это (я предполагаю) и пріобрѣло для автора благопріятное мнѣніе и согласіе вашего величества—и, въ извѣстномъ смыслѣ, къ тому были основанія, справедливость которыхъ не подлежитъ спору.

Совершенно не подлежатъ спору важность хорошаго распредѣленія въ законодательствѣ, и важность ряда *синоптическихъ таблицъ* — (*système figuré*, какъ говорили французскіе энциклопедисты) для хорошаго распредѣленія: хорошее распредѣленіе и хорошія таблицы въ одно и то же время — *дѣйствіе* и *причина*. Человѣкъ, который чувствуетъ ихъ необходимость и способенъ придумать орудіе этого рода, — несравненно больше годится для главной работы, чѣмъ тотъ, кто или остается слѣпъ къ пользѣ такой поруки хорошаго распредѣленія, или неспособенъ устроить ее.

Итакъ, это одинъ шагъ къ той единственной вещи, какая нужна: но *самый этотъ шагъ* не есть эта единственная нужная вещь. Это только *ларчики* или *ящики*. А *содержаніе?* — какое будетъ оно? Все зависитъ отъ содержанія: и ничто изъ того, что я когда-нибудь видѣлъ или слышалъ, не можетъ возбуждать во мнѣ никакого благопріятнаго ожиданія относительно того содержанія, которому предназначено наполнить эти самые ящики, — если только они чѣмъ-нибудь будутъ наполняться.

Ваше величество были весьма благоразумны, принимая эти услуги. Я не вижу, какимъ образомъ они могли бы быть отвергнуты. Но несчастьемъ было — поддаться той безпокойной заботливости (anxiety), которое со стороны лица, находящагося въ этомъ положеніи, было вмѣстѣ такъ естественно, и такъ вредно: — заботливости о томъ, чтобы, по обычаю, лишить государя возможности получить откуда-нибудь съ другой стороны тѣ услуги, которыхъ не могъ бы доставить слишкомъ большого запаса весь цивилизованный міръ.

Случай 4-й. Наконецъ, предположимъ, что *несмотря на упомянутыя выше шпоры, прошло значительное время, и отъ оффиціальной руки не появилось еще никакого труда.* Тогда будетъ очевидно, что внутреннее убѣжденіе въ достоинствѣ, по крайней мѣрѣ, сравнительномъ, уже изданнаго труда, собственное сознаніе въ неспособности сдѣлать лучше или даже сдѣлать что-нибудь, — таково будетъ состояніе ума, которое будетъ причиной этого молчанія. Между тѣмъ (какъ мы предполагали), здѣсь во всякомъ случаѣ будетъ нѣчто подъ рукой: я разумѣю мой собственный трудъ, какимъ бы его ни находили, — трудъ, который бы никогда не существовалъ безъ этого моего скромнаго предложенія.

Ваше величество видите довольно ясно, что я не безъ печали увидѣлъ бы какое-нибудь ограниченіе числа комментаторовъ, подъ увѣренностью, что тамъ, гдѣ авторъ есть неимѣющій связей иностранецъ, это будутъ комментаторы критическіе, — и слѣд. какое-нибудь ограниченіе числа добровольно являющихся судей, подъ увѣренностью, что это не будутъ пристрастно-благосклонные судьи.

Но я долженъ признаться, что относительно самаго рода труда, который будетъ предметомъ этой критики, я не опечалился бы, еслибы увидѣлъ требованіе *одного условія*, — каково бы ни было его дѣйствіе въ смыслѣ *ограниченія.*

Это условіе — то, чтобы къ каждой значительной массѣ матеріала, — мало того, даже къ каждому слову, гдѣ этого потребуетъ его важность, — постоянно были присоединяемы соображенія, предназначенныя служить въ качествѣ *основаній* или *объясненій* (reasons) и выставляемыя въ доказательство соотвѣтственности всего того, что такимъ образомъ предлагается для принятія въ кодексъ.

Этотъ предметъ былъ затронутъ въ моемъ прежнемъ письмѣ: — я самымъ усерднымъ образомъ просилъ бы ваше величество дать этому предмету ваше вниманіе.

Государь, только съ помощью *критеріума*, — только съ помощью *испытанія*, дѣлаемаго *такимъ* образомъ, можно отличить талантъ отъ глупости, удовлетворительныя знанія отъ невѣжества, честность отъ безчестности, человѣколюбіе отъ деспотизма, здравый смыслъ отъ каприза, однимъ словомъ, способность, во всѣхъ ея видахъ, отъ неспособности.

Только въ этихъ *основаніяхъ* (reasons) одинъ умъ говоритъ къ другому. *Повелѣнія* (ordinances) безъ *основаній* составляютъ только обнаруженіе воли, — воли сильнаго, который требуетъ повиновенія отъ безпомощнаго. Освободите его отъ этого состоянія, избавьте его отъ этого ущерба,—и тогда не только человѣкъ, который подаетъ вамъ кодексъ для подписи,—но и человѣкъ, который подаетъ вамъ рубашку,—будетъ въ силахъ составлять законы. Человѣкъ, который *подаетъ* рубашку? Да, государь, или женщина, которая *моетъ* ее.

Отбросьте это условіе (т. е. присоединеніе къ законамъ ихъ „основаній"),—и тогда одна Германія, о какомъ вамъ угодно предметѣ, доставитъ вамъ столько сотенъ кодексовъ, сколько вамъ угодно: — всѣ они будутъ вѣрно скопированы съ хаоса, который для другой части міра былъ собранъ двѣнадцать или тринадцать столѣтій назадъ [1]): — всѣ они будутъ составлены на самыхъ экономныхъ принципахъ, —всѣ написаны по стольку-то страницъ въ часъ, — всѣ безъ малѣйшихъ издержекъ мысли.

Не надо основаній! Не надо основаній для вашихъ законовъ! восклицаетъ Фридрихъ Великій прусскій въ одной плохой статьѣ своей, написанной именно объ этомъ самомъ предметѣ. Почему же не надо основаній? Потому что (говоритъ онъ), если въ вашемъ законѣ будетъ какой-нибудь подобный привѣсокъ, то первый шальной законникъ (le premier brouillon d'avocat), который возьметъ его въ руки, опрокинетъ его. Да, довольно вѣроятно: такое злоключеніе можетъ произойти, если это будетъ такъ, что текстъ закона будетъ указывать одинъ путь,—а основаніе, стоящее вслѣдъ за нимъ, будетъ указывать другой, т. е., если или законъ, или основаніе построены до извѣстной степени дурно. Но есть ли это хорошее основаніе противъ того, чтобы *приводить основанія*? Не больше, какъ и противъ того, чтобы *составлять законы*. Точно также можно бы сказать, *не надо дорожныхъ столбовъ!* Почему? Потому что, еслибы пришелъ къ дорожному столбу какой-нибудь *mauvais plaisant* и вздумалъ повернуть надпись такъ, чтобы она показывала на дурную дорогу,—то путешественникъ можетъ сбиться съ пути.

Предположимъ теперь кодексъ, составленный, по обыкновенію, безъ всякаго подобнаго постояннаго комментарія основаній, и который для формы и для бòльшаго глубокомыслія снабженъ, какъ это не разъ дѣлалось, предисловіемъ изъ кучи неопредѣленныхъ и на дѣлѣ непримѣненныхъ, потому что непримѣнимыхъ, общихъ разсужденій, подъ именемъ *началъ*. Онъ можетъ быть одобренъ, восхваленъ и торжественно провозглашенъ. Но по какимъ причинамъ? Если относительно того или другого частнаго постановленія или распоряженія закона приводятся

---

[1]) Бентамъ разумѣетъ здѣсь Римское право.

какія-нибудь ясныя и вразумительныя *причины* (grounds) для одобренія, — то это и будутъ *основанія* (reasons). Почему же (можно бы сказать тогда начертателю), если вы знаете эти причины, почему — если только вы не стыдитесь ихъ — почему не явиться съ ними въ самомъ началѣ? — почему не распространить ихъ, за одинъ разъ, во всей публикѣ, — вмѣсто того, чтобы нашептывать ихъ, одинъ разъ одно, въ другой разъ другое,—тому или другому лицу, впередъ заинтересованному или впередъ увѣренному, въ качествѣ трубача? — Но, если нельзя привести никакихъ подобныхъ *причинъ*, то-есть, если вовсе нельзя привести никакихъ причинъ, то гдѣ же правдивость или цѣнность такого восхваленія?

Съ другой стороны, —предположимъ кодексъ, сопровождаемый, поддерживаемый и объясняемый, съ начала до конца, постояннымъ комментаріемъ основаній; предположимъ, что всѣ эти основанія выводятся изъ одного истиннаго и единственнаго защитимаго начала — *начала общей пользы*, подъ которое, какъ будетъ показано, всѣ они подводятся. — Здѣсь, государь, *дѣйствительно* будетъ *новая эра:* — эра раціональнаго законодательства, — примѣръ для всѣхъ націй, — новое учрежденіе, — и ваше величество будете его основателемъ.

Я считалъ почти несомнѣннымъ, что всего естественнѣе слѣдовало бы начать съ *уголовной* отрасли закона, въ противоположность гражданской. Основанія для этого очевидны и, кажется, убѣдительны. Напримѣръ, въ уголовной отрасли вышеупомянутыя обстоятельства всеобщаго происхожденія имѣютъ гораздо больше мѣста, чѣмъ въ гражданской. Поэтому, уголовная отрасль въ болѣе обширной степени находится въ границахъ компетентности иностранной руки. Кромѣ того, въ уголовной отрасли возможны, до извѣстной степени, перемѣны—и если только онѣ будутъ къ лучшему въ другихъ отношеніяхъ — эти перемѣны не произведутъ ни опасности, ни тревоги [1]).

Иначе это въ *гражданской* отрасли. Великая и преобладающая цѣль этой вѣтви—*не допускать перемѣны*—сколько возможно предупреждать тѣ *обманы ожиданія*, которые бываютъ результатомъ *настоящей* и *неожиданной* перемѣны, и ту *тревогу*, которая производится трепетнымъ *ожиданіемъ* перемѣны. Въ этомъ случаѣ, общая неизвѣстность о состояніи закона — этотъ постоянный источникъ неожиданныхъ перемѣнъ, въ частныхъ примѣрахъ доходящій до неизмѣримаго объема — есть великій источникъ зла; а неизвѣстность есть всегдашняя болѣзнь того жалкаго субститута закона, который называется *неписаннымъ* закономъ, и который, по настоящему, вовсе и не есть законъ. Единственное лекарство отъ этой болѣзни есть законъ *писанный*—единственный родъ закона, имѣющій не одно только метафизическое суще-

---

[1]) См. для объясненія этой терминологіи Избр. соч. Бент., I, 140, 159, 372, 484 и пр.

ство ваніе. Наполеону принадлежитъ заслуга, что онъ далъ этого рода лекарство Франціи. Съ какой степенью искусства оно было составлено, я до сихъ поръ не находилъ никакой пользы это изслѣдовать. Но это лекарство должно было бы быть негодно-дурнымъ, еслибы оно все-таки не было гораздо лучше, чѣмъ ничего. Для человѣчества было бы счастьемъ, еслибы Наполеонъ только этимъ способомъ подавалъ примѣръ правителямъ этого человѣчества.

Мнѣ остается сказать о томъ способѣ, на который я намекалъ въ самомъ началѣ какъ на *другой* способъ, которымъ, при одобреніи вашего величества, могли бы быть сколько-нибудь употреблены въ дѣло тѣ услуги, какія было бы въ моихъ силахъ оказать; и которымъ въ нѣкоторой, хотя не равной, степени могли бы быть достигнуты цѣли, о которыхъ говорено было выше.

Вмѣстѣ съ письмомъ вашего величества я получилъ письмо отъ князя Адама Чарторыскаго. Въ письмѣ онъ напоминалъ мнѣ объ одномъ условномъ обѣщаніи, данномъ ему мною, и приглашалъ меня къ его исполненію. Понятно, что предметомъ обѣщанія была Польша. Ваше величество, быть можетъ, уже слышали отъ князя Чарторыскаго, что̀ дало поводъ къ этому обѣщанію. Все, что̀ мы говорили, ограничилось общими разговорами; въ то время вещи не созрѣли еще для того, чтобы можно было входить въ частности: намѣренія вашего величества не были достаточно извѣстны.

Но, по самой сущности дѣла, я долженъ былъ заключить, что относительно этой страны мои услуги имѣлись въ виду для *конституціонной* отрасли, — по крайней мѣрѣ предварительно передъ какой-нибудь другой. Но изъ всѣхъ отраслей закона конституціонная есть *та*, относительно которой, въ начертаніи общаго *очерка*, чужая рука кажется менѣе компетентна, чѣмъ относительно какой-нибудь другой отрасли. Почему? Потому что конституціонный законъ зависитъ вполнѣ отъ *мѣстныхъ условій* (localities). Поэтому здѣсь упомянутый выше способъ — давать отвѣты на представляющіеся вопросы, есть единственный, который кажется соотвѣтствующимъ природѣ дѣла.

Я не хочу сказать, чтобы въ этомъ случаѣ, какъ и въ другомъ, была какая-нибудь польза посылать отвѣты, — если только въ томъ мѣстѣ, куда они посылаются, они не встрѣтятъ расположенія воспользоваться ими. Но если, въ настоящемъ случаѣ, будетъ какой-нибудь недочетъ въ этомъ отношеніи, то просьбы, столь обязательно повторяемыя мнѣ этимъ княземъ, будутъ дѣйствіемъ безъ причины.

Между тѣмъ, еслибы вашему величеству угодно было приказать мнѣ составить очеркъ уголовнаго и гражданскаго закона, и прежде уголовнаго, для Польши,—то, хотя бы поле моего труда и ограничивалось Польшей, я нашелъ бы для его совершенія вполнѣ достаточные мотивы.

Мое намѣреніе такимъ образомъ удовлетворялось бы, но не то, ко-

торое я надѣялся бы видѣть и намѣреніемъ вашего величества. Для Россіи—нѣтъ соревнованія, нѣтъ трибунала свободной критики, нѣтъ школы законодательства, нѣтъ разсадника чиновниковъ для законодательнаго вѣдомства: нѣтъ ничего кромѣ слабаго телескопическаго вида этихъ учрежденій въ Польшѣ. Судьба Россіи передана одной рукѣ—такой, которую все, мною видѣнное или слышанное, согласно вынуждаетъ меня считать недостаточной.

Ваше величество видите мою навязчивость? Но почему мнѣ стыдиться ея? Мнѣ не нужно ни денегъ, ни власти, ни высокаго сана, ни даже благосклонности:—мнѣ нуженъ только шансъ принести пользу: — пользу?—и *кому* пользу?

Не незначительны—и по объему, и по числу, и по важности—тѣ предметы размышленія, которыя я осмѣливаюсь здѣсь представить на рѣшеніе вашего величества. Но, насколько дѣло касается того, что̀ могло бы быть сдѣлано мной, имѣютъ важность только немногіе пункты, въ которыхъ рѣшеніе можетъ быть вмѣстѣ—и просто, и легко, и безопасно.

Все, что̀ было бы необходимо, для того, чтобы я приступилъ къ дѣлу, это—выраженіе желанія вашего величества въ этомъ смыслѣ. Я долженъ писать по-англійски. Поэтому мой трудъ и долженъ быть напечатанъ на первый разъ по-англійски. Но г. Дюмонъ, работающій на тѣхъ же условіяхъ какъ я, былъ бы — я увѣренъ въ этомъ такъ, какъ еслибы онъ былъ здѣсь и сказалъ мнѣ это, — Дюмонъ былъ бы счастливъ перевесть его на французскій языкъ, листъ за листомъ, какъ только онъ будетъ появляться по-англійски: и въ этомъ случаѣ, французскій переводъ могъ бы быть отпечатанъ почти въ одно время съ подлинникомъ. Издержки англійскаго изданія были бы *моей* заботой: относительно французскаго, это было бы такъ, какъ угодно будетъ вашему величеству. Въ Петербургъ было бы прислано — на англійскомъ, на французскомъ, или на обоихъ языкахъ—столько экземпляровъ, сколько вашему величеству угодно будетъ приказать. Что̀ сдѣлалось бы относительно ихъ *тамъ* (т. е. въ Петербургѣ), это, конечно, вполнѣ зависитъ отъ воли вашего величества. Но, я надѣюсь, что ваше величество не имѣете никакихъ возраженій противъ того, чтобы дать мнѣ обѣщаніе, что когда они будутъ тамъ, то *они увидятъ свѣтъ*. Мой трудъ не будетъ пасквилемъ (a libel): и, если онъ не будетъ одобренъ — и неодобреніе будетъ объявлено, съ указаніемъ или безъ указанія основаній,—всякое подобное неодобреніе конечно не встрѣтитъ большого затрудненія къ тому, чтобы заставить уважать себя. Имѣю честь быть, государь, вашего императорскаго величества всегда вѣрнымъ слугой,

Іеремія Бентамъ.

4. Письмо Адама Чарторыскаго къ Бентаму [1]).

Вѣна, 25 апрѣля 1815.

М. г. Постоянныя путешествія, которыя дѣлалъ его величество послѣ того, какъ оставилъ Англію, и великіе интересы, занимавшіе его въ послѣднее время, только теперь позволили мнѣ представить его величеству письмо, вами ему адресованное. Я съ особеннымъ удовольствіемъ спѣшу передать вамъ при семъ отвѣтъ его величества.

Примите также и съ моей стороны увѣреніе въ высокомъ уваженіи, которое я не перестану питать къ вамъ, и позвольте мнѣ впередъ льстить себя надеждой, что вы не откажетесь также и намъ [2]) дать ваши совѣты во всемъ томъ, что̀ можетъ имѣть отношеніе къ законодательству, которое его императорское величество удостоитъ даро̀вать Польшѣ. Когда придетъ время, я не премину обратиться къ вамъ и напомнить вамъ дружескія обѣщанія, которыя вы были такъ добры дать мнѣ въ этомъ отношеніи.

Въ ожиданіи, я съ удовольствіемъ пользуюсь настоящимъ случаемъ просить васъ принять увѣреніе въ моихъ чувствахъ и въ глубочайшемъ уваженіи, съ которымъ честь имѣю быть вашимъ покорнѣйшимъ слугой,

А. Чарторыскій.

Изъ слѣдующаго отвѣтнаго письма Бентама къ Чарторыскому мы извлекаемъ только то, что̀ имѣетъ отношеніе къ предыдущему письму Бентама о русскомъ кодексѣ къ императору Александру. Мы встрѣтимъ здѣсь еще нѣкоторыя объясненія этихъ отношеній Бентама къ императору. Остальная часть письма относится слишкомъ исключительно къ польскимъ дѣламъ и не входитъ въ цѣль нашей статьи.

5. Письмо Бентама къ князю Адаму Чарторыскому.

Queen-Square-Place, Вестминстеръ, іюнь 1815.

Я прежде всего долженъ просить извиненія его величества и вашего за одну вещь, именно за тотъ огромный промежутокъ времени (больше мѣсяца), который прошелъ между полученіемъ этихъ двухъ писемъ и отправленіемъ моихъ настоящихъ отвѣтовъ. Другая вещь, за которую

[1]) При этомъ письмѣ Чарторыскій оффиціально передавалъ Бентаму помѣщенное выше письмо императора Александра, отъ 10 — 22 апрѣля 1815. Объ этомъ письмѣ Чарторыскаго Бентамъ и упоминаетъ въ концѣ своего втораго письма къ императору.

[2]) То-есть, *также какъ Россіи*, къ которой одной относилось подразумѣваемое здѣсь письмо. (Прим. англ. изд.).

я также долженъ просить вашего снисхожденія, это—что копія съ письма къ императору, которую я долженъ послать вамъ, слишкомъ дурно переписана.

Впрочемъ, оба эти проступка имѣютъ свой источникъ въ той неотложной работѣ, среди которой я получилъ эти письма....

Что касается до подлинника (письма къ императору Александру), то я боюсь, что и вы, и императоръ будете досадовать и скучать имъ, хотя бы за одну его длинноту. Впрочемъ мнѣ необходимо надо было высказаться: и я не видѣлъ надежды, что буду способенъ сдѣлать это, съ какой-нибудь пользой, въ меньшемъ объемѣ. Я слышу со всѣхъ сторонъ, что онъ—человѣкъ съ хорошимъ характеромъ (a good-natured man): то, что я говорю ему въ письмѣ, которое вы увидите, подвергаетъ это его качество *испытанію.* Если у него достанетъ терпѣнія, онъ *прочтетъ* у меня то, чего, по самой природѣ вещей, онъ не *прочтетъ* и не *услышитъ* ни отъ какого человѣка, находящагося въ какомъ-нибудь *иномъ* положеніи.

Повязка на глазахъ, помочи на плечахъ—таковъ былъ до сихъ поръ его *костюмъ* въ *этой* части правительственной области. Моя цѣль—освободить его отъ этихъ принадлежностей; возможно ли, чтобы онъ простилъ мнѣ? Проститъ онъ мнѣ или нѣтъ, дѣло не въ томъ: единственное, что нужно, это *то,* чтобы онъ далъ освободить себя отъ нихъ:

Я надѣюсь, что это не вовлечетъ *васъ* ни въ какое затрудненіе, затрудненіе, которое съ вашей стороны было бы до такой степени совершенно незаслуженнымъ: потому что отъ *васъ* я никогда не слыхалъ ничего похожаго на *a tale out of school.*

Если бы что-нибудь мной сказанное положило конецъ не только *этой* корреспонденціи, но и другой, которая для меня такъ лестна,—я былъ бы истинно опечаленъ. Но сдѣлать этотъ рискъ было необходимо: потому что вы вѣроятно согласитесь со мной, что, можно ли было бы *съ нимъ* сдѣлать что-нибудь или нѣтъ, но *безъ него* во всякомъ случаѣ невозможно было ничего сдѣлать.

На этомъ, сколько мы знаемъ, кончились отношенія между императоромъ Александромъ и Бентамомъ.

Какъ ни исключительны и единичны въ своемъ родѣ эти отношенія, они имѣютъ свой большой историческій смыслъ, какъ новая черта для характеристики импер. Александра и какъ примѣръ того отношенія, въ которомъ русская общественная жизнь или «политика» стояла къ европейскимъ идеямъ. Поэтому мы считаемъ нелишнимъ сказать объ этомъ предметѣ еще нѣсколько словъ.

Въ наше время отношенія, подобныя изложеннымъ сейчасъ

отношеніямъ императора Александра къ Бентаму, всего скорѣе подвергнутся порицанію; ихъ осудятъ какъ непрактическое увлеченіе, и особенно какъ увлеченіе чужимъ, иноземнымъ; мысль сноситься съ иностраннымъ юристомъ по вопросу о законодательствѣ для русскаго государства, покажется даже нарушеніемъ національнаго достоинства; людей, возъимѣвшихъ ее, обвинятъ въ незнаніи русской жизни, въ необращеніи къ ея внутреннимъ силамъ, національнымъ идеямъ и т. д., и т. д. Однимъ словомъ, здѣсь повторилось бы обвиненіе, которое уже высказалось въ нашей литературѣ противъ направленія и людей первыхъ годовъ царствованія Александра, — потому что разсказанныя нами обстоятельства были конечно продолженіемъ (хотя уже слабымъ и замирающимъ) именно тѣхъ воззрѣній, которыя въ особенности отличали эти годы. Дѣятелей того времени, и съ ними вмѣстѣ и императора Александра упрекаютъ обыкновенно въ томъ, что они, увлекаясь напр. Англіей, не знали русской жизни, и въ противоположность имъ выставляютъ «опытныхъ» людей стараго времени, хотя тутъ же оказывается, что эти «опытные» люди сами не могли придумать ничего лучшаго для исправленія тѣхъ золъ, противъ которыхъ и были направлены усилія новыхъ людей...

Намъ кажется, что въ этомъ смыслѣ такія обвиненія очень несправедливы. Обращеніе къ европейскимъ идеямъ и образцамъ составляло слишкомъ серьезную потребность нашей образованности. Это была старая традиція, начатая Петромъ и продолжавшаяся въ разныхъ видахъ во все XVIII-е столѣтіе. Это увлеченіе иноземными идеями не менѣе сильно было и въ императрицѣ Екатеринѣ, напр. когда она писала свой «Наказъ» и наполняла его цѣликомъ идеями французской просвѣтительной философіи. Импер. Александръ, въ своихъ первыхъ стремленіяхъ, собственно говоря только продолжалъ эту традицію, въ которой укрѣпляла его сама императрица, выбравшая ему въ воспитатели республиканца-философа во вкусѣ XVIII-го вѣка. Съ другой стороны, въ этихъ увлеченіяхъ была общая черта времени. Если философія XVIII-го вѣка требовала для обществъ новаго устройства и новыхъ идей, то теперь, послѣ революціонныхъ потрясеній, очень естественно приходила мысль, что надо дѣлать многое *сначала*—во Франціи это дѣйствительно было необходимо, потому что старый порядокъ во многихъ отношеніяхъ былъ подорванъ безвозвратно,—и дѣлать на основаніи отвлеченныхъ положеній разума, которыя часто представлялись единственнымъ критеріумомъ. Этотъ разумъ указывалъ множество несовершенствъ, которыя надо было исправить, а между тѣмъ практическая жизнь общества еще не давала указаній для этого ис-

правленія. Наши дѣятели приходили къ тѣмъ же отвлеченнымъ положеніямъ; имъ также казалось, что надо было дѣлать все или многое *сначала*, trancher dans le vif, tailler en plein drap, какъ выражался Сперанскій послѣ поѣздки въ Эрфуртъ, подъ вліяніемъ встрѣчи съ дѣтищемъ революціи Наполеономъ. Мы видѣли, какъ журналъ министерства внутреннихъ дѣлъ наводилъ на вопросы о законодательствѣ, о свободѣ печати, о злоупотребленіи привилегій; въ литературѣ либеральныя идеи находили сильный отголосокъ; въ университетахъ и въ книгахъ съ великимъ интересомъ (хотя конечно въ большинствѣ случаевъ очень наивно) говорилось о «естественномъ правѣ» и т. п. Однимъ словомъ, собирая разнообразныя указанія о движеніи того времени, едва ли можно сомнѣваться, что «увлеченіе», стремленіе новыхъ правительственныхъ дѣятелей создавать новыя формы юридическо-общественной жизни совершенно оправдывается дѣйствительнымъ положеніемъ вещей — существованіемъ множества недостатковъ стараго порядка, требовавшихъ исправленія, улучшенія или уничтоженія — и ожиданіями лучшихъ людей общества...

Съ точки зрѣнія порицателей этого либеральнаго «увлеченія» императора Александра, какъ будто выходитъ, что гораздо лучше стало, когда всякія увлеченія были брошены, когда управленіе стало совершаться по старымъ преданіямъ, и либеральныхъ министровъ смѣнилъ «опытный» графъ Аракчеевъ.

По нашимъ понятіямъ, императоръ Александръ не дѣлалъ ошибки, когда одно время считалъ возможною дѣятельность Бентама для Россіи.

Бентамъ точно также не показывалъ какой-нибудь притязательности, когда обращался къ русскому императору съ своими предложеніями. Задолго передъ тѣмъ, онъ имѣлъ случай видѣть, что его мысли и книги находили много сочувствія между людьми, которые, безъ сомнѣнія, были въ числѣ лучшихъ людей тогдашняго русскаго общества (Сперанскій, Мордвиновъ, гр. А. Салтыковъ и проч.); и давно уже ему сообщали, что въ Петербургѣ имѣютъ желаніе обратиться къ нему за содѣйствіемъ и совѣтами въ кодификаціонныхъ трудахъ. Въ самомъ этомъ случаѣ Бентамъ написалъ свое (первое) письмо къ императору, повидимому, не безъ вызова и со стороны Чарторыскаго, лица, въ то время слишкомъ близкаго къ Александру. Наконецъ то, что говорилъ Бентамъ, было такъ справедливо, что его вмѣшательство находитъ въ этомъ полное оправданіе.

Дѣйствительно, начать съ того, что Бентамъ въ самомъ дѣлѣ былъ чуждъ Россіи не больше чѣмъ курляндецъ, лифляндецъ или финляндецъ, если бы они, не зная русскаго языка, взялись управ-

лять Россіей и составлять для нея законы. Роль Розенкампфа, изображенная отчасти въ книгѣ барона Корфа [1]), можетъ служить достаточнымъ примѣромъ.

Далѣе, Бентамъ ни на минуту не думалъ стать настоящимъ законодателемъ. То, къ чему онъ стремился, было — проложить дорогу для *открытаго законодательства*, какъ онъ это называлъ, т. е. для гласнаго обсужденія законодательныхъ вопросовъ въ средѣ самого русскаго общества. Себѣ лично онъ дозволялъ только одно желаніе — участвовать въ этомъ обсужденіи на ряду съ какимъ угодно другимъ законовѣдомъ, участвовать открыто, на глазахъ какой угодно критики: ему лично хотѣлось только дать тему, быть можетъ, поставить лучше другихъ вопросы, которые должны были подвергнуться обсужденію, высказать еще разъ — съ спеціальнымъ назначеніемъ для русскихъ условій—свои общіе принципы, составлявшіе трудъ его жизни. И замѣтимъ притомъ, что онъ дозволялъ себѣ это желаніе уже *послѣ того*, какъ ему извѣстно было, что русскія правительственныя сферы обращались прежде ко многимъ другимъ иностранцамъ (которые не дали удовлетворительныхъ отвѣтовъ), слѣд. когда ему извѣстно было, что такого рода содѣйствіе считалось нужнымъ, и что его искали. Читая въ его письмѣ его настоятельныя убѣжденія къ императору, нельзя не почувствовать глубокаго уваженія къ этой горячей и безкорыстной ревности служить человѣческому благу.

Бентамъ представлялъ императору двѣ дороги: старая, которой и слѣдовали въ ту минуту, была много разъ испробована и достаточно выказала свои свойства въ исторіи множества «коммиссій» со временъ Петра Великаго; новая, которую онъ защищалъ, безъ сомнѣнія была лучшей дорогой, и къ устройству законодательства и къ общественному воспитанію. Бентамъ заботливо разъяснялъ возможность гласнаго обсужденія законодательства, стараясь сгладить путь этому нововведенію въ русской жизни. Собственно говоря, его отвлеченные абсолютные принципы требовали далеко не этихъ умѣренныхъ пожеланій; но Бентамъ очень хорошо понималъ вопросъ о «значеніи мѣста и времени въ законодательствѣ», и потому онъ предлагаетъ наиболѣе мягкую, спокойную и вмѣстѣ наиболѣе воспитывающую форму для этого нововведенія,—форму, при которой уступка обществу была бы наименьшая, и слѣд. наиболѣе возможная со стороны правительственнаго авторитета (о которомъ въ концѣ концовъ и шла рѣчь).

Но это было бы непрактично, — могутъ сказать на это. Напротивъ, можно думать, что совѣтъ Бентама былъ самый благо-

---

[1]) Жизнь Спер. I, 146 и слѣд.

разумный, какой можно было сдѣлать въ данномъ положеніи вещей, въ этомъ направленіи.

Въ самомъ дѣлѣ, если только шелъ вопросъ о новомъ характерѣ законодательства, о приближеніи его къ новымъ гражданскимъ потребностямъ и духу времени, о развитіи юридическаго сознанія въ обществѣ, то очевидно, что нужно было употребить какія-нибудь новыя средства, кромѣ тѣхъ, какія употреблялись по преданію. Старая машина приходила въ совершенную негодность; она жила одной рутиной, мало превышавшей простую приказную рутину. Если самыя работы Сперанскаго въ коммиссіи составленія законовъ (1808—1812) имѣли не мало недостатковъ; то гораздо больше странностей было сказано и сдѣлано со стороны его противниковъ, не исключая Карамзина. Баронъ Корфъ, котораго мудрено обвинить въ пристрастіи къ какой-либо изъ двухъ сторонъ, говоритъ въ своей книгѣ: «Юридическія наши свѣдѣнія, *даже у государственныхъ людей*, были въ то время, какъ горько и *справедливо* замѣтилъ Сперанскій, еще очень слабы и поверхностны... Законовѣдѣніе считалось еще *тьмою*, въ которую проникали лишь такъ-называвшіеся тогда дѣльцы; для нихъ же все, чего они не могли найти буквально въ нашихъ указахъ, или что было выражено иными словами, казалось вредною или, по крайней мѣрѣ безполезною чужеземщиною» [1]). При этомъ положеніи вещей, самымъ разумнымъ было бы то, что́ и предлагалъ Бентамъ: это было вызвать на дѣло новыя силы, которыя, конечно, были бы доставлены обществомъ, вызвать путемъ гласнаго обсужденія, которое не преминуло бы доставить важныя частныя данныя и вмѣстѣ указать людей способныхъ къ труду. Между тѣмъ, люди, возвращавшіеся въ Россію послѣ наполеоновскихъ войнъ, возвращались съ запасомъ новыхъ стремленій, которыя безъ сомнѣнія принесли бы много пользы оживленію всего общества, если бы руководители этого общества съумѣли понять ихъ и воспользоваться ими. Но этого сдѣлать тогда не съумѣли, и эта потребность дѣятельности для общественнаго блага не находила себѣ исхода въ дѣйствительной практической жизни. Потребность однакоже не исчезала, и выходъ для нея нашелся наконецъ въ «союзѣ благоденствія», который въ концѣ концовъ привелъ къ глубоко-печальнымъ событіямъ 14 декабря.

Можно сказать съ увѣренностію, что если бы и въ эти времена сохранились намѣренія и планы, которые составлялись въ началѣ царствованія, еслибъ на нихъ положена была нужная твер-

---

[1]) Жизнь Спер., I, 164 прим.

дость убѣжденія и воли, то въ самой свѣжей, энергической и убѣжденной части общества, правительство нашло бы несомнѣнно самыхъ усердныхъ исполнителей; и тѣ силы, которыя пропадали даромъ или погибали трагически, были бы употреблены правильно и здорово для общественнаго организма. Дѣло шло бы и въ этомъ случаѣ, конечно, не безъ усилій, на которыя потребовалась бы правительственная энергія,—но гораздо лучше было употребить эту энергію сюда, чѣмъ на укрощеніе совершенно постороннихъ Россіи возстаній въ Европѣ, или на основаніе военныхъ поселеній дома.

Но Бентамъ напрасно предлагалъ свои мысли,—императоръ Александръ предпочелъ программу Меттерниха и Аракчеева.

Этимъ окончились отношенія, которыя начались въ 1802 г. такимъ успѣхомъ Бентама въ русскомъ обществѣ. Событія, послѣдовавшія за 1815 годомъ, и роль, принятая въ нихъ Россіею, должны были еще сильнѣе охладить Бентама. Мы видѣли выше, какъ сильно было это охлажденіе уже въ 1817 г., когда онъ издавалъ свою переписку въ «Papers relative to Codification». Политика реставраціи возбуждала въ немъ самую глубокую вражду, и его политико-законодательныя идеи пріобрѣтали еще бо́льшую суровость чѣмъ прежде, — какъ напр. въ его «Конституціонномъ Кодексѣ», надъ которымъ онъ работалъ именно въ это время. Вся его симпатія принадлежала либеральнымъ движеніямъ, наполняющимъ эту эпоху: либералы этого времени видѣли въ немъ великій нравственный авторитетъ [1]). Его письма проникнуты глубокимъ сочувствіемъ къ дѣлу національной независимости и гражданской свободы, о которыхъ шла теперь борьба, и глубокой ненавистью къ политикѣ Меттерниха и реставраціи [2]).

Относительно своихъ кодификаціонныхъ трудовъ, онъ окончательно приходилъ къ убѣжденію, что въ извѣстныхъ государственныхъ устройствахъ они не могутъ имѣть мѣста [3]); но за то

---

1) См. объ его корреспонденціи за это время въ біографіи, Works X, и въ «Codification Proposal», т. IV, стр. 564 и слѣд. Здѣсь приведены письма и отзывы изъ Женевы, Испаніи, Португаліи, Франціи, Италіи, Соединенныхъ Штатовъ, Греціи, Южной Америки и пр.

2) Вотъ напр. отрывокъ изъ письма его къ грекамъ, въ ноябрѣ 1823 г. (противъ избранія короля):

«So sure as you have a king, so sure has the Holy Alliance another member. And what is the Holy Alliance, but an alliance of all kings, against all those who are not kings. Were there no such alliance, remedy, under the most grievous tyranny, would be but too difficult: under the Holy Alliance, all remedy would be impossible» etc. (X, 539).

3) Біографъ приводитъ между прочимъ изъ разсказовъ Бентама слѣдующее замѣчаніе: «Talleyrand said my law projects were work of genius, but not adapted for purposes of tyranny» (X, 571).

тѣмъ ревностнѣе онъ привязывался къ своимъ идеямъ, развивая принципъ «наибольшаго возможнаго счастія» относительно политическихъ формъ и учрежденій. Таковъ его «Конституціонный Кодексъ», одинъ изъ обширнѣйшихъ и замѣчательнѣйшихъ трудовъ Бентама (напечатанный уже только по его смерти, въ изданіи Боуринга, т. II), — гдѣ Бентамъ самымъ рѣзкимъ образомъ отвергаетъ господствующую вообще въ Европѣ монархическую форму государственнаго устройства и, опредѣляя изъ своего принципа формы политическихъ учрежденій и администраціи, лучшей формой политическаго устройства считаетъ представительную демократію. «Конституціонный Кодексъ» былъ конечно трактатъ чисто-теоретическій; но вмѣстѣ съ тѣмъ, это была и программа, по мнѣнію Бентама, удобопримѣнимая для всякаго народа, который бы захотѣлъ ею воспользоваться, какъ логическимъ развитіемъ его основной идеи въ области политики. Въ томъ же смыслѣ онъ изложилъ въ то же время свои общія положенія относительно законодательства, которыя онъ именно предлагалъ «всѣмъ націямъ либеральнаго образа мыслей». Это— «Codification Proposal» [1]), книга, любопытная для насъ въ настоящемъ случаѣ тѣмъ, что здѣсь излагается теорія того взгляда на наилучшій процессъ законодательства, который Бентамъ излагалъ въ письмѣ къ императору Александру.

Таково было, говоря вообще, настроеніе Бентама и направленіе его трудовъ въ теченіе самаго горячаго періода реставраціи и гоненій противъ либерализма. Что онъ имѣлъ за это время нѣкоторыя сношенія съ своими русскими друзьями, — это можно заключать по указаніямъ въ его дальнѣйшей перепискѣ; но біографія не представляетъ относительно этого никакихъ ближайшихъ свѣдѣній. Послѣ нѣсколькихъ лѣтъ перерыва, новыя извѣстія о русскихъ сношеніяхъ Бентама мы находимъ въ біографіи уже только отъ 1823—1824 года, хотя въ письмѣ Бентама къ Мордвинову, которое мы здѣсь разумѣемъ, мы видимъ дружескія отношенія, кажется не прерывавшіяся. Въ это время Мордвиновъ, повидимому, самый ревностный изъ русскихъ почитателей Бентама, писалъ ему исполненное уваженія письмо, гдѣ между прочимъ говорилъ, что привыкъ ссылаться на авторитетъ Бентама и оправдывать имъ свои дѣйствія въ качествѣ предсѣдателя департамента гражданскихъ и духовныхъ дѣлъ въ государственномъ совѣтѣ.

---

[1]) «Codification Proposal, addressed by Jeremy Bentham to all nations professing liberal opinions; or Idea of a proposed all-comprehensive body of law, with an accompaniment of Reasons» etc. Издано первоначально въ 1822 г.; см. Works, IV, 535 и слѣд.

Бентамъ отвѣчалъ Мордвинову довольно длиннымъ письмомъ. Оно отрывочно и писано отчасти тономъ шутки, но подъ этой шуткой взглядъ Бентама на русскія дѣла обнаруживаетъ довольно ясно то настроеніе его мыслей, о которомъ мы выше упоминали.

«Я доканчиваю теперь Конституціонный Кодексъ — пишетъ Бентамъ — имѣющій цѣлью исправить этотъ испорченный міръ, покрывъ его республиками. Я сообщаю вамъ это извѣстіе изъ чистаго великодушія, чтобы вы, по своему мѣсту, какъ *Président pour les affaires civiles et ecclésiastiques* — которое мнѣ пріятно видѣть занятымъ вами, хотя бы только для одной Россіи, — чтобы вы, въ этомъ качествѣ, могли заблаговременно устроить санитарный кордонъ вокругъ владѣній вашего повелителя, такой прочный, какой найдетъ нужнымъ вашъ фельдмаршалъ...; впрочемъ, скажу вамъ по довѣренности, этотъ кордонъ будетъ совершенно безполезенъ противъ экземпляровъ, которыми я начиню бомбы и буду стрѣлять черезъ этотъ кордонъ. Но отчего, любезный мой другъ, вы такъ жестоко запоздали извѣстить меня о томъ, что получили кучу всякой всячины (quantity of stuff), которую я вамъ послалъ? Я уже предполагалъ, что — или вы нашли для нея употребленіе въ вашей печкѣ (peech), или что васъ сослали въ Сибирь за то, что она была къ вамъ адресована.

«Это приводитъ меня къ Сперанскому, къ которому я въ тоже время послалъ тѣже вещи. Онъ точно также имѣлъ варварство оставить меня въ томъ же невѣдѣніи. Правда, я никогда его не видалъ; но также правда и то, что его мнѣнія относительно моихъ вещей извѣстны мнѣ изъ его письма къ Дюмону, которое я храню какъ святыню и, когда бываю въ хвастливомъ расположеніи духа, показываю иногда нѣкоторымъ молодымъ друзьямъ: сюда прибавится теперь и ваше письмо.

«Я радъ слышать, что вы и Сперанскій въ хорошихъ отношеніяхъ между собой, чего не бываетъ обыкновенно (какъ я читалъ это въ какой-то книгѣ) между товарищами въ такихъ правленіяхъ какъ ваше, — не говоря о другихъ правленіяхъ.

«Я забылъ, кому изъ васъ я послалъ, вмѣстѣ съ своимъ хламомъ (trash), и свою покорнѣйшую просьбу прислать мнѣ экземпляръ того, что̀ было у васъ оффиціально публиковано относительно состоянія законовъ, съ тѣхъ поръ какъ учреждено было вѣдомство для этой цѣли. Я полагаю, что два такихъ могущественныхъ человѣка, какъ вы и онъ, придумали бы между собой средство украсть для этой цѣли одинъ экземпляръ, не подвергая себя большой опасности быть высѣченнымъ. Или, что̀ если великодушный будетъ на столько великодушенъ, что при-

имѣетъ мнѣ это? Я не возвратилъ бы ему этого, какъ возвратилъ перстень. Мнѣ незачѣмъ его перстней. Но мнѣ было бы для чего имѣть его законы. Что касается Розенкампфа — онъ, какъ я слышу, is gone to the dogs. Я думаю, онъ не могъ найти лучшаго употребленія [1]).

«Что касается до злоупотребленій, открытыхъ имъ — я разумѣю, Сперанскимъ, а не Розенкампфомъ, — то конечно было бы весьма любопытно имѣть о нихъ какія-нибудь свѣдѣнія; хотя впрочемъ, если прискорбная польза составляетъ весь ихъ вредъ, я могъ бы прислать, взамѣнъ, неоспоримо вѣрное указаніе въ двѣнадцать разъ болѣе прискорбной пользы, добытой въ то же количество времени здѣсь, хотя болѣе безопасными и непреодолимыми средствами. Но серьезно, я былъ бы въ совершенномъ отчаяніи, еслибы въ моемъ Конституціонномъ Кодексѣ не нашлось, въ томъ или другомъ мѣстѣ, мѣръ, примѣнимыхъ съ такой же выгодой въ вашей монархіи, какъ и въ моей Утопіи...

«Я посылаю вамъ, съ этимъ же случаемъ, небольшой республиканскій пасквиль (little Republican squib), *avant-courrier* моего Кодекса. Онъ можетъ послужить къ тому, чтобы развеселить глубокомысліе какого-нибудь изъ тѣхъ совѣтовъ, которые пользуются вашимъ предсѣдательствомъ. Я боюсь, что вашъ повелитель слишкомъ серьезенъ, чтобы смѣяться такимъ вещамъ. Онъ, быть можетъ, скорѣе склоненъ написать брату Георгу, чтобъ тотъ остановилъ публикацію» [2]).

Злоупотребленія, открытыя Сперанскимъ, о которыхъ говоритъ Бентамъ, относятся конечно къ отчету Сперанскаго по обозрѣнію Сибири. Этотъ отчетъ разсматривался по возвращеніи Сперанскаго изъ Сибири особымъ комитетомъ, который вполнѣ одобрилъ всѣ дѣйствія Сперанскаго, — вслѣдствіе чего извѣстный деспотъ Пестель былъ отставленъ отъ службы, грабитель Трескинъ и цѣлая шайка его подчиненныхъ грабителей были преданы суду и проч. [3]). Указъ объ этомъ предметѣ, излагавшій многое подлинными словами отчета Сперанскаго, былъ публикованъ во всеобщее свѣдѣніе 26 января 1822 г., и объ немъ вѣроятно и идетъ рѣчь въ письмѣ Бентама.

Республиканскій «пасквиль» Бентама, упомянутый въ письмѣ, есть вѣроятно небольшое сочиненіе «Leading principles of a Constitutional Code for any state», напечатанное въ 1823 году [4]).

---

[1]) Эта фраза нѣсколько ужасна по своей нетерпимости; но она любопытна, какъ свидѣтельство, какую страстную энергію вносилъ уже 75-лѣтній Бентамъ въ интересы своего дѣла, даже относительно совсѣмъ чужихъ ему странъ.

[2]) Works X, 542—543.

[3]) Корфъ, Жизнь Спер. II. 264 слѣд.

[4]) Оно явилось первоначально въ Pamphleteer, № 24. 1823; Works, II. 269 слѣд.

Послѣднее письмо Бентама въ Россію, какое мы находимъ въ біографіи, адресовано къ тому же Мордвинову, въ 1830 году. Бентамъ рекомендовалъ Мордвинову генерала Сантандера, бывшаго президента южно-американской республики Венезуэла,—который долженъ былъ удалиться изъ Америки вслѣдствіе диктатуры извѣстнаго Боливара, путешествовалъ тогда по Европѣ и отправлялся въ Петербургъ. Сантандеръ былъ также партизаномъ Бентама, который подвергся изгнанію вмѣстѣ съ нимъ,—потому что Боливаръ, удаливъ Сантандера, въ тоже время запретилъ въ своемъ государствѣ сочиненія Бентама.

«Любезный адмиралъ,—писалъ онъ къ Мордвинову,—я живъ, хотя уже перешелъ за восемьдесятъ два года, все еще въ добромъ здоровьѣ и хорошемъ расположеніи духа, и кодифицирую какъ драгунъ. Я надѣюсь слышать тоже и объ васъ; но такъ какъ слышать это отъ васъ самихъ нѣтъ надежды, при множествѣ занятій, на которое вы жалуетесь, то я поручилъ моему другу, генералу Сантандеру, который (я надѣюсь) доставитъ вамъ это письмо,—постараться собрать удовлетворительныя доказательства *факта*—столько желательнаго для блага русской имперіи—и извѣстить меня объ этомъ».

Разсказавъ потомъ нѣсколько подробностей о самомъ Сантандерѣ, Бентамъ продолжаетъ въ томъ же шуточно-насмѣшливомъ тонѣ, который мы уже видѣли:

«Что касается цѣли Сантандера въ посѣщеніи вашей столицы, то, сколько я могу понимать, въ ней нѣтъ ничего политическаго. Нашей Темзы, до сихъ поръ по крайней мѣрѣ, онъ не поджигалъ, или (я положительно думаю) даже не пробовалъ этого: и я не полагаю, чтобы Нева могла отъ него опасаться чего-нибудь. Будучи хорошо обезпеченъ (тиранъ не осмѣлился конфисковать его собственности), онъ намѣренъ, я полагаю, ни больше ни меньше, какъ развлечься наблюденіемъ общества, представляющаго такой контрастъ съ тѣмъ, къ которому онъ всего больше привыкъ,—и путешествовать до тѣхъ поръ, пока придетъ извѣстіе, что тиранъ-узурпаторъ (т. е. Боливаръ) раздѣлилъ участь Итурбиде, псевдо-императорской памяти» [1]).

Этимъ заканчиваются наши свѣдѣнія о русскихъ отношеніяхъ Бентама. Эти отношенія, какъ мы видѣли, не имѣли важныхъ, непосредственно-практическихъ результатовъ, но тѣмъ не менѣе они не лишены своего любопытнаго историческаго значенія. Они бросаютъ свѣтъ на внутреннія, такъ сказать интимныя обстоятельства русскаго общественнаго развитія, какъ образчикъ тѣхъ

---

[1]) Works, XI, 33.

путей, какими проходила, въ отдѣльныхъ лучшихъ людяхъ, мысль объ общественныхъ улучшеніяхъ и реформахъ, Самое происхожденіе и судьба связей Бентама въ Россіи и его стремленіе служить Россіи своими кодификаціонными трудами отражали собой ходъ самого русскаго общества во времена императора Александра: изъ приведенныхъ данныхъ можно видѣть, что мысль Бентама обратиться къ императору съ предложеніемъ своихъ трудовъ, была, если не прямо вызвана, то сильно поддержана тѣмъ пріемомъ, какой встрѣтили въ образованнѣйшихъ людяхъ русскаго общества его труды, и живой его представитель Дюмонъ; неудача его предложеній совпадаетъ съ священнымъ союзомъ, положившимъ основаніе реакціи европейской и русской. Этотъ поворотъ событій отразился и на мнѣніяхъ Бентама о русскихъ дѣлахъ: у него уже нѣтъ идеально-филантропическихъ порывовъ, какъ прежде, и въ письмахъ проглядываетъ шутливая насмѣшка, или желчное осужденіе. И то и другое не было конечно только дѣломъ личнаго раздраженія: и то и другое обращалось на то, что совершенно противорѣчило всѣмъ понятіямъ Бентама, цѣлому порядку воззрѣній, котораго онъ былъ представителемъ. Наконецъ, въ тѣхъ идеяхъ, какія излагалъ Бентамъ въ своихъ предложеніяхъ императору Александру, мы съ интересомъ встрѣтимъ тѣ самыя стремленія, какія въ недавнее время одушевляли наше собственное общество. Идеи о гласномъ управленіи и законодательствѣ, о правахъ общественнаго мнѣнія и самостоятельной дѣятельности общества указывались Бентамомъ, какъ неизбѣжная потребность: она почувствовалась опять въ наше время, въ болѣе сильной степени, хотя все еще не понимается обществомъ въ ея истинномъ обширномъ смыслѣ. Прочитать письма Бентама не безполезно и въ наше время.

А. Пыпинъ.

ПѢСНЯ
О
ГАРАЛЬДѢ И ЯРОСЛАВНѢ.

1.

Гаральдъ въ боевое садится сѣдло,
Градъ Кіевъ покинулъ онъ славный,
Вздыхаетъ дорогою онъ тяжело:
— Звѣзда ты моя, Ярославна!

2.

Веселыхъ пировъ миновала пора!
Твой слышалъ, княжна, приговоръ я!
Узнаютъ-же вѣсъ моего топора
Отъ края до края поморья!

3.

Въ печали оставилъ онъ Русь за собой,
Плыветъ онъ размыкивать горе
Туда, гдѣ аравы съ норманами бой
Ведутъ на землѣ и на морѣ.

4.

Въ Сикиліи встрѣтилъ Гаральдъ ихъ напоръ,
Онъ рубитъ ихъ въ битвѣ неравной,
И громко взываетъ, подъемля топоръ:
— Звѣзда ты моя, Ярославна!

5.

Онъ въ Африкѣ рубится въ страшномъ бою,
Покоя нигдѣ не находитъ,
Онъ нà-морѣ бьется, ладья о ладью,
А мысль его въ Кіевѣ бродитъ.

6.

Летаетъ онъ пò-морю сизымъ орломъ,
Онъ въ буряхъ и сѣчахъ пируетъ,
Трещатъ корабли подъ его топоромъ,
А синее море бушуетъ.

7.

Веселая то, удалая пора!
Гаральдовой славѣ нѣтъ равной!
Поетъ онъ про берегъ цвѣтущій Днѣпра,
Поетъ про княжну Ярославну.

8.

На сѣверъ онъ бѣгъ повернулъ кораблей,
И Русь уже сердцемъ онъ чуетъ,
Поетъ съ удалòю дружиной своей —
А синее море бушуетъ!

9.

Онъ на̀-берегъ вышелъ, онъ сѣлъ на коня,
Онъ ѣдетъ подъ сѣнью дубравной —
— Полюбишь-ли, дѣвица, нынѣ меня,
Звѣзда ты моя, Ярославна?

10.

Онъ въ Кіевъ престольный въѣзжаетъ, крестясь;
И гостя радушно встрѣчая,
Выходитъ изъ терема ласковый князь,
А съ нимъ и княжна молодая.

11.

— Здорово, Гаральдъ! Ты скажи: изъ какой
На Русь воротился ты дали?
Промѣшкалъ довольно въ землѣ ты чужой,
Давно мы тебя не видали!

12.

— Я, княже, уѣхалъ, любви нѐ стяжавъ,
Уѣхалъ безвѣстный и бѣдный;
Но нынѣ къ тебѣ, государь Ярославъ,
Вернулся я въ славѣ побѣдной!

13.

Я городъ Палермо въ разоръ разорилъ,
Я грабилъ поморья Царьграда,
Ладьи жемчуго̀мъ по-края нагрузилъ,
А тканей и мѣрить не надо!

14.

— Я ужасомъ сталъ отдаленныхъ морей,
Нигдѣ моей славѣ нѣтъ равной!
Согласна-ли сдѣлаться нынѣ моей,
Звѣзда ты моя, Ярославна?

15.

Въ Норвегіи праздникъ веселый идетъ:
Весною, средь плеска народа,
Въ ту пору какъ алый шиповникъ цвѣтетъ,
Вернулся Гаральдъ изъ похода.

16.

Цвѣтами его корабли обвиты,
Отъ сѣчь отдыхаютъ варяги,
Червленые берегъ покрыли щиты
И съ черными вранами стяги.

17.

Въ ладьяхъ отовсюду къ шатрамъ парчевымъ
Приплыли норвежскіе скальды,
И славятъ на арфахъ, одинъ за другимъ,
Возвратъ удалого Гаральда.

18.

А самъ онъ у моря, съ веселымъ лицомъ,
Въ хламидѣ и въ свѣтлой коронѣ,
Норвежскимъ избранный отъ всѣхъ королемъ,
Сидитъ на возвышенномъ тронѣ,

19.

Отборныхъ, и гридней, и отроковъ рой
Властителю служитъ уставно:
Въ царьградскомъ нарядѣ, въ коронѣ златой,
Съ нимъ рядомъ сидитъ Ярославна.

20.

И къ ней обращàясь, Гаральдъ говоритъ,
Съ любовью въ сіяющемъ взорѣ:
— Все, чтò предъ тобою цвѣтетъ и блеститъ,
И берегъ и синее море,

21.

Цвѣтами обвитые тѣ корабли,
И грозныя зàмковъ вершины,
Всѣ людныя веси норвежской земли,
Все тò, чѣмъ владѣю я нынѣ,

22.

Вся слава, добытая въ долгой борьбѣ,
И самый вѣнецъ мой державный,
И все, чѣмъ я бранной обязанъ судьбѣ —
Все тò я добылъ лишь на вѣно тебѣ,
Звѣзда ты моя, Ярославна!

Гр. А. К. Толстой.

РУССКІЕ ЗАКОНЫ
О
ПЕЧАТИ

Законъ 6 апрѣля 1865 г., измѣнившій положеніе нашей печати, имѣлъ съ самаго начала значеніе временной, переходной мѣры. «Желая дать отечественной печати возможныя облегченія и удобства, — таковы первыя слова высочайшаго указа, при которомъ обнародованъ этотъ законъ—мы признали за благо сдѣлать въ дѣйствующихъ цензурныхъ постановленіяхъ, *при настоящемъ переходномъ положеніи судебной у насъ части и впредь до дальнѣйшихъ указаній опыта*, нижеслѣдующія перемѣны и дополненія». Со времени введенія въ дѣйствіе закона 6 апрѣля прошло уже болѣе трехъ лѣтъ; переходное положеніе судебной части уступило мѣсто новому судебному устройству, одинаково прочному своею внутреннею силой и всеобщимъ уваженіемъ, которымъ оно пользуется; указаній опыта исторія печати за послѣдніе годы представляетъ весьма достаточно, и попытка сдѣлать изъ нихъ общій выводъ не можетъ казаться преждевременною. Условія, при которыхъ былъ изданъ законъ 6 апрѣля, измѣнились, и измѣнились весьма существенно; отсюда неизбѣжно возникаетъ вопросъ объ измѣненіи самаго закона.

До введенія въ дѣйствіе закона 6 апрѣля, наша литература была подчинена, вполнѣ и безусловно, предварительной цензурѣ, усложненной во многихъ случаяхъ спеціальною цензурою отдѣльныхъ вѣдомствъ. Неудобства и затрудненія, сопряженныя съ этимъ порядкомъ вещей, слишкомъ извѣстны и очевидны; они

становились все тяжелѣе и тяжелѣе, по мѣрѣ того, какъ развивалась литература, какъ расширялись ея предѣлы и увеличивалось значенie ея для общества. Необходимость реформы была сознана законодательною властью и выражена въ приведенныхъ нами словахъ высочайшаго указа 6 апрѣля. Но переходъ отъ одной системы къ другой, прямо противоположной, показался, по всей вѣроятности, слишкомъ крутымъ, слишкомъ рѣзкимъ. Проступки печати не были подведены подъ дѣйствіе общаго закона, не были предоставлены исключительному вѣдѣнію судебной власти. Вся періодическая печать была подчинена администраціи, отъ которой зависитъ не только разрѣшать или не разрѣшать, по своему усмотрѣнію, изданіе новыхъ журналовъ, не только освобождать или не освобождать ихъ отъ предварительной цензуры [1]), но и давать имъ—если они издаются безъ цензуры,—предостереженія, влекущія за собою временное или совершенное прекращеніе изданія. Такимъ образомъ, для однихъ періодическихъ изданій предварительная цензура не была уничтожена вовсе, для другихъ—замѣнена карательною властью администраціи, столь же безотчетною, какъ и цензура. Изъ числа другихъ изданій, отъ цензуры были освобождены только сочиненія извѣстнаго объема (оригинальныя сочиненія—при объемѣ въ десять, переводныя сочиненія—при объемѣ въ двадцать печатныхъ листовъ). Духовная цензура была удержана на прежнемъ основаніи; театральная цензура также оставлена въ силѣ. Дѣйствіе закона 6 апрѣля было ограничено С.-Петербургомъ и Москвою [2]). Постановленія о наказаніяхъ за проступки печати, какъ первый опытъ законодательства по этой части, были набросаны въ общихъ чертахъ и не исчерпали собою всю область правонарушеній, совершаемыхъ путемъ печати. Съ другой стороны, они ввели въ наше уголовное право нѣсколько понятій, до тѣхъ поръ ему совершенно чуждыхъ и не провѣренныхъ на практикѣ. Наконецъ, постановленія о судопроизводствѣ по дѣламъ печати, заключающіяся въ законѣ 6 апрѣля, потеряли свою силу со введеніемъ въ дѣйствіе судебныхъ уставовъ 20 ноября 1864 г. [3]). — Остановимся прежде всего на самой характеристической чертѣ закона 6 апрѣля—на системѣ административныхъ взысканій, по дѣламъ печати.

---

[1]) За исключеніемъ изданій, выходившихъ въ свѣтъ въ моментъ обнародованія закона 6 апрѣля: освобожденіе ихъ отъ цензуры зависѣло вполнѣ отъ усмотрѣнія издателей.

[2]) За исключеніемъ изданій правительственныхъ и т. п.

[3]) Постановленія о типографіяхъ и о книжной торговлѣ не входятъ въ кругъ изслѣдованія, нами предпринятаго.

I.

Система административныхъ взысканій по дѣламъ печати, созданная во Франціи послѣ государственнаго переворота 2 декабря 1851 г., заимствованная оттуда, на короткое время, нѣсколькими европейскими государствами, (Пруссіей, Австріей, Турціей), но въ настоящее время, если мы не ошибаемся, существующая только въ одной Россіи, — представляется явнымъ отступленіемъ отъ тѣхъ началъ, на которыхъ, въ большей или меньшей степени, основанъ государственный бытъ всѣхъ цивилизованныхъ народовъ. Въ теоріи всѣ согласны съ тѣмъ, что карательная власть должна принадлежать суду, а не администраціи; что никакое наказаніе не должно быть налагаемо безъ выслушанія оправданій обвиняемаго; что наказаніе должно падать *только* на виновнаго, должно имѣть по возможности личный характеръ; что извѣстное дѣйствіе наказуемо лишь тогда, когда оно запрещено уголовнымъ закономъ; что никто не можетъ быть въ одно и тоже время обвинителемъ и судьею, еще менѣе — судьею въ собственномъ своемъ дѣлѣ. Система административныхъ взысканій идетъ на-перекоръ всѣмъ этимъ началамъ. Она облекаетъ администрацію правомъ налагать наказанія безъ суда, собственною властью; вѣдь нельзя же отрицать, что временное или совершенное прекращеніе изданія есть наказаніе въ полномъ смыслѣ этого слова. Административнымъ взысканіямъ не предшествуетъ истребованіе объясненій отъ обвиняемыхъ; они не допускаютъ ни защиты прежде приговора, ни жалобы на приговоръ. Они падаютъ съ одинаковою силой на виновныхъ, т. е. на автора статьи и на редактора журнала (если предположить, что послѣдній—дѣйствительно лице отвѣтственное за все помѣщаемое въ журналѣ), — и на невинныхъ, т. е. на издателей и сотрудниковъ журнала. Они не ограничиваются извѣстной, заранѣе опредѣленной сферой правонарушеній; граница, за которою возникаетъ возможность отвѣтственности, измѣняется чуть ли не съ каждымъ днемъ, и никогда не бываетъ общею для всѣхъ періодическихъ изданій. Наконецъ, во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда печать обсуждаетъ дѣйствія администраціи, послѣдняя является судьею оскорбленій, ей самой нанесенныхъ. Вотъ почему система административныхъ взысканій никогда и нигдѣ не была выставляема послѣднимъ словомъ законодательства по дѣламъ печати, нормальнымъ, прочнымъ регуляторомъ отношеній между правительствомъ и литературой. Самые ревностные защитники этой системы стремятся только къ тому, чтобы доказать ея не-

обходимость *въ данную минуту*, впредь до наступленія условій, болѣе благопріятныхъ. Они ссылаются, въ большей части случаевъ, на возбужденное состояніе общества, несовмѣстное съ спокойнымъ обсужденіемъ спорныхъ вопросовъ; на существованіе партій, систематически враждебныхъ правительству; на недостаточность судебнаго преслѣдованія, безсильнаго противъ самыхъ вредныхъ ученій, если они проводятся незамѣтно, постепенно, въ осторожной формѣ, безъ прямого и явнаго столкновенія съ закономъ. У насъ въ Россіи къ этимъ обычнымъ аргументамъ можно было присоединить еще два: полное подчиненіе цензурѣ, въ которомъ находилась наша печать до 1865 г., и крайне неудовлетворительное положеніе нашихъ судовъ, которые, въ моментъ изданія закона 6 апрѣля, еще не были преобразованы на основаніи новыхъ судебныхъ уставовъ.

Объ исторіи нашей періодической прессы за послѣдніе три, четыре года можно судить весьма различно; но никто, конечно, не станетъ утверждать, чтобы ей недоставало спокойствія и сдержанности. Затишье, господствующее въ обществѣ, отразилось и въ печати. Замолкли послѣдніе отголоски горячей борьбы, происходившей въ литературѣ лѣтъ десять тому назадъ; страстность уступила мѣсто значительной долѣ индифферентизма. Общество относится къ журналистикѣ съ нѣкоторымъ недовѣріемъ, не ожидаетъ отъ нея больше непогрѣшимаго рѣшенія всѣхъ спорныхъ вопросовъ, не увлекается, какъ прежде, тѣмъ или другимъ представителемъ ея. Прошло то время, когда журнальная полемика была единственнымъ предметомъ, возбуждавшимъ живое вниманіе въ обществѣ; рядомъ съ нею или выше ея существуютъ теперь другіе серьозные интересы. Измѣнилось, однимъ словомъ, и положеніе общества, и положеніе литературы, — измѣнилось такъ глубоко, что нѣтъ ни малѣйшей причины опасаться раздражающаго вліянія послѣдней на первое. У насъ нѣтъ *старыхъ партій*, противъ которыхъ была преимущественно направлена система административныхъ взысканій во Франціи; у насъ нѣтъ той розни между правительствомъ и народомъ, которая вызвала въ Пруссіи королевскій указъ 1 іюня 1863 г. [1]); въ прошедшемъ нашего правительства нѣтъ того ряда неудачъ, внутреннихъ и внѣшнихъ, подъ бременемъ которыхъ находилось австрійское правительство, когда прибѣгло, на короткое время, къ системѣ предостереженій. *Систематическая вражда* къ правительству, противъ которой Наполеонъ III считаетъ нужнымъ имѣть на готовѣ цѣлый арсеналъ самыхъ разнообразныхъ орудій—

[1]) Этотъ указъ, изданный собственно съ цѣлью обуздать оппозицію на время выборовъ, дѣйствовалъ не болѣе полугода.

явленіе совершенно чуждое нашей литературѣ. Ополчаться противъ нея, какъ противъ непріятеля, значитъ—объявлять осадное положеніе посреди глубокаго мира.

Въ концѣ пятидесятыхъ, даже въ началѣ шестидесятыхъ годовъ у насъ не было консервативныхъ журналовъ; всѣ періодическія изданія принадлежали къ оппозиціи, если разумѣть подъ этимъ словомъ желаніе реформъ, критическое отношеніе къ существующему порядку вещей. Различіе между журналами заключалось только въ большей или меньшей смѣлости, большей или меньшей радикальности преобразовательныхъ стремленій. Теперь у насъ есть журналы консервативные, даже ультра-консервативные и ретроградные. Вмѣсто пассивной поддержки цензоровъ, правительство располагаетъ теперь активной поддержкой журналистики—поддержкой иногда почти единодушной, иногда идущей только отъ нѣкоторыхъ органовъ печати, но никогда не измѣняющей ему совершенно. Отсюда возможность бороться съ оппозиціей ея же оружіемъ—возможность, очевидно позволяющая ограничить примѣненіе мѣръ репрессивныхъ. Мы едва ли ошибемся, если скажемъ, что въ настоящую минуту консервативныя газеты, по вліянію своему на большинство читателей, сильнѣе газетъ противоположнаго оттѣнка. Еслибы «Constitutionnel», «Pays», «Patrie» и другіе французскіе правительственные журналы, вмѣстѣ взятые, обладали вліяніемъ равносильнымъ вліянію «Московскихъ Вѣдомостей», то Наполеонъ III, безъ сомнѣнія, согласился бы гораздо раньше на отмѣну декрета 17 февраля 1852 г. Еслибы гг. Герлахъ и Вагенеръ, редакторы прусской «Крестовой газеты», пользовались въ Пруссіи такою же популярностью, какою пользуются у насъ гг. Катковъ и Леонтьевъ, то г. Бисмарку не зачѣмъ было бы прибѣгать къ указу 1 іюня 1863 г. Всѣ французскія полу-оффиціальныя газеты, вмѣстѣ взятыя, не имѣютъ такого числа подписчиковъ, какимъ гордится «Siècle» или «Liberté». Въ Берлинѣ болѣе образованный классъ читателей подписывается на «National-Zeitung», органъ національно-либеральной партіи, на «Zukunft», органъ крайнихъ прогрессистовъ; классъ менѣе образованный—на демократическую «Volkszeitung»; «Крестовую Газету» читаютъ только не многіе высшіе чиновники, и такъ-называемые «юнкера» Помераніи и Бранденбурга. Нужно ли напоминать, въ какомъ количествѣ экземпляровъ расходилась «Lanterne» въ Парижѣ, расходится «Kladderadatsch» въ Берлинѣ? Искать у насъ чего-нибудь подобнаго было бы совершенно напрасно. У насъ нѣтъ оппозиціонныхъ журналовъ, которые бы дѣйствовали на массу, которые проникали бы во всѣ слои общества, во всѣ углы го-

сударства. Самый характеръ нашей оппозиціи другой, чѣмъ въ Западной Европѣ. Въ огромномъ большинствѣ случаевъ, она не идетъ дальше разномыслія по отдѣльнымъ вопросамъ законодательства и управленія, не угрожаетъ кореннымъ основамъ государственнаго и общественнаго устройства. Наша журналистика приняла, съ нѣкоторыхъ поръ, направленіе преимущественно дѣловое; отъ общихъ вопросовъ она перешла къ частнымъ, обсужденіе которыхъ, по самому ихъ свойству, не выходитъ изъ предѣловъ сравнительно тѣсныхъ. На этой почвѣ мало простора для увлеченій, обузданіе которыхъ служитъ главнымъ аргументомъ въ пользу системы административныхъ взысканій.

Одновременно съ консервативными и ультра-консервативными журналами въ нашей литературѣ появляется другой родъ изданій, прежде почти небывалый: появляются газеты, посвященныя преимущественно скандаламъ, сплетнямъ, дрязгамъ всякаго рода, лишенныя не только серьезнаго направленія, но даже серьезнаго содержанія, разсчитывающія на тотъ видъ любопытства, который возбуждается въ праздныхъ прохожихъ какимъ-нибудь *казусомъ*, случившимся на улицѣ. Достаточно-ли будетъ одной карательной власти суда, чтобы удержать эти газеты въ границахъ приличія, чтобы оградить отъ ихъ нападеній доброе имя частныхъ лицъ? Можно-ли будетъ достигнуть этой цѣли безъ чрезвычайныхъ мѣръ взысканія, которыми располагаетъ администрація? Кто знакомъ хотя сколько-нибудь съ исторіей нашей журналистики, тотъ не колеблясь дастъ на эти вопросы отвѣтъ утвердительный. Онъ скажетъ, что литература скандаловъ, родившаяся подъ крыломъ предварительной цензуры, окрѣпла и процвѣла при дѣйствіи системы административныхъ взысканій; что первыя попытки пересадить ее на нашу почву, сдѣланныя въ концѣ пятидесятыхъ годовъ («Весельчакъ», «Заноза» и т. п.), не удались только потому, что нравственный уровень журналистики стоялъ въ то время еще слишкомъ высоко; что въ продолженіе трехъ лѣтъ только *одна* газета изъ той категоріи, о которой идетъ рѣчь, получила два предостереженія; что всѣ рѣшительныя мѣры въ защиту частныхъ и даже должностныхъ лицъ отъ оскорбленій извѣстнаго рода были приняты именно судебною властью. Достаточно напомнить, что номеръ «Петербургской Газеты», въ которомъ была помѣщена неслыханная, по своей наглости, статья г. Звенигородскаго о судебныхъ слѣдователяхъ, лицахъ прокурорскаго надзора и членахъ окружнаго суда, свободно обращался въ публикѣ въ то самое время, когда наложенъ былъ арестъ на философскія сочиненія Герберта Спенсера и Дж. Ст. Милля.

Отстаивая необходимость системы административныхъ взысканій, защитники ея ссылаются чаще всего на невозможность замѣнить ее одною отвѣтственностью передъ судомъ; они предполагаютъ, что судъ можетъ карать только отдѣльные, опредѣленные проступки, а не цѣлое направленіе журнала, въ особенности если оно замаскировано съ достаточнымъ искусствомъ. Въ основаніи этого мнѣнія лежитъ явное недоразумѣніе. Если бы судъ былъ стѣсненъ формальною теоріей доказательствъ, тогда, пожалуй, можно было бы утверждать, что подъ эту теорію не подойдетъ неуловимое понятіе о вредномъ направленіи журнала. Если бы при судѣ не было правильно-организованной обвинительной власти, тогда можно было бы утверждать, что некому будетъ взять на себя наблюденіе за журналистикой, сопоставленіе статей, необходимое для опредѣленія общаго ихъ смысла. Если бы, наконецъ, судъ по дѣламъ печати принадлежалъ у насъ присяжнымъ, а не короннымъ судьямъ, тогда можно было бы утверждать, хотя и съ большой натяжкой, что присяжные, взятые изъ разныхъ слоевъ общества, незнакомые съ журналомъ, о которомъ имъ предстоитъ произнести приговоръ, выслушавшіе только одинъ разъ, во время засѣданія, содержаніе преслѣдуемыхъ статей, не будутъ въ состояніи усвоить себѣ предметъ обвиненія, раскрыть связь между статьями, напасть на слѣдъ мысли, въ нихъ проводимой. Но таково ли, въ настоящее время, положеніе судебной части у насъ въ Россіи? Сомнѣнія въ способности и добросовѣстности судей, существовавшія въ моментъ обнародованія закона 6 апрѣля 1865 г., давно устранены судебной реформой и ея блестящимъ успѣхомъ. Производство суда по дѣламъ печати предоставлено, по закону 12 декабря 1866 года, высшимъ судебнымъ установленіямъ: судебной палатѣ и уголовному кассаціонному департаменту сената, въ огромномъ большинствѣ случаевъ — безъ участія присяжныхъ засѣдателей. Эти дѣла, какъ и всѣ другія, рѣшаются судьями по внутреннему убѣжденію и совѣсти, а не по формальной системѣ доказательствъ. Обвинительная власть, іерархически организованная, обязана начинать преслѣдованіе журнала или газеты, когда этого требуетъ Цензурный комитетъ или Главное управленіе по дѣламъ печати. Если прокуроръ встрѣтитъ при этомъ какія-нибудь затрудненія или сомнѣнія, то долженъ представить о нихъ министру юстиціи и затѣмъ дѣйствовать сообразно съ его разрѣшеніемъ. При такомъ порядкѣ вещей, судебное преслѣдованіе журнала за вредное направленіе, выразившееся въ цѣломъ рядѣ статей, не представляетъ рѣшительно ничего невозможнаго или неудобнаго. Постановка обвиненія будетъ зависѣть отъ тѣхъ специальныхъ учреж-

деній, которыя пріобрѣли уже достаточную опытность въ раскрытіи и преслѣдованіи вредныхъ направленій. Поддержка обвиненія передъ судомъ не будетъ заключать въ себѣ ничего несовмѣстнаго съ обыкновенными пріемами обвинительной власти; кто привыкъ выводить виновность обвиняемаго изъ совокупности уликъ, тотъ съумѣетъ доказать вредное направленіе журнала посредствомъ отдѣльныхъ выдержекъ изъ него. Тоже умѣнье, по тѣмъ же самымъ причинамъ, слѣдуетъ предполагать и въ членахъ суда. Средства, съ помощью которыхъ опредѣляется направленіе журнала, одинаково доступны для цензоровъ, для прокуроровъ и для судей. Можно пользоваться этими средствами съ бо̀льшимъ или меньшимъ усердіемъ, съ бо̀льшимъ или меньшимъ разборомъ, — и мы, конечно, не утверждаемъ, что способъ пользованія ими будетъ одинъ и тотъ же въ вѣдомствахъ цензурномъ и судебномъ; мы думаемъ только, что для общей оцѣнки дѣятельности журнала судебная палата компетентна отнюдь не меньше любого цензурнаго комитета. Мы можемъ доказать нашу мысль примѣромъ, какъ нельзя болѣе убѣдительнымъ. Въ рѣшеніи С.-Петербургской судебной палаты по дѣлу о книгѣ г. Суворина: «Всякіе.—Очерки современной жизни», состоявшемся въ декабрѣ 1866 г., сказано между прочимъ: «Очень часто преступный характеръ сочиненія совершенно теряется, когда выпускается изъ вида цѣлое его содержаніе и обращается вниманіе на отдѣльные отрывки и мѣста книги, подобно тому, какъ и самая соблазнительная картина, нарисованная живописью, будучи разсматриваема по небольшимъ, отрѣзаннымъ отъ нея клочкамъ, можетъ не представлять ничего особенно предосудительнаго». Руководствуясь этою мыслію, судебная палата не ограничилась обсужденіемъ отдѣльныхъ мѣстъ книги г. Суворина, на которыхъ было основано обвиненіе, а разсмотрѣла книгу во всей ея цѣлости, и именно въ общемъ впечатлѣніи, ею производимомъ, нашла одобреніе дѣйствій, запрещенныхъ закономъ, т. е. преступленіе, предусмотрѣнное ст. 1035 Улож. о Наказ. Можно ли опасаться, послѣ того, что судебная власть не съумѣетъ или не захочетъ карать вредное направленіе журналовъ?

Противъ судебнаго преслѣдованія проступковъ печати приводится иногда еще одинъ аргументъ — медленность этого преслѣдованія, сравнительно съ административными взысканіями, которыя могутъ быть рѣшены и объявлены хоть на другой день послѣ совершенія проступка. Но развѣ подобная быстрота безусловно необходима? Развѣ она не имѣетъ своихъ дурныхъ сторонъ, открывая слишкомъ большой просторъ первому впечатлѣнію, устраняя возможность всесторонняго, спокойнаго обсужде-

нія дѣла? Въ случаяхъ, особенно важныхъ, административная власть имѣетъ право наложить арестъ на преслѣдуемый номеръ газеты или журнала, и такимъ образомъ предупредить обращеніе его въ публикѣ до судебнаго приговора. Наконецъ, самое судебное производство по дѣламъ печати можетъ оканчиваться въ весьма короткое время, такъ какъ по этимъ дѣламъ, въ большей части случаевъ, нѣтъ надобности ни въ предварительномъ слѣдствіи, ни въ процедурѣ преданія суду. Медленность, которою отличалось и отличается до сихъ поръ производство дѣлъ печати въ петербургскихъ судебныхъ мѣстахъ, зависитъ отъ причинъ чисто случайныхъ, легко устранимыхъ; при томъ, какъ мы увидимъ ниже, отъ нея страдали только интересы частныхъ лицъ, а отнюдь не интересы администраціи.

Говоря, въ прошедшемъ году, о системѣ административныхъ взысканій во Франціи [1]), мы имѣли уже случай замѣтить, что произвольная власть администраціи надъ печатью не укладывается въ строго-опредѣленныя формы, чуждается всякихъ постоянныхъ правилъ и не считаетъ себя обязанною уважать границы, ею же установленныя. Французское правительство нѣсколько разъ объявляло, что предостереженіямъ должны подлежать исключительно статьи, направленныя противъ династіи и всего существующаго порядка вещей — и никогда не оставалось вѣрнымъ этому объявленію. Тотъ же министръ, который пытался положить предѣлъ административному произволу, открывалъ ему вновь широкую дорогу, какъ только появлялась статья, непріятная для администраціи. Предостереженіямъ подвергались даже такія газеты, какъ оффиціозная «France», даже такія статьи, какъ спокойный, чисто дѣловой обзоръ положенія французскихъ финансовъ. Исторія нашей печати съ 1865 года представляется, въ этомъ отношеніи, точнымъ снимкомъ съ исторіи французской печати 1852—1867 года. Въ хорошихъ намѣреніяхъ и у насъ не было недостатка, но послѣдовательности въ исполненіи ихъ не было, да и не могло быть, потому что она противна самому свойству административнаго полновластія въ дѣлахъ печати. Въ журналахъ коммиссіи, приготовлявшей проектъ устава о книгопечатаніи, мы встрѣчаемъ, напримѣръ, слѣдующую фразу: «административныя взысканія находятъ для себя *единственное* извиненіе и почти *единственный* случай примѣненія, когда въ періодическомъ изданіи является такъ-называемое *вредное направленіе*». При всей неопредѣленности этого выраженія, оно доказываетъ съ достаточною ясностью по крайней мѣрѣ одно, — что

---

[1]) Вѣстникъ Европы 1868 г. № 4: «Новый законъ о печати во Франціи».

лица, вводившія у насъ систему административныхъ взысканій, считали несправедливымъ примѣненіе ея къ отдѣльнымъ проступкамъ печати, если они не состоятъ въ связи съ вреднымъ направленіемъ журнала. И что же? Первое предостереженіе, данное на основаніи закона 6-го апрѣля, постигло «С.-Петербургскія Вѣдомости» (въ сентябрѣ 1865 г.) не за цѣлый рядъ статей, опасныхъ для общества или для государства, а за отдѣльную статью по частному вопросу о продажѣ или залогѣ государственныхъ имуществъ. Такихъ примѣровъ можно было бы привести очень много; но пойдемъ далѣе и посмотримъ, что разумѣлось у насъ подъ именемъ *вреднаго направленія* журнала. Понятіе о вредѣ — понятіе крайне относительное и эластичное; то, что сегодня кажется вреднымъ, завтра можетъ быть признано полезнымъ, и наоборотъ. Въ правильной общественной жизни, управляемой не произволомъ, а законами, не можетъ, поэтому, быть и рѣчи о вредномъ направленіи журнала, а можетъ быть рѣчь только объ извѣстныхъ, опредѣленныхъ проступкахъ печати. Тамъ гдѣ еще не установилось такое простое, естественное отношеніе къ печати, понятіе о вредномъ направленіи журнала должно быть, по крайней мѣрѣ, заключено въ границы по возможности тѣсныя. Оно не должно быть распространяемо дальше тенденцій, прямо угрожающихъ опасностью существующему порядку вещей. У насъ, напротивъ того, слишкомъ замѣтно желаніе расширить это понятіе до самыхъ крайнихъ его предѣловъ. Вреднымъ направленіемъ признается у насъ и стремленіе порицать дѣйствія правительства, хотя бы оно выходило изъ самыхъ лучшихъ побужденій (предостереженія, данныя газетѣ «Москва» 26-го марта 1867 и 28-го апрѣля 1868 г.), и «сопоставленіе земскихъ учрежденій съ правительственными властями, обвиняемыми въ произволѣ или неисполненіи закона» (предостереженіе, данное «С.-Петербургскимъ Вѣдомостямъ» 2-го марта 1867 г.), и «стремленіе изображать въ неблагопріятномъ свѣтѣ положеніе дѣлъ въ Россіи» (предостереженіе, данное «St.-Petersburger Zeitung» 29-го сентября 1868 г.),—признается или можетъ быть признано, однимъ словомъ, всякое направленіе, несогласное, въ данную минуту, съ тѣмъ или другимъ взглядомъ административной власти. Отсюда проистекаютъ явленія, надъ которыми призадумается будущій историкъ нашей печати. Ему трудно будетъ повѣрить, что при существованіи порядка, направленнаго лишь къ обузданію журналовъ вредныхъ или опасныхъ, могла быть запрещена на время такая газета, какъ «Московскія Вѣдомости», могла быть пріостановлена три раза (въ продолженіе двухъ лѣтъ) такая газета, какъ «Москва». Въ дѣятельности «Московскихъ Вѣдомостей» никто,

конечно, не найдетъ и тѣни вражды къ правительству, къ основамъ нашего государственнаго и общественнаго устройства. Вредить правительству «Московскія Вѣдомости» могли развѣ излишнимъ усердіемъ своимъ, слишкомъ ревностнымъ стремленіемъ къ тѣмъ цѣлямъ, которыя преслѣдовало правительство; но не отъ администраціи же должна исходить кара за увлеченія этого рода. Еще менѣе сомнѣній, повидимому, могло возбуждать направленіе «Москвы». Ея девизомъ могли бы служить знаменитыя три слова, которыми опредѣлялось, лѣтъ двадцать тому назадъ, прошедшее, настоящее и будущее русскаго народа. Искренность ея чувствъ и убѣжденій признается даже самыми непримиримыми ея противниками. Внѣшняя форма ея статей можетъ показаться рѣзкою только по сравненію съ вынужденною сдержанностью подцензурной печати. Между тѣмъ, изъ всѣхъ органовъ нашей печати — кромѣ двухъ журналовъ, запрещенныхъ исключительнымъ путемъ и при исключительныхъ обстоятельствахъ, весною 1866 года,—ни одинъ не подвергался дѣйствію административныхъ взысканій въ такой мѣрѣ, какъ именно «Москва». Запрещенная 26-го марта 1867 г. (менѣе чѣмъ через три мѣсяца послѣ ея основанія) на три мѣсяца, 29-го ноября этого же года— на четыре мѣсяца, она пріостановлена 21-го октября 1868 г. на шесть мѣсяцевъ, и едва-ли поднимется послѣ этого послѣдняго удара. Предостереженія, данныя «Москвѣ», составляютъ такую поучительную страницу въ исторіи нашей печати, что мы позволимъ себѣ остановиться на нихъ нѣсколько дольше.

Поводы къ предостереженіямъ, постигшимъ «Москву» были довольно разнообразны. Мы встрѣчаемъ между ними и «неточное и одностороннее толкованіе полицейскихъ распоряженій», и «рѣзкое порицаніе правительственныхъ мѣропріятій по важному предмету государственнаго правосудія (смертной казни)», и «сопоставленіе нѣкоторыхъ тарифныхъ статей о привозимыхъ припасахъ, очевидно неимѣющихъ никакого отношенія къ продовольственнымъ нуждамъ рабочаго населенія, съ преувеличеннымъ изображеніемъ этихъ нуждъ, по случаю бывшаго въ нѣкоторыхъ губерніяхъ неурожая». Но главныхъ причинъ строгости мы находимъ три: неуваженіе къ закону о печати и основаннымъ на немъ распоряженіямъ,—возбужденіе вражды въ одной части населенія противъ другой, — и рѣзкія или неправильныя сужденія о существующихъ у насъ отношеніяхъ между церковью и правительствомъ и между различными церквами. Но если «Москва» дѣйствительно отзывалась съ неуваженіемъ о законѣ или законныхъ распоряженіяхъ администраціи, то что̀ же мѣшало начать противъ нея судебное преслѣдованіе по ст. 1035 Уложенія о

наказаніяхъ? Это имѣло бы по крайней мѣрѣ ту хорошую сторону, что учрежденіе, завѣдующее примѣненіемъ закона о печати, не явилось бы судьею въ своемъ собственномъ дѣлѣ, что оно отклонило бы отъ себя тяжелую обязанность самозащиты. Возбужденіе вражды въ одной части населенія противъ другой также составляетъ преступленіе, предусмотрѣнное уголовнымъ закономъ (Улож. о Наказ. ст. 1036); и здѣсь, поэтому, трудно понять предпочтеніе, данное административному взысканію передъ судебнымъ. Что касается до самой сущности этого обвиненія, то оно основано, безъ сомнѣнія, на статьяхъ «Москвы», о такъ-называемомъ остзейскомъ вопросѣ. Допустимъ, что въ нихъ есть преувеличенія, односторонніе взгляды, даже фактическія ошибки; но гдѣ же опасность, которою онѣ угрожаютъ спокойствію государства, гдѣ же вредъ, который онѣ могутъ принести его интересамъ? Развѣ желаніе ускорить достиженіе цѣли, къ которой идетъ сама правительственная власть, заключаетъ въ себѣ что-нибудь предосудительное, преступное? Нетерпѣніе, въ подобныхъ случаяхъ, можетъ быть признано неблагоразумнымъ, непрактичнымъ; но противъ стремленій, только неблагоразумныхъ и непрактичныхъ, незачѣмъ прибѣгать къ мѣрамъ административныхъ взысканій. Конечно, когда въ одной изъ областей государства разноплеменныя населенія, почти одинаковыя по численной силѣ, проникнуты вѣковою враждою, не разъ уже обращавшеюся въ открытую междоусобную распрю, тогда правительство обязано сдерживать законными средствами обѣ спорящія стороны, сдерживать ихъ даже въ словахъ, отъ которыхъ при такой обстановкѣ слишкомъ легокъ переходъ къ дѣлу; но таково-ли положеніе вещей въ остзейскихъ губерніяхъ? Русское населеніе ихъ — а къ нему только одному можетъ обращаться русская журналистика — слишкомъ незначительно, чтобы можно было опасаться столкновенія между нимъ и населеніемъ нѣмецкимъ. Данныхъ, матеріаловъ для такого столкновенія прошедшее не представляетъ; племенной ненависти между русскими и нѣмцами никогда не существовало.

По церковному вопросу, требованія «Москвы» касались преимущественно двухъ пунктовъ: бо̀льшей независимости православной церкви отъ свѣтской власти и бо̀льшей терпимости въ отношеніи къ другимъ христіанскимъ исповѣданіямъ. Исходя изъ другого источника, эти требованія, не смотря на всю ихъ умѣренность и справедливость, могли бы, пожалуй, показаться направленными противъ господствующаго положенія православной церкви; но въ данномъ случаѣ за отсутствіе такихъ намѣреній ручалось все прошедшее редактора «Москвы» и его литератур-

ной партіи. Изъ рядовъ этой партіи вышли Кирѣевскій, Хомяковъ, Константинъ Аксаковъ, Новиковъ (авторъ изслѣдованія о Гусѣ и Лютерѣ); въ ея средѣ православная церковь всегда находила не только пассивную преданность, но и активную поддержку. Для людей этой партіи бо́льшая независимость православной церкви отъ свѣтской власти означаетъ только устраненіе постороннихъ вліяній, мѣшающихъ иногда исполненію задачъ чисто религіозныхъ. Бо́льшая терпимость въ отношеніи къ другимъ христіанскимъ исповѣданіямъ представляется для нихъ только средствомъ возвысить достоинство православной церкви, не нуждающейся, по ихъ мнѣнію, въ искусственныхъ, внѣшнихъ подпорахъ. Итакъ, въ статьяхъ «Москвы» о церковномъ вопросѣ также не было ничего похожаго на вредное направленіе, если даже и понимать эти слова въ самомъ оффиціальномъ ихъ смыслѣ.

Въ чемъ же заключаются, наконецъ, тѣ тяжкіе проступки «Москвы», за которые она такъ много пострадала, которые сдѣлали невозможнымъ ея дальнѣйшее существованіе и обрекли на безмолвіе цѣлую литературную партію, лучшую представительницу русскаго консерватизма? Мы едва-ли ошибемся, если скажемъ, что «Москвѣ» повредилъ всего больше *тонъ* ея статей. Господство предварительной цензуры пріучило нашу печать къ недомолвкамъ и намекамъ, пріучило ее выражать даже самыя смѣлыя мысли въ самой скромной формѣ, говорить шопотомъ даже тогда, когда это всего менѣе совмѣстно съ содержаніемъ рѣчи. Обычная осторожность печати нарушалась иногда при обсужденіи общихъ, отвлеченныхъ вопросовъ — почти никогда при разборѣ отдѣльныхъ правительственныхъ мѣръ. «Москва» пошла съ самаго начала другою дорогой; она заговорила громко, рѣшительно, называя вещи ихъ настоящими именами, не нарушая приличій, но и не останавливаясь на полусловѣ [1]). Къ этому нужно прибавить, что она никогда не заботилась знать, какъ относится въ данную минуту къ тому или другому вопросу, то или другое изъ высшихъ должностныхъ лицъ; она старалась смотрѣть на все и на всѣхъ съ точки зрѣнія постоянныхъ правительственныхъ интересовъ, такъ или иначе ею понятыхъ, а не случайныхъ, временныхъ административныхъ тенденцій. Эти двѣ черты

---

[1]) Мы должны сдѣлать здѣсь необходимую оговорку. Если «Москва» высказывалась, по многимъ вопросамъ, громче и сильнѣе другихъ журналовъ, то это объясняется самымъ свойствомъ мнѣній, которыхъ она держится. Мы видимъ, къ чему привело «Москву» откровенное выраженіе даже этихъ мнѣній; судя по этому не трудно угадать, какая участь постигла бы другіе журналы, еслибы они послѣдовали примѣру «Москвы». Итакъ, примѣръ «Москвы» не долженъ быть обращаемъ въ упрекъ противъ другихъ журналовъ.

встрѣчаются, хотя и въ измѣненномъ видѣ, и въ дѣятельности «Московскихъ Вѣдомостей». И «Московскія Вѣдомости» говорили иногда съ непривычною откровенностью о предметахъ, о лицахъ, еще недавно стоявшихъ внѣ сферы журнальной критики. Какъ и «Москвѣ», это не прошло имъ даромъ; но вслѣдствіе причинъ, о которыхъ здѣсь нѣтъ надобности распространяться, гроза разразилась надъ ними только однажды и миновала очень скоро. Какъ бы то ни было, судьба «Московскихъ Вѣдомостей» въ 1866, «Москвы»—въ 1867 и 68 г., служитъ живымъ доказательствомъ того, что нѣтъ такой благонамѣренности, нѣтъ такого патріотизма, которые бы гарантировали журналъ, сколько-нибудь независимый, противъ карательныхъ мѣръ административной власти. Повторяемъ, это отсутствіе гарантій зависитъ не отъ лицъ, стоящихъ во главѣ управленія по дѣламъ печати, а отъ самаго свойства системы административныхъ взысканій.

Въ концѣ 1867 г., въ «Сѣверной Почтѣ» появилась статья въ защиту закона 6 апрѣля. Доказывая справедливость и пользу административныхъ взысканій по дѣламъ печати, органъ министерства внутреннихъ дѣлъ утверждалъ, между прочимъ, что «ни одно изданіе не было пріостановлено, на основаніи закона 6-го апрѣля, безъ собственной и очевидно настойчивой на то рѣшимости издателей. Когда объявлено предостереженіе, всякому изданію предстоитъ выборъ между принятіемъ или непринятіемъ его къ соображенію и руководству на будущее время. Въ первомъ случаѣ, предостереженіе не повторяется; въ послѣднемъ — оно не можетъ не повториться. Незнаніемъ предѣловъ, гдѣ начинается рискъ предостереженія и гдѣ наступаетъ его достовѣрность, не могутъ отзываться опытные въ дѣлѣ печати издатели. Этому незнанію можетъ вѣрить только читающая публика, менѣе опытная въ этомъ дѣлѣ. Издатели вѣрно цѣнятъ свои статьи и знаютъ, что и управленіе по дѣламъ печати ихъ оцѣнитъ вѣрно. Если въ этомъ отношеніи возникаютъ сомнѣнія, то источникъ ихъ большею частью заключается не въ вопросѣ: заслуживаетъ ли статья предостереженія или нѣтъ, а въ другомъ вопросѣ: насколько подлежащая власть, предварительно взвѣшивающая съ одной стороны поводы къ предостереженію, съ другой—неудобства, сопряженныя съ принятіемъ этой мѣры и возбужденными ею толками, дастъ перевѣсъ, въ томъ или другомъ случаѣ, тому или другому ряду соображеній». Итакъ, если вѣрить «Сѣверной Почтѣ», всѣ невзгоды, которымъ подвергались наши періодическія изданія со времени введенія въ дѣйствіе закона 6 апрѣля, были чѣмъ-то въ родѣ самоубійства, заранѣе обдуманнаго и приготовленнаго. «С.-Петербургскія Вѣдомости», «Голосъ», «Мо-

сковскія Вѣдомости», «Москва» были пріостановлены только потому, что сами того настойчиво хотѣли. Нашею печатью овладѣлъ внезапно духъ самоистребленія, подъ вліяніемъ котораго даже самые опытные издатели переставали думать о своихъ матеріальныхъ интересахъ. Нужно ли доказывать, что эта странная картина не соотвѣтствуетъ дѣйствительности? Нужно ли доказывать, что ни одинъ журналъ, существованіе котораго хотя сколько нибудь обезпечено, не идетъ добровольно на встрѣчу карательнымъ мѣрамъ, за которыя онъ можетъ такъ дорого поплатиться? Безспорно, бываютъ случаи, когда редакторъ журнала, глубоко убѣжденный въ справедливости извѣстнаго мнѣнія, въ необходимости высказать его прямо и открыто, помѣщаетъ статью, за которою *неизбѣжно* должно слѣдовать предостереженіе; но это случаи рѣдкіе, исключительные, несовмѣстные съ тою осторожностію, къ которой издавна привыкли наши редакціи. *Возможность* предостереженія существуетъ, для каждаго независимаго журнала, въ каждую данную минуту; *вѣроятность* его не поддается никакимъ опредѣленіямъ и разсчетамъ. Къ произволу, господствующему при раздачѣ предостереженій, нельзя примѣниться; изъ прежнихъ примѣровъ нельзя вывести никакого положительнаго правила, потому что между ними нѣтъ внутренней логической связи. Доказательство этому можно найти въ словахъ самой «Сѣверной Почты». Она признаетъ, что рѣшеніе административной власти обусловливается не только содержаніемъ статьи, но и неудобствами, съ которыми можетъ быть сопряжено предостереженіе, толками, которые оно можетъ вызвать. Положимъ, что соображенія послѣдняго рода одержали верхъ надъ первыми, и что административная власть рѣшилась оставить напечатаніе извѣстной статьи безъ послѣдствій, хотя и находила, что за нее слѣдовало бы дать предостереженіе. Мотивы этого рѣшенія остаются, конечно, тайной не только для другихъ редакцій, но и для той, которой угрожало административное взысканіе. Черезъ нѣсколько дней появляется новая статья въ томъ же направленіи и тонѣ, вызванная именно безнаказанностью первой статьи. На этотъ разъ административная власть не встрѣчаетъ, почему бы то ни было, никакихъ препятствій къ принятію строгой карательной мѣры, — и предостереженіе постигаетъ редакцію въ ту минуту, когда она всего меньше его ожидала. Противъ подобныхъ сюрпризовъ безсильна всякая опытность, всякая осторожность. Есть еще другая причина, по которой самое внимательное изученіе предостереженій, прежде данныхъ, оказывается безполезнымъ для редакторовъ и издателей журналовъ: это — крайняя недостаточность и неопредѣленность мотивовъ, на

которыхъ основываются предостереженія. Положимъ, что газета получила предостереженіе за «*рѣзкое* порицаніе правительственнаго мѣропріятія» или за «*голословное* обвиненіе правительственныхъ властей въ произволѣ или неисполненіи закона»; развѣ это предостереженіе поможетъ ей отличать, на будущее время, рѣзкую критику отъ мягкой, голословное обвиненіе отъ доказательнаго? Она не повторитъ, конечно, тѣхъ выраженій, тѣхъ нападокъ, которыя были непосредственнымъ поводомъ предостереженія, — если только въ немъ указанъ этотъ поводъ, т. е. приведены самыя слова, вызвавшія предостереженіе (что̀ бываетъ далеко невсегда); но она останется по прежнему въ недоумѣніи на счетъ того, въ какой степени должно быть доказано обвиненіе, чтобы его не признали голословнымъ, стушевано порицаніе, чтобы его не признали рѣзкимъ. Полнота и ясность мотивовъ немыслима тамъ, гдѣ нѣтъ ни защиты, ни апелляціи; незачѣмъ заботиться о подкрѣпленіи того, чего опровергать никто не въ правѣ.

Въ статьѣ «Сѣверной Почты», о которой мы упомянули выше, выражена, между прочимъ, та мысль, что примѣненіе закона 6 апрѣля не нанесло ущерба нашей безцензурной печати, не пріостановило ея постепеннаго развитія. Число изданій, выходящихъ безъ предварительной цензуры, возрасло въ теченіе двухъ лѣтъ съ 16 до 27. «Рядомъ съ бывшими случаями пріостановленія изданій на извѣстные сроки — прибавляетъ оффиціальная газета, — возникали ходатайства о разрѣшеніи новыхъ изданій. Въ этомъ простомъ фактѣ выражается убѣжденіе въ возможности періодической печати при законѣ 6-го апрѣля». *Возможность* существованія періодической печати при дѣйствіи системы административныхъ взысканій никто никогда и не отвергалъ; но всякій согласится съ тѣмъ, что одною возможностью существованія еще не исчерпываются законныя требованія печати и общества. Періодическая печать была возможна и при дѣйствіи предварительной цензуры; но мы не помнимъ, чтобы кто-нибудь ссылался на этотъ фактъ, какъ на доводъ противъ уничтоженія цензуры. Законъ о печати можетъ быть признанъ удовлетворительнымъ только тогда, когда онъ обезпечиваетъ собою правильное, спокойное развитіе ея. Съ этой точки зрѣнія, увеличеніе числа періодическихъ изданій не служитъ еще, само по себѣ, доказательствомъ въ пользу закона 6-го апрѣля. Для общества важно не число журналовъ, а содержаніе и направленіе ихъ, возможно-полное и свободное обсужденіе ими всѣхъ вопросовъ, занимающихъ общество въ данную минуту. При дѣйствіи системы административныхъ взысканій, осуществленіе этой задачи затрудняется гораздо больше препятствіями закулисными,

незамѣтными для публики, чѣмъ явнымъ противодѣйствіемъ администраціи. О силѣ гнета, тяготѣющаго надъ журналистикой, нельзя судить ни по числу предостереженій, ни по числу журналовъ, пріостановленныхъ или вовсе запрещенныхъ. Ни та, ни другая цифра не даетъ даже приблизительнаго понятія о числѣ статей, оставшихся ненапечатанными, мыслей, оставшихся невысказанными, о массѣ труда, потраченнаго понапрасну, о всемъ томъ, что̀ могла бы сдѣлать журналистика на пользу общества, и чего она не сдѣлала изъ опасенія навлечь на себя гнѣвъ административной власти. Чтобы оцѣнить по достоинству эти невидимые, скрытые результаты системы административныхъ взысканій, стоитъ только припомнить, до чего она довела французскую журналистику въ періодъ времени между 1852 и 1867 годами.

Система административныхъ взысканій, какъ она ни тяжела для печати, имѣетъ несомнѣнное преимущество передъ предварительной цензурой. Несправедливо было бы утверждать, что положеніе нашей періодической литературы не измѣнилось къ лучшему, благодаря закону 6 апрѣля 1865 г. Было время, когда наша литература, несмотря на господство цензуры, пользовалась, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, бо̀льшею свободой, чѣмъ въ 1865—68 г.; но это была, во-первыхъ, свобода въ высшей степени непрочная и эфемерная, во-вторыхъ — ограниченная сферой общихъ, отвлеченныхъ вопросовъ. Уничтоженіе предварительной цензуры уменьшило зависимость печати отъ случайныхъ обстоятельствъ, отъ личнаго произвола, сдѣлало возможнымъ обсужденіе такихъ предметовъ, которые прежде были недоступны для литературы. Такъ, напримѣръ, русская исторія еще недавно останавливалась, для критики, на Екатеринѣ II или даже Петрѣ Великомъ; безпристрастное, научное изслѣдованіе позднѣйшихъ событій началось только послѣ изданія закона 6 апрѣля. Разборъ правительственныхъ распоряженій—и теперь задача нелегкая и небезопасная, но нѣсколько лѣтъ тому назадъ печать не могла о немъ и думать. Опека надъ печатью существуетъ, конечно, и теперь, но она потеряла свой мелочной, придирчивый характеръ; продолжая тяготѣть надъ мыслью, она не отражается, какъ прежде, на каждомъ отдѣльномъ словѣ. Авторъ статьи не рискуетъ болѣе увидѣть ее въ печати съ измѣненіями и дополненіями вовсе не литературнаго свойства. Шагъ впередъ сдѣланъ, однимъ словомъ, довольно большой; но порядокъ вещей, сносный сравнительно съ прошедшимъ, представляется тѣмъ не менѣе крайне ненормальнымъ. Окончательно поставить на ноги русскую печать, уничтожить слѣды ея долговременнаго рабства, возвысить ее на то мѣсто, которое принадлежитъ ей по праву

среди преобразованнаго русскаго общества, можетъ только подчиненіе ея исключительно общему закону и судебной власти. Мы знаемъ, что безусловно-исключительнымъ, по крайней мѣрѣ на первое время, это подчиненіе все-таки не будетъ, что случаи административныхъ взысканій будутъ встрѣчаться и послѣ уничтоженія, de jure, самой системы предостереженій. Но такое переходное положеніе дѣлъ не можетъ быть слишкомъ продолжительно; законъ всегда вступаетъ, мало-по-малу, во всѣ права свои, отступленія отъ него становятся все рѣже и рѣже; появляется убѣжденіе, что для охраны правительственныхъ интересовъ и общественнаго спокойствія нѣтъ надобности въ средствахъ экстралегальныхъ. Вотъ почему мы думаемъ, что отмѣна системы административныхъ взысканій, оставляя въ рукахъ правительства болѣе чѣмъ достаточную власть надъ печатью, была бы для печати пріобрѣтеніемъ въ высшей степени драгоцѣннымъ. Принять на себя всѣ тяжелыя послѣдствія отвѣтственности передъ судомъ наша печать согласилась бы, конечно, съ такою же радостью, съ какою она отказалась отъ безнаказанности, обусловленной подчиненіемъ цензурѣ.

О палліативныхъ мѣрахъ, которыми могла бы быть смягчена система административныхъ взысканій, мы не будемъ говорить подробно именно потому, что слишкомъ глубоко сознаемъ необходимость совершенной ея отмѣны; скажемъ только, что изъ числа этихъ мѣръ самою полезною и справедливою было бы *установленіе срока, по истеченіи котораго предостереженія теряли бы свою силу*. Въ настоящее время, два предостереженія, данныя журналу, могутъ повлечь за собою временное запрещеніе его, хотя бы между вторымъ и третьимъ предостереженіемъ прошло два, три, четыре года. Во Франціи, если мы не ошибаемся, для предостереженій дѣйствовала двухлѣтняя погашающая давность. Не менѣе полезно было бы установить для временного запрещенія журнала тотъ же порядокъ, какой существуетъ для совершеннаго прекращенія изданія, т. е. предоставить какъ то, такъ и другое первому департаменту правительствующаго сената.

Въ слѣдующей статьѣ мы разсмотримъ положеніе другихъ отдѣловъ нашей печати, уголовные законы о проступкахъ печати и судопроизводство по дѣламъ этого рода.

К. Арсеньевъ.

ДАЧА на РЕЙНѢ

РОМАНЪ ВЪ ПЯТИ ЧАСТЯХЪ.

(Переводъ съ рукописи.)

ГЛАВА XI *).

ВИНОГРАДЪ ЦВѢТЕТЪ И НАЛИВАЕТСЯ.

На виноградныхъ горахъ водворилось спокойствіе. Между зеленѣющими рядами лозъ, которые называютъ «строками», не видно болѣе людей. Вѣтви, до сихъ поръ росшія по произволу, теперь тщательно подвязаны, чтобъ не опалъ съ нихъ цвѣтъ, едва замѣтный для глазъ, но распространяющій въ воздухѣ нѣжный ароматъ. Въ настоящій періодъ его произрастанія, винограду особенно нужны—днемъ яркое сіяніе солнца, ночью легкая прохлада. Цвѣту надлежитъ теперь превращаться въ плодъ, который своей полной зрѣлости, силы и сочности достигнетъ не прежде, какъ въ осенніе мѣсяцы. Но лишь только ягоды начнутъ наливаться — пусть дуютъ вѣтры и гремятъ громы: виноградъ окрѣпъ и за будущность его болѣе нечего опасаться. Роландъ и Эрихъ рука объ руку бродили по окрестностямъ, не имѣя въ виду никакихъ посѣщеній или встрѣчъ. Въ городкѣ царствовала такая же точно тишина, какъ и въ отдѣльно стоящихъ домахъ.

Белла, Клодвигъ и Пранкенъ уѣхали въ Гастейнъ, маіоръ

---

*) См. въ 1868 г.: сент. 5; окт. 615; нояб. 142; дек. 595; и въ 1869 г.: янв. 244; февр. 820; мар. 225 стр.

въ Теплицъ, мировой судья съ женой и дочерью въ Киссингенъ. Одинъ докторъ оставался на своемъ посту, но и у того жена отправилась въ гости къ дочери и внукамъ. Еще о поѣздкѣ на воды не было и рѣчи; Эриху и въ голову не приходило, чтобъ онъ могъ остаться съ глазу на глазъ съ Роландомъ, а онъ уже далъ себѣ слово избѣгать, въ первое время своего пребыванія на виллѣ, всякаго рода развлеченій. Онъ хотѣлъ исключительно и безпрепятственно посвятить себя Роланду и съ ранняго утра и до поздней ночи ни на минуту его не покидалъ.

Тому, кто живетъ въ тѣсной связи съ природой, удается до малѣйшаго оттѣнка изучить всѣ переливы свѣта и тѣней, какъ онѣ ложатся и играютъ на живописномъ ландшафтѣ. Такъ точно и человѣкъ, постоянно находящійся въ обществѣ другого человѣка привыкаетъ отличать малѣйшія движенія его души. Онъ видитъ, какъ въ немъ мгновенно вспыхиваетъ искра того или другого чувства, какъ она мало-по-малу разгорается, освѣщаетъ все его существо и набрасываетъ на него совершенно новый свѣтъ. Отъ вниманія Эриха не ускользнуло, что Роланда иногда тревожили воспоминанія объ удовольствіяхъ, которыхъ онъ лишился, отказавшись отъ поѣздки на воды. Но мальчикъ явно боролся съ собой и старался не выходить изъ круга своихъ обязанностей. Правда, это ему не всегда удавалось, и онъ по временамъ возмущался, но Эрихъ смотрѣлъ на подобнаго рода вспышки съ его стороны, какъ на послѣднія попытки взросшаго на свободѣ коня освободиться отъ узды, которою онъ, немного спустя, самъ начнетъ щеголять.

Эрихъ внесъ въ занятія своего воспитанника три совершенно различные элемента. Онъ продолжалъ читать съ нимъ біографію Франклина, желая показать ему всего человѣка въ его постепенномъ развитіи. Они такимъ образомъ дошли до описанія общественной и политической дѣятельности Франклина, которая, конечно, не могла еще быть вполнѣ понята и оцѣнена Роландомъ. Но Эрихъ желалъ, чтобъ мальчикъ теперь же о ней узналъ, въ убѣжденіи, что, даже на половину понятое молодымъ умомъ, непремѣнно оставляетъ въ немъ слѣды. Бѣлый домикъ въ Вашингтонѣ занялъ въ воображеніи Роланда мѣсто на ряду съ аѳинскимъ Акрополемъ и римскимъ Капитоліемъ, и мальчикъ нерѣдко говорилъ о своемъ намѣреніи со временемъ съѣздить ему поклониться.

Но когда въ біографіи Франклина рѣчь зашла объ основаніи американской республики и о составленіи законовъ для управленія страной, Роландъ какъ будто началъ утомляться, и Эриху не малаго труда стоило поддержать въ немъ вниманіе. Для бо-

лѣе полныхъ и серьезныхъ свѣдѣній объ этомъ предметѣ Эрихъ избралъ «Исторію Америки» Банкрофта. Кромѣ того они еще читали «Жизнеописаніе Красса» Гутреха, и «Пѣснь о Гайаватѣ» Лонгфелло. Чуть ли не самое глубокое и сильное впечатлѣніе произвела на мальчика эта поэма, въ которой такъ выразился весь романтизмъ индѣйцевъ и улеглась вся героическая эпоха ихъ существованія, съ такой полнотой и отчетливостью, что ее никакъ нельзя считать произведеніемъ одного лица, но видишь въ ней созданіе цѣлаго народа. Гайавата изобрѣтаетъ парусъ, дѣлаетъ рѣку судоходной, уничтожаетъ болѣзнь. Но Роланда болѣе всего поразили постъ Гайаваты и происходящее отъ поста лихорадочное, возбужденное состояніе, въ которомъ онъ какъ бы отрѣшается отъ земли.

— Это можетъ сдѣлать только человѣкъ! воскликнулъ Роландъ.

— Что такое? спросилъ Эрихъ.

— Только человѣкъ можетъ поститься и добровольно лишать себя пищи.

Изъ этого міра фантазіи они снова переходили въ область дѣйствительности и занимались основаніемъ великой американской республики. Тутъ опять выступалъ на сцену Франклинъ, повидимому сдѣлавшійся центромъ всѣхъ помысловъ Роланда, а рядомъ съ нимъ являлся и Джефферсонъ, первый, не только возвѣстившій законы о незыблемости человѣческихъ правъ въ общественномъ строю, но и вложившій ихъ въ основаніе всякаго отдѣльнаго существованія. Передъ глазами Эриха и Роланда проходили одинъ за другимъ эти, — какъ ихъ называетъ Фридрихъ Коппъ,—робинзоновскіе подвиги въ большихъ размѣрахъ, благодаря которымъ сложилось новое цивилизованное государство. Но въ то же время передъ ними возставала и та непредусмотрительная слабость, которая, не уничтоживъ разомъ невольничества, завязала крѣпкій узелъ, нынѣ съ такимъ трудомъ развязывающійся.

— А ты, какъ думаешь, спросилъ Роландъ: негры такіе же люди какъ мы?

— Безъ сомнѣнія. Они подобно намъ одарены способностью говорить, и мыслятъ точно также, какъ мы.

— Я какъ-то разъ слышалъ, что они не могутъ учиться математикѣ, замѣтилъ Роландъ.

— Это для меня новость, а съ твоей стороны, тутъ должна быть ошибка.

Эрихъ поспѣшилъ прекратить этотъ разговоръ, избѣгая набросить хоть малѣйшую тѣнь на Зоннекампа, владѣвшаго боль-

шими плантаціями, которыя воздѣлывались невольниками. Достаточно уже и того, что въ душѣ мальчика возникали вопросы.

Особенно пріятно и полезно было для Эриха и для Роланда то, что имъ вскорѣ представился случай вмѣстѣ учиться. Постройки въ замкѣ производились архитекторомъ весьма искуснымъ въ своемъ дѣлѣ и счастливымъ тѣмъ, что ему, не смотря на его молодость, поручили такую большую и интересную работу. Онъ отличался сообщительнымъ характеромъ и охотно дѣлился своими свѣдѣніями. Замокъ, подобно многимъ другимъ на Рейнѣ, былъ ровно за сто лѣтъ до французской революціи разрушенъ стоявшими въ то время въ Германіи войсками Людовика XIV. Въ одной башнѣ виднѣлись еще остатки римскихъ построекъ,—часть стѣны, которую архитекторъ называлъ литой стѣной.

— Что такое литая стѣна? спросилъ Роландъ.

Архитекторъ объяснилъ, что она состоитъ изъ двухъ рядовъ гладкихъ плитъ, между которыми безо всякой системы набросаны каменья, облитыя для связи между собой известковымъ растворомъ. Только въ одной трети башни виднѣлись отверстія и просвѣты, а двѣ другія ея трети представляли сплошную массу камня. На замокъ съ давнихъ поръ смотрѣли какъ на богатую каменоломню, вслѣдствіе чего особенно пострадали углы зданія, такъ какъ они были сложены изъ самаго лучшаго камня. Все вокругъ поросло кустарникомъ, жилая часть зданія совсѣмъ исчезла, а самая крѣпость римскаго происхожденія была перестроена во вкусѣ десятаго вѣка. Найденный въ архивѣ рисунокъ не представлялъ ничего болѣе характеристичнаго, чѣмъ можно было угадать изъ отдѣльныхъ камней и угловъ, по которымъ архитекторъ воспроизводилъ цѣлое зданіе. Онъ особенно радовался тому, что ему удалось найти источникъ.

Сношенія съ человѣкомъ, посвятившимъ себя спеціальной дѣятельности, имѣли на Роланда хорошее вліяніе. Онъ очень прилежно слѣдилъ за ходомъ построекъ и вмѣстѣ съ Эрихомъ пользовался объясненіями архитектора, въ видѣ награды за хорошо исполненный утренній трудъ, а иногда и самъ принималъ участіе въ работахъ. Онъ любилъ мечтать о томъ времени, когда станетъ жить одинъ въ этомъ самомъ замкѣ, и ему теперь пріятно было участвовать въ его построеніи.

Эрихъ и Роландъ постоянно каждую субботу присутствовали въ крѣпости при раздачѣ жалованья каменьщикамъ и другимъ работникамъ. За часъ до этого работы прекращались, изъ сосѣдняго городка являлся цирюльникъ и брилъ каменьщиковъ, которые вслѣдъ затѣмъ умывались въ источникѣ. Приходила еще

сюда булочница, и всѣ работники собирались подъ навѣсъ маленькаго домика, гдѣ жилъ управляющій. Роландъ нерѣдко находился тутъ же въ его комнатѣ, слышалъ слова: «тебѣ слѣдуетъ получить столько-то или столько-то», и видѣлъ грубыя, мозолистыя руки, принимавшія деньги. Иной разъ онъ оставался подъ навѣсомъ въ толпѣ работниковъ, или нѣсколько въ сторонѣ, наблюдая надъ ними. Особенно занимали его мальчики его лѣтъ, работавшіе изъ-за хлѣба, и онъ всегда очень привѣтливо отвѣчалъ на ихъ поклоны. Бо́льшая часть изъ нихъ уносили подъ мышкой завернутые въ платокъ хлѣба̀ и весело расходились по своимъ деревнямъ. Иногда издали слышалось ихъ пѣніе.

Эрихъ зналъ, что это сближеніе Роланда съ жизнью, для него чуждой, противорѣчило взглядамъ и убѣжденіямъ Зонненкампа. Онъ слышалъ, какъ тотъ однажды говорилъ: «Кто строитъ себѣ за̀мокъ, то́му не слѣдъ знакомиться съ подробностями жизни извощиковъ». Но Эрихъ тѣмъ не менѣе считалъ себя не вправѣ мѣшать Роланду вступать въ сношеніе съ людьми, существованіе которыхъ не походило на его собственное. Онъ хорошо понималъ, что̀ выражалось въ большихъ глазахъ мальчика, когда они однажды сидѣли вдвоемъ на одномъ изъ выступовъ крѣпости. То было воскресное утро, въ воздухѣ носился запахъ травы, а надъ горой и долиной гудѣлъ колоколъ. Взоръ мальчика, устремленный на возвращавшихся изъ церкви работниковъ, мозолистыя руки которыхъ онъ видѣлъ не далѣе какъ наканунѣ, свидѣтельствовалъ о настроеніи духа, не допускающемъ человѣка погружаться въ жестокое равнодушіе къ его ближнимъ. Эрихъ былъ счастливъ, видя, какъ мало-по-малу развивались нравственныя и умственныя силы его воспитанника. Онъ боялся помѣшать свободному всходу бросаемыхъ въ душу мальчика сѣменъ и всячески избѣгалъ преждевременно выводить ихъ на свѣтъ.

Однажды вечеромъ они снова сидѣли у крѣпости. Солнце уже зашло, но на горахъ еще покоились послѣдніе лучи вечерней зари, между тѣмъ какъ деревня, съ ея синеватыми шиферными кровлями и выходившими изъ трубъ тонкими струйками дыма, казалась подернутой туманомъ.

— Желалъ бы я знать, сказалъ Роландъ: — каково̀ теперь въ Америкѣ? Вѣдь тамъ нѣтъ такихъ за̀мковъ?

Эрихъ обрадовался случаю прочесть Роланду слѣдующіе стихи Гёте:

Amerika, du hast es besser,
Als unser Continent, das alte,
Hast keine verfallene Schlösser

Und keine Basalte.
Dich stört nicht im Innere,
Zu lebendiger Zeit
Unnützes Erinnern
Und vergeblicher Streit!
Benutzt die Gegenwart mit Glück!
Und wenn nun Eure Kinder dichten,
Bewahre sie ein gut Geschick
Vor Ritter, Räuber und Gespenstergeschichten.

т. е.: «Америка, ты имѣешь преимущество надъ нашимъ древнимъ континентомъ. У тебя нѣтъ зàмковъ въ развалинахъ, нѣтъ базальтовыхъ столбовъ. Тебя, посреди твоей дѣятельности, не тревожатъ ни безплодныя воспоминанія, ни тщетные споры. Наслаждайся настоящимъ! А если дѣти твои вздумаютъ писать стихи, то да избавитъ ихъ судьба отъ разсказовъ о рыцаряхъ, разбойникахъ и привидѣніяхъ!»

Роландъ тутъ же выучилъ эти стихи наизусть и выразилъ желаніе узнать что-нибудь о Гёте. Эрихъ часто во время прогулокъ декламировалъ ему стихи этого поэта, въ которыхъ, какъ будто не человѣкъ рисуетъ природу, а она сама говоритъ отъ своего имени.

Такимъ образомъ, къ разумнымъ, спокойнымъ воззрѣніямъ на жизнь Веньямина Франклина, къ «Пѣснѣ о Гайаватѣ» и къ «Жизнеописанію Красса» присоединился еще могучій духъ Гёте. Роландъ охотно поддавался вліянію этихъ различныхъ геніевъ, посреди которыхъ онъ постоянно жилъ. Эрихъ вообще пользовался всякимъ удобнымъ случаемъ, чтобъ приводить цитаты, какъ изъ древнихъ классическихъ, такъ и изъ своихъ отечественныхъ поэтовъ. Передъ Роландомъ, благодаря удивительной памяти его наставника, возникло какъ бы предчувствіе того, что всякая жизнь имѣетъ, такъ сказать, двойную почву, и въ немъ пробудилось стремленіе встать твердой ногой на ту изъ нихъ, которая окажется болѣе твердой.

Разъ какъ-то Эрихъ и Роландъ сидѣли въ полѣ. Неподалеку отъ нихъ заяцъ щипалъ траву, дѣлалъ нѣсколько прыжковъ въ сторону и опять принимался щипать.

— Какой заяцъ трусъ! замѣтилъ Роландъ; — да и не мудрено: у него нѣтъ никакихъ не только наступательныхъ, но и оборонительныхъ средствъ. Онъ можетъ спасаться только бѣгствомъ.

Эрихъ утвердительно кивнулъ головой, а Роландъ продолжалъ:

— Почему собака врагъ зайца?

— Что ты хочешь этимъ сказать?

— Я хочу сказать, что если собака и лисица враги — это

понятно: и та другая кусаются. Но я рѣшительно не вижу причины, почему собака ненавидитъ зайца и преслѣдуетъ его, тогда какъ онъ только и умѣетъ что прыгать.

Вопросы Роланда, не смотря на всю ученость Эриха, иногда ставили его въ затруднительное положеніе, изъ котораго онъ выходилъ только съ помощью догадки или предположенія.

— Я полагаю, сказалъ онъ, что собака въ дикомъ состояніи, подобно лисицѣ, питалась преимущественно беззащитными животными. Собака, въ сущности, есть не что иное, какъ сдѣлавшаяся ручной сестра лисицы. Но нравы ея настолько смягчились, что она, убивая зайцевъ, уже болѣе не ѣстъ ихъ. Травоядныя животныя живутъ на открытомъ воздухѣ и не прячутся, а хищные звѣри скрываются въ норахъ.

Мальчикъ въ теченіи нѣсколькихъ минутъ молчалъ, потомъ вдругъ воскликнулъ:

— Удивительно!

— Что такое удивительно?

— Ты будешь надо мной смѣяться, но мнѣ пришло въ голову... и лице мальчика освѣтилось прелестной улыбкой, а на щекахъ его и подбородкѣ заиграли ямочки: — у дикихъ звѣрей нѣтъ назначенныхъ часовъ для принятія пищи; они ѣдятъ цѣлый день, но мы, люди, пріучили собакъ ѣсть только въ извѣстные часы дня.

— Дѣйствительно, замѣтилъ Эрихъ: — у людей, съ переходомъ отъ дикаго состоянія къ цивилизованному, является и раздѣленіе времени на извѣстные, болѣе или менѣе длинные періоды.

И Эрихъ, по возможности кратко, опуская всѣ излишнія подробности, объяснилъ своему воспитаннику, что̀ значитъ измѣреніе времени и какъ для этого была извлечена изъ міра планетъ цѣлая система, которую и примѣнили къ человѣческой жизни.

Этотъ разговоръ повелъ между прочимъ къ тому, что Роландъ пожелалъ установить въ своихъ занятіяхъ строгій порядокъ. Онъ не хотѣлъ болѣе, чтобъ время его оставалось не распредѣленнымъ, и это было съ его стороны важнымъ шагомъ впередъ. То, что̀ до сихъ поръ казалось ему тиранствомъ, превратилось теперь въ законъ, который онъ самъ себѣ предписалъ.

Прошло нѣсколько недѣль, и Роландъ, по желанію Эриха, отказался отъ общества своихъ любимѣйшихъ товарищей. Въ ихъ прогулкахъ по полямъ и къ за̀мку обыкновенно участвовали собаки. Эрихъ всегда охотно отвѣчалъ на всѣ распросы своего воспитанника, но тотъ не всегда съ одинаковымъ вниманіемъ

выслушивалъ его объясненія. Мальчикъ никакъ не могъ вполнѣ сосредоточиться и взоръ его безпрестанно обращался къ собакамъ, которыя, то умильно на него поглядывали, стараясь привлечь на себя его вниманіе, то пускались бѣгать по полямъ. Эриху не малаго труда стоило убѣдить Роланда оставлять собакъ дома. Онъ не то, чтобъ приказалъ ему это, но нѣсколько разъ на вопросы Роланда отвѣчалъ, что не можетъ говорить съ тѣмъ, кто, то и дѣло, развлекается собаками, ихъ прыжками и лаемъ. Наконецъ, мальчикъ однажды рѣшился оставить ихъ дома. По готовности, съ какой Эрихъ тогда сталъ отвѣчать на его вопросы, Роландъ понялъ, что онъ былъ имъ доволенъ и хотѣлъ его вознаградить. Эрихъ въ своихъ объясненіяхъ касался почти всѣхъ отраслей науки, остерегаясь только предлагать своему воспитаннику слишкомъ много толкованій разомъ. А нѣкоторые вопросы онъ пока оставлялъ даже вовсе безъ отвѣта, откладывая разрѣшеніе ихъ до болѣе удобнаго времени. Онъ старался, чтобъ мальчикъ всегда самъ изъ всего выводилъ свои заключенія.

Вдали растилается поле, а за нимъ далеко тянутся виноградники. Разсѣянныя въ воздухѣ и скрывающіяся въ землѣ силы, всѣ соединяются и превращаются въ соки, необходимые для питанія плода, а рѣка, спокойно катящая свои волны, придаетъ ему таинственную крѣпость и упоительный ароматъ. Виноградъ растетъ и съ каждымъ днемъ, съ каждою ночью приближается къ зрѣлости. Солнечное сіяніе, росистая прохлада, дождь и гроза быстро чередуются, а виноградъ ростетъ себѣ да ростетъ, и хотя не замѣтно для глаза, но неуклонно стремится къ цѣли, назначенной ему природой.

Кто можетъ сказать, что̀ образуетъ и развиваетъ человѣческую душу? Есть ли возможность указать, что̀ именно въ такой-то день и такой-то часъ было вызвано Эрихомъ въ Роландѣ? Жизнь слагается подъ вліяніемъ непрерывнаго ряда откровеній, которыя незамѣтно, но неотразимо на нее дѣйствуютъ. Эрихъ и Роландъ каждое утро и каждый вечеръ присутствовали при орошеніи полей и при поливаніи цвѣтовъ и растеній въ кадкахъ и горшкахъ. Иногда они сами помогали садовникамъ, и наблюдая надъ развитіемъ этой посторонней для нихъ жизни, чувствовали особаго рода удовольствіе. Имъ казалось, что они, содѣйствуя освѣженію цвѣтовъ и кустарниковъ, какъ бы совершаютъ доброе дѣло.

— Не можешь ли ты мнѣ сказать, робко спросилъ однажды Роландъ: — зачѣмъ розѣ даны шипы?

— Зачѣмъ? повторилъ Эрихъ, ужъ конечно не затѣмъ, чтобъ

они кололи людей. Бабочки и пчелы не терпятъ вреда ни отъ шиповъ розы, ни отъ иглъ репейника, а только пользуются ихъ пылью и сокомъ и составляютъ изъ нихъ медъ. Природа въ творчествѣ своемъ не думаетъ примѣняться къ устройству человѣческихъ мускуловъ и вообще ни мало не заботится о человѣкѣ. Всякій предметъ, всякое явленіе существуютъ прежде всего для самихъ себя, а для насъ имѣютъ всего настолько значенія, насколько мы сами умѣемъ извлекать изъ нихъ пользы или удовольствія. Но Роландъ,—прибавилъ онъ, замѣчая что мальчикъ какъ будто не совсѣмъ его понялъ: ты дурно поставилъ вопросъ. Для чего? Почему? Такой вопросъ можетъ существовать для насъ съ тобой, но никакъ не для розы.

Паркъ и садъ зеленѣютъ и цвѣтутъ; все въ нихъ въ порядкѣ и спокойно ожидаетъ возвращенія хозяина. Въ Роландѣ тоже разводился своего рода садъ. Но будутъ ли когда-нибудь цвѣты и плоды, которые теперь въ немъ такъ тщательно стараются взрастить, служить усладой для его ближнихъ?

Соловьи въ паркѣ умолкли, избытокъ благоуханія отъ деревьевъ въ цвѣту разсѣялся; на всей окрестности лежала лѣтняя благодать и довольство.

Дни проходили въ оживленныхъ занятіяхъ, а по вечерамъ Эрихъ и Роландъ часто гуляли. Они обыкновенно избирали для прогулки дорогу, которая шла въ гору и любовались ландшафтомъ облитымъ луннымъ свѣтомъ. Мѣстами ложилась и рѣдко выдѣлялась тѣнь отъ холмовъ, внизу сверкала рѣка, а въ небѣ блистали звѣзды. Вся мѣстность была погружена въ невозмутимую тишину, и Эрихъ съ Роландомъ, наслаждаясь, вдыхали въ себя ночную прохладу. Они почти всегда совершали эти прогулки верхомъ и въ глубокомъ молчаніи. Въ такія минуты человѣкъ любитъ погружаться въ самого себя, онъ весь отдается мечтамъ и становится особенно чутокъ къ красотамъ природы.

Виноградъ вбираетъ въ себя сокъ изъ земли, пьетъ растворенную въ воздухѣ влагу, а въ душѣ мальчика, между тѣмъ, подъ вліяніемъ внѣшнихъ обстоятельствъ возникаютъ и зрѣютъ жизненныя силы.

ГЛАВА XII.

РАДОСТИ И ПЕЧАЛИ НА ОХОТѢ.

Эрихъ сильно заботился о томъ, чтобъ не развить въ смѣломъ и воспріимчивомъ мальчикѣ склонность къ мечтательности. Съ этою цѣлью онъ, серьезныя, умственныя занятія всегда перемѣшивалъ съ движеніемъ на открытомъ воздухѣ и разнаго рода тѣлесными упражненіями. Роландъ фехтовалъ, ѣздилъ верхомъ, плавалъ, управлялъ лодкой, и Эрихъ былъ очень доволенъ тѣмъ, что могъ самъ его во всемъ этомъ руководить, не прибѣгая къ посторонней помощи. Такимъ образомъ, мальчикъ жилъ исключительно въ его обществѣ и онъ пріобрѣталъ надъ нимъ все болѣе и болѣе вліянія.

Однако онъ пригласилъ школьнаго учителя Фасбендера давать Роланду уроки въ межеваніи. Фасбендеръ былъ въ этомъ дѣлѣ очень свѣдущъ и искусенъ, но выводилъ Эриха изъ себя подобострастнымъ обращеніемъ съ Роландомъ. Однажды Фасбендеръ замѣтилъ, что разскажетъ своему другу Кнопфу о томъ, какъ теперь прилежно занимается его бывшій ученикъ. Роландъ отвѣчалъ нетерпѣливымъ движеніемъ головы. Онъ видимо ничего не хотѣлъ знать о Кнопфѣ. Съ именемъ послѣдняго у него какъ будто соединялось непріятное воспоминаніе, которое онъ не желалъ открывать Эриху.

Въ числѣ другихъ забавъ, Эрихъ не забылъ устроить для Роланда стрѣльбу въ цѣль. Вообще онъ не хотѣлъ лишать мальчика любимыхъ удовольствій на открытомъ воздухѣ, но только требовалъ, чтобъ они всегда слѣдовали за умственными занятіями, а не предшествовали имъ.

Не легкой задачей было умѣрить въ Роландѣ его страсть къ охотѣ, тѣмъ болѣе, что Эрихъ не хотѣлъ ее совсѣмъ въ немъ уничтожить, но только старался ввести ее въ надлежащія границы. Теперь, въ самый разгаръ лѣта, настала пора охотиться за дикими кроликами, о чемъ и объявилъ Роланду ловчій. Прежніе наставники мальчика всегда отпускали его одного съ Клаусомъ, но на этотъ разъ Эрихъ самъ съ нимъ отправился. Роландъ какъ бы встрепенулся и въ немъ закипѣла новая жизнь, когда они всѣ вмѣстѣ начали перебираться черезъ виноградныя горы.

Вниманіе Эриха было сильно возбуждено разсказомъ ловчаго о томъ, какъ Манна, будучи еще маленькой дѣвочкой, а потомъ и взрослой дѣвушкой, всегда сопровождала на охоту отца. Она

была отличная наѣздница и вообще славилась своей неустрашимостью. Собакъ ея звали Роза и Репейникъ, и обѣ, услышавъ теперь какъ произносили имя Манны, навострили уши и стали тревожно оглядываться.

Эриху очень хотѣлось распросить, почему эта столь отважная дѣвушка, любившая охоту и верховую ѣзду, вдругъ удалилась въ монастырь, гдѣ вела жизнь отшельницы. Воображеніе рисовало ему двѣ совершенно различныя картины. На одной онъ видѣлъ дѣвушку съ ружьемъ черезъ плечо, за которой шли слѣдомъ двѣ собаки,—на другой крылатое видѣніе, представшее ему въ монастырскомъ корридорѣ. Но онъ остерегался распрашивать Роланда, а теперь, слушая ловчаго, сдѣлалъ видъ, будто все это уже давно ему извѣстно.

Зонненкампъ, уѣзжая, оставилъ въ распоряженіи Роланда тѣхъ двухъ любимыхъ собакъ Манны. Собаки были небольшого роста, но съ крѣпкой грудью и необыкновенно развитымъ хребтомъ. Онѣ повидимому понимали похвалы, расточаемыя имъ Роландомъ. Та изъ нихъ, которая была поменьше, самка, съ красными губами и почти постоянно разодранной кожей на головѣ, умильно лизала ему руки, а когда ловчій упрекнулъ ее въ непослушаніи, она печально понурила голову. Другая собака, повыше ростомъ, самецъ, прозванный Репейникомъ, изрѣдко поглядывала на Роланда сверкающими глазами. Мальчикъ говорилъ, что Репейникъ слушается только тѣхъ приказаній, которыя произносятся на англійскомъ языкѣ. И дѣйствительно, когда онъ вслѣдъ затѣмъ крикнулъ собакѣ: «назадъ!» та посмотрѣла на него, какъ будто была глуха. Но лишь только онъ закричалъ: «come back»!—Репейникъ мгновенно, ровно на футъ отступилъ назадъ и остановился.

Проходя мимо низенькаго дуба, Роландъ схватилъ одну изъ его вѣтокъ и качая ее, воскликнулъ: «hang!» Репейникъ сдѣлалъ быстрый прыжокъ, вцѣпился въ вѣтку зубами и оставался на ней висѣть, пока Роландъ не позволилъ ему выпустить вѣтку.

Роза повторила ту же штуку только еще съ большей ловкостью. Вися на вѣткѣ, она очертила въ воздухѣ нѣсколько круговъ, а опускаясь на землю, откусила эту самую вѣтку и принесла ее Роланду.

Мальчикъ и собаки, казалось, были очень довольны другъ другомъ.

Вскорѣ они достигли жилища ловчаго, захватили тамъ съ собой двухъ ручныхъ хорьковъ въ корзинкѣ и отправились далѣе. На опушкѣ лѣса Роландъ вынулъ изъ корзинки хорошень-

кихъ желтыхъ звѣрьковъ, которые двигались быстро, какъ змѣйки, надѣлъ на нихъ намордники и осыпалъ ихъ ласками и поцѣлуями. Углубившись далѣе въ лѣсъ, охотники набрели на множество маленькихъ норокъ. Тутъ они разставили сѣти и пустили въ нихъ принесенныхъ съ собою ручныхъ хорьковъ. Роландъ, съ любопытствомъ слѣдилъ за Эрихомъ, пока тотъ срѣзалъ съ дерева вѣтки и прикрѣплялъ ими сѣть. Вскорѣ послышался легкій шорохъ, и изъ норокъ, прямо въ сѣть, выскочило нѣсколько дикихъ хорьковъ. Собаки быстро на нихъ кинулись и закусали ихъ до смерти. Затѣмъ ручные хорьки были вторично выпущены, охотники встали рядомъ и выстрѣлили. Роландъ сдѣлалъ промахъ, а Эрихъ попалъ прямо въ цѣль.

Эрихъ былъ далекъ отъ того, чтобъ раскрывать Роланду глаза на счетъ жестокости этой охоты, гдѣ собаки бросаются на выбивающихся изъ сѣтей хорьковъ, и до тѣхъ поръ ихъ кусаютъ, пока бѣдные звѣрки не издохнутъ въ ихъ зубахъ. Онъ самъ былъ настолько охотникъ, что не видѣлъ въ этомъ ничего предосудительнаго, а ловчій придавалъ всей охотѣ еще болѣе жестокій характеръ бранью, которой немилосердно осыпалъ хорьковъ, называя ихъ чертенятами за то, что они роютъ и разоряютъ виноградники и хлѣбныя поля. Онъ забавно передразнивалъ мужика, который, думая попасть въ звѣрка, бьетъ палкой по землѣ и кричитъ: «ага, наконецъ-то я тебя поймалъ, проклятый!»

Они пошли далѣе. Вдругъ Роза быстро шмыгнула въ отверстіе довольно большой норы и вскорѣ раздался ея лай изъ-подъ земли: она нашла лисицу. Охотники остановились и стали караулить, отправивъ вслѣдъ за Розой и Репейника, который тоже яростно залаялъ подъ землей. Но лисица, не показывалась, а вмѣсто нея изъ норы выскочила Роза съ ободранной спиной, взглянула на охотниковъ и снова скрылась. Изъ норы раздавался лай и визгъ, наконецъ изъ нея вышли собаки, обѣ окровавленныя, но лисицы съ ними не было. Охотники еще нѣсколько времени тщетно прождали ее.

— Онѣ ее задушили, сказалъ ловчій: — мы ее ужъ не увидимъ.

Роландъ былъ очень озабоченъ плачевнымъ состояніемъ собакъ, но ловчій его успокоилъ, говоря что это ничего и онѣ скоро оправятся. Роландъ выразилъ тогда свое удивленіе, почему собаки могутъ до смерти закусать лисицу, у которой такіе же точно острые зубы, какъ и у нихъ. Ловчій въ отвѣтъ только пожалъ плечами, но Эрихъ сказалъ:

— Лисица кусаетъ больно, но не глубоко.

Роландъ бросилъ на Эриха изумленный взглядъ. Этотъ человѣкъ все знаетъ и всему можетъ его научить! Всѣ познанія Эриха, взятыя вмѣстѣ, не производили на него такого сильнаго впечатлѣнія, какъ это простое замѣчаніе.

Хорьковъ еще разъ выпустили у входа въ новую норку. Оба въ нее вошли, но вернулся изъ нея только одинъ. Охотники долго ждали его, но онъ не показывался. Роландъ не могъ утѣшиться въ потерѣ хорошенькаго звѣрка, котораго онъ такъ съумѣлъ пріучить къ себѣ. Когда же Эрихъ замѣтилъ, что хорьку предстоитъ умереть съ голоду, такъ какъ онъ скрылся съ намордникомъ, Роландъ вдругъ присмирѣлъ. Немного спустя, онъ вынулъ изъ корзинки другого звѣрька, выпустилъ его въ лѣсъ, прицѣлился и убилъ его на повалъ. Не говоря ни слова и не оглядываясь на убитаго хорька, онъ пошелъ далѣе, какъ-то странно поглядывая на ружье. Эрихъ подумалъ и не ошибся, что мальчикъ теперь не скоро рѣшится его зарядить.

Послѣ этой охоты Роландомъ овладѣла какая-то тоска и равнодушіе ко всему. Онъ сдѣлался раздражителенъ и холоденъ въ обращеніи и хотя не упрямился, но все дѣлалъ неохотно, какъ бы съ усиліемъ. Эрихъ недоумѣвалъ и въ теченіи нѣсколькихъ дней чувствовалъ себя вполнѣ несчастнымъ. Онъ видѣлъ, что утратилъ въ глазахъ мальчика прелесть новизны, и что Роландъ снова сдѣлался жертвой недовольства, свойственнаго людямъ богатымъ, которыхъ никогда ничто долго не занимаетъ. Привычка къ частой перемѣнѣ мѣста, пріобрѣтенная Роландомъ съ малыхъ лѣтъ, теперь тяжело на немъ отзывалась и заставляла его скучать. Эриху предстояло воспитать въ немъ любовь къ однообразію, такъ чтобъ онъ могъ съ радостью привѣтствовать каждый наступающій день, хотя бы тотъ ему не обѣщалъ ничего новаго, но точь-въ-точь походилъ на вчерашній.

Однажды къ Эриху пришелъ ловчій и отведя его въ сторону сказалъ:

— Я нашелъ хорька, который отъ насъ тогда убѣжалъ.

— Гдѣ?

— Въ лѣсу. Онъ тамъ лежитъ съ намордникомъ на рыльцѣ, до половины съѣденный муравьями.

— Не надо этого говорить Роланду.

— Ни подъ какимъ видомъ. А знаете ли вы, какъ звали хорька?

— Нѣтъ.

— Кнопфомъ. Роландъ только въ вашемъ присутствіи называлъ его просто магистромъ. Это прозвище меня самого не мало сердило. Господинъ Кнопфъ страшно суевѣренъ, но въ

сущности очень добрый и хорошій человѣкъ. Для него нѣтъ большаго удовольствія, какъ читать или разсказывать сказки о духахъ и привидѣніяхъ. Онъ и Роланду набилъ голову этими пустяками. Недавно мнѣ мальчикъ подъ секретомъ сообщилъ, что въ ночь, которую онъ провелъ на открытомъ воздухѣ, отыскивая васъ, ему встрѣтилась сказочная принцесса — какъ ихъ называютъ глупые люди — а по нашему прелестная дѣвочка съ русыми локонами. Она говорила по-англійски... каково вамъ это кажется? теперь и духи говорятъ по-англійски... а явилась она ему рано утромъ въ лѣсу. Весь этотъ вздоръ ему натолковалъ никто иной какъ Кнопфъ. Я ничего не имѣю противъ господина Кнопфа. Нѣтъ, онъ добрый человѣкъ, даромъ училъ бѣдныхъ дѣтей и всегда съ ними ласково обращался. А вотъ только дались ему эти духи и вся эта дребедень! Развѣ вы не замѣтили, какъ измѣнился въ это послѣднее время Роландъ? Я увѣренъ, что причиной тому—его вѣра въ духовъ. Выгоните вы ее пожалуста изъ него!

Эрихъ сомнѣвался, чтобъ это была настоящая причина дурного расположенія духа Роланда. Но его, въ то же время, непріятно поразило, что мальчикъ разсказываетъ Клаусу вещи, которыя скрываетъ отъ него. Однако онъ не хотѣлъ ни навязываться своему воспитаннику, ни насильно требовать отъ него довѣрія. Онъ предпочелъ спокойно выждать, чтобъ туча сама собой разсѣялась.

ГЛАВА XIII.

ОСВѢЖАЮЩІЙ НАПИТОКЪ, ПРЕКРАСНОЕ ПѢНІЕ И НОВАЯ СЛАВА.

Докторъ иногда заѣзжалъ на виллу Эдемъ, но всегда оставался тамъ не болѣе четверти часа. Онъ одобрялъ Эриха за то, что тотъ такъ исключительно посвятилъ себя Роланду и не хотѣлъ своимъ вмѣшательствомъ нарушать гармонію установившихся между ними отношеній.

Въ слѣдующій его визитъ, однако, самъ Эрихъ его удержалъ и выразилъ свои опасенія насчетъ Роланда, блѣдность лица котораго возбуждала въ немъ сомнѣнія относительно его здоровья.

— Вотъ какъ! воскликнулъ докторъ. Уже! Я очень радъ, что переломъ наступилъ такъ скоро.

— Вы рады? Чему? Что это такое?

— Совершенно нормальное явленіе. Оно въ сущности не опаснѣе насморка и я его называю майскимъ холодомъ. Но

будьте осторожны, любезный другъ! Роландъ, какъ мнѣ кажется, родился охотникомъ, а вы хотите изъ него сдѣлать собирателя камней и жуковъ. Я понимаю вашу мысль: вы стремитесь развить въ немъ болѣе серьезный взглядъ на жизнь, и вся бѣда въ томъ, что онъ начинаетъ смотрѣть на нее серьезнѣе. Лучшее въ жизни — это принимать ее легко, безъ мудрствованій.

Эрихъ вполнѣ согласился съ докторомъ и замѣтилъ, что ни чуть не желаетъ дѣлать изъ Роланда образцоваго юношу.

— Мальчикъ теперь страдаетъ, продолжалъ докторъ: именно отъ того, что я называю майскимъ холодомъ. Во всякомъ новомъ положеніи, порождаемомъ обстоятельствами, вслѣдствіе которыхъ человѣку приходится отрѣшаться отъ привычки дѣйствовать самостоятельно въ какой бы то ни было сферѣ, хотя бы это и совершалось съ его полнаго согласія, всегда наступаетъ періодъ времени, называемый мною майскимъ холодомъ. Онъ и въ природѣ и у человѣка всегда слѣдуетъ за порой цвѣтенія. Говорятъ, что этотъ холодъ есть слѣдствіе таянія альпійскихъ снѣговъ. Кто знаетъ, можетъ быть и въ человѣкѣ точно также таютъ ледяныя горы эгоизма. Какъ бы то ни было, передъ нами явно происходитъ повтореніе борьбы зимы съ лѣтомъ, эгоистическихъ стремленій съ вновь пробуждающимся чувствомъ любви къ людямъ вообще. Не тревожьтесь! Дайте юношѣ пережить этотъ возвратъ къ холоду и все опять пойдетъ хорошо. Оставьте ему только побольше свободы: въ немъ пробудилось также чувство стѣсненія. А я съ моей стороны пропишу Роланду лекарство: пусть онъ думаетъ о себѣ, что не совсѣмъ здоровъ. Это облегчитъ и его, и васъ, потому что дастъ вамъ возможность быть къ нему снисходительнѣе. Больному позволительно капризничать и ему можно многое спускать, чего не спустишь здоровому.

Съ этого дня докторъ началъ пріѣзжать чаще. Онъ совѣтовалъ Эриху принять приглашеніе Вейдемана и вмѣстѣ съ Роландомъ погостить у него въ Маттенгеймѣ. Столкновеніе съ многосторонней дѣятельностью, которая тамъ кипѣла, должна была, по его мнѣнію, одинаково благотворно подѣйствовать и на учителя и на ученика. Но Эрихъ возразилъ на это, что не считаетъ себя вправѣ оставлять на нѣсколько дней ввѣренный его попеченію домъ. Докторъ съ нимъ согласился и прибавилъ, что въ концѣ концовъ Роланду все-таки лучше сначала обжиться въ своемъ собственномъ прирейнскомъ гнѣздѣ.

Эрихъ и Роландъ теперь часто сопровождали доктора въ его визитахъ къ больнымъ и, благодаря этимъ поѣздкамъ, все ближе и ближе знакомились съ жизнью, какую люди ведутъ на берегахъ Рейна. Докторъ объявилъ, что онъ не безъ цѣли ихъ съ

собою возить. Онъ считалъ вполнѣ достойнымъ человѣка, напримѣръ, посвятить свою жизнь приготовленію, по возможности, наилучшаго вина. Роландъ, по его мнѣнію, могъ и долженъ былъ этимъ заняться. Давать людямъ хорошее вино и дарить имъ произведенія искусства, говорилъ онъ, совершенно одно и тоже. Первое не уступаетъ второму. Еслибъ Роландъ полюбилъ берега Рейна, изъ этого могло бы выйти много хорошаго, особенно въ случаѣ его сближенія съ семействомъ Вейдемана.

Докторъ былъ отличнымъ путеводителемъ. Его вездѣ съ радостью встрѣчали, и онъ въ каждомъ домѣ зналъ всѣхъ его жильцовъ. Сужденія его о людяхъ отличались строгимъ безпристрастіемъ, и онъ одинаково вѣрно изображалъ ихъ темныя и свѣтлыя стороны. Онъ вездѣ умѣлъ найти что-нибудь утѣшительное и въ каждомъ погребѣ непремѣнно открывалъ хорошее вино.

— Теперь въ модѣ, говорилъ онъ, толки объ упадкѣ человѣческаго рода. Это продолжительная, но не опасная болѣзнь. Люди борятся съ нуждой и напиваются до-пьяна виномъ: это всегда было и будетъ. Если солнце ярко свѣтитъ, — человѣку жарко, и онъ вправѣ выпить, чтобъ освѣжиться. Если на дворѣ стоитъ ненастная, сырая погода, ему необходимо стаканомъ вина поддержать въ себѣ веселое расположеніе духа.

Проходя однажды мимо дома съ изображеніемъ Богоматери, передъ которымъ висѣла лампада, докторъ сказалъ:

— Здѣсь пока еще можно достать вина безъ примѣси. Человѣкъ, живущій въ этомъ домѣ, поставляетъ вино на церковь, для причастія и снабжаетъ имъ епископовъ. Вино это должно быть самое чистое. Отецъ владѣльца этого дома занимается приготовленіемъ рясъ и облаченій для духовенства, а братъ его пользуется репутаціей хорошаго художника по части церковной живописи. Люди, извлекающіе изъ религіи пользу, бываютъ ей всегда очень преданы. Все дѣло въ томъ, чтобъ не сомнѣваться въ искренности вѣрующихъ и не бросать въ нихъ камней, а они за то пусть въ насъ, невѣрующихъ, признаютъ нѣкоторую долю честности и правдивости.

Немного далѣе, у слѣдующаго дома, докторъ замѣтилъ:

— А тутъ жилъ забавный плутъ и чудакъ, по ремеслу каменьщикъ. За нѣсколько времени до смерти, онъ заказалъ столяру ящикъ, а слесарю замокъ, потомъ вздумалъ заложить свой погребъ каменьями, между которыми и спряталъ ящичекъ, предварительнно привѣсивъ къ нему замокъ. Полагаютъ, что тамъ скрыты большія суммы денегъ, но никто не знаетъ этого навѣрное. А покойникъ былъ чудакъ и могъ замуравить пустой

ящикъ, съ цѣлью подшутить надъ своими наслѣдниками. Вотъ тѣ теперь и не знаютъ, что имъ дѣлать: искать ящика или нѣтъ? Пожалуй домъ сломаютъ, а ящикъ окажется пустымъ.

Докторъ всегда старался такъ направлять разговоръ, чтобъ Роландъ могъ изъ него извлекать пользу.

Они посѣтили еще надзирателя надъ мѣрами и вѣсами, который повелъ ихъ въ свой погребъ и угостилъ виномъ. Надзиратель любилъ разсказывать разные анекдоты, не всегда оказывавшіеся удобными для молодыхъ слушателей, и докторъ поспѣшилъ положить предѣлъ его болтливости.

Надзиратель всегда носилъ при себѣ бѣлый хлѣбецъ, который называлъ своей губкой. «Соломой — говорилъ онъ — предохраняютъ отъ порчи виноградъ, а я хлѣбомъ, выросшимъ на соломѣ, отнимаю у вина его излишнюю крѣпость.

Кто-то сказалъ надзирателю, что онъ въ теченіи своей жизни выпилъ семьдесятъ бочекъ вина. — «Нѣтъ — возразилъ онъ — вы слишкомъ снисходительны: не семьдесятъ, а гораздо болѣе».

Такимъ образомъ, Эрихъ и Роландъ все ближе и ближе знакомились съ бодрой, веселой, точно пропитанной винными парами прирейнской жизнью. Когда они снова возвращались къ своимъ занятіямъ, въ глубинѣ души ихъ оставалось пріятное ощущеніе отъ всего видѣннаго, и они были безотчетно счастливы тѣмъ, что живутъ въ такой прекрасной мѣстности, гдѣ жизнь течетъ такъ легко и спокойно.

Въ самой серединѣ лѣта выдалось нѣсколько пасмурныхъ, сырыхъ и холодныхъ дней, когда человѣкомъ невольно овладѣваетъ сомнѣніе на счетъ возврата хорошей погоды, а между тѣмъ нельзя же предполагать, что лѣту уже насталъ конецъ. Соловьи умолкли. Впрочемъ, они не вдругъ перестали пѣть и еще изрѣдка, какъ бы по воспоминанію, оглашали паркъ то отрывистымъ щелканьемъ, то коротенькой трелью или одиночнымъ свистомъ. За то теперь въ воздухѣ постоянно раздавались тоненькіе голоса коноплянокъ или пронзительные, громкіе возгласы чернаго дрозда. Лѣсъ достигъ полной своей зрѣлости; въ немъ тоже почти всѣ птицы умолкли, исключая сорокъ, которыя продолжали неутомимо трещать.

Эрихъ и Роландъ часто катались въ лодкѣ по Рейну и почти всегда въ этихъ случаяхъ пѣли.

— Да, говорилъ Роландъ: человѣкъ можетъ пѣть во всякое время года, лишь бы у него было легко и весело на душѣ.

Эрихъ кивнулъ въ отвѣтъ головой. Онъ видѣлъ, что въ Роландѣ начали пробуждаться вкусъ къ искусству и сознаніе независимости человѣческаго духа. Ему казалось, что теперь не

лишнее было бы доставить Роланду случай на день или на два удалиться изъ дому. Онъ предложилъ мальчику на выборъ: ѣхать ли имъ къ Вейдеману, о которомъ всѣ такъ много говорятъ, или отправиться на приготовлявшееся въ сосѣднемъ городѣ большое музыкальное торжество. Мимо виллы уже начали мелькать украшенные флагами пароходы съ пѣвцами и пѣвицами, и ихъ почти во всякомъ мѣстечкѣ и городкѣ встрѣчали ружейными выстрѣлами. Роландъ предпочелъ отправиться на музыкальный праздникъ и просилъ Эриха пройти часть дороги пѣшкомъ. Ему хотѣлось еще разъ, вмѣстѣ съ нимъ, взглянуть на мѣста, по которымъ онъ уже однажды шелъ ночью и одинъ.

Молодые люди весело отправились въ путь. Роландъ много болталъ, припоминая разныя подробности своего ночного странствія. При входѣ въ лѣсъ, онъ разсказалъ о томъ, какъ здѣсь спалъ подъ деревомъ и какой ему приснился чудный сонъ. Лице его при этомъ вспыхнуло яркимъ румянцемъ, но Эрихъ его не распрашивалъ, что́ это былъ за сонъ. Роландъ замолчалъ, и они углубились далѣе въ лѣсъ.

— Вотъ онъ, вотъ онъ! внезапно воскликнулъ мальчикъ. Мой портъ-монне нашелся! Ахъ, пойдемъ скорѣй въ деревню, гдѣ живетъ дворникъ, котораго я подозрѣвалъ въ покражѣ моихъ денегъ. Я ему ихъ всѣ отдамъ.

Но дворника уже не было въ деревнѣ. Онъ опредѣлился въ военную службу и никто не умѣлъ сказать, гдѣ онъ теперь былъ. Роландъ сильно этимъ опечалился и на всякій случай записалъ его имя въ свою карманную книжку.

Они продолжали идти далѣе, любуясь на прелестный зеленѣющій ландшафтъ, вскорѣ очутились на желѣзной дорогѣ, сѣли въ вагонъ и быстро достигли цѣли своего путешествія. Весь городъ былъ украшенъ флагами и имѣлъ веселый, оживленный видъ. Сюда изо всѣхъ окрестностей толпой стекались пѣвцы и пѣвицы. Нѣкоторые съ пѣснями прибывали на лодкахъ и пароходахъ, другіе пріѣзжали по желѣзной дорогѣ.

— Замѣть, говорилъ Эрихъ своему воспитаннику, что такого рода торжества принадлежатъ исключительно нашему времени и нашему народу. Ни греки, ни римляне ихъ у себя не имѣли, да и теперь ни одна нація, кромѣ нѣмцевъ, не устраиваетъ у себя ничего подобнаго.

Они здѣсь переночевали, а на слѣдующее утро сотни пѣвцовъ и пѣвицъ и огромное число слушателей, всѣ собрались въ большой залѣ въ зданіи крѣпости. Вдругъ въ собраніи пронеслось печальное извѣстіе; между пѣвцами и пѣвицами послышались горестныя восклицанія, на ихъ лицахъ выразилась обма-

нутая надежда, публика засуетилась. Оказалось, что баритонъ, которому надлежало пѣть соло, внезапно заболѣлъ и не былъ въ состояніи выполнить своей партіи.

— Смотри, вдругъ замѣтилъ Роландъ: тамъ сидятъ монахини съ своими воспитанницами. Онѣ одѣты точь-въ-точь, какъ одѣваются въ монастырѣ Манны. Ахъ, еслибъ и она здѣсь была!

Эрихъ, вмѣсто отвѣта, поспѣшно сказалъ Роланду:

— Останься здѣсь, а я пойду посмотрю, не могу ли имъ тамъ помочь. Я полагаюсь на тебя, что ты не сойдешь съ этого мѣста.

Эрихъ быстро направился къ возвышенію и обратясь къ капельмейстеру, живо съ нимъ заговорилъ. Толпа около нихъ заволновалась, въ публикѣ пронесся говоръ и всѣ взоры обратились на Эриха. Капельмейстеръ Фердинандъ ударилъ смычкомъ по пюпитру, въ залѣ мгновенно водворилась тишина.

— Нашъ баритонъ, съ улыбкой началъ капельмейстеръ, къ сожалѣнію захворалъ. Этотъ господинъ, который не желаетъ объявить своего имени, предлагаетъ его замѣнить и надѣется, что публика будетъ къ нему снисходительна, такъ какъ онъ ни разу не участвовалъ въ нашихъ репетиціяхъ.

Единодушные аплодисменты были отвѣтомъ на эти слова. Вслѣдъ затѣмъ началось дружное хоровое пѣніе, которое глубоко отозвалось въ душѣ Роланда. Но вотъ поднялся со своего мѣста Эрихъ. Всѣ съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдили за его движеніями. Раздались первые звуки его голоса, пѣвцы и пѣвицы съ изумленіемъ переглянулись, публика встрепенулась. У Эриха былъ сильный, звучный, до глубины души проникающій голосъ. Всѣ слушали его, притаивъ дыханіе, а когда онъ кончилъ, раздался громъ рукоплесканій, отъ которыхъ затряслись стѣны залы. Эрихъ сѣлъ, его замѣнили хоры, другіе солисты, затѣмъ вторично настала его очередь. Звуки его голоса лились чище, сильнѣе, свободнѣе, глубоко трогая своей задушевностью. Но никто изъ слушателей не былъ такъ пораженъ и взволнованъ, какъ Роландъ.

Хоръ какъ бы изображалъ бурное море, а Эрихъ точно плылъ на кораблѣ, надъ всѣмъ господствуя и всѣмъ управляя. Роландъ былъ внѣ себя отъ восторга. Онъ испытывалъ то высокое, поэтическое наслажденіе, какое можетъ возбуждать только одна музыка. Ему казалось, что голосъ Эриха уноситъ его въ какой-то невѣдомый міръ, гдѣ все такъ свѣтло, такъ прекрасно! А тамъ опять гремѣли хоры и густой волной разливались подъ сводами залы.

Со всѣхъ сторонъ слышались вопросы: «Кто этотъ господинъ,

который такъ хорошо поетъ? Роландъ, было, хотѣлъ назвать его своему ближайшему сосѣду, но раздумалъ. «Нѣтъ», мелькнуло у него въ умѣ: «пусть я одинъ знаю, кто онъ такой».

Взоръ мальчика вслѣдъ за тѣмъ снова обратился къ рядамъ однообразно одѣтыхъ въ голубыя платья монастырокъ. Вдругъ лице его просіяло: «Да, это она! это Манна!»

Роландъ попросилъ своего сосѣда пропустить его къ сестрѣ. Ему хотѣлось сказать ей, что онъ знаетъ этого человѣка, который наполнялъ такимъ восторгомъ сердца своихъ слушателей. Но сосѣди пришли въ негодованіе на дерзкаго юношу, который нарушалъ спокойствіе и мѣшалъ имъ слушать. Нечего дѣлать, Роландъ остался на мѣстѣ, выжидая антракта, чтобы тогда, никого не безпокоя, пробраться къ Маннѣ.

Ораторія между тѣмъ была окончена, но восторгу зрителей не предвидѣлось конца. Со всѣхъ сторонъ выражалось желаніе узнать, кто этотъ незнакомецъ. «Его имя! его имя!» раздавалось по всей залѣ. Капельмейстеръ Фердинандъ снова ударилъ смычкомъ по пюпитру. «Тише!» пронеслось въ толпѣ и все смолкло. Эрихъ всталъ съ своего мѣста и очень спокойно сказалъ:

— Отъ души благодарю васъ. Я счастливъ тѣмъ, что могъ предстать передъ вами въ качествѣ служителя искусства и еслибъ не боялся нарушить гармонію настоящаго празднества совершенно чуждымъ вамъ именемъ, то съ самаго начала назвалъ бы вамъ себя.

— Имя, имя! кричали со всѣхъ сторонъ.

— Меня зовутъ: Эрихъ Дорнэ!

— Тушъ, тушъ! раздалось опять въ толпѣ. Оркестръ трижды проигралъ тушъ при общихъ крикахъ:

— Ура, Эрихъ Дорнэ!

Эриха окружила густая толпа, и кто пожималъ ему руки, кто обнималъ его и цѣловалъ, такъ что у него заболѣли плечи. Въ числѣ публики оказались и такіе, которые были съ нимъ знакомы, но сначала его не узнали.

Наконецъ, собраніе мало-по-малу разошлось. Эрихъ отправился къ тому мѣсту, гдѣ оставилъ Роланда, но мальчикъ исчезъ. Онъ искалъ его по всѣмъ угламъ, но напрасно. Въ залѣ между тѣмъ начали разставлять и накрывать столы для предстоящаго торжественнаго обѣда. Эрихъ рѣшился остаться тутъ и подождать Роланда. Онъ былъ увѣренъ, что мальчика толпой вынесло изъ залы, но что онъ не замедлитъ вернуться.

И дѣйствительно, Роландъ вскорѣ вернулся. Глаза его сверкали, а на щекахъ игралъ румянецъ.

— Она здѣсь была! воскликнулъ онъ, завидѣвъ Эриха: я прово-

дилъ ее съ подругами на пароходъ. Онѣ ужъ уѣхали! О, Эрихъ, какъ это прекрасно вышло, что она прежде, чѣмъ познакомилась съ тобой, услышала твое пѣніе. Знаешь ли, она сказала, что человѣкъ, который умѣетъ такъ хорошо пѣть, не можетъ быть такимъ безбожникомъ, какимъ тебя выставляютъ. Мнѣ бы не слѣдовало тебѣ этого говорить, но я знаю, она плутовка и сказала все это съ цѣлью, чтобъ я тебѣ передалъ. Ахъ, Эрихъ! ты видѣлъ. Лина, дочь мирового судьи, и нашъ архитекторъ тоже были въ числѣ пѣвцовъ. Они шли подъ руку и тотчасъ же тебя узнали, но только не хотѣли тебя выдать. Какъ ты пѣлъ, Эрихъ! ахъ, какъ ты пѣлъ! Мнѣ все казалось, что ты, вотъ, вотъ распустишь крылья и улетишь, и мнѣ было такъ страшно!

Мальчикъ находился въ возбужденномъ состояніи.

Одинъ изъ распорядителей праздника подошелъ къ Эриху и пригласилъ его вмѣстѣ съ братомъ (Роланда здѣсь всѣ приняли за брата Эриха), остаться обѣдать, говоря, что ему назначаютъ за столомъ мѣсто рядомъ съ капельмейстеромъ. Къ этому распорядителю присоединились другіе участники торжества, желавшіе познакомиться съ Эрихомъ. Въ числѣ ихъ былъ фотографъ, который непремѣнно хотѣлъ тутъ же снять съ него портретъ, говоря, что всѣ пѣвцы и пѣвицы непремѣнно пожелаютъ имѣть у себя его изображеніе. Эрихъ учтиво, но рѣшительно отказался и съ слѣдующимъ пароходомъ отправился съ Роландомъ на виллу.

Роландъ сошелъ въ каюту, гдѣ вскорѣ заснулъ. Эрихъ остался одинъ на палубѣ и впалъ въ глубокое раздумье. Его мучило сомнѣніе, хорошо-ли онъ сдѣлалъ, выставивъ себя такимъ образомъ на показъ.

«Но, утѣшалъ онъ себя, въ жизни бываютъ такія минуты, когда наши силы намъ какъ будто измѣняютъ и мы сами не можемъ съ точностью опредѣлить, чего желаемъ. Нѣтъ, думалъ онъ въ заключеніе, я сдѣлалъ только то, что̀ слѣдовало».

Пароходъ причалилъ къ пристани. Роланда́ едва могли добудиться и почти на рукахъ перенесли въ лодку, имъ овладѣла сильная слабость и онъ едва сознавалъ, что̀ вокругъ него дѣлалось. Выйдя на берегъ, онъ сказалъ:

— Эрихъ, я слышалъ, какъ ты всю дорогу пѣлъ одну мелодію изъ хора.

На виллѣ Эриха ожидали письма отъ матери, изъ университетскаго городка, и отъ Зонненкампа изъ Виши. Мать писала ему, чтобъ онъ не удивлялся, если услышитъ упреки себѣ въ томъ, что онъ такъ скоро, будто бы безъ всякой борьбы, отказался отъ своихъ идеаловъ и даже продалъ ихъ. Въ универси-

тетскомъ городкѣ, говорила она, всѣ были недовольны и, надо сознаться, не безъ основанія, тѣмъ, что онъ уѣхалъ, ни съ кѣмъ не простясь.

Эрихъ улыбнулся. Онъ съ самаго начала очень хорошо зналъ, что надъ нимъ будутъ безпощадно смѣяться всѣ привычные посѣтители казино. Онъ живо представлялъ себѣ ихъ сидящими вокругъ грязнаго стола, прикрытаго клеенчатой скатертью, и ему даже казалось, что онъ слышитъ всѣ ихъ болѣе или менѣе остроумныя выходки на его счетъ. Такого рода вещи въ настоящій вечеръ не могли его смутить.

Совсѣмъ иное впечатлѣніе произвело на Эриха письмо Зонненкампа, который его уполномочивалъ, если онъ сочтетъ это удобнымъ, вмѣстѣ съ Роландомъ пріѣхать къ нему въ Біарицъ.

— Отецъ, безъ сомнѣнія, тоже останется доволенъ твоимъ сегодняшнимъ успѣхомъ, сказалъ Роландъ, ложась спать. Одна изъ монахинь, сопровождавшихъ Манну, правда, замѣтила, что врядъ ли это ему понравится, но откуда ей знать?

Эрихъ смутился. На него снова тяжелымъ камнемъ легло сознаніе своей зависимости. Поступивъ на службу къ Зонненкампу, онъ, такъ сказать, вполнѣ отдался въ его распоряженіе и долженъ былъ при каждомъ своемъ поступкѣ, каждомъ шагѣ мысленно задавать себѣ вопросъ, будетъ ли это ему пріятно или нѣтъ.

Надъ Эрихомъ точно повисла темная туча, которая омрачила всѣ воспоминанія протекшаго дня. Отъ веселаго настроенія духа не осталось и слѣдовъ: оно уступило мѣсто тоскѣ.

ГЛАВА XIV.

БЛИЖНІЙ.

Дни опять потекли своимъ чередомъ, спокойно и однообразно, посреди занятій и прогулокъ. Однажды на виллу пришелъ ловчій и обратился къ Роланду съ просьбой исполнить данное ему обѣщаніе и сверху до низу показать ему домъ.

— На что это вамъ? спросилъ Эрихъ.

— Мнѣ хотѣлось бы хоть мелькомъ взглянуть, какъ это живутъ богатые люди и что они могутъ себѣ достать за деньги.

Слова эти сопровождались плутовскимъ взглядомъ, но Эриху ничего больше не оставалось, какъ дать свое позволеніе. Онъ сначала думалъ послать съ ними слугу, но потомъ перемѣнилъ намѣреніе и самъ съ ними пошелъ. Онъ вообще не охотно ос-

тавлялъ Роланда одного съ Клаусомъ, боясь, чтобъ сужденія послѣдняго о бѣдныхъ и богатыхъ не произвели на мальчика вреднаго по своей преждевременности впечатлѣнія.

Они долго бродили по комнатамъ, переходя изъ этажа въ этажъ. Клаусъ едва осмѣливался ступать и то и дѣло приговаривалъ:

— Да, да, все это можно купить за деньги! Чего только съ ними не сдѣлаешь!

Въ большой концертной залѣ ловчій остановился на возвышеніи и закричалъ оттуда Эриху:

— Господинъ капитанъ, могу ли я вамъ сдѣлать вопросъ?

— Почему же нѣтъ, если я въ состояніи на него отвѣчать.

— Скажите мнѣ честно и откровенно, что сдѣлали бы вы, еслибъ.... я знаю, у васъ свободный образъ мыслей и вы любите людей.... что сдѣлали бы вы, еслибъ были владѣтелемъ этого дома и нѣсколькихъ милліоновъ?

Голосъ Клауса громко раздавался въ пустой залѣ, гдѣ его еще повторяло эхо, точно желая продолжить въ слушателяхъ непріятное ощущеніе.

— Да, что сдѣлали бы вы? повторилъ ловчій: или у васъ не имѣется на этотъ вопросъ отвѣта?

— Я считаю излишнимъ вамъ отвѣчать.

— Да и не надо; я самъ знаю!

Клаусъ сошелъ съ возвышенія и продолжалъ:

— Я, какъ вамъ извѣстно, полевой сторожъ, не сплю по ночамъ, а все брожу и терзаюсь мыслью, которая преслѣдуетъ меня, какъ злой духъ. Въ головѣ моей постоянно вертится вопросъ: что сдѣлалъ бы я, еслибъ имѣлъ въ своемъ распоряженіи нѣсколько милліоновъ? Я просто одурѣлъ отъ усилій разрѣшить этотъ вопросъ и все напрасно. Но, какъ я вижу, и вы не дальше моего ушли.

— Вы такъ-таки совсѣмъ и не знаете, что сдѣлали бы съ богатствомъ? спросилъ Эрихъ.

— Еслибъ у меня было много денегъ, съ лукавой улыбкой возразилъ ловчій, я бы прежде всего хорошенько отколотилъ нашего ландрата, хотя бы мнѣ за это пришлось заплатить тысячу гульденовъ штрафу: онъ вполнѣ стоитъ.

— А потомъ?

— Потомъ.... право не знаю.

Эрихъ взглянулъ на Роланда. Мальчикъ смотрѣлъ на него мутными глазами, былъ какъ-то блѣденъ и крѣпко сжалъ губы. Наивность богатства, о которой такъ много говорилъ Кнопфъ, казалось потерпѣла въ немъ сильный толчекъ. Возстановить ее

въ будущемъ не предвидѣлось возможности, а между тѣмъ Роландъ еще не успѣлъ достаточно созрѣть для того, чтобъ разомъ найти выходъ изъ сомнѣній, въ какія его повергли слова Клауса.

Эрихъ сказалъ Роланду по-англійски, что послѣ все ему объяснитъ, но теперь не можетъ этого сдѣлать въ присутствіи такого грубаго, необразованнаго человѣка, какъ ловчій.

— А вопросъ его развѣ былъ грубъ и неоснователенъ? спросилъ Роландъ на томъ же языкѣ. Эрихъ замолчалъ. Онъ считалъ себя не вправѣ для собственнаго своего успокоенія и облегченія давать уму своего воспитанника ложное направленіе.

— Ха, ха, ха! язвительно смѣялся Клаусъ. Теперь моя болѣзнь на васъ перейдетъ. Куда бы вы ни пошли, что бы вы ни дѣлали, въ вашихъ ушахъ постоянно будетъ звучать вопросъ, который до сихъ поръ меня всюду преслѣдовалъ. Отлично! А когда вы найдете на него отвѣтъ, не забудьте подѣлиться имъ со мною.

Онъ надѣлъ шляпу и быстро удалился.

Въ этотъ день не было никакой возможности заставить Роланда чѣмъ-нибудь заняться. Онъ до самаго вечера просидѣлъ одинъ въ своей комнатѣ. Ночью, послѣ того какъ Эрихъ уже успѣлъ заснуть, его вдругъ разбудилъ шорохъ въ смежной съ его комнатой библіотекой, и онъ увидѣлъ тамъ Роланда. Эрихъ не мѣшалъ ему, но когда мальчикъ вернулся въ свою комнату, онъ въ свою очередь вошелъ въ библіотеку посмотрѣть, какая книга вдругъ понадобилась его воспитаннику. Оказалось, что Роландъ приходилъ за Библіей. Ему, безъ сомнѣнія, захотѣлось прочесть главу о богатомъ юношѣ. Сѣмя, въ немъ долгое время дремавшее, начинало всходить.

До сихъ поръ Эрихъ одинъ дѣйствовалъ на Роланда, стараясь подготовить его къ принятію жизненныхъ истинъ, которыя впослѣдствіи должны были передъ нимъ раскрыться. Но вотъ выдвинулась впередъ посторонняя сила, неправильная, непрошенная и грубо разбудила то, чему до поры до времени еще слѣдовало дремать. Что такое вся наша ученость и подготовка? Въ нравственномъ мірѣ все тоже, что и въ природѣ. Почки незамѣтно растутъ, наливаются, но вдругъ надъ ними грянетъ громъ и онѣ въ одну ночь распускаются. Теперь настала гроза для Роланда, и Эрихъ не могъ его отъ нея защитить.

На слѣдующее утро Роландъ очень рано вошелъ къ Эриху и сказалъ:

— У меня есть до тебя просьба.

— Говори, если думаешь, что я могу ее исполнить.

— Конечно можешь, забудемъ на сегодняшній день о книгахъ и пойдемъ въ крѣпость.

— Сейчасъ?

— Да. Я хочу это на самомъ себѣ испытать, хотя въ теченіи одного дня.

— Что такое?

— Я хочу поработать вмѣстѣ съ каменьщиками, буду ѣсть и пить то, что они пьютъ и ѣдятъ и стану таскать одинаковыя съ ними тяжести.

Эрихъ отправился съ Роландомъ къ зàмку, и дорогой сказалъ ему:

— Роландъ, твое желаніе прекрасно, оно мнѣ нравится, но обдумалъ ли ты его хорошенько? Ты предпринимаешь не одинаковый съ каменьщиками трудъ, а гораздо болѣе тяжкій, потому что ты къ нему не привыкъ. Этотъ день покажется тебѣ вдесятеро труднѣе, нежели имъ; ты до сихъ поръ жилъ въ совершенно другихъ условіяхъ, чѣмъ они. Чтó для нихъ вошло въ привычку, то для тебя усиленный трудъ, къ которому врядъ ли ты способенъ, такъ-какъ силы твои до сихъ поръ не подвергались ничему подобному. Ты являешься въ крѣпость прямо изъ мягкой постели, о какой ни одинъ изъ этихъ работниковъ и понятія не имѣетъ; у тебя бѣлыя нѣжныя руки и вслѣдствіе всего этого ты не достаточно вооруженъ для такого рода труда. Ты и послѣ этого опыта не уяснишь себѣ, насколько дѣйствительно трудна жизнь бѣдняка, который, владѣя только данной ему самой природой силой, употребляетъ ее на добываніе себѣ хлѣба.

Роландъ остановился и въ словахъ, которыя онъ произнесъ, ясно отразилось вліяніе прочитанной ночью главы изъ Евангелія.

— Что же я долженъ сдѣлать, началъ онъ дрожащимъ голосомъ, чтобъ вполнѣ понять жизнь моихъ ближнихъ и встать на равную съ ними ногу.

Эрихъ былъ пораженъ и съ трудомъ удержался, чтобъ не выказать счастья, какое его внезапно охватило. Съ этой минуты онъ могъ быть спокоенъ: юноша, который носилъ въ себѣ такую мысль и лелѣялъ въ сердцѣ подобное желаніе, никогда болѣе не свернетъ съ истиннаго пути и не перестанетъ вѣрить въ равноправность людей.

Но Эриху удалось совладать собой и онъ совершенно спокойно сказалъ:

— Милый Роландъ, — онъ его въ первый разъ такъ называлъ — милый Роландъ, весь міръ есть не что иное, какъ обширная арена соединеннаго труда. Нельзя сказать, чтобъ на каждую

личность непремѣнно выпадала одинаковая доля его, но несомнѣнно то, что на каждомъ человѣкѣ лежатъ обязанности, не только въ отношеніи къ самому себѣ, но и къ своимъ ближнимъ. Мы должны быть всегда готовы по мѣрѣ силъ оказывать помощь тому, кто въ ней нуждается. Тебѣ со временемъ предстоитъ совсѣмъ иной трудъ, чѣмъ тотъ, какой выпадаетъ на долю людей, таскающихъ камни и дѣйствующихъ молотомъ. Твои обязанности выше и въ тоже время отраднѣе. Пойдемъ. Тебѣ остается еще многому научиться и многое себѣ уяснить.

ГЛАВА XV.

МЕЖДУ НЕБОМЪ И ЗЕМЛЕЙ.

Библія повѣствуетъ о томъ, какъ Авраамъ вмѣстѣ съ сыномъ своимъ Исаакомъ взбирались на гору для принесенія Богу жертвы. Мальчикъ шелъ молча, погруженный въ самого себя. «Но гдѣ же жертва?» спросилъ бы онъ наконецъ, не подозрѣвая, что самъ онъ и есть эта жертва.

Такъ точно шелъ Роландъ возлѣ Эриха, раздумывая о всемъ только-что слышанномъ. Онъ хотѣлъ принести себя въ жертву, но она оказалась не нужной. Что же ему остается теперь дѣлать?

Они сѣли на одномъ изъ уступовъ горы, откуда растилался обширный видъ. Эрихъ взялъ за руку своего воспитанника и сказалъ:

— Итакъ, совершилось то, что я надѣялся случится съ тобой гораздо позже. Я желалъ бы, чтобъ ты еще долго не задавалъ себѣ подобнаго вопроса и во всякомъ случаѣ дошелъ бы до него совсѣмъ инымъ путемъ. Но пусть будетъ такъ. Скажи же мнѣ, знаешь ли ты, что такое богатство?

— Да. Богатство — это когда человѣкъ имѣетъ больше, чѣмъ ему нужно.

— А посредствомъ чего доходитъ онъ до этого бо̀льшаго, до этого излишка?

— Посредствомъ наслѣдства и пріобрѣтенія.

— А какъ ты полагаешь, животное можетъ быть богато?

— Не думаю.

— Конечно, нѣтъ. Каждое животное имѣетъ и съѣдаетъ столько, сколько съ искони вѣковъ имѣло и съѣдало всякое другое одной съ нимъ породы. Но можно ли тоже самое сказать

о людяхъ? Тѣ, которые живутъ теперь, не превосходятъ ли въ чемъ-нибудь своихъ предшественниковъ?

— Я думаю, что да.

— И ты полагаешь, что люди постоянно будутъ идти впередъ?

— Я надѣюсь.

— А что́ дѣлаетъ ихъ лучше?...

— Образованіе.

— Но возможно ли образованіе тамъ, гдѣ человѣкъ съ утра до ночи работаетъ исключительно для удовлетворенія своихъ необходимѣйшихъ потребностей?

— Едва ли.

— Что же нужно человѣку для того, чтобъ онъ могъ съ успѣхомъ трудиться надъ развитіемъ самого себя и подобныхъ себѣ?

— Свободное время.

— А это свободное время, что̀ другое можетъ ему его дать, кромѣ излишка рабочихъ силъ, или другими словами—богатства?

— Повидимому, ничто?

— Замѣть же себѣ хорошенько: богатство — это соединеніе силъ, которыя не требуютъ немедленнаго примѣненія къ дѣлу.

— Подожди минутку, остановилъ его Роландъ и погрузился въ размышленія. Глаза его были неподвижно устремлены вдаль.

— Да, такъ... теперь я понимаю. Продолжай пожалуйста.

— Что́ же по твоему, опять началъ Эрихъ: — долженъ дѣлать человѣкъ, обладающій такимъ количествомъ силъ, которое избавляетъ его отъ необходимости работать.

— Не знаю.

— Хорошо, я тебѣ скажу. Человѣкъ, имѣющій болѣе, чѣмъ то необходимо для его существованія, стремится къ украшенію и возвышенію жизни, къ искусству, къ наукѣ. Богатство такимъ образомъ даетъ человѣчеству возможность развиваться, идти впередъ. Уже одно то, что человѣкъ можетъ быть богатымъ, обусловливаетъ его высшее назначеніе; онъ живетъ на счетъ другихъ и для другихъ. Безъ излишка соединенныхъ силъ, безъ богатства, невозможно ни высшее пониманіе жизни, ни украшеніе ея, ни наука, ни искусство. Изъ всего этого слѣдуетъ, что задача богатства — хранить и умножать въ мірѣ высшія блага жизни.... Богатый человѣкъ богатъ не для себя: все, что̀ онъ дѣлаетъ для науки, для искусства, для ремесла, съ цѣлью пріобрѣсти какъ можно болѣе сверхъ необходимаго, — все это онъ дѣлаетъ съ содѣйствіемъ другихъ, для него работающихъ. Такъ что въ концѣ концевъ выходитъ, что богачъ богатъ не чрезъ

самаго себя и не для себя. Онъ, въ сущности, ничто иное, какъ управляющій послѣдствіями, вытекающими изъ труда, и обязанность его обращать ихъ на облагороживаніе человѣчества.... Посмотри: вонъ тамъ разстилаются поля, возвышаются виноградныя горы, — чьи они? Тамъ стоятъ камни, обозначающія границы между твоимъ и моимъ. Никто не смѣетъ переступать этихъ границъ и вторгаться въ чужія владѣнія. Эти отдѣльно стоящіе камни передъ глазами совѣсти соединяются въ одно и слагаются въ величавый храмъ законности, который служитъ оплотомъ человѣчеству. Не столь явны, но не менѣе прочны и тѣ камни, которые распредѣляютъ нравственныя границы жизни. Ты не имѣешь права касаться того, что̀ принадлежитъ другому, то-есть, ни развитія и хода его работы, ни его природныхъ силъ.... Смотри, вонъ тамъ внизу шкиперъ стоитъ у руля, виноградарь взрываетъ землю, чтобъ корнямъ винограда легче было вбирать въ себя дождевую влагу; птица летаетъ надъ рѣкой, люди дѣйствуютъ веслами и лопатой, звѣри ходятъ и пресмыкаются, отыскивая себѣ пищу. Вдругъ передъ человѣкомъ является искушеніе и говоритъ ему: «Предоставь другимъ за тебя работать, а самъ питайся ихъ потомъ. Не смотри на нихъ, а только собирай деньги за ихъ труды. Золото не плачетъ, не жалуется, а только блеститъ. Съ золотомъ ты можешь пѣть, плясать, пользоваться людьми и трудомъ ихъ израненыхъ рукъ. Не стыдись, не робѣй: міръ — это обширное поле для грабежа, гдѣ всякій хватаетъ, что́ можетъ». Такъ говоритъ искушеніе, но съ другой стороны духъ истины шепчетъ: «Ты не болѣе того, что въ тебѣ заключается. То, чѣмъ ты владѣешь, конечно, твое, но оно не *ты*, не собственная твоя личность, и завтра же можетъ быть отъ тебя отнято. Но сегодня оно еще тебѣ принадлежитъ, и ты можешь употребить его на тысячи ладовъ, такъ, чтобъ и тебѣ и твоимъ близкимъ было отъ этого одинаково хорошо.... Ты не геній — постарайся развить въ себѣ мужество и образованіе: *это* ты можешь пріобрѣсти, завоевать, а съ ними и все то, чего дѣйствительно сто́итъ желать. Слава и величіе прекрасны, но не всѣмъ доступны, тогда какъ быть счастливымъ, добрымъ и честнымъ можетъ всякій человѣкъ. Богатство — это орудіе, которое ко многому можно примѣнить, надо только знать, какъ имъ владѣть. Ты не въ состояніи уничтожить въ мірѣ зло, избавить людей отъ голода, болѣзни, пороковъ, но ты не долженъ пренебрегать силой, которую держишь въ своихъ рукахъ, — на тебѣ лежитъ великая обязанность, съ помощью этой силы поддерживать въ мірѣ прекрасное и великое... Радуйся же своему богатству: оно дастъ тебѣ возможность творить добро и доставлять

людямъ радости. Но прежде всего позаботься самъ достигнуть извѣстной степени высоты, научись безъ многаго обходиться, развей въ себѣ любовь къ дѣятельности и самостоятельности на тотъ случай, еслибъ ты вдругъ лишился всякой внѣшней опоры. Кто привыкъ въ трудныя минуты жизни всегда полагаться на какую-нибудь постороннюю силу, тотъ неизбѣжно падаетъ, лишь только у него не достаетъ этой силы. Держись крѣпко за самого себя, научись познавать самого себя и управлять собой, равно какъ и всѣмъ, что̀ тебя окружаетъ... Ты еще имѣешь время приготовиться къ жизни, у тебя пока нѣтъ обязанностей въ отношеніи къ другимъ, но всѣ онѣ вертятся исключительно около тебя самого. Собирай всѣ свои силы и не трать ихъ понапрасну. Только тотъ, кто умѣетъ ими распоряжаться, можетъ быть по истинѣ названъ богатымъ. Въ противномъ случаѣ, ты, несмотря на обладаніе милліонами, всегда будешь бѣденъ. Итакъ, научись быть господиномъ самого себя, и ты станешь господиномъ своего богатства...

Послѣ этого они долго сидѣли молча. Почти никогда нельзя предвидѣть, какое направленіе приметъ брошенная въ молодой умъ мысль, во что̀ она разовьется и къ чему приведетъ.

— Желалъ бы я знать, промолвилъ наконецъ Роландъ, что̀ было во время открытія Америки.

Эрихъ яркими чертами изобразилъ своему воспитаннику волненіе умовъ, ознаменовавшее XVI-е столѣтіе, славное столькими важными открытіями. «Въ маленькомъ нѣмецкомъ городкѣ, говорилъ онъ, жилъ человѣкъ, утверждавшій, что земля, на которой мы живемъ, не есть неподвижная точка, но что она движется на своей оси и вокругъ солнца. Понятія, какихъ человѣчество придерживалось въ теченіе вѣковъ, должны были внезапно измѣниться. Оказалось, что люди живутъ на шарѣ, по немъ ходятъ и плаваютъ, воздвигаютъ себѣ на немъ зданія, а шаръ этотъ находится въ непрерывномъ движеніи. Люди, совершенно естественно, пришли въ ужасъ. Передъ ними исчезалъ небесный кровъ, оказывалось, что неба вовсе не было,—неба, на которое съ искони вѣковъ привыкли смотрѣть, какъ на жилище царя вселенной. Старое понятіе вытѣснялось, и мѣсто его занимало новое ученіе о пространствѣ, населенномъ звѣздами, которыя тоже двигаются и одна другую притягиваютъ и отталкиваютъ. Явился еще человѣкъ, и словомъ своимъ потрясъ авторитетъ возсѣдающаго на тронѣ первосвященника, который, называя себя представителемъ Вѣчнаго Духа на землѣ, предписываетъ людямъ, во что̀ они должны вѣрить и на что̀ надѣяться. Распалась церковь, а вмѣстѣ съ ней и весь образованный міръ. Въ то же время тре-

тій смѣльчакъ садился на корабль, плылъ къ западу и открывалъ Новый Свѣтъ. Обитаемое нами жилище внезапно оказалось вдвое больше прежняго. Во вновь открытомъ полушаріи тоже жили люди, которые до тѣхъ поръ и не подозрѣвали о нашемъ существованіи. А тамъ, у нихъ, водились звѣри и растенія, текли рѣки, возвышались горы и лѣса, о которыхъ мы, въ свою очередь, ничего не знали. То, что̀ Коперникъ, Лютеръ и Колумбъ, эти три великіе ума, совершили почти одновременно, непремѣнно должно было сильно взволновать умы и произвести въ мірѣ великій переворотъ. Еслибъ въ наше время вдругъ явился кто-нибудь, кому удалось бы уничтожить всякую личную собственность, такъ что никто болѣе ничѣмъ не могъ бы владѣть исключительно для себя, врядъ ли волненіе умовъ достигло бы такихъ же размѣровъ, какъ тогда!»

Роландъ слушалъ молча, внутренно восхищаясь Эрихомъ, который умѣлъ раскрыть передъ нимъ столько новаго и великаго въ жизни. А Эрихъ, замѣтя, какое сильное впечатлѣніе произвели на мальчика его слова, не хотѣлъ болѣе ему ничего разсказывать или объяснять, изъ опасенія ослабить это впечатлѣніе. Но въ тоже время онъ съ безпокойствомъ задавалъ себѣ вопросъ: не рано-ли еще говорить съ Роландомъ о такихъ предметахъ, которые врядъ-ли могутъ быть имъ вполнѣ поняты. Впрочемъ, онъ утѣшалъ себя мыслью, что церковь, ни мало не задумываясь, предлагаетъ молодымъ умамъ многое такое, въ чемъ они еще вовсе не чувствуютъ потребности и что́ никакимъ образомъ не можетъ быть имъ доступно. Отчего же и ему не дѣлать того же въ надеждѣ, что истины, раскрываемыя передъ мальчикомъ теперь, будутъ имъ усвоены въ болѣе зрѣломъ возрастѣ?

Размышленія обоихъ были прерваны архитекторомъ, пришедшимъ сообщить имъ новость. Работники отрыли въ развалинахъ крѣпости римскую гробницу, въ которой были найдены урна, цѣпь и скелетъ.

Эрихъ и Роландъ немедленно отправились взглянуть на эти вещи. Видъ скелета произвелъ на мальчика потрясающее впечатлѣніе.

Что́ такое міръ? что́ такое жизнь? Будущія поколѣнія отрываютъ въ землѣ скелетъ и равнодушно на него смотрятъ. Ихъ только интересуютъ находимыя при этомъ слѣды прежнихъ временъ, остатки древней промышленности... Да, что́ такое жизнь?

Роланда точно пробудили отъ сна слова Эриха, который говорилъ о томъ, какъ обрадуется этому открытію графъ Клодвигъ. Мальчикъ мало-по-малу оправился отъ тяжелаго ощуще-

нія и вскорѣ вовсе его забылъ, заинтересованный тѣмъ, что̀ около него дѣлалось и говорилось. Эрихъ не могъ достаточно налюбоваться на двойную способность юношескаго возраста сильно чувствовать и быстро переходить отъ одного впечатлѣнія къ другому. Это въ одно и тоже время составляетъ легкость и трудность воспитанія.

Роландъ изъявилъ желаніе тоже собирать древности. Эрихъ вполнѣ его одобрилъ и замѣтилъ при этомъ, что такого рода коллекціи лучше всего изображаютъ собой чистую идею собственности. Онѣ не принадлежатъ исключительно тому лицу, которое называетъ ихъ своими, но составляютъ достояніе всего міра, извлекающаго изъ нихъ свѣдѣнія о временахъ давно прошедшихъ. Никто не долженъ одинъ владѣть подобными вещами: онѣ безспорно принадлежатъ всѣмъ и каждому.

Это маленькое событіе казалось успокоительно подѣйствовало на Роланда. Однако онъ дорогой опять обратился къ Эриху за разрѣшеніемъ того же вопроса.

— Эрихъ, началъ онъ: скажи же мнѣ наконецъ, что бы ты сдѣлалъ со всѣмъ этимъ богатствомъ, еслибы оно было твое? Есть ли у тебя на это готовый отвѣтъ?

— Не совсѣмъ. Но я полагаю, что много тратилъ бы на опыты и усилія облегчать страждущихъ и неимущихъ. Этотъ вопросъ меня въ послѣднее время сильно занималъ. Я прежде всего постарался себѣ объяснить, что̀ такое одинъ или нѣсколько милліоновъ? Что̀ они означаютъ?

Эрихъ остановился, а Роландъ спросилъ:

— Ну, и ты нашелъ объясненіе? что̀ же они означаютъ?

— Желая все это какъ можно яснѣе себѣ представить, я постарался опредѣлить, какое количество хлѣба можно пріобрѣсти на милліонъ, и съ помощью этого нѣсколько дѣтскаго вопроса, мнѣ удалось выбраться на дорогу, которую я и считаю настоящей.

— А именно?

— Я вслѣдъ за тѣмъ разсчиталъ существованіе сколькихъ семействъ изображаетъ милліонъ, то-есть, сколько семействъ могутъ жить на одинъ милліонъ? Вотъ путь, который я избралъ, но онъ еще далеко не довелъ меня до цѣли. Какъ бы то ни было, я повторяю тебѣ: намъ прежде всего слѣдуетъ воспитать въ себѣ желаніе, во всякое время и во всякомъ положеніи дѣйствовать согласно съ истиной и справедливостью. А что принесетъ съ собою время и въ какое оно поставитъ тебя положеніе, — этого никто не можетъ ни предвидѣть, ни опредѣлить.

— Не покидай меня, но оставайся всегда со мной и помо-

гай мнѣ! съ мольбой въ голосѣ произнесъ Роландъ. Эрихъ взялъ его за руку и крѣпко ему ее пожалъ.

Черезъ нѣсколько времени они пришли на виллу.

ГЛАВА XVI.

У ДОБРАГО СОСѢДА.

Въ жизни встрѣчаются страннаго рода случайности. Въ крѣпости Эрихъ и Роландъ говорили о Клодвигѣ, а вернувшись домой, они нашли отъ него извѣстіе. Графъ съ женою возвратились изъ путешествія на-воды и предполагали на слѣдующій же день навѣстить Роланда и Эриха.

Клодвигъ сильно загорѣлъ, а Белла казалась очень веселой. Съ распущеннымъ шлейфомъ проходя по парку и роскошно убраннымъ комнатамъ виллы, она напоминала собою красиваго павлина. Роландъ не замедлилъ объявить о наканунѣ сдѣланномъ въ крѣпости открытіи. Лице его сіяло радостью, когда Клодвигъ предложилъ ему оставить найденныя вещи у себя и положить ими основаніе будущей коллекціи древностей. Опытъ, прибавилъ графъ, докажетъ ему со временемъ, что никакія радости въ мірѣ не могутъ сравниться съ тѣми, которыя доставляетъ наука. Роландъ въ отвѣтъ кивнулъ головой и взглянулъ на Эриха. Клодвигъ между прочимъ сообщилъ, что онъ пріобрѣлъ въ путешествіи много разныхъ рѣдкостей, которыя будутъ ему въ скоромъ времени доставлены въ Вольфсгартенъ. Онъ встрѣтился на-водахъ и очень сблизился съ однимъ знаменитымъ антикваріемъ, который зналъ Эриха и даже нѣкогда былъ его профессоромъ.

Эрихъ извинился передъ Клодвигомъ въ томъ, что не могъ навѣстить его, когда тотъ приглашалъ его передъ своимъ отъѣздомъ изъ Вольфсгартена. Тутъ снова выказалась вся милая простота графа, въ которомъ не было ни малѣйшей склонности къ обидчивости. Доброта и сознаніе собственнаго достоинства заставляли его всегда снисходительно смотрѣть на маленькія упущенія и неловкости, какія могли быть сдѣланы въ отношеніи къ нему. Занимая высокое и прочное положеніе въ свѣтѣ, онъ былъ далекъ отъ мысли, чтобъ кто-нибудь могъ его добровольно оскорбить.

— Вы никогда не должны передо мной ни въ чемъ извиняться, сказалъ онъ Эриху и съ нѣжностью отца взялъ его за руку. Вы вылечили меня отъ эгоизма, котораго я никакъ не ожидалъ найдти въ себѣ такой запасъ. Я теперь ясно вижу, лю-

бѣзный другъ, что вамъ надо предоставить самому прокладывать себѣ путь въ жизни. И съ этихъ поръ я удовольствуюсь тѣмъ, что буду смотрѣть на васъ только какъ на добраго сосѣда. Пріятное сосѣдство, даже и у римлянъ, кромѣ политическаго, имѣло еще другое, болѣе общечеловѣческое значеніе.

Клодвигъ предложилъ тостъ за доброе сосѣдство и, опорожнивая свой стаканъ, ласково смотрѣлъ на Эриха.

Послѣ того графъ и его жена принялись наперерывъ другъ передъ другомъ разсказывать подробности своего свиданія съ матерью Эриха. Они нарочно заѣзжали въ университетскій городокъ и ночевали тамъ, чтобъ повидаться съ профессоршей. Клодвигъ однако вскорѣ оставилъ Беллу говорить одну, замѣтя, съ какимъ жаромъ и искренностью она осыпала похвалами благородную женщину, которую онъ самъ отъ души уважалъ.

Белла очень мило описала уголокъ близъ фортепіано, гдѣ обыкновенно сидѣла профессорша у окна, заставленнаго цвѣтами. Передъ ней, въ простѣнкѣ, висѣли портреты мужа и умершаго сына; нѣсколько ниже виднѣлся въ рамкѣ и подъ стекломъ бѣлокурый локонъ бабушки, а по бокамъ его пастельныя изображенія прадѣда и прабабушки. Но какъ въ лицѣ, такъ и во всей фигурѣ профессорши не было ничего печальнаго или угрюмаго, напротивъ того, она отличалась веселымъ, сообщительнымъ нравомъ и спокойнымъ взглядомъ на жизнь.

Графъ и графиня разсказывали о прогулкахъ по прелестной долинѣ, о поѣздкѣ къ знаменитой часовнѣ на горѣ, а Эриху казалось, что онъ слышитъ голосъ матери и видитъ ее сидящую рядомъ съ Клодвигомъ и его женой. Такимъ образомъ, прошло около часу въ бесѣдѣ, пріятной для Эриха и повидимому ни чуть не утомительной для Роланда, который вдругъ воскликнулъ съ блестящими глазами:

— А обо мнѣ она ничего не говорила?

— Напротивъ, очень много, даже почти больше чѣмъ о своемъ собственномъ сынѣ, отвѣчала Белла, снова обратясь къ Эриху. Какое умилительное зрѣлище, продолжала она, все говоря о профессоршѣ, представляетъ эта благородная женщина, живущая вдали отъ свѣта, но заключающая цѣлый міръ въ самой себѣ, ни въ чемъ не нуждающаяся, а между тѣмъ такъ во многомъ себѣ отказывающая.

Клодвигъ, слушая жену, улыбнулся: она опять повторяла его слова, но вслѣдъ за тѣмъ однако поспѣшила прибавить и свое.

— Знаете ли, капитанъ, сказала она, я васъ вполнѣ узнала только съ тѣхъ поръ, какъ имѣла счастіе поближе познакомиться съ вашей матушкой. Мы съ ней между прочимъ условились время

отъ времени переписываться, не ставя этого однако себѣ въ непремѣнную обязанность.

Эриху становилось все пріятнѣе въ обществѣ Клодвига и Беллы: ихъ точно соединялъ духъ его матери, которая какъ будто невидимо между ними присутствовала.

— Намъ однако не слѣдуетъ забывать и тетушку, замѣтилъ Клодвигъ. Онъ теперь возобновилъ съ ней знакомство, но хорошо помнилъ ее въ молодости, когда она, не смотря на свое мѣщанское происхожденіе, была представлена ко двору и принята въ лучшее общество, гдѣ сіяла рѣдкой красотой. Разсказывая все это, графъ умолчалъ о томъ, какъ ходили слухи о поэтической привязанности между ней и принцемъ Германомъ, который умеръ въ молодыхъ лѣтахъ. Многіе полагали, что любовь эта и была причиной того, что фрейленъ Дорнэ отказала многимъ весьма выгоднымъ женихамъ и навсегда осталась въ дѣвушкахъ.

Послѣ обѣда всѣ отправились гулять въ садъ.

— Ваша молодость была очень счастлива, но вамъ недоставало одного — начала Белла.

— Чего?

— Сестры.

— Осмѣливаюсь думать, что я нашелъ ее въ васъ, тихо произнесъ Эрихъ.

Белла опустила глаза въ землю, а потомъ, завидѣвъ Роланда, позвала его и всѣ вмѣстѣ отправились въ крѣпость. Клодвигъ просилъ архитектора, чтобъ тотъ, имѣя въ виду интересы его молодого друга, Роланда, былъ очень осмотрителенъ въ производимыхъ имъ работахъ и не оставлялъ безъ вниманія ни малѣйшаго намека на присутствіе здѣсь еще другихъ древностей.

Общество помѣстилось на одномъ изъ уступовъ скалы, гдѣ маіоръ устроилъ для себя удобное сѣдалище. Но вскорѣ Клодвигъ ушелъ и взялъ съ собой Роланда. Белла осталась одна съ Эрихомъ. Она была идиллически настроена и громко порицала длинные шлейфы и вообще роскошь въ нарядахъ, несмотря на то, что, проѣзжая теперь черезъ Парижъ, запаслась въ немъ послѣдними модами и навезла съ собой цѣлую кучу платьевъ. Безъ видимой на то причины, Белла пожаловалась, что ее почти никто не понимаетъ. Всѣ подозрѣваютъ въ ней любовь къ роскоши, тогда какъ на дѣлѣ ея всегдашней мечтой было жить въ какой-нибудь хижинѣ на Рейнѣ, гдѣ она имѣла бы всего одну уютную, но теплую комнату.

— А кто бы вамъ топилъ эту комнату? спросилъ Эрихъ.

Белла смутилась.

— Вы правы, сказала она: — мы не созданы для идилліи.

Затѣмъ настало продолжительное молчаніе.

— Вы знаете мою мать, заговорилъ наконецъ Эрихъ: — но еслибъ вы были еще знакомы съ моимъ отцемъ, я увѣренъ, что вы нашли бы большое удовольствіе въ его обществѣ.

— Я и его тоже знала. Но благодарю васъ: я понимаю вашу мысль. Вы желали бы подѣлиться со мной всѣмъ, что̀ вамъ принадлежитъ.

Въ тонѣ ея звучало искреннее чувство, въ глазахъ свѣтился огонь, на щекахъ игралъ яркій румянецъ. Она устремила на него пристальный взоръ, передъ которымъ онъ потупился.

— Вамъ кажется страннымъ, что я на васъ такъ смотрю, снова заговорила она. — Но мнѣ хотѣлось бы исполнить одно желаніе Клодвига, если только это не будетъ свыше моихъ силъ. Ему давно хочется, чтобъ я сдѣлала вашъ портретъ, и я вздумала теперь попробовать, хватитъ ли у меня на это умѣнья. Только вмѣстѣ съ вами надо нарисовать также и нашего молодого друга... Роландъ! закричала она приближавшемуся мальчику: — пойдите сюда!

Съ раскраснѣвшимся лицемъ объявила Белла о своемъ намѣреніи приготовить Клодвигу, ко дню его рожденія, пріятный сюрпризъ. Но сохранить при этомъ тайну оказывалось невозможнымъ и она рѣшилась дѣйствовать открыто.

— Прошу васъ, Роландъ, продолжала она: — встаньте у капитана между колѣнями. Вотъ такъ... хорошо! Положите вашу правую руку ему на плечо... подвиньте ее немножко впередъ... Такъ!... а голову поверните налѣво. Пожалуйста, капитанъ, начните говорить съ Роландомъ, какъ будто вы ему что̀-нибудь объясняете.

— Но право мнѣ нечего сказать, съ улыбкой возразилъ Эрихъ.

— Довольно пока... я видѣла движеніе губъ. Изобразить ихъ въ этомъ видѣ не легко, но я надѣюсь совладать съ трудностью. Когда мы назначимъ первый сеансъ?

Клодвигъ былъ очень доволенъ мыслью своей жены и сказалъ, что вообще не любитъ сюрпризовъ. Онъ предпочитаетъ имѣть въ виду удовольствіе и въ ожиданіи его наслаждаться надеждой. Затѣмъ Клодвигъ пригласилъ Эриха и Роланда погостить у себя въ Вольфсгартенѣ, прося ихъ остаться тамъ до самаго возвращенія Зонненкампа. Но Эрихъ дружески, однако рѣшительно отказался, говоря, что не хочетъ нарушать порядка, наконецъ установившагося въ занятіяхъ его воспитанника. Клодвигъ съ нимъ вполнѣ согласился и обѣщался въ скоромъ вр

мени опять пріѣхать на виллу вмѣстѣ съ Беллой, которая тогда же займется и портретомъ. Белла хотѣла заказать съ Роланда и Эриха фотографію для того, чтобъ отчасти руководствоваться ею и постоянно имѣть передъ глазами положеніе, въ какомъ намѣревалась ихъ изобразить. Но Клодвигъ ей это отсовѣтовалъ, говоря, что портреты, дѣлаемые съ помощью фотографическихъ снимковъ, всегда имѣютъ въ себѣ что-то натянутое и неестественное. «Фотографія, прибавилъ онъ, передаетъ только внѣшній видъ, такъ сказать, архитектуру человѣка, да и то при ложныхъ условіяхъ».

Роландъ попросилъ, чтобъ въ картину она помѣстила также и Грейфа. Клодвигъ поддержалъ его, замѣтивъ, что собака очень хорошо займетъ мѣсто на первомъ планѣ.

Белла вдругъ сдѣлалась угрюма и молчалива. Она на водахъ привыкла съ утра до вечера находиться въ оживленномъ обществѣ и теперь ей, болѣе нежели когда-либо, казалась скучной жизнь въ уединеніи, посреди древностей, къ которымъ она, можетъ быть, мысленно причисляла и своего мужа. Переселеніе на виллу Эриха и Роланда ей въ высшей степени улыбалось, но гордый капитанъ мгновенно разрушилъ всѣ ея надежды. Этотъ молодой, высокопарный ученый, для каждаго, самаго ничтожнаго шага, имѣлъ готовыя правила, отъ которыхъ никогда не отступалъ. А мужъ ея, съ слабостью и несостоятельностью, свойственными преклоннымъ лѣтамъ, всегда во всемъ съ нимъ соглашался. У него, повидимому, не было другихъ мыслей, кромѣ тѣхъ, какія предлагалъ ему капитанъ.

Даже лице Беллы какъ будто осунулось. Она замѣтила въ себѣ этотъ недостатокъ самообладанія и поспѣшила оправиться. Обращеніе ея съ Эрихомъ было въ высшей степени дружелюбно, и когда молодой человѣкъ на прощаньи нагнулся, чтобъ поцѣловать ей руку, она слегка прижала ее къ его губамъ. Или это ему только показалось, а можетъ быть было просто слѣдствіемъ неловкаго съ его стороны движенія? Его вывели изъ раздумья слова Роланда.

— Знаешь ли, говорилъ мальчикъ: — мнѣ было очень неловко все время, когда графиня насъ устанавливала для портрета. А тебѣ? Она какъ-то особенно странно на тебя смотрѣла.

— Глазами художницы, отвѣчалъ Эрихъ, съ трудомъ переводя духъ.

Кто знаетъ, насколько было истины въ его словахъ?

ГЛАВА XVII.

ЧТО̀ НАЗЫВАЕТСЯ ФОРМИРОВАТЬ ЧЕЛОВѢКА.

Маіоръ, возвратясь изъ своей поѣздки, явился на виллу, безъ всякихъ предварительныхъ извѣщеній о своемъ визитѣ. Со своими коротко остриженными, бѣлыми какъ снѣгъ волосами, съ краснымъ, сильно загорѣлымъ лицомъ, онъ казался совершенно новымъ человѣкомъ. Да и самъ онъ утверждалъ, что всякій разъ, какъ погружался въ теплые источники, ему какъ будто приходило на память ощущеніе, какое онъ испытывалъ, когда его купали въ первый разъ послѣ рожденія. Онъ буквально воображалъ себя младенцемъ и чувствовалъ около себя присутствіе невидимой кормилицы, которая, надъ нимъ наклоняясь, ему улыбается и его обливаетъ теплой струей.

Маіоръ по обыкновенію тоже улыбался деревьямъ, цвѣтамъ, крышамъ, стѣнамъ, и въ особенности, человѣческимъ лицамъ.

Онъ былъ очень доволенъ тѣмъ, что Эрихъ, какъ онъ выражался, взялъ мальчика прочь изъ строя и заставлялъ его экзерцироваться въ одиночку.—Это гораздо лучше, говорилъ онъ: то, что̀ прежде дѣлалось въ недѣлю, теперь можетъ быть совершено въ одинъ день.

Маіоръ, между прочимъ, просилъ Эриха извиниться передъ фрейленъ Милькъ въ томъ, что онъ ни разу не навѣстилъ ее во время ея одиночества. Кромѣ того, онъ выразилъ желаніе, чтобъ Эрихъ какъ можно скорѣе побывалъ у него въ гостяхъ, «пока еще старшина тутъ», прибавилъ онъ.

Читатель, безъ сомнѣнія, помнитъ, что маіоръ жилъ во флигелѣ большого дома, весьма живописно расположеннаго на половинѣ горы и ввѣреннаго его надзору. Маіоръ очень заботливо охранялъ свою самостоятельность и велъ самый независимый образъ жизни. Въ отношеніи къ старшинѣ онъ однако чувствовалъ себя обязаннымъ и постоянно восхвалялъ его доброту, расположеніе къ людямъ, а въ особенности краснорѣчіе. Что̀ бы съ нимъ ни случилось хорошаго или пріятнаго, маіоръ прежде всего искалъ случая подѣлиться своимъ счастіемъ со старшиной. Теперь въ этомъ отношеніи на первомъ планѣ стоялъ Эрихъ.

Молодой человѣкъ въ первый же праздничный день отправился навѣстить маіора. Ему не стоило особаго труда примирить съ собой фрейленъ Милькъ, а маіоръ встрѣтилъ его такимъ залпомъ хохота, что вслѣдъ затѣмъ съ нимъ сдѣлался припадокъ кашля, и фрейленъ Милькъ пришлось его колотить по спинѣ.

Дѣло въ томъ, что доброму маіору, противъ обыкновенія, удалось съострить, и это-то и было причиной его веселья. Эрихъ, говорилъ онъ, находился въ положеніи родильницы. Произведя на свѣтъ прекраснаго юношу, молодой человѣкъ въ теченіи шести недѣль не рѣшался выходить изъ дому.

Фрейленъ Милькъ разсказала о торжествѣ Эриха на музыкальномъ праздникѣ.

— Отлично! воскликнулъ маіоръ. На нашихъ музыкальныхъ празднествахъ не рѣдко встрѣчаются великолѣпные голоса. А поете вы: «Въ этихъ священныхъ чертогахъ?»

Эрихъ отвѣчалъ, что эта прекрасная арія къ сожалѣнію ему не по голосу.

— Ну, такъ спойте что-нибудь другое. Фрейленъ Милькъ хочется васъ послушать.

Эриху не мало труда стоило отклонить отъ себя эту дружескую просьбу. Но фрейленъ Милькъ, поблагодаривъ маіора, поддержала Эриха въ его отказѣ. Было рѣшено отложить пѣніе до болѣе удобнаго вечера.

Но если фрейленъ Милькъ отличалась ласковымъ и привѣтливымъ обращеніемъ, за то старшина поражалъ своей угрюмостью. Только такой кроткой, довѣрчивый человѣкъ, какъ маіоръ, могъ ладить съ нимъ, не возмущаясь его самоувѣреннымъ и покровительственнымъ тономъ. Маіоръ всячески старался сблизить своихъ гостей, но это ему не удалось. Старшина обошелся съ Эрихомъ свысока; называлъ его не иначе, какъ: «молодой человѣкъ», и закидалъ его совѣтами и нравоученіями, какъ будто тотъ и не былъ вправѣ ничего болѣе отъ него ожидать. Эриху понадобилось все его самообладаніе, и много такту, чтобъ доказать этому человѣку все неприличіе подобнаго обращенія. И это ему было тѣмъ труднѣе, что старшина не отличался ни наблюдательностью, ни сообразительностью. Онъ въ присутствіи Роланда то и дѣло говорилъ о неопытности молодого человѣка, пришедшаго, какъ онъ полагалъ, вопрошать его какъ оракула. И дѣйствительно, онъ самыя обыкновенныя рѣчи, самыя избитыя общія мѣста произносилъ съ важностью оракула, при чемъ дѣлалъ выразительный жестъ лѣвой рукой, какъ будто бросалъ въ землю сѣмена.

Впрочемъ эта въ своемъ родѣ замѣчательная личность до нѣкоторой степени даже забавляла Эриха. Онъ видѣлъ въ ней одинъ изъ разнообразныхъ типовъ человѣческой породы и терпѣливо слушалъ его наставленія, такъ что старшина остался имъ вполнѣ доволенъ, и когда онъ вышелъ погулять, даже сказалъ маіору:

— У молодого человѣка водятся въ головѣ мысли.

А между тѣмъ Эриху едва ли удалось выразить при немъ хоть одну мысль. Но онъ за то внимательно слушалъ, что̀ говорилъ старшина, и этимъ самымъ вполнѣ заслужилъ его одобреніе. Вообще, удостоиться столь лестнаго со стороны старшины отзыва было не шуточное дѣло. Онъ обыкновенно признавалъ мысли только за однимъ собой, и весь міръ долженъ былъ приходить ихъ у него заимствовать.

Вернувшись съ прогулки, Эрихъ нашелъ у маіора посланнаго изъ виллы съ извѣстіемъ, что на слѣдующій день туда пріѣдутъ Клодвигъ, Белла и Пранкенъ. Роландъ съ фрейленъ Милькъ вышелъ на дворъ полюбоваться молоденькими утятами. Маіоръ освѣдомился, въ какихъ отношеніяхъ находится Эрихъ съ Пранкеномъ. Эрихъ отвѣчалъ, что Пранкенъ вообще относится къ нему весьма дружелюбно и съ большимъ тактомъ.

Маіоръ, въ качествѣ офицера, выслужившагося изъ солдатъ, много страдалъ отъ пренебреженія своихъ товарищей благороднаго происхожденія и поэтому былъ сильно предубѣжденъ противъ знати. Онъ предостерегалъ Эриха на счетъ Пранкена, котораго впрочемъ находилъ весьма вѣжливымъ и пріятнымъ молодымъ человѣкомъ.— Къ тому же, прибавлялъ онъ, Эрихъ ни въ какомъ случаѣ не долженъ забывать, что обязанъ ему своимъ вступленіемъ въ домъ Зонненкампа и сближеніемъ съ такимъ человѣкомъ, какъ Клодвигъ.

На возвратномъ пути Эрихъ сказалъ Роланду:

— Ну, Роландъ, теперь намъ предстоитъ доказать, что̀ ничто въ мірѣ не можетъ намъ помѣшать въ нашихъ занятіяхъ. Пусть пріѣзжаетъ, къ намъ кто хочетъ, а мы все-таки будемъ ихъ продолжать, отдавая обществу и друзьямъ одни только свободные часы. Въ этомъ, видишь ли, и состоитъ трудность жизни. Изъ боязни отступить отъ свѣтскихъ приличій, а также изъ желанія не показаться неблагодарнымъ въ отношеніи друзей, которые намъ оказываютъ вниманіе, люди часто измѣняютъ самимъ себѣ и своимъ правиламъ. Мы же съ тобой будемъ твердо держаться установившагося въ нашихъ занятіяхъ порядка. Прежде исполнимъ наши обязанности въ отношеніи къ самимъ себѣ, а потомъ уже отдадимся свѣту. Кто же этого не въ состояніи сдѣлать, тотъ принадлежитъ свѣту, но никакъ не самому себѣ.

Въ сознаніи исполненнаго долга Эрихъ почерпнулъ новую силу и позабылъ обо всемъ, что его смущало и тревожило.

ГЛАВА XVIII.

ПОСТОРОННІЙ ГЛАЗЪ НАЧИНАЕТЪ ПОДМѢЧАТЬ.

На слѣдующій день гости явились, какъ обѣщали. Пранкенъ ѣхалъ верхомъ, рядомъ съ каретой, въ которой сидѣли Клодвигъ и Белла, и гдѣ на задней скамьѣ красовались обтянутая бумагой большая рама и прекрасный ящикъ, украшенный тонкой мозаичной работой, съ карандашами.

Эриху и Роланду доложили о прибытіи гостей. Эрихъ послалъ имъ сказать, что проситъ ихъ всѣмъ распоряжаться какъ у себя дома; слугамъ уже отданы по этому случаю приказанія; а самъ онъ сойдетъ внизъ черезъ часъ, лишь только окончитъ свои занятія съ Роландомъ. Гости въ изумленіи переглянулись. Пранкенъ за это время сильно перемѣнился; лице его приняло серьезное выраженіе, онъ только пожалъ плечами и какъ-то двусмысленно засмѣялся. Белла нашла поступокъ Эриха въ высшей степени неловкимъ и черезъ-чуръ педантическимъ. Клодвигъ видѣлъ въ немъ прекрасную черту характера, а Пранкенъ окрестилъ его просто хвастливой выходкой. «Молодой человѣкъ, говорилъ онъ, произнося эти два слова точь-въ-точь какъ старшина: рисуется своей приверженностью къ долгу».

Но нечего было дѣлать, и гости расположились подождать хозяевъ. Впрочемъ Эрихъ, надо отдать ему справедливость, явно позаботился объ ихъ удобствахъ и между прочимъ украсилъ всѣ комнаты цвѣтами.

Часъ вскорѣ прошелъ и Эрихъ не замедлилъ явиться, бодрый и веселый, въ расположеніи духа, какое даетъ человѣку только сознаніе исполненнаго долга и одержанной надъ самимъ собой побѣды.

Онъ пригласилъ гостей въ изящно убранную комнату въ сѣверной части дома, и тамъ Белла, послѣ легкаго завтрака, принялась за портретъ.

Клодвигъ остался съ женой и съ Эрихомъ. Роландъ, который пока еще не былъ нуженъ для портрета, въ сопровожденіи Пранкена отправился на конюшни. Пранкенъ держалъ себя настоящимъ членомъ семьи Зонненкампа, считая себя во время его отсутствія прямымъ хозяиномъ всего находящагося на виллѣ. Онъ приказалъ выводить передъ собой для осмотра лошадей изъ конюшенъ, взглянулъ на работы въ саду и похвалилъ слугъ за исправность.

— У васъ сегодня такое серьезное и задумчивое выраженіе

лица, какого мнѣ еще не случалось у васъ видѣть, замѣтилъ Клодвигъ, смотря на Эриха. И дѣйствительно, того сильно тревожила мысль, что теперь Пранкенъ толкуетъ наединѣ съ Роландомъ.

Что такое воспитаніе, старанія дать юношѣ то или другое направленіе, если нельзя ни минуты быть спокойнымъ на счетъ того, какъ на него подѣйствуютъ слова или примѣръ совершенно посторонняго человѣка? Остается только утѣшать себя мыслью, что не одинъ человѣкъ воспитываетъ другого, а цѣлое общество, весь міръ участвуютъ въ приготовленіи къ жизни отдѣльныхъ личностей. Эрихъ однакожъ не могъ предвидѣть, о чемъ говорилъ Пранкенъ съ его воспитанникомъ.

А Пранкенъ спрашивалъ у Роланда, читаетъ ли онъ ежедневно назначенное число страницъ изъ книги, присланной ему Манной. Роландъ отвѣчалъ отрицательно и вслѣдъ затѣмъ совершенно естественно заговорилъ о Веньяминѣ Франклинѣ, о Гайаватѣ, о Крассѣ, о наблюденіяхъ надъ грозой въ телеграфной станціи, объ исторіи Соединенныхъ Штатовъ Банкрофта. Пранкенъ спросилъ еще, часто ли Роландъ пишетъ Маннѣ, и на этотъ разъ получилъ утвердительный отвѣтъ. Тогда Пранкенъ разсказалъ ему, что купилъ бѣлую, венгерской породы лошадь, которую теперь объѣзжаетъ для Манны.

— Ты можешь, если хочешь, ей объ этомъ написать, сказалъ онъ въ заключеніе.

Пранкенъ очень хорошо зналъ, что Роландъ никакъ не забудетъ сообщить сестрѣ новость, касающуюся бѣлой лошади съ розовыми ноздрями. Вдобавокъ онъ обѣщалъ мальчику позволить ему когда-нибудь на ней поѣздить.

— А у этой лошади уже есть имя? спросилъ Роландъ.

Пранкенъ улыбнулся. Онъ видѣлъ, что извѣстіе о лошади успѣло сильно заинтересовать мальчика.

— Да, отвѣчалъ онъ. Ее зовутъ Армидой.

Тутъ Роланда позвали, такъ какъ настала его очередь позировать для портрета. Белла, набросивъ на бумагу первый очеркъ его лица и фигуры, захотѣла немного отдохнуть.

Пранкенъ между тѣмъ, не то дружески, не то повелительно пригласилъ Эриха пойти съ нимъ прогуляться въ саду и завелъ рѣчь о воспитаніи Роланда. Тонъ его дышалъ теплотой и довѣріемъ. Тутъ Эрихъ въ первый разъ получилъ понятіе о религіозномъ настроеніи духа Пранкена. Неужели, думалъ онъ, все это дѣлается съ цѣлью вѣрнѣе овладѣть сердцемъ воспитывающейся въ монастырѣ богатой наслѣдницы? Но къ чему же было Пранкену въ такомъ случаѣ прикидываться благочестивымъ въ путешествіи и на водахъ, гдѣ за нимъ не могло наблюдать ни одно

изъ заинтересованныхъ лицъ? Нѣтъ, вѣроятно въ немъ дѣйствительно совершился переворотъ. Подобное явленіе—не рѣдкость у натуръ подобныхъ ему, и которыя, разъ ставъ на эту дорогу, всегда начинаютъ съ особеннымъ рвеніемъ придерживаться обрядной стороны религіи.

— Я считаю своимъ долгомъ, началъ Пранкенъ, внезапно переходя къ другому предмету: и полагаю, что вы меня поймете и вполнѣ одобрите... Я, видите ли, хочу поговорить съ вами объ одномъ весьма деликатномъ вопросѣ.

— Если я могу вамъ при этомъ быть чѣмъ-нибудь полезенъ, то сочту себѣ за честь ваше довѣріе. Въ противномъ же случаѣ оно меня самымъ безполезнымъ образомъ стѣснитъ и затруднитъ.

Такая сдержанность удивила и почти разсердила Пранкена. Однако онъ сдѣлалъ надъ собой усиліе и спокойно продолжалъ:

— Вамъ извѣстно, что господинъ Зонненкампъ...

— Извините меня за то, что я васъ прерываю, но знаетъ ли господинъ Зонненкампъ о вашемъ намѣреніи сдѣлать меня повѣреннымъ...

— Послушайте! воскликнулъ Пранкенъ, но мгновенно опомнился и уже совсѣмъ другимъ тономъ прибавилъ:—впрочемъ, я васъ уважаю за эту осторожность, свойственную вашему положенію.

Затѣмъ настало минутное молчаніе. У Пранкена мелькнула мысль, не замѣнить ли ему одно свѣдѣніе другимъ и не предостеречь ли Эриха на счетъ слишкомъ короткаго сближенія съ Беллой? Но этимъ онъ могъ набросить тѣнь на сестру и потому остался при первоначальномъ намѣреніи.

— Я считаю себя вправѣ, сказалъ онъ, объявить вамъ о моемъ положеніи въ здѣшнемъ домѣ: я членъ этой семьи... фрейленъ Зонненкампъ почти моя невѣста...

— Если она похожа на своего брата, то мнѣ остается только васъ отъ души поздравить. Благодарю васъ за ваше необыкновенное и до сихъ поръ ничѣмъ мною незаслуженное дружеское довѣріе. Но, осмѣлюсь спросить, чему я обязанъ этой честью?

Внутри Пранкена все сильнѣе и сильнѣе кипѣла досада, но за то снаружи онъ становился все мягче и льстивѣе. Помахивая хлыстомъ и въ то же время любезно улыбаясь, онъ сказалъ:

— Я въ васъ не ошибся... затѣмъ, послѣ маленькой остановки, онъ прибавилъ:—ваша сдержанность мнѣ вполнѣ понятна.

Но прямого отвѣта на вопросъ Эриха о причинѣ, побудившей Пранкена къ этой внезапной откровенности, тотъ все-таки не далъ. Къ тому же Роландъ вскорѣ позвалъ Эриха назадъ къ Беллѣ, которой онъ понадобился для портрета.

— Можно подумать, замѣтила графиня, смотря на него: что

прошло много лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ вы отсюда ушли. Ваше лице въ этотъ короткій промежутокъ времени по крайней мѣрѣ десятью годами постарѣло.

Едва ли самъ Эрихъ былъ въ состояніи объяснить, что̀ въ немъ происходило. Обращеніе съ нимъ Пранкена и его собственное положеніе въ отношеніи къ этому человѣку приводили его въ недоумѣніе. Онъ сидѣлъ спокойно, безъ малѣйшаго движенія, а въ душѣ его происходила жестокая борьба. Онъ чувствовалъ, что въ основаніи его сношеній съ Пранкеномъ лежала ложь, и что оба они очень хорошо это видѣли и понимали. Имъ бы слѣдовало быть врагами, или по крайней мѣрѣ совершенно равнодушными другъ другу людьми, а между тѣмъ въ каждомъ изъ нихъ таилось что-то такое, побуждавшее ихъ ко взаимнымъ любезностямъ.

Вся бѣда заключается въ неправдѣ. Еслибъ люди имѣли въ себѣ достаточно мужества для того, чтобъ быть всегда искренними и не допускали въ своихъ поступкахъ противорѣчія съ таящимися внутри ихъ чувствами, еслибъ они вкривь и вкось не ссылались на какія-то вымышленныя обязанности и не внимали голосу мнимаго благоразумія, который шепчетъ: «терпѣніе, погоди и все уляжется, опять пойдетъ по старому; не слѣдуетъ такъ принимать къ сердцу каждую бездѣлицу»,—еслибъ не все это, то многое бы на свѣтѣ шло иначе, и люди гораздо меньше бы страдали. Но они предпочитаютъ увлекаться изукрашенной ложью, усыпляющей ихъ совѣсть, подобно змію въ Библіи, который, становясь въ разрѣзъ съ внутреннимъ сознаніемъ долга, говоритъ: «ѣшь, ты отъ этого не умрешь, а только сдѣлаешься умнѣе». Величайшее наказаніе, за отношенія, основанныя на лжи, заключается въ нихъ самихъ, въ томъ, что они постоянно требуютъ новой лжи, которая мало-по-малу превращается въ необходимость и, заимствуя у добродѣтели ея языкъ, льститъ благороднымъ стремленіямъ человѣческой души и говоритъ: «ты долженъ хранить вѣрность къ другу; ты такъ многое отъ него получалъ и въ свою очередь такъ многое ему давалъ. Разрывъ съ нимъ нанесъ бы жестокій ударъ тебѣ самому, лишилъ бы тебя лучшей части самого себя... Нѣтъ, вы должны теперь крѣпче нежели когда-либо держаться одинъ другого».

И въ жизнь такимъ образомъ, мало-по-малу, проникаетъ отрава. Всякое горе, несчастіе, измѣна, обманъ, все это — естественныя послѣдствія того, что человѣкъ не умѣетъ прежде всего воздать должнаго самому себѣ и остаться вѣренъ своимъ собственнымъ нравственнымъ интересамъ. Этимъ самымъ онъ какъ бы подготовляетъ торжество демона лжи и пораженіе божества, которое въ основаніи своемъ есть не что иное, какъ идея чистой истины.

Все это проходило въ умѣ Эриха и волновало его, между тѣмъ какъ онъ сидѣлъ передъ Беллой, рисовавшей его портретъ. Еслибъ кто-нибудь могъ заглянуть ему въ душу, тотъ нашелъ бы тамъ большой безпорядокъ и смятеніе.

Наконецъ, Белла объявила, что она сегодня болѣе не можетъ рисовать, а вскорѣ вслѣдъ затѣмъ и обѣдъ былъ готовъ.

За обѣдомъ, благодаря присутствію доктора, который какъ разъ къ нему подоспѣлъ, всѣ были веселы и оживлены. Вечеромъ устроилась прогулка въ лодкѣ по Рейну. Роландъ разсказалъ всѣмъ о томъ, какой у Эриха чудесный голосъ. Но Эрихъ остался непреклоннымъ и на всѣ просьбы, что́-нибудь спѣть, отвѣчалъ рѣшительнымъ отказомъ. Его много дразнили по поводу овацій, предметомъ которыхъ онъ былъ на музыкальномъ торжествѣ. При этомъ шутки Пранкена особенно отличались дружескимъ тономъ, подъ которымъ скрывалась ѣдкая иронія.

Между тѣмъ смерклось. Въ паркѣ, наполненномъ ароматомъ цвѣтовъ, носились свѣтящіеся жучки. Эрихъ и Белла прогуливались по темнымъ аллеямъ, а Клодвигъ сидѣлъ въ залѣ съ балкономъ, перелистывая альбомъ съ фотографическими видами Рима. На многихъ изъ нихъ онъ подолгу останавливался и передъ нимъ возникали воспоминанія о быломъ. Роландъ и Пранкенъ тоже ходили въ саду и разговаривали о Маннѣ. Пранкенъ ловко настраивалъ мальчика на тонъ, въ которомъ тотъ долженъ былъ писать о немъ своей сестрѣ. По временамъ, встрѣчаясь съ Беллой и Эрихомъ, Пранкенъ не безъ удивленія замѣтилъ, что послѣдній велъ графиню подъ руку.

Подобно тому, какъ въ воздухѣ носились свѣтящіеся жучки, такъ точно въ разговорѣ Эриха съ Беллой безпрестанно перекрещивались остроты. А иногда въ словахъ ихъ звучала и болѣе серьезная нота.

Они говорили много, но голоса ихъ были едва слышны, а при встрѣчѣ съ Пранкеномъ и Роландомъ вовсе умолкали. Белла опять завела рѣчь о своемъ добромъ мужѣ, — она постоянно называла его добрымъ, — и распространилась на счетъ его привязанности къ Эриху. «Вы съ нимъ — прибавила она — не только другъ друга понимаете, но какъ будто даже сливаетесь сердцами».

Эрихъ въ свою очередь съ жаромъ заговорилъ о счастіи человѣка, на долю котораго выпало дѣйствительное обладаніе миромъ и красотой, а не одно безплодное стремленіе къ нимъ, какъ къ недосягаемымъ идеаламъ. Какое отрадное чувство, говорилъ онъ, долженъ ощущать тотъ, кто можетъ идти съ ними рука объ руку и смотрѣть имъ прямо въ спокойные и свѣтлые глаза.

— Вы добрый и, я надѣюсь, честный человѣкъ, сказала

Белла, и снявъ перчатку, слегка дотронулась до руки Эриха.— Быть честнымъ не есть еще заслуга. Желала бы я обладать способностью, не то чтобъ быть совсѣмъ безчестной, а такъ... только не совсѣмъ искренней.

Отрадно было слушать, какъ глубоко Белла понимала и цѣнила значеніе честности въ жизни и въ человѣкѣ. Она съ легкой дрожью въ голосѣ разсказала, что еще въ ранней молодости могла бы завоевать себѣ блестящую будущность, еслибъ только въ ней была хоть малѣйшая склонность къ лести. Эрихъ не нашелся, что на это отвѣчать, и между ними настала одна изъ тѣхъ минутъ молчанія, которыя такъ непріятно поражали Пранкена, всякій разъ, когда онъ съ Роландомъ проходилъ мимо нихъ.

Белла вслѣдъ затѣмъ начала развивать мысль о томъ, какъ счастливы тѣ, которымъ приходится трудиться надъ устройствомъ благополучія чьей-нибудь жизни. Одному это удается сдѣлать для человѣка едва начинающаго жить,—и она слегка наклонила голову къ Эриху, — другому, для человѣка уже оканчивающаго свое земное странствіе. Оба приносятъ жертву, непризнанную свѣтомъ, но заключающую въ самой себѣ великую награду.

При поворотѣ въ одну изъ боковыхъ аллей, двѣ гуляющія пары опять встрѣтились и соединились. Эрихъ пошелъ съ Роландомъ, а Пранкенъ съ своей сестрой. Роландъ успѣлъ приревновать Эриха къ Беллѣ. Онъ завидовалъ каждому его взгляду, каждому движенію, которые были не къ нему обращены и хотѣлъ имѣть своего наставника исключительно для себя.

Мальчикъ по-дѣтски излилъ передъ Эрихомъ свою печаль, и тотъ внезапно смутился. Онъ не только позволилъ себѣ забыть о Роландѣ, но чуть-ли не увлекся еще гораздо далѣе по ложному пути. Однако время еще не ушло, и пока есть возможность вернуться назадъ, надо ею воспользоваться. Эрихъ поспѣшилъ въ комнаты, къ Клодвигу, и почти обрадовался, узнавъ, что графъ уже легъ спать.

ГЛАВА XIX.

НЕОПРЕДѢЛЕННЫЯ СТРЕМЛЕНІЯ.

Белла, взглянувъ утромъ на свою вчерашнюю работу, осталась ею очень недовольна. Все, надъ чѣмъ она наканунѣ такъ усердно трудилась, показалось ей теперь лишеннымъ всякой правды и художественности. Нервы ея упали, и она хотѣла немедленно уничтожить портретъ, съ тѣмъ, чтобъ начать новый. Но Клодвигъ кротко ее остановилъ, съ большимъ тактомъ указалъ ей

на достоинства ея рисунка, и Белла успокоилась. Тѣмъ не менѣе, у нея вырвалось исполненное горечи замѣчаніе на счетъ того, что ей еще ни разу не удалось выполнить своей задачи такъ, чтобъ это вполнѣ соотвѣтствовало ея желанію. Клодвигъ сталъ ей доказывать, что разочарованіе совершенно естественно должно слѣдовать за всякимъ новымъ движеніемъ творческой фантазіи, но замѣчаніе его почему-то снова раздражило Беллу. «Я не то, что́ я есть!» воскликнула она. Но причина дурного расположенія духа графини такъ и осталась невысказанной. Ясно только, что оно происходило не отъ одного художественнаго недовольства собой и не отъ одной досады на свое безсиліе.

Эриху однако пришлось нарушить строгій порядокъ, хотя онъ намѣревался ни на шагъ не отступать отъ него. Белла слѣдовала одному правилу, которое помогало ей всегда достигать желаемаго. «Для этого, говорила она, стоитъ только оставлять мужчинъ въ убѣжденіи, будто они сами все придумываютъ и рѣшаютъ».

Роландъ вскорѣ завелъ рѣчь о томъ, что́ его болѣе всего занимало, чѣмъ онъ, такъ сказать, все это время жилъ, а именно о жизни Веньямина Франклина. Белла выразила желаніе тоже съ ней познакомиться. Клодвигъ поспѣшилъ ее удовлетворить, а затѣмъ предложилъ вслухъ читать далѣе съ тѣхъ поръ, на которомъ остановился Роландъ. Мальчикъ сидѣлъ съ Эрихомъ на небольшомъ возвышеніи, и оба внимательно слушали. По временамъ чтеніе прерывалось замѣчаніями и оживленнымъ разговоромъ по поводу прочитаннаго. Белла обладала способностью быстро схватывать сущность дѣла и довольно глубоко въ него вникать. Къ великому ужасу Эриха, она не замедлила открыть во Франклинѣ педанта, человѣка «въ высшей степени сухого», и съумѣла все это очень ловко и убѣдительно высказать. Эрихъ замѣтилъ, какъ стоявшій у него между колѣнями мальчикъ внезапно смутился.

Въ наше время едва ли можно долго сохранить нетронутымъ какой-бы то ни было идеалъ въ душѣ юноши, съ такимъ прошлымъ, какъ у Роланда, и съ такимъ настоящимъ, въ какомъ онъ теперь вращался. Въ сущности оно пожалуй и лучше, что ему теперь же пришлось выслушать нападки на свой идеалъ, надо только представить ихъ ему въ ихъ настоящемъ свѣтѣ и помочь ему на нихъ взглянуть съ настоящей точки зрѣнія.

Эрихъ постарался какъ можно убѣдительнѣе доказать, что трудность задачи свободнаго человѣка преимущественно заключается въ томъ, что онъ, въ противоположность служителямъ церкви, не имѣетъ авторитета, изъ устъ котораго могъ бы постоянно слышать призывъ: «иди за мной». Мы, новые люди,

должны признавать въ исключительныхъ натурахъ все чистое и великое, несмотря на то, что оно въ нихъ ограничено временемъ и предѣлами, ими самими себѣ полагаемыми.

Пока онъ говорилъ, Белла какъ-то особенно торопливо рисовала и часто кивала головой. Когда же онъ кончилъ, она взглянула ему прямо въ лицо и проговорила:

— Вы лучшій изъ всѣхъ учителей, какихъ я только знала.

Она отвернулась. Въ глазахъ у нея былъ непривычный блескъ, а на щекахъ игралъ яркій румянецъ.

— Это во многомъ зависитъ и отъ ученика, отвѣчалъ Эрихъ, въ видѣ благодарности наклоняя голову.

— Я желала бы, начала Белла, и румянецъ на ея щекахъ вспыхнулъ еще сильнѣе: — я желала бы, чтобъ вы положили Роланду на голову вашу руку. Пожалуйста, сдѣлайте это: мнѣ именно въ такомъ положеніи и хочется васъ изобразить.

Эрихъ ей повиновался, но впрочемъ замѣтилъ, что ничуть не желаетъ въ этомъ видѣ перейдти на портретъ. Надо, прибавилъ онъ, чтобъ Роландъ выучился прямо и свободно носить свою голову.

У Беллы вырвалось нетерпѣливое движеніе, и она быстро продолжала работать надъ фигурой Роланда, оставивъ Эриха въ сторонѣ.

— Наконецъ-то я нашла! внезапно воскликнула она. — Да, это такъ: вы похожи на св. Антонія у Мурильо!

— Вотъ видишь, я правду говорилъ! воскликнулъ вслѣдъ за ней и Роландъ. — Я тоже нашелъ въ тебѣ это сходство, и когда сказалъ объ этомъ Маннѣ на музыкальномъ праздникѣ, мнѣ сильно отъ нея досталось.

Клодвигъ тоже согласился съ мнѣніемъ жены на счетъ сходства Эриха съ изображеніемъ св. Антонія и сказалъ:

— Я очень люблю эту картину Мурильо и теперь какъ будто вижу ее передъ глазами. На первомъ планѣ ярко выдается колѣнопреклоненная фигура Антонія; возлѣ него лежитъ посохъ, а сзади разстилается только слегка обозначенный ландшафтъ. Около возвышается дерево и стелется по землѣ мелкій кустарникъ. Одинъ ангелъ перелистываетъ книгу, другой держитъ въ рукахъ выросшую на землѣ лилію и подаетъ ее третьему, парящему въ облакахъ. Эта лилія какъ бы служитъ связью между небомъ и землей; она представляетъ собой нѣчто небесное на землѣ.

Эрихъ окончательно смутился, когда Роландъ началъ разсказывать о томъ, какъ онъ заснулъ въ монастырской церкви, какъ былъ разбуженъ одѣтой въ черную рясу монахиней, и какія чув-

ства волновали его, когда онъ смотрѣлъ на висѣвшій передъ нимъ образъ св. Антонія.

Вслѣдъ затѣмъ Эрихъ обратился къ своимъ собесѣдникамъ съ просьбой не продолжать болѣе чтенія Франклиновой біографіи.

— Мнѣ теперь ясно, говорилъ онъ, стараясь объяснить причину своей просьбы: — что человѣку невозможно сосредоточиться и вполнѣ проникнуться той или другой мыслью, если тѣло его находится въ противорѣчащемъ съ ней, или по крайней мѣрѣ не зависящимъ отъ нея положеніи, которое онъ не долженъ или не смѣетъ перемѣнить. Есть какая-то непонятная связь, какое-то неизъяснимое соглашеніе между духовной и физической жизнью человѣка, между мыслью его и положеніемъ его тѣла.

Слова Эриха произвели на его слушателей различное впечатлѣніе. Прежде всего они въ немъ самомъ сильнѣе возбудили сознаніе его обязанностей, какъ наставника. Роландъ вспомнилъ о каменьщикахъ, работавшихъ въ крѣпости и подумалъ, какія мысли должны посѣщать ихъ въ то время, когда они взбираются на подмостки или ударяютъ молотомъ по каменьямъ? Вѣроятно и Клодвига тоже что-нибудь задѣло за живое, если судить по тому, какъ онъ задумчиво покачалъ головой и крѣпко стиснулъ губы. Но болѣе всѣхъ была озадачена Белла. Руки ея внезапно опустились, и она выронила изъ нихъ карандашъ и кусочекъ хлѣба, которымъ по временамъ стирала въ рисункѣ ту, или другую, не вполнѣ удовлетворявшую ее черту. Эрихъ проворно ихъ поднялъ и ей подалъ. Она приняла его услугу, не поблагодаривъ, и продолжала пристально смотрѣть куда-то вдаль. Слова Эриха внезапно раскрыли передъ ней тайну ея супружеской жизни. Одна мелодія, такимъ образомъ, вызвала въ каждомъ изъ четырехъ собесѣдниковъ совершенно различныя ощущенія.

Вслѣдъ затѣмъ настало продолжительное молчаніе.

Пребываніе Клодвига и Беллы на виллѣ Эдемъ возбудило много толковъ въ окрестностяхъ. Домашній учитель, говорилось всюду, завоевываетъ себѣ совершенно исключительное положеніе. Но Пранкенъ смотрѣлъ на это совсѣмъ съ другой точки зрѣнія и, въ качествѣ будущаго члена семьи Зонненкампа, пригласилъ на виллу, только-что возвратившихся съ водъ, мирового судью, его жену и дочь.

Они пріѣхали, и Пранкенъ особенно ласково и дружелюбно обошелся съ Линой. Онъ гулялъ съ ней по саду и много разспрашивалъ ее о монастырской жизни. Лина принялась живо и забавно описывать настоятельницу, монахинь и подругъ, изображая ихъ всѣхъ съ смѣшной стороны. Ея собственное пребываніе въ монастырѣ ограничилось тщательнымъ изученіемъ ино-

странныхъ языковъ. Веселость и рѣзвость Лины вскорѣ разсѣяли мечтательное настроеніе духа Пранкена, въ которомъ даже пробудились всѣ его прежнія стремленія и воззрѣнія на жизнь. «Зачѣмъ, думалось ему, оставлять настоящее пустымъ и обнаженнымъ? Вѣдь Белла же забавляется, кокетничая съ капитаномъ,— отчего же и ему, съ своей стороны, не приволокнуться за Линой? Что̀ предосудительнаго въ легкой шуткѣ, въ маленькомъ сердечномъ раздраженіи? Развѣ не въ его власти остановиться, когда онъ захочетъ и не доводить дѣла до крайностей?»

Прежній Пранкенъ, тотъ Пранкенъ, котораго мы знали до пріобрѣтенія имъ зеленой вѣтки, схватился обѣими руками за свою спасенную бороду и съ самодовольной улыбкой началъ ее подергивать.

Рѣшено: настоящая минута бездѣйствія и отдыха будетъ посвящена игрѣ съ Линой, дочерью мирового судьи. Это послѣднее волокитство легко можно будетъ отнести ко времени, предшествовавшему посѣщенію монастыря, и отчего не присоединить еще этой одной шалости къ тому, что̀ Маннѣ придется забыть изъ его прошлой жизни?

Лина, между тѣмъ, повидимому, равнодушно принимала ухаживанье Пранкена и была одинаково мила и любезна, какъ съ нимъ, такъ и съ Эрихомъ. Послѣдняго она даже называла своимъ братомъ по пѣнію.

Вилла и паркъ огласились веселымъ говоромъ и смѣхомъ. Пранкенъ убѣдилъ своего зятя, пока Белла будетъ рисовать, устроить вмѣстѣ съ нимъ маленькую прогулку по водѣ для Лины. Онъ, въ припадкѣ великодушія, хотѣлъ даже взять съ собой и Роланда, съ цѣлью доставить сестрѣ случай остаться съ Эрихомъ наединѣ. Но Роландъ отказался ѣхать безъ своего наставника: онъ явно началъ чуждаться Пранкена.

Лина, во время прогулки, звонкимъ голосомъ распѣвала пѣсни, въ которыхъ все говорилось о любви. Въ пѣніи ея на этотъ разъ было столько чувства и выразительности, что Пранкенъ время отъ времени на нее съ удивленіемъ взглядывалъ и снова опускалъ глаза. Клодвигъ, по возвращеніи на виллу, объявилъ женѣ, что пѣніе Лины также свѣжо и прекрасно, какъ ароматъ полевого цвѣтка.

Белла просила мирового судью и судейшу отпустить Лину къ ней въ Вольфсгартенъ. Судья, было, слегка воспротивился этому, но жена его поспѣшила дать свое согласіе, и Лина, торжествуя, уѣхала въ каретѣ вмѣстѣ съ Клодвигомъ и Беллой. Пранкенъ сопровождалъ ихъ верхомъ.

Послѣ шума и оживленія, которые царствовали на виллѣ въ

эти послѣдніе дни, Эрихъ и Роландъ снова вернулись къ своему спокойному образу жизни. Только Эрихомъ втайнѣ овладѣло непривычное для него чувство тоски и утомленія, съ которымъ онъ тщетно боролся. Ему было несказанно тяжело, отрекаясь отъ собственной личности, вполнѣ отдавать себя другому, съ ранняго утра и до поздней ночи быть всегда на сторожѣ, зорко слѣдить за каждымъ движеніемъ души Роланда, ловить малѣйшее отступленіе отъ истины его, еще шаткаго ума и безпрестанно направлять его то въ ту, то въ другую сторону. Сердце Эриха постоянно рвалось къ Клодвигу, а еще болѣе — хотя онъ въ томъ и не хотѣлъ сознаться — къ Беллѣ. Въ ихъ обществѣ онъ находилъ много новаго, чего-то такого, что́ его оживляло и возбуждало. А теперь съ ихъ отъѣздомъ онъ почувствовалъ страшную пустоту. Тѣмъ не менѣе, онъ долго удерживалъ себя, и только по истеченіи нѣсколькихъ дней рѣшился, наконецъ, сдаться на просьбы Роланда и отправиться съ обѣщаннымъ визитомъ въ Вольфсгартенъ.

Эрихъ долго отговаривался тѣмъ, что считаетъ себя не вправѣ уѣхать изъ дому, который былъ ввѣренъ его попеченію. Но Пранкенъ устроилъ дѣло, взявъ на себя всю отвѣтственность, при чемъ не преминулъ кольнуть Эриха замѣчаніемъ:

— Вѣдь вы же ѣздили на музыкальный праздникъ, сказалъ онъ ему, и не побоялись тогда оставить слугъ единственными хранителями дома. Къ тому же, повторяю вамъ, я за все отвѣчаю.

ГЛАВА XX.

ВТОРЖЕНІЕ ВЪ ЧУЖІЯ ВЛАДѢНІЯ.

Прекрасное зрѣлище представляетъ долина, лежащая по берегу рѣки, волны которой быстро, но ровно, безъ шуму и пѣны, стремятся впередъ. Онѣ сверкаютъ на солнцѣ, отражая въ себѣ небо со всѣми его видоизмѣненіями; по нимъ проворно скользятъ суда, а когда взойдетъ мѣсяцъ и все вокругъ замолкнетъ, окрестность оглашается ихъ тихимъ, мѣрнымъ плескомъ. Но не менѣе прекрасенъ и видъ, растилающійся съ горныхъ вершинъ. У подножія холма тянутся, теряясь вдали, поля, лѣса, виноградники, возвышаются селенія и города, а между ними нескончаемой лентой извивается рѣка.

Вольфсгартенъ внезапно ожилъ и повеселѣлъ. Портреты Эриха и Роланда были окончены. Эрихъ занимался приведеніемъ въ по-

рядокъ кабинета рѣдкостей Клодвига и мало-по-малу посвящалъ своего воспитанника въ таинства науки о древностяхъ. Но кромѣ того, они много пѣли, смѣялись, гуляли пѣшкомъ и верхомъ, дѣлали экскурсіи въ сосѣдніе лѣса, а по временамъ и разговаривали о серьезныхъ предметахъ.

Прогуливаясь съ Эрихомъ въ паркѣ, Белла часто брала съ собой попугая, который, сидя у нея на плечѣ, неблагосклонно поглядывалъ на молодого человѣка и постоянно его дразнилъ. Белла иногда отпускала попугая полетать на свободѣ, при чемъ говорила ему: — «Но, Коко, ты сегодня вечеромъ вернешься домой»! И Коко леталъ по лѣсу, отдыхалъ на деревьяхъ и вечеромъ непремѣнно возвращался къ своей хозяйкѣ, которая его тогда называла своимъ вольноотпущеннымъ рабомъ.

Случилось, однако, что въ одинъ прекрасный вечеръ Коко не заблагоразсудилъ вернуться и пропадалъ цѣлыхъ два дня. Клодвигъ встревожился и просилъ всѣхъ и каждаго отыскать попугая его жены, не замѣчая, какъ та спокойно переносила его продолжительное отсутствіе.

Во всѣхъ прогулкахъ по лѣсу какъ-то само собой устраивалось, что Белла всегда оставалась вдвоемъ съ Эрихомъ, а Роландъ съ Линой. Послѣдняя была очень счастлива тѣмъ, что могла выходить по произволу, не подчиняясь никакому надзору.

Однажды утромъ въ Вольфсгартенъ пришло извѣстіе, подавшее поводъ ко многимъ толкамъ. Изящно-литографированный листокъ сообщалъ о помолвкѣ дочери «виннаго графа» съ сыномъ гофмаршала. Всѣ не могли надивиться тому, какъ могъ этотъ молодой человѣкъ, дни котораго были сочтены, помышлять о женитьбѣ. Съ другой стороны, еще болѣе странной казалась рѣшимость молодой и прекрасной дѣвушки выходить замужъ за человѣка, обреченнаго на вѣрную смерть. Но Лина, которая очень хорошо знала всю хронику страны, разсказала, что дочь «виннаго графа» не разъ выражала свое желаніе остаться молодой вдовой съ титуломъ баронессы. Белла какъ-то неопредѣленно, но съ большимъ чувствомъ выразила по этому поводу свое мнѣніе, обращаясь при этомъ почти исключительно къ Эриху, какъ-будто ему одному долженъ былъ быть вполнѣ понятенъ смыслъ ея словъ.

Пришли также газеты, а въ нихъ извѣстіе о возвращеніи изъ Америки брата герцога, для котораго онъ, между прочимъ, привезъ съ собой негра, бывшаго невольника.

Общество, собравшись вмѣстѣ, толковало о томъ, какое впечатлѣніе могла произвести американская республика на нѣмецкаго принца, какъ вдругъ въ комнату вбѣжалъ Роландъ, воскли-

щая: «Я его поймалъ!» и дѣйствительно у него въ рукахъ былъ попугай.

— А, вотъ и ты, мой вольноотпущенный рабъ! привѣтствовала его Белла. Попугай вырвался изъ рукъ Роланда, полетѣлъ прямо къ своей госпожѣ, сѣлъ къ ней на плечо и злобно закричалъ на Эриха.

Но Клодвига не такъ-то легко было отвлечь отъ разговора, который ему нравился. Всякій разъ, что онъ принимался излагать свои взгляды на жизнь, Белла непремѣнно съ участіемъ присоединялась къ нему. Иногда ея замѣчанія, правда, казались Эриху очень поверхностными, но онъ всегда спѣшилъ оттолкнуть отъ себя эту мысль, находя ея неумѣстною и педантическою. Жизнь, проводимая почти исключительно за книгами, говорилъ онъ самому себѣ, сдѣлала его сухимъ, холоднымъ и нечувствительнымъ къ прелести легкаго, граціознаго разговора, а обязанности воспитателя черезъ-чуръ развили въ немъ стремленіе къ тому, что̀ служитъ простымъ, безхитростнымъ выраженіемъ природы. Онъ, напротивъ, долженъ радоваться тому, что въ кругъ его обыденной, ежедневной жизни вступило существо съ такой богатой и живой натурой. Онъ говорилъ себѣ, что мотыльковая беззаботность и легкомысліе вѣроятно лежатъ въ основаніи всякаго женскаго характера и ума. До сихъ поръ онъ въ матери и въ теткѣ видѣлъ только одни серьезныя качества, безграничную добросовѣстность и любовь къ труду. Теперь передъ нимъ выступало совершенно новое явленіе, легкое и граціозное, исполненное неуловимой прелести. Къ чему требовать отъ него еще чего-нибудь другого?

Эрихъ съ Беллой ушли въ паркъ, а Роландъ и Лина остались съ Клодвигомъ. Белла жаловалась Эриху на то, что ее нерѣдко посѣщаютъ религіозныя сомнѣнія, которыя она тщетно старается въ себѣ заглушить. А между тѣмъ, прибавила она, жизнь безъ вѣры въ будущее обновленное существованіе кажется такой страшной загадкой. Эрихъ, не желая въ ней окончательно уничтожать ея вѣрованій, старался ее утѣшить, указывая на размышленіе, какъ на единственный способъ, посредствомъ котораго человѣкъ можетъ дойти до успокоенія. Но въ сердцахъ обоихъ таилось странное противорѣчіе съ произносимыми ими словами. Они чувствовали, что коснулись предмета, выступающаго за предѣлы человѣческой жизни и превышающаго ихъ понятія.

Вдругъ къ нимъ подскакалъ на измученной, взмыленной лошади Бертрамъ, который еще издали кричалъ:

— Господинъ Дорнэ, пожалуйте немедленно домой!

— Что̀ случилось? спросилъ Эрихъ.

Къ нимъ присоединились Клодвигъ, Роландъ и Лина, а Пранкенъ, высунувшись изъ окна, повторилъ вопросъ Эриха:

— Что́ случилось?

— Воры! Разбойники! почти закричалъ имъ въ отвѣтъ Бертрамъ. Негодяи проникли въ комнату господина Зонненкампа, предварительно сломавъ у ней замокъ.

Нѣсколько минутъ спустя, Эрихъ, Роландъ и Пранкенъ сидѣли въ каретѣ и быстро катились по направленію къ виллѣ. Пранкенъ былъ сильно раздосадованъ тѣмъ, что уговорилъ Эриха уѣхать изъ дому, и такимъ образомъ какъ бы взялъ на себя часть его отвѣтственности.

— А какъ ты полагаешь, Эрихъ, чтобы сказалъ или подумалъ Франклинъ по случаю этого воровства?

Пранкенъ рѣзко его остановилъ:

— Первымъ долгомъ сына было бы освѣдомиться, что́ скажетъ его отецъ, а ничуть не Франклинъ.

Эрихъ и Роландъ оба не возражали.

Они опять долго ѣхали молча. Эриха преслѣдовали мучительныя мысли. Онъ передъ судомъ своей совѣсти казался себѣ дважды воромъ. Тамъ кто-то ворвался на виллу и произвелъ грабежъ, — а самъ онъ что̀ сдѣлалъ? Не только лишилъ своей заботливости ввѣренную его попеченіямъ молодую душу, но еще, подъ прикрытіемъ дружбы, забывъ честь, пытался словомъ и взглядомъ отнять у другого то, что̀ составляетъ его драгоцѣннѣйшую собственность — жену. Эрихъ держалъ руку на груди, какъ бы стараясь умѣрить біенія своего сердца. Тотъ, укравшій деньги, подлежитъ строгому взысканію со стороны закона, — а ты, чему подвергаешься? Онъ сидѣлъ совсѣмъ уничтоженный и всякій разъ, что на него взглядывалъ Роландъ, невольно опускалъ глаза въ землю.

Наконецъ, съ трудомъ совладавъ съ собой, Эрихъ дрожащимъ голосомъ сказалъ, что онъ одинъ долженъ отвѣчать передъ Зонненкампомъ за случившуюся въ его домѣ бѣду. Благодарный Пранкену за доброту, съ какой тотъ хотѣлъ взять на себя половину отвѣтственности, онъ однако сознаетъ невозможность его вмѣшательства въ это дѣло. Нѣтъ, виноватъ онъ одинъ, и пусть на него одного падутъ всѣ послѣдствія его вины.

Эрихъ говорилъ съ такимъ жаромъ и такъ жестоко себя упрекалъ, что Пранкенъ и Роландъ съ изумленіемъ на него смотрѣли.

ГЛАВА XXI.

НАУЧИСЬ ПОНИМАТЬ ЗЛО.

Вилла Эдемъ до сихъ поръ была окружена какою-то таинственностью. Злоба, зависть и страхъ распространили мнѣніе, что въ ней что-то не ладно, равно какъ и съ самимъ Зонненкампомъ, который всѣмъ и каждому показывался, и съ Церерой, которую мало кто видѣлъ. Прибитыя къ стѣнамъ доски съ угрозами и предостереженіями на счетъ самострѣловъ и капкановъ, внушали прохожимъ непреодолимый страхъ. Въ народѣ даже ходили слухи, будто Зонненкампъ намазывалъ искусно скрытыя въ зелени оружія такимъ ядомъ, отъ котораго не было спасенія. Прислуга на виллѣ тоже, подобно господамъ, отличалась сдержанностью и рѣдко съ кѣмъ вступала въ разговоры. На нее смотрѣли съ нѣкоторымъ предубѣжденемъ и ей едва кланялись. Теперь же, благодаря воровству, неизвѣстно гдѣ скрывавшійся на виллѣ таинственный драконъ превратился въ воронье пугало. Съ великолѣпнаго бѣлаго дома былъ внезапно сорванъ покровъ, ставни и двери его сами собой раскрылись и повсюду разнесся слухъ, будто воровство совершилось съ помощью слугъ.

Проѣзжая по селамъ и вдоль большой дороги, Эрихъ, Роландъ и Пранкенъ были предметомъ всеобщаго любопытства. Нѣкоторые изъ прохожихъ и изъ поселянъ при встрѣчѣ съ ними слегка приподнимали шапки, а большинство провожало ихъ двусмысленной улыбкой и легкимъ пожатіемъ плечъ. Всѣ точно хотѣли сказать: «Теперь насталъ конецъ вашей таинственности, къ вамъ наѣдетъ судъ, и мы всѣ узнаемъ, что̀ у васъ тамъ дѣлается».

На виллѣ все было въ безпорядкѣ и смятеніи. Кастелянъ утверждалъ, что воровство непремѣнно должно быть совершено кѣмъ-нибудь изъ домашнихъ. Всѣ ворота и двери были крѣпко замкнуты, ни одна изъ собакъ не лаяла. Воры, безъ сомнѣнія, хорошо знали мѣстность и успѣли пріучить къ себѣ собакъ. Полиція уже успѣла пріѣхать на виллу. Замо̀къ отъ двери, ведущей въ кабинетъ Зонненкампа, былъ сломанъ, и тамъ не доставало многихъ вещей, между которыми особенно замѣчалось отсутствіе кинжала съ брильянтомъ на рукояткѣ. Воры, по всему видно, старались также вскрыть несгораемый сундукъ, но не могли съ нимъ справиться. Изъ буфета въ столовой исчезли большіе серебряные и золотые кубки, а изъ Роландовой комнаты золотые часы, которые онъ, передъ отъѣздомъ въ Вольфсгартенъ,

положилъ на столикъ у кровати. Кромѣ того долго не могли найти подушки съ его постели. Она наконецъ оказалась на садовой стѣнѣ, прикрывая собой куски разбитаго стекла, разставленнаго тамъ именно съ цѣлью сдѣлать эту стѣну недоступной для воровъ. Но теперь подушка явно дала имъ возможность перебраться въ садъ безъ всякаго для нихъ вреда.

Въ паркѣ, за оранжереями, открылись слѣды ногъ, повидимому принадлежавшіе двумъ человѣкамъ. Въ углу, гдѣ лежала большая куча чернозема, одинъ изъ воровъ вѣроятно о нее споткнулся и упалъ, такъ какъ на ней оказалось углубленіе въ видѣ человѣческой формы. Тутъ же стояла пара старыхъ сапоговъ, которые по освидѣтельствованіи были признаны за собственность садовника, прозываемаго Гномомъ. Ихъ сравнили со слѣдами въ паркѣ и они какъ разъ къ нимъ пришлись. Это послужило указаніемъ, впрочемъ весьма ничтожнымъ. Между тѣмъ явился на работу и самъ садовникъ. Онъ съ удивленіемъ выслушалъ разсказъ обо всемъ случившемся, а потомъ принялся за свое дѣло. Его никто пока не тревожилъ.

Въ большой залѣ съ балкономъ уже успѣли собраться судебный слѣдователь, бургомистръ изъ сосѣдней деревни и нѣсколько другихъ, пользовавшихся всеобщимъ уваженіемъ лицъ. Роландъ стоялъ въ сторонѣ и съ выраженіемъ испуга на лицѣ пристально смотрѣлъ на подушку, съ помощью которой воры перебирались черезъ стѣну. Онъ былъ очень блѣденъ и съ напряженнымъ вниманіемъ слушалъ, какъ слѣдователь распрашивалъ то того, то другого изъ слугъ, стараясь добиться истины и напасть на слѣдъ грабителей.

Между тѣмъ въ комнату вошелъ Гномъ и объявилъ, что у него тоже украли пару сапоговъ.

— Знаю, знаю, отвѣчалъ ему слѣдователь:—и даже воровство здѣсь было произведено въ твоихъ сапогахъ.

Гномъ, повидимому, не могъ придти въ себя отъ изумленія. По лицу его даже можно было заключить, что онъ не вполнѣ понялъ смыслъ словъ, произнесенныхъ слѣдователемъ, который вдобавокъ приказалъ его еще арестовать. Тутъ только садовникъ очнулся и началъ горько жаловаться на свою судьбу, говоря, что невиннымъ людямъ всегда приходится страдать. Роландъ былъ тронутъ отчаяніемъ бѣднаго малаго и просилъ его отпустить.

— Кто до меня дотронется, того я на мѣстѣ задушу! внезапно воскликнулъ Гномъ. Онъ теперь казался совсѣмъ другимъ человѣкомъ.

Слѣдователь сдѣлалъ знакъ двумъ полицейскимъ служителямъ, которые немедленно связали Гному руки.

Эрихъ увелъ Роланда. Зачѣмъ было мальчику присутствовать при такого рода зрѣлищѣ? Къ счастію, въ это время пріѣхалъ маіоръ, и Эрихъ поручилъ ему Роланда.

— Это для тебя хорошій урокъ, сказалъ маіоръ мальчику. У тебя все могутъ украсть, исключая богатствъ, заключающихся въ головѣ и въ сердцѣ: тѣ всегда при тебѣ останутся. Помни это!

Слѣдователь между тѣмъ призвалъ слугъ и спрашивалъ у нихъ, кого они въ послѣднее время видѣли на виллѣ? Они назвали многихъ, но показаніе кастеляна оказалось самымъ важнымъ.

— Капитанъ Дорнэ, сказалъ онъ, недавно водилъ по всему дому ловчаго, который, уходя отсюда, сказалъ мнѣ: ты охраняешь деньги и добро богатаго человѣка, а право, лучше бы было растворить всѣ двери этого дома настежъ и разнести по свѣту все, что̀ въ немъ заключается.

Эрихъ принужденъ былъ подтвердить справедливость показаній кастеляна: онъ дѣйствительно водилъ Клауса по дому, и тотъ при этомъ произносилъ странныя, безсвязныя рѣчи. Но въ тоже время Эрихъ сказалъ, что готовъ поручиться за честность ловчаго, котораго хорошо знаетъ.

Слѣдователь ничего ему на это не отвѣчалъ и немедленно отправилъ къ Клаусу двухъ полицейскихъ съ тѣмъ, чтобы произвести у него обыскъ.

Клаусъ встрѣтилъ ихъ со смѣхомъ и пожимая плечами. Въ домѣ у него ничего не оказалось, но вниманіе полицейскихъ было привлечено собакой, которая, сидя на цѣпи въ своей конурѣ, все время страшно лаяла.

— Сними съ цѣпи эту собаку, сказалъ одинъ изъ нихъ ловчему, который, пока обыскивали его домъ, не переставалъ про себя что-то ворчать.

— Зачѣмъ? спросилъ онъ.

— Я такъ хочу, и если ты немедленно не исполнишь моего приказанія, то я убью собаку.

Клаусъ отцѣпилъ собаку, а полицейскіе принялись шарить въ конурѣ и вскорѣ нашли въ соломѣ часы Роланда и кинжалъ съ брильянтомъ. Ловчій клялся, что не знаетъ, какъ они тамъ очутились, но его тѣмъ не менѣе арестовали и повели на виллу. Дорогой Клаусъ постоянно встряхивалъ цѣпями, воздѣвалъ руки къ небу и протягивалъ ихъ къ полямъ и виноградникамъ, точно призывая ихъ въ свидѣтели своего незаслуженнаго униженія: «Смотрите», казалось говорилъ онъ имъ: «смотрите, въ какомъ я видѣ!»

Послѣ этого приступили къ составленію протокола объ украденныхъ вещахъ, насколько это было возможно за отсутствіемъ

ихъ хозяина. Роландъ въ первый разъ въ жизни долженъ былъ подписать свое имя подъ судебнымъ актомъ.

Эрихъ сказалъ маіору:

— Трудно угадать, какое впечатлѣніе все это произведетъ на мальчика.

— Во всякомъ случаѣ не вредное, возразилъ маіоръ. У него здоровая голова, да къ тому же, говоритъ фрейленъ Милькъ, молодое сердце и молодой желудокъ чего не переварятъ!

Но на этотъ разъ фрейленъ Милькъ немного ошиблась. Когда Клауса въ цѣпяхъ вывели изъ комнаты, у Роланда вырвался громкій крикъ отчаянія.

Вскорѣ открылись новые слѣды воровства. Въ окрестностяхъ видѣли подкупленнаго Пранкеномъ и прогнаннаго Зонненкампомъ по подозрѣнію въ шпіонствѣ конюха, котораго узнали, не смотря на то, что онъ былъ искусно переодѣтъ. Тотчасъ полетѣли во всѣ стороны телеграммы съ предписаніемъ задержать предполагаемаго вора. Зонненкампу тоже отправили депешу.

Въ числѣ другихъ посѣтителей на виллу пришелъ также и патеръ. Кротко высказавъ свое сожалѣніе по поводу случившейся бѣды, онъ обратился къ Эриху съ увѣщаніемъ, чтобъ тотъ не слишкомъ сильно принималъ ее къ сердцу. Уединенный образъ жизни, который Эрихъ до сихъ поръ велъ въ качествѣ ученаго, говорилъ онъ, совершенно естественно долженъ былъ оставить его въ невѣдѣніи на счетъ зла, существующаго въ мірѣ. Пусть же теперь, когда оно передъ нимъ разоблачится, онъ не слишкомъ удивляется и возмущается.

Эрихъ выслушалъ все это со смиреніемъ, источникъ котораго былъ неизвѣстенъ патеру. Ему пришла на память самоувѣренность, съ какою онъ еще такъ недавно проповѣдывалъ о томъ, какъ всякій желающій посвятить себя служенію идеи, долженъ отречься отъ всего остальнаго въ мірѣ. И что́ же: теперь передъ нимъ стоялъ человѣкъ, который по своему, въ теченіи цѣлой жизни слѣдовалъ этому правилу, а онъ, напротивъ, позволилъ себѣ увлечься соблазнительной игрой и такимъ образомъ какъ бы измѣнилъ самому себѣ.

Патеръ продолжалъ распространяться о томъ, какъ болѣзненно должно отзываться всякое зло въ сердцѣ человѣка, еще не успѣвшаго закалиться въ борьбѣ съ жизнью. Эрихъ, едва сознавая свой отвѣтъ, замѣтилъ, что онъ въ теченіи нѣкотораго времени былъ, по собственному желанію, прикомандированъ къ рабочему дому, гдѣ занимался обращеніемъ на истинный путь заключенныхъ тамъ преступниковъ. Патеръ выразилъ ему по этому поводу свое полное одобреніе и взглянулъ на Роланда, желая

видѣть, какое впечатлѣніе все это произвело на него. Эрихъ тоже съ безпокойствомъ смотрѣлъ на мальчика. А тотъ казался смущеннымъ и дѣйствительно былъ непріятно пораженъ. Мысль, что онъ находится въ рукахъ человѣка, нѣкогда служившаго при набочемъ домѣ, какъ будто унизила его въ собственныхъ глазахъ и повергла его въ уныніе. Цѣль, воодушевлявшая Эриха, вполнѣ отъ него ускользнула и онъ долго сидѣлъ, закрывъ лицо руками, погруженный въ глубокую задумчивость.

Патеръ, замѣтя Роланда въ этомъ положеніи, подошелъ къ нему и сталъ его уговаривать, чтобъ онъ не печалился о томъ, что̀ произошло на виллѣ. Пусть это только послужитъ ему урокомъ и онъ разъ навсегда узнаетъ, какъ непрочны всѣ земныя блага и какъ вообще опасно слѣпо полагаться на людей. Въ мірѣ только и есть прочнаго, что вѣра въ Бога, который одинъ пребываетъ вѣчно неизмѣннымъ.

Когда Эрихъ и Роландъ остались одни, послѣдній еще долго сидѣлъ погруженный въ себя.

— Знаетъ отецъ, чѣмъ ты былъ прежде? спросилъ онъ наконецъ.

— Да.

— А почему ты мнѣ этого не сказалъ?

— Потому что я не имѣлъ причины ни скрывать отъ тебя этого, ни объявлять тебѣ объ этомъ.

Мальчикъ опять закрылъ лицо руками, а Эрихъ принялся ему объяснять, какъ онъ считаетъ своимъ долгомъ спасать несчастныхъ и помогать заблудшимъ выходить на истинный путь. Онъ говорилъ съ такимъ жаромъ и такъ убѣдительно, что мальчикъ вскорѣ отнялъ отъ лица руки и протянувъ ему одну изъ нихъ, воскликнулъ:

— Прости меня! Ты лучше всѣхъ на свѣтѣ!

Это восклицаніе, какъ ножемъ, поразило Эриха въ самое сердце.

Судебный слѣдователь между тѣмъ уѣхалъ, а вмѣстѣ съ нимъ и полицейскіе служители. Пранкенъ вскорѣ тоже послѣдовалъ ихъ примѣру. Роландъ со страхомъ озирался вокругъ, какъ бы ежеминутно ожидая увидѣть привидѣніе или злого духа. Здѣсь, по этой лѣстницѣ, поднимались злодѣи и ломали эти двери и замки; весь домъ былъ оскверненъ ихъ ненавистнымъ присутствіемъ. Мальчикъ не столько сожалѣлъ объ украденныхъ вещахъ, сколько съ отвращеніемъ смотрѣлъ на оставшіяся, которыя такъ живо напоминали ему о ворахъ.

Роландъ просилъ Эриха ни на минуту не оставлять его одного. Онъ чувствовалъ невыразимый страхъ. Настала ночь, а

мальчикъ все еще не рѣшался лечь въ постель. Ему казалось невозможнымъ заснуть на кровати, съ которой у него воры похитили подушку. Однако Эриху удалось его успокоить обѣщаніемъ, что онъ останется у него въ комнатѣ.

Когда Роландъ уже легъ, Эрихъ ему сказалъ:

— Я еще долженъ тебѣ отвѣчать на одинъ вопросъ. Ты спрашивалъ, чтобы сказалъ Франклинъ по поводу этого воровства, и я полагаю, что могу тебѣ отвѣчать за него. Онъ безъ сомнѣнія не имѣлъ бы состраданія къ ворамъ и отдалъ бы ихъ въ руки правосудія, но остался бы при убѣжденіи, что пороки отдѣльныхъ личностей не должны потрясать въ людяхъ вѣры въ человѣчество. Еслибъ воры могли отнять у насъ вѣру, они взяли бы у насъ гораздо болѣе, чѣмъ могли бы унести въ своихъ рукахъ.

Роландъ въ отвѣтъ только кивнулъ головой. Онъ уже давно спалъ, а Эрихъ все еще продолжалъ стоять у его изголовья, проникнутый сожалѣніемъ къ мальчику, которому пришлось все это такъ рано узнать. Къ чему ведутъ всѣ мудрствованія и усилія дать уму и сердцу юноши то или другое направленіе? Невидимая, непреодолимая сила событій, сама жизнь воспитываютъ человѣка, а не одна какая-нибудь личность.

Эрихъ подошелъ къ окну и долго смотрѣлъ на рѣку и виноградныя горы. Мы всѣ работаемъ по мѣрѣ нашихъ силъ, но то, что выходитъ изъ нашей работы,—зависитъ не отъ насъ, а отъ той всемогущей, всеобъемлющей силы, которую обыкновенно называютъ Богомъ.

Эрихъ былъ глубоко потрясенъ. Событія этого дня произвели на него даже болѣе сильное впечатлѣніе, чѣмъ на Роланда. Они, такъ сказать, остановили его на краю пропасти и избавили отъ гибели. Смотря изъ окна своей комнаты въ разстилавшуюся передъ нимъ даль, онъ принялъ твердую рѣшимость впередъ быть осторожнѣе.

Его позвали внизъ. Судебный слѣдователь прислалъ телеграмму, полученную отъ Зонненкампа. Въ ней говорилось:

«Отложилъ поѣздку къ морю, возвращаюсь домой. Отыщу воровъ, кто бы они ни были».

Б. Ауербахъ.

(*Окончаніе пятой книги.*)

ЛАМАРТИНЪ

(Біографическій очеркъ).

Въ нашъ вѣкъ, теченіе умственной жизни европейскаго общества такъ быстро, что представители отдѣльныхъ фазисовъ ея развитія почти всѣ переживаютъ себя; гораздо ранѣе, чѣмъ они успѣваютъ состарѣться, тотъ умственный моментъ, который выдвинулъ ихъ, которымъ запечатлѣна ихъ личность, заслоняется нѣсколькими послѣдующими моментами. За сочувствіемъ, восторгомъ, благодарностью, вызванными тѣмъ аккордомъ, какой образовался изъ шопота или крика общественной потребности слова или дѣла человѣка, выступившаго органомъ этой потребности, является отрицаніе, за отрицаніемъ равнодушіе, если не забвеніе. Та умственная потребность, тотъ принципъ, представителями котораго явились люди данной краткой эпохи, скоро отодвинется въ область обойденныхъ жизнью пунктовъ, представляется какъ ein überwundener Standpunkt. Въ нашъ вѣкъ не надо ждать новаго поколѣнія, чтобы для писателя, для общественнаго дѣятеля наступило потомство. То самое поколѣніе, въ которому принадлежитъ онъ по году рожденія, успѣваетъ измѣниться достаточно для того, чтобы, оборотясь назадъ, на близкое прошлое, взглянуть на него едва ли не враждебно. А новыя, наростающія поколѣнія такъ заняты собственными своими дѣлами, что для дѣятелей недавняго прошлаго періодъ полузабвенія наступаетъ ранѣе, чѣмъ періодъ безпристрастія.

Правда, писатель и общественный дѣятель, какъ личность принадлежащая своему времени, и самъ испытываетъ на себѣ перемѣны, чрезъ которыя проходитъ интеллектуальное движеніе современнаго ему общества. Но немногимъ изъ никъ удается быть истолкователемъ или первостепеннымъ дѣятелемъ, предста-

вителемъ двухъ различныхъ періодовъ, двухъ послѣдующихъ теченій общественной мысли. Самыя заслуги, оказанныя первому, самый характеръ человѣка, какъ признаннаго представителя такой-то эпохи, уже стѣсняютъ его при обращеніи къ послѣдующимъ степенямъ общественнаго развитія. Какъ личность частная, онъ можетъ стать неизвѣстнымъ гражданиномъ новой эры, какъ типъ общественный, онъ остается представителемъ прошлаго, которому имя его служитъ паролемъ.

Едва ли какая-либо знаменитость нашего вѣка до такой степени пережила самоё себя, какъ Ламартинъ. Надъ тѣмъ періодомъ, тѣмъ настроеніемъ, которыхъ онъ былъ представителемъ, какъ поэтъ, образовалось уже нѣсколько пластовъ когда-то новыхъ, но давно постарѣвшихъ, движеній, преданій, ошибокъ и разочарованій. Въ памяти людей онъ давно лежалъ въ могилѣ, гробъ его глубоко опустился въ землю, подъ десяткомъ другихъ, давно оплаканныхъ, осужденныхъ и забытыхъ. Представитель реакціи противъ перваго Наполеона, онъ пережилъ десятокъ новыхъ реакцій, послѣдовавшихъ затѣмъ во Франціи, и умеръ теперь, когда началась замѣтная реакція противъ второго Наполеона, реакція уже противъ того порядка, съ самымъ наступленіемъ котораго, Ламартинъ, уже старикъ, окончательно сошелъ съ общественной сцены.

Великое литературное движеніе начала и первой четверти нашего вѣка, позже всѣхъ охватило Францію. Въ этомъ движеніи, изъ котораго впослѣдствіи формулировался такъ-называемый романтизмъ, участвовало нѣсколько элементовъ, связанныхъ между собою скорѣе внѣшнею необходимостью обстоятельствъ времени, чѣмъ внутреннею логическою необходимостью. Подъ вліяніемъ философскихъ системъ, въ которыя вылилась свободная спекуляція отвлеченнаго ума, человѣкъ не только углубился въ самого себя, сдѣлалъ свое *я* предметомъ философско-литературной обработки, но и сталъ глядѣть на себя въ связи со всею природою и съ исторіею человѣчества. Человѣка стала увлекать таинственность собственной его природы, и въ тоже время его стало тѣснить сознаніе бренности, ничтожности того личнаго существа, которое такъ высоко летало мыслью. Контрастъ между вѣчностью, правильностью внѣшней природы, и бренностью, самопротиворѣчіемъ природы человѣка сдѣлался любимою темой поэтовъ. Результаты, къ какимъ они приходили, были различны: фатализмъ, разочарованіе или покорность; но всѣ они истекали изъ одного источника — раздвоенія человѣческой природы, преувеличенныхъ, необузданныхъ стремленій къ идеально-великому

и могучему, и возмущенія или скорби надъ весьма простымъ фактомъ человѣческой слабости и недолговѣчности.

Но это было не все. Въ литературѣ того времени дѣйствовали не одни философскія побужденія, а также причины политическія. Вся Европа вела борьбу сперва съ французскою революціею, потомъ съ завоевательною диктатурою Наполеона. Борьба эта произвела такъ-называемый принципъ національностей, заставила покоренныя націи обратиться съ любовью къ ихъ исторіи, ко всему, что̀ напоминало имъ народность и народную славу. Отсюда, въ Германіи и въ Италіи элементъ народности и пристрастія къ древней жизни націй, даже къ самой эпохѣ ихъ образованія, къ среднимъ вѣкамъ — запечатлѣли литературу совершенно-новымъ колоритомъ, дали ей реальное содержаніе въ дополненіе къ тому отвлеченному, философскому, скептически-безплодному направленію, которое уже отразилось на ней. Но какъ за идеею освобожденія національностей шло возстановленіе старыхъ порядковъ, такъ за духомъ національныхъ преданій въ литературѣ явилась реакція въ смыслѣ религіи отцовъ и традицій феодализма. Романтизмъ въ смыслѣ народности въ литературѣ, разумѣется, долженъ былъ отразиться сильнѣе въ Германіи, гдѣ онъ вышелъ изъ національнаго движенія. Романтизмъ въ смыслѣ поэтизированія религіозныхъ преданій долженъ былъ ярче обозначиться во Франціи, гдѣ религія была ниспровергнута и преслѣдуема. Феодальныя преданія должны были проявиться сильнѣе и дольше держаться въ литературѣ Англіи и Германіи, которыя боролись съ революціею, чѣмъ въ литературѣ Франціи, гдѣ уже сама королевская власть, еще до своего паденія, окончательно стерла феодализмъ. За то во Франціи новое литературное движеніе должно было получить еще смыслъ революціи противъ произвольныхъ, устарѣлыхъ формъ классицизма, — революціи, которая въ Англіи и Германіи была начата гораздо раньше, именно еще въ концѣ прошлаго столѣтія, и при самомъ началѣ нынѣшняго.

Опредѣлимъ теперь то мѣсто, которое занялъ, среди умственнаго теченія первой четверти вѣка, Ламартинъ, при первомъ выступленіи его на арену: трансцендентальное отношеніе къ своему *я*, Grübelei надъ нимъ, доходившая почти до ребячества, скорбь надъ его бренностью, увлеченіе его великою, но преходящею силою, внутренняя безотчетная необходимость вѣрить въ окончательную непреходимость его — качества, которыя совмѣщаются въ старомъ школьномъ словѣ *субъективность;* глубокое, но идеализированное чувство внѣшней природы, реакція въ смыслѣ религіи, какъ средства примиренія внутренняго разлада и вмѣстѣ

къ закрытію «зіявшей бездны революціи»; реставрація легитимно-королевской идеи во Франціи, впрочемъ, неиначе, какъ въ соглашеніи съ укоренившеюся уже и въ обществѣ и въ умѣ поэта потребностью свободы; — вотъ настроеніе, направленіе, которыя отразились въ Ламартинѣ. Въ немъ мы видимъ достойнаго современника и «Чайльдъ-Гарольда», и «Вертера», и «Идеала и жизни», и религіозныхъ порывовъ Шиллера и Манзони, и рыцарскихъ сочувствій и антипатій Вальтеръ-Скотта. Но всѣ эти аспираціи времени сложились въ Ламартинѣ оригинальнымъ образомъ, такъ что образовали, вмѣстѣ съ личными его свойствами — чистотою, наивностью души и несравненною мелодичностью таланта — очень значительную и въ свое время глубоко сочувственную поэтическую личность.

Туманность, страсть къ многословію, самовлюбленность, отсутствіе всякаго самовоздержанія, критической трезвости — вотъ дѣйствительно присущія таланту Ламартина черты. И когда онъ пережилъ себя, когда давно миновало время, въ которое его нота звучала сочувственно общественному настроенію—эти-то слабыя черты Ламартина едва ли не единственныя, по которымъ судитъ его строгая, холодная современность, видящая въ немъ совсѣмъ чужого, не имѣющая съ нимъ никакой солидарности, забывающая, что было время, котораго онъ былъ пророкомъ, и за ошибками, несообразностями политическаго человѣка не замѣчающая уже одного изъ чистосердечнѣйшихъ жрецовъ свободы.

Опредѣливъ личность Ламартина, какъ поэта общественныхъ настроеній данной эпохи, мы покажемъ ниже, какъ, по рожденію и воспитанію, онъ былъ прямо предназначенъ къ тому служенію, въ которомъ стяжалъ первую свою славу. Теперь же остановимся еще нѣсколько минутъ на особенностяхъ литературнаго поворота во Франціи, котораго онъ былъ свидѣтелемъ и сталъ дѣятелемъ.

Наполеоновскій періодъ не могъ быть благопріятнымъ для литературы; это былъ періодъ преобладанія силы механической. «Дозволена, почитаема, покровительствуема, оплачиваема была только цифра — говоритъ Ламартинъ объ этомъ времени — и такъ какъ цифра не разсуждаетъ, такъ какъ она — отличное пассивное орудіе деспотизма, то военный владыка той эпохи не хотѣлъ иного миссіонера, иного помощника, и этотъ помощникъ служилъ ему вѣрно. Не было въ Европѣ идеи, которую бы онъ не задавилъ своей пятою, не было устъ, на которыя бы онъ не наложилъ свою свинцовую руку». Замѣчательно, что даже въ той мѣрѣ, въ какой Наполеонъ терпѣлъ литературу или покровительствовалъ ей, онъ оказывалъ на нее вліяніе именно въ смы-

слѣ реакціи въ пользу религіи и историческихъ преданій. Это было неизбѣжно. Конфисковавъ для своей личной пользы идею революціи, возстановивъ алтарь «для порядка» и престолъ для себя и своей династіи, цезарь долженъ былъ благопріятствовать тарквиніевскимъ преданіямъ, хотя и называлъ себя императоромъ, избранникомъ народа, не будучи легитимнымъ королемъ. Единоличная власть, заискиванье у старой аристократіи и созданіе аристократіи новой, союзъ съ духовенствомъ—все это должно было связать сына революціи съ до-революціоннымъ прошедшимъ. Шатобріанъ началъ уже, въ 1801 году, реставрацію религіознаго элемента въ литературѣ—своимъ «Духомъ христіанства». Наполеонъ рѣшительно склонился въ пользу возстановленія «благонадежныхъ» традицій прошлаго. «Прежде всего — говорилъ онъ въ 1812 году—дадимъ юношеству діэту здороваго и укрѣпляющаго чтенія. Корнель, Боссюэтъ—вотъ пригодные для него учители. Въ нихъ — величіе, возвышенность, а вмѣстѣ и правильность, спокойствіе, подчиненность. Да! Они не дѣлаютъ, не внушаютъ революцій. Они на всѣхъ парусахъ вплываютъ въ установленный порядокъ своего времени; они укрѣпляютъ и украшаютъ его собою. Что за мастерское произведеніе этотъ «Цинна»! Какъ очевидно въ немъ, что Октавій, несмотря на кровавыя пятна тріумвирата, необходимъ для имперіи, а имперія необходима для Рима!» Такъ передаетъ слова перваго Наполеона Вилльменъ. Вотъ, во всей своей наивности, та самая мысль, которая изложена съ большою эрудиціею и осмотрительностью въ новѣйшей «Жизни Цезаря».

Наполеонъ поговаривалъ о построеніи церкви съ «придѣломъ покаянія» (chapelle expiatoire) въ память Людовика XVI и Маріи-Антуанеты. Придворные актеры его представляли «Храмовниковъ», «Смерть Генриха IV», «Карла IX», «Клодвига», «Карла Великаго» и т. п. «Бонапартъ какъ будто нарочно старался возобновить память о Бурбонахъ — говоритъ г. Микіельсъ [1]) — пробудить привязанность къ нимъ, обезпечить ихъ возвращеніе. Все, что предлагали читателямъ и зрителямъ, относилось къ біографіи Бурбоновъ, къ ихъ памятникамъ, ихъ качествамъ, ихъ поэтамъ, ихъ двору, ихъ привычкамъ. Когда звѣзда военнаго властителя померкла среди бури, когда онъ долженъ былъ отправиться въ изгнаніе, всѣ взоры обратились къ древней фамиліи королей. Онъ самъ указалъ имъ на этотъ путь; онъ самъ создалъ въ обществѣ сочувствіе къ Бурбонамъ и подготовилъ тронъ, на которомъ должны были возсѣсть они».

---

[1]) Histoire des Idées littéraires en France aux XIX siècle. II, p. Michiels.

Реакція религіозная и историческая развилась съ новою силою при реставраціи. Но такъ какъ съ этою эпохою совпало и освобожденіе слова, то въ литературномъ поворотѣ, характеризовавшемъ реставрацію, откликнулись вмѣстѣ всѣ мотивы, выработанные современностью: и сближеніе съ природою, и освобожденіе отъ обветшавшихъ узъ классицизма, и трансцендентный спиритуализмъ, и внутренній разладъ въ человѣкѣ, разладъ между высокими стремленіями, выспренними притязаніями и реальною ничтожностью личности среди природы, непреложные законы которой въ однихъ энтузіастахъ того времени порождали фатализмъ и презрѣніе къ жизни, а въ другихъ еще болѣе возбуждали религіозное чувство, которымъ и безъ того была проникнута эпоха реставраціи.

Толкователемъ германской философіи явился Кузенъ, который первый во Франціи провозгласилъ и теорію «искусства для искусства». Толкователемъ исторіи явился Жозефъ де-Местръ. Поэтомъ всей субъективности того времени, но субъективности, въ которой нота религіознаго примиренія уже преобладала надъ такъ-называемымъ «демоническимъ» презрѣніемъ къ жизни, явился Ламартинъ. Общество, уставшее отъ сомнѣній, страдавшее отъ глубокихъ ранъ нанесенныхъ политическою борьбою, онъ увлекалъ въ безконечность, въ душу человѣка,въ созерцаніе будущей судьбы, въ картины природы, во храмъ всѣхъ нѣжнѣйшихъ чувствъ сердца. Заимствовавъ отъ старой школы классичность формы, онъ влилъ въ эту форму такое содержаніе, которое составило впослѣдствіи одну изъ существенныхъ частей романтизма. Онъ былъ и классикомъ и романтикомъ вмѣстѣ еще до начала ожесточенной борьбы между этими двумя школами, и при первомъ появленіи покорилъ себѣ вдругъ вниманіе и Франціи, и Европы. Напомнимъ забытый фактъ, что у насъ «Méditations» Ламартина, вскорѣ послѣ появленія ихъ, а именно въ 1821 г., изданы были департаментомъ народнаго просвѣщенія, сошлемся и на такъ-называемыхъ «людей сороковыхъ годовъ» — кому изъ нихъ Ламартинъ не былъ другомъ юности, дорогимъ уже и послѣ того, какъ его далеко опередило время?

Обратимся теперь къ происхожденію и воспитанію Ламартина; эти свѣдѣнія покажутъ намъ, какъ все приготовило его именно къ той роли, которая столь соотвѣтствовала настроенію времени реставраціи.

Альфонсъ де-Ламартинъ родился въ Маконѣ 21-го октября 1792 [1]), по другимъ свѣдѣніямъ 1791 и даже 1790 года [2]). Дѣдъ

[1]) Nouvelle Biographie Générale publiée par MM. Firmin Didot frères, sous la direction de M. le Dr. Hoefer, 1859, T. 29.

[2]) Vapereau, Dictionnaire des Contemporains, 1858.

и отецъ его — оба были капитаны королевской службы. Дѣдъ имѣлъ самъ большія помѣстья и женился на богатой наслѣдницѣ. Отецъ Альфонса былъ младшій сынъ въ семействѣ и для отличія носилъ имя одного изъ помѣстьевъ своего отца, именно зàмка Пра (Prât). Самъ Альфонсъ въ дѣтствѣ носилъ эту фамилію, пока настоящая фамилія его рода, именно Lamartine, не перешла къ нему по смерти того дяди, который носилъ ее. Отсюда сбивчивость въ показаніяхъ біографовъ. Нѣкоторые говорятъ, что настоящая фамилія поэта была de Prât, и имя de-Lamartine онъ принялъ сàмъ, отъ одного изъ дядей; иные прибавляютъ еще: со стороны матери [1]). Но сомнѣніе тутъ невозможно потому, что самъ Ламартинъ [2]) называетъ своего отца постоянно chevalier de Lamartine, а въ другомъ мѣстѣ [3]) разъясняетъ все дѣло такимъ образомъ: «его полковые товарищи и люди общества звали кавалеромъ де-Ламартинъ; простолюдины же и люди неблизко знакомые называли его г. де-Пра (de-Prât). Это было имя одного изъ нашихъ имѣній въ Франш-Конте́, данное дѣдомъ отцу, для отличія отъ братьевъ. Мать мою звали всегда M-me de-Prât, и самъ я носилъ это имя до смерти старшаго изъ моихъ дядей».

Дѣдъ Ламартина былъ богатъ, но имѣнія его раздробились между шестью его дѣтьми, такъ-какъ майораты были уже уничтожены революціею. На долю отца Альфонса осталось немного, но онъ женился на Алисѣ де-Руà (des Roys), которой отецъ былъ генеральнымъ интендантомъ финансовъ герцога Орлеанскаго, и которая принесла ему въ приданое 3 тыс. ливровъ въ годъ. Послѣ женитьбы, онъ вышелъ въ отставку, но слухъ объ опасностяхъ, которымъ подвергалась королевская фамилія, заставилъ его возвратиться въ Парижъ, гдѣ онъ принялъ участіе въ извѣстной оборонѣ дворца швейцарцами, 10-го августа 1792, въ которомъ большая часть швейцарцевъ была перебита. Возвратясь въ Маконъ, капитанъ де-Ламартинъ, вмѣстѣ со всѣмъ семействомъ, отцомъ, братьями и сестрами былъ арестованъ и привезенъ въ Отёнъ (Autun); семейство было скоро освобождено, но капитанъ остался въ заключеніи, до самаго паденія Робеспьера, 9 термидора; тогда кавалеръ Ламартинъ поселился съ семействомъ въ деревнѣ Милльи, близъ Макона. Здѣсь семейство Ламартина жило въ положеніи обезпеченномъ, хотя и очень далекомъ отъ богатства.

---

1) Männer der Zeit, 642.

2) Confidences, L. 1. IV.

3) Nouvelles Confidences, V.

«Всѣмъ воспитаніемъ моимъ—говоритъ Ламартинъ [1]) — управляли взоры моей матери и ея улыбка, ея взоры болѣе или менѣе ясные, улыбка болѣе или менѣе сердечная. Она распоряжалась моимъ серцемъ. Она требовала отъ меня только правды и доброты: я былъ правдивъ и добръ безъ всякаго старанія. Въ отцѣ я видѣлъ примѣръ прямодушія, доходившаго до щепетильности; въ матери — примѣръ доброты до доблестнаго самоотверженія. Я дышалъ добротою и не могъ быть иначе, какъ добръ. Мнѣ никогда не предстояло *борьбы* ни съ самимъ собой, ни съ кѣмъ бы то ни было. Все привлекало, ничто не принуждало меня. Учили меня немного и то, чему учили, давалось мнѣ въ видѣ награды. Единственными учителями были мнѣ отецъ и мать; я видѣлъ, что они читали, и самъ захотѣлъ читать; они писали, и я просилъ ихъ научить меня буквамъ. Все это дѣлалось играючи, какъ бы между дѣломъ; учился я сидя на колѣняхъ, въ саду, у камина въ гостиной, среди шутокъ, улыбокъ, ласкъ. Мнѣ нравилось учиться, я самъ старался вызывать эти короткіе и занимательные уроки. Такимъ-то образомъ, я научился всему, что̀ слѣдовало знать, научился, правда, поздненько, но не помня когда что узналъ, и не видавъ даже нахмуренныхъ бровей и воспитателей. Я шелъ впередъ, не сознавая своихъ шаговъ».

Чему же учился Ламартинъ-ребенокъ, кто открывалъ передъ нимъ свѣтъ, кто были первые, наиболѣе дѣятельные совѣтники и наставники его дѣтства: библія, басни Лафонтена, сочиненія г-жи Жанлисъ, Беркена, отрывки изъ Фенелона и Бернардена де-Сен-Піерръ, «Освобожденный Іерусалимъ», «Робинсонъ», наконецъ — трагедіи Вольтера. Г-жа Ламартинъ почерпнула свои идеи о воспитаніи изъ Руссо̀ и Бернардена де-С.-Піерръ; она не торопилась образованіемъ ребенка. «Она справедливо полагала, что когда мои умственныя силы разовьются годами и здоровьемъ тѣла и души, я такъ же легко, какъ всякій другой мальчикъ, усвою себѣ ту малую толику греческаго, латыни и цифиры, изъ которыхъ состоитъ та тривіяльная литературность, которую называютъ образованіемъ. Она думала только о томъ, чтобъ сдѣлать изъ меня счастливаго ребенка, здравый умъ и любящую душу,—созданіе божіе, а не игрушку людей».

На двѣнадцатомъ году его послали къ сосѣднему священнику учиться по-латыни, и такъ какъ священникъ оказался плохимъ учителемъ, то Ламартина отправили въ школу, въ Ліонъ, въ 1805 году. Но онъ не выдержалъ школьной жизни и выпросился домой. Потомъ онъ поступилъ въ славившееся въ то время учи-

---

[1]) Confidences, L. IV. VII.

лище, которое содержали іезуиты въ Беллеѣ на границѣ Савойи. Насколько Ламартинъ пріобрѣлъ знакомства съ древними языками и древнимъ міромъ — онъ пріобрѣлъ здѣсь. Оставилъ онъ училище въ 1809 году. Возвратясь въ Миллыи, юноша предался опять той мечтательной праздности, которая развивала въ его уже отъ рожденія впечатлительной природѣ страсть ко всему высокому (sublime) и увлеченіе сферами «возвышеннаго», какъ будто это были родныя его или предназначенныя для исключительнаго мѣстопребыванія его сферы.

Онъ читалъ и, разумѣется, читалъ съ жадностью тѣхъ поэтовъ, которые до того времени были ему недоступны. Іезуитское училище нисколько не укрѣпило его природы и не дало ему того свойства самоограниченія, самоповѣрки, которое бываетъ обыкновенно едва ли не лучшимъ пріобрѣтеніемъ, выносимымъ изъ школьной общины. У іезуитовъ все велось почти также тихо и кротко, какъ въ домѣ его матери, и всего болѣе развивалась именно религіозная медитація, съ которой онъ уже свыкся дома. «Все искусство ихъ — говоритъ Ламартинъ о своихъ учителяхъ, іезуитахъ — состояло въ томъ, чтобы заинтересовать насъ въ успѣхахъ училища, вести насъ собственной нашей волею и собственнымъ нашимъ энтузіазмомъ. Я подчинился безъ сопротивленія игу, которое отличные учителя умѣли сдѣлать мягкимъ и легкимъ. Казалось, одинъ божественный духъ вдохновлялъ и учителей, и учениковъ.... Тутъ-то я увидѣлъ, что можно дѣлать изъ людей, дѣйствуя на нихъ не принужденіемъ, а вдохновеніемъ. Религіозное чувство одушевляло насъ всѣхъ. Учителя умѣли сдѣлать это чувство любезнымъ и создать въ насъ страсть къ Богу [1]) (la passion de Dieu) [2]).» Еслибы воспитаніе юноши-Ламартина остановилось на этомъ періодѣ, когда онъ прокрадывался ночью въ церковь, цѣловалъ камни пола и терялся въ пламенномъ обожаніи, напоминающемъ экстазы св. Терезы, — то изъ него могло бы выйти нѣчто въ родѣ французскаго Клопштока, такъ какъ время требовало поэта въ этомъ родѣ. Но молодой Ламартинъ на этомъ не остановился. Темпераментъ его былъ слишкомъ пылокъ для того, чтобы онъ могъ ограничиться мистицизмомъ. Онъ въ то время еще не читалъ великихъ поэтовъ, воспѣвавшихъ человѣческія страсти.

Теперь, на свободѣ, въ деревнѣ, семнадцатилѣтній мальчикъ изъ школы іезуитовъ пошелъ въ школу Данта, Петрарки, Шекс-

---

[1]) Confidences, L .VI. III.

[2]) Впослѣдствіи, вспоминая о своихъ учителяхъ-іезуитахъ, онъ сказалъ: «Не люблю имени, которое они носили; но почитаю ихъ добродѣтель».. Nouvelles Confidences, p. 3.

пира, Мильтона, Оссіана. Болѣе всѣхъ привлекъ его именно наиболѣе туманный, фантастичный Оссіанъ, бардъ спиритуалистическаго Сѣвера. Но всѣ они научили его мечтать о любви, и стремиться къ ней. Первый поэтическій эпизодъ, въ который вставилъ себя Ламартинъ, имѣлъ предлогомъ именно Оссіана. Онъ нашелъ такое же сочувствіе къ нему, какого былъ исполненъ самъ, въ дочери одного сосѣдняго дворянина, Люціи. Повѣсть его объ этой ребяческой любви, о свиданіи у подножія башни, въ которой жила Люція, весь этотъ эпизодъ, окончившійся, разумѣется, выходомъ Люціи замужъ, принадлежитъ къ самымъ граціознымъ изъ разсказовъ Ламартина.

Легитимистскія антипатіи его отца и всѣхъ родственниковъ не позволяли ему вступить въ службу Наполеона, а другого занятія, для дворянина, хотя бы и либеральнаго образа мыслей, еще не было. Отсюда истекъ для Ламартина неопредѣленный періодъ праздности. Въ 1811 году, его послали, съ одной родственницей, въ Италію. Въ Тосканѣ онъ соскучился опекою родственницы, и ушелъ отъ нихъ, продолжать, безъ денегъ, и никого не зная, путешествіе по Италіи. Онъ путешествовалъ какъ настоящій поэтъ по странѣ поэзіи и жилъ съ артистами, съ которыми сводилъ его случай. Такъ на пути изъ Флоренціи въ Римъ, онъ познакомился съ однимъ очень пожилымъ человѣкомъ и сопровождавшимъ его молодымъ человѣкомъ. Старикъ этотъ оказался знаменитымъ теноромъ первой россиніевской школы. Это былъ Дàвидъ [1]). Спутникъ его впослѣдствіи оказался хорошенькой женщиной, которая познакомила Ламартина съ примѣчательностями Рима. Нѣкоторое время Ламартинъ жилъ съ однимъ живописцомъ, безъ денегъ и безъ труда. Наконецъ, онъ встрѣтился съ однимъ изъ своихъ французскихъ друзей, который выручилъ его изъ безпомощнаго положенія. Они стали жить вмѣстѣ, вмѣстѣ гулять и мечтать.

Къ тому времени принадлежитъ поэтическій эпизодъ въ жизни Ламартина—встрѣча съ Граціеллою. Граціелла была дочь рыбаковъ, жившихъ на берегу Марджеллины, у подножія Позилиппа, подъ гробницею Виргилія. Ее хотѣли выдать за рыбака: она убѣжала и хотѣла сдѣлаться монахинею, ее перестали принуждать къ замужеству. Ламартинъ и другъ его Вирьё поселились въ

---

[1]) Ламартинъ говоритъ о немъ: «Это былъ человѣкъ уже очень зрѣлыхъ лѣтъ; онъ отправлялся въ Неаполь пѣть въ послѣдній разъ на театрѣ Сан-Карло». Ламартину было въ то время 18 лѣтъ; если Дàвидъ въ 1810 году былъ уже старикъ, то сколько же лѣтъ было бѣдному пѣвцу, когда онъ умеръ въ госпиталѣ, здѣсь въ Петербургѣ, въ половинѣ пятидесятыхъ годовъ? Прибавимъ, что Дàвидъ женился въ Россіи лѣтъ за двадцать до смерти и имѣлъ сына.

рыбацкой деревнѣ и жили сами рыбаками. Везувій, острова Искія и Прочида, гробница Виргилія, маяки Неаполитанскаго залива, дальше, огни въ окнахъ паллацовъ Неаполя, жизнь среди рыбаковъ, поэзія всѣхъ вѣковъ, согрѣтая восьмнадцатилѣтнею кровью, любовь красивой дѣвушки, съ наивностью и страстью юга—вотъ слишкомъ достаточно данныхъ для очарованія. И Ламартинъ былъ очарованъ, но не болѣе какъ очарованъ; онъ сознается, что былъ еще слишкомъ неразвитъ, чтобы понять цѣну той безотчетной, даже робкой любви, какую предлагала ему Граціелла. Онъ думалъ, что любитъ ее, но когда, послѣ усиленныхъ приказаній изъ дому, за нимъ наконецъ пріѣхалъ другъ и потребовалъ отъ него жертвы именемъ матери,—онъ уѣхалъ, а Граціелла чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ умерла.

Никакое описаніе вымышленной любви не можетъ сравниться съ простымъ разсказомъ Ламартина о Граціеллѣ и изъ всѣхъ пѣсенъ любви, когда-либо сочиненныхъ, едва ли есть хоть одна болѣе глубокотрогающая читателя, какъ знаменитая элегія: «le Premier Regret»:

Sur la plage sonore où la mer de Sorrente
Déroule ses flots bleus au pied de l'oranger,
Il est près du sentier, sous la haie odorante,
Une pierre petite, étroite, indifférente
Aux pieds distraits de l'étranger....

. . . .

. . . .

Nul ne visite plus cette pierre effacée,
Nul n'y songe et n'y prie!.... excepté ma pensée,
Quand, remontant le flot de mes jours révolus,
Je demande à mon coeur tous ceux qui ne sont plus,
Et que, les yeux flottants sur de chères empreintes,
Je pleure dans mon ciel tant d'étoiles éteintes!
Elle fut la première, et sa douce lueur
D'un jour pieux et tende éclaire encore mon coeur.

Эпизодъ Граціеллы относится къ 1813 году.

Вскорѣ послѣ возвращенія молодого Ламартина въ домъ родителей, въ первый разъ палъ Наполеонъ. Въ томъ же 1814 году, Ламартинъ отправился въ Парижъ и поступилъ въ королевскую гвардію. Онъ былъ въ конвоѣ, провожавшемъ Бурбоновъ до границы, когда Наполеонъ вернулся съ острова Эльбы. Ламартинъ не захотѣлъ служить имперіи и опять уѣхалъ заграницу, въ Швейцарію и Савойю. При второй реставраціи, онъ опять поступилъ въ гвардію, но скоро жизнь гвардейскаго офицера въ Парижѣ наскучила поэту и онъ удалился снова въ Савойю. Тамъ онъ познакомился съ графомъ де-Местромъ, и это знакомство не мало содѣйствовало къ укрѣпленію въ немъ началъ положительной

религіозности и легитимизма. Это было въ 1816 году. До тѣхъ поръ Ламартинъ, какъ онъ говоритъ «не написалъ еще двадцати стиховъ къ ряду», за исключеніемъ извѣстной пьесы «Сафо», которая была написана имъ именно для того, чтобы убѣдиться можетъ ли онъ произвесть стихотвореніе сколько-нибудь значительное [1]). Жизнь, какую оно велъ въ Парижѣ, очерчена коротко въ томъ же отрывкѣ, и оказывается, что главною страстью и главнымъ занятіемъ Ламартина, какъ и товарищей его по гвардіи, была бѣшеная игра.

Ему предстояла новая любовь, уже болѣе сознательная. Въ 1816 году, онъ встрѣтился въ Эксѣ (Aix) съ молодою креолкою, которая была замужемъ за старикомъ, извѣстнымъ ученымъ. Эта креолка и есть та женщина которая въ «Méditations» является подъ именемъ Эльвиры, и въ «Rafael» подъ именемъ Юліи. Прозваніе «пѣвца Эльвиры» упрочилось за Ламартиномъ, какъ за Петраркомъ прозваніе «пѣвца Лауры.»

Въ 1817 году онъ возвратился въ Парижъ, потому именно, что хотѣлъ встрѣтить ее опять, и остановился у своего друга, графа Эмона де-Вирьё. Въ это время, влюбленный, онъ сталъ писать, и первая его поэзія была въ элегическомъ родѣ. «Онъ (Вирьё) ввелъ меня у г-жи де-Сент-Олеръ, своей кузины, г-жи де-Реэнкуръ, г-жи де-ла-Тремуйлль, герцогини де-Брольи. Г-жа Сент-Олеръ и подруга ея, герцогиня Брольи, были въ это время свѣтилами парижскаго свѣта, моды, политики и литературы. Вѣкъ литературный и философскій возрождался въ ихъ обществѣ въ лицѣ г. Вилльмена, г. Кузена, друзей г-жи Сталь, недавно похищенной у славы, всѣхъ ораторовъ, писателей, всѣхъ поэтовъ того времени. Тамъ-то я увидѣлъ впервые тѣхъ замѣчательныхъ людей, которые долженствовали занять столь высокія мѣста въ исторіи своей страны: г. Гизо, г. де-Монморанси, г. де-Лафайетта, Сисмонди, Лебрёна, знаменитыхъ американцевъ и англичанъ, которые являлись на континентъ. Я самъ былъ, какъ бы чужимъ въ своей странѣ. Я смотрѣлъ, иногда самъ былъ предметомъ вниманія; говорилъ я мало, въ близкія отношенія не вступалъ ни съ кѣмъ. Раза два, три меня уговорили прочесть стихи. Ихъ одобрили, одобрили меня. Гласность моего имени началась устами этихъ двухъ милыхъ женщинъ. Онѣ любезно и снисходительно представляли меня своимъ друзьямъ; но я постоянно стушевывался. Я погружался въ тѣнь, какъ только онѣ отнимали свой свѣтъ [2]).»

---

[1]) Nouvelles Méditations. Commentaire à Sapho.

[2]) Nouvelles Méditations, 1-er Commentaire ou Passé.

Однако не одно одобреніе салоновъ, но и положительная нужда заставили его попробовать издать накопившіяся стихотворенія. Первый издатель, которому онъ предложилъ ихъ, посовѣтовалъ ему поучиться еще, не торопиться выступленіемъ передъ гласностью. Поэту предстояло еще одно испытаніе прежде, чѣмъ онъ былъ признанъ поэтомъ: Эльвира его умерла, какъ умерла Граціелла. Впослѣдствіи, онъ и ея смерти посвятилъ вдохновенную элегію, которая по поэтической прелести немного уступаетъ знаменитой пьесѣ «le Premier Regret», но по силѣ чувства значительно превосходитъ ее, такъ какъ эта любовь была уже гораздо болѣе зрѣлою.

Такъ какъ въ этомъ біографическомъ очеркѣ мы предпочитаемъ напомнить читателямъ о Ламартинѣ самимъ Ламартиномъ, то приведемъ еще нѣсколько стиховъ изъ этого великолѣпнаго гимна вѣрѣ и любви. Онъ называется «le Crucifix» [1]) и обращенъ къ тому кресту, съ которымъ умерла Эльвира и который былъ переданъ Ламартину:

O, dernier confident de l'âme qui s'envole,
Viens, reste sur mon coeur! parle encore et dis-moi
Ce qu'elle te disait, quand sa faible parole
N'arrivait plus qu'à toi.

. . . .
. . . .

Tu sais, tu sais mourir! et tes larmes divines,
Dans cette nuit terrible où tu prias en vain,
De l'olivier sacré baignèrent les racines
Du soir jusqu'au matin.

. . . .

Au nom de cette mort, que ma faiblesse obtienne
De rendre sur ton sein ce douloureux soupir:
Quand mon heure viendra, souviens toi de la tienne,
O toi qui sais mourir!

Послѣ этой потери, Ламартинъ серьезно заболѣлъ. Жизнь и смерть, которую онъ такъ часто встрѣчалъ въ кругѣ наиболѣе дорогихъ ему существъ, болѣе и болѣе вырабатывали въ немъ религіозность. Религіозность эта приняла въ то время характеръ мрачный; мысль о скоротечности всего земного, такъ преобладающая въ Ламартинѣ, отразилась въ одномъ изъ лучшихъ первыхъ его стихотвореній: «le Lac» [2]), написанномъ при возвращеніи, въ 1817 году, въ Эксъ, при видѣ Бурженскаго озера, свидѣтеля любви, а теперь свидѣтеля слезъ поэта. Укрѣпленію соб-

[1]) Помѣщенъ въ Nouv. Méditations, p. 142.
[2]) Помѣщено въ Méditations, XI.

ственно легитимистскихъ идей въ Ламартинѣ въ это время содѣйствовало вообще сближеніе съ высшими легитимистскими кругами, съ фамиліями Рогановъ, Монморанси, Брольи и т. д. Оглядываясь на это прошлое, въ предисловіи къ сочиненію, написанному лѣтъ тридцать позже, когда Ламартинъ уже провозглашалъ право народное, право естественное, онъ все-таки признается въ своей нѣжности или слабости въ пользу реставраціи... Это возстановленіе казалось возвращеніемъ монархіи исправленной изгнаніемъ и свободы очищенной искупленіемъ; это была эпоха мирнаго возрожденія умственной жизни и либерализма во Франціи [1]).

Изъ представленнаго нами очерка видна личность Ламартина и мѣсто, какое онъ долженъ былъ занять въ литературѣ своего народа. Намъ остается теперь перечислить данныя его общественной дѣятельности, какъ писателя и политическаго человѣка.

Méditations (первыя) Ламартинъ напечаталъ въ 1820 году; они были изданы неизвѣстнымъ книгопродавцемъ Николлемъ, который разбогатѣлъ на нихъ. Этотъ небольшой сборникъ религіозныхъ и любовныхъ мечтаній произвелъ огромное впечатлѣніе; субъективность, мечтательность, внутренній разладъ души и примиреніе его религіею—все это било прямо въ наиболѣе чувствительный нервъ современности. «Отчаяніе» и «Отвѣтъ Провидѣнія человѣку», «Озеро», «Лорду Байрону»—вотъ тѣ медитаціи, которыя стяжали наибольшую и мгновенную обще-европейскую славу. Извѣстный критикъ Сент-Бёвъ называетъ «Озеро» «неожиданнымъ совершенствомъ, образомъ, который однажды найденный поэтомъ, былъ тотчасъ узнанъ всѣми сердцами» [2]).

До сихъ поръ мы еще не остановились на художественной формѣ Ламартина. Біографъ невѣрный и плохой мыслитель, извѣстный Жакó, нашелъ для опредѣленія ея совершенно вѣрную фразу: «Никогда ни одинъ поэтъ не превосходилъ Ламартина въ сладости ритма и чистотѣ аккордовъ» [3]). Сент-Бёвъ, съ свойственнымъ ему остроуміемъ неразлучнымъ съ тонкою ироніею, сравниваетъ поэзію Ламартина съ «безконечнымъ горизонтомъ Тихаго океана; на океанѣ наступаетъ иногда скучный штиль, но какое великолѣпіе, даже тогда; какая прелесть картинъ, а при малѣйшемъ порывѣ вѣтра какое возстаніе волнъ могучихъ, но мягкихъ, гигантскихъ, но прекрасныхъ».

---

[1]) Histoire de la Réstauration, 1851 T. I.

[2]) Portraits Contemporains, T. I.

[3]) Eugène de Mirecourt. Lamartine.

Плѣнительныя свойства ламартиновской поэзіи много утратили изъ дѣйствія своего даже на современниковъ отъ *злоупотребленія* «возвышенностью и сладостью». Мало того, громадное тщеславіе поэта, совершенно ослѣпившее его на счетъ того, какое впечатлѣніе должны были производить на людей постороннихъ его наивные отзывы о самомъ себѣ и своей поэтической силѣ, побудило его написать комментаріи, въ которыхъ читателя положительно оскорбляетъ отсутствіе всякой деликатности въ отношеніи поэта и къ его горю и въ особенности къ его личности. Ламартинъ въ своей прозѣ (за исключеніемъ нѣкоторыхъ отрывковъ «Признаній») и въ жизни вѣчно позировалъ передъ публикою, и публикѣ это, наконецъ, до такой степени надоѣло, что и на самую поэзію Ламартина перешло нѣкоторое предубѣжденіе. Нѣчто подобное случилось и съ другимъ пѣвцомъ личныхъ страданій, съ Генрихомъ Гейне. Но Гейне, вопервыхъ, выкупалъ саркастичностью монотонность жалобъ, и во-вторыхъ, далеко не такъ наивно предавался самообожанію, какъ Ламартинъ.

Послѣ этого примѣчанія, возвращаясь къ первымъ Méditations и къ Nouvelles méditations, изданнымъ въ 1823 году, мы должны признать, что этихъ двухъ книгъ достаточно для укрѣпленія за Ламартиномъ прочной славы одного изъ поэтовъ, принадлежащихъ всему человѣчеству и всѣмъ временамъ, хотя, конечно, онъ уже давно не имѣетъ того значенія и не возбуждаетъ того энтузіазма, какія были обусловлены особымъ характеромъ того времени, когда онъ явился органомъ общественнаго настроенія.

Правительство реставраціи поспѣшило признать пѣвца своей эпохи. Онъ получилъ лестное письмо отъ министра внутреннихъ дѣлъ, по приказанію короля, и мѣсто секретаря посольства въ Неаполѣ, тотчасъ послѣ изданія первыхъ Méditations. Въ Женевѣ онъ женился на богатой англичанкѣ Елизѣ Бёрчъ (Birch), съ которою познакомился за годъ передъ тѣмъ, и проведя года 1821 и 1822 въ Неаполѣ, обезпеченный и свободный, написалъ тѣ стихотворенія, которыя помѣщены въ Nouvelles méditations. Одно изъ самыхъ замѣчательныхъ въ этомъ сборникѣ — ода на смерть Бонапарта:

Ici gît... point de nom! demandez à la terre!
Ce nom, il est inscrit en sanglant caractère
Des bords du Tanaïs au sommet du Cédar,
Sur le bronze et le marbre, et sur le sein des braves,
Et jusque dans le coeur de ces troupeaux d'esclaves,
Qu'il foulait tremblants sous son char.

. . . .
. . . .

Les dieux étaient tombés, les trônes étaient vides;
La victoire te prit sur ses ailes rapides;
D'un peuple de Brutus la gloire te fit roi.
Ce siècle, dont l'écume entraînait dans sa course
Les moeurs, les rois, les dieux.... refoulé vers sa source,
Recula d'un pas devant toi.

Эта ода, въ которой проявилась энергія, несвойственная Ламартину, и которая, за исключеніемъ двухъ-трехъ строфъ, безспорно принадлежитъ къ образцовымъ отрывкамъ поэзіи, — уже сама обнаруживаетъ, до какой степени поэтъ былъ неспособенъ къ трезвому и логичному политическому мышленію. Упрекать Наполеона не за то, что онъ, консулъ республики, похитилъ въ ней верховную власть, а за то, что онъ не передалъ этой власти Бурбонамъ — слишкомъ нелѣпо. Кромѣ того, здѣсь проявляется то направленіе, котораго Ламартинъ постоянно держался и впослѣдствіи въ парламентской и государственной дѣятельности: Ламартинъ былъ—моралистъ въ политикѣ. На обстоятельства и людей онъ смотрѣлъ не съ точки зрѣнія потребностей страны и возможностей момента, а съ облачной высоты безусловной морали. Надо отдать ему справедливость: побужденія его всегда были чистыя, дѣйствія всегда безукоризненно-благородны, но результатомъ всего этого часто оказывались пустяки, потому что одного благородства и морали недостаточно даже, чтобъ хлѣбъ печь, а не только, чтобы управлять страной.

Въ 1824 году, Ламартинъ былъ переведенъ секретаремъ посольства во Флоренцію. Здѣсь онъ напечаталъ свою «Послѣднюю пѣснь Чайльдъ-Гарольда», пьесу, которая не идетъ ни въ какое сравненіе съ могучимъ полетомъ англійскаго поэта. Нѣсколько стиховъ, упоминавшихъ о нравственномъ паденіи итальянскаго народа вызвали оскорбительное возраженіе въ печати, написанное полковникомъ Пепе, неаполитанскимъ эмигрантомъ. Ламартинъ былъ раненъ. Въ 1829 году, князь Полиньякъ призвалъ Ламартина въ Парижъ и предложилъ ему мѣсто генеральнаго секретаря (товарища) министра иностранныхъ дѣлъ; Ламартинъ не принялъ его потому, что не сочувствовалъ реакціоннымъ намѣреніямъ этого кабинета, погубившаго реставрацію. Ламартинъ держался въ то время одной линіи убѣжденій съ Шатобріаномъ.

«Les Harmonies Poétiques et Religieuses» появились въ 1830 году, вскорѣ послѣ избранія Ламартина членомъ французской академіи. «Les Harmonies» воспроизводятъ ту же религіозную ноту, которою запечатлѣны первыя «Méditations», но тотъ внутренній разладъ; тѣ страданія, которыя въ первыхъ стихотвореніяхъ Ла-

мартина придаютъ характеръ болѣе свѣтскій, здѣсь чувствуются уже гораздо слабѣе. Религіозность въ «Harmonies»—за немногими исключеніями — имѣетъ характеръ строгій, почти церковный. Примиреніе бурь жизни религіею уже произошло окончательно. Многія изъ этихъ «Harmonies»—настоящіе псалмы. Вмѣстѣ съ погруженіемъ поэта въ безусловный спиритуализмъ, и самое развитіе мысли его нѣсколько утратило опредѣленности, а форма—точности (которая и прежде не была преобладающей чертою въ ламартиновской поэзіи). Онъ самъ признаетъ это: «Прошу извинить несовершенства слога, которыя часто оскорбляютъ изысканный вкусъ. То, что̀ чувствуется сильно, пишется скоро. Только геніямъ дано соединять два качества взаимно исключающіяся— вдохновеніе и правильность [1]). Къ «Harmonies» былъ приложенъ «отрывокъ библейской трагедіи смерть Іонаѳана, сына Саула.»

Ламартинъ получилъ постъ посланника къ принцу Леопольду, предназначенному въ короли Греціи, а когда принцъ (впослѣдствіи король бельгійцевъ) не принялъ этой короны, Ламартинъ отправился опять туристомъ въ Швейцарію, гдѣ его и застала іюльская революція. Онъ подалъ въ отставку и никогда не служилъ орлеанской монархіи.

Иные упрекаютъ Ламартина въ политическомъ непостоянствѣ за то, что онъ, легитимистъ, тотчасъ сталъ искать депутатства при іюльской монархіи и нерѣдко поддерживалъ министерство Людовика-Филиппа. На самомъ дѣлѣ никакого непостоянства тутъ не было. Вотъ прошеніе объ отставкѣ, поданное имъ королю чрезъ посредство министра иностранныхъ дѣлъ Моле́: «Признавая фактъ и право совершившейся революціи, я готовъ служить моей странѣ въ палатахъ и во всякихъ избирательныхъ, неоплачиваемыхъ должностяхъ. Но хотя я не скрывалъ отъ себя ошибокъ павшей династіи, я служилъ ей и сожалѣю о ея несчастіяхъ. Я не хочу, оставаясь на службѣ вашего величества, имѣть видъ человѣка, который передается отъ одного правительства другому, вмѣстѣ съ успѣхомъ. Я становлюсь не въ оппозицію, а просто въ независимое положеніе» [2]). Людовикъ-Филиппъ велѣлъ ему сказать, чтобы онъ по прежнему являлся ко двору, но онъ не воспользовался этимъ приглашеніемъ, не принявъ и совѣтовъ Таллейрана, съ которымъ встрѣтился потомъ въ Лондонѣ—вступить снова на дипломатическую карьеру.

Избранія въ должность онъ добивался, но только для того,

---

[1]) Harmonies poétiques et religieuses. Avertissement.

[2]) La Tribune de M. de Lamartine, 5, 1.

чтобы служить странѣ, а не съ цѣлью пріобрѣсть вліяніе на министерство и потомъ мѣсто — какъ то обыкновенно практиковалось въ царствованіе Людовика-Филиппа, періодъ безнравственный, который болѣе подкопалъ парламентаризмъ во Франціи, чѣмъ сколько могли бы сдѣлать знаменитыя Ordonances Карла X. Слѣдуя своему убѣжденію:

Honte à qui peut chanter pendant que Rome brûle...

Ламартинъ явился кандидатомъ на избраніе, сперва въ Дюнкирхенѣ, и неудачно. Онъ отправился на Востокъ, съ женою и дочерью. Это путешествіе на Востокъ было до крайности фантастично. Онъ поѣхалъ на собственномъ кораблѣ, а потомъ ѣхалъ цѣльнымъ караваномъ, съ многочисленной свитою. Деньги издерживалъ безъ счету. На Ливанѣ онъ посѣтилъ другую фантастическую путешественницу, племянницу Вилльяма Питта, леди Эстеръ Стэнгопъ, которая жила тамъ въ то время въ построенномъ ею укрѣпленномъ замкѣ и считалась королевою мѣстныхъ арабскихъ племенъ (королевою Пальмиры). Леди Стэнгопъ вычитала Ламартину по звѣздамъ, что его ожидаетъ великая политическая задача, и Ламартинъ былъ именно такой ребенокъ, на котораго подобное предсказаніе могло, пожалуй, подѣйствовать, еслибы и прежде уже всѣ его мысли не были обращены къ политикѣ [1]).

Ламартинъ посѣтилъ Іерусалимъ въ октябрѣ 1832 года. Онъ поспѣшно выѣхалъ оттуда въ Бейрутъ, когда узналъ, что дочь его, Юлія, опасно заболѣла и засталъ ее уже при смерти. Въ тоже время (въ началѣ 1833 года) онъ получилъ извѣстіе о своемъ избраніи въ Бергѣ (Bergues, départ. du Nord). Описаніе путешествія на Востокъ [2]) есть, конечно, не что иное, какъ поэзія, но поѣздка эта получила и нѣкоторое политическое значеніе, въ томъ смыслѣ, что поэтъ свидѣтельствовалъ о жизненности и зрѣлости къ свободѣ христіанскихъ племенъ, подчиненныхъ Портѣ; слова его къ національному чувству сербовъ и болгаръ не остались безъ слѣда въ умахъ образованной славянской молодежи.

Ламартинъ самъ необыкновенно удачно характеризуетъ положеніе, которое онъ занялъ въ палатѣ депутатовъ при вступ-

---

[1]) Леди Стэнгопъ и Ламартинъ имѣли сходную судьбу: обоихъ ихъ необузданная фантазія довела до разоренія и бѣдности.

[2]) Souvenirs, Impressions, Pensées et Paysages pendant un voyage en Orient; вышло въ 1835 году.

леніи въ нее, въ 1834 году: «Продолжительное путешествіе сдѣлало меня еще болѣе безучастнымъ по отношенію къ партіямъ, которыя раздѣляли мою страну. Среди парламентскихъ кружковъ я былъ чужой; мнѣ не трудно было уединиться отъ нихъ.—Гдѣ вы сядете? спросилъ меня наканунѣ одинъ пріятель.—На потолкѣ, отвѣчалъ я [1])». И въ самомъ дѣлѣ, во всей парламентской борьбѣ при Людовикѣ-Филиппѣ, Ламартинъ оставался именно «на потолкѣ». Это возвышенное мѣсто безспорно принадлежало ему и по непрактичности, и по безпристрастію и по благородству его въ палатахъ временъ орлеанской монархіи. Но самъ онъ понималъ свое положеніе не совсѣмъ такъ, и когда вожди партій и ихъ клевреты заряжали свои пушки громкими словами патріотизма, интересовъ страны, чести и т. д. съ весьма практическою цѣлью сбивать противниковъ съ ихъ мѣстъ или обороняться въ лестныхъ и доходныхъ позиціяхъ, и пожимали плечами надъ наивными рѣчами Ламартина, который поддерживалъ то ту, то другую сторону, безкорыстно и по убѣжденію, хотя и не всегда дѣльно, и отсылали его «въ облака», «къ Эльвирѣ», то онъ пресерьёзно обижался.

Такъ, несмотря на отказъ свой служить подъ начальствомъ графа Моле, онъ поддерживалъ его кабинетъ, хотя и признавалъ его слишкомъ консервативнымъ, несоотвѣтствующимъ программѣ революціи 1830 года. Онъ поддерживалъ его именно потому, что его, какъ моралиста, возмущала коалиція самыхъ несогласныхъ партій—Тьера, Беррье, Гизо, Барро, Дюфора, Гарнье-Пажеса, честолюбцевъ, легитимистовъ, доктринеровъ, республиканцевъ — противъ честно-консервативнаго министерства, въ 1838 — 39 г. Когда извѣстный въ исторіи французскаго парламентаризма кружокъ 221 депутатовъ, поддерживавшихъ Моле, собравшись на совѣщаніе, предложилъ Ламартину предсѣдательство въ немъ, онъ отказался, прямо сказавъ имъ, что онъ — не ихъ человѣкъ, что они — консерваторы, а онъ прогрессистъ, и поддерживая ихъ въ данномъ случаѣ, на другой же день разойдется съ ними. Когда министерство Моле потерпѣло пораженіе вслѣдствіе интриги, устроенной Тьеромъ, Ламартинъ совѣтовалъ министрамъ уважить рѣшеніе парламента и удалиться. Впослѣдствіи, въ 1840 году, онъ сильно возставалъ противъ политики Тьера по восточному вопросу и на этотъ разъ понялъ положеніе дѣлъ лучше Тьера и Гизо: онъ понялъ, что отдѣленіе Египта не могло удасться, потому что другія державы не могли

---

[1]) La Tribune, Préface.

согласиться на это начало раздѣла Турціи безъ ихъ участія [1]. Но когда Тьеръ, послѣ жестокаго нравственнаго пораженія, нанесеннаго Франціи четвернымъ союзомъ державъ, о которомъ французское правительство ничего не знало по оплошности Гизо̀, въ то время посланника въ Лондонѣ, когда Тьеръ, говорятъ, удалился, чтобы спасти Францію отъ неравной борьбы, Ламартинъ почувствовалъ къ нему уваженіе. Оппозиція противъ Тьера сблизила его съ Гизо̀, но въ 1842 году, рѣшительно выступилъ противъ консервативнаго направленія, принятаго монархіею вышедшею изъ революціи. Въ этомъ случаѣ, какъ еще гораздо ранѣе, при обсужденіи, такъ-названныхъ «сентябрьскихъ законовъ», когда впервые начался поворотъ къ консерватизму, вслѣдствіе извѣстнаго дѣла Фіески, Ламартинъ упрекалъ новое правленіе въ томъ, что оно пользуется разными случаями, чтобы вдаться въ реакцію и сѣтовалъ надъ безнравственнымъ зрѣлищемъ людей, отвергающихъ самую причину своего возвышенія. Жалуясь на застой, которому обрекали политическое преобразованіе Франціи, онъ выставлялъ «развратительное зрѣлище тѣхъ партій, которыя самыми священными стремленіями человѣчества пользуются только для того, чтобы захватить въ свои руки политическое положеніе; которыя, разъ захвативъ правленіе, покрываютъ оскорбленіями то самое знамя, которое привело ихъ къ побѣдѣ, ругаютъ то, что̀ обожаютъ, обожаютъ то, что̀ сами сломали и даютъ поводъ народу, развращаемому такими примѣрами, думать, что нѣтъ ни истины, ни лжи, ни добродѣтели, ни преступленія въ политикѣ, и что міръ принадлежитъ наиболѣе ловкому и наиболѣе смѣлому» [2].

Эта цитата достаточно характеризуетъ положеніе Ламартина въ палатѣ. Это былъ, повторяемъ, моралистъ въ политикѣ. Слово его не было лишено значенія, какъ не лишенъ значенія упрекъ совѣсти, даже и для интриганта; но оно было лишено *дѣйствія*. Это мы разумѣемъ собственно о его словѣ въ парламентѣ. Мы сейчасъ увидимъ, что Ламартиномъ въ печати было произнесено слово, которое не осталось безъ дѣйствія.

Въ 1836 году, Ламартинъ издалъ небольшую поэму «Jocelyn», религіозно-романическую идиллію, въ которой вылились и вся прелесть и всѣ недостатки его таланта. Недостатки уже преоб-

---

[1]) Ламартинъ самъ требовалъ раздѣла, но предлагалъ отдать Константинополь Россіи, Египетъ Англіи, а Сирію взять Франціи. Съ логичностью теоретика, онъ думалъ, что если ужъ дѣлить, такъ раздѣлить все.

[2]) Discour du 22 aout 1835. Еще яснѣе онъ высказался въ рѣчи на обѣдѣ, данномъ ему въ Маконѣ, см. Discours du 4 juin 1843.

падають въ «la Chûte d'un ange» (1838) и въ «Recueillements Poétiques» (1839). Здѣсь обычная роскошь эпитетовъ и картинность стиля доходитъ мѣстами до несносной напыщенности и вообще видно усиліе, неестественность, неопредѣленность мысли и фальшь въ изложеніи.

Продолжая безуспѣшно бороться въ палатѣ съ застоемъ іюльской монархіи и представителемъ этого застоя — Гизò, и потерявъ, наконецъ, надежду на возможность прогресса при правленіи, которое замкнулось въ личные интересы и подкапывало парламентаризмъ, обращая его въ нѣчто въ родѣ биржевой игры, поэтъ выступилъ въ 1847 году, какъ разъ послѣ того, какъ Гизò удалось эскамотировать новые выборы, благопріятные министерству, съ «Исторіею Жирондистовъ». Это первое историческое сочиненіе Ламартина, быть можетъ, менѣе всѣхъ послѣдующихъ, соблюдаетъ условія исторической вѣрности; авторъ позволилъ себѣ, иногда, даже нестрого сообразоваться съ хронологіею, для того, чтобы «группировать событія». Это сочиненіе — поэзія; но эта поэзія оказала дѣйствіе серьезнѣе всѣхъ рѣчей, произнесенныхъ Ламартиномъ въ палатѣ депутатовъ—она популяризировала воспоминаніе о республикѣ, въ тотъ самый моментъ, когда Франціи надоѣлъ Гизò до невозможности и когда искусственный результатъ послѣднихъ выборовъ отстранилъ еще на нѣсколько лѣтъ самую надежду на возможность какой-либо перемѣны. Насчетъ огромнаго дѣйствія «Исторіи Жирондистовъ» на умы, и значенія этой книги въ подготовленіи вспышки 1848 г. согласны всѣ, отъ консерваторовъ, горько упрекавшихъ такое «злоупотребленіе талантомъ», до радикаловъ, которые, впослѣдствіи, были недовольны апологіею жирондистовъ.

Въ ту минуту, когда Ламартинъ, 28 февраля 1848 года, вошолъ въ комнату, служившую кабинетомъ Гизò, на столѣ лежала замѣтка, писанная рукою Гизо: «чѣмъ болѣе я слышу Ламартина, тѣмъ болѣе убѣждаюсь, что намъ не понять другъ друга» [1]).

Во время преній въ палатѣ, по отреченіи Людовика-Филиппа, когда нѣкоторые республиканцы, какъ Маррастъ и Бастидъ, соглашались на регенство герцогини Орлеанской, Ламартинъ рѣшительно отвергнулъ всякое соглашеніе съ династіею и объявилъ себя въ пользу провозглашенія республики, вмѣстѣ съ Мари и Кремьё. Когда Одилонъ-Баррò сталъ говорить за регентство, Ламартинъ произнесъ рѣчь въ смыслѣ избранія времен-

1) Tribune, 21.

ного правленія. Все это происходило среди безпрестанныхъ вторженій вооруженнаго народа въ палату. Ламартинъ двинулся съ народомъ къ думѣ, гдѣ уже засталъ Гарнье-Пажеса. За Ламартиномъ вскорѣ послѣдовали Ледрю-Ролленъ, Кремьё, Мари, Араго.

Извѣстно мужество, съ какимъ Ламартинъ являлся въ эти дни передъ рьяными толпами. Но самое вступленіе Ламартина въ составъ временного правленія республики было большою ошибкою со стороны радикаловъ, которые его допустили. Дѣло въ томъ, что Ламартинъ вступилъ въ это правленіе, и самъ того не сознавая, въ качествѣ представителя испуганной буржуазіи, то-есть въ качествѣ еще не сознавшей себя самоё, но тѣмъ не менѣе положительной реакціи противъ движенія одержавшаго на минуту верхъ. Мы не беремся судить о томъ, что̀ было лучше для Франціи—орлеанское правленіе или республика, но нельзя не признать, что вступленіе Ламартина въ составъ перваго правительства, созданнаго революціею, было во всякомъ случаѣ противорѣчіемъ этой революціи.

Ламартинъ былъ положительно неспособенъ къ той роли, которая ему выпала; онъ продолжалъ оставаться «на потолкѣ», противясь и консерваторамъ, и радикаламъ, и войнѣ, и диктатурѣ, и полному осуществленію республики [1]) и возстановленію монархіи. Онъ противился всѣмъ теченіямъ и защищалъ только одну мораль. Какъ моралистъ въ дѣйствіи, онъ оказалъ важныя услуги поддержаніемъ порядка на улицахъ и отмѣною смертной казни. Но какъ политическій дѣятель, онъ не справился съ положеніемъ и скоро сошелъ со сцены, скомпрометировавшись сперва передъ консерваторами — союзомъ съ Ледрю Ролленомъ, потомъ и передъ радикалами—сближеніемъ съ генераломъ Каваньякомъ, и непремѣнно долженъ былъ потерять всякое значеніе.

Много личнаго мужества показалъ онъ въ усмиреніи мятежа въ маѣ, много честности и самоотверженія; тѣмъ неменѣе онъ совершенно лишился популярности. Можно смѣло сказать, что Кавеньякъ, когда онъ разстрѣливалъ людей на улицѣ, безъ суда, въ іюнѣ 1848 года, былъ популярнѣе Ламартина, потому что Кавеньяку сочувствовала вся часть общества, испуганная возстаніемъ соціалистовъ, а Ламартину не сочувствовалъ никто, за исключеніемъ развѣ Альфонса Карра, такого же политика «безпристрастной середины и возвышенной фантазіи».

---

[1]) См. Discours du 6 septembre 1848, sur le projet de Constitution.

Немудрено, что при выборахъ на президентство Ламартинъ получилъ всего 7910 голосовъ, а на выборахъ въ законодательное собраніе въ 1849 году, не попалъ и въ депутаты. Замѣчательно, что Ламартинъ, еще въ октябрѣ 1848 года, предсказалъ то, что̀ случилось впослѣдствіи: «Не колеблясь объявляю себя въ пользу того способа избранія, который кажется вамъ самымъ опаснымъ—всенароднаго избранія президента; да, хотя бы даже народъ избралъ *того*, чьего избранія я, быть можетъ и ошибочно, боюсь. Нечего дѣлать, пусть Провидѣніе и народъ рѣшаютъ!....... Если народъ самъ предастъ себя,.... если онъ произнесетъ роковое слово, захочетъ отречься отъ дѣла свободы и прогресса, и бросится за какимъ-то метеоромъ, который обожжетъ ему руки—пусть онъ это скажетъ! Но мы, граждане, по крайней мѣрѣ, не произнесемъ его раньше. Если это несчастіе сбудется, скажемъ себѣ, напротивъ, слово побѣжденныхъ при Фарсалѣ: Victrix causa diis placuit, sed victa Catoni! И этотъ протестъ, противъ заблужденія или слабости народа, да будетъ обвиненіемъ его передъ нимъ самимъ и отпущеніемъ намъ передъ потомствомъ!» [1]). Удивительная мысль! Удивительный человѣкъ, который, видя опасность, тѣмъ не менѣе совѣтуетъ ей подвергнуться, заранѣе протестуя противъ явныхъ послѣдствій!

Ламартинъ былъ избранъ впослѣдствіи въ законодательное собраніе, но не принималъ уже дѣятельнаго участія въ политическихъ событіяхъ, съ 1849 года. Онъ былъ главнымъ редакторомъ «Pays» до 1851 года. Послѣ декабрьскаго переворота, онъ совершенно устранился отъ политики и возвратился исключительно къ литературной работѣ, уже по той причинѣ, что ему, стоявшему недавно «во главѣ судебъ Франціи», стала грозить бѣдность. Онъ издавна издерживался, не справляясь со средствами; путешествіе на востокъ нанесло его финансамъ сильный ударъ, финансы его, не смотря на состояніе жены, наслѣдство полученное отъ дяди и большія деньги, полученныя отъ издателей (особенно за «Исторію Жирондистовъ»), истощились и роскошью, къ которой онъ привыкъ, и баснословной его щедростью. Много есть анекдотовъ о щедрости и расточительности Ламартина. Однажды пріятель его Дарго̀, возмущенный нерасчетливостью Ламартина и его жены (совершенно похожей на мужа въ этомъ отношеніи), явился къ Ламартину и объявилъ, что будетъ его кассиромъ и унесъ ключъ отъ его комода. Вдругъ является дама просить на госпиталь: г-жа Ламартинъ велѣла сломать замокъ и отдала просительницѣ 800 франковъ, въ присутствіи своего

[1]) Discours du 6 octobre 1848, sur la présidence.

мужа, который нѣжно улыбался. Даргò, возвратясь, нашелъ что въ комодѣ не было *ничего*.

«Confidences», «Nouvelles Confidences», «Raphael» (1849—1851), «Очерки изъ жизни поэта» и «Исторія Реставраціи» (1851—1852) написаны еще спокойно и отлично обдѣланы: «Исторія Реставраціи», написанная въ духѣ либерализма, имѣетъ цѣну и какъ историческая работа, но особенно интересна, какъ галлерея художественно-написанныхъ очерковъ людей того времени. «Исторія революціи 1848 года» (1849) есть не что иное, какъ автоапологія. Затѣмъ начинается работа спѣшная, такъ сказать машинная, подъ гнетомъ нужды и долговъ: «Histoire des Constituants» (1854), «Histoire de la Turquie» (1855), «Histoire de la Russie» (1856). Ни эти сочиненія, ни періодическія изданія Ламартина: «Le Conseiller du Peuple» (1849—1852) «Le Civilisateur» (1852—1856), «Cours familier de Litterature»—популярно-литературные очерки, въ которыхъ рѣчь идетъ немного обо всемъ, не поправили его·дѣла. Національная подписка, на которую онъ рѣшился въ 1858 году, не имѣла успѣха. Сперва она приняла было характеръ протеста противъ имперіи, но императоръ поспѣшилъ внесть свое имя въ списокъ. Поэтъ, доживъ до 75 лѣтъ, продолжалъ работать среди нужды и горя. Спекуляціи, которыми онъ думалъ поправить свои обстоятельства, не удавались и только поглощали плоды трудовъ старости. Новый ударъ нанесла ему смерть жены. Съ 1866 года, онъ жилъ пенсіею въ 25,000 франковъ, данныхъ ему наконецъ Франціею, которая издерживаетъ столько же на каждаго изъ сенаторовъ Наполеона III.

Л. Полонскій.

КАССАЦІОННЫЕ ДЕПАРТАМЕНТЫ СЕНАТА

I.

ГРАЖДАНСКАЯ ПРАКТИКА.

Почти три года прошло послѣ введенія судебной реформы. Этого времени, конечно, слишкомъ мало, чтобы произвести полное сужденіе объ общемъ характерѣ дѣятельности новыхъ судовъ. Но неоспоримы, по очевидности своей, нѣкоторыя явленія, бросающія свѣтъ и на будущее этихъ судовъ. Неоспоримо, что судебныя установленія, созданныя судебными уставами, сложились въ хорошія формы, представляютъ надежное ручательство неподкупности рѣшеній и обѣщаютъ постепенное развитіе самостоятельности суда. Неоспоримо, что новые суды представляютъ уже теперь такое учрежденіе, которое заключаетъ въ самомъ себѣ условія своеобразной жизни, которое ростетъ, такъ сказать, изъ самого себя и развивается правильно, слѣдуя историческому закону, вопреки воздвигаемымъ ему, отчасти сознательно, отчасти безсознательно, препятствіямъ. Несомнѣнно, что на сторонѣ новыхъ судовъ общее сочувствіе, размѣры котораго поглощаютъ въ себѣ одиночные протесты и вопли разношерстнаго, но немногочисленнаго кружка противниковъ и недоброжелателей судебной реформы.

Фактъ общаго сочувствія къ новымъ судамъ указываетъ на то, что строй ихъ соотвѣтствуетъ потребностямъ общества, что условія и порядокъ судебнаго дѣла, указанные въ судебныхъ уставахъ, доступны пониманію народа и не представляютъ для него значительныхъ затрудненій. Дѣйствительно, поверхностнаго наблюденія довольно, чтобы убѣдиться въ томъ, что народъ вообще свыкся съ новыми судебными порядками, что онъ довѣрчиво относится къ дѣятельности новыхъ су-

довъ, и что теперь уже суды эти занимаютъ одно изъ почетныхъ и видныхъ мѣстъ въ народной жизни.

Одну изъ причинъ популярности новыхъ судебныхъ установленій составляетъ простота судебнаго разбирательства. Участвующія въ дѣлѣ лица, не видя стѣсненій формальностями, понимая непосредственное участіе суда въ разъясненіи дѣла и вѣря въ его безпристрастіе, довѣрчиво идутъ сами въ судъ, не прибѣгая къ чужому посредничеству, и лично защищаютъ свои интересы. Не только въ мировыхъ судахъ, но и въ общихъ судебныхъ установленіяхъ при производствѣ гражданскихъ дѣлъ стороны, весьма часто являются въ судъ лично. Нерѣдки случаи, что и въ спорномъ и сложномъ дѣлѣ вступаютъ въ состязаніе сами тяжущіеся, стараясь, по мѣрѣ силъ, убѣдить судъ въ справедливости своихъ требованій. Появленіе присяжнаго повѣреннаго въ залѣ засѣданія гражданскаго отдѣленія окружнаго суда въ качествѣ защитника, даже въ Петербургѣ и Москвѣ, далеко не общее правило. И это неудивительно. Порядокъ судопроизводства, введенный судебными уставами, основанъ на началахъ, дѣлающихъ его всѣмъ доступнымъ; правила его не представляютъ хитросплетеній, сложныхъ формъ и лабиринта условныхъ процессуальныхъ бумагъ. Все сводится къ словесному состязанію сторонъ предъ судомъ, на которомъ выясняется фактическая и *правовая* стороны дѣла.

Нельзя сказать, чтобы дѣятельность кассаціонныхъ департаментовъ сената усвоивалась также скоро народнымъ сознаніемъ. Понятіе о кассаціи, взятое цѣликомъ изъ за-границы, само по себѣ нѣсколько темно и отвлеченно. Основныя начала кассаціоннаго производства не доступны пониманію не-юриста, а въ томъ видѣ, какъ онѣ проведены въ уставѣ гражданскаго судопроизводства, во многомъ подлежатъ критикѣ. Все это должно было отразиться въ практической жизни.

Огромное большинство поступающихъ въ сенатъ просьбъ и жалобъ доказываетъ полное непониманіе народомъ основныхъ началъ кассаціоннаго производства. Нерѣдко даже лица, юридически образованныя и сами должностныя лица судебнаго вѣдомства представляютъ примѣры неправильнаго пониманія значенія кассаціи и формъ кассаціоннаго производства. Поэтому огромное большинство сенатскихъ рѣшеній заключаетъ въ себѣ указаніе просителямъ, не имѣющимъ законнаго повода ходатайствовать о кассаціи, тѣхъ главныхъ началъ, которыми опредѣляется дѣятельность кассаціонныхъ департаментовъ правительствующаго сената. За три года накопилось уже довольно матеріала, могущаго служить пособіемъ при изученіи немногихъ статей судебныхъ уставовъ, относящихся до кассаціоннаго производства, а также полезнымъ указаніемъ для практики на будущее время. Своевременнымъ представляется намъ обозрѣть многочисленныя и разнообразныя

рѣшенія кассаціонныхъ департаментовъ сената и свести ихъ къ нѣсколькимъ общимъ выводамъ.

Облегченіе, для большинства, ознакомленія съ выводами кассаціонной практики тѣмъ болѣе необходимо, что, по разъясненію сената, рѣшенія его подлежатъ безусловно обязательному исполненію со стороны всѣхъ судебныхъ установленій.

Мы начнемъ наше обозрѣніе съ рѣшеній гражданскаго кассаціоннаго департамента по вопросамъ судопроизводства.

Опредѣляя *предѣлы своей компетентности*, сенатъ разъяснилъ прежде всего, что, по уставу гражданскаго судопроизводства, отмѣнѣ во всѣхъ видахъ, въ томъ числѣ и кассаціи, могутъ подлежать только постановленія суда по существу дѣла, которымъ исключительно присвоено названіе *рѣшенія*, а не постановленія, относящіяся къ частнымъ изъ дѣла возникающимъ вопросамъ, которыя именуются *опредѣленіями*. На основаніи этого общаго правила масса кассаціонныхъ жалобъ, принесенныхъ сенату, оставлена безъ уваженія. Однако безусловность приведеннаго правила требовала нѣкоторыхъ исключеній.

Сенатъ усмотрѣлъ, что если постановленныя судомъ частныя опредѣленія такого рода, что имъ прекращается всякій дальнѣйшій ходъ дѣла, а за тѣмъ уже и не можетъ быть рѣшенія, которое подлежало бы обжалованію въ кассаціонномъ порядкѣ, и если при постановленіи этого опредѣленія допущено явное нарушеніе закона, тогда отказъ въ разсмотрѣніи жалобы, принесенной на такое опредѣленіе, по той единственно причинѣ, что эта жалоба принесена на частное опредѣленіе, былъ бы равносиленъ отказу въ правосудіи.

Кромѣ того сенатъ нашелъ, что если бы палата разрѣшила частнымъ опредѣленіемъ самое существо дѣла, то сторона, недовольная такимъ рѣшеніемъ, не могла бы быть лишена права жаловаться на него въ кассаціонномъ порядкѣ, такъ какъ допустить противное значило бы предоставить на произволъ палаты постановлять, въ видѣ частныхъ опредѣленій, окончательныя по дѣламъ рѣшенія и ставить права тяжущихся въ зависимость не отъ содержанія, но отъ формы ея постановленій.

Такимъ образомъ, разсматриваемый въ настоящее время вопросъ разрѣшенъ правительствующимъ сенатомъ въ томъ смыслѣ, что обсужденію его въ кассаціонномъ порядкѣ могутъ, сверхъ рѣшеній по существу дѣлъ, подлежать судебныя опредѣленія въ двухъ случаяхъ: 1) если подъ видомъ частныхъ опредѣленій рѣшаются иски въ самомъ ихъ существѣ, и 2) если преграждается всякій дальнѣйшій ходъ дѣла въ апелляціонномъ порядкѣ, такъ, что дѣло иначе не можетъ дойти до сената, какъ путемъ частнаго обжалованія. Нельзя не при-

знать правильнымъ подобнаго вывода. Несправедливо было бы допустить, чтобы неправильныя дѣйствія судебныхъ установленій, обусловливаемыя въ большей части случаевъ неточнымъ пониманіемъ закона, имѣли рѣшительное вліяніе на права частныхъ лицъ, закрывая имъ вмѣстѣ съ тѣмъ путь къ обжалованію неправильныхъ дѣйствій въ кассаціонномъ порядкѣ сенату.

Другой вопросъ, выясненный сенатомъ *при опредѣленіи его компетентности*—есть вопросъ о томъ, можетъ ли подлежать разсмотрѣнію сената фактическая сторона дѣла. Общее правило, принятое сенатомъ въ этомъ отношеніи, есть то, что разсмотрѣнію его подлежитъ лишь примѣненіе закона къ выводамъ изъ обстоятельствъ дѣла, изъ чего прямо вытекаетъ, что гдѣ нѣтъ вопроса о примѣненіи закона, тамъ не можетъ быть и повода къ кассаціи. На основаніи этого общаго правила, большинство жалобъ, приносимыхъ сенату, оставляется безъ уваженія, такъ какъ просителямъ очевидно трудно усвоить себѣ значеніе той демаркаціонной линіи, которая отдѣляетъ въ дѣлѣ фактическую его сторону отъ примѣненія законовъ къ фактамъ.

Дѣйствительно, чтобы повѣрить указаніе просителя на нарушеніе закона въ судебномъ рѣшеніи, нерѣдко представляется необходимымъ провѣрить не только выводы суда изъ смысла закона, но также приложеніе закона къ фактамъ; для этого необходимо уяснить себѣ фактическую сторону дѣла, а при разъясненіи фактовъ дѣла конечно можетъ встрѣтиться надобность войти въ обсужденіе самаго существа его.

Наибольшія затрудненія въ примѣненіи вышеуказаннаго общаго правила представляются по дѣламъ, возникшимъ изъ нарушенія договоровъ. Наши гражданскіе законы содержатъ въ себѣ, какъ извѣстно, правила о толкованіи договоровъ. Такъ, по статьѣ 1538-й гр. зак., при исполненіи договоры должны быть изъясняемы по словесному ихъ смыслу. По статьѣ 1539-й, слова двусмысленныя должны быть изъясняемы въ разумѣ наиболѣе сообразномъ существу главнаго предмета въ договорѣ; не слѣдуетъ ставить въ вину, когда въ договорѣ упущено такое слово или выраженіе, которое вообще и обыкновенно въ договорахъ употребляется; когда выраженія въ договорѣ не опредѣляютъ предмета съ точностію, тогда принадлежности его должно изъяснять обычаемъ; въ случаѣ равнаго съ обѣихъ сторонъ недоумѣнія, силу договора слѣдуетъ изъяснять болѣе въ пользу того, кто обязался что либо отдать или исполнить. Нарушеніе подобныхъ правилъ нерѣдко указывается въ кассаціонныхъ жалобахъ. Между тѣмъ разрѣшеніе вопроса о правильномъ приложеніи къ данному договору одной изъ статей гражданскихъ законовъ, опредѣляющихъ способъ толкованія договоровъ, очевидно требуетъ прежде всего разъясненія, какой именно договоръ имѣлъ мѣсто въ данномъ дѣлѣ, т. е. обсужденіе фактической стороны дѣла.

Сенатская практика въ отношеніи къ вопросу о правѣ сената вхо-

дить въ разсмотрѣніе толкованія, даннаго договору въ судебномъ рѣшеніи, на которое принесена кассаціонная жалоба, еще не окончательно выяснилась. Сенатъ иногда вовсе не повѣряетъ правильности выводовъ судебной палаты и мирового съѣзда относительно смысла разсмотрѣнныхъ ими договоровъ. Если, по мнѣнію палаты или мирового съѣзда, договоръ ясенъ и долженъ быть истолкованъ согласно буквальному его смыслу, то жалоба на неправильность толкованія смысла договора часто оставляется сенатомъ безъ разсмотрѣнія. Равнымъ образомъ указаніе на то, что палата или съѣздъ неправильно признали смыслъ договора сомнительнымъ и примѣнили къ нему ст. 1539 гражд. зак., также нерѣдко признаваемо было неподлежащимъ разсмотрѣнію сената. Въ другихъ рѣшеніяхъ высказываются иныя начала о компетентности сената по отношенію къ повѣркѣ толкованія въ судебныхъ рѣшеніяхъ смысла договоровъ. Такъ, напр., въ одномъ изъ рѣшеній сената заключается изложеніе нѣсколькихъ общихъ соображеній, которыми сенатъ руководствуется въ дѣлахъ, возникшихъ изъ толкованія договоровъ. Въ этомъ рѣшеніи сенатъ изъяснилъ, что нарушеніе законныхъ правилъ о толкованіи договоровъ можетъ быть признано дѣйствительнымъ, если обнаружится, что въ рѣшеніи палаты приведены такія слова договора, которыхъ въ договорѣ вовсе нѣтъ, или что словамъ договора данъ совершенно противный смыслъ, т. е. такой смыслъ, котораго они никакъ содержать въ себѣ не могутъ, или что рѣшеніе основано не на договорѣ, а на побочныхъ обстоятельствахъ; однимъ словомъ, если бы было указано на очевидное извращеніе точнаго разума и буквальнаго смысла договора.

Нельзя не замѣтить, что приведенные выводы открываютъ сенату широкое поле для вмѣшательства въ разсмотрѣніе существа дѣла, въ особенности же тотъ выводъ, что приданіе словамъ договоровъ такого смысла, котораго они никакъ содержать въ себѣ не могутъ, относится къ числу поводовъ кассаціи рѣшеній. Руководствуясь подобнымъ выводомъ слѣдовало бы, по нашему мнѣнію, рѣшить многія дѣла, уже бывшія въ разсмотрѣніи сената, иначе, чѣмъ они разрѣшены сенатомъ. Вообще мы едва ли ошибемся, если скажемъ, что въ рѣшеніяхъ гражданскаго кассаціоннаго департамента сената обнаруживается какъ бы неодинаковость воззрѣній на вопросъ о правѣ сената входить въ обсужденіе правильности толкованія договоровъ въ рѣшеніяхъ палатъ и съѣздовъ. Въ большинствѣ рѣшеній сената проводятся начала, ограничивающія подобное право; нѣкоторыя рѣшенія, напротивъ того, стараются по возможности его расширить. Наше личное мнѣніе не въ пользу послѣдняго толкованія. Расширяя свою компетентность въ отношеніи къ дѣламъ, возникшимъ изъ договоровъ, сенатъ, мало-помалу, видоизмѣнитъ характеръ той дѣятельности, которая принадлежитъ ему по разуму судебной реформы. Входя въ разсмотрѣніе су-

щества дѣлъ, сенатъ выйдетъ изъ роли установленія, охраняющаго лишь правильность и единообразіе толкованія законовъ, и сдѣлается какъ бы третьею инстанціею.

Третій вопросъ, котораго слѣдуетъ коснуться, говоря объ опредѣленіи *компетентности гражданскаго кассаціоннаго департамента* правительствующаго сената есть вопросъ о томъ, нарушеніе какихъ именно формъ и обрядовъ судопроизводства составляетъ поводъ кассаціи. Предварительно необходимо выяснить, что̀ слѣдуетъ разумѣть подъ нарушеніемъ формъ и обрядовъ.

Правила, опредѣляющія порядокъ судопроизводства, имѣютъ не одинаково обязательный характеръ. Нѣкоторыя судебныя дѣйствія обусловливаются усмотрѣніемъ суда, напр. назначеніе срока для объясненія обстоятельствъ существенныхъ для разрѣшенія дѣла, собраніе и повѣрка доказательствъ и проч. Подобныя дѣйствія суть только указанныя закономъ средства для разъясненія дѣла въ тѣхъ случаяхъ, когда, по мнѣнію суда, дѣло не довольно выяснено. Очевидно, что неисполненіе этого рода судебныхъ дѣйствій означало бы лишь, что въ нихъ не представлялось необходимости, и оно не заключало бы никакого нарушенія формъ. Далѣе, нѣкоторыя судебныя дѣйствія обусловливаются иниціативою тяжущихся, такъ что исполненіе подобнаго дѣйствія судомъ зависитъ отъ своевременнаго заявленія требованій сторонъ во время хода процесса. Очевидно, что неисполненіе подобныхъ судебныхъ дѣйствій въ тѣхъ случаяхъ, когда не было своевременнаго заявленія тяжущихся о его исполненіи, также не можетъ заключать въ себѣ нарушенія формъ судопроизводства. Нарушеніемъ формы или обряда слѣдуетъ признавать неисполненіе лишь такого судопроизводственнаго дѣйствія, которое было обязательно для суда. Это *первое начало*, которое проводится постоянно въ сенатскихъ рѣшеніяхъ и непониманіе котораго имѣетъ послѣдствіемъ принесеніе сенату массы неосновательныхъ жалобъ.

Особенно часты жалобы на отказъ суда вызвать или допросить свидѣтелей, показанія которыхъ должны были разъяснить дѣло, на то, что судъ не прибѣгнулъ къ повѣркѣ доказательствъ, не истребовалъ заключенія свѣдущихъ людей и пр. Сенату безпрестанно приходится разъяснять, что допросъ свидѣтелей, объясненіе противорѣчія въ ихъ показаніяхъ посредствомъ очной ставки, истребованіе отъ свѣдущихъ людей заключенія и осмотръ на мѣстѣ указаны суду какъ средства къ открытію истины; что употребленіе этихъ средствъ не поставлено суду въ обязанность, но предоставлено обращаться къ нимъ тогда, когда они, по его усмотрѣнію, нужны; что судъ не обязанъ вызывать всѣхъ указываемыхъ тяжущимися свидѣтелей; что судъ не обязанъ допрашивать всѣхъ свидѣтелей объ обстоятельствахъ, ко-

торыя, по мнѣнію его, не могутъ имѣть вліянія на рѣшеніе дѣла и проч.

Другое начало, выработанное сенатомъ и составляющее основное правило кассаціоннаго производства, хотя оно не высказано въ уставѣ гражданскаго судопроизводства, есть то, что лишь такое нарушеніе формъ можетъ быть обжаловано въ кассаціонномъ порядкѣ, которое осталось, какъ выразился сенатъ, непокрытымъ, т. е. такое нарушеніе, вліяніе котораго на исходъ процесса не уничтожилось вслѣдствіе дѣйствій той стороны, ко вреду которой оно клонилось. Напр., при производствѣ одного дѣла тяжущемуся не было послано повѣстки о явкѣ въ судъ, но онъ явился и былъ допущенъ къ словесному состязанію; въ этомъ случаѣ нарушеніе обряда, важность котораго очевидна, не могло тѣмъ не менѣе служить основаніемъ для кассаціи рѣшенія, такъ какъ указанное нарушеніе потеряло всякую важность, коль скоро лицо, которому не было сдѣлано вызова, участвовало въ судебномъ засѣданіи, въ которомъ постановлено рѣшеніе по его дѣлу.

Третье начало, проводимое въ сенатскихъ рѣшеніяхъ, относящихся до настоящаго вопроса, есть то, что нарушеніе такихъ лишь формъ и обрядовъ судопроизводства можетъ служить поводомъ къ кассаціи, которыя имѣютъ существенное вліяніе на обнаруженіе истины и на огражденіе преподаннаго порядка для достиженія правосудія въ рѣшеніяхъ. Для разъясненія признаковъ, опредѣляющихъ существенность формъ, особенно важны рѣшенія сената, которыми просьбы объ отмѣнѣ оставлены безъ уваженія, не смотря на то, что нарушеніе обрядовъ дѣйствительно допущено было, т. е., которыми прямо указаны формы, не имѣющія существеннаго значенія. Сенатъ относитъ къ числу нарушеній несущественныхъ формъ и обрядовъ только весьма немногіе случаи. Нельзя не признать правильнымъ такого вывода. Правила судопроизводства, установляющія формы и обряды, потеряли бы всякое практическое значеніе, если бы нарушеніе ихъ не имѣло послѣдствій. Или форма нужна, и тогда нарушеніе ея должно вліять на правильный исходъ дѣла, или же она излишня и тогда не представляется надобности сохранять въ силѣ правила, ее установившаго.

Мы говорили до сихъ поръ о двухъ поводахъ кассаціи рѣшеній, именно: о *нарушеніи прямого смысла закона* и о *нарушеніи формъ и обрядовъ судопроизводства.* Законъ установляетъ еще третій поводъ кассаціи, именно *нарушеніе предѣловъ вѣдомства и власти.* Но относительно этого повода слѣдуетъ замѣтить, что сенатъ даетъ термину «нарушеніе предѣловъ вѣдомства и власти» широкое толкованіе, подводя подъ него такія дѣйствія судебныхъ установленій, которыя заключаютъ въ себѣ не болѣе какъ нарушеніе закона, или формъ судопроизводства. Нѣкоторыми рѣшеніями сената признаны нарушеніемъ

закона дѣйствія, однородныя съ тѣми, въ которыхъ сенатъ видѣлъ прежде превышеніе власти. Очевидно, что сенатъ не проводитъ строгаго различія между поводами кассаціи и не останавливается на томъ, какой именно поводъ приведенъ въ просьбѣ объ отмѣнѣ рѣшенія.

Кромѣ *кассаціонныхъ жалобъ* вѣдѣнію правительствующаго сената подлежатъ *просьбы о пересмотрѣ рѣшеній* и *просьбы лицъ, не участвовавшихъ въ дѣлѣ.* Кассаціонная практика представляетъ мало матеріала для разъясненія тѣхъ статей устава гражд. судопр., которыми опредѣляется порядокъ поступленія и разсмотрѣнія вышеозначенныхъ просьбъ. Можно сказать одно, что сенатъ весьма строгъ относительно требованій о пересмотрѣ рѣшеній вслѣдствіе вновь открытыхъ обстоятельствъ и по просьбамъ третьихъ лицъ.

Для лицъ, ходатайствующихъ о пересмотрѣ рѣшеній вслѣдствіе вновь открытыхъ обстоятельствъ, законъ ставитъ въ обязанность доказать, что указываемое обстоятельство дѣйствительно вновь открыто, и что со времени открытія не пропущенъ четырехъ-мѣсячный срокъ. Интересный вопросъ о томъ, насколько слѣдуетъ быть строгимъ при повѣркѣ доказательствъ относительно времени открытія новыхъ обстоятельствъ, окончательно не выясненъ сенатомъ. Въ одномъ рѣшеніи признано, что если обстоятельства дѣла не обнаруживаютъ, чтобы документъ, открытіе котораго выставляется поводомъ пересмотра, былъ извѣстенъ одному изъ тяжущихся, а другимъ существованіе его отвергалось, то просьба о пересмотрѣ можетъ быть признана заслуживающею уваженія. Тѣмъ же рѣшеніемъ допущенъ пересмотръ дѣла безъ истребованія доказательствъ о времени открытія новаго обстоятельства. Но въ другомъ рѣшеніи сенатъ прямо призналъ, что непредставленіе доказательствъ относительно своевременности подачи просьбы о пересмотрѣ рѣшенія должно имѣть послѣдствіемъ оставленіе просьбы безъ уваженія. Этимъ же рѣшеніемъ къ производству о пересмотрѣ дѣлъ вслѣдствіе вновь открытыхъ обстоятельствъ безусловно примѣнено общее правило о доказательствахъ, на основаніи котораго обстоятельство, служащее кому-либо основаніемъ права, должно быть доказано тою стороною, которая отыскиваетъ и защищаетъ это право, а не противною стороною.

Разъясненіе весьма спорныхъ вопросовъ, которые вытекаютъ изъ смысла законовъ, относящихся до отмѣны рѣшеній по просьбамъ лицъ не участвовавшихъ въ дѣлѣ, въ настоящее время также не можетъ имѣть мѣста. Нѣсколько лишь рѣшеній касаются примѣненія этихъ законовъ и изъ нихъ ни одно не имѣетъ крупнаго значенія.

Мы приводили до сихъ поръ тѣ важнѣйшія сенатскія рѣшенія, которыми опредѣляется *кругъ дѣятельности гражданскаго кассаціоннаго департамента сената*. Перейдемъ теперь къ другой группѣ рѣшеній, относящихся до *порядка судопроизводства* въ мировыхъ установленіяхъ, окружныхъ судахъ и судебныхъ палатахъ.

Въ самомъ началѣ дѣятельности новыхъ судебныхъ установленій возникъ вопросъ о томъ, въ какой мѣрѣ должны быть вѣдаемы ими дѣла по вексельнымъ взысканіямъ.

По закону, общими судами гражданскими на основаніи устава гражд. судопр. вѣдаются спорныя дѣла, относящіяся къ торговой подсудности въ тѣхъ мѣстностяхъ, на которыя не простирается вѣдомство суда коммерческаго. Такимъ образомъ законъ упоминалъ только о спорныхъ дѣлахъ, относящихся къ торговой подсудности. Между тѣмъ торговый уставъ различалъ спорныя дѣла о взысканіяхъ по векселямъ отъ безспорныхъ, къ которымъ относятся требованія, основанныя на протестованныхъ векселяхъ. На основаніи торговаго устава, правила котораго не были измѣнены съ изданіемъ судебныхъ уставовъ, безспорныя вексельныя взысканія не подвѣдомы коммерческому суду, а подлежатъ вѣдѣнію полицейскихъ установленій. Такъ какъ на основаніи ст. 77 высочайше утвержденнаго 19-го октября 1865 года положенія о введеніи въ дѣйствіе судебныхъ уставовъ, со дня введенія въ губерніи этихъ уставовъ никакое гражданское дѣло не могло быть начато ни въ полиціи, ни въ прежнихъ судахъ этой губерніи, то полицейскія мѣста встрѣтили затрудненіе къ продолженію взысканій по безспорнымъ векселямъ въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ послѣдовало введеніе судебной реформы. Въ С.-Петербургѣ на первыхъ же дняхъ возникли пререканія между управою благочинія и окружнымъ судомъ. Пререканія эти были разрѣшены опредѣленіемъ общаго собранія 1-го и кассаціонныхъ департаментовъ сената, которымъ признано, что, за введеніемъ въ С.-Петербургской губерніи судебныхъ уставовъ, въ здѣшнюю управу благочинія не должны поступать никакія гражданскія дѣла, не исключая и вексельныхъ взысканій, каковыя должны подлежать вѣдѣнію коммерческаго суда.

Слѣдуетъ замѣтить при этомъ, что указанное опредѣленіе сената до сихъ поръ не приведено въ исполненіе, такъ какъ для этого требуется увеличеніе штата коммерческихъ судовъ.

Однимъ изъ главныхъ вопросовъ судопроизводства есть *вопросъ объ обязанности доказыванія*. По закону (ст. 81 и 366 уст. гражд. судопр.) истецъ долженъ доказать свой искъ, отвѣтчикъ же, возражающій противъ требованій истца, обязанъ доказать свои возраженія. Какъ ни просто это правило, но приложеніе его къ отдѣльнымъ частнымъ случаямъ представляетъ нерѣдкія затрудненія. Необходимость разъясненія этихъ затрудненій обнаруживается изъ того, что для тя-

жущихся нерѣдко весьма важно при веденіи дѣла, на кого ляжетъ обязанность доказыванія фактовъ, имѣющихъ значеніе въ дѣлѣ. Повернуть дѣло въ каждомъ данномъ случаѣ такимъ образомъ, чтобы обязанность доказыванія всею тяжестію своею лежала на противникѣ, — обыкновенная цѣль дѣйствій опытнаго въ судебномъ дѣлѣ тяжущагося.

Въ сенатскихъ рѣшеніяхъ не заключается богатаго матеріала для разъясненія относящихся сюда вопросовъ. Замѣтимъ только, что содержаніе нѣкоторыхъ рѣшеній наводитъ на предположеніе, что сенатъ признаетъ возможнымъ вообще слагать съ истца обязанность доказыванія, когда послѣдуетъ собственное признаніе отвѣтчика, даже въ томъ случаѣ, если признаніе дано условно, т. е. заключаетъ въ себѣ обстоятельства, уничтожающія право иска. Иначе сказать, по толкованію сената, отвѣтчикъ, признавшій въ судѣ справедливость главныхъ фактовъ, на которыхъ искъ основанъ, но отрицающій дѣйствительность фактовъ второстепенныхъ, долженъ доказать это заявленіе; истецъ же освобождается отъ обязанности доказывать свои требованія.

Сенатскими рѣшеніями установлено то общее правило, что отвѣтчикъ въ правѣ отказаться отъ представленія доказательствъ въ подтвержденіе своего возраженія противъ иска до тѣхъ поръ, пока доказательства не будутъ представлены истцемъ. Правило это весьма важно и значительно облегчаетъ судебное разбирательство въ тѣхъ случаяхъ, когда искъ основанъ на бездоказательныхъ требованіяхъ,— случаяхъ столь обыкновенныхъ въ мировой судебной практикѣ. Слѣдуетъ добавить, что указанное сенатомъ общее правило распространяется какъ на случаи, гдѣ истцемъ не представлено вовсе никакихъ доказательствъ, такъ и на случаи, гдѣ представлены доказательства неимѣющія законной силы.

Вопросъ о законной силѣ доказательствъ, т. е. о томъ, какими именно доказательствами должно быть доказываемо каждое отдѣльное требованіе и въ какихъ случаяхъ судебное мѣсто обязано признавать доказательства, представленныя тяжущимися, достаточными,—вопросъ этотъ очевидно связанъ съ предыдущимъ вопросомъ и также имѣетъ существенное практическое значеніе. Укажемъ нѣкоторые выводы, которые выработаны сенатскою практикою относительно опредѣленія силы отдѣльныхъ доказательствъ.

По закону *признаніе* со стороны одного изъ тяжущихся дѣйствительности такого обстоятельства, которое служитъ къ утвержденію правъ его противника, имѣетъ послѣдствіемъ то, что обстоятельство это почитается не требующимъ дальнѣйшихъ доказательствъ.

Такимъ образомъ, по смыслу закона судебное мѣсто обязано, въ случаѣ собственнаго признанія одной изъ сторонъ, основать свое рѣ-

шеніе на этомъ признаніи. Но сенатомъ выяснено, что въ каждомъ данномъ случаѣ отъ усмотрѣнія суда, рѣшающаго дѣло по существу, зависитъ ближайшее опредѣленіе доказанной силы признанія. Сенатъ объяснилъ, что въ каждомъ данномъ случаѣ судебному мѣсту принадлежитъ разрѣшеніе вопроса о томъ, дѣйствительно ли было сдѣлано признаніе или нѣтъ, т. е. слѣдуетъ ли изъ выраженій, употребленныхъ тяжущимся на судѣ или въ одной изъ бумагъ, на судъ поданныхъ, заключить, что собственное сознаніе послѣдовало. Выводъ этотъ значительно ослабляетъ практическое значеніе для тяжущихся вышеуказаннаго общаго правила о доказательной силѣ признанія; толкованіе сената, которое мы признаемъ, впрочемъ, вполнѣ правильнымъ, отнимаетъ даже у тяжущихся возможность въ большей части случаевъ просить о кассаціи рѣшенія по случаю нарушенія судомъ вышеозначеннаго общаго правила.

Главнѣйшія постановленія закона *о силѣ письменныхъ доказательствъ* заключаются въ томъ, что ни одинъ изъ письменныхъ актовъ, представленныхъ въ судъ, не можетъ быть отвергнутъ безъ разсмотрѣнія, что акты крѣпостные и явочные имѣютъ силу доказательства, что акты домашніе, признанные сторонами, имѣютъ силу крѣпостныхъ и явочныхъ актовъ, что акты крѣпостные и явочные имѣютъ преимущество передъ домашними и что опредѣленіе силы и преимущества домашнихъ актовъ зависитъ отъ усмотрѣнія суда.

Право тяжущихся требовать разсмотрѣнія судомъ всякаго письменнаго акта ограничено тѣмъ, что сенатъ не вмѣняетъ судебному мѣсту въ обязанность излагать въ своемъ рѣшеніи тѣ соображенія, по которымъ каждый изъ представленныхъ въ судъ актовъ признанъ не имѣющимъ доказательной силы. Сенатъ объяснилъ, что если документъ прописанъ въ рѣшеніи, то предполагается, что онъ былъ разсмотрѣнъ. Вся задача сената при обсужденіи кассаціонной жалобы на нарушеніе закона, которымъ установлено указанное выше право, состоитъ въ томъ, чтобы убѣдиться, былъ ли документъ въ разсмотрѣніи суда или нѣтъ; что же касается полноты и подробности самаго разсмотрѣнія, то повѣрка его выходитъ изъ круга дѣятельности сената.

Вопросъ *о доказательной силѣ крѣпостныхъ и явочныхъ документовъ*, относительно которыхъ въ законѣ нѣтъ прямого указанія, чтобы опредѣленіе силы этихъ документовъ зависѣло отъ усмотрѣнія суда, разрѣшается общимъ смысломъ сенатскихъ рѣшеній. Нарушеніе закона представилось бы только въ такомъ случаѣ, гдѣ судъ прямо не призналъ за явочнымъ или крѣпостнымъ документомъ силы доказательства. Въ подобномъ случаѣ конечно могла бы имѣть мѣсто кассаціонная жалоба. Но если бы судъ нашелъ, что по смыслу крѣпостнаго или явочнаго документа онъ не можетъ быть признаваемъ подтвержденіемъ тѣхъ требованій тяжущихся, которыя на немъ осно-

ваны, — подобный выводъ суда не заключалъ бы въ себѣ нарушенія закона и не могъ бы служить поводомъ къ принесенію кассаціонной жалобы.

Вопросъ *о силѣ домашнихъ актовъ*, признанныхъ сторонами, разъясненъ сенатомъ въ отношеніи къ тому, распространяется ли на подобные акты законъ, по которому содержаніе документовъ, установленнымъ порядкомъ совершенныхъ и засвидѣтельствованныхъ, не можетъ быть опровергаемо показаніями свидѣтелей (ст. 410 уст. гражд. судопр.). По указанію сената, домашніе акты, хотя бы они были признаны тѣми противъ коихъ они представлены, вслѣдствіе составленія ихъ безъ участія общественной власти не пользуются правомъ, предоставленнымъ въ ст. 410 актамъ крѣпостнымъ и явочнымъ. Сенатъ объяснилъ, что для повѣрки достовѣрности этихъ актовъ и для разъясненія событій, предшествовавшихъ и сопровождавшихъ ихъ совершеніе, судъ имѣетъ право допустить, по ссылкѣ сторонъ, свидѣтельскія показанія.

Что касается правилъ о доказательной силѣ домашнихъ и другихъ не-формальныхъ актовъ, то въ отношеніи къ нимъ указанія закона вполнѣ ясны и рядомъ рѣшеній сената только подтверждено несомнѣнное правило, по которому опредѣленіе силы и преимущества домашнихъ актовъ принадлежитъ усмотрѣнію суда.

Главнѣйшее постановленіе закона *о доказательствѣ черезъ свидѣтелей* состоитъ въ томъ, что свидѣтельскія показанія могутъ быть признаваемы доказательствомъ тѣхъ только событій, для которыхъ по закону не требуется письменнаго удостовѣренія.

Вопросъ о томъ, какія именно событія требуютъ по закону письменнаго удостовѣренія есть вопросъ матеріальнаго права, о которомъ мы будемъ говорить въ другомъ мѣстѣ. Здѣсь замѣтимъ лишь, что вышеприведенное постановленіе, весьма ограничивающее практическое значеніе доказательства черезъ свидѣтелей, практикою сената признано равно обязательнымъ для мировыхъ судебныхъ установленій, какъ для общихъ судебныхъ мѣстъ. Сенатъ нашелъ, что судебныя доказательства составляютъ предъустановленные закономъ способы для тяжущихся къ подтвержденію или къ оспариванію предъявленныхъ на судъ требованій, а для судей къ убѣжденію въ истинѣ, чтобы путемъ ихъ придти къ правильному, основанному на законѣ рѣшенію. Поэтому сенатъ нашелъ, что правила, преподанныя уставомъ гражд. судопр. для достиженія въ судахъ для всѣхъ равной справедливости, должны быть одинаковы въ отношеніи дѣлъ, производящихся какъ въ мировыхъ установленіяхъ, такъ и въ общихъ судебныхъ мѣстахъ.

Нельзя не возразить противъ подобнаго вывода; особенность дѣлъ, производящихся въ мировыхъ судебныхъ установленіяхъ заключается именно въ томъ, что онѣ касаются претензій, не основанныхъ на до-

кументахъ, а возникающихъ изъ ежедневныхъ житейскихъ отношеній, не опредѣляемыхъ актами. Строгое примѣненіе правила, выраженнаго въ 409 ст. уст. гражд. суд., къ мировому судебному разбирательству, ставитъ и тяжущихся въ мировомъ судѣ и мировыхъ судей въ затруднительное положеніе. Къ событіямъ, въ которыхъ по закону требуется письменное удостовѣреніе, сенатъ первоначально относилъ даже личный наемъ. Такимъ образомъ, при всякомъ спорѣ въ мировомъ судѣ между нанимателемъ и нанявшимся для личныхъ услугъ слѣдовало представлять письменное удостовѣреніе факта найма. Исполненіе этого требованія очевидно невозможно. Оно шло въ разрѣзъ со всѣми условіями нашей жизни и несовмѣстно съ самымъ характеромъ личнаго найма, который по большей части не представляетъ такого рода сложныхъ и постоянныхъ отношеній, для опредѣленія которыхъ нужно было бы прибѣгать къ заключенію письменнаго договора. Въ недавнее время сенатъ видоизмѣнилъ свою прежнюю практику по отношенію къ договору личнаго найма и призналъ, что договоры этого рода подлежатъ разсмотрѣнію и разрѣшенію суда, хотя бы были заключены словеснымъ порядкомъ, если не отвергаются сторонами и споръ происходитъ лишь о значеніи и силѣ этихъ договоровъ.

Обозрѣвъ рѣшенія, относящіяся къ вопросамъ *о предѣлахъ вѣдомства сената и о теоріи доказательствъ*, мы исчерпали, въ общихъ конечно чертахъ, почти всю кассаціонную практику по судопроизводственнымъ вопросамъ. Остается указать еще на нѣсколько рѣшеній, имѣющихъ самостоятельное значеніе и практическую важность.

Остановимся прежде всего на вопросѣ *объ условіяхъ, которымъ должна удовлетворять апелляціонная жалоба* для того, чтобы быть принятою и получить движеніе въ установленномъ порядкѣ. Въ законѣ (ст. 745 уст. гражд. судопр.) точно указано, что̀ именно должно заключаться въ апелляціонной жалобѣ. Затѣмъ указаны равнымъ образомъ тѣ случаи, въ которыхъ апелляціонная жалоба возвращается и оставляется безъ движенія. Если сравнить между собою случаи, перечисленные въ этихъ постановленіяхъ, то обнаруживается, что въ законѣ не указано послѣдствій нарушенія нѣкоторыхъ формъ, соблюденіе которыхъ требуется при подачѣ апелляціонныхъ жалобъ. На практикѣ возникали сомнѣнія, какъ надлежитъ суду поступать въ подобныхъ случаяхъ. Въ нѣкоторыхъ судебныхъ мѣстахъ принятъ былъ тотъ порядокъ, что жалоба, не соотвѣтствовавшая требованіямъ ст. 745 уст. гражд. судопр., признавалась не подлежащею разсмотрѣнію въ порядкѣ апелляціонномъ и потому оставлялась безъ разсмотрѣнія. Нѣкоторыя мировыя судебныя установленія въ подобномъ же случаѣ, именно при подачѣ жалобъ, заключающихъ въ себѣ укорительныя вы-

раженія приняли систему возвращать ихъ, примѣняясь къ 5 пунк. 266 ст. уст. гражд. судопр.

Сенатъ призналъ дѣйствія какъ тѣхъ, такъ и другихъ судебныхъ мѣстъ неправильными. Относительно перваго порядка, сенатъ нашелъ, что для сужденія о соблюденіи условій, исчисленныхъ въ ст. 745 необходимо войти въ разсмотрѣніе существа дѣла и что единственнымъ законнымъ послѣдствіемъ для апеллятора, не исполнившаго требованія закона и не воспользовавшагося предоставленнымъ ему правомъ защиты, можетъ быть только отказъ въ его просьбѣ объ отмѣнѣ рѣшенія, но не признаніе его жалобы не-апелляціонною.

Въ отношеніи порядка возвращать жалобы вслѣдствіе укорительныхъ выраженій, сенатъ объяснилъ, что мировымъ судебнымъ установленіямъ надлежало, примѣняясь къ правиламъ, предписаннымъ для общихъ судебныхъ мѣстъ, принимать за руководство ст. 755 устава, которая указываетъ случаи возвращенія апелляціонныхъ жалобъ и въ которой, въ числѣ такихъ случаевъ, не упомянуто употребленіе въ жалобѣ укорительныхъ выраженій.

Наконецъ, слѣдуетъ упомянуть о разъясненіи сената по вопросу, касающемуся *порядка, установленнаго закономъ для охраненія имуществъ, оставшихся послѣ умершихъ.*

Въ ст. 1408 уст. гр. судопр. опредѣлено, что явившіеся по вызовамъ наслѣдники умершаго, если они считаютъ необходимымъ обратиться, для опредѣленія правъ ихъ на наслѣдство, къ содѣйствію суда, заявляютъ о томъ мировымъ или общимъ судебнымъ установленіямъ, на основаніи общихъ законовъ о подсудности исковъ по роду и по цѣнѣ наслѣдственнаго имущества. По буквальному смыслу приведеннаго узаконенія, оно относится къ тѣмъ случаямъ, когда явится нѣсколько наслѣдниковъ и когда между ними возникнетъ споръ о правѣ на наслѣдство. Но въ законѣ не выражено, какъ слѣдуетъ поступать одному или нѣсколькимъ наслѣдникамъ, явившимся по вызовамъ, если, по ихъ мнѣнію, не представляется надобности обращаться къ содѣйствію суда для опредѣленія права на наслѣдство. При этомъ слѣдуетъ имѣть въ виду, что по закону утвержденіе въ правахъ наслѣдства не обязательно, если нѣтъ въ виду спора о наслѣдствѣ.

Вопросъ о примѣненіи ст. 1408 уст. гражд. судопр. въ выше приведенныхъ случаяхъ разрѣшенъ сенатомъ въ томъ смыслѣ, что явившіеся по вызовамъ наслѣдники умершаго должны непремѣнно просить объ утвержденіи въ правахъ наслѣдства, и что послѣ принятія мировымъ судьею охранительныхъ мѣръ относительно открывшагося наслѣдства, оно можетъ быть передано явившимся наслѣдникамъ не иначе, какъ по постановленію подлежащаго суда, смотря по роду и цѣнѣ имущества.

Перейдемъ затѣмъ къ *вопросамъ матеріальнаго права.* Чаще другихъ были затрогиваемы сенатомъ вопросы договорнаго права. Наиболѣе крупный вопросъ есть *вопросъ о юридическомъ значеніи передачи акта.*

По толкованію сената передача акта лицомъ, совершившимъ его лицу, пріобрѣтающему право по акту, составляетъ моментъ, когда приводится въ дѣйствіе самая сдѣлка. До передачи акта договоръ не почитается вступившимъ въ силу, хотя бы актъ о договорѣ былъ уже выданъ лицу, предъявившему актъ для утвержденія или явки крѣпостнымъ дѣламъ, нотаріусу или маклеру. Выдача акта отъ крѣпостныхъ дѣлъ маклера или нотаріуса, по объясненію сената, составляетъ не болѣе, какъ окончаніе обряда совершенія или явки акта.

Моментъ пріобрѣтенія права по договору всегда возбуждалъ недоумѣнія въ нашей судебной практикѣ. Сенатомъ впервые выяснено положительнымъ образомъ, какими началами надлежитъ руководствоваться по этому вопросу. Замѣтимъ, что рѣшеніе сената изложено въ безусловно общей формѣ и что поэтому оно должно быть примѣняемо ко всякаго рода актамъ, т. е. и къ актамъ укрѣпленія права собственности на недвижимое имѣніе.

Практическое значеніе вывода, сдѣланнаго сенатомъ относительно времени пріобрѣтенія права по договору, очевидно. При переходѣ какого-либо права отъ одного лица къ другому необходимо прежде всего опредѣлить, когда именно передаваемое право перестало принадлежать прежнему обладателю и сдѣлалось собственностью пріобрѣтателя. Отъ опредѣленія этого момента зависитъ возможность цѣлаго ряда юридическихъ дѣйствій со стороны лицъ, участвующихъ въ сдѣлкѣ. Укажемъ нѣкоторыя важнѣйшія послѣдствія практическаго примѣненія тѣхъ началъ, которыя приняты сенатомъ.

Прямымъ послѣдствіемъ этихъ началъ должно быть признано то, что окончаніе обряда совершенія или явки акта не даетъ контрагентамъ никакихъ правъ, вытекающихъ изъ договора. Отсюда слѣдуетъ, что до передачи акта, уже окончательно совершеннаго, право, уступаемое по акту, должно быть признаваемо принадлежащимъ тому лицу, которымъ оно уступается. Вслѣдствіе сего отъ прежняго обладателя права вполнѣ зависитъ, до передачи акта, отказаться отъ осуществленія сдѣлки, заявивъ лишь установленію, въ которомъ былъ совершенъ актъ, что актъ этотъ долженъ быть признанъ недѣйствительнымъ и уничтоженъ. На этомъ именно основаніи сенатомъ признано, что для уничтоженія акта, какъ несостоявшагося, необходимо кромѣ заявленія того лица, отъ имени котораго актъ выданъ, еще предъявленіе самаго акта. Дѣйствительно, если лицу, отъ имени котораго актъ совершенъ, до передачи акта принадлежитъ право требовать уничтоженія акта, то право это ограничивается тѣмъ, что одновременно съ заявленіемъ

требованія объ уничтоженіи акта должно быть доказано, что передача акта не имѣла мѣста. Такъ какъ естественнымъ и несомнѣннымъ доказательствомъ того, что передача акта не имѣла мѣста, служитъ нахожденіе акта въ рукахъ того лица, отъ имени котораго онъ выданъ, то очевидна необходимость для этого лица предъявить самый актъ, когда онъ требуетъ его уничтоженія.

Выводъ этотъ приводитъ еще къ двумъ послѣдствіямъ.

Если передача акта совершилась до истеченія семидневнаго срока, въ теченіи котораго по закону актъ можетъ быть уничтоженъ въ нотаріальномъ порядкѣ, въ такомъ случаѣ лицо, которому актъ выданъ, не имѣетъ права требовать уничтоженія акта въ нотаріальномъ порядкѣ. Законъ, разрѣшающій уничтоженіе акта въ нотаріальномъ порядкѣ, т. е. по одному заявленію, что актъ не состоялся, предполагаетъ, что актъ находится еще въ рукахъ того лица, отъ имени котораго онъ выданъ, и слѣдовательно только ему предоставляетъ право требовать признанія акта несостоявшимся.

Другое послѣдствіе, о которомъ мы упомянули, состоитъ въ томъ, что если передачи акта не послѣдовало до истеченія семидневнаго срока, въ такомъ случаѣ лицо, отъ имени котораго выданъ актъ, сохраняетъ право требовать признанія акта недѣйствительнымъ на томъ единственно основаніи, что онъ, проситель, не согласенъ на осуществленіе сдѣлки. Разница относительно заявленія подобнаго требованія будетъ состоять только въ томъ, что послѣ истеченія семидневнаго срока актъ можетъ подлежать уничтоженію не въ нотаріальномъ, но въ судебномъ порядкѣ. Истеченіе семидневнаго срока не можетъ придать силы акту, дѣйствительность котораго обусловливается передачею. Истеченіе этого срока имѣетъ только одно послѣдствіе, именно, что актъ не можетъ быть признанъ недѣйствительнымъ въ нотаріальномъ порядкѣ, но самыя условія недѣйствительности сохраняютъ свою силу.

Послѣдствіемъ принятаго сенатомъ начала, относительно юридическаго значенія передачи акта, слѣдуетъ признать еще то, что начало это исключаетъ возможность требованія о выдачѣ акта со стороны лица, пріобрѣтающаго по акту какое-либо право. Подобное требованіе очевидно клонится къ понужденію противной стороны осуществить сдѣлку. Понужденіе къ исполненію договора возможно лишь въ томъ случаѣ, если договоръ получилъ силу, т. е. осуществился. Между тѣмъ сущность принятаго сенатомъ начала состоитъ именно въ томъ, что дѣйствительность сдѣлки обусловливается передачею акта, а до передачи она не имѣетъ силы. Отсюда слѣдуетъ, что передача акта какъ дѣйствіе, зависящее отъ доброй воли лица, дающаго актъ, не можетъ быть предметомъ иска.

Укажемъ еще на то послѣдствіе принятаго сенатомъ начала, что въ случаѣ смерти одного изъ контрагентовъ до воспослѣдованія пере-

дачи акта договоръ не обязателенъ для наслѣдниковъ умершаго. До передачи акта договоръ не почитается приведеннымъ въ исполненіе; слѣдовательно смерть одного изъ контрагентовъ дѣлаетъ исполненіе договора физически невозможнымъ. Актъ о подобномъ договорѣ, въ случаѣ требованія объ уничтоженіи его въ судебномъ порядкѣ, долженъ быть признанъ недѣйствительнымъ.

Мы сказали, что разсматриваемое сенатское рѣшеніе изложено въ безусловно общей формѣ и что поэтому оно должно быть примѣняемо ко всякаго рода актамъ, т. е. и къ актамъ укрѣпленія права собственности на недвижимое имѣніе. Вслѣдствіе того, по толкованію сената, договоръ купли и продажи недвижимаго имущества долженъ почитаться приведеннымъ въ дѣйствіе только съ момента передачи продавцомъ покупщику купчей крѣпости, и только съ момента передачи акта покупщикъ можетъ пользоваться правами собственника. Очевидно практическое значеніе факта владѣнія актомъ при подобномъ толкованіи.

Необходимо оговорить, что приведенное толкованіе сената можетъ быть примѣняемо только къ тѣмъ случаямъ, которые возникли до введенія въ дѣйствіе судебныхъ уставовъ. По буквальному смыслу статьи 1432 устава гражд. судопроизводства, отмѣченный въ реестрѣ крѣпостныхъ дѣлъ день ввода во владѣніе недвижимымъ имѣніемъ считается началомъ дѣйствительной передачи и укрѣпленія права на имущество. Впрочемъ, примѣненіе начала, принятаго сенатомъ, къ порядку совершенія и утвержденія крѣпостныхъ актовъ, установленному положеніемъ о нотаріальной части, было бы невозможно. На основаніи нотаріальнаго положенія выпись можетъ быть передана пріобрѣтателю имѣнія до его утвержденія старшимъ нотаріусомъ; между тѣмъ немыслимо, чтобы право собственности на недвижимость могло перейти къ другому лицу ранѣе, нежели будутъ исполнены установленные закономъ обряды для совершенія и утвержденія акта, служащаго доказательствомъ права собственности на имѣніе.

Упомянувъ о томъ, что по ст. 1432 уст. гражд. судопр. право собственности на недвижимость укрѣпляется вводомъ во владѣніе, нельзя не замѣтить, что при начертаніи судебныхъ уставовъ, кажется, было признано, относительно момента перехода права собственности на недвижимость при передачѣ его по акту, иное начало, нежели то, которое установлено въ настоящее время сенатомъ. При начертаніи ст. 1432 вовсе не было поднято вопроса объ измѣненіи въ чемъ-либо дѣйствующихъ узаконеній относительно укрѣпленія права собственности на недвижимость. Напротивъ, ст. 1432 какъ бы согласована съ ст. 707 гражд. зак., на которую и сдѣлана ссылка, между тѣмъ какъ именно въ приведенной статьѣ вводъ во владѣніе отнесенъ къ способамъ укрѣпленія правъ на имущество. Изъ этого можно заключить, что, по мнѣнію законодателя, наши гражданскіе законы признаютъ моментомъ

перехода права собственности на недвижимость при передачѣ его по договору не время передачи акта о договорѣ пріобрѣтателю имѣнія, а время ввода во владѣніе этимъ имѣніемъ.

Въ приведенныхъ соображеніяхъ заключается оправданіе почти повсемѣстно установившейся практики старшихъ нотаріусовъ, что они не иначе утверждали крѣпостные акты о передачѣ права собственности на недвижимость, какъ по представленіи собственникомъ доказательствъ ввода его во владѣніе передаваемымъ имѣніемъ. Въ виду возложенной на нихъ закономъ обязанности удостовѣряться при утвержденіи актовъ, что отчуждаемое имущество дѣйствительно принадлежитъ сторонѣ его отчуждающей, старшіе нотаріусы дѣйствительно не могли поступить иначе, какъ требуя представленія доказательствъ дѣйствительнаго укрѣпленія имущества за отчуждателемъ, согласно тѣмъ указаніямъ, которыя представляла ст. 1432 уст. гражд. судопр. Кассаціонная гражданская практика очевидно измѣняетъ указанную практику старшихъ нотаріусовъ, обязывая ихъ не признавать вводныхъ листовъ необходимыми доказательствами принадлежности отчуждаемаго имѣнія сторонѣ его отчуждающей. Этимъ, конечно, облегчится совершеніе сдѣлокъ о передачѣ права собственности на недвижимость, такъ какъ вводы во владѣніе, какъ извѣстно, почти вывелись изъ употребленія, и указанная выше практика старшихъ нотаріусовъ ставила большинство собственниковъ, неимѣющихъ вводныхъ листовъ, въ затруднительное положеніе. Вскорѣ послѣ введенія въ дѣйствіе нотаріальнаго положенія, окружные суды были завалены просьбами о вводѣ во владѣніе по актамъ укрѣпленія, относившимся къ весьма отдаленному времени. Руководство сенатскимъ рѣшеніемъ, разсматриваемымъ нами въ настоящее время, прекратитъ наплывъ подобныхъ дѣлъ въ окружные суды.

Говоря о принятомъ сенатомъ началѣ относительно юридическаго значенія передачи акта, нельзя не замѣтить, что, придавая такую важность передачѣ акта, сенатъ какъ бы приравниваетъ ее къ передачѣ отчуждаемаго движимаго имущества. Въ передачѣ акта сенатъ какъ-будто видитъ символическую передачу самаго имѣнія подобную той, которая имѣетъ мѣсто при продажѣ движимыхъ вещей, передаваемыхъ изъ рукъ въ руки вслѣдъ за заключеніемъ сдѣлки о продажѣ. Но именно вслѣдствіе аналогіи между передачею проданныхъ движимыхъ вещей покупщику и передачею акта укрѣпленія права собственности на недвижимость, любопытно то заключеніе, къ которому сенатъ пришелъ по *вопросу о времени, когда пріобрѣтается право собственности на движимость при договорѣ купли-продажи.*

По одному дѣлу сенату представилась необходимость дать опредѣленіе договору купли-продажи движимаго имущества. Опредѣленіе это выведено сенатомъ изъ ст. 1510 гражд. законовъ.

Въ ст. 1510 выражено слѣдующее: передача отъ продавца покупщику проданнаго движимаго имущества совершается дѣйствительнымъ покупщику врученіемъ самаго имущества, или поступленіемъ онаго въ его распоряженіе.

Изъ неопредѣленныхъ указаній, заключающихся въ этомъ постановленіи, а также, очевидно, изъ общаго смысла послѣдующихъ узаконеній сенатъ вывелъ, что купля-продажа движимаго имущества составляетъ договоръ, въ силу котораго одна сторона; покупающая,— пріобрѣтаетъ право собственности на проданную вещь, а другая сторона, продавецъ — получаетъ за отчуждаемую собственность право на условленную съ покупщикомъ плату. Сущность этого опредѣленія заключается въ томъ, что на основаніи его договоръ купли-продажи движимаго имущества можетъ имѣть силу независимо отъ воспослѣдованія передачи проданной вещи и уплаты условленныхъ за нее денегъ. Далѣе, сенатомъ прямо высказано, что право собственности на движимое имущество переходитъ къ пріобрѣтателю со времени совершенія акта купли. Такимъ образомъ, по толкованію сената, какъ только заключена сдѣлка о куплѣ-продажѣ движимаго имущества — покупщикъ пріобрѣтаетъ на него право собственности, хотя бы не послѣдовало еще передачи проданной движимости; а такъ какъ договоръ купли-продажи движимости можетъ быть заключенъ и словеснымъ порядкомъ, то слѣдовательно достаточно удостовѣрить дѣйствительность словеснаго соглашенія между контрагентами о куплѣ-продажѣ движимаго имущества, чтобы осуществить право собственности покупщика на это имущество.

Такимъ образомъ, вопросъ о переходѣ права собственности на имущество по договору разрѣшается сенатомъ различно, смотря по тому, касается ли договоръ движимаго или недвижимаго имущества. Въ первомъ случаѣ моментомъ перехода права собственности признано время договорнаго соглашенія, во второмъ—время передачи акта о договорѣ.

Прибавимъ еще, что въ практическомъ отношеніи усвоеніе начала, принятаго сенатомъ относительно перехода права собственности на недвижимость по договору, представляетъ значительныя неудобства. Съ переходомъ права собственности отъ одного лица къ другому соединяются столь важныя юридическія послѣдствія, что моментъ осуществленія этого перехода необходимо пріурочить къ такому дѣйствію, которое не представляло бы затрудненій относительно доказательствъ его совершенія. Этому условію едва ли соотвѣтствуетъ передача акта пріобрѣтателю имѣнія, такъ какъ она не всегда бываетъ обставлена такимъ образомъ, чтобы, на случай сомнѣній въ дѣйствительности ея совершенія, могли быть провѣрены показанія сторонъ по сему предмету.

Впрочемъ, тѣ неудобства и затрудненія, которыя должно встрѣтить указанное нами толкованіе сената, какъ вслѣдствіе несогласія

его съ началами, принятыми въ уставѣ гражд. судопр., такъ и по причинѣ сомнительности его по существу своему, должны устраниться съ введеніемъ въ дѣйствіе реформы, стоящей на очереди въ настоящее время, именно реформы ипотечной. Основныя начала ипотечной системы требуютъ возможно-бòльшей огласки момента перехода права собственности на недвижимость отъ одного лица къ другому и вмѣстѣ съ тѣмъ пріурочиваютъ всѣ юридическія послѣдствія пріобрѣтенія правъ на недвижимость къ запискѣ ихъ въ ипотечныя книги. Согласно этимъ основнымъ началамъ, составителю ипотечнаго устава, по необходимости, придется коснуться вопроса объ опредѣленіи момента перехода права собственности на недвижимость по договору и разрѣшить вопросъ этотъ въ томъ смыслѣ, чтобы время отмѣтки въ ипотечной книгѣ о переходѣ права собственности на недвижимость признавалось временемъ дѣйствительнаго перехода и укрѣпленія этого права. Вмѣстѣ съ тѣмъ измѣнится и постановленіе ст. 1432 уст. гражд. судопроизводства.

Слѣдующій, по важности своей, затронутый сенатомъ вопросъ договорнаго права есть *вопросъ о формѣ договоровъ*, связанный съ вопросомъ о примѣненіи статьи 409 уст. гражд. суд., на который мы указывали въ началѣ настоящаго обозрѣнія.

Въ нашихъ гражданскихъ законахъ нѣтъ общаго правила о томъ, какіе договоры подлежатъ совершенію письменнымъ или словеснымъ порядкомъ. Въ примѣчаніи къ ст. 571 гражд. зак. выражено: «какіе именно договоры не могутъ быть совершаемы иначе, какъ на письмѣ, означено при каждомъ родѣ оныхъ въ особенности». Такимъ образомъ, правила для руководства относительно того, подлежитъ ли сдѣлка совершенію письменнымъ или словеснымъ порядкомъ, должно быть выведено изъ отдѣльныхъ постановленій о формѣ различныхъ договоровъ и обязательствъ.

Начнемъ съ того, что сенатъ различаетъ письменную форму договора, какъ условіе дѣйствительности договора, входящее, такъ сказать, въ составъ корпуса сдѣлки, отъ письменной формы въ смыслѣ составленія акта, какъ доказательства, имѣющаго процессуальное значеніе на случай спора. Положеніе это требуетъ поясненія.

Письменность договора не вытекаетъ сама собою изъ какого-либо особаго свойства его юридической природы, но составляетъ элементъ посторонній, пріуроченный къ договору требованіемъ положительнаго закона вслѣдствіе необходимости оградить заключеніе нѣкоторыхъ болѣе важныхъ сдѣлокъ отъ неопредѣленности и злоупотребленій, возможныхъ при словесной формѣ. Такимъ образомъ и наши гражданскіе законы иногда признаютъ письменную форму безусловно обязательною для договора, подъ страхомъ его недѣйствительности, иногда прямо допускаютъ для нѣкоторыхъ договоровъ словесную форму, иногда

же, не требуя прямо письменной формы отъ договора, косвенно, такъ сказать, навязываютъ контрагентамъ эту форму. Стремленіе закона только понудить контрагентовъ къ заключенію договора на письмѣ выражается въ томъ, что законъ не поражаетъ недѣйствительностью сдѣлки, заключенной словеснымъ порядкомъ, но затрудняетъ контрагентамъ доступъ къ суду на случай спора, не допуская въ подобныхъ случаяхъ иныхъ доказательствъ, кромѣ письменныхъ, такъ что контрагенты, не обезпечившіе себя письменнымъ актомъ, рискуютъ потерять возможность воспользоваться правами, вытекающими изъ договора.

Сенатомъ отнесены къ числу договоровъ, для которыхъ письменная форма безусловно обязательна, договоры залога, заклада, займа, запродажи, подряда; относительно же договоровъ поклажи, личнаго найма и продажи движимаго имущества признано, что совершеніе этихъ договоровъ словесно не имѣетъ послѣдствіемъ признанія ихъ недѣйствительными. Вмѣстѣ съ тѣмъ, договоръ поклажи отнесенъ сенатомъ къ числу тѣхъ договоровъ, для которыхъ, по закону, требуется письменное удостовѣреніе на случай спора, такъ что въ послѣднемъ случаѣ въ доказательство дѣйствительности совершенія этихъ договоровъ, согласно ст. 409 уст. гражд. судопроизводства, не могутъ служить свидѣтельскія показанія.

Вопросъ о формѣ договоровъ обнимаетъ собою также вопросъ о тѣхъ дополнительныхъ формальностяхъ, которымъ должно соотвѣтствовать заключеніе договора на письмѣ.

По закону, договоръ и обязательство или совершаются крѣпостнымъ порядкомъ, или являются для засвидѣтельствованія у крѣпостныхъ дѣлъ, или являются, также для засвидѣтельствованія, у дѣлъ маклерскихъ и въ мѣстахъ присутственныхъ, или, наконецъ, составляются въ домашнемъ порядкѣ. Закономъ точно опредѣлено, какимъ порядкомъ актъ долженъ быть совершенъ въ каждомъ данномъ случаѣ, а также въ какой формѣ должно быть выражено его содержаніе. Отсюда возникаетъ вопросъ о силѣ неформальныхъ актовъ.

По толкованію сената, нарушеніе одной изъ формальностей, требуемыхъ закономъ при совершеніи акта, должно имѣть послѣдствіемъ признаніе акта о договорѣ недѣйствительнымъ.

Выводъ этотъ приводитъ къ двумъ вопросамъ: 1) нарушеніе формъ, установленныхъ для извѣстнаго рода актовъ, имѣетъ ли послѣдствіемъ признаніе акта потерявшимъ всякую силу, или же актъ этотъ можетъ сохранить силу простого обязательства, и 2) какъ согласить выводъ сената о послѣдствіяхъ нарушенія правилъ совершенія договоровъ съ постановленіемъ ст. 458 уст. гражд. суд., по которой не дѣлается различія между крѣпостными или явочными актами и актами домашними, если нѣтъ сомнѣнія въ ихъ подлинности.

Первый вопросъ разрѣшается сенатомъ въ томъ смыслѣ, что актъ не-формальный, теряя силу извѣстнаго рода акта, сохраняетъ значеніе простого обязательства. По объясненію сената, договоръ, не отрицаемый сторонами, признается недѣйствительнымъ въ томъ только случаѣ, если предметъ обязательства, возникающаго изъ договора, противорѣчитъ закону и нравственности. На этомъ основаніи судебное мѣсто, признавъ, напримѣръ, что обязательство, не составляющее по формѣ и содержанію ни запродажной записи, ни задаточной росписки, подлежитъ исполненію на общемъ основаніи законовъ о договорахъ, не нарушило бы прямого смысла закона.

Второй вопросъ, по общему смыслу сенатскихъ разъясненій, долженъ быть разрѣшенъ въ томъ смыслѣ, что статья 458 уст. гражд. суд. относится только до такого рода актовъ, которые, по юридическому своему значенію, опредѣленному гражданскими законами, могутъ имѣть обязательную силу. Согласно приведенному толкованію, весь смыслъ постановленія, заключающагося въ ст. 458, состоитъ въ томъ, что совершеніе акта домашнимъ порядкомъ, само по себѣ, не лишаетъ акта всякой доказательной силы, но что возможность имѣть доказательную силу не даетъ еще акту во всякомъ случаѣ обязательный характеръ. На этомъ основаніи искъ, напримѣръ, объ удовлетвореніи по договору заклада, совершенному безъ соблюденія установленной въ гражданскихъ законахъ формы, не можетъ подлежать удовлетворенію, хотя бы отвѣтчикъ не оспаривалъ подлинности самаго акта, и отказъ суда въ удовлетвореніи подобнаго иска не былъ бы нарушеніемъ ст. 458 уст. гражд. судопр.

Выше было упомянуто, что сенатъ признаетъ недѣйствительными лишь такіе договоры, которые клонятся къ достиженію цѣли, противной закону и нравственности. Въ ст. 1529 гражд. зак. заключается перечисленіе тѣхъ случаевъ, когда цѣль договора должна почитаться запрещенною закономъ. По поводу этого перечисленія на практикѣ неоднократно возникали вопросы о недѣйствительности договора въ такихъ случаяхъ, которыхъ нельзя подвести ни подъ одинъ изъ пунктовъ ст. 1529. Къ числу подобныхъ случаевъ относится одно дѣло, въ которомъ возникъ вопросъ о дѣйствительности договора, имѣющаго предметомъ содѣйствіе къ устройству брака за извѣстную плату. Въ разрѣшеніе общаго вопроса о значеніи ст. 1529 гражд. зак. сенатъ указалъ, что перечисленные закономъ случаи недѣйствительности договоровъ и обязательствъ не исчерпываютъ всѣхъ случаевъ подобной недѣйствительности, и что исчисленіе, слѣдующее послѣ словъ: «какъ то», должно быть понимаемо, какъ указаніе примѣровъ толкованія предшествующаго выраженія: «достиженіе цѣли, законами запрещенной», по соображенію съ которыми слѣдуетъ въ каждомъ данномъ случаѣ разрѣшать вопросъ о незаконности цѣли договора или обязательства.

Конечно, подобное распространительное толкованіе ст. 1529 слѣдуетъ признать вполнѣ правильнымъ.

Однимъ изъ важнѣйшихъ вопросовъ договорнаго права слѣдуетъ признать *вопросъ о послѣдствіяхъ неисполненія договоровъ.*

Практическое значеніе этого вопроса очевидно. При заключеніи каждаго договора всегда предполагается возможность уклоненія контрагентовъ отъ исполненія условій договора; на этотъ случай обыкновенно включаются въ договоръ условія о неустойкѣ и о другихъ послѣдствіяхъ неисполненія договора. Но могутъ быть случаи, гдѣ самъ договоръ не указываетъ послѣдствій его нарушенія; въ другихъ случаяхъ можетъ имѣть мѣсто именно нарушеніе договора въ тѣхъ его частяхъ, которыми опредѣляются послѣдствія неисполненія главнаго обязательства. На всѣ подобные случаи законъ не даетъ прямого отвѣта.

Сенатская практика представляетъ нѣсколько интересныхъ рѣшеній, относящихся къ толкованію 1547 ст. гр. зак., по которой, если сторона имѣющая по договору право требовать исполненія отступится добровольно отъ своего права, тогда дѣйствіе договора прекращается. Приведенная статья толковывалась нерѣдко въ томъ смыслѣ, что неисполненіе договора одною изъ сторонъ можетъ быть признано судомъ за выраженіе отреченія отъ правъ въ договорѣ. По поводу подобнаго толкованія сенатъ въ одномъ дѣлѣ поставилъ для разрѣшенія своего слѣдующій вопросъ: неисполненіе какого-либо условія по договору одною изъ сторонъ открываетъ ли для другой стороны право прекратить договоръ? Вопросъ этотъ разрѣшенъ сенатомъ слѣдующимъ образомъ. По смыслу статей 569, 570, 574, 684, 1545 и 1585 гражд. зак. всякій договоръ и всякое обязательство, правильно составленные, возлагаютъ на договаривающихся обязанность ихъ исполнить, а въ случаѣ неисполненія, открываютъ право требовать, отъ лица обязавшагося, удовлетворенія во всемъ томъ, что въ договорѣ постановлено, а также въ убыткахъ, понесенныхъ отъ нарушенія договора; прекращать же или уничтожать договоръ вступившія въ него лица могутъ не иначе, какъ по обоюдному согласію. Дѣйствительный смыслъ 1547 статьи, по объясненію сената, состоитъ въ томъ, что сторона можетъ отказаться отъ требованія того, что̀ ей собственно принадлежитъ, но не можетъ освобождать себя отъ исполненія условленныхъ обязанностей въ отношеніи къ другой сторонѣ.

Въ другомъ рѣшеніи сенатъ прямо указалъ, что событіе одностороннягo или обоюднаго отреченія отъ правъ, проистекающихъ изъ договора, облеченнаго въ форму письменнаго акта, должно быть выражено или письменнымъ же актомъ, или безмолвнымъ неосуществленіемъ своего права въ теченіи земской давности. Такимъ образомъ, сенатомъ придано ст. 1547 гражд. зак. весьма тѣсное значеніе.

При подобномъ толкованіи весьма любопытно, будетъ ли допущена сенатомъ возможность уничтоженія договора въ томъ случаѣ, когда одна изъ сторонъ, не отказываясь прямо отъ своего права въ договорѣ, допуститъ такое нарушеніе принятыхъ на себя по договору обязанностей, что дальнѣйшее существованіе договора сдѣлается невозможнымъ. Между тѣмъ въ практикѣ подобные случаи обыденны, и по всей вѣроятности сенату въ скоромъ времени придется отказаться отъ выработанной имъ строгой теоріи исполненія договоровъ.

Обозрѣвъ въ общихъ чертахъ главнѣйшія рѣшенія сената, касающіяся общей теоріи договоровъ, мы дополнимъ наше обозрѣніе указаніемъ на нѣкоторыя болѣе крупныя рѣшенія, относящіяся до другихъ областей права и представляющія практическій интересъ.

Къ подобнымъ рѣшеніямъ принадлежитъ, между прочимъ, рѣшеніе, которымъ разсмотрѣнъ *вопросъ объ обязательной силѣ аренднаго контракта, заключеннаго пожизненнымъ владѣльцемъ, для наслѣдника*. Сенатъ разрѣшилъ этотъ вопросъ отрицательно, ограничиваясь однако предѣлами частнаго случая, подлежавшаго его разсмотрѣнію. Особенности этого случая состояли въ томъ, что духовнымъ завѣщаніемъ, которымъ пожизненное владѣніе было установлено, пожизненному владѣльцу не было предоставлено права заключать такіе договоры объ имѣніи, которые и послѣ прекращенія пожизненнаго владѣнія сохраняли бы свою силу. Отсюда слѣдуетъ, что по смыслу сенатской практики сила договоровъ, заключенныхъ пожизненнымъ владѣльцемъ, должна опредѣляться исключительно духовнымъ завѣщаніемъ, которымъ пожизненное владѣніе установлено.

За тѣмъ слѣдуетъ упомянуть о рѣшеніи, которымъ разъясненъ любопытный *вопросъ, относящійся до договора займа*. Сенатъ выразилъ, что хотя въ нашемъ законодательствѣ не установлено особой формы для передаточныхъ надписей на заемныхъ письмахъ въ томъ случаѣ, когда вслѣдствіе полученныхъ уплатъ передается не вся сумма, значущаяся въ обязательствѣ, а только часть оной, но изъ этого нельзя вывести заключенія, чтобы законъ уполномочивалъ заимодавца, получивъ отъ должника уплату капитала или процентовъ подъ особыя платежныя росписки, выданныя имъ на основаніи 2054 ст. т. X ч. I, послѣ того передать кому-либо заемное обязательство съ умолчаніемъ о полученныхъ имъ платежахъ. Изъ буквальнаго смысла законовъ, по мнѣнію сената, слѣдуетъ заключить, что какъ скоро передача сдѣлана безъ всякой оговорки о пространствѣ переуступаемаго права, то такая передача обнимаетъ все право на прописанную въ заемномъ письмѣ сумму. Но если заимодавецъ, вслѣдствіе полученныхъ имъ платежей, не властенъ уже передать все право, то въ огражденіе себя

отъ всякой отвѣтственности и въ отвращеніе всякихъ недоразумѣній, онъ необходимо долженъ или передать заемное обязательство съ надписью о полученномъ имъ платежѣ или уплатѣ, какъ того требуетъ 2,052 ст. т. X ч. I, или съ точностію опредѣлить количество суммы, остающейся въ долгу за заемщикомъ и за сего послѣдняго заплаченной, въ силу 2058 ст., пріобрѣтателемъ заемнаго письма; если же ни того, ни другого не будетъ сдѣлано, то должникъ, не взирая на то, что имѣетъ въ своихъ рукахъ платежныя росписки, естественно будетъ поставленъ въ спорныя отношенія съ пріобрѣтателемъ заемнаго письма, по упущенію заимодавца.

Изъ приведенныхъ соображеній сената, съ правильностью которыхъ нельзя не согласиться, видно, что сенатъ избѣгалъ коснуться общаго вопроса о правахъ лица, которому передано заемное письмо послѣ полученія по немъ уплаты, на взысканіе по немъ вторично денегъ съ должника. Въ дѣлѣ, подлежавшемъ разрѣшенію сената, имѣлъ мѣсто такого рода случай, что должникъ уплатилъ вдвойнѣ часть своего долга и за тѣмъ обсужденію судебныхъ мѣстъ, а также и сената подлежалъ лишь вопросъ объ отвѣтственности передъ должникомъ кредитора, совершившаго не правильную передачу оплаченнаго въ части заемнаго письма. Тѣмъ не менѣе приведенныя соображенія сената заключаютъ въ себѣ также интересныя и не лишенныя практической важности объясненія закона.

Указывая на важнѣйшія рѣшенія по вопросамъ матеріальнаго права нельзя обойти рѣшенія, въ которомъ заключается *толкованіе статей 397 и 399 гр. зак.*

Въ ст. 397 гражд. зак. указаны случаи, когда недвижимое имущество почитается благопріобрѣтеннымъ; ст. 399 указываетъ, какія имущества суть родовыя. Общаго опредѣленія понятій о благопріобрѣтенномъ и родовомъ имѣніи въ законахъ не заключается, тежду тѣмъ какъ перечисленіе, сдѣланное въ приведенныхъ статьяхъ, очевидно неполно. Отсюда возникаетъ вопросъ о томъ, родовымъ или благопріобрѣтеннымъ имуществомъ слѣдуетъ признавать такое имѣніе, которое не подходитъ ни подъ 397, ни подъ 399 ст. гражд. зак. Подобный вопросъ возникъ на практикѣ, а именно, какимъ должно быть признаваемо имущество, завѣщанное первымъ его пріобрѣтателемъ такому родственному лицу, которое по смерти завѣщателя не было ближайшимъ его наслѣдникомъ по закону? Разрѣшая этотъ вопросъ, сенатъ, въ замѣчательномъ по изложенію своему рѣшеніи, разъяснилъ общій смыслъ ст. 397 и 399 гражд. зак. Соображенія сената заключаются въ слѣдующемъ. Общій смыслъ ст. 397 и 399 показываетъ, что въ нихъ не только опредѣляется, какія имущества признаются родовыми и какія благопріобрѣтенными, но вмѣстѣ съ тѣмъ, указываются и случаи, въ коихъ имущество благопріобрѣтенное можетъ сдѣлаться

родовымъ, и наоборотъ, — когда имущество родовое обращается въ разрядъ благопріобрѣтенныхъ. Именно, благопріобрѣтенное имущество превращается въ родовое только въ одномъ случаѣ: когда оно переходитъ отъ одного лица къ другому того же рода въ порядкѣ наслѣдованія, и притомъ не только наслѣдствомъ по закону, но и наслѣдствомъ по завѣщанію, если только оно завѣщается именно тому лицу, которое и безъ завѣщанія должно бы было наслѣдовать въ немъ по закону. Напротивъ того, имѣніе родовое обращается въ разрядъ благопріобрѣтенныхъ, когда оно по какому бы то ни было укрѣпленію, хотя бы и дарственному, переходитъ въ чужой родъ. Только въ этихъ двухъ случаяхъ, по смыслу дѣйствующихъ законовъ, имѣніе перемѣняетъ свое свойство, дѣлаясь изъ благопріобрѣтеннаго родовымъ, и обратно—изъ родового благопріобрѣтеннымъ. Слѣдовательно, внѣ этихъ двухъ случаевъ, какимъ бы способомъ и къ кому бы имѣніе ни переходило, оно должно сохранять прежнее свое свойство, т. е. если оно было благопріобрѣтеннымъ, то и по переходѣ къ другому лицу остается таковымъ же, а если оно было родовымъ, то такимъ и остается.

Наконецъ, слѣдуетъ упомянуть о рѣшеніи, въ которомъ высказано *нѣсколько общихъ положеній наслѣдственнаго права*. Въ рѣшеніи этомъ сенатъ указалъ, что отреченіе отъ наслѣдства законъ допускаетъ до осуществленія права наслѣдованія, а это право осуществляется не только вводомъ во владѣніе и передачею наслѣдственнаго имущества, но и чрезъ совершеніе наслѣдникомъ такихъ дѣйствій, которыя доказываютъ безмолвное, подразумѣваемое принятіе наслѣдства. По объясненію сената, событіе принятія наслѣдства обусловливается не только вводомъ во владѣніе, передачею имущества и пользованіемъ онымъ въ личную себѣ прибыль, но и исполненіемъ обязательствъ, какъ лежащихъ на наслѣдствѣ, такъ и установленныхъ умершимъ владѣльцемъ, доколѣ они не противорѣчатъ законамъ, такъ какъ въ силу ст. 1529, наслѣдство, открывшееся по установленному въ законѣ порядку, или по духовному завѣщанію, составляетъ не только совокупность правъ, но и обязательствъ, оставшихся послѣ умершаго владѣльца.

п. м.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.

1-го апрѣля 1869.

Сессія дворянства Петербургской губерніи. — Вопросъ объ опекѣ. — Правительственный проектъ. — Всесословность и сословность. — Городской элементъ въ общей опекѣ.—Вопросъ о 19-мъ февраля 1870 года.—Просьба мелкопомѣстныхъ дворянъ Гдовскаго уѣзда. — Земледѣльческая ипотека и биржа. — Что̀ такое почта?—Реформа во взглядѣ на умственное право общества. — Религіозныя разномыслія. — Дѣло Крынина. — Дѣло Большакова.

Всякій фактъ, въ которомъ проявляется общественная самодѣятельность, заслуживаетъ перваго мѣста въ хроникѣ, слѣдящей за нашей современной жизнью. Фактъ этотъ можетъ имѣть значеніе положительное или отрицательное, свидѣтельствовать объ успѣхѣ или паденіи, но каковъ бы ни былъ практическій смыслъ его для наблюдателя, который собираетъ данныя минуты, какъ признаки будущаго, онъ долженъ имѣть значеніе. Хотя бы фактъ этотъ самъ по себѣ былъ даже микроскопическій,—онъ можетъ быть важенъ для той анатоміи, которая дѣйствуетъ не надъ трупомъ, а надъ живымъ организмомъ, угадываетъ не минувшую, а возникающую жизнь, и не имѣетъ права сказать о себѣ de minimis non curat....

Сессія дворянскаго собранія Петербургской губерніи, само собою разумѣется, не должна была бы наводить насъ на подобнаго рода размышленія. Сословіе дворянства играло столь важную роль въ фазисахъ нашей исторіи, что уже, изъ-за одного прошлаго, не приходится пропускать безъ вниманія нынѣшняго положенія, въ какомъ оно себя чувствуетъ и въ какомъ выступаетъ.

Обращаемся къ той картинѣ современнаго положенія дворянства, которая довольно рельефно начерталась нынѣшнею его сессіею въ петербургскомъ дворянскомъ собраніи, и прежде всякихъ выводовъ, къ практической сторонѣ его занятій. На ней лучше всего отразится и теоретическая сторона вопроса о современномъ значеніи дворянскихъ собраній, какъ представительства организованнаго и привилегированнаго сословія.

Въ нынѣшней сессіи, обсужденію дворянства представился одинъ новый, практическій вопросъ, именно вопросъ объ измѣненіи законодательства относительно опеки, Этотъ вопросъ былъ подвергнутъ правительствомъ тщательной обработкѣ.

Коммиссія для составленія новаго проекта положенія объ опекахъ была образована въ 1864 году, при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ; она составила историческій очеркъ русскаго законодательства по этому предмету и обзоръ главныхъ началъ, принятыхъ законодательствами другихъ странъ, собрала важнѣйшіе вопросы, возникавшіе изъ практики, и статистическія свѣдѣнія объ опекахъ, съ раздѣленіемъ на роды, наконецъ, составила проектъ. Коммиссія признаетъ, что существующая у насъ система правительственныхъ опекъ неудобна, особенно послѣ введенія судебной реформы, а преобразованіе системы правительственныхъ опекъ считаетъ неосуществимымъ потому, что потребовался бы новый расходъ, чтобы дать членамъ опекунскихъ учрежденій хорошее содержаніе. Въ самомъ дѣлѣ, сумма, отпускаемая нынѣ на всѣ дворянскія опеки составляетъ всего 10,607 р. 32 к. въ годъ, что составляетъ около 20 рублей на каждую опеку. Возлагать новый значительный расходъ на государственное казначейство или на земство, коммиссія не считаетъ возможнымъ, а преобразовывать правительственныя опекунскія учрежденія только по виду, оставляя въ нихъ прежнее ничтожное вознагражденіе членовъ, было бы безполезно. Такія соображенія привели коммиссію къ мысли «пріурочить учрежденіе опекунскаго управленія къ уѣзднымъ земскимъ управамъ». Такъ какъ дѣла общественнаго призрѣнія возложены на земство, то естественно, чтобы оно же заботилось о призрѣніи сиротъ и вообще требующихъ попеченія.

Однако же коммиссія не находитъ возможнымъ просить предоставить завѣдываніе опеками земскимъ управамъ, такъ какъ у членовъ управъ и безъ того много дѣла, а предположила образовать особое опекунское учрежденіе, находящееся въ связи съ земствомъ тѣмъ, что въ немъ, кромѣ предводителя дворянства и городского головы, будутъ членами предсѣдатель и члены уѣздной земской управы, принадлежащіе къ дворянскому и городскому (но не инымъ) сословіямъ, согласно предположенію распространить дѣйствіе новаго устава объ опекахъ на дворянъ и на городскія общества, и именно только на эти два сословія, съ тѣмъ, чтобы опекунскія дѣла другихъ сословій вошли сюда уже впослѣдствіи. Коммиссія полагаетъ для опекунскаго управленія одну инстанцію, съ правомъ принесенія на нее жалобъ суду. Предсѣдательство въ новой опекѣ проектъ предназначаетъ уѣздному предводителю дворянства, какъ представителю образованнаго сословія. На содержаніе опекъ, проектъ признаетъ необходимымъ установить на всѣ безъ исключенія имущества, находящіяся въ опекун-

скомъ управленіи, сборъ въ формѣ 1% съ чистаго дохода по опекунствамъ попечительнымъ и 2% по опекунствамъ охранительнымъ.

Въ мотивахъ, которыми руководствовалась коммиссія, какъ они изложены въ «Правительственномъ Вѣстникѣ» можно возразить, что между ними нѣтъ строгой логической связи. Главные мотивы—экономія и приданіе опекѣ характера земскаго. Земскій характеръ опеки, очевидно, представляетъ много преимущества передъ правительственнымъ, но едва ли въ числѣ ихъ главнымъ представляется именно экономія. Выходя изъ невозможности новой затраты на опекунскія учрежденія, проектъ оканчиваетъ все-таки предложеніемъ процентнаго сбора съ съ имуществъ, подлежащихъ опекѣ. Сверхъ того, признавая, что члены земскихъ управъ слишкомъ обременены трудами, чтобы на нихъ возлагать еще непосредственное завѣдываніе опекунскою частью, проектъ предлагаетъ особое опекунское учрежденіе, состоящее изъ предводителя дворянства, городского головы, предсѣдателя и членовъ уѣздной земской управы отъ дворянства и городскихъ сословій, — то-есть все-таки возлагаетъ опекунское управленіе на лицъ, имѣющихъ постороннія занятія, или принадлежащихъ къ сословнымъ и земскому управленію. Между тѣмъ, возраженіе основано на томъ, что лица, «на которыхъ лежатъ иныя, трудныя обязанности», не могутъ несть «особой и постоянной попечительности о лицахъ и имуществахъ опекаемыхъ». Вотъ если бы проектъ предлагалъ составлять особое опекунское учрежденіе просто изъ лицъ по выбору земства, съ назначеніемъ имъ вознагражденія изъ процентнаго сбора, тогда это было бы дѣйствительно самостоятельное, и въ тоже время находящееся въ связи съ земствомъ учрежденіе. Между тѣмъ, проектъ предлагаетъ даже соединить канцелярію опеки съ канцеляріею управы, что еще болѣе лишаетъ опекунское учрежденіе самостоятельности.

Но при обсужденіи правительственнаго проекта, дворянство занялось собственно одною только стороною дѣла, именно вопросомъ, желательно ли приданіе опекунскому управленію характера всесословнаго или земскаго, или же сохраненіе за дворянскою опекою ея сословнаго характера. Дворянство ходатайствовало о сообщеніи ему свѣдѣній относительно проекта, выработаннаго правительственною коммиссіею, и правительство сообщило ему проектъ и предоставило дворянству представить свое мнѣніе объ этомъ проектѣ. Тогда дворянство выбрало коммиссію, которой поручило разсмотрѣть правительственный проектъ, и эта коммиссія представляла свой докладъ, который и подалъ поводъ къ преніямъ. Пренія эти не представляютъ существенной важности, но интересны по своему характеру. Неопредѣленность положенія, скажемъ прямо, сознаніе слабости своего положенія въ смыслѣ учрежденія самостоятельнаго органа общественной силы, отразились въ этихъ преніяхъ рядомъ колебаній, которыя еще болѣе

нелогичны, чѣмъ мотивы, занесенные въ докладъ правительственной коммиссіи.

Коммиссія дворянскаго собранія высказалась въ пользу отмѣны опеки по сословіямъ; она объявляетъ, что дворянство признаетъ вообще свою пользу быть тѣсно связаннымъ съ пользами другихъ сословій, но тутъ же оговаривается: «дворянство, стоящее во главѣ земства»; она допускаетъ необходимость въ этомъ отношеніи слиться съ другими сословіями, и хотя употребляетъ слова́: «пріурочить сиротскіе суды къ дворянской опекѣ», но эти слова въ сущности значутъ немного, такъ какъ коммиссія положительно высказывается въ пользу избранія членами въ это общее опекунское правленіе и дворянъ личныхъ, и потомственныхъ гражданъ, и купцовъ и мѣщанъ. Итакъ, относительно собственно принципа всесословности, коммиссія дворянства стала на ту же точку, какъ и правительственная коммиссія, именно допустила общность опеки для дворянъ и городскихъ обывателей и именно только для этихъ двухъ сословій.

Но дальнѣйшій ходъ дѣла показалъ, что дворянство вовсе не безусловно раздѣляетъ воззрѣніе правительственной коммиссіи относительно своевременности снятія съ опеки ея сословнаго характера. Въ дворянскомъ собраніи явились ораторы, возставшіе противъ преобразованія въ этомъ смыслѣ; собраніе въ конечномъ результатѣ отвергло принципъ его, значительнымъ большинствомъ высказавшись въ пользу удержанія сословной опеки, но и самая дворянская коммиссія, какъ изъяснилъ на возраженія докладчикъ ея, князь Трубецкой, приняла правительственный проектъ за основаніе единственно потому, что считала «непрактичнымъ» неподчинить ему собственныя свои соображенія. «Правительственная коммиссія обсуждала вопросъ втеченіи десяти лѣтъ, а ваша коммиссія втеченіи всего нѣсколькихъ мѣсяцевъ, а потому ея соображенія не могутъ имѣть такого вѣса, какъ соображенія администраціи» — вотъ сущность одного изъ аргументовъ докладчика. Какъ будто нужно непремѣнно заниматься вопросомъ десять лѣтъ, чтобы «смѣть свое о немъ сужденіе имѣть!» Вѣдь по смыслу сообщенія, полученнаго дворянскимъ собраніемъ отъ г. министра внутреннихъ дѣлъ, предоставлялось дворянству здѣшнему также какъ и дворянамъ иныхъ губерній передать свои заявленія и отзывы по этому вопросу въ коммиссію. Ничто не препятствовало коммиссіи петербургскаго дворянства предложить заявленіе именно въ смыслѣ оставленія въ силѣ сословнаго характера опеки, если таково было дѣйствительное ея убѣжденіе. Но коммиссія дворянства, какъ оказывается изъ послѣдующихъ объясненій ея докладчика, стѣснилась той мыслью, что правительственный проектъ составленъ съ участіемъ разныхъ вѣдомствъ, даже совѣта министровъ (?), и уже подлежитъ внесенію въ государственный совѣтъ, а потому несогласіе петербургскаго дворянскаго собранія

съ основнымъ его принципомъ было бы «непрактично». Подобная же неувѣренность въ средѣ дворянства въ пользѣ даже заявленій съ его стороны высказалась и въ обсужденіи вопроса, не слѣдуетъ ли просить объ учрежденіи дворянскихъ комитетовъ для обсужденія тѣхъ послѣдствій, которыя должны истечь изъ наступленія новаго періода въ устройствѣ крестьянскаго дѣла, со срокомъ 19-го февраля 1870 года.

Объ этомъ предметѣ мы упомянемъ особо, а здѣсь поставимъ только общій выводъ, именно, что дворянство, сознавая внутренно, но не желая признать гласно безполезность своей корпоративной организаціи, послѣ произведенныхъ реформъ, находится въ ложномъ положеніи того человѣка, который хочетъ констатировать свое право на участіе въ какомъ-либо дѣлѣ заявленіемъ, а между тѣмъ колеблется сдѣлать это заявленіе именно потому, что не увѣренъ въ серьезности предоставленнаго ему участія въ дѣлѣ.

По мнѣнію, которое намъ представляется неоспоримымъ, дворянству остается только откровенно слить свои отдѣльныя корпоративныя усилія съ дѣятельностью земства. Единственное значеніе, какое въ настоящее время имѣетъ представительство дворянства, единственное принадлежащее ему преимущество, это—право дѣлать правительству представленіе о *мѣстныхъ* нуждахъ дворянства. Но этимъ правомъ дворянство можетъ пользоваться и какъ составная часть земства, посредствомъ его органовъ.

Такое убѣжденіе не мѣшаетъ намъ, однако, признать, что ужъ если дворянство считаетъ нужнымъ выступать какъ отдѣльное сословіе и продолжаетъ интересоваться охраненіемъ немногихъ особенностей, которыя еще составляютъ на практикѣ его отдѣльность, то незачѣмъ останавливаться на полпути, и останавливаться не по убѣжденію, а по соображенію «непрактичности». Вопроса о «непрактичности» не должно возникать тамъ, гдѣ рѣчь идетъ не о болѣе или менѣе практичномъ рѣшеніи какого-либо общаго дѣла, а именно только о сохраненіи особностей одного сословія. Нельзя не согласиться, что самое существованіе такой особности въ настоящее время непрактично. Но если она признается нужною, то практичность состоитъ именно въ заботахъ объ охраненіи ея по мѣрѣ силъ, а не въ томъ, чтобы сходить съ тротуара передъ административною коммиссіею потому только, что она работала десять лѣтъ, или потому, что администрація можетъ не обратить вниманія на заявленіе дворянскаго собранія.

Вотъ почему логикѣ почтеннаго предводителя дворянства здѣшняго уѣзда мы не можемъ не предпочесть логику одного изъ извѣстныхъ ораторовъ собранія, весьма рѣшительнаго въ своихъ заявленіяхъ — г. Безобразова, этого Катона отжившей нашей псевдо-патри-

ційской системы. Г. Безобразовъ протестовалъ противъ нерѣшительности коммиссіи и опровергалъ проектъ администраціи въ его сущности, отстаивая сословный характеръ опеки. Онъ указалъ на ту слабую сторону доклада дворянской коммиссіи, что она соглашается съ основами административнаго проекта потому собственно, что эти основы будто бы уже приняты правительствомъ, между тѣмъ, какъ пока проектъ остается проектомъ, нельзя сказать, что основы его получили обязательную силу и дворянству должна принадлежать полная свобода высказать свое мнѣніе о нихъ. Подвергая критикѣ самый проектъ дворянской коммиссіи, основанный на мысли объ отнятіи отъ опеки характера учрежденія сословнаго, г. Безобразовъ замѣчалъ, что опека въ томъ видѣ, какъ ее предлагаютъ, переставъ быть сословною, не будетъ и земскою, такъ какъ отъ нея устранены сословія духовенства и сельскихъ обывателей; стало-быть, опека эта будетъ только двухсословная.

Логику этихъ замѣчаній отрицать нельзя. Но г. Безобразовъ не ограничился ими. Придерживаясь своей логики, онъ отвергаетъ земскую опеку, даже если бы она и была всесословная. Онъ находитъ, что это поведетъ къ сліянію и самыхъ сословій, которое несогласно, будто бы, съ нашимъ государственнымъ (?) устройствомъ. Странно предвидѣть въ сліяніи опекъ нѣчто ведущее къ несогласію съ нашимъ государственнымъ устройствомъ, особенно послѣ того, какъ въ отношеніяхъ между сословіями произошла такая значительная перемѣна, что одно сословіе перестало владѣть другимъ сословіемъ, не только не измѣнивъ государственнаго устройства, но и не оказавшись ни въ какой мѣрѣ ему опаснымъ. Логика г. Безобразова положительно сдѣлалась своеобразною, когда, доказывая, какъ нежелательно, чтобы опекунами дворянъ могли являться мѣщане, онъ въ видѣ аргумента сослался на фактъ, что и при нынѣшней системѣ опеки, какой-то малолѣтній дворянинъ, оставшись сиротою, былъ отданъ на воспитаніе кучеру. Противникамъ г. Безобразова легко было возразить на это, что образованный мѣщанинъ можетъ быть лучшимъ воспитателемъ, чѣмъ кучеръ, и сверхъ того, въ предполагаемой опекѣ дворянство все-таки будетъ имѣть участіе, даже преобладающее, стало-быть, будетъ имѣть возможность наблюдать, чтобы воспитаніе молодыхъ дворянъ не попадало въ руки кучеровъ. Нельзя не сочувствовать заявленію г. Безобразова, что онъ нисколько не жалѣетъ о правахъ, потерянныхъ дворянствомъ, а думаетъ, напротивъ, что само дворянство выиграло отъ уничтоженія крѣпостного права, и не желаетъ только упадка дворянства въ нравственномъ его значеніи. Нравственнаго упадка, какого бы то ни было сословія, никто желать не можетъ, хотя очень многіе могутъ не раздѣлять мысли почтеннаго оратора относительно нравственнаго значенія дворянства у насъ, *какъ сословія*; но во вся-

комъ случаѣ, сліяніе дворянскаго и городского сословій въ опекѣ едва ли можетъ угрожать даже и особности дворянства, какъ сословія, такъ какъ опекунами и попечителями всегда назначаются или ближайшіе родственники или, по крайней мѣрѣ, люди одного сословія съ подлежащимъ опекѣ. А что почетные граждане и мѣщане будутъ сидѣть въ общемъ опекунскомъ учрежденіи, то это одно едва ли можетъ извратить въ дворянахъ, подлежащихъ опекѣ, не только нравственный, но даже и сословно-дворянскій смыслъ и духъ, если таковой только у насъ существуетъ или когда-либо существовалъ. Вѣдь сидятъ же они, эти почетные граждане и мѣщане, и на предсѣдательскихъ мѣстахъ въ тѣхъ заведеніяхъ, въ которыхъ воспитываются дворяне вмѣстѣ съ другими сословіями, и на начальническихъ мѣстахъ въ тѣхъ отрасляхъ службы, одну изъ которыхъ неизбѣжно изберутъ дворяне для того, чтобы получить въ обществѣ то значеніе, котораго они безъ чина и мундира, хотя бы со столѣтней граматой, у насъ никогда не имѣли.

Рѣчь г. Безобразова убѣдила собраніе, и предложеніе коммиссіи было устранено рѣшеніемъ предварительнаго вопроса: желаетъ ли дворянство сохранить сословную опеку? Значительнымъ большинствомъ вопросъ этотъ былъ рѣшенъ въ пользу сословной опеки. Но такъ какъ вслѣдъ затѣмъ собраніе рѣшило не смотрѣть на сообщеніе объ этомъ министру, какъ на ходатайство собранія о сохраненіи сословной опеки, то приведенное рѣшеніе это можетъ быть принято только какъ теоретическая резолюція, въ родѣ тѣхъ, какія постановляются на митингахъ.

Любопытно было предложеніе, внесенное въ дворянское собраніе г. Шарыгинымъ и поддержанное барономъ П. Корфомъ. Оно состояло изъ нѣсколькихъ пунктовъ, предложенныхъ въ видѣ вопросовъ и въ общей сложности заключало въ себѣ такой планъ: для улучшенія быта крестьянъ, въ виду приближенія 19 февраля 1870 года, т. е. въ виду того времени, когда крестьяне будутъ вольны уходить съ помѣщичьихъ земель,—испросить высочайшее разрѣшеніе на избраніе комитета изъ дворянъ-землевладѣльцевъ Петербургской губерніи, который обсудилъ бы мѣры, приличныя для огражденія интересовъ землевладѣльцевъ здѣшней губерніи, на предоставленіе другимъ губерніямъ избрать такіе же комитеты, на свободу обмѣна мнѣній между всѣми этими комитетами, съ тѣмъ, чтобы по окончаніи ихъ занятій составилась особая центральная коммиссія изъ выборныхъ отъ всѣхъ комитетовъ. При этомъ, по мысли автора предложенія, дворянство должно было повергнуть на усмотрѣніе правительства вопросъ: *насколько можетъ быть допущено* участіе въ этихъ комитетахъ и *другихъ членовъ земства*, кромѣ дворянъ-землевладѣльцевъ?

Вопросъ о послѣдствіяхъ 19 фев. 1870 г. въ нашемъ журналѣ былъ под-

вергнутъ Н. П. Колюпановымъ всестороннему разсмотрѣнію и съ точки зрѣнія интересовъ помѣщиковъ и съ точки зрѣнія охраненія свободы переселенія и отказа отъ земли для крестьянъ. Мы сознаемъ, что въ нынѣшнемъ положеніи есть нѣсколько неясностей, и признаемъ съ другой стороны естественнымъ, что землевладѣльцы озабочиваются той перемѣною, которая можетъ отразиться на ихъ хозяйствѣ. Но вѣдь предложеніе г. Шарыгина, сперва столь сочувственно встрѣченное дворянскимъ собраніемъ, вело къ чему-то въ родѣ учрежденія новыхъ редакціонныхъ коммиссій и притомъ изъ дворянъ, для обсужденія, съ цѣлью улучшенія быта крестьянъ, мѣръ, нужныхъ для огражденія помѣщичьихъ интересовъ. Едва ли тѣ неясности, какія замѣчаются въ Положеніяхъ 19 февраля, въ отношеніи къ праву отказа крестьянъ отъ земли и праву переселенія, могли бы наиболѣе удобно быть устранены именно такимъ сословно-представительнымъ путемъ. Вмѣсто того, чтобы предоставлять администраціи рѣшеніе, въ какой мѣрѣ желательно участіе прочихъ членовъ земства въ обсужденіи этого дѣла, не проще и естественнѣе ли было бы просить о собраніи мнѣній объ этомъ вопросѣ отъ земства, съ тѣмъ, пожалуй, чтобы въ Петербургъ были присланы и по два депутата отъ земства каждой губерніи? Это было бы проще и правильнѣе, чѣмъ то, что предлагалъ г. Шарыгинъ, и это едва ли не желательно въ самомъ дѣлѣ.

Комитеты изъ дворянъ, съ центральной коммиссіей, да еще съ возможностью спроса крестьянскихъ обществъ, въ томъ или другомъ видѣ— это нѣчто искусственное, несуществующее и немогущее имѣть авторитета земскихъ собраній. Правда, въ земскихъ собраніяхъ участвуютъ и иныя сословія, кромѣ помѣщиковъ и крестьянъ. Но во-первыхъ, эти сословія служили бы посредническимъ звеномъ между дворянствомъ и крестьянствомъ, которыя, поставленныя съ глазу на глазъ, едва ли когда пришли бы къ соглашенію. А во-вторыхъ, развѣ принадлежащіе къ городскому сословію фабриканты не заинтересованы въ вопросѣ о переселеніи? Да наконецъ, и всѣ городскія общества вообще заинтересованы въ этомъ дѣлѣ, гдѣ одинъ изъ государственныхъ пунктовъ есть именно право приписки къ этимъ сословіямъ для крестьянъ.

Мы остановились на предложеніи г. Шарыгина нѣсколько болѣе, потому именно, что сходимся съ возбужденною имъ мыслью о собраніи мнѣній отъ сословій для отстраненія недоразумѣній, какія могутъ оказаться при наступленіи 19 февраля 1870 года; мы расходимся съ нимъ только въ выборѣ удобнѣйшихъ органовъ для полученія отзывовъ, въ самомъ дѣлѣ безпристрастныхъ и всестороннихъ.

Въ преніяхъ, происходившихъ по предложенію г. Шарыгина, отразилась опять та неопредѣленность, то какъ бы и желаніе и опасеніе пользоваться своими правами, во всемъ ихъ объемѣ, которыя харак-

терпѣвовали всю нынѣшнюю сессію дворянскаго собранія. Мы уже сказали, что собраніе встрѣтило съ большимъ сочувствіемъ это предложеніе. Между тѣмъ, когда предсѣдатель замѣтилъ, что баллотировка нѣкоторыхъ пунктовъ этого предложенія допущена быть не можетъ, такъ какъ они относятся не къ мѣстнымъ интересамъ дворянства петербургской губерніи,—что было совершенно справедливо—то тотчасъ проявилось колебаніе, и когда перешли къ баллотировкѣ перваго пункта, то оказалось, что собраніе его не приняло. Между тѣмъ, принятіемъ этого пункта собраніе нисколько бы не превысило своей власти, такъ какъ въ немъ упоминалось только о комитетѣ для петербургской губерніи. А если бы дворянство петербургской губерніи получило то разрѣшеніе, о которомъ тутъ шла рѣчь, то нѣтъ сомнѣнія, что дворянскія собранія прочихъ губерній сами собою вошли бы съ такимъ же ходатайствомъ и получили бы такой же отвѣтъ, какой передъ тѣмъ получило бы дворянство петербургское. Итакъ, непринятіе собраніемъ перваго пункта, вслѣдствіе заявленія предсѣдателя, было просто отступленіемъ отъ мысли, которая сперва очень понравилась собранію.

Неопредѣленность—чтобы не сказать болѣе—положенія дворянскихъ собраній, которымъ, за произведенными реформами осталось почти только производить выборы своихъ должностныхъ лицъ и немногихъ членовъ въ нѣкоторыя учрежденія собраній, коимъ забываютъ даже — очевидно за ненадобностью — сообщать свѣдѣнія о государственной земской повинности, хотя по неотмѣненному еще закону они должны разсматривать ее—эта неопредѣленность положенія, говоримъ мы, отразилась и въ отказѣ всѣхъ кандидатовъ, имѣвшихся въ виду, на должность петербургскаго губернскаго предводителя принять эту должность. Дворянство, какъ видно, наиболѣе расположено было выбрать своимъ предводителемъ графа П. П. Шувалова, что было бы не лишено нѣкотораго значенія. Когда онъ отказался, въ числѣ другихъ кандидатовъ, то нынѣшній губернскій предводитель, графъ Орловъ-Давыдовъ обратился къ нему съ заявленіемъ единогласнаго желанія дворянъ, чтобы онъ не отказывался, и члены собранія поспѣшили лично засвидѣтельствовать графу Шувалову это желаніе; но графъ положительно несогласился. Кончилось тѣмъ, что уже въ день, назначенный для закрытія сессіи, дворянству удалось убѣдить графа Бобринскаго согласиться на баллотировку, и благодарное собраніе избрало его губернскимъ предводителемъ единогласно, тѣмъ болѣе, что какое же могло быть разногласіе при такихъ обстоятельствахъ!?

Мы никакъ не думаемъ отрицать значеніе дворянства у насъ въ настоящее время въ смыслѣ простой совокупности значительнаго числа образованныхъ людей въ государствѣ. Но если разумѣть собственно организованную корпорацію дворянства, то есть составъ дво-

рянскихъ собраній, то едва ли можно съ увѣренностью приписывать ему по преимуществу даже значеніе «образованнѣйшаго въ государствѣ сословія». Дѣло въ томъ, что изъ числа окончившихъ курсъ въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, навѣрно, только небольшая часть— по абсолютной численности—принадлежитъ именно къ сословію крупныхъ землевладѣльцевъ, которое и составляетъ то, что у насъ нынѣ обыкновенно (даже спеціяльно-дворянскимъ органомъ) называется дворянствомъ. Это организованное въ собраніе сословіе само разумѣетъ себя именно въ смыслѣ сословія крупныхъ землевладѣльцовъ. Доказательствомъ тому можетъ служить одинъ изъ фактовъ нынѣшней сессіи петербургскаго дворянства. Въ засѣданіи 14 марта предложено было къ голосованію заявленіе мелкопомѣстныхъ дворянъ гдовскаго уѣзда, которые просили, чтобы всѣмъ дворянамъ, *занесеннымъ въ родословную книгу* и имѣющимъ цензъ по 73 статьѣ, т. е. по прежнему исчисленію 5 душъ или 150 десятинъ удобной земли, было предоставлено въ дворянской избирательной дѣятельности участіе равное съ дворянами имѣющими, по прежнему исчисленію, 100 душъ и т. д. Просьба эта была совершенно логична съ точки зрѣнія «благороднаго происхожденія.» Кто въ настоящее время ратуетъ за преимущества дворянскихъ собраній, за вліяніе дворянства на земскую полицію, за предводительство дворянства въ дѣлахъ земства вообще, тотъ всегда ссылается на слѣдующіе доводы: 1) преимущественная образованность дворянскаго сословія, которое есть «образованнѣйшее сословіе въ государствѣ»; 2) благородное происхожденіе, которое само по себѣ обязываетъ человѣка къ нѣкоторому нравственному превосходству, что выражается извѣстнымъ девизомъ noblesse oblige; и 3) заслуги предковъ, оказанныя государству.

Всѣ эти обстоятельства рѣшительно благопріятствовали — въ теоріи — удовлетворенію домогательства мелкопомѣстныхъ дворянъ гдовскаго уѣзда, занесенныхъ въ родословную книгу. Если дворянство есть сословіе образованное по преимуществу, то это конечно благодаря наслѣдственности его образованія, и въ этомъ смыслѣ дворянство болѣе древнѣе, унаслѣдовавшее свое образованіе отъ нѣсколькихъ поколѣній, должно быть образованнѣе дворянства новаго, хотя бы оно и было крупнымъ землевладѣніемъ. Благородство происхожденія, какъ извѣстно, измѣряется не числомъ десятинъ удобной земли, а числомъ предковъ. Наконецъ, относительно заслугъ оказанныхъ государству, дворянство мелкопомѣстное, но снабженное граматами, ужъ навѣрное можетъ поспорить со случайнымъ и по большей части весьма недавнимъ по происхожденію классомъ крупныхъ землевладѣльцовъ. А между тѣмъ, с.-петербургское дворянское собраніе постановило въ просьбѣ мелкопомѣстнымъ дворянамъ отказать. Спрашивается за тѣмъ, на какомъ основаніи оно само, какъ представительство крупнаго зем-

левладѣнія, могло бы требовать продолженія своего вліянія въ государствѣ, въ смыслѣ привилегированнаго сословія? Всѣ доводы, которые могутъ быть—съ дворянской точки зрѣнія: roy ne veux, prince ne doigne, Rohan suis—приведены въ его пользу, и какъ дворянству, общи ему съ мелкопомѣстнымъ, но *старымъ* дворянствомъ, котораго просьбу объ уравненіи въ правахъ нынѣ въ Петербургѣ отвергли. За симъ остается только значительность капитала. Но въ такомъ случаѣ перестаньте говорить о «noblesse oblige» и такъ далѣе, и уступите шагъ биржевымъ тузамъ, признайте скорѣе за ними право отдѣльнаго въ государствѣ предсѣдательства, ибо въ отношеніи капитала, чистаго, безъ долговъ, и легко реализуемаго, дворяне — предъ ними—пасъ.

Такимъ образомъ, нынѣшняя сессія петербургскаго дворянства представила намъ въ видѣ преобладающей черты—неопредѣленность, неувѣренность въ самосознаніи дворянства относительно полезности и возможности (мы хотѣли сказать — серьезности) дальнѣйшаго своего существованія, какъ отдѣльной корпораціи въ государствѣ, съ представительствомъ, бюджетомъ (на содержаніе канцелярій и освѣщеніе залъ), правомъ запросовъ и представленій. Эта неопредѣленность, неувѣренность — признакъ времени и вмѣстѣ доводъ, что и въ дворянствѣ нашемъ преобладаетъ практическій русскій смыслъ, вѣщающій: «что было, то не будетъ вновь.»

Мы упомянули выше о капиталѣ землевладѣнія. Самая основательная изъ всѣхъ жалобъ землевладѣльцевъ въ настоящее время безспорно та, что трудно найти капиталы, которые соглашались бы на помѣщеніе въ дѣло земледѣлія. Это обстоятельство заслуживаетъ особаго вниманія. Въ виду разстройства дѣлъ землевладѣнія, обусловленнаго частью неизбѣжною перемѣною системы хозяйства, частью неурожаями, которые означаютъ не столько стеченіе неблагопріятныхъ атмосферическихъ причинъ, сколько просто истощеніе почвы, необходимо обратить вниманіе на средства земледѣльческаго кредита. Средства эти въ настоящее время ничтожны. Казенный банкъ денегъ уже давно не даетъ подъ землю, а частный земледѣльческій кредитъ не устанавливается, отстаетъ отъ кредита городского, который пріобрѣлъ уже нѣсколько успѣшно-дѣйствующихъ органовъ. А между тѣмъ въ русскомъ хозяйствѣ, съ его еще первоначальными пріемами, представляется обширное поле для дѣятельности, богатая жатва для капиталовъ, которые вступили бы въ это дѣло умѣючи. Но нѣтъ, мы предпочитаемъ покупать на биржѣ акціи рязанской дороги, которыя обѣщаютъ 16 рублей дивиденда, а они стоятъ по 290 р., то-есть въ сущности обѣщаютъ не болѣе какихъ-нибудь шести процентовъ.

Вотъ почему съ особеннымъ сочувствіемъ встрѣчаемъ мы извѣстіе, что коммиссія, учрежденная въ 1860 году для устройства земскихъ

банковъ, уже выработала проектъ ипотечнаго устава. Нѣтъ сомнѣнія, что земледѣльческій кредитъ преимущественно стѣснялся у насъ именно сложностью формальностей по взысканіямъ и вообще необезпеченностью подобнаго рода помѣщенія капиталовъ. Трудность займа денегъ, для владѣльцевъ недвижимыхъ имѣній, обусловливается едва ли не болѣе всего именно неувѣренностью залогодателей въ обезпеченіи.

Улучшеніе законоположеній, приведеніе законодательства въ соотношеніе съ новыми потребностями государства и общества, наконецъ проведеніе въ законахъ принциповъ гуманности, гражданской равноправности, обезпеченности лицъ и имуществъ гражданъ—принциповъ не новыхъ, но въ новѣйшія времена получающихъ все большее значеніе въ сознаніи законодателей—все это еще не исчерпываетъ того многообразнаго дѣла, котораго совокупность разумѣется подъ общимъ названіемъ *реформы*. Существенная часть реформы, вызванной потребностью общества и стремленіемъ власти придать своимъ отправленіямъ болѣе строгую раціональность, должна заключаться въ томъ, чтобы органы власти проникались яснымъ сознаніемъ прямого своего назначенія, чтобы въ сложности государственнаго управленія и государственнаго хозяйства вполнѣ выяснилась цѣль каждаго учрежденія, истинное мѣсто и назначеніе его, какъ одной изъ функцій государственной системы.

Извѣстное изреченіе: «не общество существуетъ для администраціи, а администрація для общества», кажется намъ въ настоящее время вульгарнымъ. Но давно ли это такъ, далеко ли то время, когда эта, конечно весьма неоригинальная, мысль являлась у насъ еще въ качествѣ весьма смѣлаго, а старымъ, закоренѣвшимъ въ прежней системѣ бюрократамъ представлялась чуть ли не въ значеніи непозволительнаго вольномыслія? Что мысль эта была нова и бюрократіи неизвѣстна, доказательствомъ тому можно привесть оффиціальные документы, напр., приказы по полиціи, гдѣ она была буквальна выражена.

По поводу вопіющей неисправности, какая оказалась въ началѣ нынѣшняго года въ разсылкѣ періодическихъ изданій по почтѣ, нельзя не обратить вниманія на то, какъ важна именно та сторона «реформы», на которую мы сейчасъ указали. Факты, которыхъ мы сдѣлались свидѣтелями и въ нѣкоторомъ смыслѣ жертвами, показали, что иногда самыя измѣненія положеній и порядковъ, съ цѣлью улучшенія ихъ не только не приносятъ пользы, но становятся даже источникомъ замѣшательства, если оставленъ безъ вниманія другой, существенный элементъ реформы, именно—правильное уясненіе каждымъ учрежденіемъ самому себѣ прямого, главнаго его назначенія, цѣли, съ которою оно первоначально создано и отъ которой оно иногда можетъ уклоняться, предпочитая другія, второстепенныя и несущественныя по смыслу самого учрежденія цѣли.

Управленіе почтъ, какъ всякое управленіе должно, конечно, заботиться о соблюденіи интересовъ казны; монополія почтъ приноситъ казнѣ доходъ и, само собой разумѣется, что управленіе почтъ должно желать скорѣе возвышенія этого государственнаго дохода, чѣмъ уменьшенія его. Но если бы почтовое управленіе продолжало, по прежнему, видѣть въ этомъ именно главное свое назначеніе, то оно держалось бы взгляда столь ошибочнаго, что никакія предпринятыя имъ реформы не принесли бы государству пользу.

Всѣ вѣдомства, удовлетворяя извѣстной потребности, собираютъ вмѣстѣ съ тѣмъ и какой либо государственный доходъ. Изъ числа ихъ мы не исключаемъ даже военное министерство, которое, выручая деньги отъ продажи негодныхъ вещей или подвергнутыхъ подмочкѣ продовольственныхъ припасовъ, усчитываетъ эти деньги тоже въ государственный доходъ. Но, что бы мы сказали о такой системѣ военнаго управленія, которая клонилась бы къ сокращенію сроковъ службы аммуничныхъ вещей или къ пріобрѣтенію годового провіанта для того только, чтобы увеличить количество продаваемыхъ предметовъ и тѣмъ достигнуть возвышенія собираемаго имъ казеннаго дохода?

Это преувеличеніе, возразятъ намъ. Согласны, но преувеличеніемъ удобно высказать ложность той мысли, которая неправильна въ самой своей точкѣ отправленія. Возьмемъ другой примѣръ. Министерство путей сообщенія собираетъ съ желѣзныхъ дорогъ, шоссе и шлюзовъ весьма значительный доходъ. Но можно ли допустить мысль, чтобы главное его назначеніе заключалось именно въ собираніи и насильномъ увеличеніи этого дохода? Въ такомъ случаѣ, ему пришлось бы прежде всего возстать противъ системы желѣзныхъ дорогъ частныхъ, которыя требуютъ отъ правительства только пожертвованій, не принося ему дохода. Между тѣмъ, мы видимъ, что оно напротивъ благопріятствуетъ развитію частныхъ дорогъ и даже свои линіи передаетъ въ частныя руки.

Дѣло въ томъ, что недостаточно какому либо учрежденію соединить въ себѣ характеръ правительственнаго органа и сборщика дохода, и ставить это второе назначеніе на первый планъ, видѣть въ немъ главное свое назначеніе, которому должны подчиняться остальныя. Есть учрежденія чисто камеральныя, финансовыя, напримѣръ: акцизное, горное, таможенное управленія. Конечно, и они также служатъ вмѣстѣ и отраслями полицейскаго (въ научномъ смыслѣ слова) управленія: акцизное и горное вѣдомство регулируютъ порядокъ частныхъ промысловъ и продажъ, таможенное вѣдомство—справедливо или нѣтъ, это особый вопросъ—смотритъ на себя какъ на охрану внутренней производительности. Но всѣ они очевидно имѣютъ назначеніе преимущественно камеральное—сборъ и увеличеніе по возможности главныхъ государственныхъ доходовъ. Акцизное вѣдомство не можетъ смотрѣть

какъ на главную свою цѣль—на процвѣтаніе винокуренныхъ заводовъ или на доставленіе водкѣ пріятнаго вкуса, а на судьбы государственнаго дохода взирать, какъ на нѣчто второстепенное. Такой правильный взглядъ устанавливается уже мало-по-малу и въ отношеніи таможеннаго учрежденія; хотя въ новомъ тарифѣ и сохранены еще покровительственныя цѣли, однако преобразованъ онъ былъ съ цѣлью именно камеральною.

Итакъ, изъ учрежденій, которыя соединяютъ въ себѣ удовлетвореніе какой либо потребности общества и государства съ сборомъ государственнаго дохода, одни носятъ характеръ финансовыхъ, камеральныхъ, другія же относятся къ органамъ государственнаго благоустройства. Цѣлью послѣднихъ должно прежде всего служить—возможно полное, правильное и всегда своевременное удовлетвореніе той потребности государства и общества, для которой они созданы; попеченіе же о собираемомъ ими притомъ доходѣ для нихъ должно быть цѣлью побочною, второстепенною; забота о доставленіи государству выгоды финансовой въ ихъ дѣятельности должна быть подчинена той первой и главной заботѣ, которая вытекаетъ изъ самой цѣли ихъ образованія въ государствѣ и ихъ назначенія въ общей системѣ государственнаго механизма. Къ этой цѣли—учрежденія такого рода должны стремиться даже съ пожертвованіемъ ей, если нужно, самымъ собираемымъ доходомъ, какъ то видно въ приведенномъ выше примѣрѣ управленія желѣзными дорогами. Весь смыслъ почтоваго учрежденія указываетъ, что оно должно принадлежать къ этой второй категоріи государственныхъ установленій. Почта хотя и есть государственная монополія, но не регалія. Такой взглядъ на почту давно установился во всей Европѣ. Если гдѣ почта въ прежнее время и имѣла характеръ регаліи или откупа (въ видѣ исторически-установившейся турнъ-таксиской почтовой привилегіи въ Германіи), то характеръ этотъ или давно измѣненъ или измѣняется.

У насъ по бюджету почтоваго вѣдомства числится доходовъ около $15^3/_4$ милліоновъ рублей, расходовъ около $12^1/_4$ милліоновъ рублей. Достаточно уже этого баланса, чтобы убѣдиться, что характеръ почтоваго учрежденія не финансовый, а общественный (относящійся къ области полиціи, въ научномъ смыслѣ слова, къ области благоустройства). Очевидно, что доходъ въ $3^1/_2$ мил. изъ бюджета, котораго итогъ доходитъ до $15^3/_4$ милл. не даетъ почтовому управленію характера управленія финансоваго. Еще болѣе ясно сдѣлается, что почтовое управленіе не имѣетъ характера камеральнаго, когда примемъ во вниманіе, что въ суммѣ его доходовъ, его средствъ, заключаются болѣе $7^1/_2$ милліоновъ рублей земскаго сбора (съ небольшими суммами изъ капитала уральскаго казачьяго войска, башкирскихъ сборовъ и губернскаго земскаго сбора, всего болѣе 7 милліоновъ 593 тысячъ руб-

лей). Это, кажется, достаточно выясняетъ тотъ характеръ почтоваго управленія, который указанъ ему и назначеніемъ его, какъ оно опредѣлено закономъ, и самымъ характеромъ его денежныхъ средствъ.

Итакъ, почтовое вѣдомство, въ своей дѣятельности, должно бы имѣть въ виду прежде всего не увеличеніе относительно—весьма небольшого чистаго дохода, который оно доставляетъ государству, а прямое свое назначеніе—удовлетворять одной изъ самыхъ существенныхъ потребностей государства и общества. Самъ по себѣ бюджетъ почтоваго вѣдомства можетъ вызвать не мало разногласій со стороны безпристрастныхъ критиковъ. Всѣ они, въ виду неоспоримаго факта, что почтовый доходъ увеличивается съ году на годъ (въ нынѣшнемъ году исчислено доходу на 94¼ тысячи рублей болѣе противу прошлаго года), должны преклониться предъ фактомъ возвышенія государственнаго дохода. Но даже становясь на эту ложную точку зрѣнія, постороннюю главной цѣли почтоваго учрежденія, можно думать, что увеличеніе почтоваго дохода происходитъ не столько отъ радѣнія подлежащаго вѣдомства государственнымъ выгодамъ, сколько отъ естественнаго возрастанія сбора, сообразно съ увеличеніемъ сообщеній. Вѣдь изъ самаго бюджета почтоваго вѣдомства видно, что отъ усиленія корреспонденціи ожидалось возрастанія дохода не только на 94¼ тысячи, а на 641 слишкомъ тысячу рублей (изъ каковаго излишка наибольшую часть, стало быть, поглотили новые расходы). Знаменитый президентъ почтоваго управленія въ Англіи, сэръ Роулендъ Гилль тоже увеличилъ казенный доходъ отъ почтъ, но онъ съумѣлъ достичь этого, удовлетворяя въ тоже время и главному назначенію своего управленія, именно онъ возвысилъ почтовый доходъ пониженіемъ пересылочной платы. Наше почтовое вѣдомство предпочитаетъ поддерживать прежній доходъ сохраненіемъ прежней таксы, и если предпринимаетъ что́-нибудь для возвышенія этого дохода, то дѣлаетъ это въ весьма первоначальной формѣ: увеличиваетъ, напримѣръ, вдвое плату за пересылку мѣсячныхъ изданій.

Но увеличеніе казеннаго дохода, сказали мы, вовсе не должно быть главною проеккупаціею почтоваго управленія, которое не есть отрасль управленія финансоваго. Предпринимая какое бы то ни было измѣненіе порядковъ, оно бы не должно было оправдываться само передъ собою цѣлью финансовою, а имѣть въ виду прежде всего прямую цѣль, указанную ему его учрежденіемъ: споспѣшествовать удобству сообщеній, сдѣлать удобною и правильною пересылку, уменьшить число жалобъ, отнестись серьезно къ прекрасной своей роли посредника, хотя механически способствующаго размѣну мыслей и общенію Россіи въ умственной дѣятельности. Если же почтовое вѣдомство хотѣло обратить вниманіе преимущественно на финансовую сторону своего устройства, то оно могло съ успѣхомъ заняться болѣе

выгоднымъ распредѣленіемъ собственныхъ своихъ суммъ. Такъ, напримѣръ, на содержаніе центральнаго почтоваго управленія полагается болѣе 150 тысячъ рублей, да на «разные расходы» 150 тысячъ, между тѣмъ какъ на пріемъ и роздачу и пересылку почтовой корреспонденціи расходуется всего 2 милліона рублей. Первый расходъ едва ли не слишкомъ великъ въ сравненіи со вторымъ. Велика ли роль «центральнаго» управленія въ почтовомъ дѣлѣ? Въ этомъ дѣлѣ, кажется, менѣе чѣмъ въ какомъ либо требуется какая либо политика, какіе либо общіе взгляды, между тѣмъ какъ во второмъ расходѣ сосредоточивается вся сущность дѣла, особенно по мѣрѣ развитія желѣзныхъ дорогъ, которое будетъ съ каждымъ годомъ болѣе и болѣе освобождать почтовое вѣдомство отъ самаго значительнаго изъ его расхода — содержанія лошадей.

Повторяемъ, содѣйствіе общей благотворной реформѣ, совершающейся въ наши годы, должно состоять не только въ предложеніи полезныхъ измѣненій въ текстѣ законоположеній, но еще—и это весьма существенный пунктъ—въ правильномъ уясненіи себѣ и приложеніи къ дѣлу—истиннаго назначенія отраслей государственнаго управленія, содержимыхъ обществомъ, въ видѣ успѣшнаго дѣйствія ихъ самихъ и успѣшнаго удовлетворенія его потребностей.

Говоря о томъ, что существенную часть реформы, предпринятой государствомъ, послѣ долговременнаго застоя, для приведенія въ соглашеніе учрежденій съ нуждами и духомъ современности, должно составлять, кромѣ измѣненія законоположеній и измѣненіе во взглядѣ правительственныхъ органовъ на ихъ назначеніе, мы неизбѣжно наталкиваемся на вопросъ о нашихъ старообрядцахъ. Фактъ существованія старообрядства и раскола въ народѣ, и не только существованія, но даже постояннаго развитія сектъ—одинъ изъ тѣхъ фактовъ, которые старая система администраціи думала уничтожить непризнаніемъ или преслѣдованіемъ. Между тѣмъ, расколъ не только не ослаблялся вслѣдствіе непризнанія и преслѣдованія, а напротивъ—росъ, и къ сожалѣнію, въ томъ общемъ преслѣдованіи на бумагѣ и потворствѣ на дѣлѣ, какія были неразлучны съ прежнею системою, могла развиться секта противуобщественная, секта скопцовъ, внезапное открытіе которой, во всей ея силѣ и распространенности, поразило удивленіемъ общество, убаюканное отрицательнымъ отношеніемъ прежней администраціи безразлично ко всѣмъ отраслямъ раскола.

Между тѣмъ нѣкоторые изъ нихъ не только не несогласны съ существующимъ государственнымъ строемъ, но даже проявили на практикѣ особую приверженность къ государству и сами по себѣ, по нравственной сторонѣ своего ученія, далеко не заслуживаютъ гоненія. Пришла пора—если нынѣшнее время хочетъ быть логично въ своихъ реформистскихъ стремленіяхъ,—измѣнить взглядъ на расколъ, и допу-

стить членовъ безвредныхъ сектъ къ общенію гражданскихъ правъ. Въ наше время, когда государство поставило на первомъ планѣ своей дѣятельности благо общественное, нѣтъ никакого основанія преслѣдовать вѣрныхъ и почтенныхъ гражданъ за разномыслія обрядныя, до которыхъ государству нѣтъ никакого дѣла. Пора снять съ государственной дѣятельности все, что можетъ напоминать, хотя бы издали, мрачную, безнравственную и въ высшей степени неполитическую дѣятельность инквизиціи.

А между тѣмъ, передъ нами являются факты, которые самымъ рѣзкимъ образомъ противорѣчатъ гуманнымъ и практическимъ цѣлямъ нынѣшняго государственнаго направленія. Сошлемся на два недавніе примѣра. Ямщикъ рогожской ямской слободы, Дмитрій Крынинъ принадлежалъ къ старообрядцамъ рогожскаго кладбища и нѣсколько разъ въ своемъ обществѣ отправлялъ должность старосты. Не далѣе, какъ въ 1857 году, его, просто за принадлежность къ сектѣ выслали изъ Москвы. Малолѣтный сынъ его, его имущество—все осталось на произволъ судьбы. Двѣнадцать лѣтъ Крынинъ находился въ ссылкѣ. Онъ сидѣлъ и въ здѣшней Александроневской лаврѣ подъ увѣщаніемъ духовныхъ особъ два года, но остался «непреклоненъ», и въ казематахъ Соловецкаго монастыря семь лѣтъ; наконецъ, подъ вліяніемъ таковаго средства убѣжденія, присоединился къ православію, и, не смотря на обращеніе (просто по незанесенію факта обращенія въ вѣдомости)—жилъ въ Пензѣ подъ надзоромъ полиціи. Въ Пензу онъ былъ посланъ по этапу и оставался тамъ безъ кормовыхъ денегъ, безъ всякихъ средствъ къ существованію. А между тѣмъ, само собою разумѣется, что оставленное имъ въ Москвѣ было отнято у него, поступило въ опеку, частью распродано и т. д. Наконецъ, когда въ дѣло его вступился адвокатъ Бенкендорфъ и предъявилъ его права на прежнее имущество, права̀, къ удовлетворенію которыхъ министръ внутреннихъ дѣлъ не нашелъ препятствія, — то неожиданное препятствіе встрѣтилось въ самомъ томъ обществѣ, къ которому прежде принадлежалъ Крынинъ, и его адвоката, явившагося на волостную сходку, съ непріятными требованіями о возстановленіи давно нарушенныхъ правъ, едва не прибили, онъ насилу ушелъ оттуда цѣлый. Такія дѣла дѣлаются послѣ десятилѣтняго страданія человѣка; отрицаніе правъ его — хоть онъ нынѣ и православный—за то только, что нѣкогда онъ былъ старообрядцемъ, происходитъ въ 1867 году. Какъ согласить такіе факты со смысломъ общей реформы, съ которой Россія считаетъ свое возрожденіе, съ принципами гуманности и обезпеченности лица, если оно не обвиняется въ преступленіи требующемъ мѣръ чрезвычайныхъ?

Общественная совѣсть высказалась. Мы имѣемъ передъ глазами фактъ тоже недавній, который въ смыслѣ общественнаго приговора

надъ устарѣлыми и непрактичными преданіями, рѣшаетъ и дѣло Крынина. Это дѣло Большакова. Московскій мѣщанинъ Большаковъ устроилъ въ избѣ, въ деревнѣ Заволеньѣ, молельню, въ которой онъ совершалъ религіозные обряды, по своему убѣжденію. Представьте себѣ общество вѣрующихъ — правильно или неправильно ихъ религіозное убѣжденіе, государству разбирать весьма трудно и едва ли необходимо, коль скоро они соблюдаютъ общіе законы — во время богослуженія, и становаго, который во время этого богослуженія, входитъ съ шапкой на головѣ, въ алтарь, хлопаетъ священнодѣйствующаго по плечу и произноситъ: «Стой! не служи!» — «Погодите *баринъ*, дайте докончить службу», умоляетъ въ этомъ драгоцѣнно-наивномъ разговорѣ Большаковъ. Но *баринъ*-становой прерываетъ обрядъ, и смиряется только по распоряженію исправника, который выражаетъ мнѣніе, что «службу докончить можно».

Это возмутительное происшествіе можетъ еще быть объяснено невѣжествомъ становаго, и тѣмъ стыдъ такого случая въ 1867 году можетъ быть снятъ съ нашей общественной жизни. Но гораздо больнѣе слышать, что того же Большакова, самого его, а не становаго, обвиняютъ передъ новымъ судомъ, и обвиняютъ на основаніи положительной статьи закона, именно ст. 206 Уложенія о наказаніяхъ, которая «предусматриваетъ и наказуетъ» устроеніе молельни и совершеніе въ ней литургіи по раскольническимъ обрядамъ.

Что̀ значитъ оправданіе Большакова судомъ, не смотря на очевидныя улики и собственное его признаніе? Оно означаетъ, что общественная совѣсть протестуетъ и противъ законоположенія, уцѣлѣвшаго изъ старины, и противъ административнаго взгляда на дѣла совѣсти, уже несогласнаго со смысломъ общей гуманной реформы, которою гордится современная Россія. «Больше свѣту, свѣту» — скажемъ мы, какъ умирающій поэтъ-философъ Германіи. Ограничивая, контролируя дѣйствія, которыя могутъ быть опасными государству, дайте свободу совѣсти, которая не можетъ быть опасна ничему, кромѣ застоя среди признанныхъ установленій, и изувѣрства среди непризнанныхъ сектъ. Духъ времени говоритъ слишкомъ ясно, и великая реформа современности, послѣ эманципаціи труда, очевидно требуетъ эманципаціи совѣсти.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

1 (13) апрѣля, 1869.

Французскій законодательный корпусъ. — Прусскіе парламенты. — Испанскіе кортесы и ихъ образъ дѣйствія. — Сѣверо-американскіе Штаты и избраніе новаго президента. — Линкольнъ, Джонсонъ и Грантъ. — Жизнь Гранта и его политическія идеи. — Билль Гладстона объ ирландской церкви.

Въ ту минуту, когда въ Европѣ улаживается какое-нибудь важное затрудненіе и разрѣшается важный вопросъ, занимавшій впродолженіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ или нѣсколькихъ недѣль общественные умы, мы можемъ быть увѣрены, что непремѣнно явится новое, на первый взглядъ незначительное, событіе, которое тѣмъ не менѣе не замедлитъ въ свою очередь превратиться въ вопросъ, сначала второстепенной, а потомъ и первостепенной важности. Вѣрный знакъ напряженнаго состоянія умовъ! Дѣйствительно, не успѣлъ улечься восточный вопросъ, благодаря соединенію всѣхъ сильныхъ противъ одного слабаго, какъ изъ-за него показалось событіе совершенно ничтожное, о которомъ мы имѣли случай упомянуть мимоходомъ въ послѣднемъ иностранномъ обозрѣніи. Это дѣло о бельгійскихъ желѣзныхъ дорогахъ и о передачѣ одной изъ главныхъ линій въ руки французской компаніи. Не успѣлъ выясниться вопросъ объ отношеніи между Франціею и Бельгіею въ дѣлѣ желѣзныхъ дорогъ, какъ вокругъ него стали агитироваться самыя разнородныя предположенія и подыматься облака самаго безпокойнаго и опаснаго свойства. Нечего и говорить, что тотъ вопросъ получилъ важность вовсе не самъ по себѣ, а по тѣмъ послѣдствіямъ, которыя при неблагопріятномъ вѣтрѣ онъ могъ повести за собою. Пруссія немедленно устремила свой взоръ на столкновеніе бельгійскаго министерства Фреръ-Орбана съ французскимъ правительствомъ, стараясь предупредить всякое поползновеніе послѣдняго, прямое или косвенное, на независимость маленькой Бельгіи. «Маленькая Бельгія не слаба»—говорила Пруссія въ лицѣ своей офиціальной прессы, намекая на то, что она не оставитъ ее безъ помощи, если бы дѣло дошло до

чего-нибудь серьезнаго. Англія, съ своей стороны, убѣждаясь все болѣе и болѣе, какъ пагубно дѣйствуетъ ея политика невмѣшательства, и какъ невыгодно отзывается она на ея собственныхъ дѣлахъ, терпящихъ отъ постоянныхъ опасеній войны на континентѣ, одинаково поспѣшила вмѣшаться въ это дѣло, и, не подливая масла въ огонь, подобно Пруссіи, но колеблясь на обѣ стороны, она успѣла довести ихъ до соглашенія. Чѣмъ кончится этотъ франко-бельгійскій вопросъ — мы не будемъ имѣть смѣлости утверждать, хотя онъ и принялъ самый благопріятный оборотъ. Благодаря, какъ мы сказали, вліянію Англіи, бельгійское и французское правительства пришли къ чрезвычайно мирному рѣшенію назначить коммиссію изъ бельгійскихъ и французскихъ представителей, которые бы и опредѣлили условія соглашенія. Франція воспользовалась представившимся ей случаемъ, и поставила на видъ бельгійскому правительству, какъ важно было бы не только улаженіе возникнувшаго столкновенія, но и измѣненіе вообще нѣкоторыхъ пунктовъ, касающихся торговыхъ отношеній двухъ націй. Въ этомъ стремленіи осуществить между Бельгіею и Франціею тотъ самый таможенный союзъ, который связываетъ уже Сѣверную и Южную Германію, и лежитъ можетъ быть зародышъ всевозможныхъ затрудненій и столкновеній. Мы говоримъ «можетъ быть» потому, что при такомъ колеблющемся состояніи, среди котораго живетъ Западная Европа, нѣтъ ничего вѣрнаго и прочнаго. Какъ простой случай возбудилъ немедленно воинственное настроеніе, какъ счастливая случайность понизила высокій тонъ, такъ точно же и простой случай можетъ снова поднять его и привесть къ той развязкѣ натянутаго положенія Европы, которая ожидается съ фатальнаго дня битвы при Садовѣ. Бельгійскій вопросъ имѣетъ много сходства съ Люксембургскимъ, который два года назадъ едва было не привелъ Пруссію и Францію къ кровавому столкновенію; съ тѣхъ поръ взаимное отношеніе и взаимное чувство этихъ двухъ странъ нисколько не измѣнилось; напротивъ, правительства обѣихъ націй сдѣлали все, что́ могли, чтобы разжечь обоюдную непріязнь. Если случай, какъ выразился не такъ давно графъ Бисмаркъ, два раза избавилъ въ прошломъ году Европу отъ страшной рѣзни, то тотъ же случай можетъ на этотъ разъ оказать и плохую услугу.

Франко-бельгійскій вопросъ тѣмъ болѣе долженъ былъ встревожить Европу, что рядомъ съ нимъ въ закулисномъ дипломатическомъ мірѣ, такъ по крайней мѣрѣ догадывалось европейское общество, происходила какая-то тайная игра. Очень вѣроятно, что во всѣхъ разъѣздахъ, пріѣздахъ, отъѣздахъ, во всѣхъ странствованіяхъ дипломатовъ и привѣтствіяхъ, расточаемыхъ другъ другу различными властелинами, нѣтъ еще ничего опредѣленнаго и предзнаменовательнаго въ области воинственныхъ или мирныхъ предположеній. Но увѣренности, разумѣется, никто не можетъ имѣть, что всѣ подобныя передвиженія

не принесутъ никакого результата въ близкомъ будущемъ. Для чего, спрашиваютъ, отозванъ изъ Флоренціи прусскій посланникъ графъ Узедомъ, знаменитый переданною имъ Ламарморѣ депешею, въ которой развивался планъ послѣдовавшей аттаки Австріи въ 1866 году, для чего итальянскій посланникъ при французскомъ дворѣ Нигра отправился во Флоренцію, для чего вернулся въ Парижъ изъ Вѣны французскій посолъ герцогъ Граммонъ; что означаютъ собою всѣ эти любезности, которыми обмѣниваются Францъ Іосифъ и Викторъ Эммануилъ, зачѣмъ австрійскій эрцъ-герцогъ обѣдаетъ въ Вѣнѣ у итальянскаго посланника маркиза Пеполи, и для чего итальянскій король посылаетъ одного изъ своихъ генераловъ съ цѣлою свитою привѣтствовать въ Тріестъ австрійскаго императора, для чего и зачѣмъ, зачѣмъ и для чего?—вотъ что слышится во всей европейской прессѣ, готовой видѣть въ каждомъ шагѣ любого посланника новый шагъ къ ожесточенной войнѣ. Кто можетъ винить прессу — это выраженіе общественнаго мнѣнія, за то, что вниманіе ея поглощается подобными вопросами, когда она не находитъ, и когда нѣтъ въ дѣйствительности болѣе разумныхъ основъ, по которымъ можно было бы судить о приближеніи или отдаленіи грознаго народнаго бича. Общество живетъ какъ въ туманѣ, оно идетъ и отыскиваетъ съ зажмуренными глазами всѣ тѣ внѣшніе признаки, за которые можетъ только ухватиться для опредѣленія предстоящей ему будущности. Оно не знаетъ, дѣлаются ли всѣ подобныя передвиженія спроста, или подъ ними скрывается зародышъ какого-нибудь наступательнаго и оборонительнаго союза. Отсюда и выходятъ именно всѣ слухи болѣе или менѣе достовѣрные, смущающіе покой европейскаго общества. Рѣдко слухъ былъ болѣе упоренъ, какъ слухъ о союзѣ Австріи, Италіи и Франціи въ виду войны между Пруссіею и Франціею, которая предсказывается уже болѣе двухъ лѣтъ, войны съ трепетомъ ожидаемой каждую весну, благодаря стараніямъ самыхъ правительствъ, разоряющихъ народы содержаніемъ громадныхъ армій и громадными военными приготовленіями. До тѣхъ поръ общество должно будетъ заниматься переѣздами дипломатовъ, до тѣхъ поръ въ нихъ оно должно будетъ отыскивать признаки воинственнаго или мирнаго настроенія правительствъ, пока это священное право войны и мира будетъ находиться въ рукахъ однихъ Наполеоновъ, пока произволъ, руководящійся только мелкими династическими интересами, будетъ имѣть власть рѣшать судьбы народовъ, посылая на бойню или даруя жизнь сотнямъ тысячъ людей. Только тогда, когда вездѣ въ Европѣ личное начало будетъ замѣнено настоящимъ народнымъ представительствомъ и въ основаніи международныхъ отношеній будутъ лежать народныя выгоды, а не частные разсчеты, тогда только общество перестанетъ волноваться отъ

любого ничтожнаго повода, будетъ ли то передвиженіе какого-нибудь дипломата или таинственное слово, упавшее съ устъ Бисмарка или Руэра.

При томъ значеніи, которое пріобрѣла Франція въ дѣлахъ Европы, ея внутреннее состояніе представляетъ большую важность. А во Франціи, въ послѣднее время, нельзя не замѣтить поворота къ лучшему. Пробудившаяся жизнь тотчасъ же отразилась на самомъ правительствѣ, которое испытало въ послѣднее время одну неудачу за другою. Если въ послѣдній разъ мы говорили о непріятномъ сюрпризѣ, который устроилъ сенатъ, то въ этотъ разъ мы должны занести въ нашу хронику неудачу, постигнувшую правительство въ законодательномъ корпусѣ. Мы говоримъ о шумныхъ преніяхъ по поводу парижскаго бюджета, вызвавшихъ въ цѣлой Франціи громкое негодованіе противъ обвиненнаго правительства. Оно обвинялось въ цѣломъ рядѣ беззаконій, произвольныхъ дѣйствій, въ страшной затратѣ болѣе нежели 450 милліоновъ франковъ для украшенія города Парижа, колоссальной суммы занятой имъ у Crédit foncier, точно также виновнаго въ томъ, что онъ дѣлалъ ссуды, выговаривая себѣ незаконно выгодныя условія. Однимъ словомъ, это была минута расплаты правительства за его безцеремонное обращеніе съ общественными деньгами: подведены были счеты тому, что стоила передѣлка и украшеніе города, которымъ правительство постоянно хвасталось. Нападеніе на правительство было самое ожесточенное какъ со стороны всей оппозиціи, такъ и нѣкоторыхъ членовъ большинства; министры, защищавшіе правительство, не знали куда имъ дѣться, они терялись, краснѣли, чувствовали, что полъ проваливается подъ ногами отъ сильнаго натиска Тьера, Пикара и другихъ. Наконецъ, государственный министръ Руэръ, видя, что дѣлать нечего, что баталія потеряна и что нужно только спасти отъ отвѣтственности и обвиненія въ беззаконіи главу государства, быстро перешелъ какъ бы на сторону оппозиціи, обвиняя въ свою очередь парижскаго префекта Гаусмана, какъ будто бы онъ одинъ былъ виновенъ во всѣхъ совершенныхъ беззаконіяхъ, и какъ будто бы правительство ничего подобнаго не подозрѣвало. Маневръ этотъ удался, благодаря тому, что «лежачаго не бьютъ», но тѣмъ не менѣе правительство еще разъ и очень сильно скомпрометировалось передъ цѣлою Франціей, потому что всякій хорошо понимаетъ, что произволъ Гаусмана есть только слѣдствіе произвола Наполеона, и что въ этомъ дѣлѣ не столько виновато отдѣльное лицо, сколько цѣлая система правительства. Сколько бы Руэръ ни обвинялъ Гаусмана, а общество переводитъ обвиненія на того, кто сдѣлалъ возможнымъ подобнаго префекта.

Но если въ одной странѣ произволъ началъ терять въ силѣ, за то въ другой онъ въ ней выигрываетъ, вѣроятно для того, чтобы равновѣсіе не очень нарушалось; такъ напр., въ той счастливой Прус-

сіи, которая считаетъ себя первымъ государствомъ въ мірѣ, произволъ сдѣлалъ значительные успѣхи въ послѣдніе два-три года. Садова потребовала себѣ въ жертву не только всѣ вольности народа, но даже и часть его здраваго смысла. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что какой бы то ни было парламентъ, даже совсѣмъ ничтожный по своему существу, лучше чѣмъ никакой, потому что изъ дурного можетъ образоваться мало-по-малу и хорошій, а изъ ничего и не можетъ выйти ничего. Но рядомъ съ этимъ нельзя не признать крайне груст-нымъ явленіе, когда парламентъ, пользовавшійся прежде свободою въ своихъ дѣйствіяхъ и рѣчахъ, и умѣвшій съ честью бороться съ правительствомъ, когда оно посягало на народныя права, бывшій однимъ словомъ такимъ представительнымъ собраніемъ, къ которому само правительство относилось съ уваженіемъ, хотя часто и съ враждою, теперь является ничѣмъ инымъ, какъ безсловеснымъ орудіемъ въ рукахъ власти. Близкое къ этому случилось и съ прусскимъ парламентаризмомъ. До войны 1866 года, прусскій парламентъ жилъ въ постоянной ссорѣ съ правительствомъ, и далеко не безъ причины; оно постоянно стремилось нарушать контституцію, парламентъ сопротивлялся, нѣсколько разъ сряду его разгоняли, но, тѣмъ не менѣе, упорная оппозиція парламента удерживала нѣсколько правительство на его пути своеволія и произвола. Плотина прорвалась подъ напоромъ военной славы, которою покрылось прусское оружіе. Умъ нѣмцевъ отуманился, они пали ницъ передъ тѣми, противъ которыхъ такъ недавно еще вели ожесточенную борьбу. Свобода, право, законность потеряла для нихъ свой prestige — графъ Бисмаркъ и король Вильгельмъ сдѣлались полновластными властелинами, а парламентъ игрушкою въ ихъ рукахъ. Въ эти минуты они безнаказанно могли бы уничтожить всякій слѣдъ парламента, конституціи, но графъ Бисмаркъ поступилъ благоразумнѣе. Вмѣсто одного парламента онъ далъ своимъ пруссакамъ цѣлыхъ три: 1) прусскій, 2) федеральный и 3) таможенный,—можетъ быть, надѣясь, что благодаря такому обилію парламентовъ и почти непрерывающейся сессіи то въ одномъ, то въ другомъ, то въ третьемъ, парламентаризмъ, который такъ хорошо понимали пруссаки до 66 года, пріѣстся и опротивитъ имъ. Едвали этотъ замѣчательный государственный человѣкъ не достигъ своей цѣли. Своимъ депутатамъ онъ не даетъ никакой пощады. Многіе изъ засѣдающихъ въ прусскомъ парламентѣ, засѣдаютъ также и въ парламентѣ Сѣверо-Германскаго Союза, а также и въ таможенномъ. Бисмаркъ не даетъ имъ ни одного дня, ни одной минуты отдыха, сегодня закрывается одинъ, завтра открывается другой и т. д.

Ничто не можетъ быть характеристичнѣе словъ, сказанныхъ графомъ Бисмаркомъ депутату Твестену, когда этотъ спросилъ, зачѣмъ правительство спѣшитъ созывать одинъ парламентъ за другимъ и не даетъ

депутатамъ хотя нѣсколько дней отдыха? «Вы слишкомъ любопытны», отвѣчалъ ему графъ Бисмаркъ съ легкою усмѣшкою, за которою послѣдовалъ громкій хохотъ большинства палаты. Когда министръ позволяетъ себѣ такъ безцеремонно обращаться съ однимъ изъ народныхъ представителей, тогда разумѣется нечего ожидать, чтобы то или другое парламентское засѣданіе представляло собою большой интересъ. Одинъ парламентъ смѣняется другимъ, одна сессія будетъ слѣдовать за другою, правительство болѣе для формы будетъ представлять на обсужденіе парламента свой бюджетъ, принимаемыя имъ мѣры, различные проекты—впередъ можно быть увѣреннымъ, что всякое слово будетъ закономъ, но жизни въ этихъ собраніяхъ ожидать нечего. На дняхъ произошло закрытіе прусскаго парламента и открытіе федеральнаго; тому и другому предшествовали королевскія рѣчи, но ни объ этихъ рѣчахъ, ни о засѣданіяхъ, ни о цѣлой сессіи прусскаго парламента совершенно нечего говорить, все въ нихъ такъ безцвѣтно, такъ безжизненно.

Если впрочемъ правительство и его министры обращаются съ народными представителями такъ, а не иначе, то въ этомъ обращеніи, образчикъ котораго мы представили въ отвѣтѣ графа Бисмарка, нужно гораздо болѣе винить самихъ народныхъ представителей и большинство собраній, чѣмъ правительство и его министровъ. Вездѣ почти большинство является деспотическимъ, заносчивымъ, рѣзкимъ, не умѣющимъ относиться разумно къ представленіямъ, которыя дѣлаются меньшинствомъ; вотъ почему особенно пріятно видѣть, что въ Испаніи, на которую сыпались и продолжаютъ сыпаться такъ много грустныхъ предсказаній, большинство въ кортесахъ высказываетъ несравненно бóльшую терпимость и уваженіе къ меньшинству, чѣмъ въ тѣхъ странахъ, откуда шли дурныя пророчества. Одно изъ самыхъ главныхъ предложеній республиканскаго меньшинства было принято во вниманіе монархическимъ большинствомъ кортесовъ, и если это предложеніе не было осуществлено немедленно, то тѣмъ не менѣе было рѣшено дать силу закона предложенію меньшинства, начиная съ будущаго года. Мы говоримъ о требованіи уничтожить конскрипцію, и о замѣнѣ обязательно служащаго войска волонтерами. Нигдѣ эта мѣра не была бы такъ важна и такъ необходима, какъ въ Испаніи, видѣвшей и вынесшей столько военныхъ переворотовъ и такъ много пострадавшей отъ преобладанія военнаго элемента. Мѣрѣ этой должны были бы послѣдовать всѣ государства, которыя желаютъ избавиться отъ милитаризма, надъ нею хорошенько должна была бы подумать Пруссія и тѣ страны, для которыхъ прусскій духъ имѣетъ такую обаятельную силу. Замѣна обязательно служащаго войска волонтерами составляетъ первый и очень большой шагъ къ осуществленію самаго сильнаго изъ всѣхъ стремленій развитыхъ классовъ современнаго общества—къ уничтоженію постоян-

ныхъ армій. Только тогда, когда это стремленіе превратится въ дѣйствительность, западныя государства освободятся, наконецъ, отъ того элемента, который всегда служилъ и продолжаетъ служить крѣпкимъ орудіемъ деспотизма. Въ этомъ году такимъ образомъ въ Испаніи будетъ сдѣланъ послѣдній рекрутскій наборъ въ 25,000 человѣкъ. Помимо этой важной и вполнѣ разумной мѣры, засѣданія кортесовъ ничѣмъ особенно не были ознаменованы, если не считать замѣчательнымъ то засѣданіе, въ которое довольно ярко обрисовалась политика министерства по отношеніи избранія въ короли герцога Монпансье. Хотя никто не произнесъ этого имени, какъ кандидата на испанскій престолъ, тѣмъ не менѣе пренія, которыя возникли по поводу этого принца, и слова произнесенныя какъ маршаломъ Примомъ, такъ и адмираломъ Тонете, ясно обозначали, къ кому лежитъ сердце главныхъ членовъ министерства. Можно смѣло сказать, что это засѣданіе было свидѣтелемъ первой перестрѣлки въ кортесахъ между приверженцами республики и партизанами монархіи, составляющими значительное большинство, которому и будетъ принадлежать окончательная побѣда. Если маршалъ Серрано и остановилъ возникшій споръ о герцогѣ Монпансье, объявивъ преждевременными пренія о томъ, чтó должно восторжествовать въ Испаніи—монархія или республика, то онъ сдѣлалъ это единственно ради сохраненія формы, потому что всѣ, даже республиканцы, безъ сомнѣнія, хорошо сознаютъ, какой исходъ получитъ Сентябрьская революція. Если многіе въ Испаніи убѣждены въ томъ, что Орлеанскій принцъ вступитъ на несчастный престолъ Карла V и Филиппа II, то далеко не всѣ увѣрены, что новая династія составитъ счастье Испаніи. Время покажетъ, какая изъ двухъ партій была права, республиканская или монархическая, чтó выгоднѣе для Испаніи—монархія или республика; во всякомъ случаѣ, со вступленіемъ на престолъ Антонія I или кого-нибудь другого, нельзя еще будетъ поручиться, что періодъ испытаній навсегда окончился для Испаніи. Замѣна одной династіи другою не есть еще гарантія, что свобода упрочится въ этой странѣ; и если кортесы не выработаютъ такой гранитной конституціи, о которую разбивалась бы всякая попытка къ нарушенію народныхъ правъ, тогда, кто знаетъ, не увидимъ ли мы болѣе или менѣе въ близкомъ будущемъ снова той печальной картины, которую представляла собою Испанія въ мрачную эпоху Бурбоновъ. Правда, ходъ всей революціи до настоящей минуты, энергія, а вмѣстѣ умѣренность партій, не стѣснявшихъ свободы дѣйствія другъ друга, уважавшихъ представителя мнѣній, терпимость, обнаруженная почти всѣми, подсказываетъ намъ будто, что Испанія достаточно созрѣла, чтобы не допустить къ себѣ возвращенія дикаго деспотизма, господствовавшаго цѣлые вѣка; но твердая увѣренность въ томъ, что нація не предастъ себя

ни въ чье иго, можетъ быть только тамъ, гдѣ свобода вошла въ нравы, въ кровь и плоть народа.

Чтобы найти такую утѣшительную картину, мы должны оставить Испанію, оставить даже весь европейскій континентъ и отправиться искать ее среди той англо-саксонской расы, которая широко раскинулась по Старому и по Новому Свѣту. Англія и Соединенные-Штаты— вотъ двѣ страны, обладающія крѣпкимъ и здоровымъ политическимъ организмомъ, которымъ могутъ только завидовать всѣ остальныя. Америка сразу, однимъ геройскимъ усиліемъ, достигла и выработала себѣ ту форму правленія, къ которой Англія идетъ твердымъ, но осторожнымъ путемъ. Болѣе тяжелаго испытанія для политическаго устройства Америки невозможно было придумать, какъ тѣ событія, которыя наполнили собою послѣднія восемь лѣтъ, составившія безсмертную эпоху американской исторіи. Можно смѣло сказать, что только теперь, только 4-го марта 1869 года окончился для американскаго народа этотъ тяжелый періодъ испытанія. Въ этотъ навсегда памятный день окончилось жалкое правленіе Джонсона, и генералъ Грантъ сдѣлался президентомъ Соединенныхъ-Штатовъ. Не столько можно радоваться вступленію въ должность президента генерала Гранта, который, выказавъ талантъ полководца, ничѣмъ однако не доказалъ еще своихъ способностей какъ государственный человѣкъ, сколько окончанію президентства Джонсона, оставившаго по себѣ такую сомнительную память. Впрочемъ, если даже генералъ Грантъ и лишенъ замѣчательныхъ способностей государственнаго человѣка, то американская республика отъ этого мало что потеряетъ. Она поставлена въ такія условія, что вовсе не нуждается въ геніальности президента или кого-нибудь другого, все, что требуется отъ него—это честность, благоразуміе, здравый смыслъ и уваженіе къ закону. Если генералъ Грантъ обладаетъ только этими одними качествами, чему онъ далъ уже доказательство на военномъ поприщѣ, то можно впередъ предсказать, что періодъ его президентства дастъ Америкѣ самые благодѣтельные результаты. Давно уже Соединенные-Штаты не пользовались внутреннимъ миромъ, водвориться которому поможетъ—они въ этомъ увѣрены— генералъ Грантъ; и давно вмѣстѣ съ тѣмъ на президентское кресло не садился человѣкъ съ такою всесвѣтною славою, составленною Грантомъ во время кровавой гражданской войны.

Восемь лѣтъ тому назадъ во дворецъ президента, носящій скромное имя White house, вступалъ человѣкъ мало извѣстный, сопровождавшійся туда едва сдержаннымъ ропотомъ значительной части націи. Вскорѣ по его вступленіи, открылась страшная гражданская война, длившаяся четыре длинныхъ ужасныхъ года, полныхъ разоренія, опустошенія, цѣлаго моря крови и цѣлыхъ горъ человѣческихъ труповъ. Четыре года отчаянія, четыре года печали и всеобщаго траура. Мино-

валась эта грозная эпоха и въ «Бѣлый домъ» снова вступаетъ тотъ же неизвѣстный человѣкъ, имя котораго четыре года назадъ напутствовалось ропотомъ и глухимъ негодованіемъ. Теперь этотъ темный человѣкъ извѣстенъ цѣлому міру, имя его окружено всесвѣтнымъ почетомъ и уваженіемъ; на него смотритъ теперь его родина какъ на второго основателя республики—новый Вашингтонъ зовется Авраамомъ Линкольномъ. Но не прошло и нѣсколькихъ недѣль, что на Линкольна во второй разъ возложили званіе президента, какъ среди ярко освѣщенной театральной залы онъ падаетъ отъ руки убійцы. Впрочемъ, трагическая смерть, пролитая кровь этого «честнаго» человѣка закрѣпила только и утвердила то, чему онъ посвятилъ послѣдніе годы своей жизни. Рабство было уничтожено, южные штаты не были отторгнуты отъ сѣверныхъ! Но если достигнута была главная цѣль, то впереди еще оставалось трудное дѣло умиротворенія, возстановленія и упроченія союза съ южными штатами, которые были побѣждены, но долго еще не должны были быть соединены съ сѣверными прежнею дружескою цѣпью; союзу былъ нанесенъ чуть не смертельный ударъ, а для того, чтобы уврачевать его необходима была твердая, но вполнѣ искусная и любящая рука Линкольна. Смерть вырвала у него это дѣло и бросила въ руки человѣка, сдѣлавшагося его случайнымъ преемникомъ.

Менѣе чѣмъ кто-нибудь, Андрей Джонсонъ способенъ былъ продолжать дѣло Линкольна. Вмѣсто того, чтобы строго, неотступно слѣдовать политикѣ своего предшественника, во всемъ ставя его себѣ примѣромъ, этотъ нечаянный президентъ воспользовался смертью Линкольна, чтобы начать новую политику, проводить другія начала и поступать въ противность тому, что онъ долженъ былъ дѣлать. Неприготовленному и мало способному для такого званія, какъ званіе президента, Джонсону захотѣлось играть роль, онъ сталъ претендовать на какую-то безграничную власть, и прикинулся вообще человѣкомъ, ниспосланнымъ тоже, должно быть, провидѣніемъ, предназначеннымъ поставить Америку на новую дорогу. Дорога, на которую онъ хотѣлъ бросить Соединенные-Штаты, была бы для нихъ дорогою паденія и общаго разоренія. Дѣло въ томъ, что Джонсону хотѣлось доставить торжество своимъ симпатіямъ; симпатіи же эти были на сторонѣ южныхъ штатовъ, а слѣдовательно и на сторонѣ рабства и расторженія союза. Но въ Америкѣ не такъ легко играть роль человѣка, брошеннаго на землю самимъ небомъ для спасенія людей — старая Европа продолжаетъ до сихъ поръ еще служить ареною для подобнаго рода героевъ, и Джонсону только хотѣлось попробовать, не поддастся ли этому и американская почва. Къ счастью, Америкѣ не нужно предназначенныхъ небомъ спасителей націи, крѣпкая конституція замѣняетъ ихъ съ выгодою для народа. Джонсонъ, вѣроятно надѣясь, что конституція разслаблена гражданскою войной, захотѣлъ выйти изъ

области простого исполнителя закона, но на первомъ же шагѣ получилъ жестокій отпоръ. Законъ стоялъ непоколебимо на своемъ мѣстѣ, подъ самою бдительною стражею всего народа и его представителя — конгресса. Чтобы покачнуть этотъ законъ, случайному президенту нужно было покачнуть конгрессъ, но на это не хватило силы у честолюбиваго Джонсона. Началась лютая вражда между президентомъ и конгрессомъ, которая весною прошлаго года привела къ тому, что президентъ Соединенныхъ-Штатовъ былъ отданъ подъ судъ. Хотя большинство и признало его виноватымъ, но такъ какъ для осужденія требовалось двѣ трети голосовъ, то Джонсонъ избѣгъ позора быть изгнаннымъ изъ «Бѣлаго дома», благодаря тому, что одинъ или два голоса изъ враждебной ему республиканской партіи вотировали за оправданіе. Безъ сомнѣнія, для всякаго другого такое оправданіе было бы хуже обвиненія, но онъ предпочелъ вынести на себѣ чуть не всеобщее презрѣніе, лишь бы не упустить изъ своихъ рукъ власти, столь пагубной для его репутаціи честнаго человѣка. Цѣлый годъ почти онъ оставался еще президентомъ въ то время, когда каждый лишній день его власти былъ вреденъ для союза, онъ поддерживалъ раздраженіе между сѣверными и южными штатами, и разумѣется, еслибы это было только въ его власти, онъ снова поднялъ бы югъ на сѣверъ, снова развилъ бы знамя и снова зажегъ бы гражданскую войну. Весь вредъ, который онъ могъ нанести республикѣ, онъ нанесъ. Онъ допустилъ, чтобы къ администраціи привился гной продажности и корыстолюбія, и такимъ образомъ сдѣлалъ задачу своего преемника несравненно труднѣе. Какъ Линкольнъ, сходя въ могилу, оставилъ Соединенные-Штаты хотя разслабленными четырехлѣтнею войною, но окруженными всеобщимъ уваженіемъ и какимъ-то благоговѣніемъ къ исполинской силѣ молодой республики, такъ Джонсонъ сдѣлалъ все, чтобы ослабить довѣріе къ могуществу страны. Самолюбивая и пагубная политика Джонсона, благодаря стойкости американскихъ учрежденій, не только не увѣнчалась никакимъ успѣхомъ, но не доставила президенту ни любви, ни уваженія, ни преданности даже той партіи сепаратистовъ-рабовладѣльцевъ, которой онъ служилъ съ такою преданностью и рвеніемъ. Онъ съ горечью долженъ былъ убѣдиться въ томъ, когда наступило время избранія новаго президента. Джонсонъ былъ покинутъ своими, и никому не пришло въ голову выставить его имя какъ кандидата на новое четырехлѣтіе. Навлеченный имъ на себя позоръ былъ какъ нельзя болѣе заслуженъ имъ. 4-го ноября, сдѣлалось извѣстнымъ избраніе въ президенты генерала Гранта, и съ этихъ поръ началась, такъ сказать, послѣдняя агонія Джонсона. Даже въ это время онъ пользовался всякимъ случаемъ, чтобы продолжать упорную, но безплодную войну съ конгрессомъ. Наконецъ, 4 марта окончился этотъ несчастный четырехлѣтній періодъ президентства

Джонсона, и лучшее, на чтó можетъ надѣяться человѣкъ, передъ которымъ лежала такая славная задача—быть продолжателемъ Линкольна и горячимъ поборникомъ возстановленія союза, но который употребилъ только во зло возложенное на него фатальнымъ случаемъ званіе,—это быть совершенно забытымъ и затертымъ исторіею, потеряннымъ между благоговѣніемъ, которое окружаетъ память его предшественника и уваженіемъ, пріобрѣтеннымъ его преемникомъ. Полное забвеніе — вотъ большая милость, которая можетъ выпасть на долю Джонсона. Если таковъ надъ нимъ судъ современниковъ, который, разумѣется, перейдетъ и въ потомство, то не таковъ судъ, который творитъ надъ собою самъ Джонсонъ. Его вѣра въ самого себя непоколебима, онъ правъ и всѣ остальные виноваты — вотъ чтó прямо вытекаетъ изъ послѣдняго прощальнаго слова, съ которымъ онъ обратился къ американскому народу. Онъ обращается къ главнымъ событіямъ, совершившимся въ теченіи четырехъ лѣтъ его президентства, и вездѣ ищетъ только одного обвиненія конгресса. Въ этой непогрѣшимости, которою онъ окружаетъ себя, видна какая-то злоба, упрямство и оскорбленное самолюбіе, прикрываемое безграничною любовію къ своей родинѣ и къ конституціи, которую онъ не разъ пытался нарушить: «Разсматривая съ спокойствіемъ — говоритъ Джонсонъ въ этомъ любопытномъ документѣ — всѣ дѣйствія моего управленія и проникаясь отвѣтственностью передъ Богомъ, я чувствую, что я добросовѣстно исполнилъ мою обязанность. Мнѣ не о чемъ сожалѣть. События доказали мудрость политики, которая выставлена была, какъ въ первомъ посланіи, такъ и въ послѣдующихъ». Да, въ самомъ дѣлѣ большая мудрость, которая, еслибы была предоставлена самой себѣ, то не замедлила бы привести республику на край погибели. Прощальное слово Джонсона занимаетъ нѣсколько столбцовъ газеты, въ немъ онъ явился тѣмъ же, чѣмъ во все время своей дѣятельности: страсть къ безконечнымъ рѣчамъ и страсть къ выказыванію себя составляли всегда его отличительныя качества. Полную противоположность въ этомъ отношеніи представляетъ новый президентъ, генералъ Грантъ, къ которому какъ нельзя болѣе идетъ эпитетъ: молчаливый. Только теперь на президентское кресло садится желаемый и дѣйствительно избранный народною волею преемникъ Линкольна. Ни о комъ нельзя сказать съ такою полною правдивостью, что онъ не искалъ почета, не искалъ популярности и не искалъ предложеннаго ему званія, какъ объ Улиссѣ Грантѣ. Скрывшись или почти скрывшись съ политической сцены послѣ окончанія гражданской войны, оставаясь, правда, главнокомандующимъ арміею, но не играя и не желая играть никакой роли лѣтомъ прошлаго года, Грантъ, или вѣрнѣе его имя, снова наполняетъ собою всѣ умы, всѣ разговоры, всю прессу. Онъ былъ избранъ республиканскою партіею въ кандидаты на должность президента, вы-

боры котораго должны были быть произведены въ ноябрѣ 68 года. Положеніе его было совершенно привилегированное; пользуясь огромною популярностью, оказывая республикѣ неоцѣненныя услуги на военномъ поприщѣ, и имѣя все право на уваженіе, благодарность и извѣстную роль въ странѣ, онъ отошелъ въ тѣнь и держался болѣе или менѣе въ сторонѣ отъ всѣхъ партій и отъ ихъ борьбы между собою. Его имя было настолько нейтрально, что партія, которая носитъ не совсѣмъ соотвѣтствующее ей названіе демократической, одно время имѣла намѣреніе выставить Гранта, какъ своего кандидата. Болѣе чѣмъ вѣроятно, что Грантъ не пошелъ бы на подобное предложеніе, но оно показываетъ только, что если республиканская партія выбрала его своимъ кандидатомъ, то и противная ей партія смотритъ на его избраніе безъ всякаго неудовольствія. Подобное положеніе является совершенно исключительнымъ въ Соединенныхъ-Штатахъ. Избираемый при такихъ условіяхъ Грантъ могъ быть увѣренъ въ полной побѣдѣ, и всеобщія ожиданія оправдались какъ нельзя болѣе. Изъ тридцати семи штатовъ, составляющихъ союзъ, только тридцать четыре принимали участіе въ избраніи президента и вице-президента; три же остальные штата, не подчинившись до сихъ поръ законамъ перестройки союза, лишены въ немъ права голоса. Изъ тридцати же четырехъ вотировавшихъ штатовъ двадцать пять произнеслись за президента Гранта и вице-президента Кольфакса, остальные же девять штатовъ были въ пользу демократическихъ кандидатовъ Гораціо Симура и Блера. 4 ноября прекратилась борьба двухъ споривших партій, и всѣ глаза устремились на счастливаго побѣдителя Ричмонда. Съ 4 ноября прошло цѣлые четыре мѣсяца, и во все это время Грантъ ни на минуту не измѣнилъ своему характеру; онъ тщательно укрывался отъ взоровъ всего общества, и до 4 марта, т. е. до дня вступленія въ «Бѣлый домъ», жилъ въ самомъ полномъ уединеніи.

Жизнь новаго президента, біографія его, не представляетъ собою ничего необыкновеннаго. Онъ родился 27 апрѣля 1822 года и въ дѣтствѣ совершенно не выказывалъ тѣхъ способностей, которыя впослѣдствіи доставили ему такую большую военную славу. Разсказываютъ, что мать его, вмѣсто того, чтобы звать его Ulysses, называла его обыкновенно Useless, что значитъ безполезный. Достигнувъ семнадцатилѣтняго возраста, онъ поступилъ въ одну изъ военныхъ американскихъ школъ, откуда вышелъ въ 1843 году, но не бросилъ военной карьеры, а поступилъ на службу и въ 1846 году участвовалъ въ мексиканской войнѣ, гдѣ и получилъ чинъ капитана. Въ 1854 году, онъ вышелъ въ отставку и сталъ управлять кожевеннымъ заводомъ, принадлежавшимъ его отцу, потомъ бросилъ это дѣло и занялся земледѣліемъ, сдѣлавшись фермеромъ въ окрестностяхъ Saint-Louis, гдѣ и застало его начало гражданской войны. На военномъ поприщѣ онъ

не былъ, слѣдовательно, новичкомъ, онъ былъ хорошо подготовленъ къ нему, что, впрочемъ, скоро и доказалъ на дѣлѣ самымъ блистательнымъ образомъ. Войдя сначала въ ряды волонтеровъ и отличившись нѣсколькими удачными столкновеніями, онъ былъ назначенъ въ 1861 г. адъютантомъ къ главнокомандующему войсками, но не долго оставался на этомъ мѣстѣ; произведенный въ полковники арміи, онъ принялъ начальство надъ значительнымъ корпусомъ волонтеровъ, и тутъ, благодаря нѣсколькимъ счастливымъ операціямъ, успѣлъ пріобрѣсти себѣ славу скромнаго, рѣшительнаго и увѣреннаго въ себѣ полководца. Переходя быстро съ одного поста на другой и постоянно возвышаясь, онъ выказалъ при осадѣ Виксбурга, одного изъ самыхъ сильныхъ мѣстъ сепаратистовъ, способности выходящаго изъ ряда генерала. Вскорѣ ему было поручено главное начальство надъ всѣми западными арміями, а черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, въ началѣ 1864 г., онъ былъ назначенъ Линкольномъ главнокомандующимъ всѣхъ войскъ союза. Онъ началъ гигантскія операціи въ Виргиніи, направивъ всѣ свои усилія противъ главнаго пункта, центра и сердца южной арміи— Ричмонда, и тутъ лицомъ къ лицу сталъ противъ смѣлаго и чрезвычайно-талантливаго генерала Ли—главнокомандующаго южныхъ войскъ. Послѣ лютой и упорной борьбы, въ которой оба главнокомандующіе выказали бездну таланта, энергіи, отваги, югъ началъ слабѣть. Въ осадѣ же Питерсбура, въ осадѣ Ричмонда, Грантъ не зналъ усталости, и доказалъ всю свою непреодолимую стойкость и рѣшительность. Онъ преслѣдовалъ, тѣснилъ Ли все больше и больше, не давая ему ни одного дня, ни одного часа отдыха или перемирія. Нельзя не привести тутъ одной черты, которая хорошо обрисовываетъ характеръ новаго президента: когда Ли попросилъ нѣсколько часовъ перемирія, чтобы прибрать убитыхъ, Грантъ отвѣчалъ ему, что у него нѣтъ времени хоронить тѣла, которыя легли на полѣ брани. Послѣ нѣсколькихъ неудачныхъ аттакъ Ричмонда, послѣ долгаго времени Грантъ овладѣлъ Ричмондомъ и тѣмъ порѣшилъ поединокъ между сѣверомъ и югомъ. Южные штаты были побѣждены, и союзъ такимъ образомъ былъ возстановленъ, благодаря побѣдамъ молодого генерала. 3-го апрѣля 1865 года окончилась одна изъ самыхъ ужасныхъ гражданскихъ войнъ, когда либо вписанныхъ въ военныя лѣтописи, но сѣверъ не ликовалъ своей побѣды, она досталась ему дорогою цѣною, и при томъ всякій зналъ, что побѣждены были родные братья, а при такой побѣдѣ чувство вражды быстро смѣняется чувствомъ сожалѣнія. Не прошло и нѣсколькихъ дней, что генералъ Ли сложилъ оружіе, какъ въ Вашингтонѣ разыгралась кровавая драма—Авраамъ Линкольнъ 14-го апрѣля палъ отъ руки убійцы. Въ это время генералъ Грантъ стоялъ во главѣ милліонной арміи, пользуясь громадною популярностью, громадною силою и властью. Пожелай онъ, послѣдовать примѣру европейскихъ побѣдоносныхъ генера-

ловъ, ему не было бы ничего легче, какъ бросить разслабленную гражданскою войною республику въ новую и можетъ быть болѣе страшную опасность; но въ этой пропитанной свободою странѣ уваженіе къ закону такъ велико, и вмѣстѣ честность генерала Гранта была такъ прочна, что ему ни на минуту не пришла въ голову мысль воспользоваться, благодаря своей арміи, тяжелыми обстоятельствами, въ которыя повергнута была республика смертію Линкольна. Напротивъ, въ эти трудныя минуты Грантъ подалъ всѣмъ гражданамъ примѣръ уваженія и подчиненія новому правительству. Какъ не сказать здѣсь объ одной характеристической чертѣ, выказывающей съ одной стороны силу американской конституціи, а съ другой, выставляющей Гранта какъ нельзя болѣе съ хорошей стороны. Не успѣлъ еще разсѣяться пороховой дымъ послѣдняго сраженія, какъ Грантъ, главнокомандующій всѣми войсками, употребляетъ самъ всѣ свои усилія, чтобы распустить эту милліонную армію, составлявшую его силу; лишь только дѣло это было окончено, какъ генералъ Грантъ сходитъ на задній планъ и занимаетъ самое скромное мѣсто, какъ будто бы къ ногамъ его никогда не падали тысячи лавровыхъ вѣнковъ и какъ будто бы никогда онъ не былъ любимымъ народнымъ героемъ. Какъ до своего тріумфа, такъ и послѣ онъ ни разу не отклонялся отъ самаго строгаго исполненія закона, сохраняя при этомъ самую полную личную независимость. Разумѣется, подобное поведеніе должно было возвысить его въ глазахъ народа и пріобрѣсти ему всеобщее уваженіе. Выборы 4-го ноября были краснорѣчивымъ доказательствомъ того, какъ относятся американцы къ своему честному генералу. Вступленіе въ «Бѣлый домъ», было вознагражденіемъ и вмѣстѣ какъ бы благодарностію республики за славное и вполнѣ гражданское поведеніе Гранта во время кровопролитной войны. 4-го марта 1869 г. какъ бы заканчивается смутное время Соединенныхъ-Штатовъ и открывается новая эпоха для молодой еще республики.

Если справедливо, что только конецъ вѣнчаетъ дѣло, то важно также, чтобы и начало было счастливо, чтобы на первомъ шагѣ человѣкъ не оступился, а сталъ твердо на ноги. Такое начало сдѣлалъ именно генералъ Грантъ, и если на основаніи перваго впечатлѣнія можно судить о будущемъ, то смѣло можно предсказать, что на поприщѣ государственной дѣятельности онъ поддержитъ ту репутацію, которую пріобрѣлъ на полѣ сраженія. Вступленіе его въ должность произошло безъ особеннаго торжества, и онъ сдѣлалъ все, что было въ его власти, чтобы отстранить помпу и блескъ. Онъ не желалъ ни баловъ, ни банкетовъ, и до самой минуты, когда онъ долженъ былъ приносить присягу въ качествѣ президента, онъ держалъ себя такъ какъ будто бы онъ никогда не долженъ былъ занять самаго важнаго поста въ республикѣ. Никакихъ рѣчей, никакихъ заяв-

леній, и только одинъ разъ онъ произнесъ нѣсколько словъ передъ тѣми, которые явились къ нему отъ имени конгреса, чтобы извѣстить его оффиціально объ избраніи его въ президенты. Смыслъ этихъ нѣсколькихъ лаконическихъ словъ былъ тотъ, что онъ не желаетъ заранѣе объявлять, какія лица займутъ мѣста въ его кабинетѣ.

Въ день вступленія его въ должность президента онъ выпустилъ прокламацію къ народу, которая можетъ служить если не программой его будущей дѣятельности, то, что̀ гораздо важнѣе, какъ profession de foi новаго президента, въ которомъ онъ ярко и вмѣстѣ сжато высказываетъ, ка̀къ понимаетъ онъ свою обязанность и ка̀къ онъ намѣренъ её исполнять. Нельзя достаточно сосредоточиться на этомъ драгоцѣнномъ документѣ, свидѣтельствующемъ, съ одной стороны, о могучемъ здравомъ смыслѣ новаго президента и о честности его убѣжденій, и съ другой, о величіи политическаго устройства Америки. Въ этой прокламаціи нельзя не признать удивительнаго достоинства и простоты, и тѣмъ болѣе поражаешься ея силою, чѣмъ живѣе припоминаешь себѣ неискреннія, безцвѣтныя рѣчи и всевозможные манифесты Наполеоновъ. «Я понимаю, говоритъ онъ въ этой прокламаціи, всю отвѣтственность своего по̀ста, но я принимаю ее безъ боязни. По̀ста, порученнаго мнѣ, прибавляетъ онъ съ гордостью, я не просилъ». Не желая претендовать на власть, которая ему не принадлежитъ по закону, онъ будетъ пользоваться тою, которая ему принадлежитъ. Онъ не отказывается отъ своего права veto, каждый разъ, что онъ несогласенъ съ чѣмъ-нибудь, но всѣ законы, обѣщаетъ онъ, будутъ строго исполняться, получили ли они его одобреніе или нѣтъ. У него будетъ своя политика, которую онъ всегда будетъ указывать націи, но ея волѣ она никогда не будетъ противорѣчить. Въ его прокламаціи, какъ нельзя болѣе лаконической, обличающей человѣка не любящаго лишнихъ фразъ, говорящаго только то, что̀ вошло въ его убѣжденіе, не привыкшаго къ ораторскимъ эффектамъ, есть двѣ мысли, облеченныя въ такую твердую форму, какъ будто бы они были вылиты изъ свинца: «Законы—говоритъ онъ—должны властвовать надъ всѣми; имъ должны подчиняться какъ тѣ, которые ихъ одобрили, такъ и тѣ, которые имъ враждебны. Я не знаю болѣе дѣйствительнаго способа обезпечить отмѣну вредныхъ законовъ, какъ ихъ строгое исполненіе». Разумѣется, мысли эти имѣютъ особенное значеніе только въ такой странѣ, гдѣ законы создаются не по произволу отдѣльнаго лица, а представителями народа, въ виду «наибо̀льшаго блага наибо̀льшаго числа», которое, по словамъ Гранта, должно быть цѣлію всѣхъ стремленій. Въ этомъ заключаются такъ сказать общія положенія, высказанныя новымъ президентомъ, относительно обязанностей человѣка поставленнаго во главѣ правительства. Переходя за тѣмъ къ главнымъ вопросамъ, интересующимъ народъ Соединенныхъ-Штатовъ, онъ

на все отвѣчаетъ прямо и рѣшительно. Вопросъ, болѣе всѣхъ волновавшій враждебныя партіи, касался способа уплаты долга, заключеннаго во время гражданской войны. Демократическая партія тянула на сторону уплаты бумагами, республиканская золотомъ. «Для сохраненія національной чести, высказывается Грантъ, каждый долларъ правительственнаго долга долженъ быть уплаченъ золотомъ, если только въ условіяхъ займа не было выражено иначе». Подобное заявленіе, сдѣланное новымъ президентомъ, имѣетъ только то значеніе, что оно еще болѣе укрѣпляетъ довѣріе къ Соединеннымъ-Штатамъ, и показываетъ, какъ будетъ смотрѣть генералъ Грантъ на всѣ подобныя дѣла. Безусловная законность и справедливость — вотъ кажется девизъ, который онъ избираетъ себѣ. Другой вопросъ, поглощающій все вниманіе Соединенныхъ-Штатовъ, и производящій сильное волненіе— это рѣшеніе, до какой степени должно быть распространено право голоса на тѣхъ, которые такъ недавно были лишены чуть не всѣхъ человѣческихъ правъ. Президентъ Грантъ и тутъ высказывается въ самомъ либеральнымъ духѣ, и становится на сторону радикальной республиканской партіи, внесшей предложеніе, чтобы право голоса было предоставлено всякому американцу безъ различія расы и цвѣта кожи. Когда предложеніе это вошло въ сенатъ, тогда онъ большинствомъ сорока голосовъ противъ шестнадцати принялъ еще болѣе важное предложеніе, въ которомъ говорится, что никакой американскій гражданинъ не можетъ быть лишенъ права голоса или права занимать общественную должность на основаніи его расы, цвѣта, мѣста рожденія, состоянія, воспитанія или вѣрованій. Высказываясь въ главныхъ вопросахъ такъ, какъ сдѣлалъ то Грантъ, онъ удостовѣрилъ тѣмъ, что новый президентъ Штатовъ стоитъ на вышинѣ своего важнаго поста, что онъ не явится тормозомъ въ политическомъ развитіи Америки. Вотъ и всѣ внутренніе вопросы, по поводу которыхъ новый президентъ считалъ своимъ долгомъ высказаться съ самаго перваго дня своего вступленія въ должность. Обращаясь къ внѣшней политикѣ, Грантъ былъ также твердъ; онъ говорилъ и тутъ съ одинаковымъ достоинствомъ и прямотою: «Я всегда буду уважать права всѣхъ націй и буду требовать, чтобы наши права были одинаково уважаемы. Если бы какая-нибудь страна позабыла свои обязанности въ сношеніяхъ съ нами, мы принудимъ ее уважать ихъ». Тутъ нѣтъ никакихъ намековъ, никакихъ угрозъ, которыя многіе желали видѣть, но тутъ нѣтъ и никакихъ задатковъ для особенной податливости или мягкости. Президентъ Грантъ безъ сомнѣнія желаетъ мира своей странѣ, но для него вмѣстѣ съ тѣмъ онъ не хочетъ жертвовать достоинствомъ своей родины. Итакъ, въ его прокламаціи заключается вся будущая программа. Сохраненіе свободы въ самомъ широкомъ ея смыслѣ внутри страны и сохраненіе мира извнѣ—вотъ двѣ задачи, которыми задается новый

президентъ. Честность и здравый смыслъ — вотъ все, чего желаютъ Соединенные-Штаты отъ своего президента, и они имѣютъ достаточное основаніе вѣрить, что ни въ томъ, ни въ другомъ не окажется недостатка у новаго президента, Улисса Гранта.

Единственная страна, которая могла бы встревожиться отъ словъ Гранта, касающихся внѣшней политики, и увидѣть въ нихъ нѣчто роковое, это Англія, которая не совсѣмъ еще покончила счеты съ Америкой за свое двусмысленное поведеніе во время гражданской войны, и въ нерѣшенномъ еще вопросѣ о вооруженномъ корсарѣ Alabama не можетъ не видѣть постоянной грозы надъ своей головой. Но прокламація генерала явилась въ Англіи въ такую минуту, когда все ея вниманіе поглощено разрѣшеніемъ великаго внутренняго вопроса — уничтоженіемъ государственной церкви въ Ирландіи. Нѣтъ еще года, какъ Гладстонъ, тогда еще глава оппозиціи, внесъ въ парламентъ свои знаменитыя предложенія относительно Ирландіи. Въ принципѣ вопросъ этотъ былъ рѣшенъ еще въ началѣ апрѣля 1868 года, когда большинство, 331 противъ 270, стало на сторону Гладстона. Министерство осталось въ меньшинствѣ, но оно вмѣсто того, чтобы немедленно сложить оружіе и подать въ отставку, предпочло держаться меньшинствомъ до декабря, когда старый парламентъ былъ распущенъ. Вопросъ объ Ирландіи былъ предоставленъ рѣшенію новаго парламента; народная воля должна была рѣшить что̀ будетъ съ Ирландіею. Предложенія Гладстона были закрѣплены новыми выборами, давшими ему въ палатѣ значительное большинство. Результатъ былъ тотъ, что Гладстонъ сдѣлался первымъ министромъ. Съ этого времени вся Великобританія съ нетерпѣніемъ ожидала минуты, когда Гладстонъ внесетъ свой проектъ на обсужденіе парламента. 1-го марта, болѣе нежели въ трехъ-часовой рѣчи, Гладстонъ съ удивительною ясностью, простотою, изложилъ свой планъ, осуществленіе котораго должно значительно примирить Ирландію съ ея давнишнимъ врагомъ. Принятіе билля Гладстона имѣетъ еще и другое болѣе общее значеніе, чѣмъ умиротвореніе Ирландіи. Онъ дѣлаетъ первый рѣшительный шагъ къ уничтоженію слiянія церкви съ государствомъ, сліянія, которое до сихъ поръ ничего не причинило Европѣ, кромѣ бѣдствій и вѣчныхъ раздоровъ. Мы указываемъ на универсальное значеніе этого вопроса, значеніе, скрывающееся за частными интересами страны, потому что совершенно убѣждены, что билль Гладстона имѣетъ значеніе не только для Великобританіи, но и для всей Европы, которая должна въ немъ увидѣть ударъ, наносимый не одному какому-нибудь частному случаю, но несправедливому принципу, смущавшему не разъ внутреннее спокойствіе государствъ.

КОРРЕСПОНДЕНЦІЯ ИЗЪ БЕРЛИНА.

22-го марта 1869.

Когда иные нетерпѣливые люди выражаютъ свое недовольство на слишкомъ медленное теченіе прогресса въ области политической и общественной жизни, то всегда находятся другіе, «благоразумные» люди, которые, подобно Панглосу у Вольтера, полагаютъ, что въ этомъ лучшемъ изъ міровъ все устроено наилучшимъ образомъ, и потому увѣряютъ нетерпѣливыхъ, что въ жизни націй десятки лѣтъ значатъ не больше дня или часа въ жизни отдѣльнаго человѣка. Объ этомъ утѣшеніи можно сказать словами Юніуса, примѣненными, впрочемъ, къ другому случаю, что оно есть не что иное, какъ «лицемѣрная выходка, изобрѣтенная безчестными и распространенная глупыми людьми.» Конечно, можно было бы примириться и съ этимъ мнѣніемъ, еслибъ націи были какія-нибудь отвлеченныя существа, еслибъ онѣ прозябали какъ растенія и еслибъ главное назначеніе ихъ заключалось въ томъ, чтобы въ высохшемъ состояніи сберегаться въ гербаріумѣ исторіи. Но такъ какъ націи состоятъ изъ существъ живыхъ, чувствующихъ и мыслящихъ, изъ людей, которые ощущаютъ голодъ и жажду, холодъ и тепло, боль и наслажденіе, то и годы для нихъ имѣютъ вовсе не то значеніе, которое придаютъ имъ разные мудрецы, понимающіе исторію лишь какъ рядъ крупныхъ государственныхъ явленій, и пренебрегающіе всѣмъ, что касается благосостоянія и благоденствія народовъ. Этотъ взглядъ, впрочемъ, уже исчезъ изъ всѣхъ нѣмецкихъ учебниковъ исторіи, но въ практической политикѣ его вліяніе и теперь проявляется у насъ въ весьма обширныхъ размѣрахъ.

До сихъ поръ я постоянно указывалъ на то обстоятельство, что въ нынѣшней Германіи всѣ сознаютъ необходимость широкихъ законодательныхъ преобразованій. Будь я поэтомъ, я сталъ бы, можетъ быть, говорить о слухахъ, но и это сравненіе не вполнѣ соотвѣтствовало бы сущности дѣла, такъ какъ народамъ почти никогда не приходится подходить къ желанной цѣли такъ близко, что вотъ еще одно усиліе—и плоды уже въ рукахъ; обыкновенно лакомые плоды отстоятъ отъ насъ на весьма почтительномъ разстояніи.

Новая исторія Пруссіи особенно замѣчательна въ томъ отношеніи, что королевское правительство точно поставило себѣ въ правило:—Я-молъ не стану безусловно сопротивляться, но—буду удовлетворять по возможности медленнѣе крайнюю потребность въ реформахъ, увеличивающуюся со дня на день все сильнѣе и сильнѣе. Съ 1806 — 7 годовъ,

когда требованія времени понуждали къ крупнымъ преобразованіямъ, прусское правительство ни разу не принимало на себя почина въ области внутренняго законодательства, а между тѣмъ прогрессивныя реформы есть такая же обязанность всякаго правительства, какъ и сдержаніе и умѣреніе всѣхъ слишкомъ бурныхъ порывовъ къ измѣненію существующаго порядка вещей.

Въ нынѣшней сессіи прусскаго парламента эта отсталость правительства проявилась самымъ очевиднымъ образомъ. Министръ народнаго просвѣщенія, напримѣръ, внесъ законъ о жалованьи народныхъ учителей, въ который вкрались многія принципныя положенія, объ организаціи народнаго образованія вообще, долженствовавшіе войти въ составъ особаго *закона о народномъ образованіи* — закона давнымъ-давно обѣщаннаго конституціею, но до сихъ поръ остающагося въ портфелѣ министра, вмѣстѣ съ многими другими, тоже обѣщанными, законами великой важности. Коммиссія палаты депутатовъ, занимавшаяся предварительнымъ обсужденіемъ представленнаго закона, попросила министра народнаго просвѣщенія обнародовать всѣ матеріалы, собранные въ министерствѣ по этому вопросу съ 1817 года, когда впервые обѣщано было изданіе особаго закона о народномъ образованіи. Послѣ нѣкотораго колебанія и многихъ отнѣкиваній, министръ, наконецъ, согласился обнародовать требуемые матеріалы, но и послѣ положительнаго обѣщанія прошло еще не мало недѣль, пока любопытные члены коммиссіи, а вмѣстѣ съ ними и публика, получили наконецъ толстый томъ интересныхъ правительственныхъ документовъ [1]). Содержаніе ихъ объяснило вполнѣ причины, побуждавшія министерство медлить обнародованіемъ этихъ документовъ, такъ какъ въ нихъ мы находимъ тотъ поразительный и постыдный фактъ, что первый проектъ закона о народномъ образованіи, выработанный въ 1817—18 годахъ во время министерства Альтенштейна, далеко оставляетъ за собою всѣ остальныя, слѣдовавшія за нимъ попытки учрежденія народнаго образованія на разумныхъ началахъ. Оффиціальная газета «Provincial-Correspondenz» постаралась-было ослабить впечатлѣніе отъ этого изумительнаго открытія, и въ особой статьѣ объ этихъ документахъ, написанной въ самомъ умилительномъ тонѣ, скромно замѣтила, что «для окончательнаго заключенія этого вопроса, глубоко затрогивающаго умственную жизнь, *не потребуется новыхъ пятидесяти лѣтъ*». Ужъ не иронія ли это? Нѣтъ, оффиціальная газета говоритъ всегда совершенно серьезно. Если появленіе закона состоится черезъ 49 лѣтъ, то прусскому народу останется только радоваться своему счастію, но если пройдутъ и еще пятьдесятъ лѣтъ, а закона все еще не

1) Die Gezetzgebung auf dem Gebiete des Unterzichtswesens in Preussen. Vom Jahre 1817—1868. Berlin.

будетъ, то «Провинціальная Корреспонденція» 1919 года выразитъ, вѣроятно, надежду, что для окончательнаго исполненія этого обѣщанія не потребуется еще одной сотни лѣтъ.

Всматриваясь въ обнародованный томъ документовъ попристальнѣе, и изучая ихъ съ достаточнымъ вниманіемъ, вы легко убѣждаетесь въ томъ, что министерству нельзя было не медлить обнародовать ихъ. Эти документы раскрываютъ передъ вами, съ безпощадною откровенностью, какъ далеко отошла Пруссія отъ принциповъ того великаго времени. 3-го ноября 1817 года, король Фридрихъ-Вильгельмъ III издалъ высочайшій указъ объ учрежденіи особой коммиссіи для составленія «общихъ постановленій о школахъ» (Schul-Verordnung), или, говоря нынѣшнимъ конституціоннымъ языкомъ, «закона о народномъ образованіи (Unterrichtsgesetz). Въ составъ этой коммиссіи входили не только члены министерства народнаго просвѣщенія, во главѣ котораго былъ *Альтенштейнъ*, но также представители всѣхъ остальныхъ отраслей управленія, находившихся въ какой-либо связи съ учебнымъ вѣдомствомъ: министерство финансовъ, министерство внутреннихъ дѣлъ, министерство юстиціи и даже министерство военныхъ дѣлъ; вопросъ, слѣдовательно, предполагалось обсудить и разсмотрѣть съ высшихъ и общихъ политическихъ точекъ зрѣнія. Коммиссія окончила свой трудъ въ 1819 году. Онъ состоитъ изъ вводнаго меморандума, написаннаго членомъ государственнаго совѣта (Staatsrath) Зюверномъ (Süvern) въ 1817 году, и доказывающаго королю необходимость общаго законодательства въ дѣлѣ народнаго образованія,— изъ проекта самого закона, и изъ объясненій. Во всѣхъ трехъ отдѣлахъ отражается, какъ въ зеркалѣ, духъ того величаваго времени,—духъ Штейновскаго періода великихъ реформъ, духъ войнъ за освобожденіе. Въ вводномъ меморандумѣ Зюверна, составляющемъ дѣйствительную душу трудовъ коммиссіи, сказано, что законъ долженъ быть «чуждъ цѣлей какого бы то ни было односторонняго механическаго понужденія и дрессировки (Einzwängung und Abrichtung), что онъ долженъ, напротивъ, «имѣть въ виду свободное развитіе національныхъ силъ, которыя суть не что иное, какъ тѣже общечеловѣческія силы, но только въ образѣ національности»; второй параграфъ проекта закона ставилъ поэтому цѣлью: «основать воспитаніе юношества въ гражданскомъ отношеніи по возможности на общечеловѣческомъ образованіи». Какъ въ прочихъ (позднихъ) проектахъ, такъ и въ этомъ, рѣшительнымъ пунктомъ является отношеніе церкви къ школѣ,—отношеніе, тѣмъ труднѣе опредѣлимое, что въ Пруссіи, при 15-ти милліонахъ жителей евангелическаго вѣроисповѣданія, существуетъ почти 8 милліоновъ римско-католиковъ (въ 1819 году это численное отношеніе было еще болѣе въ пользу католиковъ), и всѣ они пользуются совершенно одинаковыми правами. Какъ бы то ни было, полстолѣтія тому назадъ оба

вѣроисповѣданія были одушевлены большею терпимостью другъ къ другу, чѣмъ теперь, и самый вопросъ объ отношеніи церкви къ школѣ рѣшался, поэтому, гораздо легче и проще. Разбираемый нами проектъ не имѣлъ надобности, ни отказывать церкви въ исполненіи ея слишкомъ далекихъ притязаній, ни дѣлать ей опасныхъ для государственной пользы уступокъ,—онъ могъ разсчитывать на плодотворную дружную дѣятельность государства, церкви и общества на поприщѣ школьнаго образованія, и излагать поэтому вопросъ отношенія церкви къ школѣ съ тою свободою и откровенностью, какую допускалъ либерализмъ того времени; но во всѣхъ позднѣйшихъ проектахъ сдѣлалось замѣтно трусливое отношеніе къ усилившимся противогосударственнымъ элементамъ.

Во всякомъ случаѣ, введеніе закона въ жизнь не состоялось исключительно вслѣдствіе политической реакціи, начавшейся съ 23-го марта 1819 года, когда въ Мангеймѣ, подъ кинжаломъ Занда, палъ Коцебу; этотъ фактъ былъ какъ бы сигналомъ ко всякимъ репрессивнымъ мѣрамъ, тяготѣвшимъ надъ Германіею впродолженіи тридцати лѣтъ сряду. Въ мемуарахъ Варнгагена мы находимъ слѣдующее, весьма живое описаніе впечатлѣнія, произведеннаго убійствомъ Коцебу: — «Первый ужасъ, распространенный этимъ страшнымъ злодѣйствомъ, смутилъ всѣ умы. Но когда общественное сознаніе мало-по-малу пришло въ себя, оно сопровождалось чувствомъ ненависти, мести, стремленія задавить все, что находилось хотя въ слабѣйшей связи съ такимъ дѣломъ. Теперь уже не было больше рѣчи ни о прогрессѣ, ни объ уступкахъ духу времени, ни объ исполненіи народныхъ желаній; теперь укрѣпились, напротивъ, въ своемъ грубомъ стремленіи истребить всѣ либеральныя побужденія, и употребляли всѣ усилія для того, чтобы не допускать въ народѣ развитія чувствъ самостоятельности. Дѣло Занда явилось въ Германіи поворотнымъ пунктомъ въ развитіи ея внутреннихъ отношеній. Въ Берлинѣ чувствовали себя неспокойно, точно на подрытой почвѣ; вездѣ виднѣлись старогерманскіе костюмы, общества гимнастовъ и буршей распространились по всей странѣ; знали, что гдѣ-то существуютъ тайныя общества заговорщиковъ и вѣрили, что эти заговоры могущественны и ужасны. Подъ вліяніемъ страха, какъ говоритъ пословица, муха кажется слономъ. Чѣмъ сильнѣе становился страхъ передъ невидимыми опасностями, тѣмъ болѣе пробуждалось мужество для того, чтобы дать имъ отпоръ. Государственный канцлеръ (Гарденбергъ) не раздѣлялъ, однако, ни этого настроенія, ни этихъ тревогъ; онъ со смѣхомъ слушалъ про всѣ ужасы, которыми ему грозили. Но онъ принужденъ былъ согласиться на то, чтобы какъ высшія, такъ и низшія государственныя инстанціи напрягли всѣ усилія съ цѣлью раскрыть и наказать опасныя для государствъ дѣла». Пруссія стала съ тѣхъ поръ во главѣ всѣхъ реакціонныхъ стремленій. Пер-

вымъ шагомъ реакціи было закрытіе гимнастическихъ залъ, на всемъ пространствѣ прусской монархіи. Основанная въ томъ же году, съ 1-го января, «Государственная Газета» (Staats-Zeitung) доносила о существованіи какихъ-то демагогическихъ происковъ. Между тѣмъ назначили специальную слѣдственную коммиссію по политическимъ дѣламъ, во главѣ которой дѣйствовалъ Камптцъ (Kamptz) и князь Витгенштейнъ (Wittgenstein), единоплеменникъ Меттерниха. Одной изъ первыхъ жертвъ коммиссіи былъ вождь гимнастическаго движенія въ Германіи, любимецъ нѣмецкой молодежи, Янъ (Jahn). Захваченный у смертнаго одра своего ребенка, онъ попалъ сперва въ казематы крѣпости Шпандау, а оттуда его перевезли въ Кюстринъ, гдѣ на него наложили цѣпи. Коммиссія нисколько не сомнѣвалась, что Янъ именно и былъ зачинщикъ всѣхъ противугосударственныхъ замысловъ и интригъ, такъ какъ онъ первый провозгласилъ мысль о необходимости гимнастическихъ обществъ. Противъ него сочинили цѣлую массу доносовъ, одинъ другого ужаснѣе, и только въ 1825 году состоялось освобожденіе Яна по приговору суда второй инстанціи, который обѣщалъ ему, сверхъ того, вознагражденіе за напрасное заключеніе въ крѣпости. Однако это вознагражденіе состояло лишь въ томъ, что ему возвратили его пенсію въ 1,000 талеровъ, запретили жить въ Берлинѣ и во всѣхъ университетскихъ и гимназическихъ городахъ или подъѣзжать къ нимъ ближе десятимильнаго разстоянія, и отдали подъ надзоръ полиціи, подъ которымъ онъ и находился до вступленія на престолъ Фридриха-Вильгельма IV. Гнейзенау, сотоварищъ Блюхера по оружію но человѣкъ до того гибкаго характера, что его прозвали въ шутку маршаломъ «Зейтвертсъ» (т. е. «въ стороны»; Блюхера звали маршаломъ «Форвертсъ»—т. е. «впередъ»), а также Штейнъ и Шлейермахеръ были окружены шпіонами.

6-го августа, въ Карльсбадѣ собралась извѣстная конференція министровъ, прославившаяся такъ-называемыми «карльсбадскими заключеніями», которыя состояли въ томъ, чтобы ввести по всей Германіи предварительную цензуру, учредить въ Майнцѣ центральную слѣдственную коммиссію противъ демагогическихъ происковъ, и подвергнуть пересмотру 13-ю статью союзнаго уложенія, обѣщавшую одно общее уложеніе для всѣхъ нѣмецкихъ земель. Министры Гумбольдтъ, Бойенъ и Бейме (Boyen, Beyme) серьезно и энергически протестовали, въ государственномъ совѣтѣ, противъ карльсбадскихъ заключеній и сильно порицали поведеніе прусскаго уполномоченнаго, графа Бернсторфа. Они изложили свое порицаніе въ особомъ отчетѣ королю, и утверждали, что Пруссія имѣетъ право отказаться отъ исполненія карльсбадской программы, клонящейся къ уничтоженію самостоятельности прусскаго государства. Послѣ нѣкоторыхъ колебаній со стороны короля, какъ имъ, такъ и генералу Грольманну дали отставку, между

тѣмъ какъ князь Гарденбергъ (государственный канцлеръ) успѣлъ уже вполнѣ перейти въ лагерь реакціонерной партіи. Все это случилось въ послѣднихъ числахъ декабря; передъ тѣмъ союзное собраніе въ Франкфуртѣ успѣло уже (20 сентября) принять рѣшеніе карльсбадской конференціи, и 25 ноября состоялась въ Вѣнѣ вторая конференція уполномоченныхъ всей Германіи. Эта конференція засѣдала впродолженіи шести мѣсяцевъ и выработала такъ-называемыя «вѣнскія заключительныя статьи» (Schlussacte), которыя должны были довершить уложеніе Германскаго Союза, и удалить изъ него всѣ либеральныя и конституціонныя начала.

Толчекъ, данный карльсбадскими заключеніями реакціонному движенію въ Германіи, отозвался всего сильнѣе въ Пруссіи и имѣлъ тамъ самыя пагубныя послѣдствія. Со времени эпохи падающаго Рима, міръ никогда, быть можетъ, не видѣлъ столь широкаго развитія политической инсинуаціи и шпіонства, какъ во время этого такъ-называемаго «преслѣдованія демагоговъ» (Demagogen-Verfolgung). Кипа за кипою разныхъ указовъ выходили изъ канцеляріи слѣдственной коммиссіи и возбуждали плачъ и стоны по всему государству. Цѣлыми днями длились допросы какимъ-нибудь гимназистамъ и другимъ молодымъ людямъ. Самымъ простодушнымъ, невиннымъ заявленіямъ ученые судьи слѣдственной коммиссіи придавали серьезное значеніе, какъ-будто судьбы цѣлаго государства находятся въ зависимости отъ всякаго слова. Тюрьмы изъ году въ годъ наполнялись все болѣе и болѣе, а шпіонская профессія становилась все прибыльнѣе. Захватъ и вскрытіе писемъ въ почтовыхъ конторахъ стали въ Германіи столь обычнымъ явленіемъ и производились, особенно въ Берлинѣ, столь безцеремоннымъ образомъ, что каждый сколько-нибудь извѣстный въ политическомъ мірѣ человѣкъ никогда не посылалъ своихъ писемъ по почтѣ, если въ нихъ заключались даже самыя ничтожныя политическія выраженія.

Во всѣхъ этихъ преслѣдованіяхъ было не мало и смѣшного; это смѣшное, впрочемъ, имѣло весьма печальныя послѣдствія для тѣхъ, кому приходилось служить орудіемъ глупыхъ и потѣшныхъ недоразумѣній. Весьма забавенъ случай съ знаменитымъ поэтомъ Арндтомъ, котораго долго допрашивали по поводу нѣскольких выраженій, найденныхъ у него въ бумагахъ и истолкованныхъ въ томъ смыслѣ, что Арндтъ будто бы призываетъ къ тайному избіенію всего духовенства. Слѣдствіе надъ поэтомъ длилось бы безъ конца, еслибы не было доказано, что подозрительныя выраженія были собственноручныя замѣтки самого короля Фридриха-Вильгельма III, начертанныя имъ на поляхъ одного приказа объ организаціи ландштурма, и оттуда списанныя Арндтомъ.

Въ политическихъ дѣлахъ не слѣдуетъ быть черезчуръ чувстви-

тельнымъ. Какъ ни много печалей и бѣдъ принесли тѣ преслѣдованія, особенно молодымъ людямъ, имѣвшимъ несчастіе быть жертвою общей паники, — благоразумный человѣкъ не сталъ бы возставать противъ этого, еслибы всѣ эти преслѣдованія были дѣйствительно необходимы. Между тѣмъ, въ настоящее время никто уже не споритъ противъ того факта, что всѣ эти громадныя и жестокія гоненія совершались безъ всякихъ справедливыхъ поводовъ. Майнцская слѣдственная коммиссія должна была сама сознаться, въ обнародованномъ ею (въ 1821 году) отчетѣ, что заговора никакого не было, и что результатомъ ея работъ вполнѣ доказано, «что отъ глупыхъ студентскихъ продѣлокъ и сердечныхъ изліяній аптекарскихъ учениковъ и другихъ юныхъ буршей нечего ожидать какихъ-либо опасностей для государствъ Союза.»

Какъ бы то ни было, реакціонерной партіи удалось только замедлить прогресъ, но не остановить его; въ дѣлѣ народнаго образованія ей почти не удалось повернуть назадъ. Государственный канцлеръ Гарденбергъ, хотя и присоединился къ реакціонерамъ, пребывалъ однако либераломъ; Альтенштейнъ (министръ народнаго просвѣщенія) былъ еще либеральнѣе, — такимъ же было и громадное большинство чиновниковъ, оказывавшихъ господствующей системѣ весьма сильное пассивное сопротивленіе. Всего важнѣе было то, что въ тѣ времена непримиримый антагонизмъ либеральнаго принципа къ консервативному опредѣлялся въ умахъ далеко не такъ ясно, какъ теперь послѣ всѣхъ событій послѣднихъ двадцати лѣтъ. Реакціонеры и либералы стараго времени одинаково вѣрили въ необходимость образованія, и всякій считалъ хорошую школу чѣмъ-то весьма хорошимъ не только для учащихся, но для всего государства, и Пруссія впродолженіи двухъ десятилѣтій слыла, по выраженію Кузена, классическою страною школъ и казармъ. Среди реакціонернаго движенія былъ основанъ университетъ въ Боннѣ, и Гегель вызванъ въ Берлинъ. Правда что Гегель находился съ правительствомъ въ самыхъ добрыхъ отношеніяхъ, и что его философія долго считалась прусской государственною философіею, но въ дѣйствительности строгій порядокъ его ученія успѣлъ образовать отличное поколѣніе людей, пропитанныхъ либеральными стремленіями. Но долго лучшею рекомендаціею для поступленія въ государственную службу считалось въ Пруссіи быть ученикомъ Гегеля.

Только во время революціи вкусили наконецъ плоды съ древа познанія, и Шталь серьезно заговорилъ, что науку слѣдуетъ перевернуть верхъ дномъ! Раумеръ, министръ народнаго просвѣщенія въ кабинетѣ Мантейфеля, сталъ больше заботиться о томъ, чтобы какъ учителя, такъ и ученики выучивались не по возможности больше, но по возможности меньше. При Фридрихѣ-Вильгельмѣ III просвѣщенная бюрократія старалась, насколько хватало у нея силъ и умѣнья, способствовать умственному образованію среднихъ и низшихъ классовъ,—

она основывала реальныя школы, учреждала элементарныя и бюргерскія училища и учительскія семинаріи вездѣ, гдѣ въ нихъ нуждались, и ввела обязательное для всѣхъ обученіе—этотъ важнѣйшій элементъ общаго народнаго образованія (каждое дитя, съ шестилѣтняго возраста и до конфирмаціи, должно быть посылаемо своими родителями или опекунами въ школу, и ни одно изъ нихъ не должно быть конфирмовано, если не пріобрѣло, по крайней мѣрѣ, самыхъ необходимыхъ школьныхъ познаній). Наблюденіе за народными школами было поручено *ревизорамъ* изъ мѣстнаго духовенства и училищнымъ совѣтамъ, которые *избирались самими общинами*. Народныя школы цѣлой епархіи подлежали контролю суперинтендентовъ въ лютеранскихъ мѣстностяхъ, и протоіереевъ (Erzpriester) въ католическихъ округахъ; эти лица исполняли обязанности инспекторовъ. Благодаря тому, что духовные люди того времени, почти всѣ или въ огромномъ большинствѣ, были раціоналисты, церковный надзоръ нисколько не мѣшалъ успѣхамъ образованія, и *просвѣщеніе* было и оставалось высшею цѣлью всякой учебной дѣятельности.

Основаніе къ перемѣнѣ этихъ отношеній между церковью и школою положилъ самъ король Фридрихъ-Вильгельмъ III, поощряя главнымъ образомъ тѣ религіозныя направленія, которыя казались наиболѣе энергическими противниками всего революціоннаго; такими считались ортодоксы и піетисты въ евангелической церкви, и паписты (теперешніе ультрамонтаны) въ католической. До царствованія этого короля, Пруссія всегда служила оплотомъ и защитницею нѣмецкаго протестантизма, хотя и католическіе подданные не могли жаловаться на дурное съ ними обращеніе. Но съ тѣхъ поръ, какъ къ Пруссіи присоединились Рейнскія провинціи, оба вѣроисповѣданія: католическое и лютеранское, стали, по численности своихъ членовъ, почти на равную ногу, и правительство положило въ основу своей церковной политики полное равенство обѣихъ религій. Фридрихъ Вильгельмъ III сочувствовалъ болѣе консервативному направленію католической церкви, чѣмъ либеральному началу, господствующему въ протестантскомъ вѣроисповѣданіи. Свое недовольство противъ этого либеральнаго начала король довелъ до того, что запретилъ, въ одномъ изъ высочайшихъ приказовъ, самое имя «протестантизмъ», которое напоминало всѣмъ о великомъ историческомъ разладѣ съ Римомъ, замѣстивъ его исключительнымъ употребленіемъ выраженія: «евангелическая церковь». Въ то время, какъ часть католиковъ проявляла наклонность вполнѣ отрѣшиться отъ Рима, уничтожить безбрачіе духовенства и учредить національную католическую церковь въ Германіи, прусское правительство вело переговоры съ папою, и Риму удалось одержать блестящую побѣду надъ Пруссіею, благодаря неспособности прусскаго уполномоченнаго, знаменитаго впрочемъ историка Нибура. Договоръ, за-

ключенный при посредствѣ этого человѣка, не умѣвшаго согласить свои теоріи съ практикою, доставилъ Риму такое громадное вліяніе надъ католиками, подданными Пруссіи, какимъ никогда не обладало папство ни въ одномъ изъ не-католическихъ государствъ; уступки короля изумили самого папу, папа не могъ не похвалить Фридриха-Вильгельма III за такую *чудесную* поддержку римскихъ желаній.

Слѣдствія договора съ Римомъ не заставили себя долго ждать. Ультрамонтанская партія, ловко руководимая іезуитами, снова прокравшимися въ Рейнскія провинціи, скоро проявила искусство, которое позже было направлено противъ Россіи княземъ Шварценбергомъ, искусство быть *неблагодарными*. Эта партія поддерживала оппозицію въ Рейнскихъ провинціяхъ и старалась вызвать недовольство къ прусскому владычеству. Когда, въ 1835 году, скончался кроткій и либеральный архіепископъ кельнскій, графъ Шпигель, мѣсто его занялъ фанатикъ, баронъ Дросте-Вишерингъ (Vischering), и повелъ дѣла церкви столь произвольнымъ и упорнымъ противъ правительства образомъ, что оно нашло себя вынужденнымъ захватить архіепископа (1837) и отвезти въ крѣпость Минденъ. Папа, однако, рѣшительно одобрилъ поведеніе архіепископа и жаловался на прусское правительство, будто оно затоптало ногами права римско-католической церкви; вся партія папистовъ подняла страшный крикъ противъ Пруссіи. Фанатическое возбужденіе дошло до такихъ размѣровъ, что на Рейнѣ произошли безпорядки, для подавленія которыхъ пришлось прибѣгнуть къ помощи оружія. Вскорѣ (1838) нашелся подражатель кельнскому архіепископу, архіепископъ познанскій и гнезненскій, Мартынъ Дунинъ. Противно условіямъ заключеннаго съ Римомъ договора, и своимъ собственнымъ обѣщаніямъ въ особомъ пасторскомъ посланіи Дунинъ отрекался благословлять всѣ смѣшанные браки, въ которыхъ женихъ и невѣста не обѣщали воспитывать своихъ будущихъ дѣтей въ правилахъ католической религіи. Дунина призвали къ уголовному суду и присудили къ шестимѣсячному тюремному заключенію, послѣ котораго, при возобновившемся съ его стороны сопротивленіи, онъ былъ отправленъ въ крѣпость Кольбергъ. Но съ тѣхъ поръ ультрамонтанская партія пріобрѣтала въ католицизмѣ все болѣе могущества и вліянія, такъ что въ настоящее время всѣ скромные, примирительные голоса приведены въ полное молчаніе.

Примѣръ католической церкви заразилъ фанатическимъ упорствомъ и евангелическую. Между тѣмъ, какъ въ вѣкъ просвѣщенія, нравственность стояла на первомъ планѣ, теперь на нее не обращаютъ почти никакого вниманія. Тамъ, гдѣ прежде царила гуманность, сталъ господствовать мрачный, фанатическій духъ. Эта перемѣна, по моему мнѣнію, описана всего талантливѣе и блистательнѣе въ знаменитомъ: «*Pétition pour les villageois qu'on empêche de danser*» (прошеніе сель-

скихъ жителей, которымъ препятствуютъ танцовать) замѣчательнаго французскаго писателя Поля-Люи Курье. Сочиненіе Курье касается, правда, католическихъ порядковъ во Франціи, но всѣ его разсужденія прямо приложимы къ церковнымъ порядкамъ и въ Германіи. Онъ описываетъ въ этой петиціи почтеннаго старика, приходскаго священника въ Веретцѣ: «Это былъ человѣкъ умный, образованный, около восьмидесяти лѣтъ отъ роду, но другъ молодежи, настолько разсудительный, что не имѣлъ желанія преобразовать ее по образцу прежнихъ вѣковъ или управлять ею по предписаніямъ буллъ Бонифація или Гильдебранда. Танцовали передъ его дверями, и всего чаще передъ нимъ самимъ. Вовсе не порицая этой забавы, которая, кромѣ самаго невиннаго, ничего въ себѣ не заключаетъ, онъ присутствовалъ при танцахъ и полагалъ, что дѣлаетъ доброе дѣло, придавая имъ своимъ присутствіемъ и уваженіемъ, которое къ нему всѣ питали, новую степень благопристойности и порядочности. Этотъ мудрый и по истинѣ благочестивый пасторъ служилъ утѣшеніемъ для бѣдныхъ, назиданіемъ ближнему и радостью для всей общины, въ которой его благоразуміе сохраняло миръ, спокойствіе, единство, согласіе». Рядомъ съ этимъ почтеннымъ старцемъ Курье изобразилъ молодого фанатика, «кипящаго рвеніемъ, едва вышедшаго изъ семинаріи, рекрута воинствующей церкви, нетерпѣливо стремящагося къ отличію». Опираясь на жандармовъ, эти новые проповѣдники возстаютъ противъ танцевъ, противъ пѣсней, противъ всѣхъ невинныхъ удовольствій міра сего, и пользуются исповѣдальнею для того, чтобы вынудить отъ молодыхъ дѣвушекъ обѣтъ отреченія отъ всѣхъ радостей и забавъ, и вообще имѣютъ, повидимому, намѣреніе, обратить весь міръ въ одинъ громадный монастырь траппистовъ.

Петиція Курье появилась въ 1820 г., что̀ доказываетъ, что церковная реакція наступила во Франціи и въ Германіи одновременно. Для исторіи этого періода и особенно распри между Пруссіею и римскимъ дворомъ весьма интересныя сообщенія оставлены Бунзеномъ, бывшимъ представителемъ Пруссіи въ Римѣ съ 1824 по 1858 годъ, отчасти въ его мемуарахъ, отчасти въ оставшихся послѣ него запискахъ. Бунзенъ, преемникъ и въ научномъ отношеніи ученикъ Нибура, отличался всегда проницательнымъ взглядомъ на признаки своего времени, и хотя онъ постоянно подавалъ берлинскому двору совѣтъ отказаться отъ всего въ видахъ разрѣшенія всѣхъ споровъ въ смыслѣ требованій католической церкви, и хотя онъ самъ держался того же принципа, тѣмъ не менѣе отъ его безпристрастныхъ взоровъ не скрылись и темныя стороны дѣла. Положеніе вещей было крайне запутанное. Со времени вступленія Григорія XVI на папскій престолъ, папство стало рѣшительнымъ орудіемъ іезуитизма и знать не хотѣло ни о какихъ уступкахъ. «Теорія учитъ,—писалъ Бунзенъ въ одномъ

изъ посланныхъ имъ въ Берлинѣ отчетовъ объ утомительныхъ и безплодныхъ переговорахъ, — что папы всякій разъ, когда ихъ господству и могуществу угрожаетъ опасность, ссылаются всегда на свое духовное могущество и на строгую церковную дисциплину. Къ этому слѣдуетъ прибавить, что несчастіемъ вызывается сочувствіе, а сочувствіемъ пріобрѣтается чувство власти надъ умами. Наконецъ, бельгійская революція и современный взглядъ (пріобрѣтающій все большее число приверженцевъ въ средѣ различныхъ партій) на дарованіе церкви независимаго отъ государства положенія, придали римскому двору совершенно незамѣтнымъ образомъ нѣчто такое, что̀ даетъ ему возможность быть менѣе уступчивымъ передъ свѣтскою властью, и особенно передъ протестантскими правительствами». Нѣкоторые католическіе епископы въ Пруссіи, какъ напримѣръ, уже упомянутый архіепископъ кельнскій графъ Шпигель, оставались добрыми прусскими патріотами и искренно держали сторону прусскаго государства. На этихъ людей весьма косо смотрѣли въ Мюнхенѣ, гдѣ образовалось главное гнѣздо ультрамонтанской партіи, и на нихъ постоянно писали доносы въ Римъ. Этого мало,—главный руководитель католическими дѣлами въ Берлинѣ, совѣтникъ Шмеддингъ въ министерствѣ духовныхъ дѣлъ, которому поручено было вести всѣ переговоры между правительствомъ и епископами (такъ какъ переговоры съ папою не двигались съ мѣста), былъ ярый приверженецъ іезуитизма и, какъ оказалось впослѣдствіи, предавалъ правительство римскому двору. Наконецъ, вся правительственная дѣятельность въ двадцатыхъ и тридцатыхъ годахъ пришла въ полный застой. Много говорили объ ядовитыхъ описаніяхъ Варнгагена, но мнѣніе Бунзена о томъ времени еще рѣзче осуждаетъ его, а вѣдь Бунзенъ былъ искренній другъ Фридриха-Вильгельма III и Фридриха-Вильгельма IV. Тогдашнее положеніе вещей въ Берлинѣ Бунзенъ описываетъ весьма темными красками. Король имѣлъ всегда въ виду всѣ упомянутыя обстоятельства и часто напоминалъ о нихъ министрамъ, но безуспѣшно; министръ духовныхъ дѣлъ, Альтенштейнъ, изложилъ въ длинномъ отчетѣ всѣ способы, какими можно дѣйствовать въ данномъ случаѣ, и всѣ сомнѣнія, возникающія противъ каждаго способа; графъ Витгенштейнъ смотрѣлъ на все сквозь пальцы, считая религіозный элементъ въ государствѣ слишкомъ ничтожною силою; самъ государственный канцлеръ Гарденбергъ держался того правила, что *во многихъ вещахъ лучше ничего дѣлать* — драгоцѣнное правило для правительственныхъ дѣятелей! А общественное мнѣніе? Оно — говорю словами самого Бунзена—оно по понятнымъ причинамъ вовсе не имѣло своего органа, да и гдѣ было найти то ухо, которое пожелало бы его выслушать? Развѣ въ Берлинѣ не знали, что папскія *breve* вызвали энергическую реакцію патеровъ въ Баваріи? Однако тамъ и въ голову

не приходило, что со времени вступленія Льва на престолъ, на бѣлый свѣтъ смѣло выступило написто-католическое чувство, которое все глубже проникало въ сердца народовъ и проявлялось по всему міру лишь въ формѣ церковной реакціи. Всѣ рады были, что покончили благополучно съ іюльскою революціею, съ Бельгіею и Мекленбургомъ, а съ нѣсколькими упорными патерами сладить не трудно! Патерамъ много помогло и то обстоятельство, что всякое смѣлое выраженіе о какомъ бы то ни было государственномъ предметѣ пахло въ то время чѣмъ-то демагогическимъ. Къ числу «благонамѣренныхъ правилъ» того періода принадлежала и необходимость *не относиться неодобрительно* ни о чемъ такомъ, что *исходило или не исходило* отъ правительства, то-есть, отъ министровъ. Таковъ былъ общій элементъ душной атмосферы того времени, столь похожей на ту нравственную атмосферу, отъ которой не могъ не содрогаться человѣкъ, впродолженіи двадцати лѣтъ пребывавшій при дворѣ Фридриха II,—атмосферы *мертвой*, *недовѣрчивой*, *лицемѣрной* и *рабской*. Такъ говоритъ Бунзенъ.

Прусскіе законы даровали католической церкви столь широкую свободу, какою она не пользовалась даже въ Австріи. Двѣнадцатая статья церковнаго уложенія опредѣляетъ напримѣръ: «признается свобода религіозной совѣсти, учрежденіе религіозныхъ обществъ и общаго домашняго и публичнаго отправленія религіозныхъ требъ. Пользованіе гражданскими и государственными правами становится независимымъ отъ религіозной совѣсти». Далѣе, статья 15-я: «евангелическая церковь и римско-католическая, а также всѣ другія религіозныя корпораціи распоряжаются и управляютъ всѣми своими дѣлами самостоятельно и удерживаютъ въ своемъ владѣніи и пользованіи всѣ учрежденія и заведенія, основанныя для ихъ религіозныхъ образовательныхъ и благотворительныхъ цѣлей». Наконецъ, статья 16-я: «сношенія религіозныхъ корпорацій съ ихъ начальствомъ совершаются безъ всякихъ препятствій».

Эти въ высшей степени либеральныя постановленія были употреблены ультрамонтанскою партіею для укрѣпленія и расширенія своего могущества. Въ палатахъ образовалась «ультрамонтанская» или «католическая» партія, которая подчиняла всѣ политическіе интересы церковнымъ, и дѣйствовала за-одно то съ правительствомъ, то съ крайнею оппозиціею, смотря потому, которая изъ этихъ силъ сулила большія выгоды церковнымъ интересамъ. Изъ года въ годъ въ самой католической церкви духъ нетерпимости становился все могущественнѣе, пока наконецъ не достигъ своей высшей точки развитія въ знаменитомъ «Силлабусѣ». Суровая, нетерпимая партія въ евангелической церкви сопутствовала этимъ наклонностямъ въ католической. Изъ устъ Шталя и его приверженцевъ, до самой послѣдней поры, постоянно исходилъ ихъ любимый девизъ, утверждающій, что вѣрующій като-

ликъ, даже вѣрующій еврей ближе къ евангелической церкви, чѣмъ индифферентный протестантъ. Какъ бывало съ фанатизмомъ и нетерпимостью во всѣ времена, такъ случилось и теперь: мнимое презрѣніе къ міру повело за собою цѣлую массу разныхъ пороковъ. Самонадѣянное высокомѣріе, эгоизмъ и погоня за властью скрывались подъ личиною смиренія; тайные грѣшки принимали часто весьма отвратительныя формы. Все это достигло такихъ широкихъ и замѣтныхъ размѣровъ, что даже нынѣшній король, принявъ регентство въ 1858 году, высказался самымъ рѣзкимъ образомъ въ своей знаменитой программѣ, преподанной министрамъ, противъ *религіознаго лицемѣрія*, обративъ при этомъ прекрасное, гуманное слово, что истинная гуманность проявляется во всемъ поведеніи человѣка. Однако этотъ поворотъ къ лучшему продолжался недолго. Не прошло и двухъ лѣтъ послѣ уничтожающихъ, справедливыхъ выраженій регента, какъ уже клерикалы снова подняли свои головы. Они ревностно стали на сторону министровъ, которые не могли, да и не хотѣли, отказаться отъ этой само-напрашивающейся помощи; вмѣстѣ съ тѣмъ клерикалы быстро достигли полнаго господства. Скоро обнаружились и злыя послѣдствія ихъ вліянія. Первымъ дѣломъ, познакомившимъ общество съ духомъ, одушевлявшимъ эту клику людей, былъ пресловутый романъ одного изъ отчаянныхъ ревнителей, пастора Стеффанна: «Leokadie», жалкое произведеніе, полное самыхъ грязныхъ выходокъ, зависти и ненависти къ товарищамъ автора по службѣ, и даже клеветъ и доносовъ противъ высокоуважаемыхъ фамилій. Затѣмъ послѣдовала знаменитая исторія съ пасторомъ Кнакомъ, который утверждалъ, что библія учитъ, что не земля вращается вокругъ солнца, а солнце вокругъ земли. Но самый громадный скандалъ состоялся съ гимназическимъ учителемъ, докторомъ Прейссомъ (Preuss). Этотъ господинъ написалъ книгу: «Оправданіе грѣшника передъ Богомъ», въ которой высказалъ взглядъ самаго мрачнаго фанатизма. «Крестовая Газета» расхвалила книгу до nec plus ultra. Это обратило на себя вниманіе либеральныхъ изданій, и вотъ во всѣхъ газетахъ появились отрывки изъ нея, въ которыхъ воззрѣнія мрачнѣйшаго періода среднихъ вѣковъ проповѣдывались самымъ грубымъ образомъ. Прочитавъ всѣ эти безумныя разглагольствованія, вся образованная публика подняла разомъ крикъ изумленія и негодованія, и всякій спрашивалъ самъ себя и другихъ: «возможно ли поручить такому человѣку образованіе юношества въ гимназіи»? Само собою разумѣется, что тотчасъ же начали заниматься всею личною жизнью доктора Прейсса, и открыли замѣчательныя вещи. Этотъ столь набожный и столь образцовый консервативный докторъ оказался виновнымъ въ тѣхъ извѣстныхъ порочныхъ наклонностяхъ къ юношамъ, которыя названы еще древними греками весьма энергическимъ именемъ, и онъ проявлялъ эти наклонности столь неосторожно, что объ этомъ зналъ

самъ ректоръ гимназіи, Ранке, тоже изъ набожныхъ и смиренныхъ; ректоръ не разъ предостерегалъ Прейсса, но безуспѣшно. Такъ какъ шумъ, возбужденный этимъ фактомъ, становился съ каждымъ днемъ все сильнѣе, то Прейссъ нашелъ необходимымъ тайно уѣхать въ Америку, получивъ необходимыя для того денежныя средства отъ своихъ религіозныхъ и политическихъ единомышленниковъ, во главѣ которыхъ находится теперь крайній консерваторъ, пасторъ Генгстенбергъ. Бѣгству Прейсса не препятствовало ни одно вѣдомство, хотя существовала дѣйствительная необходимость предать его суду и убѣдиться въ его виновности или невинности. Едва стихъ шумъ прейссовскаго дѣла, какъ на очередь явилось новое. Одинъ изъ здѣшнихъ старѣйшихъ и самыхъ видныхъ священниковъ, обер-консисторіальный совѣтникъ Фурніе (Fournier), позволилъ себѣ, во время вѣнчанія, дать оплеуху невѣстѣ за то, что она, находясь уже въ интересномъ положеніи, надѣла миртовый вѣнокъ—этотъ символъ дѣвической невинности. По крайней мѣрѣ такъ говорятъ очевидцы этого происшествія. Однако Фурніе открыто протестовалъ противъ этого факта. Женихъ же продолжаетъ, вотъ уже нѣсколько мѣсяцевъ, вести процессъ противъ пастора, и во время этого процесса свидѣтели постоянно подтверждали свои первыя показанія. Не менѣе сильно проявляется фанатическій духъ господствующей системы въ евангелической церкви въ такъ-называемомъ спорѣ изъ-за книги церковныхъ пѣсней. Книги этого рода, изданныя въ XVI и XVII вѣкахъ, содержали въ себѣ значительное число гимновъ, тонъ и языкъ которыхъ не могли удовлетворять потребностей болѣе образованнаго времени; эти гимны поэтому, въ вѣкъ просвѣщенія, мало-по-малу исчезли изъ новыхъ собраній церковныхъ пѣсней. Съ тѣхъ поръ, какъ началась описываемая мною реакція, духовные люди начали жаловаться на эту «порчу» церковныхъ книгъ и требовать замѣны «водянистыхъ» пѣсенъ новѣйшихъ собраній «коренными гимнами» древнихъ. Къ сожалѣнію, я не могу представить вамъ ни одного образца этой поэзіи, такъ какъ весь свойственный имъ ароматъ погибнетъ въ переводѣ. Кое-гдѣ провинціальныя духовныя вѣдомства ввели въ употребленіе новыя книги съ старыми церковными пѣснями; въ нѣкоторыхъ общинахъ, особенно въ Силезіи, гдѣ прихожане отличаются независимостью въ своихъ религіозныхъ убѣжденіяхъ, эта произвольная замѣна новыхъ гимновъ старыми вызвала сопротивленіе и окончилась весьма бурными со стороны прихожанъ заявленіями. Все это доказываетъ, какъ глубоко проникаетъ недовольство настоящимъ положеніемъ вещей.

Особеннымъ нерасположеніемъ общества пользуется министръ народнаго просвѣщенія и духовныхъ дѣлъ, фонъ-Мюлеръ (Mühler), этотъ передовой и вліятельный представитель господствующей системы. Всѣ нападенія, которымъ подвергался этотъ министръ въ па-

латѣ депутатовъ, остались безуспѣшны, и война противъ него перешла въ печать, гдѣ она проявляется разными насмѣшками. Вамъ извѣстно, что Мюлеръ былъ въ свое время весьма лихимъ студентомъ, въ которомъ никакъ нельзя было предугадать будущаго смиренника-министра, и пока не изведутся въ Германіи кутилы-студенты, охотники до пѣсенъ, до тѣхъ поръ мюлерова пѣсенька: «Grade aus dem Wirthshaus komm ich heraus!» [1]) будетъ раздаваться повсюду. Обращеніе министра на истинный путь совершилось не вслѣдствіе весьма обычной перемѣны взглядовъ въ старости, но благодаря усиліямъ супруги министра, урожденной фонъ-Гослеръ. Эта фамилія прославилась своими крайне консервативными въ религіозной области воззрѣніями, склонными перейти въ католицизмъ. Теперь уже ни для кого не тайна, что *фрау Адельгейдъ* фонъ-Мюлеръ знакома съ дѣлами своего мужа также хорошо, какъ онъ самъ, и многіе серьезно разсказываютъ и вѣрятъ, что всякій разъ, когда самъ Мюлеръ бываетъ боленъ, подвѣдомственные ему чиновники принимаются его супругою. Недавно во дворцѣ какой-то злой шутникъ пустилъ слѣдующую шараду, весьма понравившуюся, какъ говорятъ, самому королю (который, какъ извѣстно, питаетъ антипатію ко всему, что хоть чѣмъ-нибудь напоминаетъ женское вліяніе): «мои первые два (то-есть, слога) могутъ быть пожалованы [2]), мой третій слогъ—министръ финансовъ,—а подъ дудку цѣлаго пляшетъ все министерство духовныхъ дѣлъ». Первые два—*Adel* (дворянство), третье—*Heydt* (фамилія нынѣшняго министра финансовъ), а цѣлое, конечно, *Adelheid*. Шарада эта не особенно остроумна, но за то она такъ хорошо соотвѣтствуетъ общественному настроенію, что успѣхъ ея въ публикѣ изумительный, небывалый,—фрау Адельгейдъ стала теперь самою популярною дамою въ Пруссіи. И «Kladderadatsch» посвятилъ ей одну изъ своихъ классическихъ одъ, какія можетъ писать только такой знатокъ литературы и великій мастеръ, какъ Домъ (Dohm). Нашлись шутники, дерзнувшіе въ ночное время пропѣть подъ окнами министра бетговенскую чудную «Аделаиду». Само собою разумѣется, что всѣ эти вещи нисколько не усиливаютъ авторитета правительства, но правительство рѣшилось однажды не дѣлать уступокъ общественному мнѣнію, и вотъ Мюлеръ остается себѣ спокойно въ министерствѣ, не смотря на то, что палата депутатовъ наноситъ ему пораженіе за пораженіемъ, и не смотря на то, что ясно, какъ день, что его церковная политика никогда не встрѣтитъ одобренія со стороны прусскаго представительнаго собранія. Послѣднее крупное пораженіе потерпѣлъ Мюлеръ 28 февраля, въ одномъ изъ послѣднихъ засѣданій палаты депутатовъ, когда зашла рѣчь о прошеніи бреславль-

---

[1]) Эта пѣсня помѣщена въ «Вѣстникѣ Европы», за февраль 1869, стр. 893.

[2]) По-нѣмецки: verlihen, что значитъ: и пожаловать, и ссудить.

своей городской думы дозволить ей учрежденіе двухъ не-конфессіональныхъ школъ [1]), одной гимназіи и одной реальной школы. Министръ духовныхъ дѣлъ рѣшительно отказался удовлетворить справедливой просьбѣ думы, и зашелъ въ своихъ объясненіяхъ по этому дѣлу такъ далеко, что сталъ утверждать (не смотря на горячія возраженія со стороны большинства членовъ палаты), будто органы городскихъ общинъ, имѣвшіе право постановлять рѣшенія только по общиннымъ дѣламъ, а не по такимъ, въ которыхъ идетъ рѣчь о *будущности и судьбѣ дѣтей;* такой *государственной власти* государство не желало давать общинамъ, да и не дастъ никогда. Депутатъ Веренфеннигъ доказалъ министру, въ томъ же засѣданіи, что въ Пруссіи государство основало и содержитъ только 72 высшихъ училища, между тѣмъ какъ общины основали и содержатъ ихъ 95, да 67 училищъ получаютъ свое содержаніе изъ обоихъ источниковъ. Съ каждымъ годомъ это отношеніе между государствомъ и общинами становится менѣе благопріятнымъ для государства, такъ какъ постоянно возрастающіе расходы на содержаніе арміи и на уплату государственныхъ долговъ препятствуютъ государству содержать на свой счетъ весьма дорогія высшія учебныя заведенія. Города, напротивъ, отлично понимаютъ, какую замѣчательную пользу приноситъ образованіе, и что самое производительное употребленіе городскихъ капиталовъ состоитъ въ распространеніи образованія; поэтому, всѣ думы никогда не перестанутъ заботиться объ основаніи все новыхъ учебныхъ заведеній и о снабженіи ихъ всѣми учебными средствами. Жители Бреславля рѣшились, впрочемъ, оставить пока оба новыя зданія *пустыми* и ждать уступки со стороны министра. Во время преній обнаружились весьма интересные статистическіе факты. Приведу здѣсь только одинъ. Въ 1864 году, на 243 души евангелическаго населенія приходился *одинъ* воспитанникъ въ высшемъ учебномъ заведеніи; въ католическомъ населеніи онъ приходился на 462 души, а въ еврейскомъ—на 53. Такимъ образомъ оказалось, что еврейское населеніе пользуется высшими учебными заведеніями въ пять разъ больше евангелическаго, и въ девять разъ больше католическаго, что указываетъ не только на зажиточность евреевъ, но и на сильнѣйшее стремленіе къ высшему образованію.

До какой отчаянной дерзости доходитъ теперь реакціонерная партія, можно видѣть изъ слѣдующаго, хотя ничтожнаго, но весьма характеристичнаго случая. Въ одномъ изъ городскихъ приходскихъ училищъ, клерикалъ-учитель сталъ объяснять дѣтямъ, что міровая система Коперника—система ложная, и что библейское сказаніе о томъ, будто солнце движется вокругъ земли, совершенно справедливо. Одинъ

---

[1]) Объ этомъ спорѣ я уже говорилъ въ моемъ письмѣ отъ 21 декабря прошлаго года. См. «Вѣстникъ Европы» въ январьской книжкѣ нынѣшняго года, стр. 471.

изъ школьниковъ разсказалъ все это дома, и отецъ его, хотя простой башмачникъ, но умный и начитанный человѣкъ, тотчасъ же обратился въ училищной коммиссіи (Schul-Deputation), которая завѣдуетъ городскими школами, и просилъ ее обратить вниманіе на ложь, проповѣдуемую въ ея школахъ. Предсѣдатель коммиссіи поблагодарилъ отца въ вѣжливомъ письмѣ и обѣщалъ ему, что указанный учитель лишится возможности преподавать столь извращенныя понятія. Консерваторы подняли противъ этого страшный крикъ. «Смотрите—говорили они—что̀ разумѣютъ эти либералы подъ своею свободою! это явная тираннія! Какое право имѣютъ они запретить учителю преподаваніе того, что онъ принимаетъ за истину?» Обличать эту софистику не стоитъ труда. Если школьный учитель имѣетъ право преподавать свою собственную астрономію, то̀ придется допустить, что онъ имѣетъ право сочинить и новую таблицу умноженія, гдѣ дважды два станутъ пять. Если учитель пожелаетъ повести такую проповѣдь на свой собственный страхъ и счетъ, то пусть себѣ проповѣдываетъ: противъ этого никто спорить не будетъ; но дозволить подобное удовольствіе на счетъ государства или города — дѣло, какъ хотите, неподходящее.

Послѣдняя сессія прусскаго парламента, закрытая 6 марта, носитъ на себѣ отпечатокъ этихъ ненормальныхъ отношеній между обществомъ и правительствомъ. Хотя обсужденію подлежало громадное число законовъ, но ни одинъ изъ нихъ не имѣлъ великаго принципіальнаго значенія. Нѣкоторые, впрочемъ, законы весьма полезны и отчасти способствуютъ движенію прогресса,—таковъ, напримѣръ, законъ объ уничтоженіи платы доносчикамъ, или законъ объ отмѣнѣ запрещенія лицамъ благороднаго сословія вступать въ бракъ съ лицами низшаго сословія, или законъ объ отмѣнѣ особой присяги для евреевъ, весьма унизительной для еврейскаго населенія, или, наконецъ, законъ объ увеличеніи пенсіи вдовамъ и сиротамъ народныхъ учителей. Для торговли имѣютъ важность новый уставъ объ аукціонной продажѣ и нѣкоторыя измѣненія въ уставѣ о конкурсахъ. Всѣ эти законы проведены черезъ парламентъ лишь благодаря сильному давленію министерства на палату господъ, которая постоянно противится всякимъ преобразованіямъ, идущимъ изъ палаты депутатовъ. Палата господъ была весьма недовольна давленіемъ министровъ, и это недовольство заявлено было въ нѣсколькихъ сильныхъ выраженіяхъ, нашедшихъ отголосокъ въ весьма отдаленныхъ сферахъ. Сначала тамъ произошло сильное столкновеніе съ министромъ юстиціи. Правительство внесло (тогда уже принятый) законъ объ отмѣнѣ духовныхъ судовъ по брачнымъ дѣламъ въ провинціи Ганноверѣ, гдѣ они все еще оставались по прежнему; палата депутатовъ приняла этотъ законъ, но въ палатѣ господъ противъ него составилась энергическая оппозиція, во

главѣ которой стоялъ предсѣдатель и вице-предсѣдатель верховнаго суда, обнаружившіе такимъ образомъ, какимъ духомъ пропитанъ этотъ изъ реакціонеровъ составленный верховный судъ. Во время преній, происшедшихъ по этому поводу, министръ юстиціи крикнулъ на нихъ: «вамъ не удастся отодвинуть законодательство на цѣлые полвѣка назадъ»!—эти слова съ поразительною рѣзкостью характеризуютъ стремленія правой стороны палаты господъ. Во время преній по поводу новаго закона объ охотѣ, измѣненнаго палатою господъ въ интересахъ крупныхъ землевладѣльцевъ и отвергнутаго палатою депутатовъ почти безъ преній, графъ Брюль (Brühl), внукъ извѣстнаго государственнаго министра саксонскаго курфирста Августа II, жаловался на то, что судъ по дѣламъ охоты (Jagdvorstände), «разрѣшающій всѣ споры между землевладѣльцами и лицами, имѣющими право охоты, состоитъ изъ жидовъ, лавочниковъ и писцовъ, съ которыми порядочный человѣкъ стыдится начать дѣло»; — это выраженіе стало теперь общимъ мѣстомъ сатирической литературы, и графъ подвергся самымъ ядовитымъ намекамъ въ печати. Но пальму первенства въ этомъ отношеніи пріобрѣли бароны: Зенфтъ-Пильзахъ и Валдовъ-Стейнгёвель. Первый вошелъ въ ярость во время преній о наложеніи секвестра на имущество короля Георга и, стараясь доказать, что съ этимъ королемъ поступили слишкомъ снисходительно, напомнилъ палатѣ, что «потомки древнихъ ирландскихъ царей свиней пасли»; баронъ Валдовъ воскликнулъ во время преній о законѣ, увеличивающемъ пенсіи вдовамъ народныхъ учителей до 50 талеровъ (минимумъ) ежегодно: «я требую прежде, чтобы мнѣ показали хотя одну съ голоду погибшую вдову школьнаго учителя»! Эти грубости были до того очевидны каждому, что даже политическіе друзья ораторовъ заявили свой протестъ въ палатѣ господъ. Вѣнцомъ выходокъ было желаніе этихъ грубыхъ обскурантовъ не допустить эти выраженія въ публику или, по крайней мѣрѣ, исправить ихъ;—такъ, Зенфтъ-Пильзахъ совершенно зачеркнулъ свое знаменитое историческое напоминаніе, а Валдовъ замѣстилъ выраженіе: съ голоду погибшую, словомъ «голодающую», но этимъ эстетическая сторона дѣла не только не исправлена, но еще ухудшилась.

Оффиціозные органы поютъ, правда, хвалебные гимны о великихъ результатахъ послѣдней сессіи и не знаютъ предѣловъ прославленія мудрости министровъ въ томъ, что они успѣли, въ столь многихъ столкновеніяхъ обѣихъ палатъ парламента, примирить оба крайне противоположные лагеря. Какое блестящее торжество празднуетъ теперь графъ Бисмаркъ, который, еще при самомъ вступленіи своемъ въ управленіе государствомъ, заявилъ, что вся конституціонная жизнь состоитъ «изъ ряда компромиссовъ»! Но въ дѣйствительности въ этомъ восклицаніи нѣтъ ни на волосъ правды. Государство, живущее нор-

нальною жизнью, можетъ имѣть только *одинъ* центръ тяжести. Іосифъ Гельдъ, одинъ изъ проницательнѣйшихъ новѣйшихъ изслѣдователей государственнаго права, высказывается объ этомъ предметѣ весьма справедливо въ своихъ «Основаніяхъ общаго государственнаго права» (Grundzügen des Allgemeinen Staatsrechts): «Конституціонный организмъ государствъ долженъ самъ быть *единствомъ*, а слѣдовательно и подчиняться принципу *большинства*. При двупалатной системѣ необходимое единство обѣихъ палатъ должно, потому, обусловливаться или фактическимъ неравенствомъ, образующимся вопреки ихъ юридическому равенству, то-есть, *превосходствомъ силъ одной палаты надъ другою*, или *какою либо иною дѣятельностью политическихъ силъ*». Такъ оно и есть въ Англіи, гдѣ уже со временъ великой революціи центръ тяжести перешелъ въ палату общинъ, такъ оно и въ Пруссіи, гдѣ этотъ центръ тяжести находится въ рукахъ правительства, которое можетъ, по собственному произволу, и проводить либеральныя мѣры, оказывая давленіе на палату господъ, и задерживать ихъ, предоставляя палату господъ ея обычной жизни. Говоря снисходительно, прусская конституція оказывается *фикціею*, которая окончательно разрушаетъ взгляды прежнихъ нѣмецкихъ конституціонныхъ теоретиковъ, славившихъ выше всякой мѣры двупалатную систему.

Сѣверо-германскій парламентъ тоже началъ свои дѣла сильнымъ диссонансомъ. Такъ какъ прусская палата господъ отвергла проектъ такого измѣненія 24-й статьи конституціи, которое уничтожило бы всѣ толкованія въ пользу преслѣдованія членовъ палаты депутатовъ за ихъ парламентскія рѣчи, то вождь либерально-національной партіи Ласкеръ внесъ въ сѣверо-германскій парламентъ, какъ и въ прошломъ году, особый законъ объ этомъ предметѣ. Въ прошломъ году рейхстагъ принялъ проектъ такого закона (имѣющаго въ виду обезпечить свободу рѣчи во всѣхъ парламентахъ Союза) 119 голосами противъ 65; но союзный совѣтъ отвергъ его на томъ основаніи, что многіе члены нашли рейхстагъ лицомъ некомпетентнымъ въ рѣшеніи подобныхъ вопросовъ. Графъ Бисмаркъ заявилъ тогда, что онъ употребитъ все свое вліяніе съ цѣлью провести подобный законъ въ Пруссіи (въ чемъ собственно и заключается все дѣло), однако ему не удалось побѣдить сопротивленіе палаты господъ. Въ нынѣшній разъ тотъ же проектъ закона принятъ 140 голосами противъ 51; число тѣхъ депутатовъ, которые подавали свои голоса за предложеніе союзнаго канцлера, уменьшилось, а число его противниковъ увеличилось. Не смотря на то, канцлеръ остается при своемъ противорѣчіи, при чемъ, само собою разумѣется, онъ только отвращаетъ отъ себя довѣріе рейхстага. Между тѣмъ, хаотическое состояніе всѣхъ внутреннихъ дѣлъ только увеличиваетъ заботы о вооруженіи арміи и флота, возбуждаетъ духъ и рвеніе въ изгнанныхъ августѣйшихъ особахъ и ихъ

приверженцахъ, а также въ южногерманскихъ партикуляристахъ, которые договариваются, въ своемъ поношеніи всего прусскаго, до невѣроятныхъ вещей. Чтобы меня не упрекнули въ пессимизмѣ, замѣчу теперь же, что по моему твердому убѣжденію, иностранная война, начатая теперь противъ Пруссіи, вызвала бы, не смотря на всѣ распри и недовольства, не меньшее одушевленіе и готовность націи, какъ и въ 1866 году.

Среди литературныхъ явленій послѣдняго времени первое мѣсто безспорно занимаетъ новый трудъ Гнейста [1]), служащій, по всей вѣроятности, заключеніемъ всѣхъ работъ этого ученаго въ области англійской конституціи, такъ какъ въ этомъ сочиненіи Гнейстъ уже пытается приложить результаты своихъ изслѣдованій къ Германіи. Страшно длинное заглавіе должно предупредить читателя, что въ эту святыню слѣдуетъ вступать не легкомысленно, но съ нѣкоторымъ трепетомъ. И въ самомъ дѣлѣ, авторъ требуетъ отъ читателя ни болѣе ни менѣе, какъ предварительнаго основательнаго знакомства съ его прежними сочиненіями объ англійскихъ конституціонныхъ учрежденіяхъ и правахъ, иначе нечего и думать объ успѣшномъ изученіи этого толстаго тома въ 600 страницъ. Во всякомъ случаѣ, новое сочиненіе Гнейста написано не педантическимъ, понятнымъ языкомъ, но въ немъ скучена такая масса матеріаловъ, и онъ столь обиленъ разными воззрѣніями, что серьезному читателю необходимо запастись чрезвычайнымъ терпѣніемъ и усидчивостью. Гнейстъ держится того мнѣнія, что на материкѣ Европы вовсе не имѣютъ понятія о дѣйствительной сущности самоуправленія. Со временъ Монтескьё европейскіе ученые знали и изучали только англійскій парламентъ, но все то, что связано съ парламентомъ, все такъ-называемое «право правленія» (Verwaltungs Recht), зарытое въ парламентскихъ бумагахъ, которыхъ накопилось теперь до 2,000 томовъ *in-folio*,—всего этого вовсе не знали. Вотъ гдѣ причины тому, что наши конституціонныя теоріи лишены правомѣрныхъ основъ гражданской свободы. Представительное уложеніе соединяетъ государство и общество въ дружномъ взаимодѣйствіи по опредѣленнымъ законами формамъ, но въ Англіи, какъ во Франціи, оказалось невозможнымъ принять подобное уложеніе прямо въ живой организмъ общества. Общественные интересы, за исключеніемъ краткихъ мгновеній одушевленія, никогда не могли пожертвовать ближайшими выгодами своего собственнаго могущества высшимъ требованіямъ государства. Только самоуправленіе (selfgovernment) въ состояніи превозмочь эти противодѣйствія общественнаго строя и дать мѣру и цѣль

[1]) Verwaltung, Justiz, Rechtsweg, Staatsverwaltung und Selbstverwaltung nach englischen und deutschen Verhältnissen mit besondrer Rücksicht auf Verwaltungs Reformen und Kreisordnungen in Preussen. Von Dr. Rudolf Gneist. Berlin 1869. Verlag von Julius Springer.

ихъ колебаніямъ въ ту и другую сторону. Но самоуправленіе (Selbstverwaltung) основано на правѣ правленія, о которомъ на материкѣ ничего не знаютъ. Поэтому, говоритъ Гнейстъ съ неподдѣльною проніею, «всѣ главныя общественныя группы пріобрѣтаютъ свободное поле опредѣлять сущность самоуправленія какъ кому угодно. Крупное землевладѣніе высказалось за самоуправленіе, но понимало подъ нимъ лишь окружные и провинціальные *чины* (Kreisstände und Provinzialstände), то-есть прямо противоположное дѣйствительному *selfgovernment*. Движимая собственность тоже заявила себя въ пользу самоуправленія, разумѣя подъ нимъ окружные и деревенскіе *парламенты* (Kreisparlamente und Dorfparlamente), то-есть прямо противоположное дѣйствительному selfgovernment. Бюрократія, этотъ до сихъ поръ правительствующій классъ, тоже полюбила самоуправленіе, но думала лишь о французскихъ conseils и бургомистерствахъ, то-есть о прямо противоположномъ дѣйствительному selfgovernment. Связывать представленіе о государственной власти съ понятіемъ о томъ или другомъ общественномъ слоѣ — дѣло, до того обычное нашему уму, что каждый классъ населенія разумѣетъ подъ именемъ самоуправленія не что иное, какъ свою собственную автономію, къ которой онъ охотно стремится. Безнадежное противорѣчіе подобныхъ стремленій въ современномъ государствѣ скрывается потомъ подъ многозначительнымъ словомъ: «самоуправленіе», превосходство котораго никто не оспариваетъ.»

Я ограничилъ бы Гнейстомъ литературную часть своей корреспонденціи, еслибы не считалъ своимъ долгомъ указать вамъ на интересную писательницу, Марію Росковскую. Съ нѣкоторыхъ поръ, имя ея весьма часто встрѣчалось въ фельетонахъ разныхъ демократическихъ газетъ, и ея повѣсти быстро стали любимымъ чтеніемъ многочисленной публики. Въ настоящее время всѣ эти повѣсти появились въ отдѣльномъ изданіи [1]). Въ нихъ нѣтъ, впрочемъ, ничего особеннаго. Но интересна сама писательница, какъ первая женщина, подвергшаяся преслѣдованіямъ суда по дѣламъ печати. Ее привлекли къ суду за поношеніе государственныхъ учрежденій. Я полагалъ, что законодатели, не давая женщинѣ политическихъ правъ, не должны признавать за нею и политическихъ преступленій, но судьи руководствовались иными соображеніями и присудили Росковскую къ четырехнедѣльному тюремному заключенію, — при этомъ они оказались до того деликатными кавалерами, что разсыпались передъ осужденною въ самыхъ тонкихъ комплиментахъ на счетъ ея беллетристическаго таланта. И повѣсти Росковской дѣйствительно хорошо написаны, чѣмъ и объясняется, конечно, особенное вниманіе властей. Всѣ эти повѣсти пропитаны большою ненавистью къ господствующей въ школѣ и администраціи системѣ,

---

[1]) Unpolitische Geschichten. Von Marie von Roskowska. Berlin. 1869. Franz Duncker.

и авторъ превосходно проводитъ политическія тенденціи въ формѣ романа. Такъ, напримѣръ, въ ея разсказѣ: «Странствующій учитель» (то-есть такой, который не имѣетъ *одного* постояннаго мѣста, но долженъ посѣщать многія мѣстности), изображена несчастная судьба учителя деревенской народной школы, трудящагося изъ-за скуднаго куска хлѣба и наконецъ погибающаго за то только, что на выборахъ онъ не подалъ своего голоса за кандидата правительственной партіи, извѣстнаго игрока и пьяницу. Почтенная писательница умѣетъ, сверхъ того, выводить подъ самымъ прозрачнымъ покрываломъ извѣстныя личности и рисуетъ ихъ нельзя сказать чтобы очень лестно. Но судъ не нашелъ подсудимую виновною въ пасквилѣ.

Въ театрѣ дѣла идутъ плохо. Извѣстная пѣвица Лукка прибыла сюда изъ Петербурга больная и должна была подвергнуться операціи вырѣзыванія миндалевидныхъ желѣзъ. Эта операція, произведенная знаменитымъ профессоромъ Брунсомъ въ Тюбингенѣ, удалась вполнѣ. Теперь Лукка вернулась въ Берлинъ и появилась на сценѣ, — оперный театръ, поэтому, снова даетъ полный сборъ. Въ драматическомъ театрѣ, напротивъ, блистательно провалились одна за другою всѣ новыя піесы. Теперь ни для кого не тайна, что искусство на берлинской сценѣ глубоко пало. Не удостоилась одобренія публики и новая піеса прусскаго принца Георга, первое произведеніе котораго «Федра» имѣла, нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, «*succès* d'estime», какъ говорятъ французы. Сюжетъ нынѣшняго произведенія принца Георга заимствованъ изъ извѣстнаго разсказа Вольтера объ отравительницѣ Катеринѣ Вуазень, которая долго наводила ужасъ на парижскую знать и вызвала своимъ примѣромъ настоящую эпидемію отравленій.

Важнѣйшимъ событіемъ въ области искусства была въ послѣднее время картина Ганса Макарта: «Моръ во Флоренціи» или «Семь смертныхъ грѣховъ». Не всѣ, впрочемъ, придерживаются этого мнѣнія; иные находятъ болѣе важнымъ выставку проектовъ для постройки собора возлѣ королевскаго дворца. На эти обѣ выставки публики собирается весьма много; залы наполняются иногда до того, что пробраться въ нихъ нѣтъ возможности. Несомнѣнно, что архитектурные проекты весьма интересны, и такъ какъ проекты присланы сюда отовсюду, со всѣхъ концовъ міра, то я могъ бы написать цѣлый трактатъ о всевозможныхъ стиляхъ, но такими разсужденіями можно лишь наскучить читателю, тѣмъ болѣе, что замѣчательнаго во всѣхъ этихъ проектахъ было лишь то, что всѣ прусскіе архитекторы постарались превзойти другъ друга высотою: чѣмъ какой архитекторъ патріотичнѣе, тѣмъ проектированный соборъ выше. Во всякомъ случаѣ, онъ долженъ быть выше всѣхъ христіанскихъ соборовъ, даже выше св. Петра въ Римѣ.

Картина Макарта, выставленная здѣсь впродолженіи нѣсколькихъ

недѣль, замѣчательна по своей исторіи. Гансъ Макартъ, совершенно молодой человѣкъ и ученикъ мюнхенскаго художника Пилоти, до сихъ поръ не произвелъ ничего замѣчательнаго. Подъ вдохновеніемъ генія нарисовалъ онъ картину, самъ не зная, какъ ее назвать. Картина выставляется въ Мюнхенѣ и возбуждаетъ неудовольствіе въ клерикальной партіи. Возникаетъ горячій споръ,—картина переѣзжаетъ въ Вѣну, споръ разгорается еще съ бóльшимъ ожесточеніемъ. Въ Вѣнѣ ее покупаетъ какой-то торговецъ художественными вещами, съ цѣлью возить ее по всему міру и вездѣ выставлять на показъ за деньги. Теперь она привезена въ Берлинъ, оказываетъ здѣсь весьма сильное вліяніе и приводитъ въ движеніе всѣ критическія и эстетическія перья.

Картина распростерта въ продольномъ направленіи и распадается на три части, отдѣленныя другъ отъ друга рамами; но всѣ вмѣстѣ онѣ составляютъ одно цѣлое. На первой, лѣвой картинѣ видѣнъ портикъ дворца, убранный въ богатѣйшемъ стилѣ *renaissance*. Входятъ старые и молодые люди, разряженныя, полуобнаженныя женщины. У столовъ сидятъ мѣнялы, собирающіе золото; знатные кавалеры толпятся вокругъ нихъ. Нищіе и больные пробрались сюда, чтобы сбирать крохи, падающія со стола грѣха. Вправо занавѣска скрываетъ на-половину уже вовсе не двусмысленную сцену. Средняя картина представляетъ мраморную ванну съ купающимися женщинами, въ разныхъ позахъ: нѣкоторыя стоятъ, другія лежатъ, сидятъ. Въ срединѣ, въ самой срединѣ всей картины стоитъ нагая женщина — онѣ, впрочемъ, всѣ болѣе или менѣе нагія—голландской красоты, столь замѣчательно блестящей, что кажется, будто она освѣщаетъ всю картину. Эта фигура обращаетъ на себя всеобщее вниманіе, и на нее-то обрушилась цѣлая масса насмѣшекъ. Остроумный Глассбреннеръ сказалъ, что она похожа на морскую льдину, умный Френцель находитъ, что она страдаетъ водобоязнью, — самъ художникъ употребилъ на нее такъ мало краски, что кое-гдѣ проглядываетъ полотно. Вправо отъ этой женщины стоитъ другая, въ тяжеломъ красномъ бархатномъ платьѣ, и смотрится въ зеркало. Третій отдѣлъ картины изображаетъ вакханалію, особенно на лѣвой сторонѣ, гдѣ происходитъ страшная оргія; направо идетъ игра и убійство.

Въ концѣ всѣхъ концевъ, картину Макарта нельзя не признать произведеніемъ замѣчательнаго таланта; это признаютъ даже противники художника. Создалъ ли художникъ въ этой картинѣ свое *лучшее* или *единственное* произведеніе—объ этомъ разсуждать я не дерзаю. Изъ красивѣйшихъ цвѣтовъ не всегда образуются самые сочные плоды.

К.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

МАРТЪ.

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА.

Признаки времени и письма о провинціи. *М. Салтыкова* (*Щедрина*). Спб. 1869 г.

Имя г. Щедрина принадлежитъ къ именамъ настолько талантливымъ современной русской литературы, что, безъ сомнѣнія, займетъ въ исторіи ея видное мѣсто. Начавъ свою дѣятельность губернскими очерками, онъ породилъ цѣлую обличительную литературу, на поприще которой вышло вслѣдъ за нимъ многое множество писателей бездарныхъ и нѣсколько талантливыхъ. Одно время журналы только и питали свой беллетристическій отдѣлъ, что этою литературою; читатели бросались на нее съ жадностью, находя въ ней источникъ для благороднаго негодованія и для содержанія себя на высотѣ современныхъ требованій; но такъ какъ современныя требованія росли, а обличительная литература оставалась на точкѣ отправленія, выработавшись въ своего рода искусство съ особыми формами, пріемами, красками, съ извѣстными восклицаніями и умолчаніями, то въ читателяхъ замѣтно стало являться къ ней равнодушіе; все безталанное тотчасъ исчезло, талантливое, но не умѣвшее хорошенько оглядѣться вокругъ и найдти точки опоры въ болѣе широкихъ воззрѣніяхъ, чѣмъ тѣ, которыя требовались для бичеванія исправниковъ и становыхъ, тоже умолкло или пріискало для своихъ питаній болѣе подходящіе сюжеты. Если репутація г. Щедрина не только не упала во время этого крушенія обличительной литературы, но еще окрѣпла, значитъ въ его талантѣ была дѣйствительная сила, способная не на одно воспроизведеніе отживающихъ формъ жизни и на преданіе ихъ позору; сила эта заключалась въ воспріимчивости къ новымъ идеямъ и требованіямъ, въ бойкомъ, нѣсколько грубомъ юморѣ и въ извѣстной долѣ художественности.

Можно быть почти увѣреннымъ, что сравненіе г. Щедрина съ Кантемиромъ многіе найдутъ слишкомъ смѣлымъ, и смѣлымъ — совершенно несправедливо—но въ пользу г. Щедрина, на томъ единственномъ основаніи, что г. Щедринъ не успѣлъ еще обратиться въ классика; но намъ это сравненіе кажется весьма естественнымъ и даже необходимымъ для указанія того мѣста, которое должно принадлежать г. Щедрину въ исторіи русской литературы. Въ характерѣ дѣятельности того и другого писателя и въ ихъ положеніи относительно современниковъ много общаго, какъ много общаго между нашей эпохой и той, которая порождена была реформами Петра. Мы не думаемъ проводить пространной параллели, а только намѣтимъ главнѣйшія черты сходства и несходства. Общественныя силы,

какъ тогда, такъ и теперь, дѣлились на два лагеря, весьма отличныхъ другъ отъ друга и другъ съ другомъ боровшихся то явно, то тайно: лагерь сочувствующихъ реформамъ и вліяніямъ новой жизни и лагерь противниковъ ихъ; каждый лагерь, конечно, состоялъ изъ нѣсколькихъ отдѣловъ, отличавшихся другъ отъ друга не столько родовыми, сколько видовыми признаками. Типическое воспроизведеніе этихъ двухъ сторонъ общества съ ихъ видоизмѣненіями составляло задачу Кантемира, бѣднаго поэтическимъ талантомъ, но богатаго образованіемъ и извѣстными твердыми, хотя и нѣсколько узкими даже для того времени идеалами; туже задачу взялъ на себя и г. Щедринъ, богатый юморомъ и довольно бѣдный сколько-нибудь опредѣленными идеалами. Перечитывая г. Щедрина, трудно составить себѣ точное понятіе о его философіи, о его положительныхъ стремленіяхъ, о той обработанной и непоколебимой почвѣ, на которой казалось бы слѣдовало стоять беллетристу-изслѣдователю, какимъ онъ является въ первыхъ своихъ произведеніяхъ, и юмористу-сатирику, какимъ онъ является въ послѣднихъ. Оба, Кантемиръ и Щедринъ, каратели „глуповцевъ", оба—произведенія своей эпохи, но одинъ приступаетъ къ своимъ глуповцамъ съ яснымъ міровоззрѣніемъ, съ готовыми формами для мысли и образовъ, даже съ опредѣленной дозой одушевленія и негодованія; другой обладаетъ одушевленіемъ, завостреннымъ бойкимъ юморомъ, а потому болѣе сильнымъ, но безъ установившагося, глубоко продуманнаго политическаго или соціальнаго ученія. Направляя стрѣлы своего остроумія и юмора преимущественно на бюрократію, онъ почти также безъ почвы, какъ и она; сознавая ея положеніе, онъ проникается къ ней тѣмъ большею злостью, что чувствуетъ самъ въ себѣ туже безпочвенность. Кантемиръ вѣрно и здравомысленно судитъ своихъ современниковъ, стрѣляя изъ своей крѣпостцы не торопливо, усердно и долго прицѣливаясь, тщательно взвѣшивая каждый зарядъ пороха и словно боясь, что лишній золотникъ поведетъ къ разрыву орудія; онъ чувствуетъ подъ собою твердую землю и дѣйствуетъ, какъ исправный артиллеристъ, увѣренный въ своихъ познаніяхъ, но не совсѣмъ увѣренный въ своемъ талантѣ; у г. Щедрина больше таланта, больше вдохновенія, но онъ дѣйствуетъ подъ впечатлѣніемъ минуты, извѣстныхъ обстоятельствъ, даже личнаго раздраженія и увлеченія, и не жалѣетъ пороха для своихъ глуповцевъ, особенно, если убѣжденъ, что стрѣльба совершенно безопасна для самого артиллериста. Увлекаясь и раздражаясь, онъ иногда стрѣляетъ по пустому пространству, иногда принимаетъ за грознаго непріятеля невинныхъ овецъ, какъ принялъ ихъ за таковаго недавно одинъ изъ нашихъ генераловъ «что-то покорившихъ», иногда преслѣдуетъ бѣгущихъ непріятелей съ неудержимой злобой и хохотомъ, не проникаясь ни малѣйшею жалостью къ побѣжденнымъ; но чаще выстрѣлы его дѣйствительны и, мѣтко попадая въ одну и туже толпу, производятъ въ ней уронъ и нѣкоторое смятеніе. Холостые заряды, однако, оправдываются смягчающими обстоятельствами: артиллеристъ не полный хозяинъ своей баттареи и принужденъ иногда, скрѣпя сердце, наводить орудія вовсе не въ ту сторону, гдѣ стоитъ дѣйствительный непріятель. Онъ и махнулъ бы по немъ, махнулъ бы вѣрно и мѣтко, да заслоняетъ его нѣчто въ родѣ того облака, которое заслоняло іудеевъ отъ фараона. Все сказанное нами легко было бы подтвердить цитатами изъ книги, заглавіе которой выписано и которая заключаетъ въ себѣ послѣднія произведенія сатирика. Книгу эту можно считать квинтэссенціей щедринскаго юмора и сатиры; авторъ повторилъ въ ней себя самого, переложилъ прежніе образы въ разсужденія, кое-что объяснилъ глубже, кое-что добавилъ, примѣняясь къ росту общества. Съ этой книгою въ рукахъ можно приступить къ г. Щедрину, какъ съ гидомъ, уразумѣть его враговъ и даже опредѣлить, конечно отчасти только, его міровоззрѣніе.

Въ самомъ началѣ «Признаковъ времени и писемъ о провинціи» есть фраза бабушки Татьяны Юрьевны, обращенная къ внуку Николашенкѣ: «попомни ты, свѣтъ, рѣчь мою великую: не молви ты слова, языка твое напередъ не прикусивши»; въ другомъ мѣстѣ той же книги есть другая фраза, произносимая г. Щедринымъ отъ своего лица: «бываютъ положенія, къ которымъ нельзя относиться, по произволу, такъ или иначе, но въ виду которыхъ дѣлается обязательнымъ именно то, а не иное отношеніе». Эти прекрасныя правила можно было бы посовѣтовать всѣмъ нашимъ сатири-

нимъ особенно твердо памятовать; г. Щедрина мы тѣмъ менѣе можемъ исключить, что онъ вовсе не привыкъ обуздывать своего юмора. Юморъ—одно изъ самыхъ капризныхъ свойствъ писателя; онъ можетъ быть глубокъ и мелокъ, мѣтокъ и поверхностенъ; достоинства его настолько цѣнны, симпатичны и живучи, насколько широко и живуче развитіе самого писателя; великія способности художественныя могутъ подсказать часто то, что не даетъ никакое развитіе, но сравнительно небольшія художественныя способности требуютъ осмотрительности и вдумчивости. Въ жизни бездна комическаго: почти всякое явленіе можно разсматривать съ этой стороны, но «можно» не значитъ «должно». Въ книгѣ г. Щедрина есть одинъ разсказъ, который всего больше заставляетъ вспомнить слова Татьяны Юрьевны: «не молви ты слова, языка твоего не прикусивши». Разсказъ этотъ — «Новый Нарцисъ или влюбленный въ себя», возбудившій при самомъ своемъ появленіи неблагопріятные для автора толки. Нашлись люди, которые позволили себѣ прямо упрекнуть автора въ кажденіи бюрократіи. Упрекъ этотъ очевидно нелѣпъ въ отношеніи къ писателю, положившему лучшія силы свои отнюдь не въ курильницу съ ладаномъ; но упрекъ былъ заслуженъ, потому что авторъ направилъ свой юморъ на такое явленіе, которое показало признаки разложенія и нѣкоторую несостоятельность не вслѣдствіе внутренняго своего безсилія и лжи, а вслѣдствіе такихъ же обстоятельствъ, которыя ставятъ, напримѣръ, современнаго сатирика въ положеніе довольно комическое и безпомощное. «Сѣятели и дѣятели», какъ зло обозвалъ г. Щедринъ земскихъ людей, имѣли такое же право глубоко и основательно оскорбиться, какое имѣлъ бы современный сатирикъ, еслибъ сказали ему, что онъ вертится, какъ бѣлка въ колесѣ и говоритъ тоже о своего рода «попахъ, мостахъ и о наидешевѣйшемъ способѣ изготовленія нижняго бѣлья». При помощи юмора не совсѣмъ трудно сатиру самого г. Щедрина свести именно къ такимъ остроумнымъ предметамъ, хотя такое отношеніе къ дѣятельности даровитаго писателя заслужило бы со стороны безпристрастнаго мыслителя строгій, но справедливый приговоръ. Все дѣло вовсе не въ томъ, что сатирикъ хотѣлъ будто бы кому-то курить, а въ томъ, что юморъ его на этотъ разъ былъ направленъ не въ ту сторону, въ какую слѣдовало его направить, и притомъ направленъ въ такое время, когда было вовсе не до смѣху. Никакого умысла у г. Щедрина не было и даже не могло быть потому, что онъ человѣкъ искренній и честный; честность и искренность — тѣ качества, которыя замѣняютъ ему отчасти не совсѣмъ опредѣленную политическую и соціальную почву и съ которыхъ онъ никогда не сбивается; встрѣчающаяся иногда поверхностность и неглубина его юмора легко объясняется отчасти незначительною долею другихъ качествъ, на которыя мы указали и которыя совершенно необходимы для того, чтобъ никогда не сходить съ извѣстной высоты, отчасти обстоятельствами внѣшними, совершенно независящими отъ автора. Оставляя эти послѣднія въ сторонѣ, мы укажемъ еще на одинъ признакъ, характеризирующій первыя.

Въ настоящей книгѣ г. Щедринъ то и дѣло изъ области образовъ переходитъ на почву размышленій; пока онъ рисуетъ, съ свойственнымъ ему юморомъ, признаки какого-нибудь существующаго явленія, вы чувствуете его силу; но иногда ему кажется этого мало, и онъ уходитъ въ глубь явленія, стараясь отыскать и объяснить породившія его причины: тутъ онъ и скрывается въ непроницаемой тьмѣ, уразумѣть которую можно только развѣ при помощи особеннаго словаря и особенныхъ примѣчаній столь же длинныхъ, какъ и самое разсужденіе. Тоже самое приходится сказать и о нѣкоторыхъ картинахъ дѣйствительности, напр. объ очеркѣ «Легковѣсные», въ которомъ самое лучшее—заглавіе. Происходитъ ли это въ первомъ случаѣ оттого, что причины явленія ускользаютъ отъ самого сатирика, способнаго схватывать ярко только результаты, а во второмъ отъ привычки къ умолчаніямъ, намекамъ и аллегоріямъ, — разбирать не станемъ: для насъ въ настоящемъ случаѣ важенъ фактъ, который отрицать невозможно, и фактъ такого рода, что онъ черезъ десять лѣтъ сдѣлаетъ чтеніе нѣкоторыхъ очерковъ и разсужденій г. Щедрина столь же затруднительнымъ, какъ чтеніе іероглифовъ или по меньшей мѣрѣ сочиненій нашихъ мистиковъ и масоновъ. Трудно ожидать, чтобъ нашлись особые спеціалисты, которые взяли бы на себя трудъ объяснить намеки и аллегорію, но еслибъ не на-

чались они, потомство едва ли что-нибудь потеряетъ. Значеніе г. Щедрина вовсе не въ этомъ туманѣ и въ претензіяхъ на глубину: туманъ останется туманомъ, а въ глубину не всѣ же въ состояніи спускаться и выходить изъ нея невредимыми и цѣлыми. Значеніе г. Щедрина—въ искренности, въ ясныхъ, образныхъ фигурахъ и юморѣ. При этомъ, однако, нельзя не замѣтить, что, несмотря на продолжительную дѣятельность нашего писателя, онъ не далъ намъ ни одного яркаго, законченнаго образа, который былъ бы настолько значущъ, что представлялъ бы собою цѣлую страницу изъ современной исторіи и настолько цѣленъ, что обратился бы въ нарицательное имя. Образы, творимые г. Щедринымъ, обыкновенно какъ-то скоро блекнуть и не засѣдаютъ въ головѣ на всю жизнь. Мы опять не станемъ разбирать, отчего это происходитъ—отъ недостатка ли художественныхъ силъ, или отъ того, что самая среда, изъ которой преимущественно черпаетъ свой матеріалъ писатель, слишкомъ машинообразна и слишкомъ безцвѣтна, или оттого, наконецъ, что писатель, набрасывая свои очерки, постоянно старается выводить новыя лица, которыя въ сущности отличаются отъ прежнихъ только видовыми, а не родовыми признаками. Впрочемъ, послѣднее замѣчаніе говоритъ въ пользу того, что г. Щедринъ не достаточно обладаетъ способностью къ концепціи характеровъ.

Мы должны поставить г. Щедрину на видъ еще одинъ недостатокъ его очерковъ—ихъ растянутость, многорѣчивость, которая положительно мѣшаетъ цѣльному впечатлѣнію. Укажемъ для примѣра на статью «Хищники»; это едва ли не лучше всего, что есть въ настоящей книгѣ, и даже одинъ этотъ очеркъ, по глубинѣ и вѣрности мысли, стòитъ всѣхъ «Признаковъ времени» взятыхъ вмѣстѣ. Подъ именемъ хищничества сатирикъ разумѣетъ одно изъ наслѣдій крѣпостного права, выражающееся въ произволѣ однихъ надъ другими, въ преклоненіи передъ грубою силою. Это, по его словамъ, «стихія, которая движетъ нами, передъ которою мы пресмыкаемся и раболѣпствуемъ, которую мы во всякую минуту готовы обожествить... Это единственная сила, притягивающая къ себѣ современнаго человѣка, одно единственное понятіе, на счетъ котораго не существуетъ разногласія... Хищничество не вникаетъ и не убѣждается, но раздражается и наступаетъ... хищничество идетъ дальше какого-нибудь презрѣннаго Картуша; оно грабитъ, разоряетъ и уязвляетъ, и въ это же время находитъ справедливымъ, чтобъ въ уязвляемомъ судьбой играло сердце. Оно любитъ видѣть лица довольныя, и если факты не соотвѣтствуютъ его ожиданіямъ, то укоряетъ въ неблагодарности и нераскаянности. — «Представьте себѣ, вѣдь еще вздумалъ упираться, гадина! говорилъ однажды нѣкоторый молодой хищникъ, разсказывая мнѣ исторію одной расправы съ какою-то очень ничтожною и безъизвѣстною козявкою: мы его, знаете ли, за волосы, — такъ нѣтъ! корячиться вздумалъ... клопъ постельный»... Я взглянулъ хищнику въ лицо: оно пылало такимъ искреннимъ негодованіемъ, что мнѣ сдѣлалось жутко. — «И онъ васъ очень больно укусилъ.... этотъ клопъ?» спросилъ я не безъ волненія. — «Кто укусилъ? кого укусилъ? кто вамъ говоритъ, что укусилъ? напустился онъ на меня: развѣ эта мерзость кусаетъ? ее нужно истреблять... потому.... потому».... Онъ не могъ докончить, потому что негодованіе сковывало его мысль, сдавливало горло и задерживало тамъ приличныя случаю выраженія». Очеркъ этотъ написанъ съ страстнымъ одушевленіемъ, и всякая строка его понятна безъ всякихъ объясненій; но авторъ нашелъ нужнымъ руководить читателя и даже предостеречь его, чтобъ онъ не примѣнялъ написаннаго къ той или другой общественной сферѣ, къ тому или другому общественному классу. Предосторожность, по нашему мнѣнію, совершенно напрасная и только ослабившая разными вводными подробностями и повтореніями цѣлостность очерка.

Тоже самое должны мы сказать и о «Письмахъ о провинціи», которыхъ семь, но которыя легко могли бы умѣститься въ три. Превосходныя характеристики нѣсколько разжижены и тутъ лишнимъ многословіемъ и даже повтореніемъ давнымъ давно сказаннаго самимъ г. Щедринымъ нисколько не хуже, если не лучше, чѣмъ теперь. Главный интересъ этихъ писемъ сосредоточенъ на анализѣ трехъ группъ провинціаловъ, которыя г. Щедринъ называетъ «исторіографами», «піонерами» и «складными душами». Впослѣдствіи онъ прибавляетъ еще четвертую группу подъ име-

нымъ «ненавистникомъ», но въ сущности это тѣ же историографы, показанные только исключительно по отношенію къ одному факту, именно къ 19 февраля 1861 года. Раздѣленіе провинціаловъ на эти группы произошло вслѣдствіе наплыва лицъ судебнаго вѣдомства, «піонеровъ», которые отличаются дѣловитостью, скромностью и независимостью убѣжденій, качествами прежде не встрѣчавшимися, по крайней мѣрѣ, въ такой законченности, въ провинціи. «Историографы»—это тѣ, которые издревле привыкли понимать себя прирожденными историографами Россіи и зиждителями ея судебъ, и вдругъ это ихъ мнимое право оспаривается. Историографы, не обладающіе ни образованіемъ, ни начитанностью, никакими видными качествами, поднимаются именно во имя своего ничтожества и зависти и начинаютъ дѣйствовать, «отчасти лганьемъ, отчасти клеветою». «Піонеры» — постепеновцы, то-есть люди, вѣрующіе и совершенно раціонально въ преуспѣяніе отечества путемъ постепенныхъ реформъ, и такихъ-то людей «историографы» обвиняютъ въ нигилизмѣ, коммунизмѣ, въ стремленіи произвести революцію даже внѣшними формами, гуманнымъ обхожденіемъ, скромнымъ образомъ жизни, отсутствіемъ стремленія «бить подсудимыхъ по скуламъ и сгибать ихъ въ бараній рогъ». Но главное страшилище ихъ, представляемое піонерами, это — законность, «тотъ многоглавый минотавръ, съ которымъ сей новый Тезей искони ведетъ неустанную борьбу, и ведетъ далеко не безуспѣшно»... Ненавистникъ, какъ мы уже сказали, только видоизмѣненіе историографа, жалкое, почти помѣшанное отъ злобы существо на великую крестьянскую реформу. «Онъ всякую народную бѣду готовъ пріурочить къ 19-му февраля, потому что въ дурацкой его головѣ нѣтъ ни одной мысли, кромѣ мысли объ обидѣ, нанесенной ему этимъ ужаснымъ для него числомъ... Ненавистники не вздыхаютъ по угламъ, не скрежещутъ зубами втихомолку, но авторитетно, публично, при свѣтѣ дня и на всѣхъ діалектахъ изрыгаютъ хулу, и, не опасаясь ни отпора, ни возраженій, сулятъ покончить въ самомъ ближайшемъ времени съ тѣмъ, что они называютъ «гнусною закваскою нигилизма и демагогіи», и подъ чѣмъ слѣдуетъ разумѣть отнюдь не демагогію и нигилизмъ, до которыхъ ненавистникамъ нѣтъ никакого дѣла, а преобразованія послѣдняго времени». Это явленіе замѣчается, какъ извѣстно, и въ столицѣ, на него обращала вниманіе вся журналистика, но г. Щедринъ охарактеризовалъ его такими крупными, такими безподобными чертами, что послѣ него сказать нечего. Резюмируя всѣ толки о пьянствѣ, исходящіе отъ историографовъ, г. Щедринъ говоритъ: «Представьте себѣ страну, которой жители поголовно пьяны, въ которой господа съ утра до ночи пьютъ мадеру, а рабочій и прочій «подлый» народъ сивуху — какое будущее можетъ ожидать такую страну? Представьте себѣ: въ этой странѣ есть правосудіе, но оно отправляется въ пьяномъ видѣ; есть армія, но она защищаетъ отечество въ пьяномъ видѣ; есть администрація, но она распоряжается въ пьяномъ видѣ; есть, наконецъ, администрируемые, но они повинуются въ пьяномъ видѣ.... Вы, конечно, скажете, что все это не больше, какъ плоская и невѣроятная шутка, что это нелѣпо-волшебное представленіе, въ которомъ неожиданности и сверхестественности превращеній дозволено замѣнить здравый смыслъ,— да, это такъ, это дѣйствительно наглая и смѣха достойная шутка; но таковъ именно фонъ той картины, которую всласть рисуютъ передъ нами губернскіе историографы».

«Письма о провинціи» имѣютъ еще одно достоинство по отношенію къ характеристикѣ самого писателя. Мы сказали вначалѣ, что невозможно уловить у г. Щедрина опредѣленнаго міровоззрѣнія: только что успѣешь подумать, что онъ вотъ что̀, какъ, черезъ нѣсколько страницъ, приходишь къ убѣжденію, что ошибся. Въ «Письмахъ о провинціи», подписанныхъ въ «Отечественныхъ Запискахъ», гдѣ они первоначально были напечатаны, псевдонимомъ «Гуринъ», напротивъ, воззрѣнія г. Щедрина являются въ довольно опредѣленномъ видѣ: тутъ онъ просто защитникъ реформъ, ихъ сущности и широкаго примѣненія къ жизни, и во имя одного этого принципа онъ бьетъ историографовъ, ненавистниковъ и складныя души (подъ этимъ терминомъ онъ разумѣетъ людей безъ убѣжденія, перебѣгающихъ отъ піонеровъ къ историографамъ и на оборотъ, и кончающихъ тѣмъ, что оба лагеря ихъ отвергаютъ). Намъ кажется, что тутъ-то именно и скрывается настоящій, искренній Щедринъ. Если же въ другихъ произ-

веденіяхъ онъ является съ физіономіей менѣе опредѣленною, то это происходитъ отъ большого запаса юмора, который не сдерживается вслѣдствіе честнаго чувства противъ реакціонныхъ замашекъ и бьетъ иногда, не достаточно разбирая кого. Но неопредѣленность все-таки существуетъ и все-таки мѣшаетъ сатирѣ быть совершенно ясною; легкій скептицизмъ, не совсѣмъ удобный въ наше всеизмѣряющее и извѣшивающее время, старается замаскироваться въ нѣчто такое, что будто бы весьма далеко идетъ, дальше, чѣмъ всѣ другіе, и не замѣчаетъ, что производитъ каррикатуру и шаржъ, даже фельетонъ, дѣйствіе которыхъ скоропреходяще, какъ веселость послѣ хорошаго обѣда.

Сочиненія и переводы *А. Н. Баженова.* **Съ портретомъ автора. Москва. 1869. XIII и 814 стр.**

Многіе могутъ спросить, за чѣмъ собраны и изданы статьи, статейки и замѣтки покойнаго Баженова, писателя весьма мало замѣчательнаго и совсѣмъ неизвѣстнаго? Наша критика любитъ ставить такіе вопросы, потому что на нихъ очень легко отвѣчать съ юморомъ и злостью и совсѣмъ забить маленькаго писателя. За чѣмъ онъ явился, кто его просилъ, кто требовалъ? Пусть бы забавлялся себѣ съ маленькимъ талантомъ своимъ и маленькими идейками въ летучихъ листкахъ. Рецензенты простираютъ иногда заботливость свою до того, что начинаютъ жалѣть бумагу и наборъ и принимаются высчитывать напрасно затраченный капиталъ, какъ будто онъ похищенъ изъ собственнаго ихъ кармана или употребленъ въ самомъ дѣлѣ на позорное дѣло. Намъ кажется, что напрасны подобныя сожалѣнія и тупы стрѣлы, направленныя въ тѣхъ, которые и безъ того малы: въ каждомъ человѣкѣ, особенно такомъ, которому кажется, что жизнь онъ прожилъ не даромъ, весьма естественно желаніе услышать судъ современниковъ и оставить послѣ себя частицу своей личности въ написанномъ. Добросовѣстное отношеніе къ такимъ писателямъ тѣмъ болѣе необходимо, что не требуется ни особеннаго ума, ни особеннаго таланта для того, чтобъ «сказнить» ихъ, и «сказнить» безъ всякой пользы для современниковъ и потомства, иногда единственно для того, чтобъ показать свое дешевое остроуміе. Критика должна опредѣлить только значеніе писателя и не задаваться вопросами ея некасающимися.

Сочиненія Баженова изданы его родственниками и составятъ три большихъ тома. Главная дѣятельность его посвящена была театру, но онъ упражнялся также и въ другихъ родахъ литературы, перевелъ стихами всего Анакреона, нѣсколько пѣсенъ «Нибелунговъ» и двѣ комедіи Аристофана «Осы» и «Птицы». О московскомъ театрѣ сталъ онъ писать съ 1859 г. и продолжалъ почти непрерывно до самой своей смерти, въ 1867 г., преимущественно въ основанной имъ газетѣ «Антрактъ». Не обладая талантомъ, Баженовъ приготовлялся къ дѣятельности театральнаго рецензента весьма добросовѣстно, много читалъ объ искусствѣ, даже изучалъ все то, что написано было объ этомъ на нѣмецкомъ языкѣ, и никогда не вносилъ въ свои отзывы ни пристрастія, ни дружескихъ отношеній. По эрудиціи это былъ едва ли не самый сильный изъ всѣхъ нашихъ театральныхъ рецензентовъ, бывшихъ и настоящихъ, а потому чтеніе его не безполезно для нашихъ сценическихъ дѣятелей, обыкновенно не руководящихся ничѣмъ, кромѣ своего собственнаго, за-частую весьма жалкаго вдохновенія. Какъ человѣкъ, однако, безъ таланта, онъ впадалъ иногда въ крайнюю односторонность, какъ при разборѣ театральныхъ пьесъ, такъ и въ сужденіяхъ своихъ о значеніи сцены вообще. Исходя изъ довольно узкихъ нравственныхъ и соціальныхъ доктринъ, онъ съ необыкновенной настойчивостью требовалъ классическаго репертуара и, благодаря его настояніямъ, московская сцена одно время была запружена Мольеромъ, Кальдерономъ и проч. Онъ стоялъ также за русскія классическія пьесы и написалъ хорошую статью о необходимости обновленія сценической постановки «Горе отъ ума». Безусловный поклонникъ Шекспира, онъ говорилъ: «пусть пьесы его исполняются на нашей сценѣ не совсѣмъ удачно, пусть разучиваются даже по переводамъ Кетчера, но пусть только исполняются и разучиваются. Покойный Линкольнъ, страстно любившій англійскаго поэта, говаривалъ: «Мнѣ дѣла нѣтъ, хорошо или дурно разыгрываютъ Шекспира: у него мысль замѣняетъ все остальное». Кромѣ значенія матерьяла для исторіи московскаго театра и небезполезнаго чтенія для актеровъ, первый

томъ представляетъ нѣсколько фактовъ для характеристики общественной жизни. Такъ напр., въ концѣ 1864 г. Баженовъ помѣстилъ въ «Антрактѣ» разборъ спектакля, даннаго въ пользу Симбирска нѣкоторыми лицами высшаго московскаго общества. Рецензія была написана съ большою сдержанностью и въ формахъ вполнѣ приличныхъ, и однако вызвала въ благотворителяхъ негодованіе, дошедшее до крайняго комизма. «Какъ—разсуждали дамы высшаго общества—мы удостоиваемъ общество чести публично показывать себя и дочерей нашихъ съ эстрады и вмѣсто того, чтобъ падать ницъ предъ нашею condescendence, находятся люди, дерзающіе разбирать наши gestes et paroles, хвалить одно, хулить другое". Дѣло не кончилось домашними пересудами и перешло въ печать. Князь Кугушевъ счелъ своею обязанностью написать возраженіе, въ которомъ находятся между прочимъ слѣдующія строки: «Какъ я не могу себѣ представить кого либо выше Садовскаго въ Расплюевѣ, такъ я не могу себѣ вообразить любительницы-артистки изящнѣе г-жи Мясоѣдовой. Княжна Трубецкая, не будучи артисткой, ни по рожденію, ни по призванію, *согласилась въ пользу погорѣвшихъ показать себя съ эстрады:* тутъ, какъ и въ жизни, она была княжной Трубецкой. Честь ей и слава за это!.. Г. Кислинскій былъ вполнѣ прекрасенъ, еслибъ неумѣстное и странное щелканье не мѣшало его игрѣ. *Согласиться щелкать можно только въ пользу погорѣвшихъ*"...

Записки очевидца о событіяхъ въ Варшавѣ въ 1861 и 1862 годахъ. Составилъ по документамъ *А. Подвысоцкій*. Спб. 1869.

«Записки» эти даютъ нѣкоторое понятіе о состояніи Варшавы и польскаго общества передъ началомъ возстанія. Заключая въ себѣ нѣсколько оффиціальныхъ документовъ, онѣ могутъ служить историческимъ матеріаломъ. Къ сожалѣнію, авторъ не чуждъ того полицейско-патріотическаго отношенія къ полякамъ, которое можетъ быть понятно во время возстанія, но совершенно неумѣстно, когда страсти улегаются. Это странное отношеніе заставляетъ даже русскаго читателя осторожно относиться къ свѣдѣніямъ, сообщаемымъ г. Подвысоцкимъ, а о полякахъ, конечно, и говорить нечего. Впрочемъ, этого ингредіента у г. Подвысоцкаго мало сравнительно, напримѣръ, съ такими историками, какъ гг. Ратчъ и Гогель, которые вообразили, что историческіе факты суть не что иное, какъ приговоръ негласной слѣдственной коммиссіи, а историческая критика есть не иное что, какъ наборъ славословій въ пользу однихъ и наборъ проклятій на голову другихъ. Побѣдителямъ прилично держать себя спокойно и не ронять напрасно своего достоинства тѣмъ гнѣвомъ, который также мало походитъ на гнѣвъ Зевса, какъ гнѣвъ полицейскаго служителя. Читая записки г. Подвысоцкаго, невольно сравниваешь теперешнее положеніе царства польскаго съ положеніемъ его передъ возстаніемъ. Стоитъ вспомнить, напримѣръ, пріѣздъ архіепископа Фелинскаго въ Варшаву въ январѣ 1862. Распорядившись открытіемъ костеловъ, закрытыхъ передъ тѣмъ его предшественникомъ, какъ поруганныя будто бы военной силой, позволившей себѣ вступить въ храмъ, Фелинскій произнесъ въ каѳедральномъ соборѣ рѣчь, навлекшую ему открытыя преслѣдованія со стороны поляковъ. Чтожъ было чрезвычайнаго въ этой рѣчи? Въ чрезвычайно мягкихъ выраженіяхъ касаясь пѣнія революціонныхъ гимновъ въ храмахъ, Фелинскій говорилъ: «Эти пѣсни были хороши, потому что выразили властямъ чего мы желаемъ. Теперь же начальство познало эти наши желанія. Я именно являюсь объявить и сообщить вамъ пріятную надежду, что монархъ желаетъ удовлетворить нужды нашего края. Я говорилъ съ монархомъ и говорилъ долго. Онъ объявилъ мнѣ, что не желаетъ лишить насъ ни народности нашей, ни религіи, что исполнитъ обѣщанія, предоставить все, чего желаемъ; но при этомъ поставилъ одно условіе, чтобы край успокоился, чтобы прекратилось пѣніе запрещенныхъ гимновъ. Поэтому, братья, заклинаю васъ и прошу во имя Бога, во имя спокойствія отчизны, воздержитесь на нѣкоторое время отъ пѣнія этихъ гимновъ. Вы скажете, быть можетъ, что обѣщанія, дававшіяся вамъ монархомъ, иногда не были исполняемы. На это скажу вамъ: имѣю слово монарха, что теперь они будутъ исполнены». Выражаться свободнѣе съ церковной каѳедры кажется трудно, а между тѣмъ рѣчь произвела неудовольствіе: такъ настроено было общество предводителями возстанія. Извѣстно, что наше правительство дѣйствительно готово было на уступки и дѣлало ихъ; уступки эти резюмируются такъ въ корреспонденціи изъ Варшавы въ одну

нѣмецкую газету, корреспонденціи, которая перепечатана была въ «Варшавскомъ Дневникѣ» на видномъ мѣстѣ: «Польша два года тому назадъ была немного болѣе русской области; теперь она автономическое, какъ бы личнымъ союзомъ соединенное съ Россіей королевство. Въ главѣ управленія находится младшій братъ императора, а при немъ находится способнѣйшій мужъ Польши нынѣшняго времени (маркизъ Велепольскій). Совѣтъ управленія, въ прежнее время составленный изъ русскихъ, нынѣ состоитъ почти исключительно изъ поляковъ и мужей возвысившихся заслугой. Государственный совѣтъ, составленный почти изъ однихъ поляковъ, извѣстныхъ опытностью, любящихъ свой край патріотовъ, представляетъ собою дѣятельный органъ потребностей края. Всѣ высшія должности замѣщены почти исключительно поляками. Въ числѣ нѣсколькихъ тысячъ чиновниковъ края нѣтъ и ста русскихъ, да и тѣ большею частію знаютъ польскій языкъ. Провинціи царства имѣютъ законно-установленные, хоть еще и не созванные губернскіе совѣты, а уѣзды—уѣздные совѣты. Во всѣхъ большихъ городахъ уже введены городскіе совѣты на выборномъ началѣ», и проч. Изъ этого видно, что провинція Россійской имперіи въ другой разъ со временъ Александра I начинала пріобрѣтать то, чего не имѣла сама имперія. При открытіи государственнаго совѣта въ сентябрѣ 1862 г., великій князь намѣстникъ говоритъ рѣчи на польскомъ языкѣ; упомянувъ о томъ, что городскіе выборные совѣты трудятся съ пользой, онъ продолжаетъ такъ: «полученныя нынѣ просьбы отъ 17 городовъ объ учрежденіи въ нихъ также совѣтовъ, служатъ новымъ доказательствомъ сознанія въ краѣ этой институціи. Одновременно съ вашими совѣщаніями, открывается университетъ, политехническій институтъ и другія учебныя заведенія въ краѣ, организація которыхъ одобрена въ прошедшихъ засѣданіяхъ государственнаго совѣта, при обсужденіи проекта закона о народномъ образованіи. Благодаря отеческой заботливости государя императора, самоуправленіе царства польскаго получило новое подтвержденіе, отдѣленіемъ отъ главныхъ управленій въ имперіи еще нѣкоторыхъ отраслей службы въ царствѣ, какъ-то: почтъ, путей сообщенія и другихъ». Въ заключеніе рѣчи великій князь намѣстникъ говоритъ о проектахъ законовъ, доказывающихъ желаніе правительства дать Польшѣ прогрессивныя преобразованія. И все это было такъ недавно, какихъ-нибудь шесть лѣтъ назадъ, и все это однако кажется дѣломъ столь давнимъ, что чтеніе этихъ документовъ производитъ, при настоящемъ положеніи царства польскаго, впечатлѣніе, въ которомъ трудно отдать себѣ обстоятельный отчетъ. Рѣчь объ автономіи царства не раздается больше изъ правительственныхъ сферъ, но объ ней молчитъ даже и печать, какъ о дѣлѣ несбыточномъ и невозможномъ. Возстаніе произвело коренной переворотъ во мнѣніи правительства и въ общественномъ мнѣніи.

Виленскій Сборникъ. Издалъ *В. Кулинъ*. I. Вильно. 1869.

Г. Кулинъ издалъ этотъ сборникъ, руководствуясь желаніемъ „распространить въ русскомъ обществѣ полезныя свѣдѣнія о сѣверо-западныхъ губерніяхъ". Желаніе совершенно похвальное. «Не могу, однако, не выразить сожалѣнія—говоритъ онъ—что по обстоятельствамъ, какъ Записки Добрынина, такъ и большая часть и другихъ статей, не могли быть напечатаны въ томъ видѣ, въ какомъ онѣ были написаны». Тѣ обстоятельства, о которыхъ говоритъ г. Кулинъ,—цензура. Г. Кулинъ человѣкъ благонамѣренный и патріотъ, сборникъ составленъ въ благонамѣренномъ и патріотическомъ духѣ; значитъ, цензура преслѣдуетъ этотъ духъ? Судя по статьямъ сборника, этого предположить невозможно: во-первыхъ потому, что нѣкоторыя изъ нихъ написаны даже въ чрезмѣрно-полемическомъ тонѣ противъ ксендзовъ и пановъ, а во-вторыхъ потому, что самъ г. Кулинъ ставитъ русскому чиновнику XVIII вѣка, Добрынину, въ вину такое чувство, какъ «гуманность», «которая, продолжаетъ г. Кулинъ, укрѣпляла врожденную его наблюдательность, но сама по себѣ не могла дать автору ясныхъ политическихъ воззрѣній и научить его понимать проходившія передъ его глазами явленія политической жизни — недостатокъ, отъ котораго впрочемъ начали освобождаться образованные русскіе люди». Понятно, что человѣкъ, ставящій въ вину русскому «гуманность», не можетъ допустить въ свой сборникъ ничего такого, что было бы гуманно и, стало быть, не совсѣмъ благонамѣренно. Если онъ допустилъ записки Добрынина, то единственно по-

тому, что „въ Добрынинѣ этотъ недостатокъ (гуманность) не былъ слишкомъ силенъ". Строгость цензуры, значитъ, слѣдуетъ искать въ чемъ-нибудь другомъ. Записки Добрынина даютъ намъ матеріалъ для сужденія: только одна часть этихъ записокъ, именно нашествіе французовъ, явилась въ полномъ видѣ, остальное, гдѣ онъ разсказываетъ свое служебное поприще, свои сношенія съ генералъ-губернаторомъ Пассекомъ, который постоянно заставлялъ его исполнять свои частныя порученія, ѣздить изъ Могилева въ Москву, Тамбовъ, Пензу, Таганрогъ, причемъ Добрынинъ видѣлъ «разнаго званія людей» (отъ Державина до подрядчиковъ)—обо всемъ этомъ передано либо въ отрывкахъ, либо въ перифразѣ. Такимъ образомъ, мы можемъ заключить, что виленская цензура не могла помириться съ откровенностью Добрынина, какъ относительно Державина, такъ и могилевскихъ чиновниковъ XVIII вѣка.

Сборникъ состоитъ изъ матеріала этнографическаго, между которымъ можно указать на статью г. Крачковскаго «Очерки быта западнорусскаго крестьянина», составленные на основаніи свѣдѣній, доставленныхъ сельскими учителями, и матеріала историческаго. Изъ послѣдняго стоило печатать только записки Добрынина, заключающія въ себѣ не мало интересныхъ подробностей мѣстнаго быта и живое описаніе нашествія французовъ, пребыванія Наполеона въ Витебскѣ, грабежи французскихъ солдатъ и бѣдствія населенія, которое умирало съ голоду, такъ какъ цѣна хлѣба за фунтъ поднялась до 1 р. 50 коп. (рубль былъ серебряный и считался въ 450 коп.). Добрынинъ зналъ и встрѣчалъ многихъ дѣятелей, графа З. Г. Чернышева, тогдашняго бѣлорусскаго главнокомандующаго, генералъ-адъютанта Вязмитинова, Пассека, бѣлорусскаго военнаго губернатора герцога Александра Виртембергскаго, императоровъ Іосифа и Наполеона и императрицу Екатерину. Іосифа и Екатерину онъ видѣлъ въ Могилевѣ, но любопытнаго сообщилъ объ нихъ только то, что «великимъ людямъ потребны великіе замыслы», или: «не разсуждая полнымъ смысломъ о качествѣ и жребіи царей, разсуждалъ я тогда по своему: возможно ли, думалъ я, что встрѣтясь съ нимъ (съ Іосифомъ, гулявшимъ инкогнито по Могилеву) можно было замѣтить, что онъ глава 26-ти милліоновъ знатнѣйшаго на земномъ шарѣ нѣмецкаго народа»? О лицахъ менѣе высоко поставленныхъ Добрынинъ сохранилъ болѣе яркія черты. Первое значительное лицо, которое встрѣчаемъ мы у Добрынина, витебскій землевладѣлецъ, генералъ Боборыкинъ. Онъ принималъ Добрынина, лежа въ банѣ на полку безъ одѣянія. Уже и это оригинально, но генералъ былъ еще оригинальнѣе, когда находился въ чинѣ майора. Узнавъ, что единственный сынъ его убитъ на сраженіи, онъ позвалъ полковую музыку, назвалъ гостей и пировалъ цѣлыя сутки. Екатерина обратила вниманіе на этотъ пиръ, и когда ей объяснили его значеніе, она сказала: «видно, старик припалъ сердечный смѣхъ».—«Нѣтъ, отвѣтствовали ей, и въ такомъ присутствіи духа каждому въ слезахъ говоритъ: «для благороднаго человѣка нѣтъ славнѣе мѣста умереть, как сражаясь за отечество». Монархиня оцѣнила Боборыкина по достоинству, «пріемля на себя попеченіе помогать и награждать его потери во всѣ остатки дней своихъ». Когда послѣ того умерла жена его, то онъ два года въ церковь не ходилъ и не хотѣлъ признавать ничего за святое. Но это горе было уврачевано великимъ торжествомъ, полученнымъ имъ въ Москвѣ. Причина торжества заключалась въ томъ, что Боборыкинъ не отказывалъ въ просьбахъ маменькамъ, тетушкамъ и бабушкамъ, когда он просили его о производствѣ въ унтеръ-офицеры и сержанты «россійскаго благороднаго юношества». Майоръ это дѣлалъ не за деньги, какъ другіе, а единственно по добротѣ сердечной, юношество же радовалось тѣмъ болѣе, что изъ унтеръ-офицеровъ и сержантовъ выпускалось поручиками и капитанами. Пріѣхалъ майоръ въ Москву, пошелъ въ театръ и сѣлъ въ партерѣ. «Черезъ минуту, разсказывалъ онъ Добрынину, по всему театру пошелъ гулъ,— далѣ больше, далѣ больше и вдругъ въ ложахъ и въ партерѣ ударили въ ладоши и закричали: Петръ Иванычъ Боборыкинъ! П. И. Б! а г-жи княгини, графини и другихъ знатныхъ фамилій, будучи бабушки, тетушки, матушки, сестрицы, во всю мочь кричатъ со всѣхъ мѣстъ: дайте намъ Бобарыкина! покажите намъ благодѣтеля нашихъ дѣтей! нашихъ внуковъ! нашихъ братьевъ! племянниковъ! Иныя вскакиваютъ на стулы, на парапетъ и кричатъ: на руки его! на руки его!..»

Торжество, какъ видно, доставалось тогда

не особенно трудно, и торжественность вообще любили. Графъ Г. З. Чернышевъ, напр., учредилъ въ Могилевѣ такой церемоніалъ: когда онъ самъ посѣщалъ намѣстническое правленіе, то на небольшомъ разстояніи предъ крыльцомъ правленія ожидали его придверники или швейцары отъ намѣстн. правленія, отъ трехъ палатъ, отъ совѣстнаго суда, отъ приказа общественнаго призрѣнія и отъ обоихъ департаментовъ верхняго земскаго суда по одному. Они были въ перевезяхъ, малиноваго цвѣта, по мундиру синяго цвѣта и, держа передъ собою мѣдныя булавы, предходили штату государева намѣстника до дверей намѣстническаго правленія». Такая же почесть дѣлалась губернатору въ небытность въ губерніи генералъ-губернатора. Этотъ порядокъ очень нравится Добрынину и, когда въ 1797 г. его отмѣнили, онъ замѣчаетъ: «мнѣ, будучи уже совѣтникомъ, часто случалось всходить на лѣстницу въ присутствіе, смѣшавшимся вмѣстѣ съ заслуженными инвалидами, съ криминальными преступниками, сопровождаемыми блестящими тесаками. Меня эта пестрота и равенство всегда забавляли; но порядокъ всегда оскорбляется тамъ, гдѣ шутки не кстати». И этого-то Добрынина г. Кулинъ упрекаетъ въ гуманности! Странные взгляды на гуманность существуютъ въ Вильнѣ.

Чиновничій бытъ характеризуется разсказомъ о «масоніи», которую учредилъ начальникъ губернаторской канцеляріи, Алѣевцевъ. «Масонія» состояла въ томъ, что Алѣевцевъ напаивалъ канцеляристовъ и другихъ своихъ гостей шампанскимъ, которое стоило тогда въ Могилевѣ 1 р. 60 к. за бутылку и среди пирушки вскрикивалъ: «мы здѣсь всѣ братья, масоны»! Остальные гости вторятъ крикомъ: «любезный братъ! прими отъ насъ лобзаніе»! и, по указанію Алѣевцева, бросаются на какого-нибудь «благороднаго канцеляриста», который въ чемъ-нибудь провинился, напр., не ходилъ въ канцелярію, не хорошо пудрился, носилъ грязное бѣлье и проч. Виновнаго раздѣвали и клали на скамейку, крича «безпрерывно во всю мочь: «любезный братъ, прими отъ насъ лобзаніе» и нашептываютъ, что, по правиламъ масонства, надо испытать его твердость духа—тѣмъ для него хуже, если онъ не желаетъ. Затѣмъ приготовленные пука два льника начинаютъ свое дѣло. Кричи сколько и какъ ему угодно, его никто не слышитъ потому, что всѣ безпрерывно кричатъ: «любезный братъ! прими отъ насъ лобзаніе!» а другіе, сидя спокойно по мѣстамъ, воспѣваютъ: «ельникъ мой ельникъ, частый мой березникъ» и прочія простонародныя пѣсни». Этой забавѣ очень сильно преданъ былъ Алѣевцевъ. Дошло до губернатора, что Алѣевцевъ завелъ масонію. — «Какую ты масонію завелъ?» спросилъ его встревоженный губернаторъ, и очень смѣялся узнавъ въ чемъ дѣло. Когда образовалось намѣстничество, его перевели ассессоромъ въ казенную палату. Добрынинъ очень симпатизируетъ этому горю и, будучи, по виленскимъ понятіямъ, гуманнымъ человѣкомъ, замѣчаетъ: «его всѣ почитали и желали имѣть въ немъ надобность, но онъ, будучи обезкураженъ незавидною для него вакансіею, и находясь на свободѣ, не могъ самъ собою управлять, отолстѣлъ и вскорѣ умеръ».

Не считая Добрынина особенно гуманнымъ человѣкомъ, мы тѣмъ не менѣе жалѣемъ, что записки его не явились цѣликомъ: онѣ вполнѣ бы того заслуживали не только по содержанію, но даже по изложенію, которое мѣстами обнаруживаетъ въ авторѣ литературный талантъ.

А. С—нъ.

Систематическій каталогъ русскимъ книгамъ, продающимся въ книжномъ магазинѣ А. Ѳ. Базунова, съ указаніемъ 20,000 критическихъ статей, рецензій и библіографическихъ замѣтокъ, изъ всѣхъ період. изд. и сборниковъ, вышедшихъ въ свѣтъ съ 1825 до 1869 года, и 400 переводовъ русск. сочиненій на иностранные языки, въ отдѣльныхъ изданіяхъ. Состав. *В. И. Межовъ.* Спб. 1869. Стр. 995. Ц. 2 р. 25 к.; съ перес. 2 р. 75 к.

Заглавіе книги ясно говоритъ и о ея назначеніи и объ объемѣ самаго труда, вмѣстившаго въ себѣ до 12,000 заглавій, изъ которыхъ 7,200 сопровождаются критическими и библіографическими указаніями. Предисловіе г. Межова предупреждаетъ всѣ строгія требованія, которыя обыкновенно предъявляются въ виду подобныхъ сложныхъ и кропотливыхъ трудовъ, хотя и при своихъ недостаткахъ подобныя изданія остаются величайшею заслугою предъ литературой и наукой. Въ заключеніе предисловія, авторъ проситъ всѣхъ, кто откроетъ недостатки и просмотры въ отдѣльныхъ случаяхъ, сообщить о томъ составителю

для исправленія въ слѣдующемъ изданіи, и остается только пожелать, чтобы каждый, въ вопросѣ лично его интересующемъ, оказалъ такое легкое содѣйствіе составителю каталога. Самый каталогъ раздѣленъ по наукамъ на 16 отдѣловъ, съ двумя дополненіями къ нимъ, и съ алфавитнымъ указателемъ именъ авторовъ, составителей, критиковъ и рецензентовъ. „Каталогъ" обнимаетъ собою почти пятидесятилѣтіе нашей литературы и науки, представляя собою такъ сказать статистику нашего умственнаго труда; потому мы видимъ въ этомъ каталогѣ болѣе нежели справочную книгу; это—лучшее руководительство для тѣхъ, кто захотѣлъ бы представить обзоръ успѣховъ нашей умственной жизни за послѣднее пятидесятилѣтіе.

Особенную цѣну пріобрѣтаетъ каталогъ указаніемъ критикъ и рецензій слишкомъ на половину изданныхъ книгъ, и для будущаго историка нашей литературы эти указанія драгоцѣнны, представляя ему готовый матеріалъ, который пришлось бы каждому отъискивать съ величайшимъ трудомъ.

Такъ какъ предпринятое А. Ѳ. Базуновымъ изданіе будетъ имѣть продолженіе — по крайней мѣрѣ этого нужно желать—то мы посовѣтовали бы почтенному издателю съ нынѣшняго года издавать подобный каталогъ по годам начиная съ текущаго, и потомъ на основ ніи такихъ ежегодныхъ каталоговъ, въ кажд десятилѣтіе возобновлять свой систематическі каталогъ, сдѣлавъ въ немъ исправленія и д полненія. Составленіе ежегоднаго катало несравненно легче и удобнѣе, а впослѣдстві такіе ежегодные каталоги составятъ готовы матеріалъ для каталога періодическаго. Пр такой системѣ мы получимъ самый полны и исправный каталогъ, напр., въ 1875 год когда исполнится первое пятидесятилѣтіе, п слѣдовавшее за Александровскою эпохою н шей литературы, и за тѣмъ изданіе возобн вится черезъ 10 лѣтъ и т. д. Самое трудное- начало — сдѣлано, и было бы достойно сож лѣнія, если бы мы и остались при одномъ н чалѣ, заслуживающемъ впрочемъ по себѣ по. ную признательность всѣхъ любителей отеч ственной литературы и науки.

Мы слышали, что А. Ѳ. Базуновъ готови такое же изданіе для обзора всѣхъ стате вошедшихъ въ наши журналы. Это было б не менѣе важною заслугою, такъ какъ у на весьма часто литература почти цѣликомъ ух дила въ журналы, и подобный указатель п служилъ бы огромнымъ дополненіемъ къ в шедшему нынѣ „Каталогу книгъ".

Отвѣтъ на рецензію, напечатанную въ № 2 «Вѣстника Европы» за 1869 г. по поводу истор ческаго учебника г. Шуфа *).

Въ февральской книжкѣ „Вѣстника Европы" за 1869 годъ была напечатана рецензія, поводу моего учебника, и я отвѣчаю на нее единственно на основаніи слѣдующаго сообр женія: не вся читающая публика имѣетъ время и возможность сличить замѣчанія о мо книгѣ, высказанныя въ той рецензіи, съ самою книгою, и въ моемъ молчаніи многіе могу видѣть невольное согласіе съ мнѣніями рецензента журнала. Рецензентъ говоритъ: «Уже и предисловія видно, что г. Шуфъ боится всякой самостоятельности; высказывая самыя обы новенныя, *общепринятыя* мысли о преподаваніи исторіи, онъ считаетъ своею обязанност ссылаться на Шульгина, Кампе, Овсянникова, Шварца, Петера и проч.».

Мысли о томъ, что гимназическій курсъ исторіи слѣдуетъ раздѣлять на приготовительн и систематическій, что приготовительный или элементарный курсъ исторіи, долженъ состоя изъ біографій, что на первой ступени обученія исторію должно излагать въ формѣ эпизод ческой и монографической, что въ этотъ курсъ исторіи должно ввести для наглядности обозр

*) Отвѣтъ автора могъ бы быть принятъ интересующимися его дѣломъ за рекламу, потому сочли полезнымъ для автора и его труда—въ выноскахъ, при каждомъ пунктѣ, помѣстить объясн нія нашего рецензента, которыя послужатъ доказательствомъ, что высказанное нами мнѣніе о тру г. Шуфа было вызвано необходимостью дать истинное понятіе объ учебникѣ, независимо отъ то что думаетъ самъ авторъ о собственномъ произведеніи. — *Ред.*

ie художественныхъ памятниковъ, что курсъ исторіи должно начинать съ исторіи извѣстной ѣстности (напр. *исторіи Москвы*), что методъ преподаванія исторіи долженъ быть *эвристическій* т. д., всѣ эти мысли, которыя я высказываю въ предисловіи къ моей книгѣ (см. предисловіе —X), считать *общепринятыми* и *самыми обыкновенными* значитъ ровно ничего не знать обо семъ этомъ. Пусть укажетъ мнѣ критикъ хотя *одно* заведеніе, гдѣ принято преподаваніе исторіи а такихъ началахъ, пусть укажетъ мнѣ хотя *одинъ учебникъ* не только Русской Исторіи, о и Всеобщей, составленной на основаніи этихъ началъ! Всѣ эти мысли не только не считаются очень *обыкновенными* и *общепринятыми*, но онѣ служатъ предметомъ жаркихъ споовъ между педагогами. Критикъ называетъ ихъ пренаивно общепринятыми! Я ссылаюсь, напримѣръ, на Петера, который желаетъ между прочимъ замѣнить *обыкновенное* и *общепринятое* преподаваніе Исторіи чтеніемъ историческихъ сочиненій съ учениками, а критикъ, не имѣя и малѣйшаго понятія объ этомъ вопросѣ, думаетъ, что все это—дѣло самое обыкновенное и, лавное — *общепринятое*. Позволительно критику не имѣть понятія о вопросахъ преподаванія исторіи, но *благородно-ли* судить о томъ чего мы не знаемъ и не понимаемъ [1])? Но говоря, что въ моихъ мнѣніяхъ о преподаваніи исторіи нѣтъ самостоятельности, критикъ намѣренно умалчиваетъ о IX и X страницахъ моего предисловія, гдѣ я говорю о сократическомъ преподаваніи исторіи. Пусть онъ мнѣ укажетъ, гдѣ заимствовалъ я этотъ способъ преподаванія исторіи [2])?

Вотъ и другія мѣста, которыя мы не можемъ оставить безъ опроверженія:

1) Рецензентъ говоритъ: «домовому — (т. е. посвящено въ моемъ учебникѣ) *4 страницы, русалкамъ — еще больше*». Между тѣмъ въ моемъ учебникѣ *всѣ* религіозныя вѣрованія языческихъ Славянъ излагаются на *одной* страницѣ (3 страница) [3]). Сверхъ того, авторъ рецензіи считаетъ этотъ предметъ *неважнымъ* и обвиняетъ меня въ томъ, что «выборъ матеріала у меня *совершенно случайный*». Неужели говорить о религіозныхъ вѣрованіяхъ — значитъ выбирать матеріалъ совершенно случайно? Вотъ образецъ возвышенныхъ взглядовъ критика на событія, а онъ говоритъ, что я не отличаюсь такими возвышенными взглядами [4]).

2) Критикъ говоритъ, что въ моемъ учебникѣ *«объ уложеніи* Алексѣя Михайловича — ни слова»; но на страницѣ 78 моей книги читатель можетъ прочесть слѣдующее: «Въ 1649 году царь издалъ *Уложеніе*, т. е. Сборникъ законовъ. Уложеніе предписываетъ судьямъ «судить вправду, и ни въ чемъ *другу не дружите* а *не другу не мстите*» и т. д. [5]).

[1]) Мы не можемъ воспользоваться позволеніемъ г. Шуфа,—«не имѣть понятія о вопросахъ преподаванія исторіи», и согласимся развѣ съ тѣмъ, что это понятіе необходимо не одному критику, но и автору учебника. Во всемъ же сказанномъ до сихъ поръ, г. Шуфъ опровергаетъ самого себя, не насъ. Мы говорили, что г. Шуфъ считаетъ необходимымъ ссылаться на Шульгина, Овсянникова т. д. даже и тогда, когда онъ высказываетъ самыя обыкновенныя, общепринятыя мысли; а г. Шуфъ возражаетъ намъ такъ, какъ будто мы утверждали, что мысли о наглядномъ обученіи, о началѣ исторіи съ извѣстной мѣстности и т. д. суть мысли общепринятыя. Немного логики, — и г. Шуфъ не сдѣлалъ бы намъ возраженія. *Рец.*

[2]) Еще разъ повторяемъ, что мы не имѣли въ виду оповѣщать объ изобрѣтеніи г. Шуфомъ сократическаго преподаванія исторіи, а только указали, какъ выше сказано нами, на забавный пріемъ автора ссылаться, при высказываніи самыхъ обыкновенныхъ мыслей, на авторитеты г. Шульгина и другіе. *Рец.*

[3]) Если выше автору могла бы оказать услугу логика, то въ этомъ случаѣ онъ слишкомъ поторопился отвѣтомъ: авторъ возражаетъ на опечатку, указанную нами еще прежде въ мартовской книгѣ. *Рец.*

[4]) Опять борьба съ собственнымъ мнѣніемъ: мы говорили, что «авторъ не отличается ни талантомъ изложенія, ни самостоятельностью, ни способностью отличать важное отъ неважнаго» и т. д.; авторъ увѣряетъ, что мы считаемъ религіозные предметы неважнымъ дѣломъ. Уча другихъ добросовѣстности, надобно быть и самому добросовѣстнымъ. *Рец.*

[5]) Въ поправкахъ мартовской книги мы уже возвѣстили о находкѣ нами «Уложенія» въ учебникѣ г. Шуфа, и потому его притязанія опоздали. *Рец.*

3) Авторъ рецензіи говоритъ: «въ біографіи Алексѣя Михайловича говорится *гораз больше* о жизни Никона, чѣмъ о самомъ героѣ. Это также несправедливо, ибо объ Алексѣ Михайловичѣ у меня говорится на четырехъ (4) страницахъ (77, 78, 79, 80), а о Никон только на двухъ, 81, 82; что же больше: 4 страницы или 2? Сверхъ того объ Алексѣѣ Ми хайловичѣ у меня говорится также и въ біографіи Никона, и въ біографіи Б. Хмельницкаго [6]

4) Онъ говоритъ: «Исторіи Западной Руси посвящено всего *нѣсколько строкъ*». У мен объ этомъ говорится на слѣдующихъ страницахъ: 83, 84 и 85, да сверхъ того въ біографі Б. Хмельницкаго идетъ рѣчь о томъ же предметѣ! Значитъ ли это нѣсколько строкъ? Ка жется я сдѣлалъ довольно извлеченій изъ этой рецензіи, чтобы читатель могъ составить себ о ней ясное понятіе [7]).

«Руководящею нитью для своихъ разсказовъ — говоритъ рецензентъ — авторъ избрал «Краткіе очерки русской Исторіи» г. Иловайскаго и «Учебную книгу русской Исторі г. Соловьева, *не упомянувъ* однако *въ числѣ источниковъ*, которыми пользовался, этихъ книг Я пользовался сочиненіемъ г. Соловьева «Исторія Россіи» и указалъ это сочиненіе въ числ источниковъ въ своемъ предисловіи; *каждый спеціалистъ* знаетъ, что, пользуясь «Исторіе Россіи», лишнее пользоваться «Учебною книгою русской исторіи» того же автора, а также «Краткими Очерками» г. Иловайскаго. Въ доказательство своего мнѣнія рецензентъ говорит «Краткіе очерки Иловайскаго начинаются такъ: «Восточная половина Европы имѣетъ вид сплошной однообразной равнины, предѣлы которой ограничиваются четырьмя морями тремя горными хребтами». Разсказы г. Шуфа начинаются такъ: «Восточная Европа имѣет видъ обширной равнины, которая простирается отъ Бѣлаго моря до Чернаго и отъ Балтіі скаго до Уральскихъ горъ». Заимствованіе поразительное! Критикъ торжествуетъ. Но я по волю себѣ спросить автора рецензіи: почему онъ знаетъ, что я заимствовалъ эту фразу из учебника г. Иловайскаго? Вѣдь образованному человѣку извѣстно, что «Исторія Россіи» Со ловьева начинается такъ: «Предъ нами *обширная равнина* на огромномъ разстояніи отъ *Бѣ лаго моря до Чернаго* и *отъ Балтійскаго до Каспійскаго*...» (Исторія Россіи, томъ I, стр. 1) [8]

Другой примѣръ: «*перефразируя характеристику* славянъ изъ Иловайскаго, г. Шуфъ го воритъ: «погребеніе у славянъ совершалось слѣдующимъ образомъ: родственники сожигал мертвеца на кострѣ, собирали его пепелъ въ сосудъ и ставили оный на столбѣ, подлѣ дороги У г. Иловайскаго: «въ нѣкоторыхъ мѣстахъ мертвеца сожигали на кострѣ; пепелъ его соби рали въ сосудъ и ставили на столбѣ, гдѣ сходилось нѣсколько дорогъ». Критикъ нашел нужнымъ *опустить характеристику* славянъ у меня и у г. Иловайскаго, потому что эт не подходитъ къ его цѣли и остановился на сравненіи описанія *только одного обычая* погр бенія; но это описаніе я заимствовалъ не у г. Иловайскаго, а *перевелъ* почти *буквально* слѣ дующее мѣсто изъ лѣтописи Нестора: «по семъ творяху кладу велику, и възложахуть и *н кладу мертвеца сожьжаху* — родственники *сожигали мертвеца на кострѣ* (у меня); а п семъ *собравше кости,* вложаху *въ судину* малу»—*собирали* его *пепелъ въ сосудъ; и постав ху на столпѣ на путехъ»* — *и ставили оный на столбѣ подлѣ дороги* [9]).

---

[6]) Мы не понимаемъ такого примѣненія ариѳметики къ исторіи. Конечно, 4 больше 2; но из 4 страницъ статьи объ Алексѣѣ Михайловичѣ посвятить двѣ—на жизнь Никона, это значитъ очен мало сказать объ избранномъ предметѣ—вотъ все, что мы хотѣли сказать, и что совершенно спр ведливо. *Рец.*

[7]) Но авторъ болѣе даетъ понятіе о себѣ, ограничиваясь придирками къ выраженіямъ, чтоб тѣмъ избавить себя отъ спора о существенномъ. Его 83, 84, 85 стр., сравнительно съ важность предмета, все же, составляютъ нѣсколько строкъ. *Рец.*

[8]) Вотъ случай, гдѣ намъ приходится извиниться предъ авторомъ: онъ долженъ лучше насъ знат у кого онъ вынималъ фразы, и если нынѣшній разъ онъ воспользовался г. Соловьевымъ, а н г. Иловайскимъ, то мы по неволѣ должны согласиться съ нимъ, а онъ за то согласится съ сущн стью нашей мысли, а именно, что онъ занимаетъ у другихъ не только мысли, но и слова, и эт дѣлается имъ иногда въ ущербъ мысли. *Рец.*

[9]) Если бы мы и допустили, что г. Шуфъ писалъ свой трудъ по непосредственнымъ источникам

Третій примѣръ еще болѣе наивный и забавный: «перефразируя г. Иловайскаго, г. Шуфъ говоритъ, что «Хмельницкій получилъ отличное образованіе», между тѣмъ какъ у г. Иловайскаго *эта фраза* выражена гораздо точнѣе, именно: «отличное *по тому времени* образованіе». Прошу открыть сочиненіе Костомарова: «Богданъ Хмельницкій», гдѣ на 43 стр. авторъ говоритъ о Хмельницкомъ: «получилъ отличное воспитаніе». Г. Костомаровъ выражается не такъ точно, какъ г. Иловайскій вѣроятно потому, что сочиненіе свое онъ издалъ въ 1859 г. и слѣдовательно не могъ поучиться точности выраженій у г. Иловайскаго!! [10]).

Стоитъ ли послѣ этого говорить объ остальномъ въ этой рецензіи? Впрочемъ вотъ замѣчательныя мѣста: 1) «выборъ матеріала для біографій *совершенно случайный*, о чемъ можно судить потому что.... о такихъ личностяхъ какъ Ломоносовъ ни слова (т. е. въ моей книгѣ)»; я не говорю о Ломоносовѣ точно также, какъ и о Державинѣ, Пушкинѣ и пр. писателяхъ, потому что все это относится къ *исторіи литературы*, а проходить оную въ III классѣ гимназіи я не считаю возможнымъ. Какъ же изъ этого могъ заключить критикъ, что у меня выборъ матеріала случайный? Вѣдь въ руководствѣ г. Иловайскаго говорится объ этихъ писателяхъ; если я заимствовалъ *содержаніе* учебника, и *планъ* его у г. Иловайскаго, то почему бы мнѣ не сказать о Ломоносовѣ [11])! Критикъ желаетъ какъ видно проходить Исторію Русской Литературы съ учениками III класса! 2) Рецензентъ приводитъ мѣсто моего учебника, гдѣ я излагаю содержаніе знаменитаго наказа Екатерины II: «далѣе она говоритъ, что пытка при судебныхъ дѣлахъ не можетъ служить средствомъ узнать истину, потому что человѣкъ, имѣющій слабое сложеніе (*а сильное?* спрашиваетъ критикъ) не въ силахъ выносить страданій и т. д.» Какъ это мило, читатель! Я привожу слова Наказа: «пытка есть надежное средство осудить невиннаго, имѣющаго *слабое сложеніе*....», а критикъ наивно ставитъ вопросъ: «а сильное?» Не могу же я передѣлывать наказъ Екатерины [12])! Не считаю нужнымъ говорить болѣе о другихъ ошибкахъ, которыми переполнена рецензія, ибо разсмотрѣннаго вполнѣ достаточно, чтобы составить себѣ понятіе о рецензіи.

А. Шуфъ.

о и въ такомъ случаѣ его обвиняемъ въ неумѣньи ими пользоваться. Несторъ говоритъ не о всѣхъ славянахъ, а у г. Шуфа говорится о погребеніи вообще у всѣхъ славянъ. Мы и предложили ему вопросъ (у всѣхъ?); но на это отвѣчать автору показалось менѣе удобно, и онъ избралъ потому другую тему. *Рец.*

[10]) Н. И. Костомаровъ, говоря о *воспитаніи* выразился совершенно точно; но у г. Шуфа дѣло идетъ объ *образованіи* Хмельницкаго, и потому очевидно, г. Шуфъ, какъ то мы доказывали, почерпалъ свои свѣдѣнія, или лучше сказать, слова и фразы у г. Иловайскаго, который также говоритъ объ образованіи Хмельницкаго, но выражается точнѣе. И такъ третій примѣръ «наивенъ и забавенъ», но не по отношенію насъ. *Рец.*

[11]) Но въ томъ то и дѣло, что заимствованіе сдѣлано неудовлетворительно, о чемъ мы постоянно и говорили. *Рец.*

[12]) По всему видно, что автору учебника неизвѣстно правило помѣщать чужія слова въ кавычкахъ. То, что въ Наказѣ составляетъ историческую черту, характеризующую составителя, въ школьномъ учебникѣ естественно вызываетъ сдѣланную нами замѣтку, которая относилась, конечно, не къ Наказу, а къ автору, не умѣющему обращаться съ источниками. *Рец.*

М. Стасюлевичъ.

СОДЕРЖАНІЕ

ВТОРОГО ТОМА.

ЧЕТВЕРТЫЙ ГОДЪ.

МАРТЪ — АПРѢЛЬ, 1869.

Книга третья. — Мартъ.

Книга четвертая. — Апрѣль.

Исторія политическихъ ученій. Соч. *Б. Чичерина.* М. 1869. Стр. 444. Ц. 3 руб.

При тѣсной связи исторіи политическихъ ученій съ практическимъ развитіемъ государственныхъ учрежденій и съ успѣхами политическаго образованія, понятно, что сочиненіе г. Чичерина можетъ возбудить большой интересъ, и мы надѣемся ближе познакомить читателей съ этимъ трудомъ. Заключивъ общія понятія о своемъ предметѣ въ краткомъ введеніи, авторъ представляетъ довольно полную характеристику древнихъ политическихъ ученій Платона, Аристотеля, Поливія и Цицерона. Далѣе, авторъ останавливается на отцахъ церкви и средневѣковой схоластикѣ; ученіе эпохи реформаціонной, Томасъ Моръ, Маккіавелли и, наконецъ, Боденъ, заканчиваютъ первый томъ труда г. Чичерина, составляющій начало курса, читаннаго имъ въ Москвѣ, и обработаннаго, какъ говоритъ авторъ, «въ деревенской тиши, гдѣ успокоилось чувство, возмущенное человѣческою неправдою». Вообще, въ изученіи прошедшаго есть всегда много утѣшительнаго, хотя авторъ вѣроятно согласится съ нами, что утѣшеніе прошедшимъ само по себѣ уже не утѣшительно, и принадлежитъ, конечно, къ числу самыхъ послѣднихъ утѣшеній.

Уральское горное хозяйство, и вопросъ о продажѣ казенныхъ горныхъ заводовъ. Изслѣдов. В. П. Безобразова. Спб. 1869. Стр. 343, съ прилож. и статистич. таблицами. Цѣна (?)

Въ 1867 г., коммиссія, учрежденная для пересмотра системы податей и сборовъ, составила проектъ правилъ о продажѣ казенныхъ горныхъ заводовъ въ частныя руки. Но, чтобы продать, необходимо имѣть ближайшія свѣденія о настоящемъ хозяйственномъ положеніи горныхъ заводовъ, на что отвѣчаетъ весьма подробно и обстоятельно изслѣдованіе В. П. Безобразова, изучившаго свой предметъ на мѣстѣ. Къ результатамъ своихъ наблюденій авторъ присоединяетъ и мѣстное общественное мнѣніе: «продажа казенныхъ заводовъ ожидается на Уралѣ съ радостными надеждами, во всѣхъ слояхъ народонаселенія, даже въ кругу образованнѣйшихъ горныхъ инженеровъ, для которыхъ нынѣшнее несостоятельное и во всѣхъ отношеніяхъ обидное положеніе этихъ заводовъ въ высшей степени тягостно». Авторъ не скрываетъ, что эти надежды омрачаются преданіями о подобной попыткѣ въ XVIII столѣтіи; «но—прибавляетъ онъ — привилегированный характеръ этой мѣры, которою тогда воспользовались высокопоставленныя лица съ цѣлями личнаго обогащенія при продажѣ казенныхъ заводовъ, не имѣетъ ничего общаго съ современною государственною задачею». Такіе труды, какъ этотъ трудъ г. Безобразова, служатъ къ просвѣщенію общественнаго мнѣнія, и потому заслуживаютъ полнаго вниманія публики.

Договоры Россіи съ Востокомъ, политическіе и торговые. Собр. и изд. *Т. Юзефовичъ.* Спб. 1869. Стр. 894. Ц. 1 р. 50 к.

При томъ интересѣ, который по временамъ возбуждается восточнымъ вопросомъ, документальное изданіе договоровъ съ нашими восточными сосѣдями, появляющееся въ первый разъ въ изданіи г. Юзефовича, удовлетворитъ потребности многихъ, слѣдящихъ за политикою. Предложивъ историческій обзоръ сношеній Россіи съ Востокомъ, издатель помѣщаетъ 20 договоровъ съ Турціею, отъ 1700 г. 1856 г.; 6 договоровъ съ Персіею, отъ 1723 до 1828 г.; 8—съ Китаемъ, отъ 1669 г. до 1862 г. и 3—съ Японіею, въ 1855, 58 и 67 гг. Авторъ говоритъ вообще, что нѣкоторые изъ договоровъ были помѣщены въ иностранныхъ изданіяхъ, а нѣкоторые нигдѣ еще не напечатаны; но слѣдовало бы при каждомъ договорѣ указать на текстъ, которымъ руководился собиратель, такъ какъ его изданіе, будучи частнымъ, не представляетъ никакихъ гарантій въ отношеніи автентичности.

Руководство къ исторіи искусства, Франца Куглера, обработан. В. Любке. Перев. съ нѣм. *Е. Коршъ.* Изд. К. Т. Солдатенкова. Ч. I. Съ 320 рисунк. М. 1869. Стр. 610. Ц. 5 руб.

Фр. Куглеръ первый въ наше время замыслилъ обозрѣть въ системѣ послѣдовательное развитіе искусства отъ первыхъ попытокъ до позднѣйшихъ твореній геніальныхъ художниковъ. Отсутствіе русскаго перевода классическаго труда Куглера было весьма чувствительно; но его и трудно было ожидать, такъ какъ подобное изданіе по стоимости своей требуетъ большихъ затратъ, чтобы быть достойнымъ подлинника. Въ этомъ отношеніи, изданіе Куглера Т. И. Солдатенковымъ не оставляетъ желать ничего лучшаго: переводъ какъ нельзя болѣе удовлетворителенъ; многочисленные рисунки выполнены превосходно. При относительно дешевой цѣнѣ, это лучшій подарокъ, какой можно сдѣлать нашимъ любителямъ художествъ.

Письма о Греціи, въ 1865-67 гг. *С. Н.* Спб. 1869. Стр. 212. Ц. 1 р.

Автору писемъ случилось въ 1866 г. провести нѣсколько недѣль въ Аѳинахъ и Корфу; въ свои письма онъ заносилъ безъ особыхъ претензій всѣ свои личныя впечатлѣнія, какъ туристъ, изъ всего видѣннаго и слышаннаго имъ отъ лицъ, встрѣчавшихся на прогулкахъ, въ пути и т. п.; безъ сомнѣнія, кратковременность путешествія принудила автора писемъ ограничиться наблюденіями надъ одною поверхностною стороною жизни края, на столько же интересною для насъ, на сколько мало знакомо намъ современное состояніе его культуры.

ПРАВИЛА ПОДПИСКИ

НА „ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ".

1. Подписка принимается только на годъ (допущенная въ началѣ года полугод-
вая подписка прекращается съ 1-го апрѣля; но подписавшіеся на первое полугод
удерживаютъ за собою право возобновить въ іюнѣ подписку на второе полугодіе
1) *безъ доставки*—14 руб.;—2) *съ доставкою на домъ въ Спб. по почтѣ*, и *въ Москв
чрезъ кн. маг. И. Г. Соловьева* — 15 руб.; 3) *съ пересылкою* въ губерніи и въ Москв
по почтѣ — 17 рублей.

2. *Городскіе подписчики въ Спб.*, желающіе получить журналъ съ доставкою, о
ращаются въ Контору Редакціи, и получаютъ билетъ, вырѣзанный изъ книгъ Реда
ціи; при этомъ, во избѣжаніе ошибокъ, просятъ представлять свой адресъ письмен
а не диктовать его, что бываетъ причиною важныхъ ошибокъ. — Желающіе получа
безъ доставки присылаютъ за книгами журнала, прилагая билетъ для помѣтки выда

3. *Городскіе подписчики въ Москвѣ*, для полученія журнала на домъ, обращают
съ подпискою въ кн. магазинъ И. Г. Соловьева, и вносятъ только 15 рублей; жела
щіе получать по почтѣ адрессуются прямо въ Редакцію, и присылаютъ 17 рублей.

4. *Иногородные подписчики* обращаются: 1) *по почтѣ*, исключительно въ Реда
цію, и при этомъ сообщаютъ подробный адрессъ съ обозначеніемъ: имени, отчес
фамиліи и *мѣста той Почтовой Конторы*, съ указаніемъ ея губерніи и уѣзда, (е
она не въ губернскомъ и не въ уѣздномъ городѣ), куда можно прямо адрессов
журналъ, и куда полагаютъ обращаться сами за полученіемъ книгъ;—2) *лично*, или чр
своихъ коммисіонеровъ въ Спб., въ Контору, открытую для городскихъ подписчиков
Подписка въ Почтовыхъ Конторахъ не допускается.

5. *Иностранные подписчики* обращаются: 1) *по почтѣ* прямо въ Редакцію,
и иногородные; 2) *лично*, или чрезъ своихъ коммиссіонеровъ въ Спб., въ Контор
городскихъ подписчиковъ, внося за экземпляръ съ пересылкою: *Пруссія* и *Гер*
18 руб.; *Бельгія*—19 руб.; *Франція* и *Данія*—20 руб.; *Англія, Швеція, Испані
тугалія* — 21 руб.; *Швейцарія* — 22 руб.; *Италія* и *Римъ* — 23 рубля.

6. Въ случаѣ неполученія книги журнала, подписчикъ препровождаетъ
прямо въ Редакцію, съ помѣщеніемъ на ней свидѣтельства мѣстной Почтовой
торы и ея штемпеля. По полученіи такой жалобы, Редакція немедленно представ
въ Газетную Экспедицію дубликатъ для отсылки съ первою почтою; но безъ св
тельства Почтовой Конторы, Газетная Экспедиція должна будетъ предварительно
ситься съ Почтовою Конторою, и Редакція удовлетворитъ только по полученіи
вѣта по...ѣдней.

7. «Вѣстникъ Европы» выходитъ перваго числа ежемѣсячно, отдѣльными кни
отъ 25 до 30 листовъ: два мѣсяца составляютъ одинъ томъ, около 1000 страни
шесть томовъ въ годъ. Для городскихъ подписчиковъ и получающихъ безъ доста
книги сдаются въ Контору и на Городскую Почту въ день выхода книги, а для
городныхъ и иностранныхъ — въ теченіи первыхъ пяти дней мѣсяца.

8. Городскимъ подписчикамъ журналъ доставляется въ глухой обложкѣ безъ ад
совъ; иногороднымъ въ такой же обложкѣ съ адрессами; иностраннымъ — въ ба
ролях съ адрессами.

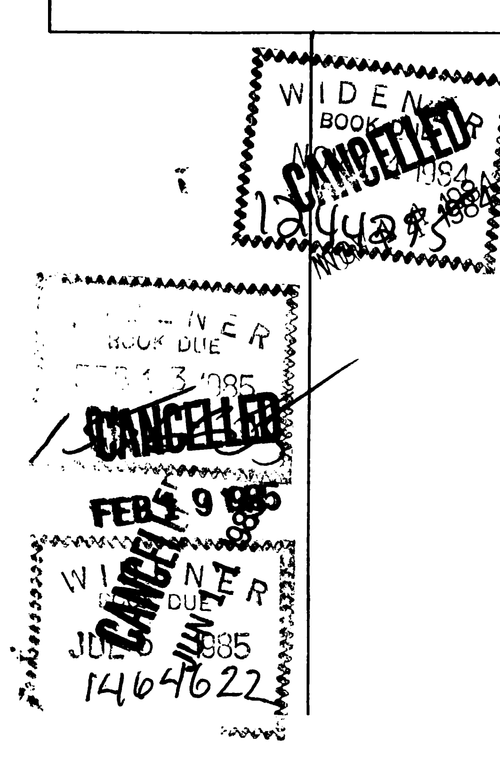
М. Стасюлевичъ
Издатель и отвѣтственный редакт

РЕДАКЦІЯ «ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ»:
Галерная, 20.

ГЛАВНАЯ КОНТОРА ЖУРНАЛА
Невскій просп., 30.

☛ Редакція проситъ выславшихъ подписную сумму на 1869 годъ, по преж-нимъ объявленіямъ, а именно 16 рублей, дослать ей одинъ рубль для передачи Почтамту.

Типографія Ф. С. Сущинскаго, Могилевская, 7.

CANCELLED
BOOK DUE
CANCELLED
CANCELLED
1464622